

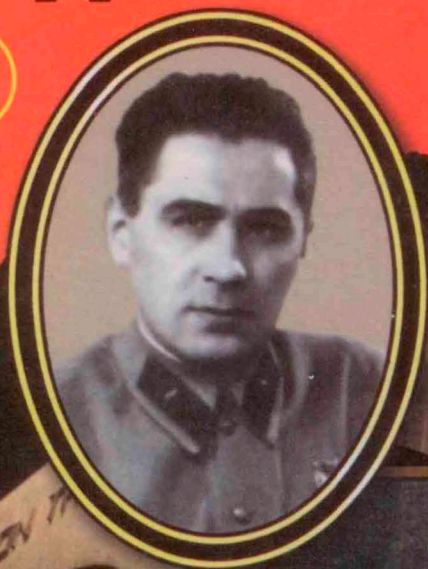
Андрей СУДОПЛАТОВ

ДОСЬЕ

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГЕНЕРАЛА СУДОПЛАТОВА

ПРАВДА
И ВЫМЫСЛЫ
О МОЕМ ОТЦЕ

1

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Андрей Судоплатов

**ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
ГЕНЕРАЛА СУДОПЛАТОВА**

Правда и вымыслы о моем отце

Книга первая

Москва
«СОВРЕМЕННОК»
«ОЛМА-ПРЕСС»
1998

Серия «Досье»

Судоплатов А. П.

С89

Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце: В 2 кн. Кн. 1. — М.: Современник: Олма-Пресс, 1998. — 510 с.: ил. — (Серия «Досье»).

ISBN 5-270-01281-2 (Кн. 1)

Павла Анатольевича Судоплатова уже при жизни считали асом шпионажа, а вернее сказать, гроссмейстером сталинской политической разведки. Личность эта — воистину легендарная, на счету у которой немало громких дел: спецоперации, организация боевой работы в тылу врага, обеспечение ценнейшей информацией наших ученых-атомщиков. Но судьба распорядилась таким образом, что имя Судоплатова, одного из талантливейших разведчиков-нелегалов, ставшего впоследствии генерал-лейтенантом, руководителем разведывательно-диверсионных и террористических спецслужб, на долгие годы было вычеркнуто из истории органов государственной безопасности нашего отечества. В 1953 году он был несправедливо арестован как «ближайший пособник Берия» и пятнадцать лет нес свой тяжкий крест в камере знаменитой Владимирки. Автор этой книги Андрей Судоплатов (Каганов), старший сын Павла Анатольевича, значительно расширил рамки того, что стало уже известно о судьбе и карьере выдающегося разведчика. Читателю доведется познакомиться с рядом новых документов и свидетельств людей, близко знавших П. А. Судоплатова, а также с личными впечатлениями автора, которые он сохранил в памяти, беседуя с отцом в разные годы на различные темы.

Настоящее издание состоит из двух книг, снабжено широким приложением и справочным аппаратом, богато иллюстрировано.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-270-01281-2 (Кн. 1)

ISBN 5-270-01280-4

ISBN 5-224-00137-4

© А. Судоплатов (Каганов), 1998
© А. Колпакиди, литературная запись, 1998
© Обработка текста, составление приложения, подбор фотоиллюстраций, Издательство «Современник», 1998
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», оформление, 1998

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Долгие годы имя Павла Анатольевича Судоплатова, генерал-лейтенанта государственной безопасности СССР, руководителя разведывательно-диверсионных и террористических спецслужб нашей страны, было практически никому не известно. Однако в последние годы, в связи с выходами сначала в США, потом в ряде других стран и, наконец, в России книги его воспоминаний, вряд ли найдется еще хоть один чекист, после Дзержинского, Ежова, Берия, о котором столько бы писали, снимали документальных фильмов в нашей стране и за рубежом. Сотни статей, теле- и радиопередач с характерными названиями «Главный диверсант Страны Советов», «Терминатор № 1», «Узник XX съезда» заполнили газеты и телеэкраны. Постепенно этот человек превращается, как это модно сейчас выражаться, в культовую фигуру.

Автор этой книги на вопрос, как он воспринимает всю эту шумиху вокруг имени его отца, сказал: «Мне неприятно наблюдать, как на моих глазах человек, которого я хорошо знал и любил, превращается то в главного супермена XX века, то в вульгарного злодея, убийцу и палача, в зависимости от фантазии или политических пристрастий очередного автора. Кроме того, серьезные возражения вызвали у меня сами его так называемые «воспоминания». Это, конечно, не воспоминания в том смысле, как мы привыкли об этом думать, а плод труда нескольких авторов, причем отец явно не был среди них основным. Знакомясь с переводом вышеуказанной в США книги, первое, что приходит на ум, то, что целью его зарубежных соавторов было не стремление разобраться в исторической истине, а намерение создать ажиотаж вокруг тех проблем, которыми в свое время довелось заниматься моему отцу...»

Нелегкая судьба выпала на долю Судоплатова. Имя его — легенда, а вся его жизнь — борьба. И борьба не только с врагами советской власти, за которую он начал сражаться с двенадцати лет, не только схватка с гитлеровскими фашистами, но и за собственную жизнь.

Генерал Судоплатов выполнял «особо важные — специальные и секретные» задания политического руководства страны. В его послужном списке — нелегальная разведывательная работа в ряде стран Европы, ликвидация по заданию И. В. Сталина лидера украинских националистов, одного из надежных сателлитов Адольфа Гитлера Е. Коновальца, разработка покушения на Льва Троцкого в Мексике, активное участие в создании отряда особого назначения НКВД (ОМСБОН), партизанских соединений и разведывательно-диверсионных групп, которые внесли значительный вклад в разгром гитлеровских захватчиков. Но не только боевая работа была на счету у П. А. Судоплатова. На его долю — одного из руководителей советской политической разведки — выпало обеспечение ценнейшей информацией наших ученых-атомщиков.

Но блестящая карьера генерала Судоплатова была прервана на зрелой витке его жизни — 21 августа 1953 года он был арестован как «ближайший пособник Берия» и приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Ни смена властей предрекающих, ни ходатайства боевых соратников и близких не повлияли на решение суда — свой крест он нес «от звонка до звонка» и был выпущен на свободу в 1968 году.

Трагедия П. А. Судоплатова — это трагедия практически всех наших спецслужб, которые использовались как безотказный механизм в проведении в жизнь политики Кремля. Сам П. А. Судоплатов вспоминает такой эпизод. Было это после того, как Лев Троцкий ушел в небытие. Вручая за отлично проведенную операцию ордена, Председатель Президиума ВЦИК М. И. Калинин заверил ее участников, что руководство партии будет всегда благодарно за отличную работу, и пообещал всем всяческую помощь. Однако когда эта помощь действительно требовалась, партийное руководство поспешило отвернуться от своих верных солдат, более того, оно сделало их козлами отпущения.

Эта книга, созданная сыном П. А. Судоплатова — Андреем Павловичем Судоплатовым-Кагановым, при активной помощи историка Александра Колпакиди, значительно расширяет рамки того, что нам стало уже известно о судьбе и карьере выдающегося советского разведчика генерал-лейтенанта Судоплатова. В ней читатель найдет не только много новых документов и свидетельств людей о многогранной деятельности одного из последних мистиков разведки старой советской школы, но и познакомится с личными впечатлениями автора, которые он сохранил в памяти, беседуя с отцом на разные темы в разные годы их совместной жизни, дополнит свои знания о людях, которые окружали его отца. Имена многих из них овеяны славой и стали легендарными. В книге довольно откровенно показан семейный быт Судоплатовых, их интересы, увлечения. Много неизвестного в книге и о матери Андрея — Эмме Карловне, жене Павла Анатольевича, которая много лет отдавала советской разведке, дослужившись до старшего офицера государственной безопасности.

Конечно, книга не претендует на всеохватность проблем, которыми по роду службы пришлось заниматься П. А. Судоплатову, всего этого по понятным причинам и не мог знать Андрей Судоплатов, но знания свои он пополнил из архивных источников спецслужб нашей страны, а также из воспоминаний людей, хорошо знавших П. А. Судоплатова.

Книга «Тайная жизнь генерала Судоплатова» выходит в двух томах. Оба тома снабжены обширным приложением, списком имен и фотоиллюстрациями из архива издательства и семейного альбома.

В одной из газет довелось прочитать, уже после кончины главного персонажа этой книги, такие слова: «Павел Анатольевич Судоплатов прожил достойную жизнь в мире с самим собой, в соответствии со своими идеалами и принципами, верность которым он пронес через все испытания».

Именно об этом и написана книга.

**ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
ГЕНЕРАЛА
СУДОПЛАТОВА**

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

СЫН ВЧК

Мой отец, Павел Анатольевич Судоплатов, родился в 1907 году на Украине, в городе Мелитополе. Мать у отца была молдаванка из Тирасполя Феодосия Терентьевна Палыга, а отец — украинец. Точного дня своего рождения, судя по всему, отец не знал. По крайней мере, просматривая многочисленные анкеты, заполненные отцом, я такового не обнаружил. И хотя, конечно, у нас в семье праздновали его день рождения 7 июля, думаю, что эта дата была условной. Впрочем, это было не редкостью в те времена. Отец уже незадолго перед смертью рассказывал, как его крестили в русской православной церкви на день Петра и Павла. По всей вероятности, день его рождения не далек от даты его крещения, отсюда и имя Павел.

Я помню эти именинные отцовы дни. Собирались всегда на даче, в узком кругу родных отца и матери. Приезжали близкие друзья: семьи Рыбкиных — Зоя Ивановна, Борис Аркадьевич — и Зубовых — Анна Васильевна и Петр Яковлевич. Дружба с этими людьми у моих родителей действительно была до конца их жизни искренняя и крепкая, испытанная временем. Так могли дружить, представлял я себе, только люди мужественные, смелые, солдаты «невидимого» фронта — разведчики. Но о роде их занятий конечно же я тогда не знал. Праздничный стол всегда «обеспечивала» бабушка Фаня (мать моей мамы). Делала она всегда это искусно. На столе были разные печености, сладости, морсы.

В возрасте семи лет мой отец пошел в мелитопольскую городскую школу, которую окончил в 1919 году.

Начальное образование отца, как и многих других его сверстников, включало в себя изучение Нового и Ветхого Заветов и основ русского языка, поскольку в царское время преподавание украинского в школах запрещалось. Пользовались им лишь в качестве разговорного. Кстати, дома отец разговаривал иногда с нами и на украинском языке, в шутку называл нас «хохлятскими детьми», разучивал со мной и братом украинские песни, иногда сам напевал по-украински, когда укладывал меня спать.

Семья, в которой рос мой отец, была с весьма скудным достатком, а в общем-то бедной. Не было даже собственного жилья, арендовали двухкомнатную квартиру в маленьком одноэтажном доме, принадлежащем домовладельцу Хроленко. Мой дед по отцовской линии, Анатолий Судоплатов, часто менял профессии: был разнорабочим, пекарем, булочником, поваром, официантом. Умер он в 1917 году от туберкулеза. После его смерти все заботы о семье легли на плечи матери и старшей сестры. Таким образом, 1917 год в биографии моего отца, как он сам не однажды об этом говорил, ознаменовался сразу двумя датами: смертью отца и крушением российской монархии.

Моя бабушка по отцу была домашней хозяйкой. После смерти мужа она занималась стиркой белья на дому. Будучи уже в преклонном возрасте, жила у своей дочери Надежды, однако отец постоянно поддерживал их материально. Он вообще был человеком с очень обостренными родственными чувствами, всегда стремился помочь, чем мог, своим близким.

В семье кроме моего отца было еще четверо детей, он был по возрасту четвертым. Старшая его сестра, наша тетя Надя, после войны работала бухгалтером в системе Министерства медицинской промышленности в Москве. Оказавший наибольшее влияние на отца старший брат Николай вступил в Красную Армию в 1918 году, через два года он стал бойцом в отряде ЧК, а затем почти непрерывно участвовал в боях на разных фронтах. В 1922 году он погиб при исполнении служебных обязанностей на польской границе. Еще один брат, Григорий, также служил в Красной Армии. После демобилизации в январе 1946 года он находился на хозяйственной работе, был директором Киевского консервного завода. И наконец, последний, младший брат Константин, по при-

меру отца, работал в органах государственной безопасности, однако большой карьеры не сделал. Он многие годы работал рядовым служащим в аппарате МГБ Московской области, откуда и был уволен в 1953 году.

Отцу было десять лет, когда произошла революция и власть взяли большевики. Поначалу жизнь в городе, рассказывал как-то он, мало в чем изменилась и все текло по заведенному прежде порядку. Однако, как только подошли к концу запасы продовольствия, начался хаос, сопровождавшийся бандитским террором. Восприятие событий того времени моим отцом можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, отец всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным «Азбуку революции», в то, что «общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов».

Когда началась Гражданская война, украинские националисты провозгласили независимую республику и официально в январе 1919 года объявили войну России и украинскому большевистскому руководству. Борьба эта фактически завершилась лишь в январе 1992 года, после того как украинское правительство в изгнании и весь остальной мир признали президента Кравчука законным главой суверенного государства Украина.

Свой жизненный выбор раз и навсегда отец сделал 26 июня 1919 года. Как мне сейчас кажется, для отца этот выбор был верным. По крайней мере, то, что сейчас творится на Украине, полностью подтвердило это.

В тот день отец убежал из дому и вступил в формирующийся в Мелитополе красноармейский полк, костяк которого составили рабочие города, активные участники борьбы за установление советской власти. Тогда полк под натиском белых уходил из Мелитополя вместе с другими частями Красной Армии. Полк во время отступления разгромили белые, и лишь небольшим группам бойцов удалось влиться в подразделения 44-й стрелковой дивизии Красной Армии в районе Киева. Позднее Павел Судоплатов принимал участие в боях под Киевом. Сражаться приходилось в основном не с белогвардейцами, а с войсками украинских националистов, пред-

водительствуемыми Петлюрой и Коновальцем, командиром корпуса «Сечевые стрельцы». Кстати, в 30-х, а затем еще раз в 40-х годах отец вновь принимал непосредственное участие в борьбе с украинскими националистами.

Интересно, что отец присоединился к большевикам не в момент их наступательных успехов, а в момент отступления и трагического развала Украинского фронта лета—осени 1919 года. Впрочем, он уже до этого дважды удирали из дома с целью вступления в Красную Армию, один раз сам вернулся, другой раз его вернули. В тот год отцу едва минуло двенадцать лет.

Километрах в тридцати от Мелитополя, в селе Веселом, комиссар отряда сделал попытку вернуть отца домой, но из этого ничего не вышло. Отец удрал от комиссара в отряд, бойцы которого оставили его у себя. Вместе с отрядом, после драматической переправы через Днепр, отец дошел до города Никополя Запорожской области. В этом городе из мелитопольцев был сформирован 1-й Мелитопольский рабоче-крестьянский полк, влившийся позднее в 5-ю Заднепровскую дивизию. Несколько позднее полк был переименован в 1-й ударный. Как позднее оказалось, в этой же дивизии в 1-м и во 2-м ударных полках служил и брат отца Николай.

Плохо вооруженный, практически необученный полк в районе Карнауховских хуторов был разгромлен войсками 3-го кубанского казачьего корпуса, которыми командовал атаман Шкуро. С группой бойцов отец попал в плен, в котором провел пару дней. Однако вскоре представился удобный случай бежать из плена. Воспользовавшись более чем либеральным отношением шкуровцев к горячительным напиткам, мелитопольцы прорыли подкоп и бежали из амбара, в котором их содержали. Однако ночью отец отбился от остальных бойцов и оказался один. Он отправился обратно в направлении Никополя, рассчитывая присоединиться к остаткам своего полка. Кроме того, он просто и не знал никаких других дорог.

Линию фронта он пересек благополучно, тем более что и линии фронта как таковой не было. Да и мало кто обращал внимание на двенадцатилетнего мальчишку. Такие беспризорники в то время тысячами шатались по дорогам Украины.

Вскоре отцу удалось примкнуть к одной из красноармейских групп, пробиравшихся также в направлении Никополя. Здесь их влили во 2-й ударный полк. Здесь же в Никополе отец встретил брата Николая. Вскоре к городу подошли белые — и полк эвакуировали в Кременчуг. По дороге отец заболел.

К этому времени Украинский фронт окончательно развалился, часть красноармейцев сумела прорваться на север на соединение с бойцами Красной Армии, другая часть вступила в отряды батьки Махно, а большинство осталось в тылу. 2-й ударный полк был переброшен в Николаев, а оттуда в Одессу. Здесь отец вновь потерял брата, после того как тот в составе одного из отрядов был брошен командованием одесского гарнизона на ликвидацию высадившегося на 16-й станции под Одессой белого десанта.

25 августа деникинские войска заняли Одессу. Отец все же оставался в ней до освобождения города Красной Армией в январе—феврале 1920 года. Находясь в Одессе, отец беспризорничал, некоторое время он плавал на паруснике по линии Одесса—Херсон, подрабатывал в порту и на базаре. В феврале 1920 года, после освобождения Одессы частями Красной Армии, отец вновь вступил в Красную Армию, на этот раз — в роту связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. Вместе с бригадой отец был направлен на фронт и оставался там вплоть до окончания советско-польской войны.

В этот период 41-я дивизия участвовала в разгроме войск Деникина в нижнем течении реки Днестр, затем в обороне Черноморского побережья и Днестра. Затем дивизия была переброшена на Польский фронт, в апреле—июне 1920 года участвовала в боях с белополяками в районе среднего течения реки Днестр, а также в боях против отрядов украинских националистов во главе с Тютюнником; в июне—июле — в наступлении в районе Волоческ — Кременец — Каменец-Подольский; в июле—августе — в форсировании рек Збруч, Серет, Золотая и Гнилая Липа, освобождении городов Терехов, Чертков, Галич, Рогатин. Однако после поражения советских войск под Варшавой дивизия отошла в район Каменец-Подольского.

В ноябре 1920 года 41-я дивизия участвовала в ликвидации петлюровских партизанских отрядов и освобож-

дении городов Могилев-Подольский и Каменец-Подольский. 21 декабря того же года дивизия была сведена в бригаду и влита в 44-ю дивизию 12-й армии, а с января 1921 года вошла в состав Киевского военного округа. В это время бойцам дивизии приходилось вести ожесточенную борьбу с отрядами украинских националистов, а также с махновскими бандами, совершающими рейды по Правобережной Украине.

В дивизии, где он служил, вместе сражались поляки, австрийцы, немцы, сербы и даже китайцы. Последнее, как вспоминал отец, были очень дисциплинированы и дрались до последней капли крови. Борьба шла жестокая, и случалось, что целые деревни оказывались уничтоженными украинскими националистами и бандформированиями: всего в ходе Гражданской войны на Украине погибло свыше миллиона человек. Отец как-то сказал, что его поколение привыкло к жестокостям той войны, потерям и лишениям. В состоянии войны страна находилась с 1914 года, и трагедия России заключалась в том, что до самого конца Гражданской войны, то есть до 1922 года, создать стабильное общество, опирающееся на нормальные, гуманные ценности, не представлялось возможным.

Сотрудники политотдела дивизии попытались отправить отца на учебу в Киев, однако непредвиденные обстоятельства спутали эти планы. Дело в том, что бойцы Особого отдела дивизии попали в засаду, устроенную украинскими националистами. Большинство из них погибло. В Особом отделе, в связи с понесенными потерями, срочно требовались телефонист и шифровальщик. Поскольку к тому времени отец уже окончил начальную школу, умел читать и писать, его определили в Особый отдел. Таким образом, отец в четырнадцать лет был послан на работу в органы безопасности. Это, очевидно, и было началом его службы в органах госбезопасности.

В мае 1921 года отец стал сотрудником Особого отдела 44-й дивизии, дислоцировавшейся в это время в городе Житомире, главном центре Волынской области. В органах ВЧК отец занимался разной технической работой. В ту пору у него были должности письмоводителя, регистратора, машиниста-систематизатора сначала в Особом отделе, а затем в губотделе ГПУ на Волыни.

Опыт, приобретенный отцом при выполнении обязанностей телефониста, а затем шифровальщика, оказался в дальнейшем ему очень полезен. Он печатал документы с грифом «секретно», посылавшиеся командованию, и расшифровывал телеграммы, которые Особый отдел получал непосредственно от главы ВЧК Феликса Дзержинского из Москвы.

Отец вспоминал, как 1921 год стал переломным в его жизни. Дивизия, в которой он служил, была переведена в Житомир. Главной задачей ее Особого отдела была помощь местной ЧК в проникновении в подполье украинских националистов, руководимых Петлюрой и Коновальцем. Их вооруженные банды устраивали диверсии против органов советской власти на местах. Возглавлявшим ЧК Потажевичу и Савину удалось установить диалог с руководителями банд и провести с ними неофициальные переговоры. Руководство Особого отдела тогда встретилось с ними в Житомире на явочной квартире. Мой отец, как младший сотрудник на подхвате, должен был проживать в доме, где находилась явочная квартира, и обслуживать переговоры. Опыт общения с главарями формирований украинских националистов, являвшимися, по существу, настоящими хозяевами в своей округе, помог отцу в дальнейшем, когда он стал оперативным работником госбезопасности. Он потом говорил, что на своей собственной шкуре испытал, каково иметь дело с заговорами в подполье.

Глава 2

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

Главными врагами чекистов Украины в это время являлись местные украинские националисты. Практически все 30 лет службы отца в органах государственной безопасности ему так или иначе приходилось иметь дело с этой публикой. Чтобы понять сущность этой борьбы, необходимо сделать небольшой исторический экскурс в историю украинского национализма, который в нынешнюю эпоху демократизации расцветает махровым цветом на территории ныне независимой Украины.

Война с украинскими националистами продолжалась почти два года и закончилась в 1922 году компромиссом: их главари приняли амнистию, которую дало им правительство Советской Украины. Произошло это лишь после того, как кавалерийский отряд в две тысячи сабель, посланный Коновальцем в Житомир, был окружен частями Красной Армии и сдался. Банда Коновальца потерпела сокрушительное поражение. В этих боях погиб мой дядя, старший брат отца Николай, служивший в погранвойсках на польской границе.

После захвата Украины деникинцами в 1919 году деятельность украинских органов государственной безопасности была временно прервана. Однако по мере освобождения территории Украины они вновь стали восстанавливаться, главным образом в виде фронтовых ЧК. В отдельных районах создавались следственные комиссии и территориальные судебно-следственные органы.

Только 17 марта 1920 года, уже после полного освобождения республики, Всеукраинский ЦИК принял декрет об образовании Цупчрезкома (Центрального управления чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности).

В отличие от прежней Всеукраинской ЧК, являвшейся только отделом Наркомата внутренних дел Украины, Цупчрезком учреждался непосредственно при Совнаркоме УССР и подчинялся только ему. Чуть позднее постановлениями Совнаркома республики разъяснялось, что Цупчрезком должен работать в тесном контакте с Наркоматами юстиции и внутренних дел. Местные органы Цупчрезкома являлись отделами исполкомов Советов, а заведующие губотделами юстиции и внутренних дел входили в состав коллегии губЧК, которая, в свою очередь, делегировала своего представителя в коллегия губернского ревтрибунала. Уездные чрезвычайные комиссии не создавались. Вместо них в составе милиции были образованы уездные политбюро, ведавшие борьбой с контрреволюцией и бандитизмом.

Ударной силой Цупчрезкома был Особый отдел. Его задачи заключались в охране границ, ведении контрразведки, борьбе со шпионажем и вышеупомянутым бандитизмом. Для борьбы с крупными бандами использовались войска внутренней охраны (ВОХР) и части осо-

бого назначения (ЧОН). Последние формировались местными партийными комитетами и находились у них в подчинении.

Понятно, что основную роль в Цупчрезкоме играли прибывшие из РСФСР русскоязычные чекисты. Местных кадров не хватало, да и те, что были, в подавляющем большинстве не были украинцами по национальности. Так, начальником Цупчрезкома стал В. Н. Манцев, одновременно являвшийся членом коллегии ВЧК и начальником Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов. Он был уже опытным чекистом — возглавлял до этого Московскую ЧК. Летом 1920 года деятельностью Цупчрезкома фактически руководил сам председатель ВЧК Дзержинский, формально назначенный по совместительству начальником тыла Юго-Западного фронта. Созданным на Правобережье Украины штабом тыла фронта руководил заместитель председателя ВЧК Яков Петерс.

Обстановка на Украине в этот период была столь тяжелой, что Всеукраинский ревком постановил даже не применять здесь январский 1920 года декрет ВЦИК и СНК РСФСР об отмене смертной казни.

Изгнанные еще в 1919 году националистические банды, отрядами их в то время назвать было просто невозможно, нашли приют в приграничных с Польшей районах в тылу у Деникина, образовав там так называемое «правительство Украинской народной республики» (УНР). В период триумфальных побед Красной Армии, окончившихся в феврале 1920 года освобождением Украины от деникинских войск, националисты решили воспользоваться ситуацией и направили войска во главе с Омеляновичем-Павленко ударить в тыл Деникину и одновременно развернули в тылу у отступавших деникинцев партизанскую войну. В это же время украинские эсеры и «незалежники» образовали в Каменец-Подольском так называемый Цупком (Центральный украинский повстанческий комитет) во главе с членом ЦК украинских эсеров Назаром Петренко (он же Стодоля). Цупком призвал к созданию партизанских отрядов в тылу у отступавших деникинцев. При этом перед войсками Омеляновича-Павленко и Цупкомом ставилась задача перехватить власть в момент отступления белогвардейцев и подхода отрядов Красной Армии.

Это, конечно, была совершенно нереальная, просто смехотворная авантюра. Рассказывая об этих событиях, отец всегда подчеркивал, что этот авантюризм, граничащий с фарсом, всегда являлся отличительной особенностью сторонников «самостийной Украины» — выходцев из ее центральных и восточных областей, в отличие от «западняков», авантюризм которых всегда был густо замешан на патологической жестокости и фанатизме.

Как и следовало ожидать, выступление Цупкома окончилось полным провалом. Его отряды были совершенно ничтожными по численности; с приходом Красной Армии большинство рядовых партизан вливались в ее ряды, а с главарями разбирались сотрудники Особых отделов. Воинство же Омеляновича-Павленко было наголову разбито.

Потерпев очередное позорное фиаско, правительство УНР пошло на подлый сговор с правителями Польши. В ночь на 22 апреля 1920 года, накануне нападения поляков на РСФСР, в Варшаве был подписан тайный договор, по которому петлюровцы, в обмен на признание независимости Украины и помощь в братоубийственной войне против русского народа, передавали полякам пятую часть украинской земли с населением в 10 миллионов человек (Восточную Галицию, Холмщину, часть Волыни). Одновременно они передавали под польское командование для войны с РСФСР свои «вооруженные силы».

Сразу после начала войны резко активизировались главари петлюровских банд, орудовавшие на Украине. Они имели задание поднять всеобщее восстание в тылу Красной Армии. В полной мере им это сделать не удалось, однако вред они причинили немалый.

В связи с этим из истории можно вспомнить предательскую роль галицийских частей (кстати говоря, в связи с их предательством отец второй раз попал в плен), а также деятельность многочисленных партизанских отрядов, наиболее крупными из которых были: на Киевщине — банды Голого, Грызла, Цветковского, Мордаевича, Дороша, Яременко, Богатыренко, Цербарюка, Струка; в районе Кременчуга — банды Киктя, Левченко, Деркача, Хмары, Клепача, Яблучка, Мамая, Зализняка, Завгородного, Степового, Калиберды, Бондаря; на Полтавщине — банды Гонты, Христова, Матвиенко,

Вояки, Штапы; на Подольщине — банды Шепеля, Складного, Заболотного, Моргуля, Гранового, Салтиса.

Предводители банд, такие, как Тютюнник, Струк, Мазуренко, Соколовский, по своему социальному происхождению были бывшими учителями, офицерами военного времени.

Мордалевич действовал в районе Радомысль—Короштышев Киевской губернии, Кошевой и Заболотный — в Балско-Ольгопольском районе.

Наибольшего размаха деятельность петлюровских бандитов достигла в Александрийском, Чигиринском и Черкасском уездах Кременчугской губернии, где действовала так называемая Александрийская повстанческая дивизия, насчитывавшая в августе—сентябре 1920 года до двадцати тысяч бойцов. Ее возглавляли сначала Око, а затем перешедший с Полтавщины атаман Хмара. Политическое руководство дивизией осуществлял «Елисаветградско-Александрийский повстанческий комитет во главе с Нестеренко. Опорной базой дивизии являлся знаменитый Холодный яр — расположенный в Чигиринском уезде густой лес с трясинами, холмами и речками. В этом удобном месте находили надежное убежище главарь подполья и партизаны. И хотя уже в октябре 1920 года части Первой Конной армии Буденного совместно с пехотными подразделениями Красной Армии в районе сел Верблюжка и Ново-Стародуб окружили Александрийскую повстанческую дивизию и разгромили ее, еще на протяжении четырех лет в Холодном яру действовали отдельные партизанские отряды.

Помимо банд большую опасность на Украине представляло петлюровское подполье. Как свидетельствуют документы, созданный лишь в марте 1920 года Цупчрезком вел эффективную борьбу с подпольем. Одним из первых был ликвидирован так называемый Комитет освобождения Украины, возникший в мае 1920 года в Полтаве. В его состав входили, наряду с представителями полтавской интеллигенции во главе с профессором Приймой, деятели партий украинских эсеров (Чубуков, Дорошенко) и «незалежников» (Денисенко и Левченко). Комитету освобождения Украины подчинялись его периферийная организация — Полтавский губернский повстанческий комитет и партизанский отряд атамана Вовка (200 человек). Рассчитывая на скорое крушение совет-

ской власти на Украине, главари комитета решили считать себя правительством Украины, а Прийме поручили выехать в Польшу и согласовать с Петлюрой (который, кстати сказать, родился в Полтаве) план работы «правительства». Тут, однако, в дело вмешались чекисты и арестовали весь состав комитета вместе с его периферией.

В своей борьбе против советской власти петлюровцы нередко входили в контакт со своими недавними врагами — русскими белогвардейцами. Так, в июле 1920 года в Одессе была раскрыта подпольная группа во главе с петлюровцем Климовичем, атаманом Усиевичем, секретарем «Просвиты» Крачецом и несколькими врангелевскими офицерами. Группа располагала большими запасами оружия. В августе была ликвидирована подпольная организация в Елисаветграде, руководившая партизанским движением в районе. Во главе ее стояли прибывший из Крыма врангелевский полковник Александр Беличенко и петлюровец Мусий.

Большое значение для борьбы с националистами имел судебный процесс по делу группы членов ЦК партии украинских эсеров. Именно эта партия имела большинство в Центральной раде, а затем входила в правительство Директории. И хотя после военного поражения петлюровцев украинские эсеры вышли из состава правительства УНР и 7 февраля 1920 года официально заявили об отказе продолжать борьбу против советской власти, оружия они не сложили. В августе 1920 года выяснилось, что они продолжают поддерживать связь с петлюровским подпольем. В частности, у члена ЦК Голубовича В. А., бывшего в 1917—1918 годах председателем правительства Центральной рады, нашли во время обыска записки, уличавшие его в сношениях с петлюровским атаманом Юрием Мордалевичем. Стало известно и об участии украинских эсеров в Комитете освобождения Украины.

Особый отдел Цупчрезкома произвел аресты членов ЦК партии украинских эсеров Н. Петренко (Стодоля), И. Лизановского, И. Часныка, Ю. Ярослава, активиста партии Ю. Скугар-Скварского, неоднократно переходившего в 1919 году линию фронта для передачи шпионских сведений «правительству УНР», члена партии профессора С. Остапенко, бывшего министром, а затем

председателем совета министров УНР в 1919 году. Заодно был арестован и член партии «незалежников», бывший военный министр «правительства УНР» Г. Сиротенко, нелегально вернувшийся на Украину и проживавший по подложному паспорту.

Дело вызвало огромный интерес на Украине. Оно рассматривалось специальным присутствием Всеукраинского чрезвычайного революционного трибунала с участием государственного обвинителя Дмитрия Мануильского, впоследствии известного советского деятеля, одного из руководителей Коминтерна. Главные обвиняемые были приговорены к пяти годам заключения.

В июне 1920 года в Харьковскую ЧК явился с повинной бывший начальник контрразведки при Директории Юлиан Чайковский. Его дело было тщательно расследовано и рассмотрено в публичном заседании Всеукраинского верховного революционного трибунала. На процессе выступали многочисленные свидетели, приводившие жуткие факты преступного разгула петлюровских вояк в Киеве во время правления Директории. Сенсационными стали показания бывшего председателя Директории Владимира Винниченко, прибывшего весной 1920 года на Украину из эмиграции. В них бывший «глава» «украинского государства», по сути, признал, что он и его ближайшее окружение фактически не контролировали ситуацию на Украине: «Два лица, голова Директории и председатель совета министров, я и Чеховский, которые по иронии судьбы представляли из себя высшую власть, фактически никакой власти не имели и прямой политики не делали. Несмотря на то что все резолюции, декларации и постановления выносились в духе этих представителей, власть фактически принадлежала националистическому и шовинистическому мешанству». Эти последние слова Винниченко поневоле часто приходят мне на ум, когда я наблюдаю по телевизору некоторых современных украинских политиков.

Вся власть во времена Директории реально принадлежала «военщине», лидером которой выступал Симон Петлюра, а ударной силой — западноукраинские «сичевые стрельцы» во главе с Евгением Коновальцем.

«Когда первый раз в Киеве был разгромлен профсоюз отрядом Коновальца и представители Бюро профсоюзов пришли ко мне, — давал показания Винниченко, — я немедлен-

но вызвал тех, кто производил разгром, и поставил им вопрос, на каком основании они это сделали. Мне было отвечено, что, по сведениям контрразведки, в помещении профсоюза собираются большевики, которые угрожают спокойствию и государственной власти... Я просто дал приказ, чтобы немедленно все было исправлено, чтобы арестованные были отпущены, а книги возвращены... Но за первым разгромом последовал другой, за ним — третий. Каждый раз повторялась та же история».

Что же касается еврейских погромов, то, как заявил Винниченко, он и Директория относились к ним с «резким осуждением» и выносили по этому поводу соответствующие постановления. Однако военная власть в лице Петлюры никаких практических мер к их прекращению не принимала. «Отряд Ковенко, правда, получил задание ликвидировать погромы, но в действительности, выезжая на места для ликвидации, он сам эти погромы устраивал».

Количество и масштабы действий националистических банд в конце 1920 года были столь велики, что для их ликвидации применялись в основном крупные воинские соединения Красной Армии. В октябре 1920 года две пехотные бригады РККА в районе Верблюжки — Ново-Стародуб разгромили Александрийскую дивизию украинских националистов. Во время перехода с Польского фронта на Южный Первая Конная армия С. М. Буденного очистила от бандитов Черкасский уезд. Однако в конце октября 1920 года здесь в районе Черкассы—Михайловка—Драбовска—Белозерье вновь появились украинские партизаны во главе с атаманом Голым, объявившие себя «Мошнянской петлюровской организацией». Однако уже в начале ноября 1920 года в результате трехдневных ожесточенных боев отряд Голого был уничтожен.

С середины ноября 1920 года и в течение всей зимы 1920/21 г. очисткой Правобережной Украины от националистических отрядов занималась 14-я армия И. П. Уборевича. Особенно успешно действовала 17-я кавалерийская дивизия Г. И. Котовского, разгромившая отряды атаманов Лихо, Иво и других в ряде уездов Киевской губернии. Тем не менее весной 1921 года активность украинских националистов только усилилась. В марте 1921 года в Гайсинском районе орудовали отряды Хмары, За-

болотного, Лихо, Клина, Антоновича, Годзиковского — каждый по 150—300 человек.

Несколько отрядов сосредоточились в районе Триполье—Тараша—Канев. На территории Киевского военного округа числилось 33 отряда общей численностью 6 тысяч человек с 92 пулеметами. В апреле 1921 года отряд Кошевого произвел дерзкий налет на Ольгополь, стремясь захватить штаб одной из дивизий РККА. Националисты захватывали такие крупные населенные пункты, как Немиров, Борожанку, и другие.

Летом 1921 года советское командование, получив сведения о готовившемся крупномасштабном вторжении петлюровцев из-за границы, приняло решение усилить борьбу против повстанческого движения. В июне 1921 года в Ольгопольском районе была уничтожена банда Заболотного. Тогда же была уничтожена банда Левченко. В июле сдались видные петлюровские атаманы Мордалевич, Орлик, Шевчук и другие. Сложил оружие отряд Матвеевко (Мусиенко). В августе советские войска разгромили важнейшую опорную базу повстанцев в Холодном яре и Матренинском монастыре, уничтожили отряды Нагорного, Железняк, Стодоли и других атаманов. Преследуемый 24-м кавполком отряд атамана Лихо численностью до 120 сабель в конце августа переправился через Днестр и ушел в Румынию.

Осенью 1921 года петлюровцы пошли на очередную авантюру. Они задумали поднять всеобщее восстание на Украине. Уже в сентябре через границу прорывается с разведывательной целью отряд Нельговского. Возвращается атаман Лихо. Впрочем, ему не повезло. 4 октября он погиб в бою.

В начале октября перешел границу отряд в 120 сабель и двинулся на Коростень. В том же районе другой отряд рассеялся по деревням и вел агитацию среди крестьян. Украинские чекисты получили совершенно достоверные сведения о подготавливаемой переброске на Украину с территории Польши и Румынии около двух тысяч петлюровцев. Кстати говоря, одним из тех, кто сообщил эти данные, был близкий друг отца Сергей Карин (Даниленко), в будущем крупный советский разведчик. Летом 1921 года он сумел внедриться в штаб Тютюнника во Львове и выведал подробности подготавливаемого рейда.

Учитывая создавшуюся обстановку, начальник штаба войск Украины 18 октября 1921 года отдал приказание обнаружить и ликвидировать банды в районе Олевск—Коростень, не допустить перехода советской границы новыми бандами, а также беспощадно подавлять попытки мятежа или какое-либо содействие бандам со стороны населения.

В середине октября на Украине числилось 30 партизанских отрядов, самыми крупными из которых были отряды полковника Карья, Гальчевского, Заболотного. Однако после летних боев с красными частями их общая численность была невелика — 1000 сабель и 500 штыков. Тем не менее Петлюра и Тютюнник не оставили своего бредового плана по организации всеобщего восстания. Они наивно надеялись, что, прорвавшись из-за кордона на украинскую территорию, смогут поднять население на борьбу против «жидов, москалей и коммунистов».

На территории Польши и Румынии сосредоточивались интернированные войска УНР численностью 25 тысяч человек. На эти-то силы и рассчитывали националисты. Во Львове по указанию Симона Петлюры был образован Центральный повстанческий штаб, во главе которого встал Юрко Тютюнник, возведенный в звание генерал-хорунжего. Начальником оперативного штаба являлся полковник Юрко Отмарштейн, организационного отдела штаба — полковник Леонид Кузьмицкий (кстати говоря, во время Великой Отечественной войны — один из организаторов бандеровской УПА), разведывательного отдела — полковник (еще царского Генерального штаба) Кузьминский и административно-политического — подполковник Добротворский. Центральный повстанческий штаб фактически находился на содержании польской разведки, так называемой «двуйки» (2-й отдел польского генштаба). Давала деньги и французская разведка.

Петлюровцы держали свои военно-вербовочные пункты в ряде городов: Станиславе (ныне Ивано-Франковск), Львове, Перемышле, Тернополе. Согласно выработанному Центральным повстанческим штабом плану, вся территория Украины разбивалась на пять частей, образующих повстанческие группы, каждая из которых, в свою очередь, разделялась на четыре-пять районов, а послед-

ние — на подрайоны. Эти части организационно должны были объединить все петлюровские вооруженные силы, предназначенные для действий на территории этих районов. Командующие группами назначались Центральным штабом из числа наиболее опытных начальников, командующие районами — командующими группами из местных людей или из офицеров, присылаемых из-за кордона. Помимо повстанческих отрядов согласно плану предполагалось организовать повстанческие подпольные комитеты — повстанкомы (центральный, групповые, губернские, уездные). Сеть повстанкомов строилась так: в селах создавались повстанческие «двойки», из представителей сельских «двоек» выделялись волостные «тройки», последние должны были создать уездный повстанком из пяти человек. Комитеты более высоких ступеней назначались Центральным штабом. В момент, определенный штабом, по его сигналу вся эта система должна была начать общее восстание. Одновременно планировалось вторжение на советскую территорию из Польши и Румынии интернированных там петлюровских войск.

В связи со своим планом всеобщего восстания на Украине петлюровцы (а вернее, их хозяева) стремились найти союзников в своих интервенционистских затеях. В качестве таковых они рассчитывали на савинковский «Народный союз защиты родины и свободы», белорусских националистов, запорожское и кубанское казачество и даже на пресловутого батьку Махно, который весной 1921 года подготовил проект декларации о создании всеукраинского «ревкома» и объединении всех антибольшевистских сил для «национального освобождения Украины».

Для того чтобы действовать наверняка, петлюровцы стремились одновременно с предполагаемым восстанием вызвать мятеж в частях Красной Армии на Украине. Им удалось завербовать многих командиров и курсантов киевской школы «червонных старшин», несколько командиров 45-й стрелковой дивизии во главе с начдивом Горкушей-Савицким, командира 70-й бригады Крючковского, командира 26-го полка Байло-Верещака и некоторых других.

Вторжение началось в ночь на 27 октября ложным отвлекающим маневром петлюровцев. В районе Гусятина на Украину прорвался отряд атамана Палия чис-

ленностью 500 сабель. Палий раздал крестьянам оружие и призвал их к восстанию. После этого к нему присоединилось до 280 местных жителей, однако основная масса крестьян проявила полную индифферентность к идее самостийной Украины. В результате отряд Палия был разгромлен, потеряв почти половину личного состава и четыре пулемета.

Однако Палий успел выполнить свою главную задачу, обеспечив прорыв основных сил петлюровцев. В ночь на 5 ноября 1921 года на советскую территорию вступил отряд генерал-хорунжего Тютюнника. В его состав входили кадровые войска нескольких петлюровских дивизий. Тютюнника сопровождали три бывших министра Петлюры — гражданского управления, путей сообщения, торговли и промышленности, которые, надо полагать, уже видели себя сидящими на теплых местечках в Киеве в будущем украинском правительстве. В Олевском районе националистам удалось сформировать повстанческий полк в 600 человек. На рассвете 7 ноября Тютюнник атаковал Коростень, рассчитывая приурочить захват этого важного стратегического пункта, открывающего дорогу на Киев, к четвертой годовщине Октябрьской революции. Однако защитники города отбросили самонадеянных «самостийников».

Потерпев поражение, Тютюнник попытался продвигаться в глубь украинской территории, обходя с юга город Радомысль. Однако продвижение его отряда было задержано разразившейся 10 ноября сильной бурей. Тем временем к месту событий форсированным маршем двинулась 9-я Крымская кавалерийская дивизия под командованием Г. И. Котовского. В течение 11—15 ноября 51-й кавалерийский полк преследовал банду Тютюнника, которая 16 ноября, после переправы через реку Тетерев, разделилась. Разгром основных сил Тютюнника был осуществлен 17 ноября 53-м и 54-м кавполками дивизии Котовского в болотистом районе юго-восточнее города Овруч. При этом 250 повстанцев было убито, 517 взято в плен, захвачено 22 пулемета. 50 человек во главе с Тютюнником в ночь на 21 ноября смогли перейти польскую границу в обратном направлении. 25 ноября к ним присоединились остатки другой половины отряда во главе с полковником Черным, которому удалось вывести с собой 150 сабель и 100 штыков. Большая же часть участни-

ков рейда не смогла прорваться в Польшу и рассеялась по территории Украины, причем многие из них продолжали вести активную антисоветскую работу, доставляя непрерывную головную боль чекистам Украины на протяжении нескольких лет. Примечательно, что, по официальным данным, во время боя с главными силами Тютюнника котовцы потеряли лишь 3 убитых и 17 раненых.

Несколько позже выступили и петлюровские силы, базировавшиеся на румынской территории. 19 ноября 1921 года в Тираспольский район вторгся атаман Пшеник во главе отряда из 150 штыков. Пользуясь неожиданностью, он смог на несколько часов захватить западное предместье Тирасполя и село Парканы. Однако 451-й стрелковый полк 51-й стрелковой дивизии, предприняв контратаку, разгромил банду, взяв в плен 15 петлюровцев и до 200 примкнувших к ним местных повстанцев. Остатки отряда бежали обратно в Румынию.

По неполным сведениям, с июня по декабрь 1921 года на Украине был уничтожен 1281 повстанец, захвачены в плен 1084 и сдались добровольно 903 человека. В декабре 1921 года осуществлялась ликвидация националистов Правобережной Украины. В районе Корсунь — Городище — Смела с 1 по 15 декабря 1921 года было уничтожено 265 повстанцев и задержано 1537 дезертиров. За тот же срок в Каменско-Чигиринском районе было истреблено 345 и захвачено в плен 20 националистов, добровольно сдалось или было поймано 2607 дезертиров.

К концу 1921 года основные силы петлюровцев на Правобережной Украине были разгромлены. Однако борьба с остатками националистических формирований затянулась вплоть до октября 1922 года. За апрель—июнь 1922 года были уничтожены два отряда, а их атаманы взяты в плен. В июле того же года летучие отряды 2-й дивизии Червоного казачества и 24-й стрелковой дивизии преследовали в Подольской губернии банду Гальчевского. Летом развернулось энергичное преследование и банды Левченко. В сентябре—октябре завершилась очистка Правобережной Украины от националистических повстанцев. За эти два месяца было убито, захвачено в плен или сдалось добровольно около 300 человек и один из отрядов был выбит в Польшу.

После разгрома украинских националистов в 1922 году отца перевели на работу в пограничные войска. Некоторое время он служил в уездном погранотделении города Изяславля, а затем на Славутинском погранпосту. Помимо продолжавшейся, но уже явно шедшей на спад борьбы с бандами и охоты за контрабандистами пограничники Волыни имели непосредственное отношение к развернувшейся на территории соседней Польши партизанской борьбе коммунистических повстанцев против польских властей. Дело в том, что в результате советско-польской войны западные районы Белоруссии и Украины оказались под властью польских панов, проводивших на этих территориях политику геноцида коренного населения. Закрывались украинские школы, православные храмы, всячески третировались украинский язык и культура. То же самое происходило и в Западной Белоруссии.

Руководство Советской Украины было заинтересовано использовать эту ситуацию в своих интересах. Сначала под руководством Закордата (Закордонный отдел ЦК КП(б)У), а позднее — сотрудников военной разведки (Разведупра) и Иностранного отдела ГПУ осуществлялась крупномасштабная поддержка партизанского движения на территории Польши.

Глава 3

ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Во время службы на границе в 1923 году отец вступил в комсомол в городе Шепетовке. В начале сентября 1923 года он подал рапорт о переводе в Мелитополь со Славутинского погранпоста и вернулся домой. Как мне думается, причиной ухода отца было не только то, что он устал от продолжавшихся третий год непрерывных боевых действий, соскучился по семье и родному городу, но и то, что в Украинском ГПУ, как и по всей стране, шло сокращение чекистского аппарата и резкое уменьшение его бюджета.

По возвращении домой отец находился в основном на комсомольской работе. Таким образом, его чекистский стаж был прерван на полтора года. Первоначально отец попал на работу в аппарат Мелитопольского ок-

ружкома ЛКСМУ. Он был заведующим информационного отдела окружкома и членом правления, комендантом клуба рабочей молодежи, затем, в 1924 году, — секретарем сельской ячейки ЛКСМУ в селе Ново-Григорьевка Генического района Запорожской области, а в начале 1925 года — секретарем ячейки ЛКСМУ завода имени Воровского (и одновременно учеником слесаря на этом заводе) в городе Мелитополе. В том же году отец совсем короткое время являлся практикантом Мелитопольского райпотребсоюза.

В феврале 1925 года окружком ЛКСМУ направил отца снова на работу в органы ОГПУ. В 1925—1927 годах он — сводчик информационного отделения Мелитопольского Особого отдела ОГПУ, в 1927—1928 годах — помощник уполномоченного учетно-статистического отделения Мелитопольского окротдела ОГПУ, затем — младший оперативный работник в окружном отделе ГПУ, где отец отвечал за работу осведомителей, действовавших в греческом, болгарском и немецком поселениях. В 1928 году в биографии отца происходит резкий поворот. Он переходит на работу в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, и там до 1930 года работает уполномоченным Информационного отдела ГПУ УССР, одновременно заканчивает два курса рабфака.

Отец, вспоминая о том времени, заполненном работой, говорил, что моя мама, уже тогда будучи его женой, побудила заняться изучением права в Харьковском университете. Но ему удалось побывать всего на десяти лекциях и сдать один экзамен — по экономической географии. На большее у него просто не хватало времени. Тогда рабочий день отца начинался в десять часов утра и заканчивался в шесть вечера с коротким перерывом на обед. После этого начинались встречи с осведомителями на явочных квартирах. Они продолжались с половины восьмого вечера до одиннадцати. Затем отец возвращался на службу, чтобы доложить начальству о полученных оперативных материалах.

По ленинскому декрету 1922 года ГПУ, а позднее НКВД—КГБ (теперь — ФСБ) и служба внешней разведки при принятии важных решений в вопросах внешней и внутренней политики государства должны были стать основными источниками информации для всех уровней советского и российского руководства. Знаю, что и се-

годня руководство страны получает ежемесячные доклады о положении в государстве от органов госбезопасности по линии их агентуры. Подобного рода доклад включает изложение внутренних трудностей и недостатков в работе различных организаций, предприятий и учреждений.

По заведенному еще при Сталине порядку встречаться со своим осведомителем в дневное время было не положено. Встречались по вечерам. Было известно, что Сталин засиживается допоздна, и все чиновники работали в таком же режиме.

По иронии судьбы отделение информации отдела, в котором служил отец, возглавлял бывший царский офицер Козельский, происходивший из обедневшей дворянской семьи. Хотя этот человек и служил в царской армии, его симпатии к большевикам, проявившиеся в годы революции, позволили ему завоевать их доверие. Тем не менее доверие их не стало гарантией спокойной жизни. Отец как-то сказал, что в 1937 году Козельский покончил самоубийством, чтобы избежать ареста во время кампании чисток.

Казалось, карьера отца развивается по восходящей. Однако в 1930 году в его судьбе происходит новый поворот. Он попадает в резерв назначений ГПУ (без денежного довольствия) и вскоре получает новое — весьма необычное, но чрезвычайно важное — задание, которое совместно контролируется руководителями ОГПУ и партийными органами. Отец становится заведующим культурно-воспитательной частью, а затем комиссаром трудовой коммуны (спецколонии) ГПУ УССР для малолетних правонарушителей и беспризорных детей, расположенной недалеко от города Прилуки в селе Ладан.

После Гражданской войны подобного рода колонии ставили своей целью покончить с беспризорностью детей-сирот, которых голод и невыносимые условия жизни вынуждали становиться на путь преступности. На содержание этих колоний каждый чекист должен был отчислять десять процентов своей заработной платы. При колониях создавались мастерские и группы профессиональной подготовки: трудовой деятельности ребят придавалось тогда решающее значение. Завоевав доверие колонистов, отцу, по его рассказам, удалось даже организовать фабрику огнетушителей, которая вскоре начала приносить доход.

О своей работе в детской трудовой коммуне отец сам рассказал в своей книге «Горизонты», написанной им в соавторстве с Ириной Гуро (Раисой Соболев). Поэтому ограничусь тем, что приведу отрывок из нее. В этом отрывке о коммуне беседуют первый секретарь КП(б)У Станислав Косиор и заместитель председателя ОГПУ Украины Карл Карлсон.

«— Я имел в виду, Станислав Викентьевич, доложить вам о положении в Прилукской трудовой коммуне, — нерешительно проговорил Карлсон, ожидая, что разговор будет отложен. Но Косиор оживленно заметил:

— Давайте, давайте.

По примеру Болшевской трудкоммун, где впервые началась работа с малолетними правонарушителями и беспризорниками, украинские чекисты создали такую же коммуну в Харькове, а затем в Прилукском округе. Несколько сот мальчиков, взятых из мест заключения и с улицы, учились там и работали в мастерских.

Сейчас Карлсон рассказал, что, выезжая в Прилукский округ по оперативным делам, побывал в селе Ладан, где в помещениях бывшего монастыря расположена коммуна.

— Хорошо развивается дело. Никаких побегов больше, никаких серьезных нарушений. Все кладовые, ларьки открыты. И эти бывшие воришки и беспризорные и не помышляют взяться за старое. Чертовски способные ребята... Учатся прекрасно.

— А что? Они жизни хлебнули, к сожалению, она их не баловала. А опыт — дала, — вставил Косиор. — У них там семилетка?

— Да. И мастерские, в которых они работают четыре часа в день.

— А что выпускают? Какую продукцию?

— Спортивный инвентарь, хозяйственную посуду, — все там на месте расхватывается... Летом они помогают на полевых работах, а мальчишки постарше даже ремонтируют сельскохозяйственный инвентарь.

— И население относится к ним... ничего? С доверием?

— Сначала боялись их как чумы. А сейчас привыкли.

— Это же все ребята без родных. Отдых у них бывает какой-нибудь?

— Прошлым летом они ездили по маршруту Прилуки — Харьков — Севастополь, пешком до Ялты, оттуда на знаменитом теплоходе «Крым» до Одессы... Вот так.

— И ни один не смотался? Даже в Одессе? — засмеялся Косиор.

— Ни один. В Одессе чекисты организовали им торжественную встречу, возили их всюду. И оставили отдыхать на детском курорте под Одессой.

— А какие-нибудь таланты особые выявляются?

— Очень даже! Видел журнал ихний. Не берусь судить насчет стихов, но показывали Микитенко, так он говорит, надо поощрить, толк из них будет.

Карл Мартынович почувствовал, что секретарю ЦК не хочется отрываться от этой темы, и понимал его: он сам, как и многие работники ГПУ, находил в делах коммуны какую-то отдушину, какое-то окно в мир будущего, воплощенного в этих детях, спасенных от самой горькой участи».

В 1931—1932 годах отец работает инструктором оргинструкторского отдела ГПУ УССР в Харькове.

Благодаря весьма высокому положению своей жены в украинских партийных кругах Павел Судоплатов дважды встречался с Косиором, тогдашним секретарем ЦК Коммунистической партии Украины. Эти встречи проходили на квартире Хатаевича, куда отца и маму приглашали в качестве гостей. Особое впечатление на отца, по его свидетельству, произвело то, как оба эти руководителя смотрели на будущее Украины.

Экономические проблемы и трагедию коллективизации они рассматривали тогда как временные трудности, которые следует преодолевать всеми возможными средствами. По их словам, необходимо было воспитать новое поколение, абсолютно преданное делу коммунизма и свободное от всяких обязательств перед старой моралью. Наибольшее внимание следовало уделять развитию и поддержке новой украинской интеллигенции, критически относящейся к националистическим идеям. Потребовались еще шестьдесят лет и развал Советского Союза, чтобы стало очевидным: нужно было проявить, по крайней мере, терпимость и постараться понять противную сторону, а не стремиться во что бы то ни стало ее уничтожить.

Родителям льстило, что такие люди, как Косиор и Хатаевич, разговаривают с ними как со своими товарищами по партии, хотя они были тогда еще комсомольцами. Кандидатами в члены партии стали позднее.

Отец встретился со своей будущей женой, нашей с братом Анатолием матерью, в Харькове. Ему было тогда

двадцать лет, ей на два года больше, она приехала на Украину из Белоруссии. Наша мать — Кримкер Сула-мифь Соломоновна (по мужу — Каганова, а с 1951 года — Судоплатова) Эмма Карловна, родилась 1 мая 1905 года в Гомеле в мелкобуржуазной семье. Ее отец, по специальности — сплавщик леса, еще до революции, а потом и во времена нэпа вел также торговлю тканями, получаемыми из-за рубежа.

Мама была с детства очень способной, и ей удалось поступить в такое учебное заведение, где для евреев существовала ограничительная норма. Она окончила гомельскую женскую гимназию с золотой медалью (ее сдали в Торгсин в свое время, чтобы помочь большой семье, в которой кроме мамы было еще шесть детей).

Позднее она стала работать секретарем-машинисткой у Хатаевича, секретаря гомельской губернской организации большевиков. Когда ее начальника перевели в Одессу, где он возглавил партийную организацию, она в 1923 году последовала за ним. Именно в Одессе мать и перешла в местное ГПУ. Ей поручили вести работу среди проживавших в городе немецких колонистов. Голубглазая блондинка, она говорила на близком к немецкому идише и вполне могла сойти за немку. В семье, кстати, с нами мама говорила всегда по-русски.

В Харьков ее перевели за год до того, как туда переехал отец. Первым мужем матери был сотрудник органов Гранский Виктор Исидорович. Уволенный в 1937 году из НКВД, он сохранил членство в ВКП(б), поскольку партийных взысканий не имел. Они развелись незадолго до знакомства мамы с отцом.

Мама занимала в ГПУ УССР более весомое положение, чем такой новичок, каким тогда был мой отец. Как образованной и привлекательной женщине, к тому же начитанной и чувствовавшей себя вполне свободно в обществе писателей и поэтов, ей доверили руководить деятельностью осведомителей в среде украинской творческой интеллигенции — писателей и театральных деятелей. Отец встречался с мамой поначалу только по службе, и, как он потом любил говорить, его поразили ее красота и ум.

Отец мамы умер, когда ей было всего десять лет. В том же возрасте остался без отца и мой отец. Она начала работать и одна содержала всю семью. А у отца было

четверо братьев и сестер, нуждавшихся в его помощи. Так что у него с мамой было много общего: оба они явились в свое время опорой для своих семей и должны были в силу обстоятельств рано повзрослеть.

Для отца, по его же словам, «Эмма была идеалом настоящей женщины». В 1928 году они поженились, хотя официально зарегистрировали брак лишь в 1951 году. Так же жили семьями многие из их товарищей, годами не оформляя своего брака. Они прожили вместе более шестидесяти лет. В ней всегда чувствовался ум, прозорливость, большая внутренняя культура, организованность — эти качества помогли ей сохранить семью, выжить в тяжкое время, дать отцу уже в зрелом возрасте путевку в новую жизнь, в новом качестве — в качестве советского писателя, переводчика, публициста.

Мама была награждена орденом Ленина, орденом Красного Знамени, медалями. На пенсию вышла в звании подполковника. Умерла в 1989 году.

Глава 4

УЧИТЕЛЯ, НАСТАВНИКИ, ДРУЗЬЯ

В 1933 году глава Украинского ГПУ Балицкий был назначен заместителем председателя общесоюзного ОГПУ. Переезжая в Москву на новую работу, он взял с собой нескольких сотрудников, в том числе и моего отца. Он получил в управлении кадров центрального аппарата госбезопасности должность старшего инспектора, курировавшего перемещения по службе и новые назначения в Иностранном отделе — закордонной разведке ОГПУ.

Известно, что уже с первых месяцев существования ВЧК ею предпринимались попытки вести разведывательную работу за рубежом. В начале 1918 года лично Феликс Эдмундович Дзержинский завербовал бывшего издателя газеты «Деньги» А. Ф. Филиппова, который был направлен им на работу в Финляндию. Это был, пожалуй, первый закордонный разведчик новой власти. Несколько позднее в Турцию был направлен еще один нелегал, выступавший под именем Р. К. Султанова (полное его имя до сих пор неизвестно). В декабре

1918 года были созданы Особые отделы ВЧК в армии и на флоте, собственно говоря являвшиеся контрразведывательными подразделениями. С августа 1919 года их возглавил лично Дзержинский, а несколько позднее — В. В. Менжинский.

Внутри Особого отдела ВЧК в апреле 1920 года создается специальное подразделение — иностранное отделение. В связи с серьезными неудачами советской разведки во время войны с Польшей в сентябре 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о ее кардинальной реорганизации. Была создана специальная комиссия, в которую вошли И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский и другие видные деятели партии. На основании разработанных комиссией предложений 20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 о создании уже самостоятельного Иностранного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии (ИНО ВЧК). Этот день и принято считать днем рождения разведки ВЧК—КГБ—СВР.

С этого момента дело внешней разведки было сконцентрировано в одних руках. Для работы стали подбираться специальные кадры. Первым руководителем ИНО (до этого он возглавлял иностранное отделение Особого отдела) был назначен большевик с подпольным стажем Давтян (Давыдов) Яков Христофорович. С 1921 по 1922 год разведку возглавлял С. Г. Могилевский. От эпизодических посылок агентов перешли к организации зарубежных резидентур. Разведкой стали заниматься профессионально.

В январе 1922 года ВЧК была распущена и вместо нее создано ГПУ при НКВД. После создания СССР ГПУ было преобразовано в ОГПУ при СНК СССР. ИНО вошел в состав созданного в ОГПУ Секретно-оперативного управления. С 1922 года ИНО возглавил Меер Абрамович Трилиссер. Вместе с собой он привел в разведку большую группу своих соратников по подпольной борьбе в царское время и в период Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Двое из них — С. Г. Вележев и А. В. Логинов (Бустрем) — стали его заместителями. Остальные: Я. Минскер, А. Нейман, М. Бодеско, А. Мюллер и другие — стали ответственными работниками отдела. Отдел был значительно расширен и укреплен кадрами. Центральный аппарат в этот период

достигал 70 человек. К 1930 году общий штат ИНО достиг 122 человек, из них 62 — сотрудники резидентур за рубежом.

С января 1923 года по предложению заместителя председателя ОГПУ И. С. Уншлихта для ведения активной разведки было создано специальное Бюро по дезинформации. В Дезинфбюро вошли представители от ЦК ВКП(б), НКВД, а также РВСР и Разведупра Штаба РККА. Позднее этот межведомственный орган сыграл важную роль в знаменитых операциях «Трест» и «Синдикат», а также в ряде других аналогичных операциях: «Д-7» (1924—1929) с участием легендированной «Военной организации» бывших офицеров-монархистов в Ленинграде; «С-4» (1924—1932) с участием легендированной «Внутренней русской национальной организации» (ВРНО); операции «Заморское» (1929—1932) с участием легендированной антисоветской организации «Северо-Кавказская военная организация» (СКВО); операции «Академия» (1929—1934). Во всех перечисленных операциях активно действовала агентура ИНО.

В октябре 1925 года Ф. Э. Дзержинский поставил вопрос об организации при ИНО ОГПУ научно-технической разведки как особого органа по добыванию информации о технических достижениях за границей. Вскоре такое подразделение было создано, и с 1930 года этой работой в Центре стало заниматься 8-е отделение ИНО, которым руководил печально прославившийся впоследствии под именем Александра Орлова Л. Л. Никольский (Фельбин).

В 20—30-е годы разведка добывала информацию о планах и намерениях противников СССР, способствовала прорыву политической изоляции и экономической блокады, предпринимавшейся западными странами (США признали СССР только в 1933 году), добывала научно-техническую и экономическую информацию, нейтрализовала подрывную деятельность белоэмигрантских организаций и иностранных спецслужб.

Например, в 1922 году во время работы экономической конференции в Генуе страны Антанты пытались поставить Советскую Россию в условия международной изоляции и диктовать ей свою волю. Разведка во многом способствовала тому, чтобы советская делегация успешно вышла из сложного положения, заключив в Рапалло

(пригород Генуи) договор с Германией об установлении дипломатических и экономических отношений. Разведка же предупредила готовившийся террористический акт над главой делегации наркомом Г. В. Чичериным, накануне и в ходе конференции снабжала делегацию информацией о планах и намерениях западных стран.

В 1927 году резидентурами в Харбине, Токио и Сеуле был добыт секретный план захвата Японией районов советского Дальнего Востока, Китая, Монголии и стран Юго-Восточной Азии, известный в дипломатической литературе как «Меморандум Танаки» (по имени его автора — тогдашнего премьер-министра Японии). Публикация этого документа через возможности разведки в иностранной печати вызвала в мире резкие антияпонские настроения, разоблачила агрессивные замыслы японских милитаристов в отношении СССР.

Большая работа была проделана разведкой против различных белоэмигрантских центров.

Операция «Трест» была проведена для нейтрализации подрывной деятельности монархических организаций за рубежом, таких, как «Высший монархический совет», «Русский общевоинский союз» (РОВС), «Братство белого креста», «Братство русской правды» и др. В процессе операции захвачен вдохновитель монархистов английский разведчик Сидней Рейли. Предупрежден ряд террористических и других преступных актов.

«Синдикат-2» — борьба с подрывной деятельностью эсеровского «Народного союза защиты родины и свободы». В ходе операции арестованы главарь союза Борис Савинков и ряд его сподвижников, ликвидированы филиалы организации в Самаре, Саратове, Харькове, Киеве, а также резидентуры Савинкова в Москве и Петрограде.

Серьезный удар был нанесен по РОВСу, который объединял остатки бежавших за границу белых армий и ставил своей задачей проведение на территории СССР террористических и других подрывных акций, подготовку военной интервенции. При помощи нашей агентуры удалось дважды обезглавить эту организацию. В 1930 году в Париже был захвачен руководитель РОВСа генерал Кутепов, а в 1937 году — его преемник генерал Миллер. Особую роль в операциях по РОВСу сыграли наци агенты, бывшие царские генералы Дьяконов П. П. и Скоб-

лин Н. В., жена Скоблина, известная тогда исполнительница русских народных песен Надежда Плевицкая, а также находившийся в эмиграции бывший член Временного правительства и правительства Колчака (было такое в Сибири) Третьяков С. Н. Наша агентура отвлекала руководителей РОВСа от активных антисоветских действий. Например, генерал Скоблин сумел убедить ровсовцев в нецелесообразности создания террористических групп. Благодаря агентуре была обезврежена большая группа направленных в Советский Союз эмиссаров РОВСа.

Трагически сложилась судьба некоторых участников операции. Так, после ареста Миллера генерал Скоблин, создавший условия для успеха операции, попал под подозрения французской контрразведки и был вынужден укрыться в Испании, где погиб. Артистка Плевицкая была арестована и умерла во французской тюрьме. Третьяков в 1942 году был арестован гестапо и казнен как агент советской разведки, о чем было официальное сообщение в немецкой и белоэмигрантской печати.

Одной из ярких фигур, работавших по белой эмиграции, был Николай Николаевич Крошко, о котором в 1928—1929 годах в западной печати были помещены публикации под броскими заголовками: «Король кремлевских шпионов», «Коллекционер ротозеев», «Человек, который проходит сквозь стену».

Вначале Крошко внедряется в монархическую организацию «Братство белого креста» (ББК), входит в доверие к его руководителю, становится его первым помощником и советчиком. Под влиянием Крошко ББК сворачивает активную антисоветскую деятельность и распадается. Используя свое руководящее положение в «Братстве», Крошко проникает в другие белоэмигрантские центры и собирает по ним обширную информацию. Ему удается снять копии секретных документов, хранившихся в сейфе престолонаследника великого князя Кирилла, а также с секретной документации миссии Деникина и Врангеля в Берлине. После распада «Братства белого креста» Крошко внедряется в находившийся в Берлине белоэмигрантский разведывательно-диверсионный центр, который возглавлял бывший царский судебный следователь по особо важным делам, действительный статский советник Орлов В. Г., а в годы Гражданской

войны — начальник контрразведки Добровольческой армии.

Одной из излюбленных форм подрывной работы Орлова было изготовление и распространение фальшивых документов, которые искусно оформлялись по подлинным документам советских инстанций или Коминтерна. Одна из таких фальшивок привела к нанесению жестокого удара по Компартии Болгарии. Другая — к серьезному осложнению отношений Советского Союза с Англией, поставленных почти на грань разрыва (известное письмо Зиновьева).

Крошко удалось «поймать» Орлова на одной из таких фальшивок, и это привело к ликвидации разведцентра. Орлов изготовил и подsunул американским корреспондентам фальшивку о якобы имевшем место подкупе советским правительством двух американских сенаторов. Крошко негласно изъяс из архива Орлова черновики фальшивки. Когда эти черновики были доведены до американцев, правительство США потребовало от Германии суда над Орловым. К этому требованию присоединилась и советская сторона. В результате Орлов был осужден немецким судом к четырем месяцам тюремного заключения, а по отбытии наказания выдворен за пределы Германии.

В 1928 году, когда Крошко был заподозрен на Западе в связи с советской разведкой, в печати появилось сообщение о его гибели при переходе границы. На самом же деле он возвратился на родину, проживал и работал в Москве под фамилией Кейт.

В 30-е годы в Румынии работала агентурная группа, в которую входили выведенный нелегально в эту страну разведчик Георгий Эммануэль (Мартовец) и местные жители — баронесса Евгения Зоти и ее сын Юрий Зоти. Этой группе удалось поставить под контроль деятельность нескольких белоэмигрантских центров и иноразведок.

Так, ровсовские полковники Желундковский и Боголюбов, а также английский разведчик Мюллер давали Мартовцу задания по сбору стратегической и оперативной информации о Черноморском военном флоте. Румынская разведка поручала сбор информации в пограничных западных областях Советского Союза.

По всем этим вопросам через Мартовца и другие возможности до противника была доведена выгодная для советской стороны информация.

Полковник Боголюбов по заданию «Братства русской правды» пытался привлечь Мартовца к созданию бандитских групп для организации вылазок в районе Киев—Проскуров—Винница. Разведчик, ссылаясь на знание обстановки на местах, сумел убедить полковника в невозможности и нецелесообразности проведения этой работы.

Через Мартовца были перехвачены три письма бежавшего за границу Петра Крючкова, руководителя антисоветской организации, взорвавшей в 1925 году пороховой склад в Севастополе, к оставшимся в Советском Союзе его сообщникам. В письмах предлагалось возобновить враждебную деятельность, сообщалось, где хранится оружие, давались соответствующие инструкции. Естественно, эти инструкции остались невыполненными.

В результате работы Мартовца и его группы с 1931 по 1936 год было выявлено и нейтрализовано свыше сорока агентов, засланных белоэмигрантскими организациями и зарубежными разведками в СССР.

В конце 1936 года в результате предательства Эммануэль (Мартовец) Георгий Александрович, Зоти Евгения Евстафьевна, Зоти Юрий Константинович были арестованы румынскими властями и приговорены к большим срокам каторжной тюрьмы. Евгения Зоти не вынесла каторжного режима и умерла в тюрьме в 1943 году. Мартовец и Юрий Зоти были освобождены из заключения Красной Армией в 1944 году и принимали участие в боях с фашистами.

По указанию руководства страны резидентуры выполняли также работу по зарубежным троцкистским организациям. В этот же период перед разведкой все чаще ставились задачи по оказанию активного влияния на внешнюю политику иностранных государств и государственных деятелей в выгодном для СССР направлении. Наиболее успешно эта задача была выполнена в период прихода к власти и последующей деятельности правительства Народного фронта во Франции. Большие успехи были достигнуты и в проникновении в международные сионистские организации в США.

В этот период появляются и первые зарубежные партнеры советской разведки. Ими являлись работники созданной в 1922 году Государственной внутренней охра-

ны Монгольской Народной Республики, а также сотрудники турецкой контрразведки, с которой с 1927-го по середину 1931 года поддерживались официальные контакты.

Важное значение в истории становления внешней разведки имело решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года. Деятельность разведки была подвергнута тщательному анализу, и в принятом развернутом решении были определены приоритетные задачи разведывательной работы. В постановлении Политбюро констатировалось, что Советский Союз находится на пороге новой войны, в связи с чем рекомендовалось переводить работу зарубежных аппаратов ИНО из советских учреждений на нелегальное положение. Резко увеличилось финансирование разведки. В середине 30-х годов на ее нужды отпускалось от восьми до десяти миллионов рублей в валюте.

Тем же постановлением было предписано развернуть «активные действия» по ликвидации предателей и перебежчиков, главарей белоэмигрантских террористических организаций. Одновременно была создана самостоятельная спецгруппа под руководством Я. И. Серебрянского, вошедшая в историю советской разведки как «группа Яши», для развертывания диверсионно-террористической деятельности в глубоком тылу противника на случай начала войны с «западными демократиями». Первоначально эта группа действовала в составе ИНО ОГПУ, но позднее она перешла в непосредственное подчинение наркома Ягоды, а с 1937 года функционировала при секретариате Наркомата внутренних дел. Серебрянский и его сотрудники создали двенадцать резидентур на территории основных стран Европы, Азии и Америки.

В мае 1934 года правительство вновь рассматривало вопрос о повышении эффективности работы ИНО ОГПУ и Разведупра РККА, улучшении координации их деятельности. Была создана постоянная комиссия в составе начальников этих органов. На нее возлагались разработка и согласование общего плана разведывательной работы за границей, обмен опытом, взаимная информация о провалах, тщательное изучение их причин. В мае 1935 года в целях более тесного взаимодействия и повышения уровня разведработы начальник внешней разведки А. Х. Артузов был переведен на работу в военную разведку в ка-

честве заместителя ее начальника в звании корпусного комиссара. Его преемником стал бывший заместитель А. А. Слуцкий.

Постоянный оперативный контакт между двумя разведками на уровне их руководителей как в центральном аппарате, так и в резидентурах, взаимная помощь, согласованность в действиях — все это сыграло немаловажную роль в успешном решении целого ряда разведывательных задач. Однако в конце 30-х годов сотрудничество было нарушено в связи с незаконными арестами и обвинениями ряда руководящих работников обеих разведок.

В это время отец часто контактировал по службе с Артузовым и Слуцким. Когда в 1935 году Артузов перешел на работу в Разведупр РККА, а Слуцкий возглавил ИНО, то заместителем Слуцкого стал опытный разведчик Шпигельглас, у которого был большой опыт работы за границей в качестве нелегала — в Китае и Западной Европе. В начале 30-х годов в Париже «крышей» ему служил расположенный возле Монмартра рыбный магазин, специализировавшийся на продаже омаров.

Видную роль в руководстве Иностранным отделом, помимо Артузова и Слуцкого, играли Берман, Федоров (возглавлявший борьбу с эмиграцией), Шпигельглас, Минскер, Эйтингон и Горожанин (последнему Вл. Маяковский посвятил свое стихотворение «Солдаты Дзержинского»).

Своим назначением в Иностранный отдел отец был обязан одному из наиболее талантливых и образованных чекистов того времени, также переведенному в центральный аппарат с Украины — Валерию Михайловичу Горожанину. Портрет этого человека дает сам отец в цитируемой уже книге «Горизонты»:

«Как в Москве, так и на Украине руководящие работники Государственного политического управления были главным образом, как стали выражаться позднее, «интеллигентами в первом поколении», попросту говоря, они происходили из рабочих или сами были рабочими. Но как в Москве, так и на Украине имелись среди них и коренные интеллигенты, люди того типа, о которых писал когда-то Ленин: интеллигенты, связавшие себя до конца с рабочим классом.

Валерий Михайлович Горожанин и принадлежал к ним, что было ясно с первого взгляда на его невысокую

хрупкую фигуру с красиво посаженной крупной головой в шапке густых волнистых волос с уже заметной проседью. У него был низкий голос приятного тембра, а мягкость речи контрастировала с решительностью и категоричностью высказываемых суждений.

Горожанин со студенческой скамьи вошел в революционное движение и вынужден был покинуть Россию, не находя применения своим знаниям языков и правовой науки. Он отправился в Швейцарию, а затем в Париж. Здесь он занялся журналистикой и влился в среду русской политической эмиграции. Через Анатолия Васильевича Луначарского он был принят в круг социал-демократов — большевиков. Через него же познакомился с Роменом Ролланом и Анатолем Франсом, проявившими интерес к талантливому русскому журналисту, которому покровительствовал блестящий, энциклопедически образованный Анатолий Луначарский.

Вскоре после свержения самодержавия Горожанин вернулся на родину».

Среди командного состава ЧК было немало людей, оставивших любимое дело, любимую профессию для деятельности, которая представлялась им в данный момент наиболее важной. Горожанин принес свой литературный дар в жертву государственной необходимости: он посвятил себя делу борьбы с контрреволюцией. На Украину Горожанин был прислан Москвой. Именно Феликс Эдмундович Дзержинский, глубоко понимавший, как интеллигентность, вдумчивость, политическое чутье и неказенный подход к человеку нужны в важном деле борьбы с украинской националистической контрреволюцией, выбрал Валерия Михайловича и не ошибся. Горожаниным было сделано очень многое не только для раскрытия преступлений активных антисоветчиков, но и для привлечения на сторону советской власти заблуждавшихся людей.

На первых порах знакомства с Горожаниным Косиору показалось удивительным несоответствие мягкой, впечатлительной, художнической натуры, так откровенно проявляющей себя во всем облике Горожанина, делу, которым он занимался. Но ведь и Дзержинский был интеллигентом. И Менжинский тоже. И если понимать борьбу с контрреволюцией не однолинейно, не примитивно, то ведь она требовала разнообразных форм и под-

ходов. Здесь были свои «басы» и свои «альты». Предполагалось общение с самыми разными людьми, потому что не одни закоренелые контрреволюционеры составляли периферию антисоветского подполья, но и колеблющиеся, разочарованные, ищущие выхода и, наконец, обманутые...

Горожанин имел большое влияние на украинскую творческую интеллигенцию, с которой всегда общался: многие, кто стоял тогда на распутье, благодаря ему вышли на широкую дорогу жизни и творчества.

«Но что же еще я знал о Горожанине? Почему связывается у меня его имя с годами Гражданской войны? Что-то было тогда, что создало Горожанину репутацию работника проницательного не только профессионально, но и политически...» — вспоминал Косиор. И вдруг одна фраза, одно имя, произнесенное им, сразу потянуло ниточку воспоминаний. 1921 год... Еще терзают Украину банды, еще падают чоновцы под пулями петлюровских бандитов, еще валятся под откос поезда и мирный труд на полях срывается кровавыми набегами банд, сформированных за кордоном. Руководство ими осуществлял петлюровский штаб, во главе которого стоял Юрко Тютюнник...

Горожанин провел тогда блестящее дело, вошедшее в историю ЧК. Он направил во Львов в штаб Тютюнника кадрового чекиста Сергея Тарасовича Карина. «Да ведь я знал его, — вспоминал Косиор. — Такой с виду неприметный человек, худощавый. Утонченный интеллигент. А как прижился в бандитском штабе, в самом сердце движения в то время!.. И все разведал: состав, вооружение, численность банд. И главное — сроки, сроки выступления через границу на нашу землю. И военная эта хитрость дала нам существенную победу: разгром трехтысячного бандитского отряда. Многие тогда перешли к нам добровольно... И тот же Горожанин умело использовал перешедших к нам людей уже в наших целях. Блестящая операция! Правда, тогда самому Тютюннику удалось бежать в Польшу. Но прошло совсем немного времени, и чекисты сумели его вытянуть на нашу сторону...»

Большое влияние в те годы оказал на отца, по его собственным словам, с первой встречи, человек, с которым впоследствии на протяжении десятилетий тесно переплелась его жизнь, вплоть до самой смерти — Наум Исаакович Эйтингон. Его я хорошо знал и помню.

Эйтингон родился 6 декабря 1899 года в Белоруссии, в городе Шклов, неподалеку от Гомеля, откуда была ро-

дом и моя мать. На Лубянке, среди друзей и у нас дома его называли Леонид Александрович, так как в 20-х годах еврей-чекисты брали себе русские имена, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей национальности как среди осведомителей и информаторов из кругов дворянства и бывшего офицерства, так и коллег, с которыми они работали.

Семья Эйтингон принадлежала к самым бедным слоям общества, однако в Европе у них были весьма состоятельные родственники.

Эйтингон вступил в ряды партии эсеров в 1917 году. Годом позже в возрасте девятнадцати лет он пошел в Красную Армию и вскоре был направлен на работу в ЧК. В 1919 году его назначили заместителем председателя ЧК Гомельской области. Он вышел из партии эсеров и присоединился к большевикам в 1920 году. Карьера Эйтингона началась тогда, когда он принял активное участие в подавлении восстания белогвардейских офицеров в Гомеле, во время которого им удалось ненадолго захватить город.

Дзержинский заметил молодого чекиста и послал его руководить ЧК в Башкирии для подавления бандитизма. Там в бою с местными бандитами он был ранен в ногу и частенько жаловался впоследствии на боли. В 1921 году его направили в Москву, в Военную академию, где он учился вместе с будущими видными военачальниками. Помню, я как-то сам видел фотографии, запечатлевшие его с Чуйковым, впоследствии маршалом, защитником Сталинграда.

По завершении учебы в Военной академии Эйтингон направили на работу в Иностранный отдел ОГПУ. Европейская родня отказалась выполнить его просьбу приехать необходимые рекомендации, бумаги и деньги для поездки в Западную Европу. А это могло быть его легальным прикрытием для оперативной работы. В результате Эйтингона послали в Китай в качестве резидента ОГПУ: сначала в Шанхай (там он работал совместно с сетью Разведупра Красной Армии, включавшей также как одного из агентов Рихарда Зорге), а затем в Пекин и Харбин. Эйтингону удалось добиться освобождения группы советских военных советников, захваченных китайскими националистами в Маньчжурии. Столь же успешно провел он и другую операцию, сорвав попытку аген-

тов Чан Кайши захватить советское консульство в Шанхае. После этого его отозвали в Москву. На короткое время в 1930 году Эйтингон становится заместителем Серебрянского, начальника Особой группы при председателе ОГПУ. Этот самостоятельный и независимый от Иностранного отдела разведывательный Центр был создан Менжинским, преемником Дзержинского, в 1926 году как параллельная разведывательная служба для глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического характера и подготовки диверсионных операций в Западной Европе и Японии в случае войны. С этой целью Эйтингон ездил из Китая в США, в Калифорнию, для организации там агентурной сети.

В 1932 году Эйтингона перевели в Иностранный отдел, руководимый Артузовым, а позднее Слуцким, в качестве начальника отделения, координировавшего работу нелегальных резидентур. Наряду с этим он отвечал также за изготовление поддельных паспортов для тайных операций за рубежом.

Отец впервые познакомился с ним в Москве в 1933 году, будучи инспектором в отделе кадров. В ту пору, вероятно, они еще не были особенно близки, поскольку Эйтингон занимал более высокое положение, чем мой отец. В его лице отец всегда видел опытного руководителя разведки, уважаемого за успехи в работе и профессиональное мастерство, поэтому ему была поручена работа с нелегалами — святая святых в разведывательной работе. В те годы этой работе придавалось важнейшее значение, поскольку резидентур под дипломатическим прикрытием было относительно немного. Наша разведслужба стремилась к тому, чтобы русские агенты в случае провала не могли навести западные спецслужбы на советские полпредства за рубежом.

Отец позже рассказывал, как однажды принес Эйтингону личное дело молодого чекиста, служившего возле польской границы, с просьбой по возможности перевести его на работу в качестве одного из сотрудников отделения, которым Эйтингон руководил. В деле находилась записка заместителя начальника отдела Украинского ГПУ, рекомендовавшего его для службы в Польше недалеко от того места, где тот жил и работал. Эйтингону не хотелось посылать этого молодого человека в Польшу, рядом с границей, где того могли узнать. И он про-

комментировал это так: «Если этого парня, не имеющего никакого опыта, поймают при обычной проверке, то чья голова тогда полетит? Если я стану слушать подобные рекомендации, надо будет завести специальную корзину для собирания голов».

Первая же оперативная встреча отца с Эйтингоном была уже в Испании, откуда тот нелегально переправлял отца во Францию в 1938 году после ликвидации Конавальца.

Эйтингона послали в Испанию двумя годами раньше моего отца в качестве заместителя резидента, отвечавшего за партизанские операции, включая диверсии на железных дорогах и аэродромах. После того как Никольский, русский резидент в Испании (под именем Александр Орлов), в июле 1938 года исчез, Эйтингон стал резидентом.

Когда в 1939 году в гражданской войне в Испании победил Франко, Эйтингон перебрался во Францию, где несколько месяцев реорганизовывал и восстанавливал все то, что осталось от его агентурной сети, и поддерживал связь с Гаем Берджесом — одним из членов кембриджской группы, проходившим под кодовым именем Девушка. Затем Берджес был передан на связь Горскому — резиденту НКВД в Англии. Примерно в то же время Эйтингону удалось привлечь к сотрудничеству с советской разведкой племянника главы испанской фашистской партии Примо де Ривейры, друга Гитлера. До 1942 года он был важным источником информации о планах Франко и Гитлера.

В 1938 году Центр был буквально взбешен бегством советского резидента в Испании Орлова. Позже говорили, что он сбежал, боясь ареста. Однако Эйтингон предположил, несмотря на измену Орлова, продолжать контакты с членами кембриджской группы, поскольку Орлов, проживая в Соединенных Штатах, не мог выдать своих связей с этими людьми без риска подвергнуть себя судебному преследованию. В 1934—1935 годах Орлов жил в Англии по фальшивому американскому паспорту, поэтому если бы американская контрразведка проверила кембриджскую группу, то Орлов мог не получить американское гражданство и был бы депортирован из США. Более того, всплыли бы нежелательные для него факты: террористические операции под его руководством и с

его участием против троцкистов и агентов НКВД, подозреваемых в двойной игре в Испании.

В 1941 году Эйтингон был направлен в Турцию и пробыл там почти весь 1942 год под именем Леонида Наумова. Там он готовил покушение на Франца фон Папена, тогдашнего германского посла в Турции. По слухам, фон Папен должен был возглавить правительство Германии в случае отстранения Гитлера от власти генералами вермахта. Это открывало путь к сепаратному миру между Германией, Англией и США. Попытка покушения оказалась неудачной — наш агент-болгарин нервничал, и бомба взорвалась раньше времени у него в руках. В результате сам он погиб, а фон Папен отделался лишь легкими царапинами.

В своих воспоминаниях отец упоминал, в частности, что Эйтингон оказался настроенным куда более реалистично в оценке тогдашних наших порядков, чем он. Эйтингон часто говорил, к примеру, что партия больше не является отрядом единомышленников, преданных социалистическим идеям и принципам справедливости, а стала всего лишь машиной для управления страной.

Приведу слова отца по этому поводу:

«Сначала шутки Эйтингона в адрес руководства страны расстраивали меня, но затем я привык к ним и стал понимать, насколько он прав, полагая, что наши лидеры ставили свои собственные корыстные интересы выше интересов народа и Советского государства. Жена, однако, всегда одергивала Эйтингона, едва он начинал жаловаться на раздутые привилегии кремлевского руководства. «С одной стороны, — говорила она, — я согласна с тобой. Слишком много людей пользуются ими, и в большинстве ни за что и, уж конечно, не за свой тяжелый труд. Не забывай, однако, что и ты, и твоя семья получали льготы и так же, как и мы, не думали отказываться от них».

В последние годы своей жизни Эйтингон был женат на Пузыревой, единственной женщине — сотруднице КГБ, награжденной британским орденом.

Эйтингон вторично был арестован вместе с моим отцом на волне, последовавшей за отстранением Берия от власти в 1953 году, и освобожден только в 1964-м. Эйтингон скончался в 1981 году, не будучи реабилитированным, — официально он считался просто выпущенным на свободу преступником. Лишь в апреле 1992 года семья получила свидетельство о его посмертной реабилитации.

Эйтингон, по свидетельству отца и других людей, близко знавших его, был по-настоящему одаренной личностью и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру. До сих пор в моей памяти живет его шутка: «При нашей системе есть лишь одна, впрочем, тоже не гарантированная, возможность не закончить свои дни в тюрьме. Надо не быть евреем или генералом госбезопасности».

В 1992 году мне из Лондона позвонила Мэри Кей, дальняя родственница Эйтингонов, которая хотела приехать в Москву для сбора материалов о Науме Эйтингоне. Я переадресовал ее к отцу. Позже я познакомился с ней. Во время встречи с отцом в мае 1992 года он узнал от нее, что ветви «клана» Эйтингонов можно найти в Белоруссии, Москве, Нью-Йорке и Лейпциге. Однако родственники, которые переехали из Европы в Америку и пользовались особыми льготами по торговле меховыми изделиями из Советского Союза, не играли никакой роли в профессиональной карьере Эйтингона, и он не поддерживал контактов с ними даже после освобождения из Владимирской тюрьмы.

Ближайшим другом отца в этот период был Петр Яковлевич Зубов.

Он родился 7 февраля 1898 года в Тифлисе в рабочей семье. В 1917 году окончил железнодорожное училище и поступил техником-десятником на Закавказскую железную дорогу. Одновременно посещал лекции Тифлисского народного университета. Здесь он вступил в партию, вел нелегальную работу на железной дороге, распространял большевистскую литературу. В 1919 году стал членом боевой дружины партии большевиков.

В марте 1920 года П. Я. Зубов был арестован особым отрядом меньшевистского правительства Грузии и заключен в Кутаисскую тюрьму. В мае того же года по договору между Советской Россией и Грузией был освобожден и выслан в Россию. Вместе с другими коммунистами, выпущенными из тюрьмы, выехал во Владикавказ, где работал в ЧК Терской области.

После восстановления советской власти в Закавказье П. Я. Зубов с 1921 по 1929 год работал на оперативных должностях в Грузинской ЧК—ГПУ. Руководил мероприятиями по разгрому подпольных антисоветских центров, участвовал в ликвидации повстанческого штаба

меньшевиков и нескольких подпольных типографий. Являлся заместителем начальника секретного отдела Закавказского ГПУ.

В 1927 году П. Я. Зубова направили в резидентуру внешней разведки в Стамбуле, где он работал под прикрытием сотрудника консульского отдела полпредства СССР под именем П. И. Гришина. За годы служебной командировки, которая завершилась в 1930 году, он характеризовался как «один из лучших и ответственных оперативных работников резидентуры, добившийся высоких результатов».

В 1930—1931 годах Зубов вновь работал в Закавказском ГПУ. Принимал активное участие в ликвидации кулацких банд в Грузии и Абхазии. За этот период коллегия ОГПУ дважды награждала его: именным оружием и Почетной грамотой «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

В июле 1931 года Зубов был направлен в парижскую резидентуру в качестве оперработника, где находился до мая 1933 года. Занимался разработкой антисоветской грузинской эмиграции. Приобрел ряд источников информации в грузинских эмигрантских кругах. Внедрял агентуру в эмиссарские группы грузинских меньшевиков, засылавших своих людей на Кавказ для ведения подрывной работы.

В Париже он приобрел источник информации, который был им внедрен в ближайшее окружение лидера грузинских меньшевиков Ноя Жордания. Через этот источник резидентура регулярно получала материалы загранбюро меньшевистской партии Грузии, сведения о подготавливавшихся ею террористических акциях.

Благодаря целеустремленной работе Петра Зубова парижская резидентура вскрыла и в дальнейшем успешно контролировала подготовку английской разведки к проведению крупной террористической операции на Кавказе под кодовым наименованием «Диверсия». В результате планы англичан по дестабилизации обстановки в этом регионе были сорваны.

Этим же разведчиком по агентурным каналам была вскрыта и нейтрализована террористическая группа, созданная грузинскими меньшевиками для совершения покушения на Сталина. П. Я. Зубовым разрабатывались и другие антисоветские эмигрантские группы, направлявшиеся в Грузию для организации повстанческого движения.

За время работы в Париже он также приобрел еще один ценный источник информации, от которого на регулярной основе поступали разведывательные сведения по Ирану и Турции.

По завершении служебной командировки в Париже П. Я. Зубов с 1933 по 1937 год работал в центральном аппарате разведки. В апреле 1937 года был направлен в резидентуру внешней разведки в Прагу в качестве оперативного работника. Здесь он под фамилией Н. В. Привалова находился до 1939 года под прикрытием второго секретаря посольства.

В период Великой Отечественной войны П. Я. Зубов руководил подготовкой и заброской в тыл врага специальных разведывательных групп для сбора сведений о дислокации немецких войск, стратегических замыслах германского командования.

В 1946 году П. Я. Зубов был уволен в запас по состоянию здоровья. За заслуги в деле обеспечения государственной безопасности полковник Зубов награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, а также многими медалями.

Глава 5

ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА

Сообщения, появившиеся ранее на Западе, в которых Эйтингону приписывалась важная роль в проведении операции похищения в 1937 году в Париже генерала Миллера, руководителя РОВСа («Русский общевоинский союз»), не соответствуют действительности. Похищен он был при участии эмигрировавшего в Париж генерала Скоблина (кодовая кличка Фермер), действовавшего под непосредственным руководством Шпигельгласа. Скоблину удалось заманить Миллера на явочную квартиру НКВД, где якобы должна была состояться его встреча с офицерами германской разведки. Там он и был задержан. В связи с исчезновением Миллера французские власти заявили решительный протест советскому послу во Франции, настаивая на том, что тот был на самом деле похищен и доставлен на борт советского судна. Они

даже угрожали послать свой эсминец для перехвата в море советского судна. Наш посол Суриц категорически отверг все обвинения, предупредив французов, что они понесут ответственность, если мирное советское судно будет остановлено и обыскано ими в международных водах. В любом случае, по словам посла, генерала Миллера там все равно не найдут. В результате советское судно не было задержано и благополучно проделало свой путь от Гавра до Ленинграда.

Миллер был доставлен в Москву, где его допрашивали, он отказался подписать обращение к белой эмиграции о прекращении борьбы с советской властью, был судим и расстрелян в 1939 году на Лубянке. Его похищение наделало в то время много шума. То, что генерала удалось обезвредить, привело к развалу всей организации бывших царских офицеров, сорвав планы их сотрудничества с немцами в войне против нас.

Скоблин между тем бежал из Парижа в Испанию на самолете, заказанном для него Орловым (когда Орлов в 1938 году бежал, он сохранил золотое кольцо Скоблина в качестве доказательства своей причастности к этому делу). Сам Скоблин погиб во время воздушного налета на Барселону в период гражданской войны в Испании. Его женой была известная русская певица Надежда Плевицкая, поддерживавшая связь с НКВД. Она не подозревала, что Шпигельглас руководил операцией по захвату Миллера, и считала его другом своего мужа. Она только знала, что Шпигельглас (Дуглас) был связан с советскими представителями и поддерживал их материально. Ее арестовали во Франции за соучастие в похищении Миллера и приговорили к двадцати годам каторжных работ. Она умерла в тюрьме в 1944 году. Если бы Скоблин проводил эту операцию, как пишут некоторые «знатоки» истории нашей разведки, с ведома немцев, то Плевицкая была бы освобождена ими, или, во всяком случае, немцы обязательно попытались бы ее использовать, чтобы выйти на связи нашей разведки во Франции.

Е. К. Миллер был похищен 22 сентября 1937 года. А уже 29 сентября он вручил своему следователю во время первого допроса во внутренней тюрьме на Большой Лубянке торопливо написанный карандашом лист бумаги и попросил немедленно отправить его жене в Париж.

«Дорогая Тата, крепко тебя целую, не могу тебе написать,

где я, но после довольно продолжительного путешествия, закончившегося сегодня утром, хочу написать тебе, что я жив и здоров и физически чувствую себя хорошо. Обращаются со мной очень хорошо, кормят отлично, проездом видел знакомые места. Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст, когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится. О себе, конечно, ничего писать не могу. Скажу только, что вышел я из Управления около полудня без пальто, так как было тепло и я предполагал через час-полтора вернуться. Здесь, где я нахожусь, хотя погода отличная, но все же уже свежее; мне дали отличное новое пальто, новую фуфайку, кальсоны и шерстяные носки. Так что и в этом отношении можешь не беспокоиться. Я надеюсь, что смогу указать адрес, по которому можешь дать мне сведения о здоровье своем, детей, внуков. Крепко тебя, мою дорогую, целую и молю Бога, чтобы вся эта эпопея закончилась благополучно. Горячо любящий тебя (подпись)».

В ближайшие дни генерал, помещенный в наиболее строго охраняемую одиночную камеру № 110, вероятно, еще надеялся, что ему удастся дать знать о себе и успокоить близких. Он тогда же пишет письмо (на такой же бумаге и, видимо, тем же карандашом) начальнику канцелярии РОВС генералу Кусонскому:

«Дорогой Павел Алексеевич, сегодня прошла почти неделя, когда я, прощаясь с Вами в начале первого часа дня, передал Вам письмо, прося его прочесть, ежели я часа через полтора-два не вернусь. Было у меня какое-то подсознательное предчувствие, что меня НВС (Н. В. Скоблин) увлекает, м. б., на что-то опасное. Но, конечно, ничего подобного происшедшему я не ожидал и в мыслях не имел. Писать Вам о том, что и как произошло тогда во вторник, как и где я нахожусь сейчас, я, конечно, не могу, ибо такого содержания письмо несомненно не было бы Вам послано. Совершенно я не знаю, что и как произошло в Париже после того, как я «выбыл из строя». Хочу же написать Вам только по вопросам частного и личного характера, касающимся других лиц, совершенно не причастных ни к какой политике...»

Текст заканчивается словами: «Будущее в руке Божией. Может быть, когда-нибудь и увидимся еще. Искренне Ваш ген. Миллер».

Не стану приводить все письмо целиком, это заняло бы слишком много места. В нем — только сведения о незаконченных делах благотворительности РОВС. Е. К. Миллер тревожится, «чтобы не забылось, не потерялось». Вот несколько абзацев из деловой части письма председателя РОВС начальнику своей канцелярии:

«Вл. Ник. Лабзин живет (далее следует адрес по-французски). Я обещал для его внука доплачивать ежемесячно из стипендиальных денег по 150 фр. к тем 350, которые он сам обещал платить. В среднем ящике моего письменного стола дома Вы найдете конверт с подписью Стипендиальные дела, и в нем 300 фр.».

«...Я обещал 300 (или 350, не помню — должно быть, записано в отделе о стипендиальных делах в коричневой тетради) г-же Родионовой за ее сына. Ее благодарственное письмо я получил за несколько дней до моего выбытия из строя, и думаю, Вы его найдете либо в толстой желтой папке, либо в папке Сергиевского».

«...Затем я еще кому-то обещал франков 200 в месяц, кажется, ротмистру Андерсену — запись должна быть в коричневой-красной тетради в рубрике «Стипендиальные деньги». Вот что касается твердо обещанных стипендий по корпусу».

«...Затем ко мне числа 14 или 15 обратился с личной просьбой — чина не помню, фамилия вроде Шпилевский, за двух кадет, своего сына и другого родственника, указывая на боевые заслуги в Великую войну отца последнего. Так как у меня денег уже не было, то я ему сказал подать мне письменное мотивированное прошение, с которым я мог бы обратиться к кому-либо из имущих русских. Я имел в виду графа Пав. Коцебу, недавно женившегося на какой-то германской принцессе; его брат, бывший улан Ее Величества, скромно живет в Париже, личным трудом зарабатывает себе на хлеб насущный. Адрес гр. Коцебу мне приискал полковник Скуратов, и у него всегда можете его спросить».

Бумагу Шпилевского я получил только в понедельник 20-го или вторник 21-го, и потому гр. Коцебу написать не успел. Сделайте это за меня и от моего имени. За двоих придется приплачивать в месяц франков 600—650. Другой богат, на которого мне указали около месяца тому назад и который довольно щедро готов помогать неимущим русским, это некто Чихачев. Он был произведен в конце войны в Кавалергардский полк, но в полк не явился (почему — не знаю) и в полковом объединении Кавалергардов не состоит. Вследствие ка-

кого-то изобретения и участия в каких-то делах он стал очень богатым человеком, имеет какую-то контору в Лондоне. Его адрес у меня был... не помню. Но думаю, что если совершенно доверительно от моего имени обратитесь к моему двоюродному племяннику Георгию Романовичу Миллеру, служащему в ресторане Корнилова, то он для меня не откажет Вам сказать точный адрес. Может быть, Коцебу не согласится дать всей нужной суммы, тогда бы хорошо было поделить деньги, нужные для обоих мальчиков, за которых просит Шпилевский, между Чихачевым и Коцебу.

Теперь еще серьезный вопрос о плате за помещение Корпуса, 1 октября нужно платить 5000 франков нотариусу... Вероятно, он уже заявлялся к Вам. Деньги эти имеются (далее следует указание, в каких папках и конвертах лежат те или иные денежные документы или наличность). Таким образом, этот платеж можно считать обеспеченным с избытком. Избыток в размере 1000 франков предназначался мною для уплаты по личному моему векселю, срочному 15 октября и выданному адвокату, ведущему дело Вонсяцкого против нас. На всякий случай переписка его со мной, кажется, тоже находится в папке (желтой) Корпуса-Лицея. Когда он выиграл процесс о выселении Корпуса-Лицея из дома, принадлежавшего Вонсяцкому, то по окончании всяких сроков и апелляций я заключил мировую о выезде в половине июля, что мы и исполнили, и выплате ему 3500 фр. в разные сроки: 2500 фр. ему уже выплачены, а векселя мои, обусловившие платежи, мне последовательно были возвращены. Остался один вексель на 100 фр. сроком 15 октября.

Я бы ничего не имел против — по поговорке «нет худа без добра» — хотя бы в этом случае использовать мою невольную безвестную отлучку, чтобы этому «обер-фашисту» причинить маленькую неприятность за все зло, которое он причинил Корпусу-Лицею. Пусть ждет получения денег до моего возвращения или ищет меня по Божию Свету. Ввиду моей вынужденной отлучки никто не обязан ему платить за меня по моему векселю, а к тому времени на моих счетах в банках, вероятно, не останется и ста франков. Квартиры же у меня нет. Пусть это станет маленькой улыбкой судьбы среди той грозы, которая разразилась надо мною».

Из этих первых писем видно, что Е. К. Миллер продолжает жить интересами своей семьи, живо интересуется делами РОВС, заботится, чтобы его отсутствие не сказалось бы отрицательно на деятельности организации. Он еще надеется завязать хоть какую-то связь с внешним

миром. Но больше всего его заботит состояние здоровья жены, которой он не может сообщить о том, что жив и здоров.

Известно, что 4 ноября 1937 года, видимо убедившись в том, что его первое письмо к жене так и не отправлено, он пишет начальнику тюрьмы заявление с просьбой хотя бы кратко известить жену, что он жив, и тем успокоить ее. Просьба эта, разумеется, была напрасной.

В те же самые дни другой исчезнувший из Парижа генерал — Скоблин тоже обращается с письмом, и тоже к человеку, в чьих руках находится. Просьба та же — помочь его жене. Неизвестно, где это письмо было написано, но можно предположить, что Скоблин, уехав с помощью своих хозяев из Парижа, жил где-нибудь под Москвой, подобно Сергею Яковлевичу Эфрону, мужу Марины Ивановны Цветаевой, также бежавшему из Франции после похищения генерала Миллера. Оказалось, что и он сотрудничал с НКВД и каким-то образом был связан с делом председателя РОВС. Если Эфрона поселили под Москвой (это хорошо известно), то почему не могли сделать так и со Скоблиным? Однако «режим» у последнего был, несомненно, гораздо строже.

Вот письмо Скоблина, адресованное его начальнику в НКВД.

«11.XI.37. Дорогой товарищ Стах! Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза. Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем Великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе. Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала «Большевик» этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья «Большевики на Северном полюсе» произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: «Как ты полетишь на полюс и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь — пешком-то далеко идти?» — «Если поломаю, — сказал Водопьянов, — пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ

Сталин не бросит человека!». Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной верой, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен и тоже верю, что Товарищ Сталин не бросит человека. Одно только меня опечалило, это 7 ноября, когда вся наша многомиллионная страна праздновала этот день, а я не мог дать почувствовать «Васеньке» (семейное прозвище, а возможно, и подпольная кличка Надежды Васильевны Плевицкой) о великом празднике. Не успел оглянуться, как снова прошло 2 недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло. От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем «Васеньке» не дает мне целиком отдаться этому делу. Как Вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»? Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2-месячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное, успокоить. Крепко жму Вашу руку. С искренним приветом Ваш (подпись)».

Напрасной была вера Миллера в то, что его положение изменится к лучшему, когда 27 декабря 1937 года к нему в одиночную камеру № 110 явился для беседы лично нарком Ежов. И на следующий день генерал Е. К. Миллер направляет ему заявление:

«28 декабря 1937 г. Лично Господину Народному Комиссару внутренних дел С.С.С.Р. Ежову.

К сожалению, вчера во время нашего разговора я до последней минуты не знал, с кем говорю, и вопрос этот выяснился для меня лишь в момент вашего ухода. Поэтому в разговоре нашем я не считал себя вправе касаться моих показаний следователю — какое отношение к его работе имеете Вы и Ваши спутники, я не знал. Сейчас, когда положение для меня прояснилось, я, уже не опасаясь быть некорректным по отношению к следователю Н. П. Власову, могу довести до Вашего сведения, что кроме устных показаний о секретной работе с 30-го по 37-й год с моего ведома и одобрения особым лицом, мною для сего приглашенным, и на средства, специально для сего собранные, я по желанию следователя составил еще и записку с моими показаниями, касающимися Повстанческого Движения в С.С.С.Р. Эта записка была предъявлена мною следователю лично 10 октября при свидании. Признав ее неисчерпывающей, следователь оставил ее у меня с тем, чтобы я ее срочно дополнил некоторыми сведениями,

и обещал зайти за нею на следующий день 11 октября вечером. Но ни 11-го окт., ни позже следователь ко мне не приходил, и я его больше не видел, а записка с моими показаниями (стр. 1—12). как и дополнение к ней (стр. 13—18) до сего времени лежат у меня. Считаю своим долгом довести ее до вашего сведения, тем более что в ней имеются ответы на некоторые вопросы, слышанные мною вчера».

Письмо завершают повторные просьбы — сообщить о нем жене, разрешить пользоваться бумагой и пером, чтобы начать писать воспоминания, вернуть карманные часы, потому что из-за темного зимнего времени в камере невозможно понять, который час...

Сохранилась и переданная вместе с письмом восемнадцатистраничная записка с дополнением, из которой следует, что ни РОВС, ни сам генерал Миллер не имели ровно никакого отношения к организации и руководству повстанческим движением в СССР. В записке, написанной нарочито скудно, не содержится ни одного конкретного факта, не названо ни одного имени, адреса или даты. Понятно, почему следователь Власов не взял эту записку, — для советских спецслужб она не представляла никакой ценности. В конце записки говорится: «В моем показании я излагаю все, что у меня сохранилось в памяти. Никакой непосредственной связи с организацией повстанческих движений я не имел и вообще за эти 7 1/2 лет бытности председателем РОВС слышал всего о двух крупных повстанческих движениях — в 1930 г. в Восточной Сибири и на Северном Кавказе в 1932 или 1933 годах — точно не помню...»

Вот практически и все, что узнали чекисты от генерала Е. К. Миллера. Из сохранившихся материалов видно, что секретный узник хоть и без особой надежды, но продолжал настаивать на отправке жене хоть какой-то весточки о себе. Вот несколько строк из его письма на имя Ежова от 30 марта 1938 года: «...Я решаюсь еще раз просить Вас исполнить мои просьбы, изложенные в заявлениях моих от 4 ноября и подтвержденные в моем обращении к Вам 28 декабря пр. г., и разрешить отправку моей жене хотя бы самого краткого письма с уведомлением, что я жив и относительно благополучен... Я так ярко вспоминаю, как тяжело страдала от неизвестности жена Ген. Кутепова, а с ней и все мы, хорошо знавшие его, рисуя себе картину всех тех ужасов и физических страданий, которые должны были ожидать его в Москве...»

В этом письме Е. К. Миллер просит Ежова разрешить ему побывать в церкви. Он ссылается при этом на декларации советского правительства и даже на труды Ленина о «свободе вероисповеданий в СССР»: «В предположении, что заветы Ленина чтутся и соблюдаются его учениками и преемниками, нынешними распорядителями судеб русского народа, в полной власти которых я сейчас нахожусь, я решаюсь просить Вашего разрешения мне ответить на ближайшей неделе в одной из московских церквей по Вашему выбору».

Далее генерал добавляет: «Вопрос о нежелательности встретиться с кем-либо, кто мог бы меня узнать, мне кажется, отпадает... У меня было очень мало знакомых в Москве, а теперь, по истечении 20 лет, смерть, эмиграция, высылки наверняка и последних знакомых унесли. Кроме того, я могу перевязать лицо повязкой, да и вообще мой современный облик штатского старика мало напоминает млажаваго 47-летнего генерала, ка-ким я уехал из Москвы в 1914 году».

Надежды узника побывать в церкви оказались, конечно, напрасными. Не дождавшись ответа на письмо, Е. К. Миллер в середине апреля 1938 года вновь пишет Ежову:

«Народному Комиссару внутренних дел Союза ССР. генеральному комиссару государственной безопасности Ежову.

Неполучение ответа на мою просьбу к Вам от 30 марта лишает меня надежды получить просимые посещения церкви, хотя бы лишь в течение одной недели во время Великого поста. Поэтому я, ссылаясь на мотивы, приведенные мною в вышеуказанном моем прошении, решаюсь дополнительно просить Вашего разрешения на передачу Его Высокопреосвященству Митрополиту Московскому приложенного при сем письма, в нем прошу Владыку, дабы я мог в чтении Евангелия и Библии найти столь нужное мне духовное утешение и получить некоторые сведения по Истории Церкви. В случае Вашего согласия и готовности Владыки исполнить мою просьбу, прошу Вас не отказать в Вашем соответствующем распоряжении о доставке просимых мною Книг через начальника тюрьмы. Вместе с тем повторно прошу Вашего разрешения на предоставление мне права пользоваться бумагой и пером, хотя бы лишь для того, чтобы при чтении книг, полученных мною из тюремной библиотеки, делать краткие выписки в целях облегчения усвоения прочитанного.

16 апреля 1938 г. Генерал Миллер».

К этому листу приложен еще один — послание владыке Сергию:

«Москва, 16 апреля 1938 г. Его Высокопреосвященству Владыке Сергию, Митрополиту Московскому.

Ваше Высокопреосвященство, с разрешения Народного Комиссара Внутренних Дел обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой. Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом, не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке. Был бы глубоко благодарен, если бы Вы нашли возможность подарить мне также «Историю Церкви», хотя бы один из учебников, которым пользуются воспитанники Семинарий или духовной Академии. Все мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть времени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2—3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить. Препоручаю себя святым молитвам Вашим, прошу Вас, глубокочтимый Владыко, верить чувствам искренней благодарности моей. Вашего Преосвященства покорный слуга раб Божий Евгений».

И это послание, разумеется, не было передано адресату. Никакого духовного утешения Евгений Карлович не получил. Последний по времени документ, написанный узником одиночной камеры № 110, который дошел до нас, датирован летом 1938 года:

«В собственные руки Народному Комиссару внутренних дел Союза ССР и генеральному комиссару государственной безопасности Ежову.

На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Наисеновского Оффиса при Лиге Наций, членом коей состоит СССР. Я ни одного дня не был гражданином СССР, и никогда моя нога не ступала на территорию СССР. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлорофомиро-

ван, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом. Таким образом для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38—41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне все же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей. Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком памятен, да и все эти 7 $\frac{1}{2}$ лет со дня вступления моего в должность председателя Р. О. В. Союза, сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленника Сов. власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у жены моей худшие опасения за мою дальнейшую судьбу. Первое движение мое поэтому по прибытию в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал Начальнику Тюрем при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков. Не получив никакого отклика на это заявление от 4 ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня денег, принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях.

28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил. Прошло 10 месяцев, и я ничего не знаю о моей семье, и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне. Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решившихся похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед «совершившимся фактом», поставило Вас и все Сов. правительство в затруднительное

положение и в необходимость впредь, до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в СССР, но все же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — моя жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена по матери своей — родная внучка жены А. С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать и сестры, большую нервность, свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе!

...Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание «Железной маски» времен Людовика XIV — и все это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я, может быть, стал невольным убийцей своей жены, и все это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой Армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благотворительно ко всему вышеизложенному, я — ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения.

27/VII 1938 г. Генерал Миллер».

Можно только предполагать, как провел Евгений Карлович Миллер вторую половину 1938 года и первые месяцы 1939-го. Об этом никаких данных. Однако точно известно, что судьба похищенного генерала решилась окончательно и бесповоротно майским весенним днем

1939 года. Причем сделано это было в экстренном порядке в течение считанных часов. Почему именно в этот день, а не двумя месяцами раньше или тремя — позднее? Конечно, в архивных делах НКВД ответа на этот вопрос не найти. Но он напрашивается сам собой, если припомнить политические реалии начала мая 1939 года и в СССР, и в Европе. На этот период пришелся резкий поворот внешнеполитического курса СССР — 4 мая наркомом по иностранным делам М. М. Литвинова, который был известен как сторонник сближения СССР с Англией и Францией и создания антигитлеровского альянса, сменил на этом посту В. М. Молотов. Это означало, что путь к соглашению СССР с Гитлером открыт. И если прежде было можно еще предположить, что когда-нибудь в какой-либо ситуации советским властям может пригодиться русский генерал, похищенный в Париже, то теперь такая возможность отпадала даже теоретически. Это и решило участь Е. К. Миллера.

11 мая 1939 года датированы три документа, сохранившиеся в архиве. Два из них написаны на разных и очень высоких бланках, но одной и той же рукой и даже одними и теми же зелеными чернилами. С большой долей вероятности можно предположить, что в середине дня или к вечеру 11 мая — по утрам советские учреждения тогда не работали — наркомвнудел Берия (Ежов к тому времени был уже устранен), получив срочные указания от Сталина или Молотова — кто другой мог решить судьбу Миллера! — приехал к себе на Лубянку, вызвал Ульриха, и тут же дежурным секретарем были написаны две бумаги. Одну подписал Ульрих теми же секретарскими зелеными чернилами, Берия начальственным красным карандашом подмахнул другую, и был вызван комендант...

Документ первый.

На бланке «Народного Комиссара Внутренних Дел СССР» без номера, но с датой 11 мая 1939 года написано: «Только лично.

Начальнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР тов. Миронову

ПРЕДПИСАНИЕ

Предлагаю выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110, коменданту НКВД СССР тов. Блохину.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР Л. Берия».

Внизу другим почерком и другими чернилами приписка:

«Арестованного Иванова под № 110 выдал коменданту НКВД. Нач. Внутр. тюрьмы Миронов. 11.V.39».

Наискось через весь лист размашисто красным карандашом написано: «Одного осужденного принял. Блохин. 11/V 39».

Второй документ представляет собой написанное на бланке «Военной Коллегии Верховного Суда СССР» за № 00180/Л предписание «Коменданту НКВД СССР тов. Блохину». В нем говорится:

«Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 года.

Председатель В. К. В. Ульрих».

Сбоку на этом документе видна приписка:

«Выданная личность Иванов под № 110 подтверждаю.

Нач. Вн. тюрьмы Миронов. 11/V 39 г.».

Видно, было очень важно не ошибиться и не «выдать» кого-то другого, оставив в живых того, нужного... И, наконец, третий документ, написанный рукой начальника тюрьмы Миронова:

«АКТ

Приговор в отношении сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верховного Суда СССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и 23 часа 30 минут сожжен в крематории в присутствии:

Комендант НКВД Блохин (подпись)

Н-к Внутр. тюрьмы ГУГБ НКВД Миронов (подпись)
11/V 39 г.».

Кто именно расстрелял Миллера — комендант или начальник тюрьмы, не сказано, но очевидно, что никакое третье лицо к этому совершенно секретному делу не привлекалось...

Пусть не смущает значащееся в документах имя Петра Васильевича Иванова. Особо секретных узников содержали в НКВД под чужими именами, под ними же — отправляли на тот свет. Именно этим, видимо, вызвана была необходимость особого подтверждения личности «Иванова под № 110» начальником тюрьмы при выдаче его коменданту Блохину. Не исключено, что и сам комендант НКВД Блохин (а это как-никак генеральская должность)

так и не узнал, кого он в майский день 1939 года лично возил на расстрел в московский крематорий.

Тождество Евгения Карловича Миллера и Петра Васильевича Иванова не должно вызывать сомнений: приведенные выше три коротких документа хранились в одной сколке с собственноручными письмами Е. К. Миллера и с письмом Скоблина в одной тоненькой синей папке, на которой есть такая пометка:

«Материал передавал 5/3 49 г. т. Абакумову (подпись)».

Понятно, что содержимое папки было тщательно проверено.

Кроме того, о чем-то говорит и совпадение номера камеры. И уничтожен был «Иванов под № 110» по известному шаблону, применявшемуся лишь к особо секретным узникам: их привозили в здание крематория, в подвальном помещении, прилегающем к жерлу огнедышащей печи, пристреливали и сразу же или почти сразу, что зависело уже от чисто технических причин, бросали в огонь.

Так 11 мая 1939 года был убит в Москве похищенный 22 сентября 1937 года в Париже русский генерал Евгений Карлович Миллер. Тогда же, как говорят, было уничтожено и заведенное на него в НКВД дело. Как бы и не было генерала здесь вовсе.

Глава 6

РЕПРЕССИИ В ОГПУ—НКВД

Судя по всему, непосредственным инициатором перевода моего отца в Москву был покровительствовавший моей матери ее непосредственный начальник Генрих Самойлович Люшков. Позднее протекцию со стороны Люшкова им неоднократно ставили в вину.

Приведу здесь один документ, имеющий прямое отношение к биографии моих родителей:

«Приложение к справке на Судоплатова Павла Анатольевича.

Жена Судоплатова — Каганова Суламифь Соломоновна долгое время работала с врагом народа Люшковым, при содействии которого была переведена в Москву в СПО ОГПУ; при вступлении Кагановой С. С. в кандидаты в члены ВКП(б) рекомендо-

вал ее тот же Люшков. (Сведения о Кагановой С. С. взяты из материалов ее ЛД № 1423.) Старший опер. 1-го отделения ОК НКВД СССР, лейтенант ГБ... (подпись) 25 марта 1942 года».

Люшков, пожалуй, одна из самых колоритных фигур из встречавшихся на жизненном пути моих родителей. Кроме того, на примере его судьбы отчетливо прослеживаются все интриги и тайные пружины перемещений и борьбы «кланов» в руководстве органов государственной безопасности СССР 30-х годов. Поэтому я остановлюсь подробнее на его биографии, известной мне частично со слов отца и матери, а частично — из сохранившихся архивных документов.

Генрих Самойлович Люшков родился в 1900 году в семье небогатого одесского еврея-портного. Семья, по-видимому, была вполне городской, не отличавшейся особой религиозностью. Так, будущего чекиста вместо традиционного хедера сразу отдали в шестиклассное начальное казенное училище. По его окончании, в 1915 году юноша продолжил учебу на вечерних общеобразовательных курсах, подрабатывая днем переписчиком в автомобильной конторе. По словам самого Люškова, в конце 1917 года под влиянием своего брата он оказался «вовлечен в Революционную Бурю»: в рядах дружины социалистической молодежи участвовал в уличных боях при захвате власти в городе Одесским Советом.

Однако уже в марте 1918 года Одесса была занята германскими оккупационными войсками, и с этого момента Люшков уходит в городское подполье. Как и во многих биографиях его современников, «пребывание в подполье» — самый неясный эпизод в жизни Люškова. Известно лишь то, что в феврале 1919 года, во время разгрома белыми одесского подполья, направляясь на явку, он был арестован. Из-под стражи удалось сбежать и по подложным документам пробраться в освобожденный красными войсками Екатеринослав. В марте под Николаевом Люшков добровольно вступил в Красную Армию — красноармейцем-политработником 1-го Николаевского советского полка, откуда был направлен в Киев на Центральные военно-политические курсы Наркомвоена Украины. Здесь в июле 1919 года он вступил в партию большевиков. Вскоре вместе со своими товарищами-курсантами он был переброшен на станцию Жмеринка, чтобы воевать с про-

рвавшимися петлюровцами, а затем работал помощником военного организатора Киевского губкома партии.

Когда началось наступление белых и Киев был сдан, Люшков вместе с эвакуированными советскими работниками Украины оказался в Брянске. В сентябре 1919 года он был направлен политруком в 1-ю Отдельную бригаду 14-й армии на Южный фронт. С бригадой прошел весь путь на Мозырском и Речицком направлениях Польского фронта, являясь секретарем и начальником политотдела бригады. В сентябре 1920 года он впервые ненадолго попал на чекистскую работу — уполномоченным Особого отделения ВЧК 57-й стрелковой дивизии. После советско-польской войны Люшков был демобилизован и вернулся в родную Одессу, поступил на учебу в Институт гуманитарных наук, но закончить образование не удалось: в ноябре 1921 года он был отозван с учебы и направлен на работу в Одесскую губЧК.

Украина, неоднократно переходившая из рук в руки противников в Гражданской войне, в начале 20-х годов оставалась ареной ожесточенной борьбы органов ВУЧК—ГПУ УССР с многочисленными противниками большевистского режима: петлюровцами, эсерами, польскими националистами, анархистами, крестьянскими повстанцами и просто уголовно-бандитскими элементами. Кроме того, на Правобережье Украины, имевшем выход к двум границам — с Польшей и Румынией, органы ГПУ вели борьбу с проникавшими из-за кордона вооруженными формированиями и шпионско-диверсионной агентурой иностранных государств.

Именно такого рода служба досталась Люшкову в период 1921—1924 годов в ряде пограничных и окружных отделов ГПУ Тирасполя, Вознесенска, Первомайска, Каменец-Подольского и Волочинска на юго-западе Украины. Работа чекиста-оперативника в приграничье зачастую была связана с риском для жизни: в 1921 году во время ликвидации банды в Вознесенском уезде Люшков был ранен в руку.

В ноябре 1924 года он был выдвинут на самостоятельную руководящую работу начальником Проскуровского окружного отдела ГПУ, входившего тогда в Подольский губернский отдел ГПУ, которым в то время руководил крупный, «идущий в гору» украинский чекист — И. М. Леплевский. Именно ему и предстояло сыграть заметную роль в судьбе Люшкова.

Израиль Моисеевич Леплевский (1896—1938), как и Люшков, происходил из бедной еврейской семьи рабочего-табачника. В молодости он был членом Бунда, но в феврале 1917 года примкнул к большевикам. Отсутствие какого-либо образования (он был самоучкой) компенсировалось у него природной предприимчивостью, опытом практической работы в ЧК с 1918 года и наличием покровительствующей «руки» в Москве в лице старшего брата — Г. М. Леплевского, занимавшего видные посты в Малом Совнаркоме и Наркомвнуделе РСФСР. К моменту сближения Люшкова с Леплевским последний уже «показал себя стойким большевиком-чекистом, проявившим выдающиеся способности в деле борьбы со всеми видами контрреволюции» на Украине и в 1921 году награжденным орденом Красного Знамени.

Когда в октябре 1925 года им пришлось расстаться (Леплевский был назначен начальником Одесского окротодела ГПУ), бывший начальник Люшкова рекомендовал его на ответственную работу в центральный аппарат ГПУ Украины, дав тем самым первоначальный толчок его карьере. Перебравшись в Харьков, Люшков как хороший «агентурист» был сразу назначен начальником Информационно-осведомительного отдела (ИНФО) ГПУ Украины. Получив в свои руки всю агентурно-осведомительную сеть республиканского ГПУ, Люшков перешел к делам «крупного масштаба» и уже в 1926 году «нащупал террористическую группу, подготовлявшую покушение на Председателя ВУЦИКа тов. Петровского».

Следует сказать, что опыт в делах такого рода очень пригодился Люшкову во время его ленинградской командировки в связи со следствием по делу об убийстве С. М. Кирова и способствовал его сближению с одним из «кураторов» этого следствия — Н. И. Ежовым.

Смерть Кирова, ленинградского партийного руководителя, убитого в 1934 году, является, кстати сказать, классическим примером во всех отношениях. Это преступление до сих пор будоражит умы многих историков как своей простотой, так и таинственностью. Полного и точного ответа на вопрос, почему и как погиб первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров, так до сих пор и нет. Существуют только версии.

1 декабря 1934 года в Ленинграде во Дворце Урицкого (так тогда назывался Таврический дворец) в 18.00 должно было состояться заседание актива обкома. На этом заседании ожидали выступление С. М. Кирова. До четырех часов вечера он сидел у себя дома на улице Красных Зорь и работал над докладом. Затем внезапно собрался и выехал в Смольный. Кроме шофера и начальника личной охраны М. Борисова, с ним рядом никого не было.

Прибыв в Смольный, Киров направился в свой кабинет на третьем этаже здания. Причем пошел не по служебному отдельному входу в правом (северном) крыле Смольного, а через главный подъезд. Миновав длинную часть коридора, Киров свернул налево, направляясь к себе в кабинет. И именно на этом отрезке пути от него отстал М. Борисов, которому по инструкции это строжайше запрещалось. В тот момент из дверей одного из кабинетов вышел тридцатилетний молодой человек. Это был Леонид Николаев, бывший инструктор партийного архива. Увидев Кирова, Николаев направился за ним следом. Пройдя несколько метров по коридору, он внезапно достает из кармана револьвер системы «наган» и хладнокровно стреляет Кирову в затылок. Вот свидетельство очевидца тех событий Михаила Рослякова:

«И вдруг в пятом часу мы слышим выстрелы — один, другой... Сидевший у входных дверей кабинета Чудова завгородделом А. Иванченко первым выскочил в коридор, но моментально вернулся. Выскочив следом за Иванченко, я увидел страшную картину: налево от дверей приемной Чудова в коридоре ничком лежит Киров (голова его повернута вправо), фуражка, козырек которой уперся в пол, чуть приподнята и не касается затыльной части головы; слева под мышкой — канцелярская папка с материалами подготовленного доклада: она не выпала совсем, но расслабленная рука ее уже не держит. Киров недвижим, ни звука, его тело лежит по ходу движения к кабинету, головой вперед, а ноги примерно в 10—15 сантиметрах за краем двери приемной Чудова. Направо от этой двери, тоже примерно в 15—20 сантиметрах, лежит какой-то человек на спине, руки его раскинуты, в правой находится револьвер. Между подошвами ног Кирова и этого человека чуть более метра, что несколько превышает ширину входной двери приемной Чудова, где находился его секретарь Филиппов.

Подбегаю к Кирову, беру его за голову... шепчу: «Киров, Мироныч». Ни звука, никакой реакции. Оборачиваюсь,

подсказываю к лежащему преступнику, свободно беру из его расслабленной руки револьвер и передаю склонившемуся А. И. Угарову. Ощупываю карманы убийцы, из кармана пиджака достаю записную книжку, партийный билет... Угаров, через мое плечо, читает: «Николаев Леонид...» Кто-то из подбежавших хочет ударить ногой этого Николаева, но мы с Угаровым прикрикнули на него — необходимо честное следствие, а не поспешное уничтожение преступника.

Молча, в глубокой скорби стоят, склонив голову над Кировым, Кодацкий, Чудов, Иркилис, Струппе и другие. Секретари сообщают в НКВД, вызывают Медведева, санчасть. Запыхавшись, подходит отставший в большом коридоре охранник Кирова — Борисов...»

2 декабря в Ленинград приехал сам Сталин. Первым делом он и сопровождавшие его лица отправились в больницу, где лежал убитый Киров. Там Сталин опросил врачей, производивших вскрытие. На вопрос, можно ли было спасти Кирова, те ответили отрицательно. После этого Сталин приехал в Смольный. Расположившись в кабинете Кирова, Сталин по одному вызывал к себе: начальника Ленинградского НКВД Филиппа Медведева, убийцу Николаева, его жену Мильду Драуле. Затем Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов отправились в Таврический дворец, где для прощания был выставлен гроб с телом Кирова. В 22.00 гроб с телом везут по улицам города на Московский вокзал для дальнейшей отправки в Москву.

Официальная версия убийства С. М. Кирова стала известна общественности уже через несколько дней. 16 декабря 1934 года в Москве были арестованы пятнадцать человек во главе с Г. Зиновьевым и Л. Каменевым, которых и обвинили в подготовке и осуществлении убийства Кирова.

27 декабря все газеты публикуют обвинительное заключение по делу Л. Николаева, датированное 25 декабря 1934 года. Следствие считает установленным, что «в период 1933—1934 гг. в Ленинграде из числа бывших участников зиновьевской антисоветской группы организовалась и действовала подпольная контрреволюционная террористическая группа, поставившая своей целью дезорганизовать руководство Советской власти и изменить таким способом нынешнюю политику в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы».

29 декабря Л. Николаева и тринадцать его «сообщников» по приговору военной коллегии Верховного суда СССР расстреляли. Г. Зиновьева, Л. Каменева и еще пятерых «заговорщиков» из числа арестованных в Москве отправили в ссылку. Таким образом, Сталин и его окружение использовали убийство Кирова в политических целях, для развязывания в стране нового кровавого террора. На этом и основывается вторая версия убийства Кирова.

По этой версии именно Сталин был главным инициатором устранения Кирова. Эту версию впервые обосновал еще Л. Троцкий, затем ее подхватили А. Орлов, А. Рыбаков и другие. Суть этой версии такова.

В январе—феврале 1934 года в Москве прошел XVII съезд партии. На этом съезде не Сталин, а Киров стал подлинным триумфатором. При выборах в ЦК за Кирова проголосовало гораздо больше делегатов, чем за Сталина. Последнему об этом доложил Л. Каганович, который отвечал за подсчет голосов. Сталин приказал Кагановичу фальсифицировать результаты выборов. С этого момента, по мнению многих исследователей, и начался конфликт Генсека с первым секретарем Ленинградского обкома.

В отличие от большинства членов тогдашнего Политбюро, С. М. Киров был самым доступным для простых граждан руководителем. В Ленинграде его по-настоящему любили, и это уязвляло честолюбивого Сталина. В начале 1934 года он провел через Политбюро вопрос о том, чтобы Киров, как секретарь ЦК, ведавший вопросами тяжелой и лесной промышленности, срочно переехал работать в Москву. Киров в ответ проявил упрямство. И тогда Сталин стал применять обходные маневры. В августе 1934 года он пригласил Кирова совместно отдохнуть в Сочи. Там уговоры о переезде в столицу продолжились. После этого с 6 по 29 сентября Киров был отправлен в Казахстан для контроля за уборкой урожая и выполнения хлебопоставок.

Между тем, пока Киров отсутствовал, Сталин приказал наркому внутренних дел Г. Ягоде произвести перестановки в Ленинградском НКВД. В результате этих перестановок начальника Ленинградского НКВД Федора Медведа должен был заменить Иван Запорожец. Когда Киров приехал в Ленинград и узнал об этом, его возму-

шению не было предела. Киров тут же позвонил самому Сталину, однако тот остудил пыл сорокавосемилетнего секретаря ЦК. Но Запорожец так и остался на посту заместителя. И именно ему приверженцы второй версии приписывают одну из основных ролей в осуществлении убийства С. М. Кирова. По их мнению, Запорожец и нашел исполнителя убийства — Леонида Николаева.

Л. Николаев до апреля 1934 года работал инструктором испарткомиссии Института истории партии. Однако 8 апреля 1934 года партийное собрание института исключило его из партии за отказ явиться в районный комитет на отборочную комиссию по мобилизации коммунистов на транспорт и склочные обвинения в адрес руководящих работников-партийцев. В те же дни Николаева увольняют из института. И хотя через месяц его вновь восстановили в партии, на работу обратно его не приняли, и он оказывается безработным. Уязвленный Николаев пишет письмо сначала самому Сталину, а затем и Кирову. Ответа никакого. И тогда Николаев решает переговорить с Кировым с глазу на глаз. 15 октября 1934 года он встречается с ним на улице, однако этот разговор ни к чему не приводит. И тогда в голове Николаева созревает план отомстить. Запорожец, в свою очередь, прекрасно видит состояние молодого человека. Он позволяет Николаеву постоянно «крутиться» возле первого секретаря. Естественно, охрана пропускала Николаева в Смольный по партбилету. Кстати говоря, по партбилету можно было войти в любую партийную инстанцию, кроме ЦК ВКП(б). В Смольном, как и в других обкомах, не было системы спецпропусков для членов партии, и Николаеву требовалось только предъявить свой партбилет, чтобы попасть туда, куда был запрещен вход посторонним.

1 декабря в 16 часов 37 минут в Смольном Николаев убивает Кирова. Таким образом, по этой версии НКВД руками неудачливого в жизни молодого человека и по приказу Сталина устраняет первого секретаря Ленинградского обкома.

И, наконец, третья версия этого убийства, которая менее всего исследовалась в отечественной истории, но которая так же, как и две предыдущие, имеет право на жизнь.

Эта версия основывается на том, что Л. Николаев убил С. М. Кирова... из-за банальной ревности. Дело в том, что жена Николаева, тридцатитрехлетняя Мильда Драуле, нравилась Кирову. С 1930-го по август 1933 года она работала в должности помощника заведующего сектором кадров по легкой промышленности, а затем была переведена в управление уполномоченного Наркомлегпрома по Ленинградской области на должность секретаря сектора кадров этого управления. Управление размещалось в Смольном, поэтому возможность видаться друг с другом у Кирова и Драуле была (по другим данным, жена Николаева Мильда Драуле, молодая и привлекательная женщина, работала официанткой при секретариате Кирова в Смольном и прислуживала на некоторых кировских вечеринках, став со временем одной из его подружек).

Было известно, что по своей натуре Л. Николаев был крайне закомплексованным человеком, отличался неуживчивым характером, вступал в споры с начальством. Он был к тому же, что называется, «фатально невезуч». За тринадцать лет трудового стажа его выгоняли с одиннадцати мест работы. И повезло ему только однажды: когда он, маленький и тщедушный, встретил рослую и симпатичную Мильду Драуле и та согласилась выйти за него замуж. С этого момента Николаев целиком и полностью попал под власть жены. Это именно она, будучи на три года старше его и занимая партийный пост (а Николаев тогда работал в уюме комсомола), стала двигать мужа вверх и вскоре помогла ему устроиться на работу сначала в обком, а затем и в Институт истории партии. Однако невыдержанного и истеричного Николаева выгнали и оттуда, и жена после этого, кажется, окончательно разуверилась в нем. К тому же Николаев в последнее время стал патологически ревнив, и это вконец отвратило Драуле от мужа.

Бытует еще с тех пор и предположение о том, что Николаев не только догадывался, но и доподлинно знал о взаимоотношениях Драуле и Кирова. Используя это, он через свою жену обратился к Кирову за помощью, и тот содействовал его восстановлению в партии и устройству на работу в райком, тем самым как бы подтвердив свою связь с Мильдой. Но как только Мильда собралась подать на развод с Николаевым, ревнивый супруг убил соперника.

Между тем был в этой истории еще один человек, действия которого ускорили развязку трагедии. Звали этого человека Роман Кулишер, и был он мужем родной сестры Мильды — Ольги. Личность, надо отметить, довольно своеобразная. Дважды исключенный из партии за развратные действия и интриганство, он дважды был восстановлен в партии, но своих тайных пристрастий не бросил. Во всяком случае, именно с ним многие связывали письма, которые приходили на имя Л. Николаева в апреле—декабре 1934 года и в которых во всевозможных красках описывались «взаимоотношения» Мильды Драуле и Кирова.

Моя мать, которая в 1933—1935 годах работала в НКВД в Секретно-политическом отделе, занимавшемся вопросами идеологии и культуры (в частности, ее группа курировала Большой театр и Ленинградский театр оперы и балета, впоследствии театр имени С. М. Кирова), прекрасно знала, что Сергей Миронович очень любил женщин и у него было много любовниц как в Большом театре, так и в Ленинградском. Кстати, после убийства Кирова отдел НКВД подробно выяснял интимные отношения Сергея Мироновича с артистками.

Между тем приверженцы первой и особенно второй версий убийства С. Кирова напрочь отменяют всякие намеки на «особые» отношения первого секретаря обкома с М. Драуле, хотя уже тогда слухи о них повсюду курсировали по Ленинграду. Да и почему, в конце концов, обвиняя Сталина в том, что он изменял своей жене Надежде Аллилуевой, из-за чего она в 1932 году покончила с собой, мы должны отмечать такие подозрения от Кирова? Почему бы не предположить, что сорокавосемилетний мужчина, имея некрасивую, располневшую жену, взял и увлекся молодой красивой женщиной и завел с нею, что называется, «служебный роман»? И тогда многое в поведении участников той трагедии станет понятно.

Вот, например, почему Сталин, по версии некоторых историков, имея зуб на Кирова, настаивал на переезде последнего в Москву? Не потому ли, что он как мужчина понимал «щекотливое» положение Кирова и хотел сменить для него обстановку? То же самое могло быть и с заменой начальника Ленинградского НКВД Ф. Медведя, которого Сталин хотел в конце концов за-

менить И. Запорожцем. Ф. Медведь был старым и закадычным другом Кирова, в последнее время часто прикладывался к рюмке, был под каблуком у своей жены Раисы Михайловны Копыловской. Когда в ноябре 1933 года управделами Ленсовета Чудин покончил жизнь самоубийством, по городу ходили слухи о том, что виновата в этом Р. Копыловская. Так что Ф. Медведь мог вполне понимать увлечение Кирова и в чем-то даже потворствовать ему. Сталин же, видя, что Киров в этом вопросе занял непреклонную позицию, в свою очередь тоже не сдавался. Как выше уже говорилось, он завлек его сначала на юг, а после отдыха отправил в Казахстан. Не потому ли он все это делал, что хотел оторвать друга от его внезапного увлечения?

Историки, которые выставляют Ивана Запорожца чуть ли не главным заговорщиком в деле убийства С. М. Кирова, мягко говоря, грешат против истины. И. Запорожец с апреля 1932 года был заместителем начальника Ленинградского НКВД и имел в городе неплохую репутацию. Более того, по многим вопросам он был более энергичен, чем Ф. Медведь, и к 1934 году вполне созрел для того, чтобы заменить его на посту начальника НКВД. Так что И. Запорожца двигал не Г. Ягода по просьбе Сталина, а его личная деловая хватка и многолетний опыт кадрового чекиста.

Приверженцы второй версии часто педалируют тот факт, что когда Л. Николаева 15 октября 1934 года задержали на улице (он хотел поговорить с Кировым), отпустить его восвояси распорядился не кто иной, как Запорожец. Однако если учитывать, что тот знал о «взаимоотношениях» Кирова с М. Драуле, в этом нет ничего удивительного. Как мужчина Запорожец вполне мог понимать чувства обманутого мужа — Николаева.

Да и в отношении охраны Кирова Ленинградский НКВД вел себя отнюдь не предательски. До лета 1933 года личная охрана первого секретаря Ленинградского обкома состояла из трех человек: М. Борисова, М. Буковского и неофициального сотрудника УНКВД, который числился швейцаром в доме Кирова. Затем численность негласной охраны Кирова заметно увеличилась и выросла до пятнадцати человек. Он теперь охранялся постоянно. Для этих целей выделялась машина прикрытия с двухсменной выездной группой. Однако сам Киров тя-

готился охраной, считал ее излишней и часто игнорировал ее настойчивые просьбы вести себя более осторожно.

В роковые для Кирова минуты охранника рядом с ним не оказалось. М. Борисов, сопровождавший Кирова по коридору Смольного, в последний момент, как мы уже знаем, внезапно отстал от своего шефа. Почему? Судя по всему, злого умысла в этом не было. По свидетельству многих, Борисов давно работал с Кировым, хорошо к нему относился и предать его не мог. 2 декабря 1934 года в 12 часов дня, когда Борисова везли на допрос к Сталину, с автомашиной произошла авария и Борисов погиб. Одни утверждают, что его убили охранники, находившиеся с ним в машине, другие говорят о том, что он сам вывалился из кузова и разбился, тем самым совершив акт самоубийства.

Судя по всему, Николаев столкнулся с Кировым в коридоре случайно. Ведь Киров не должен был в тот день приезжать в Смольный перед заседанием актива, а значит, и ждать его у кабинета было бесполезно. Столкнувшись с Кировым, который шел без охранника, Николаев вновь мог повторить свою попытку поговорить с ним по-мужски. Киров в ответ мог вновь от него отмахнуться. И тогда в приступе ярости Николаев выхватил из кармана револьвер и выстрелил Кирову в затылок. После этого, осознав, что он наделал, Николаев выстрелил в себя, но этот выстрел оказался неудачным. Николаев упал на пол, и с ним случилась настоящая истерика. По этому уже можно судить, что убийство совершил не хладнокровный убийца, продумавший все до мелочей, а человек отчаявшийся, явно бывший не в ладах со своими чувствами и нервами.

2 декабря, когда в Смольный приехал Сталин, он вызвал к себе на допрос не только Николаева, но и его жену Мильду Драуле. О чем они говорили между собой, не знает никто. Вскоре после этого М. Драуле арестовали. Арестовали также брата Л. Николаева, его мать, двух сестер, сестру М. Драуле и ее мужа. В 1936—1937 годах все они были расстреляны. Так убийца Кирова потянул с собой в могилу практически всех своих родственников.

Между тем единственным, что объединяет все эти версии, является то, что убийство Кирова Сталин дейст-

вительно использовал как удобный повод для расправы с негодными ему людьми. Так называемый «заговор троцкистов», жертвой которого якобы пал Киров, с самого начала был сфабрикован самим Сталиным. Сталин, а за ним Хрушев и Горбачев, исходя из своих собственных интересов и желая отвлечь внимание от очевидных провалов руководства страной, пытались сохранить репутацию Кирова как рыцаря без страха и упрека. Коммунистическая партия, требовавшая от своих членов безупречного поведения в личной жизни, не могла объявить во всеуслышание, что один из ее столпов, руководитель ленинградской партийной организации, в действительности запутался в связях с замужними женщинами.

Официальные версии убийства, опубликованные в прессе, представляют собой вымысел от начала до конца. Сталинская версия заключалась в том, что Николаеву помогали руководители Ленинградского НКВД Медведь и Запорожец по приказу Троцкого и Зиновьева. Для Сталина смерть Кирова создавала удобный миф о тайном заговоре, что позволило ему обрушиться с репрессиями на своих врагов и возможных соперников.

Хрущевская же версия такова: Кирова убил Николаев с помощью Медведя и Запорожца по приказу Сталина. Но документы показывают, что Запорожец, считавшийся ключевой фигурой среди заговорщиков и якобы связанный с Николаевым по линии НКВД, в то время сломал ногу и находился на лечении в Крыму. Возникает вопрос: мог ли один из руководителей, готовивших заговор, отсутствовать так долго в самый решающий период трагических событий? Хрушев, подчеркивая, что многие партийные руководители упрасивали Кирова выставить свою кандидатуру на пост Генерального секретаря на XVII съезде партии, обвинял Сталина в том, что тот, узнав о существующей оппозиции, решил ликвидировать Кирова. Для Хрущева подобная версия давала возможность выставить еще одно обвинение в длинном списке преступлений Сталина. Документов и свидетельств, подтверждающих причастность Сталина или аппарата НКВД к убийству Кирова, не существует. Киров не был альтернативой Сталину. Он был одним из непреклонных сталинцев, игравших активную роль в борьбе с партийной оппозицией, беспощадных к оппозиционерам и

ничем в этом отношении не отличавшихся от других соратников Сталина.

Версия Хрущева была позднее одобрена и принята Горбачевым как часть антисталинской кампании. Скрывая истинные факты, руководители пытались спасти репутацию Коммунистической партии, искали фигуры, популярные в партии, которые якобы противостояли вождю. Создавался миф о здоровом ядре в ЦК во главе с Кировым в противовес Сталину и его единомышленникам.

Вся семья Николаева, Мильда Драуле и ее мать были расстреляны через два или три месяца после покушения. Мильда и ее семья, невинные жертвы произвола, не были реабилитированы до 30 декабря 1990 года, до тех пор пока их дело не всплыло на страницах советской прессы.

Высшие чины НКВД, особенно те, кто был осведомлен о личной жизни Кирова, знали: причина его убийства — банальная ревность обманутого мужа. Но никто из них не осмеливался даже заговорить об этом, так как версия о заговоре против партии выдвинул сам Сталин и оспаривать ее было крайне опасно.

До убийства Кирова Сталина нередко можно было встретить на Арбате в сопровождении Власика — начальника личной охраны и двух телохранителей. Он часто заходил к поэту Демьяну Бедному, иногда посещал своих знакомых, живших в коммунальных квартирах. Сотрудники НКВД и ветераны, имевшие значок «Почетный чекист», на котором изображены щит и меч, и удостоверение к нему, могли беспрепятственно пройти на Лубянку; они имели право прохода всюду, кроме тюрем. Вся эта система была немедленно изменена: убийство Кирова явилось предлогом для ужесточения контроля, который никогда уже больше не ослабевал.

Спекуляции по поводу смерти Кирова продолжались и в 60-х годах. Я помню анонимные письма, утверждавшие, что действительный убийца сумел скрыться. Дмитрий Ефимов, министр госбезопасности Литвы в 40-х годах, после войны рассказывал мне, что получил приказ искать убийцу Кирова, якобы скрывающегося в небольшом литовском городке. Его сотрудникам удалось найти автора анонимного письма, послужившего сигналом к поискам. Им оказался алкоголик. Однако расследо-

вание этого анонимного сигнала проводилось под непосредственным наблюдением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Заключение Комиссии партконтроля об обстоятельствах смерти Кирова так и не было опубликовано. Только после того как в июле 1990 года известная комиссия по репрессиям была распущена, прокуратура направила надзорный протест в Верховный суд СССР по вопросу посмертной реабилитации членов семьи Николаева. Дело закрыли лишь 30 декабря 1990 года, когда все члены семьи Николаева были официально реабилитированы Верховным судом СССР. Постановление суда отмечало, что никакого заговора с целью убийства Кирова не существовало и все «соучастники» Николаева являлись просто знакомыми Кирова или свидетелями его эксцессов.

Но даже тогда, при этой системе так называемого правового государства, ни Медведь, ни Запорожец реабилитированы не были и с них не сняты обвинения в государственной измене, включая заговор с целью убийства Кирова и сотрудничество с немецкой и латышской разведками. В чем же причина? Она в том, что прокуратура попросту боялась поднимать этот вопрос, поскольку Медведь и Запорожец считаются виновными в репрессиях, совершенных в ранний период сталинских чисток.

Среди историков партии давно бытовало мнение, что роман Мильды Драуле с Кировым закончился смертельным исходом из-за ревности ее мужа, Николаева, известного своей неуравновешенностью и скандальным характером. Если бы обнародовали это мнение, то на всеобщее обозрение была бы выставлена неприглядная картина личной жизни Кирова и тем самым нарушено святое правило партии — никогда не приоткрывать завесы над личной жизнью членов Политбюро и не копать в их грязном белье.

4 ноября 1990 года газета «Правда» опубликовала новые материалы КГБ и прокуратуры по расследованию дела Кирова, где утверждалось, что его убийство носило сугубо личный характер, хотя не раскрывались подробности и мотивы преступления. «Правда» даже не упомянула имени Мильды Драуле. В публикации содержалось обвинение в адрес А. Н. Яковлева, оставившего пост председателя партийной комиссии по расследованию сталинских репрессий, который якобы тормозил ре-

абилитацию семьи Николаева и невинных людей, обвинявшихся в том, что они принимали участие в заговоре.

Возмущенный Яковлев ответил через ту же газету («Правда» от 28 января 1991 года), что он до сих пор верит в существование заговора с целью убийства Кирова и нескольких версий, как это убийство замышлялось. При этом Яковлев не упомянул ни о Мильде Драуле, ни о якобы имевшей место попытке выдвинуть Кирова взамен Сталина Генеральным секретарем на XVII съезде партии.

В книге «Сталин: триумф и трагедия» Дмитрий Волкогонов ссылается на слухи о романе Мильды Драуле с Кировым, но отвергает их как клеветнические. Материалы, показывающие особые отношения между Мильдой Драуле и Кировым (о которых я знал со слов своих родителей, а мама и отец в свою очередь ссылались на генерала Райхмана, в то время начальника контрразведки в Ленинграде), содержались в оперативных донесениях осведомителей НКВД из ленинградского балета. Балерины из числа любовниц Кирова, считавшие Драуле своей соперницей и не проявившие достаточной сдержанности в своих высказываниях на этот счет, были посажены в лагерь за «клевету и антисоветскую агитацию».

Мнение моего отца о Кирове всегда оставалось неизменным. Он писал: «Имя Кирова и память о нем были священны. В глазах народа Киров был идеалом твердого большевика, верного сталинца, и конечно же только враги могли убить такого человека. Я тогда ни на минуту не сомневался в необходимости охранять престиж правящей партии и не открывать подлинных фактов, касавшихся убийства Кирова. Мы, чекисты, неофициально назывались людьми, взявшими на себя роль чернорабочих революции, но все же при этом испытывали самые противоречивые чувства. В те дни я искренне верил — продолжая верить и сейчас, — что Зиновьев, Каменев, Троцкий и Бухарин были подлинными врагами Сталина. В рамках той тоталитарной системы, частью которой они являлись, борьба со Сталиным означала противостояние партийно-государственной системе Советского государства. Рассматривая их как наших врагов, я не мог испытывать к ним никакого сочувствия. Вот почему мне казалось, что даже если обвинения, выдвинутые против них, и преувеличены, это, в сущности, мелочи. Будучи коммунистом-идеалистом, я слишком поздно осознал

всю важность такого рода «мелочей» и с сожалением вижу, что был неправ...

Сознательно или бессознательно, но мы позволили втянуть себя в работу колоссального механизма репрессий, и каждый из нас обязан покаяться за страдания невинных. Масштабы этих репрессий ужасают меня. Давая сегодня историческую оценку тому времени, времени массовых репрессий — а они затронули армию, крестьянство и служащих, — я думаю, их можно уподобить расправам, проводившимся в царствование Ивана Грозного и Петра Первого. Недаром Сталина называют Иваном Грозным XX века. Трагично, что наша страна имеет столь жестокие традиции.

Сталин манипулировал делом Кирова в своих собственных интересах, и «заговор» против Кирова был им искусно раздут. Он сфабриковал «грандиозный заговор» не только против Кирова, но и против самого себя. Убийство Кирова он умело использовал для того, чтобы убрать тех, кого подозревал как своих потенциальных соперников или нелояльных оппонентов, чего он просто не мог перенести. Сначала в число «заговорщиков» попали знакомые Николаева, затем — семья Драуле, после чего настала очередь Зиновьева и Каменева, первоначально обвиненных в моральной ответственности за это убийство, а потом в его непосредственной организации. Коллег и знакомых Николаева причислили к зиновьевской оппозиции. Затем Сталин решил отделаться от Ягоды и тех должностных лиц, которые знали правду. Они тоже оказались притянутыми к заговору и были уничтожены. Позднее Ягodu сделали главным организатором убийства Кирова и, как рассказывал мне Райхман, Сталин, боявшийся разглашения личных мотивов «теракта» Николаева, даже распорядился установить негласный надзор за вдовой Кирова до самой ее кончины.

В подобной обстановке сказать правду о Кирове было немыслимо. Никто в верхних эшелонах власти не мог помешать Сталину использовать это убийство в своих целях. Впоследствии дело Кирова замалчивалось в угоду политическим соображениям или использовалось для того, чтобы отвлечь внимание общественности от ухудшавшегося экономического и политического положения. Каждое новое расследование, подчиненное требованиям политической конъюнктуры, только плодило ложь,

еще больше затрудняя для будущих поколений возможность реконструировать действительные события.

Я убежден: убийство Кирова было актом личной мести, но обнародовать этот факт — означало нанести вред партии, являвшейся инструментом власти и примером высокой морали для советских людей. До сегодняшнего дня истину продолжают скрывать, и Киров остается символом святости для приверженцев старого режима».

В связи с убийством Кирова, оставшегося в момент покушения без охраны, следует отметить, что еще десятью — пятнадцатью годами ранее, в 20-е годы, охрана советских руководителей была достаточно скромной. После 1929 года, когда Сталин окончательно утвердился у власти, штат охранников в Кремле стал увеличиваться. Однако пока еще не настолько, чтобы поразить чье-нибудь воображение своими масштабами.

В 1931 году в Кунцево для Сталина была построена кирпичная дача всего в один этаж, состоявшая из семи комнат. Дача обыкновенная, безо всякой роскоши. Две широкие террасы были застеклены, на крыше устроен соларий с будкой от дождя. Невдалеке от дома кухня и небольшая банька с хорошей каменкой. Дачу окружал обыкновенный деревянный забор метров пять высотой, но без колючей проволоки. Дачная охрана насчитывала 50 человек, которые работали в три смены (по 15 человек в смену). Однако в 1937 году, в разгар репрессий, когда в стране объявилась масса «врагов народа», дачу Сталина решили укрепить. Появился второй забор, внутренний, три метра высотой, с прорезями для смотровых глазков. Была увеличена и охрана.

Начальником правительственной охраны с середины 20-х годов был Карл Паукер. Тот самый, о котором в романе А. Рыбакова «35-й и другие годы» сказано: «...неутомимый Паукер, начальник оперативного отдела, начальник личной охраны Сталина, его особо доверенное лицо и даже его личный парикмахер: подставить свое горло под чужую бритву — какое доверие может быть выше.

До войны (1914 года) Паукер был парикмахером в Будапештском театре оперетты, хвастал, что самые большие опереточные знаменитости Будапешта находили в нем большой артистический талант и советовали выступать на сцене. Он действительно был первоклассный комик, копировал кого угодно, мастерски рассказывал анекдоты, особенно еврейские

и непристойные. Шут по природе, мог рассмешить даже угрюмого Сталина».

Историю удивительной карьеры этого человека мы проследим по словам майора НКВД, двадцать лет прослужившего в органах советской госбезопасности, но в 1938 году сбежавшего в США — Александра Орлова. Вот что он написал о К. Паукере в своей книге:

«Паукер вступил в большевистскую партию и был направлен на работу в ВЧК. Человек малообразованный и политически индифферентный, он получил там должность рядового оперативника и занимался арестами и обысками. На этой работе у него было мало шансов попасться на глаза кому-либо из высокого начальства и выдвинуться наверх. Сообразив это, он решил воспользоваться навыками, приобретенными еще на родине (в Венгрии), и вскоре стал парикмахером и личным ординарцем зампреда ГПУ В. Р. Менжинского. Тот был сыном крупного царского чиновника и сумел оценить проворного слугу...

Постепенно влияние Паукера начало ощущаться в ГПУ всеми. Менжинский назначил его начальником Оперативного управления, а после смерти Ленина уволил тогдашнего начальника кремлевской охраны Абрама Беленького и сделал Паукера ответственным за безопасность Сталина и других членов Политбюро...

Личная охрана Ленина состояла из двух человек. После того как его ранила Каплан, число телохранителей было увеличено вдвое. Когда же к власти пришел Сталин, он создал для себя охрану, насчитывающую несколько тысяч секретных сотрудников, не считая специальных воинских подразделений, которые постоянно находились поблизости в состоянии полной боевой готовности. Такую могучую охрану организовал для Сталина Паукер...

Абрам Беленький был всего лишь начальником охраны Ленина и других членов правительства. Он почтительно соблюдал служебную дистанцию между собой и охраняемыми лицами. А Паукер сумел занять такое положение, что членом Политбюро приходилось считать его чуть ли не равным себе. Он сосредоточил в своих руках обеспечение их продуктами питания, одеждой, машинами, дачами: он не только удовлетворял их желания, но и к тому же знал, как разжечь их...

Со Сталиным Паукер был даже более фамильярен, чем с прочими кремлевскими сановниками. Он изучил сталинские вкусы и научился угадывать его малейшие желания. Заметив, что Сталин поглощает огромные количества грубоватой рус-

ской селедки, Паукер начал заказывать из-за границы более изысканные сорта. Некоторые из них, так называемые «габельбиссен», немецкого посла привели Сталина в восторг. Под эту закуску хорошо идет русская водка. Паукер и тут не ударил в грязь лицом, он сделался постоянным собутыльником вождя. Приметив, что Сталин обожает непристойные шутки и еврейские анекдоты, он позаботился о том, чтобы всегда иметь для него наготове их свежий запас. Как шут и рассказчик анекдотов, он был неподражаем. Сталин, по природе угрюмый и не расположенный к смеху, мог смеяться до упаду.

Паукер подсмотрел, как внимательно Сталин вглядывается в свое отражение в зеркале, поправляя прическу, как он любовно приглаживает усы, и заключил, что хозяин далеко не равнодушен к собственной внешности и совсем не отличается в этом от обычных смертных. И Паукер взял на себя заботу о сталинском гардеробе. Он проявил в этой области редкую изобретательность. Подметив, что Сталин, желая казаться выше ростом, предпочитает обувь на высоких каблуках, Паукер решил нарастить ему еще несколько сантиметров. Он изобрел для Сталина сапоги специального покроя с необычно высокими каблуками, частично спрятанными в задник. Натянув эти сапоги и став перед зеркалом, Сталин не скрыл удовольствия. Более того, он пошел еще дальше и велел Паукеру класть ему под ноги, когда он стоит на Мавзолее, небольшой деревянный брусок. В результате таких ухищрений многие, видевшие Сталина издали или на газетных фотографиях, считали, что он среднего роста. В действительности его рост составлял лишь около 163 сантиметров. Чтобы поддержать иллюзию, Паукер заказал для Сталина длинную шинель, доходившую до уровня каблук.

Как бывший парикмахер, Паукер взялся брить Сталина. До этого Сталин всегда выглядел плохо выбритым. Дело в том, что его лицо было покрыто оспинами и безопасная бритва, которой он привык пользоваться, оставляла мелкие волосяные островки, делавшие сталинскую физиономию еще более рябой. Не решаясь довериться бритве парикмахера, Сталин, видимо, примирился с этим недостатком. Однако Паукеру он полностью доверял...

Абсолютно все, что имело отношение к Сталину и его семье, проходило через руки Паукера. Без его ведома ни один кусок пищи не мог появиться на столе вождя. Без одобрения Паукера ни один человек не мог быть допущен в квартиру Сталина или на его загородную резиденцию. Паукер не имел права уйти от своих обязанностей ни на минуту, и только в полдень,

доставив Сталина в его кремлевский кабинет, он должен был мчаться в Оперативное управление ОГПУ доложить Менжинскому и Ягоде, как прошли сутки, и поделиться с приятелями последними кремлевскими новостями и сплетнями...

В 1932 или 1933 году произошел небольшой инцидент, в результате которого открылось тайное сталинское пристрастие и в то же время особо деликатный характер некоторых поручений, исполняемых Паукером. Дело было так. В Москву приехал из Праги чехословацкий резидент НКВД Смирнов (Глинский). Выслушав его служебный доклад, Слуцкий попросил его зайти к Паукеру, у которого имелось какое-то поручение, связанное с Чехословакией. Паукер предупредил Смирнова, что разговор должен остаться строго между ними. Он буквально ошарашил своего собеседника, вынув из сейфа и раскрыв перед ним альбом порнографических рисунков. Видя изумление Смирнова, Паукер сказал, что эти рисунки выполнены известным дореволюционным художником С. У русских эмигрантов, проживающих в Чехословакии, должны найтись другие рисунки подобного рода, выполненные тем же художником. Необходимо скупить по возможности все такие произведения С., но обязательно через посредника и таким образом, чтобы никто не смог догадаться, что они предназначены для советского посольства. «Денег на это не жалейте», — добавил Паукер. Смирнов, выросший в семье ссыльных революционеров, вступивший в партию еще в царское время, был неприятно поражен тем, что Паукер позволяет себе обращаться к нему с таким заданием, и отказался его выполнять. Крайне возмущенный, он рассказал об этом эпизоде нескольким друзьям. Однако Слуцкий быстро погасил его негодование, предупредив еще раз, чтобы Смирнов держал язык за зубами: рисунки приобретаются для самого «хозяина»! В тот же день Смирнов был вызван к заместителю наркома внутренних дел Якову Агранову, который с нажимом повторил тот же совет. Значительно позднее старый приятель Ягоды Александр Шанин, чьим заместителем я был назначен в 1936 году, рассказал мне, что Паукер скупает для Сталина подобные произведения во многих странах Запада и Востока.

За верную службу Сталин щедро вознаграждал своего незаменимого помощника. Он подарил ему две машины — лимужин «кадиллак» и открытый «линкольн» и наградил его целыми шестью орденами, в том числе орденом Ленина...

Паукер был очень экспансивным человеком, и ему трудно было удержаться и не рассказать приятелям тот или иной эпи-

зод из жизни «хозяина». Мне казалось, что Паукеру, вероятно, даже не приходит в голову, что вещи, которые он рассказывает, дискредитируют его патрона. Он так слепо обожал Сталина, так уверовал в его неограниченную власть, что даже не осознавал, как выглядят сталинские поступки, если подходить к ним с обычными человеческими мерками...»

Таким образом, К. Паукер оказался отменным слугой для своего господина, а это, надо отметить, требовало от него незаурядных способностей. Кроме того, именно К. Паукер, являясь главным телохранителем Сталина, сумел поставить службу охраны вождя на недостижимую высоту. И вновь сошлюсь на свидетельства А. Орлова:

«Известно, что во время официальных торжеств на Красной площади Сталин появлялся на Мавзолее, охраняемый отборными воинскими частями и массой телохранителей из НКВД. Тем не менее под кителем он всегда носил массивный пуленепробиваемый жилет, специально изготовленный для него в Германии. Чтобы быть уверенным в собственной безопасности во время частых поездок в загородную резиденцию, Сталин потребовал от НКВД выселить три четверти жителей улиц, по которым он проезжал, и предоставить освободившиеся комнаты сотрудникам НКВД. Тридцатипятикилометровый сталинский маршрут от Кремля до загородной дачи днем и ночью охранялся сотрудниками «органов», дежурившими здесь в три смены, каждая из которых насчитывала тысячу двести человек.

Сталин не рисковал свободно передвигаться даже по территории Кремля. Когда он покидал свои апартаменты и переходил, например, в Большой Кремлевский дворец, охранники усердно разгоняли прохожих с его пути, невзирая на их чины и должности.

Ежегодно отправляясь на отдых в Сочи, Сталин распоряжался подготовить одновременно его персональный поезд в Москве и соответствующий теплоход — в Горьком. Иногда он предпочитал уезжать непосредственно из Москвы — в таком случае использовался поезд, в других случаях — спускался по Волге до Сталинграда, а уже оттуда поезд, тоже специальный, доставлял его в Сочи. Никто не знал заранее ни того, какой вариант выберет Сталин на этот раз, ни дня, когда он пустится в путь. Его специальный поезд и специальный теплоход по несколько дней стояли в полной готовности, но только в последние часы перед выездом он наконец сообщал доверенным лицам, какой вариант избирает на сей раз. Перед его бронированным поездом и следом за ним двигалось два других поезда, заполненные ох-

раной. Сталинский поезд был так оборудован, что мог выдержать двухнедельную осаду. В случае тревоги окна автоматически закрывались бронированными ставнями.

Объявив себя вождем рабочего класса, Сталин никогда не бывал в рабочее время ни на одном из заводов, боясь встретиться лицом к лицу с рабочими».

Отмечу, что в конце 30-х годов, когда в стране началась кампания по разоблачению «врагов народа», судьба К. Паукера сложилась трагически. Даже его рабская преданность вождю не спасла его от худшего: летом 1937 года он был арестован и впоследствии расстрелян. На его место в июле того же года пришел ставленник нового наркома НКВД Н. Ежова И. М. Дагин. Непосредственным протеже Дагина перед Ежовым был кадровый чекист Е. Евдокимов. В 1923—1929 годах он был полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, а И. Дагин одним из его заместителей. Евдокимов и рекомендовал Ежову своего бывшего зама. В июле 1937 года тот стал начальником Отдела охраны членов партии и правительства Главного управления ГБ НКВД СССР. Правда, пробыл он на этой должности недолго: его арестовали и расстреляли одновременно с наркомом Н. И. Ежовым.

А личным телохранителем Сталина, начальником его охраны в то время окончательно утвердился Николай Власик (1941 год). До этого он, кстати сказать, работал под началом отца. В ряды ВКП(б) он вступил в 1918 году, в 1919 году в Царицыне познакомился со Сталиным. В 20-е годы Власик служил в кремлевском полку и в 1931 году, по протекции председателя ОГПУ В. Менжинского, попал в охрану Сталина. В 1937 году, когда репрессии выбили из охраны вождя многих его телохранителей, Власик остался жив и даже более того — поднялся на недосягаемую высоту.

В 30-е годы на Сталина было совершено несколько покушений. В 1933 году их было отмечено сразу два. В первом случае Сталин едва не погиб от взрыва бомбы, подложенной под мост реки Лашупсе. Однако Сталина в том случае спас первый секретарь ЦК КП Грузии Лаврентий Берия, который перед самым мостом посоветовал Генсеку пересесть в другую машину. Машина, в которой до этого ехал Сталин, взорвалась и упала с моста. Во втором случае (который произошел через несколько дней после случая на мосту) Берия опять отличился и в

буквальном смысле заслонил Сталина собой, когда они плыли на катере и с берега раздались выстрелы. И хотя, как выяснилось вскоре, стрельбу случайно открыли пограничники, охранявшие дачу Генсека в Пицунде, Берия, по мнению Сталина, проявил завидное мужество и благородство. Хотя кое-кто и поныне подозревает Берия в том, что он сам подстроил оба эти покушения. Третье покушение на жизнь Сталина едва не произошло все в той же Грузии два года спустя. Осенью 1935 года, а точнее — в середине октября, Сталин приехал в Грузию к своей матери — Екатерине Джугашвили... До этого они виделись последний раз восемь лет назад. Однако, даже несмотря на столь редкие встречи, Сталин пробыл в Гори недолго. Как оказалось, его охрана разоблачила заговор, созревший в рядах старых грузинских большевиков. Они предложили Сталину встретиться с ними, сфотографироваться на память. На этой встрече ветераны партии и планировали убить своего давнего товарища, по их мнению предавшего дело Ленина. Однако заговор был разоблачен.

Именно после этого случая, как утверждают некоторые исследователи, у Сталина появился двойник. Им оказался бухгалтер из Винницы Евсей Лубицкий. В декабре 1980 года о его судьбе поведала монреальская «Газетт». Она, в частности, писала:

«Лубницкого привезли на богато убранную дачу в окрестностях Москвы и поручили трем молчаливым, не отвечающим ни на какие вопросы сотрудникам. Через некоторое время на дачу прибыла группа людей, состоящая из портных, парикмахеров и косметологов, которые немедленно приступили к работе. «После изменения моей внешности их всех уничтожили», — рассказывал Евсей Лубицкий.

Этого, по-видимому, показалось недостаточно, и вскоре уничтожили семью самого Евсея, о чем он узнал лишь после смерти Сталина. Освоение новой роли длилось примерно полгода. Наступил день экзаменов, которые принимал сам Сталин. Он лично прибыл на дачу для проверки выполнения своего приказа. Другими словами, вождь хотел посмотреть не на свое зеркальное отражение, а на живого двойника. Увиденным «отец народов» остался доволен, предложил Лубицкому коньяку и вместе с ним выпил.

Прошло немного времени, и Евсей Лубицкий приступил к выполнению своих обязанностей. Впервые он

сыграл роль Сталина на встрече с делегацией шотландских шахтеров. Обмануть шотландцев, никогда не видевших Сталина, было не слишком трудным делом. Гораздо больше способностей требовалось для того, чтобы предстать перед советскими и иностранными переводчиками, сотрудниками Кремля, которые неоднократно видели вождя. Но и здесь роль была сыграна блестяще. Мастерство двойника было настолько высоким, что иногда Сталин даже сажал его в свое кресло в Кремле, особенно перед приходом Ежова с докладом о текущих событиях. Когда Ежов заходил в кабинет, сам Сталин прятался в соседнем помещении и наблюдал за происходящим через потайное окошечко, а замечая растерянность докладчика, получал особое удовлетворение.

Когда Лубицкий 7 Ноября или 1 Мая поднимался на Мавзолей, он испытывал ни с чем не сравнимое удовлетворение. Естественно, что и демонстранты не подозревали о том, что человек с улыбкой на лице, стоящий на трибуне Мавзолея, не их любимый вождь. Не знали они и о том, что Сталин в это время находился в своем рабочем кабинете или прятался на даче, боясь появляться перед народом и видя во всех людях за стенами Кремля «врагов народа». Приближенные же Сталина — Молотов, Каганович, Маленков — хорошо знали о том, что рядом с ними на трибуне стоит двойник Сталина.

«Помню, — продолжал свой рассказ Лубицкий, — эти люди смотрели на меня, как на врага. Не знаю почему... Возможно, они желали бы иметь двойников».

Далее автор этой сенсационной статьи рассказывал, что в 1952 году Лубицкий был арестован и отправлен в колонию на Дальний Восток. После смерти Сталина его выслали в Среднюю Азию. В 1981 году Евсей Лубицкий скончался в Душанбе. Перед самой смертью, в 1980 году, он встретился с корреспондентом «Газетт» и рассказал ему свою историю.

Читая подобные «исповеди», нет-нет да и подумаешь: «Чего только в жизни не бывает». Хотя верится в подобное с трудом. Вот и человек, двадцать лет прослуживший в охране Сталина, — Алексей Рыбин — категорически заявляет:

«Никакого двойника у Сталина не было. Это говорю вам я, общавшийся с генералиссимусом более двадцати лет. По-

думайте, ведь в противном случае понадобилась бы вторая охрана. А никого, кроме нас, в аппарате ОГПУ не числилось...

Мне довелось работать при Сталине с 1931 года на даче в Кунцеве, в Сочи, в Гаграх, в годы войны эпизодически сопровождать Сталина в поездках по Москве и на фронте. Однако болтающегося двойника в лице выдуманного Евсея Лубицкого мы не встречали. Кроме того, на это никто из подобных сочинителей не имеет официального подтверждения от лиц, работавших при Сталине: А. Поскребышева, Н. Власика, В. Румянцева, Я. Хрусталева и др.».

Старшая сестра-хозяйка дачи Сталина В. Истомина, проработавшая при Сталине восемнадцать лет, относительно выдуманного двойника Сталина заметила: «Покойный Геббельс, узнав такое, перевернулся бы в гробу от зависти, что он за всю свою жизнь ничего подобного про Сталина не придумал. Я каждый день общалась со Сталиным, членами Политбюро, никакого двойника не видела. Это выдумка и ложь».

Бывший комендант сталинских дач «Зубалово» и «Семеновское» свидетельствует: «Я Сталина на даче видел только в оригинале. Отвергаю тени двойников».

Отвергают эту версию и такие корифеи Большого театра, как Марк Рейзен, Иван Козловский, Павел Лисициан, Бронислава Златогорова и другие, поскольку Сталин в их театре был частым гостем. Полностью отвергается личной охраной Сталина и комендантом кунцевской дачи И. Орловым (комендант с июня 1941-го) наличие у Сталина тайного советника, выведенного в романе В. Успенского, очевидно, в качестве собирательного художественного образа.

Вообще, надо отметить, что про Сталина, впрочем, как и про всякого крупного политического или иного деятеля, ходило множество всевозможных слухов и легенд. Как при жизни, так и после смерти. Одни эти слухи распространяли, другие, наоборот, развенчивали. Вот, к примеру, тот же А. Орлов упоминал, что Сталин, боясь покушений, носил под кителем бронежилет, а А. Рыбин это категорически отвергает. Или Д. Гай в повести «Телохраниитель» живописует, как Сталин на даче «Холодная речка» через дырку в заборе убежал от своей охраны. А В. Соловьев, сын человека, который в 30-е годы работал начальником стройсектора госдач ЦИК СССР на Кавказе, в газете «Аргументы и факты» по это-

му поводу восклицает: «Такую глупость можно написать, только абсолютно не представляя себе, что такое дача «Холодная речка»: на нее можно было попасть через единственные ворота в конце шоссе с серпантин, построенный заключенными».

Такая же ситуация, по всей видимости, складывается и в отношении сталинского двойника. Хотя, если рассматривать эту проблему исторически, такое понятие, как «двойник» политического деятеля, известно достаточно давно. Еще римский император Нерон имел двойника в лице тихого горшечника Теренция. После смерти императора Теренций даже пытался взять с войсками Рим, но был схвачен и распят на кресте.

Если вспомнить отечественную историю, то выяснится, что Россия является чуть ли не «страной двойников». Вспомним хотя бы императора Петра III и его двойника, который, в отличие от Теренция, не стал претендовать на власть в России, а ушел в Черногорию, где и был убит через шесть лет после восшествия на престол. Или Лжедмитрия и Александра I, двойник которого наделал много шума в России. Говорили, что и Григорий Распутин имел двойника, который объявился после гибели старца в 1916 году. Так что почва для того, чтобы и у Сталина объявился двойник, в России была уже «унавожена».

Кстати, что и у Адольфа Гитлера есть двойник, поговаривали еще при жизни фюрера. Говорили, например, что в 1938 году Гитлера убили и теперь его роль продолжает играть двойник Максимилиан Бауэр.

Таким образом, кто бы ни вынашивал планы физического устранения «вождя народов», никому это так и не удалось осуществить. И немалая заслуга в этом принадлежала личной охране Сталина. Иногда просто поражаешься тому, как ему удалось выжить самому, отправив на плаху миллионы людей, в том числе и близких своих соратников. В тех же 1937—1938 годах он объявил «врагами народа» тысячи военных, и ни один из них даже не попытался свести с ним счеты. Во всяком случае, я не встретил ни одного упоминания об этом.

В середине 30-х годов в Грузии была совершена попытка покушения на первого секретаря ЦК КП Грузии Лаврентия Берия. Когда он с сыном и женой, а также вторым секретарем ЦК КП Белоруссии Хацкевичем ехал в машине по Военно-Грузинской дороге, из темноты по

автомобилю неизвестные открыли огонь, в результате чего Хацкевич был смертельно ранен, но Берия (против которого и было направлено это покушение) не пострадал. После этого случая Сталин прислал для Берия бронированный автомобиль, да и всех остальных первых секретарей ЦК КП союзных республик обязал ездить в таких же автомобилях.

В декабре же 1934 года, после убийства С. М. Кирова, значительная часть ответственности за случившееся могла быть возложена Сталиным на действующего главу НКВД СССР Ягоду. Ягода понимал, что в таком случае у Балицкого, члена ЦК, наркома внутренних дел второй крупнейшей республики Союза и бывшего зампреда ОГПУ, появлялись реальные шансы занять его место. Пожалуй, единственным темным пятном на репутации Балицкого было обнаружение в июне 1934 года грубых нарушений финансовой дисциплины в НКВД УССР.

В мае 1930 года, уже занимая прочное место в аппарате республиканского ГПУ, Люшков назначается начальником Секретного (с 1931 года — Секретно-политического) отдела ГПУ УССР. Тогда отдел «контролировал» не только остатки «антисоветских политических партий» (эсеров, меньшевиков, анархистов и т. д.), но и активно боролся с «внутрипартийной» оппозицией.

К этому времени ситуация в политической жизни страны круто изменилась: нэп был свернут, началась коллективизация деревни, правая и левая оппозиции в партии оказались под мощным давлением сталинского ОГПУ. «Оперативным наркозом» для советского общества в этой ситуации стали развернутые чекистами с конца 20-х годов судебные процессы по «вредительству» — «Шахтинский», «Промпартии» и другие. Не отставало в выполнении «социального заказа» Сталина и ГПУ Украины. Еще в декабре 1929 года старший товарищ и покровитель Люшкова Леплевский и сам перебрался в Харьков. Став начальником Секретно-оперативного управления (СОУ) и членом коллегии ГПУ УССР, он вместе с Люшковым активно участвовал в разработке и проведении крупнейших операций чекистов на Украине. Председатель ГПУ Украины В. А. Балицкий свидетельствовал, что ликвидация крупных дел «Украинского национального центра», «Военно-офицерской организации» (дело «Весна») и других крупных контрреволюционных

повстанческих организаций на Украине была проведена «благодаря исключительной энергии, четкости и оперативному руководству и непосредственному участию в практической работе со стороны тов. Леплевского».

Существенно, что для Леплевского (тогда — начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР) ликвидация «военно-фашистского заговора в Красной Армии» весной—летом 1937 года стала реализацией, с кое-какими изменениями, его же «заготовок» начала 30-х годов. Бок о бок с Леплевским работал на Украине Люшков. По мнению В. А. Балицкого, он сыграл не менее значительную роль «в развороте и ликвидации дел диверсионно-повстанческих организаций» — «Украинского национального центра» и «Военно-офицерской организации» (дело «Весна»). «Личные выезды тов. Люшкова в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых организаций». В августе 1931 года Балицкий и его украинские чекисты добились своего: «развернутые» ими дела были замечены и по достоинству оценены Москвой — Балицкий получил повышение и стал заместителем председателя ОГПУ Союза. Как бывало и прежде, за новым зампредом ОГПУ из Харькова в Москву, в центральный аппарат ОГПУ, потянулись его чекисты с Украины.

«Массовости» украинского потока чекистов способствовали и открывшиеся вакансии на Лубянке. В августе 1931 года Сталин устроил очередную «перетряску» чекистских кадров в Москве, в опалу попали и были удалены крупные чекисты: Е. Г. Евдокимов, Я. К. Ольский-Куликовский, И. А. Воронцов, Л. Н. Бельский и другие. Тогда-то для «людей Балицкого» с Украины: И. М. Леплевского, Г. С. Люшкова, М. К. Александровского, Я. В. Письменного и других — открылась возможность занять ответственные посты в центральном аппарате ОГПУ.

Новым начальником Секретно-политического отдела ОГПУ (прежний, Я. С. Агранов, был понижен в должности и назначен полпредом ОГПУ по Московской области) стал мало кому известный «человек со стороны», бывший полпред ОГПУ по Ивановской промышленной области Г. А. Молчанов, выдвинувшийся на ликвидации «вредительства» в текстильной промышленности и отмеченный орденом Красного Знамени в 1931 году.

Именно к нему в отдел попали на работу «украинцы» — Г. С. Люшков и М. К. Александровский.

Если Люшкова тогда можно было смело назвать «человеком Балицкого», то Молчанов был и остается одной из самых загадочных фигур сталинского ОГПУ—НКВД, равно как не вполне ясной является и его роль в последующих событиях. Несмотря на дотошное разбирательство на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК ВКП(б), так и не было выяснено: кому принадлежала инициатива его выдвижения в 1931 году на эту ответственную должность.

Георгий Андреевич Молчанов (1897—1937) родился в Харькове в семье официанта, окончил торговую школу и в 1917 году вступил в партию большевиков. Его служебную карьеру едва ли можно назвать блестящей: работая с 1918 по 1925 год в органах ВЧК—ОГПУ Восточного фронта, Туркестана, Северного Кавказа, Сибири, он оставался на второстепенных должностях и не был широко известен в чекистской среде. Лишь в 1925 году он был выдвинут на самостоятельную руководящую работу — начальником Ивановского губотдела (с 1928 года — полпредом ОГПУ по Ивановской области). В течение пяти лет (1931—1936) Молчанов руководил ведущим Секретно-политическим отделом (СПО) ОГПУ—ГУГБ НКВД СССР, занимавшимся разработкой и ликвидацией политической и внутрипартийной оппозиции. Если практически все украинские чекисты (И. П. Леплевский, Я. В. Письменный, М. К. Александровский и др.) были вынуждены в 1933 году вернуться с Балицким на Украину, то Люшков вполне «прижился» у Молчанова и вскоре стал его заместителем. В этой должности с 1934 по 1936 год он принимал самое активное участие во всех крупных делах сталинского НКВД: «Ленинградского террористического центра» (1935), «Террористического центра и заговора в Кремле» (1935), «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» (1936).

Особенно заметную роль в его судьбе сыграло участие в ленинградском следствии по делу об убийстве С. М. Кирова. Прибывшие в Ленинград в составе партийно-правительственной группы чекисты выполняли в следственной бригаде вполне определенные обязанности. Так, заместитель наркома НКВД СССР Я. С. Агранов вел общее руководство следствием и временно ис-

полнял обязанности начальника УНКВД по Ленинградской области. Начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД К. В. Паукер ревизовал систему личной охраны убитого партийного руководителя. Люшков (Молчанов оставался в Москве) должен был заниматься политической подоплекой преступления. А именно эта сторона дела более всего интересовала Сталина и заместителя председателя КПК при ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова, «курировавшего» следствие и направлявшего его в русло деятельности «зиновьевской оппозиции». По-видимому, Люшков, так же как и Агранов, сразу понял и принял замысел Сталина и Ежова обвинить в убийстве оппозицию. Это не сразу сделал Ягода, что в конечном счете повлияло на решение Сталиным его судьбы. Правильно «сориентировавшийся» в данной ситуации Люшков был сразу замечен и завоевал симпатии Ежова, в недалеком будущем — секретаря ЦК ВКП(б) и наркома внутренних дел СССР. Упоминание Я. С. Аграновым имени Люшкова на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК как чекиста, и в дальнейшем с готовностью сотрудничавшего с Ежовым, это косвенно подтверждает.

Тем временем на Украине в среде прежних коллег-чекистов Люшкова назревали драматические события. По возвращении В. А. Балицкого и его сотрудников из Москвы где-то в конце 1933 года произошел конфликт между Балицким и его «правой рукой» Леплевским. Причиной к разладу, возможно, стала неспособность Балицкого «закрепиться» в Москве, в результате чего «его люди» тоже потеряли свои посты.

Близкие лично Леплевскому сотрудники Джирин и Инсаров стали вести среди работников ГПУ Украины разговоры, заявляя, что все успехи ОГПУ в оперативной работе являются результатом оперативности Леплевского. Эти разговоры дошли до Балицкого, который немедленно удалил Леплевского с Украины.

Развитие событий приобрело прямо-таки драматическую окраску: во время отъезда Леплевского на вокзале никого из провожающих не было, кроме Амирова-Пиевского. Леплевский к нему обратился в озлобленном тоне со следующими словами: я, мол, уезжаю с Украины, но еще сюда вернусь и рассчитаюсь со всеми. Так, совсем в «миргородской манере», жестоко поссорились два бывших украинских покровителя Люшкова.

На XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 года был избран новый состав ЦК. Его полноправными членами, сравнявшись своим партийным статусом с Ягодой, были избраны председатель ГПУ УССР (с июля 1934 года — нарком внутренних дел УССР) В. А. Балицкий и бывшие видные чекисты — секретарь Северо-Кавказского крайкома Е. Г. Евдокимов и секретарь Закавказского крайкома Л. П. Берия.

Не менее, чем Балицкий, был опасен для Ягоды и бывший крупный чекист Е. Г. Евдокимов. Вплоть до своего ухода на партийную работу (январь 1934 года) Евдокимов был неформальным главой мощного клана северокавказских чекистов, сложившегося вокруг него в Ростове-на-Дону в бытность полпредом ОГПУ по Северному Кавказу (1923—1929 и 1932—1933 годы). Шагом, направленным на «нейтрализацию» Евдокимова как своего возможного преемника или заместителя, стало назначение Ягодой в августе 1936 года Г. С. Люшкова в Ростов-на-Дону, начальником УНКВД по Азово-Черноморскому краю. Этим Ягода пытался достичь двух целей: получить от Люшкова, никак не связанного с интересами местного партийного и чекистского руководства, компрометирующие их и Евдокимова материалы, а заодно избавиться в Москве от Люшкова как от чекиста, сотрудничавшего с Ежовым. В связи с этим представляется спорным утверждение Р. Конквеста (речь идет о 1938 году) о Люшкове как об «одном из немногих оставшихся в НКВД людей Ягоды». Как чекист из «свиты» Балицкого Люшков не числился в любимцах Ягоды. М. П. Шрейдер, знавший Люшкова по работе в Москве, дает ему весьма бледную характеристику, вспоминая о нем лишь как о «скромном человеке и неплохом работнике».

Знаменателен и факт отсутствия у Люшкова каких-либо заметных правительственных наград за период работы в СПО ОГПУ—ГУГБ НКВД СССР за 1931—1936 годы. Вообще, за свою чекистскую службу с 1921 по 1936 год он был награжден лишь двумя знаками «Почетного чекиста» да дважды на Украине (1927 и 1931 годы) безрезультатно представлялся Балицким к ордену Красного Знамени. Высокое, «генеральское» спецзвание комиссара госбезопасности 3-го ранга, присвоенное ему в ноябре 1935 года, явилось лишь соответствующим офор-

млением в табели о рангах его ответственной должности в одном из ключевых отделов ГУГБ НКВД СССР.

В Ростов-на-Дону Люшков прибыл в сопровождении двух своих ближайших сотрудников-чекистов, М. А. Кагана и Г. М. Осинина-Винницкого, хорошо ему знакомых еще по прежней работе на Украине. Через месяц, в сентябре 1936 года, Ягода был снят и новым главой НКВД СССР был назначен председатель КПК и секретарь ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов. В связи с этим несколько корректировалась «ростовская миссия» Люшкова.

В конце 1936 — начале 1937 года Сталин и Ежов намеревались нанести первый удар по руководству двух комитетов партии (Киевского обкома — секретарь П. П. Постышев и Азово-Черноморского крайкома — секретарь Б. П. Шеболдаев). Сложность предстоявшей «операции» заключалась в том, что оба секретаря никогда не состояли в оппозиции, имели безупречное партийное прошлое и считались твердыми «сталинцами». Таким образом, решением Ежова Люшков ставился в авангарде репрессивной практики на местах, причем тогда, когда в центре еще царило относительное спокойствие. Реализованное Люшковым «ростовское дело», направленное против Шеболдаева, стало пробным камнем, на котором Сталин проверял возможность наступления на партийных руководителей высшего ранга и подавления их недовольства ударами, наносимыми по партийным кадрам. Уже на декабрьском (1936 года) Пленуме ЦК ВКП(б) Ежов огласил первые итоги деятельности Люшкова в Ростове-на-Дону, когда выяснилось, что «по Азово-Черноморской организации арестовано свыше 200, во главе с Глебовым и Белобородовым и пр., троцкистов и зиновьевцев». «Обогащенный» своим «московским опытом» ведения следствия и подготовки политических процессов, Люшков на новом участке работы блестяще справился с заданием Сталина и Ежова: после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 января 1937 года «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайком тов. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)» местная парторганизация подверглась жесточайшему разгрому, а Шеболдаев был политически дискредитирован и сослан руководить «второстепенным» Курским обкомом, где позднее был репрессирован в ходе развернувшейся «ежовщины».

По грустной иронии судьбы, разоблачительная кампания Люшкова в Ростове-на-Дону, независимо от замыслов Ягоды, приобрела совсем иные масштабы и направленность, а новым секретарем крайкома (затем — Ростовского обкома партии) в январе 1937 года был поставлен Е. Г. Евдокимов. Видимо, считалось, что как бывший чекист, имеющий многолетний стаж работы на Северном Кавказе, он лучше других наладит «чистку» по партийной линии в русле указаний Москвы.

На февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК Ежов окончательно растоптал авторитет бывшего наркома Ягоды. Вместе с другими чекистами (здесь особенно усердствовали Е. Г. Евдокимов и Л. М. Заковский) он уличил Ягоду в развале кадровой работы в НКВД, позволившем проникнуть в его центральный аппарат «предателям» и «шпионам». Характерно, что и в этой ситуации Люшков первым из руководителей органов НКВД на местах оперативно имитировал на своем уровне начало репрессий Ежова в самой чекистской среде. Именно в УНКВД по Азово-Черноморскому краю были разоблачены первые «изменники-чекисты» — начальник Таганрогского горотдела НКВД Е. Н. Баланюк и начальник Новочеркасского райотдела НКВД Д. И. Шаповалов, которые «систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах антисоветской деятельности последних».

Кроме желания выслужиться перед новым наркомом, существовало еще одно обстоятельство, заставившее Люшкова торопливо выискивать «врагов» среди чекистов краевого УНКВД: на Пленуме как «пособник троцкистов» был разоблачен бывший начальник Люшкова по СПО ГУГБ НКВД СССР Г. А. Молчанов. Люшкова, проработавшего бок о бок с Молчановым в течение пяти лет, при желании тоже можно было бы обвинить по меньшей мере в «политической слепоте и идиотской болезни беспечности». Несмотря на симпатии Ежова, Люшков чувствовал двусмысленность своего положения и, взяв на себя роль ревностного исполнителя политики разоблачения и репрессий, стремился приобрести определенный «иммунитет» к обвинениям в связях с «людьми Ягоды». Случай с Молчановым стал одним из рискованных поворотов карьеры, в которых Люшков будет опережать на один-два шага приближающуюся гибель...

Февральско-мартовский Пленум ЦК стал поворотным пунктом в кадровой политике Ежова в НКВД СССР. Отныне на смену руководящим работникам, связанным с Ягодой, стали выдвигаться чекисты «северокавказской группы» Евдокимова—Фриновского: В. М. Курский, А. М. Минаев-Цикановский, Н. Г. Николаев-Журид, И. Я. Дагин, Я. А. Дейч и другие. Именно их и их главного покровителя — Евдокимова должен был, по замыслу Ягоды, дискредитировать в глазах партийного руководства Люшков. В известной степени ему, чуждому их групповым интересам и покровительствуемому лично Ежовым, эта «миссия» удалась. Так, в июле 1937 года, в начале ежовской «чистки» чекистского аппарата на местах, был арестован один из видных членов «северокавказской группы», предшественник Люшкова по руководству УНКВД Азово-Черноморского края комиссар ГБ 3-го ранга П. Г. Рудь. Еще более скандальным происшествием стало таинственное самоубийство в июле 1937 года «фаворита» Ежова, заместителя наркома внутренних дел СССР, комиссара ГБ 3-го ранга В. М. Курского.

Владимир Михайлович Курский (1897—1937) работал в органах ВУЧК—ОГПУ с Е. Г. Евдокимовым с 1921 года на Правобережной Украине и Северном Кавказе, участвовал в следствии по «Шахтинскому делу» и был одним из его преуспевавших «выучеников». Как и Люшков, в августе 1936 года он получил новое назначение в Новосибирск — начальником УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Как и Люшков, он осенью 1936 года «раскрыл» троцкистских вредителей-заговорщиков в горной промышленности Кузбасса и провел показательный судебный процесс в Новосибирске, ставший серьезным подспорьем Ежову, готовившему в Москве процесс по делу «Анτισоветского троцкистского центра» (январь 1937 года). Благодарный Ежов осыпал Курского милостиями: повысил в звании, назначил начальником СПО ГУГБ НКВД СССР на место Молчанова. В апреле 1937 года Курский стал заместителем Ежова и начальником 1-го отдела (охраны) ГУГБ, отвечавшего за личную безопасность партийно-советского руководства и самого Сталина.

В июне Курский был неожиданно снят с работы по охране руководства и переведен начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД. 8 июля, оста-

вив какое-то письмо, Курский покончил с собой. Люшкову для возможной дискредитации столь высокопоставленного назначенца Фриновского было вполне достаточно сообщить Ежову о факте исключения Курского из партии в августе 1928 года «за причастность к убийству» селькора газеты «Туалу-Джашау» в городе Микоян-Шахар в Карачаево-Черкесии. Такой факт биографии делал кандидатуру Курского как начальника охраны явно неуместной.

Конечно, заместитель Ежова и начальник ГУГБ НКВД СССР комкор М. П. Фриновский пытался препятствовать появлению подобных материалов о своих выдвиженцах. Возможно, что это и были те случаи, когда он, по словам Ежова, «...как только арестуют кого из сотрудников НКВД, сразу бежал ко мне и кричал, что все это «липа», арестован неправильно и т. д.». Естественно, что такие действия Люшкова в Ростове-на-Дону вызывали раздражение Фриновского, Евдокимова и всех чекистов «северокавказской группы». Отметим лишь факт того, что Люшков, считавшийся у Ежова «хорошим чекистом», уже никогда не назначался на работу в центральный аппарат НКВД СССР, контролировавшийся Фриновским и его ставленниками. Тем не менее конфликт между Фриновским и Люшковым не помешал Ежову высоко оценить заслуги последнего. В июле 1937 года Люшков, Каган и Осинин-Винницкий были награждены орденами Ленина и получили новое назначение на Дальний Восток.

Для более глубокого понимания обстоятельств дальнейшей служебной карьеры и судьбы Люшкова необходимо обратиться к событиям в НКВД Украины, последовавшим за февральско-мартовским (1937 года) Пленумом ЦК. На Пленуме был снят с работы второй секретарь ЦК КП(б)У и секретарь Киевского обкома партии П. П. Постышев, с 1933 года являвшийся вторым лицом в партийной иерархии Украины и неизменно поддерживавший политический авторитет руководителя НКВД УССР В. А. Балицкого. В связи с этим пошатнулось положение и самого Балицкого. В мае 1937 года он был снят с должности и назначен начальником УНКВД по Дальневосточному краю в Хабаровск. Увольнение многолетнего шефа и покровителя вызвало настоящую панику среди украинских чекистов, особенно из числа близких к нему сотрудников.

Это состояние паники только усилилось, когда новым главой НКВД УССР стал комиссар ГБ 2-го ранга И. М. Леплевский, некогда «правая рука» Балицкого, а теперь его могущественный недоброжелатель. Новый нарком прибыл на Украину в сопровождении Фриновского, «героя» ликвидации «военно-фашистского заговора в Красной Армии». Если учесть то, что вторым лицом в «заговоре военных» числился бывший командующий Киевским военным округом командарм 1-го ранга И. Э. Якир, то теперь украинским чекистам предстояла расплата за потерю «бдительности». В июле—августе 1937 года Леплевский устроил настоящий погром «чекистов Балицкого» в НКВД Украины. Были сняты и арестованы три бывших заместителя Балицкого — Н. С. Бачинский, З. Б. Кацнельсон, В. Т. Иванов, уничтожены практически все начальники отделов НКВД УССР и областных УНКВД. В отношении них Леплевский сфабриковал дело «о заговоре в НКВД УССР», якобы возглавленном самим наркомом Балицким и организационно примыкавшем к «военно-фашистскому заговору в Красной Армии».

Истребление «заговорщиков» из НКВД Украины велось Леплевским по всему Союзу ССР, где бы они ни находились. В Ташкенте был арестован начальник 3-го отдела УГБ НКВД Узбекской ССР П. М. Рахлис. В Воронеже схвачен начальник областного УНКВД А. Б. Розанов. В Москве арестованы работник Особого бюро НКВД СССР В. М. Горожанин и заместитель начальника Главного разведуправления РККА М. К. Александровский.

В вихрь этой кровавой мясорубки могло затянуть и Люшкова. Конечно, сам Леплевский вовсе не собирался этого делать, но в Москве Фриновский мог добиться от этапированных украинских чекистов показаний, включающих Люшкова в список «заговорщиков». Возможно, именно тогда, в июле 1937 года, между Ежовым и Фриновским был заключен некий компромисс: Люшкова убивают из Ростова-на-Дону и отправляют в Хабаровск, подалее с глаз Фриновского.

В 1937 году гигантская приграничная территория РСФСР из девяти областей (Хабаровской, Приморской, Амурской, Нижнеамурской, Уссурийской, Камчатской, Сахалинской, Зейской и Еврейской автономной) состав-

ляла так называемый Дальневосточный край (ДВК) с административным центром в Хабаровске. В руководстве ВКП(б) край слыл сильно «засоренным» правотроцкистскими оппозиционерами. С этим была связана «кадровая чехарда», характерная для расстановки партийно-советского руководства края.

В январе 1937 года первый секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л. И. Лаврентьев (Картвелишвили) за «либерализм» и конфликты с командующим ОКДВА маршалом В. К. Блюхером был снят и заменен более «жестким» партийным руководителем И. М. Варейкисом. По прибытии в Хабаровск Варейкис начал кампанию «разоблачений» среди представителей партийного, советского и хозяйственного руководства края, ответом на которую стала волна самоубийств — начальника Дальневосточной железной дороги Л. В. Лемберга, управляющего трестом «Дальтрансголь» И. Н. Котина, директора Акционерного Камчатского общества И. А. Адамовича. Особо яростному политическому шельмованию со стороны Варейкиса подвергся бывший председатель крайисполкома Г. М. Крутов. От начальника УНКВД по ДВК комиссара ГБ 1-го ранга Т. Д. Дерibasа Варейкис требовал немедленного разоблачения краевого «правотроцкистского подполья».

В апреле 1937 года из Москвы в Хабаровск прибыла группа оперативных работников во главе с начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Л. Г. Мироновым для оказания помощи в разоблачении «антисоветской шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых». В мае 1937 года Дерibas за пассивность в проведении следствия был снят и отозван в Москву, а его место занял бывший нарком внутренних дел УССР Балицкий. На следующий день по вступлении Балицкого в должность заместитель Миронова по оперативной группе ГУГБ НКВД А. А. Арнольдов-Кесельман получил у него санкцию на арест Г. М. Крутова». Используя тактику кнута и пряника (Арнольдов представился Крутову личным уполномоченным наркома Ежова), он добился от арестованного показаний о существовании в крае «правотроцкистской заговорщицкой организации». Восхищенный Балицкий назвал Арнольдова «чародеем».

В середине июня, когда Балицкого отозвали в Москву (туда он ехал на расправу — на него уже имелись

показания «заговорщиков в НКВД УССР») и его место опять занял Дерибас, у Арнольдова имелись обширные показания арестованных о «Дальневосточном параллельном правотроцкистском центре». Однако все лавры и «разворот» дела «Центра» достались не на долю Арнольдова (он и сам был вскоре арестован), а назначенному в конце июля 1937 года начальником УНКВД по ДВК Люшкову. К этому времени в Москве Ежов уже проводил «чистку» центрального аппарата НКВД СССР (среди ее жертв оказался и Л. Г. Миронов), и поэтому в августе—сентябре Люшков развернул в крае не только широкомасштабное истребление партийного и хозяйственного руководства, но и подверг жестокой «чистке» местные органы НКВД.

В письме Сталину от 8 сентября 1937 года Варейкис сообщал: «...После приезда в край нового начальника НКВД Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимал бывший начальник НКВД Дерибас. Участником заговора являлся также его первый заместитель — скрытый троцкист Западный. Второй заместитель Барминский (он же начальник особого сектора ОКДВА) оказался японским шпионом. Арестованы как японские шпионы и участники заговора: Визель — начальник НКВД во Владивостоке, Давыдов — начальник НКВД Амурской области (г. Благовещенск). Входил в состав правотроцкистской организации Пряхин — начальник НКВД Уссурийской области, Богданов — начальник Политического управления пограничных войск, и значительная часть других чекистов».

В дальнейшем список «разоблаченных» Люшковым чекистов-дальневосточников пополнился именами двух начальников УНКВД по Нижнеамурской области — Л. Ф. Липовского и С. М. Сидорова, начальника УНКВД по Сахалинской области — А. П. Льва, начальника УНКВД по Еврейской АО — А. Н. Лавтакова и десятков других чекистов. Их места заняли прибывшие с Люшковым Каган и Осинин-Винницкий, направленные из Ростова-на-Дону и Москвы чекисты среднего звена: Л. М. Хорошилкин, М. И. Диментман, А. М. Малкевич, А. П. Малахов, В. П. Крумин, И. Н. Евтушенко, М. П. Рысенко, И. Л. Кабаев, М. И. Говлич, В. И. Осмоловский, Д. М. Давыдов. С 15 августа, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля

1937 года, Люшков приступил к массовой операции по репрессированию «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в крае. Всего по существовавшим «лимитами» в ДВК планировалось осудить решением «тройки» 2000 человек по «первой категории» и 4000 человек по «второй категории». Но эти «лимиты» вскоре были исчерпаны и получены новые.

Кроме того, по постановлению СНК СССР от 21 августа 1937 года Далькрайкому, Далькрайисполкому и УНКВД по ДВК предстояло выселить в Среднюю Азию и Казахстан все корейское население (около 175 000 человек) из пограничных районов края. Обе массовые операции планировалось завершить к январю 1938 года.

В первых числах октября 1937 года Варейкис был снят с должности первого секретаря Далькрайкома. В самом ближайшем будущем ему самому предстояло стать одним из участников «правотроцкистского заговора» в ДВК. Его место занял назначенец из Москвы, бывший аппаратчик Московского комитета партии Г. М. Стацевич, некоторое время до того подвизавшийся у Ежова в начальниках Отдела кадров НКВД СССР. С этого момента началась вторая волна репрессий в крае — «изъятие» Люшковых и Стацевичем партийно-советских и хозяйственных кадров, выдвинутых «врагом народа» Варейкисом...

В ноябре—декабре 1937 года шло выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза ССР. По всей стране, попеременно со «знатными людьми» города и деревни, кандидатами выдвигались представители нового поколения сталинской партийно-советской номенклатуры, заявившей о себе в последние месяцы политического террора. Вместе с краевым руководством — секретарем крайкома Стацевичем, председателем крайисполкома П. К. Легконравовым, командующим ОКДВА В. К. Блюхером и другими в кандидатские списки попал и Люшков.

28 октября на собрании коллектива рабочих лесокombината «Амургосрыбтреста» в Николаевске-на-Амуре его кандидатура была единогласно поддержана собранием. Инициатива выдвижения «зоркого чекиста» в Верховный Совет принадлежала некоему «товарищу Фельдману, присутствовавшему на собрании» и одновременно являвшемуся начальником УНКВД по Нижнеамурской области.

С этого дня Люшков стал политической фигурой краевого масштаба: его фотографии и хвалебные статьи о нем появляются в газетах, он выступает на встречах с избирателями и принимает их «наказы», неизменно включается в состав «почетных президиумов», стоит на трибуне с Блюхером и Стацевичем, принимая ноябрьский парад войск Хабаровского гарнизона. Внешность Люшкова ничего не говорила окружающим о характере его деятельности в крае: несколько одутловатое лицо с выпуклыми глазами, буйная, зачесанная назад шевелюра и усики «мушкой», делавшие его похожим на несколько раздобрившего чаплинского персонажа.

Еще больше почестей принесли ему торжества по случаю 20-летия органов ВЧК—НКВД в декабре 1937 года. На торжественном заседании в приветствии чекистам Стацевич отметил «сложность работы дальневосточных наркомвнудельцев, находящихся на границах с иностранным государством», и то, что «здесь, на ДВК, долго действовали враги народа крутовы, лаврентьевы, варейкисы и прочая сволочь, пытавшаяся продать наш цветущий край Дальнего Востока японскому империализму. Наркомвнудельцы ДВК во главе с тов. Люшковым разгромили шпионские гнезда, но капиталистические государства будут и впредь засылать к нам в тыл шпионов и диверсантов. Поэтому нужно еще выше поднять бдительность и зоркость, беспощадно уничтожать всех врагов народа...».

Москва тоже высоко ценила «работу», проделанную Люшковым в ДВК. На январском (1938 года) совещании в НКВД СССР Ежов ставил в пример другим чекистам Люшкова, репрессировавшего 70 000(!) «врагов народа» — это был самый высокий показатель по стране.

Однако в январе 1938 года, по окончании упомянутых торжеств, на Ежова сверху было оказано давление с целью ослабить волну массового террора, грозившего стать совершенно неуправляемым. После доклада Маленкова 14 января на Пленуме ЦК ВКП(б) и известного постановления «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...» наметилась тенденция некоторого «отката» в практике массового политического террора. Ежову пришлось пожертвовать наиболее одиозными фигурами из местных чекистов-«перегибщиков». Одних из них арестовали и начали следствие по их «вредительской деятельности», другим просто «дали по ру-

кам» и перевели на новое место службы с понижением в должности.

В число ни тех ни других Люшковых не попал, оставаясь «неуязвимым» благодаря личному расположению Ежова. Однако на уровне политического руководства края тенденция «отката» проявилась: с этого времени яркий «разоблачитель» Стацевич ушел в тень, уступив место второму секретарю Далькрайкома (и сослуживцу по МК) А. М. Анисимову. Последний сделал доклад на краевом партактиве — «Итоги январского Пленума ЦК ВКП(б) и задачи парторганизации ДВК», свалив всю вину за массовые исключения коммунистов на областное и районное партруководство.

Одним из последних широкоэшелонных сообщений в советской прессе о награждении чекистов (в 1938 году таких практически не было) стало награждение дальневосточных наркомвнудельцев Люшкова, «отличившихся» в ходе депортации корейцев и транзитных перевозках заключенных в лагерь Колымы.

6 февраля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении работников УНКВД по ДВК и работников НКПС», где фигурируют отмеченные орденами Красной Звезды начальник УНКВД по Амурской области М. И. Говлич, начальник УНКВД по Приморской области М. И. Диментман и другие. Тучи над головой Люшкова и его чекистов стали сгущаться лишь с апреля 1938 года, и этому предшествовали грозные события в Киеве и Москве.

Среди тех, кому Ежов был вынужден «дать по рукам» в январе 1938 года, оказался давний покровитель Люшкова, нарком внутренних дел УССР И. М. Леплевский. Уже через два месяца после его назначения на Украину, в августе 1937 года, Ежову пришлось посылать в Киев комиссию НКВД во главе со своим заместителем Л. Н. Бельским для рассмотрения многочисленных жалоб на произвол нового наркома. Как выяснил Бельский, Леплевский ориентировал чекистов исключительно «на цифру» разоблаченных «врагов народа» и «липачество» в органах НКВД Украины, что даже на общем всесоюзном фоне ежовщины выглядело чудовищно. Кроме того, первый секретарь ЦК КП(б)У Косиор планомерно уничтожал руками Леплевского остатки партийного аппарата своего бывшего соперника Постышева.

В январе 1938 года Леплевский был отозван из Киева (расследованием его бурной деятельности в 1937 году теперь занялся новый руководитель НКВД УССР А. И. Успенский) и назначен начальником 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. 26 апреля 1938 года он был арестован по обвинению в «активном участии в правотроцкистской антисоветской организации и проведении контрреволюционной предательской деятельности». Вскоре Леплевский признался, что в 1932 году был вовлечен в организацию «правых» (затем — «правотроцкистов») своим братом Г. М. Леплевским. Во главе заговорщиков стояли Рыков, Бухарин и Томский. После своего назначения на Украину в 1937 году Леплевский «начал очищать аппарат НКВД от кадров Балицкого, принимая меры для предотвращения полной ликвидации антисоветского подполья».

Далее Леплевский показал, что «в 1930 году Балицкий и Леплевский создали в аппарате ГПУ УССР правотроцкистскую группу, на которую опирались в предательской работе». Личное соперничество между Балицким и Леплевским, вылившееся в соперничество групп ориентировавшихся на них украинских чекистов, «было, по существу, расхождением между правыми и троцкистами, связанными с борьбой за преимущество в аппарате». Таким образом, с 1930 года в ГПУ—НКВД Украины зрели два параллельных заговора — «заговор Балицкого» и «заговор Леплевского». Такая версия событий, данная арестованным Леплевским, опять ставила под косвенное подозрение Люшкова.

Если Балицкий признавал возникновение «заговора в НКВД УССР» в конце 1935 года (в это время Люшков работал в Москве), то датировка «заговора Леплевского» 1930 годом приходилась на время наиболее тесного сотрудничества Леплевского и Люшкова на Украине. Более того, хотя Леплевский в числе десятков имен новых «украинских чекистов-заговорщиков» не упомянул имени Люшкова, в его показаниях от 22 мая 1938 года названы оба «верных паладина» — М. А. Каган и Г. М. Осинин-Винницкий. Попав из-за них в своеобразную «вилку» подозрения, Люшков и сам мог стать теперь легкой добычей для Фриновского.

Вероятнее всего, что никаких деталей, кроме факта ареста Леплевского, находящийся в Хабаровске Люшков не знал. В это время он был занят доработкой сво-

его главного «дела» в крае — «Дальневосточного параллельного правотроцкистского центра», которое было рассмотрено выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР где-то в первых числах июня 1938 года.

Подобные «дела» на Дальнем Востоке зачастую рассматривались заочно, и более того — без следственных дел, по справкам УНКВД. К чему это приводило, явствует из справки следователя по важнейшим делам Главной военной прокуратуры РККА бригаденюрисста Далицкого от 20 марта 1940 года: «УНКВД ДВК были составлены альбомные справки на арестованных по имеющимся в УНКВД ДВК данным. В целях уточнения запрашивались местные органы НКВД по телеграфу. Таким образом составлены справки на 171 человека. Из них на 170 имеется отметка «Р» (расстрелять) и подписи Люшкова (нач. УНКВД), Никитченко (пред. выездной сессии) и Калутина (пом. главного военного прокурора). На основании этого указанные 170 человек были расстреляны. Эти решения оформлены приговорами». Далее Далицкий констатирует: «В результате оказалось, что ни одна справка не соответствует делу. Дела эти в процессе следствия не проверялись, обвинительные заключения не составлялись. Часть обвиняемых была на свободе».

В то же время вместе с секретарем Далькрайкома Анисимовым Люшков «штамповал» приговоры в «тройке» при краевом УНКВД. Последнее присутствие в ней Люшкова зафиксировано 8 июня 1938 года, за неделю до его побега. В первых числах мая в Москве решили разобраться с показаниями, данными Леплевским на двух «заговорщиков-чекистов» — Кагана и Осинина-Винницкого, находившихся на Дальнем Востоке. Первым вызвали в Москву Кагана. Заподозривший что-то недоброе Люшков попросил его позвонить из Москвы в Хабаровск и сообщить о причинах вызова. Обещанного Каганом звонка Люшков не дождался: Каган уже был арестован.

Не в самом лучшем расположении духа Люшков отбыл из Хабаровска в служебную командировку в Приморскую область. Бывший сотрудник УНКВД по ДВК Н. С. Кардовский вспоминал, что о предстоящем смещении с должности Люшков узнал, находясь в этой командировке: «Оставшийся в Хабаровске за Люшкова начальником управления его заместитель Г. М. Осинин-Винницкий уведомил находящегося в Приморье Люш-

кова: в Хабаровск вскоре прибудет Горбач». По-видимому, перспектива прибытия и сдачи дел по УНКВД края именно Горбачу (наряду с арестом Леплевского и «исчезновением» Кагана) стала переломным моментом в решении Люшкова совершить побег за кордон.

Майор госбезопасности Григорий Федорович Горбач (1898—1939), член партии с 1916 года, до 1937 года работал в органах ВЧК—ОГПУ—НКВД Северного Кавказа и плотно вошел в «обойму» чекистов «северокавказской группы» Евдокимова—Фриновского. Летом 1937 года он стал начальником УНКВД по Западно-Сибирской (затем — Новосибирской) области. По мнению такого компетентного руководителя, как заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышев, «Горбач пользовался большим авторитетом у Ежова и являлся близким человеком Фриновского». Встречавшемуся с ним в Новосибирске М. П. Шрейдеру Горбач сам заявлял, что назначен сюда Фриновским «очистить область от врагов народа и особенно от врагов, пробравшихся в НКВД».

Люшков знал, что покровительствующий ему Ежов все больше «увязает» в делах параллельно руководимого им (с апреля 1938 года) Наркомата водного транспорта, перепоручая решение большинства вопросов в НКВД своему первому заместителю Фриновскому. Что могло помешать Фриновскому через голову Ежова дать Горбачу задание «очистить от врагов» аппарат УНКВД по ДВК? 11 июня Горбач был освобожден от должности начальника УНКВД в Новосибирске приказом по личному составу НКВД СССР. Возможно, что в это время он уже находился по пути в Хабаровск...

В органах безопасности, как и по всей стране, происходили трагические события. Ежов провел жесточайшие репрессии: арестовал весь руководящий состав контрразведки НКВД в 1937-м. В 1938 году репрессии докатились и до Иностранного отдела. Жертвами стали многие друзья моего отца, которым он полностью доверял и в чьей преданности советскому строю не сомневался. Он, как и многие другие тогда, думал, что это стало возможным из-за преступной некомпетентности Ежова, которая становилась очевидной даже рядовым оперативным работникам.

Здесь хотелось бы привести факт, который при всей его важности не упоминается в книгах, посвященных ис-

тории советских спецслужб. До прихода Ежова в НКВД там не было подразделения, занимавшегося следствием, то есть следственной части. Оперработник при Дзержинском (а также и Менжинском), работая с агентами и осведомителями курируемого участка, должен был сам вести следствие, допросы, готовить обвинительные заключения. При Ежове и Берия была создана специальная следственная часть, которая буквально выбивала у арестованных показания о «преступной деятельности», не имевшие ничего общего с реальной действительностью.

Оперативные работники, курировавшие конкретные объекты промышленности и госаппарата, имели более или менее ясные представления о кадрах этих учреждений и организаций. Пришедшие же по партпризыву, преимущественно молодые, без жизненного опыта, кадры следственной части с самого начала оказались вовлеченными в порочный круг. Они оперировали признаниями, выбитыми у подсудимых. Не зная азов оперативной работы, проверки реальных материалов, они оказались соучастниками преступной расправы с невинными людьми, учиненной по инициативе высшего и среднего звена руководства страны. Как результат возникла целая волна арестов, вызванных воспаленным воображением следователей и выбитыми из подсудимых «свидетельствами».

Многие тем не менее надеялись, что с назначением Берия в декабре 1938 года наркомом внутренних дел ввиду его высокого профессионализма и в связи с известным постановлением ЦК допущенные перегибы будут выправлены. Понятно, что эта надежда была наивной, но сотрудники Иноотдела искренне верили тогда в порядочность и безусловную честность своих непосредственных руководителей. Знали, к примеру, что Слуцкий и Шпигельглас отправляли из Москвы и устраивали наительство жен и детей некоторых их коллег, подвергшихся аресту, чтобы они, в свою очередь, не стали жертвами репрессий.

Мой отец глубоко уважал Слуцкого как опытного руководителя разведки и часто вспоминал, что в чисто человеческом плане Слуцкий неизменно проявлял внимание к нему и маме. О смерти Слуцкого от сердечного приступа мой отец узнал в 1938 году из некролога в «Прав-

де», когда по заданию Иностранного отдела находился в Мурманске. Обстоятельства смерти Слуцкого до сих пор относятся к числу неразгаданных тайн сталинского времени и судеб руководителей НКВД.

Абрам Аронович Слуцкий родился в 1898 году в Фергане. Получил среднее образование. Знал немецкий и узбекский языки. До Октябрьской революции работал монтером на хлопкоочистительном заводе в Андижанском уезде. В 1917 году вступил в ряды РКП(б), принимал самое активное участие в событиях Октябрьской революции и установлении советской власти в Средней Азии. В Гражданскую войну сражался в Красной Армии рядовым 7-го Сибирского стрелкового полка. Затем перешел на партийную работу, стал членом Андижанского укома РКП(б), председателем уездного трибунала, членом бюро Ферганского обкома. С 1919 года работал в органах ВЧК следователем-инспектором Особого отдела Туркестанского фронта, заместителем председателя Ташкентской областной ЧК. В 1922 году был назначен членом коллегии Туркестанского военного трибунала, затем — ответственным секретарем Ташкентского ГК РКП(б), председателем военного трибунала 2-го стрелкового корпуса Московского гарнизона. С 1925 года находился на хозяйственной работе в системе ВСНХ, был председателем Государственного рыбного синдиката. С 1926 года Слуцкий направляется в Экономическое управление ОГПУ, где сначала работает помощником начальника, затем — начальником отделения. В 1928 году — уполномоченный, а в 1929—1931 годах — помощник начальника ЭКУ ОГПУ, секретарь парткома ОГПУ. Слуцкий — один из «создателей» «Шахтинского дела». Одновременно в 1930—1931 годах — помощник начальника ИНО ОГПУ. В 1931—1933 годах находился на работе в торгпредстве в Германии. Являлся главным резидентом ИНО ОГПУ по странам Европы, возглавляя параллельный с московским центр разведки. Параллельно в 1931 году был назначен заместителем начальника ИНО ОГПУ. В 1934—1935 годах — заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД, затем — начальник ИНО ГУГБ НКВД. В 1936—1938 годах — начальник 7-го отдела ГУГБ НКВД. Слуцкий неоднократно участвовал в специальных операциях в Германии, Испании, Франции. 29 ноября 1935 года Слуцкому было присвоено звание комис-

сара госбезопасности 2-го ранга. Он был награжден орденом Красного Знамени.

Слуцкий имел действительно большие заслуги. Именно ему в свое время удалось похитить в Швеции технические секреты производства шарикоподшипников с помощью завербованной им агентуры. Для нашей промышленности это имело важнейшее значение. Вместе с Никольским (позднее известным как Орлов), начальником отделения экономической разведки, в 1930 или 1931 году они также встречались со шведским спичечным королем Иваром Крюгером. Шантажируя его тем, что мы наводним западные рынки нашими дешевыми спичками, они потребовали для советского правительства отступную сумму в размере трехсот тысяч американских долларов. Прием сработал — деньги были получены...

В последние годы жизни Слуцкий был тяжелобольным сердечником, он, в частности, принимал посетителей в затемненном кабинете, лежа на диване. Думается, он был обречен на уничтожение в ходе осуществленной Сталиным расправы с руководством госбезопасности, работавшим с Ежовым. Ежов, как следует из допросов, на следствии показал, что Слуцкий был ликвидирован путем инъекции яда, осуществленной начальником токсикологической лаборатории НКВД Алехиным, и 17 февраля 1938 скоропостижно скончался в кабинете заместителя наркома НКВД Фриновского в результате отравления. Однако это представляется маловероятным. Зачем нужно было разыгрывать при нескольких свидетелях спектакль с насильственным уколом известному всем тяжелобольному сердечнику в кабинете Фриновского? И, наконец, самое главное — младший брат Слуцкого, сотрудник оперативного отдела ГУЛАГ в НКВД, также тяжелобольной сердечник, умер в его возрасте в 1946 году от острого сердечного приступа во время обеда в столовой на глазах сослуживцев. Поэтому следует относиться с большим сомнением к показаниям Ежова, Фриновского, Алехина об обстоятельствах смерти Слуцкого, данным ими в ходе следствия, которое велось с применением к ним в 1938—1940 годах пыток, именовавшихся в официальных документах «мерами физического воздействия».

Из поездки на свою малую родину во время предоставленного ему отпуска в 1937 году мой отец вернулся в

Москву немало озадаченный слухами о творившихся на Украине жестокостях, о которых слышал ранее от своих родственников. Он никак не мог заставить себя поверить, к примеру, что Хатаевич, ставший к тому времени секретарем ЦК Компартии Украины, был врагом народа. Косиор, якобы состоявший в контакте с распушенной Коминтерном Компартией Польши, был арестован в Москве. Подлинной причиной всех этих арестов, как мне кажется, мой отец думал тогда, были действительно допущенные ими ошибки. В частности, Хатаевич во время массового голода дал согласие на продажу муки, составлявшей неприкосновенный запас на случай войны. За это в 1934 году он получил из Москвы выговор по партийной линии. Может быть, думал отец, Хатаевич совершил еще какую-нибудь ошибку в этом же роде. Возвращаясь к тому периоду позже много раз, он, помнится, повторял снова и снова: «Увы, я был наивен».

В 1938 году, по словам моего отца, атмосфера в Иностранном отделе была буквально пронизана страхом, в ней чувствовалось что-то зловещее. Шпигельглас, заместитель начальника закордонной разведки НКВД, с каждым днем становился все угрюмее. Он оставил привычку проводить воскресные дни с моими отцом и мамой и другими друзьями по службе. В сентябре секретарь Ежова, тогдашнего главы НКВД, застрелился в лодке, катаясь по Москве-реке. Это для сотрудников Иностранного отдела явилось полной неожиданностью. Вскоре появилось озадачившее всех распоряжение, гласившее: ордера на арест без подписи Берия, первого заместителя Ежова, недействительны.

Ходили слухи, что Берия уменьшительно-ласково называл Ежова «мой дорогой Ежик» и имел обыкновение похлопывать его по спине, однако его дружеское поведение было чисто показным. На Лубянке люди казались сдержанными и уклонялись от любых разговоров. В НКВД работала специальная проверочная комиссия из ЦК.

Отец неоднократно вспоминал, как ему ясно видятся события, которые вскоре последовали:

«Наступил ноябрь, канун октябрьских торжеств. И вот в 4 часа утра меня разбудил настойчивый телефонный звонок: звонил Козлов, начальник секретариата Иностранного отдела. Голос звучал официально, но в нем угадывалось необычайное волнение.

— Павел Анатольевич, — услышал я, — вас срочно вызывает к себе первый заместитель начальника Управления госбезопасности товарищ Меркулов. Машина уже ждет вас. Приезжайте как можно скорее. Только что арестованы Шпигельглас и Пассов.

Жена крайне встревожилась. Я решил, что настала моя очередь.

На Лубянке меня встретил сам Козлов и проводил в кабинет Меркулова. Тот приветствовал меня в своей обычной вежливой, спокойной манере и предложил пройти к Лаврентию Павловичу. Нервы мои были напряжены до предела. Я представил, как меня будут допрашивать о моих связях со Шпигельгласом. Но как ни поразительно, никакого допроса Берия учинять мне не стал. Весьма официальным тоном он объявил, что Пассов и Шпигельглас арестованы за обман партии и что мне надлежит немедленно приступить к исполнению обязанностей начальника Иностранного, то есть отдела закордонной разведки. Я должен буду докладывать непосредственно ему по всем наиболее срочным вопросам. На это я ответил, что кабинет Пассова опечатан и войти туда я не могу.

— Снимите печати немедленно, а на будущее запомните: не морочьте мне голову такой ерундой. Вы не школьник, чтобы задавать детские вопросы.

Через десять минут я уже разбирал документы в сейфе Пассова. Некоторые были просто поразительны. Например, справка на Хейфеца, тогдашнего резидента в Италии. В ней говорилось о его связях с элементами, симпатизирующими идеологическим уклонам в Коминтерне, где тот одно время работал. Указывалось также на подозрительный характер его контактов с бывшими выпускниками Политехнического института в Иене (Германия) в 1926 году. До сих пор помню резолюцию Ежова на справке: «Отозвать в Москву. Арестовать немедленно».

Следующий документ — представление в ЦК ВКП(б) и Президиум Верховного Совета о награждении меня, Судоплатова Павла Анатольевича, орденом Красного Знамени за выполнение важного правительственного задания за рубежом в мае 1938 года, подписанное Ежовым. Тут же находился и неподписанный приказ о моем назначении помощником начальника Иностранного отдела. Я отнес эти документы Меркулову. Улыбнувшись, он, к моему немалому удивлению, разорвал их прямо у меня на глазах и выкинул в корзину для бумаг, предназначенных к уничтожению. Я молчал, но в душе

было чувство обиды — ведь меня представляли к награде за то, что я действительно, рискуя жизнью, выполнил опасное задание. В тот момент я не понимал, насколько мне повезло: если бы был подписан приказ о моем назначении, то я автоматически согласно постановлению ЦК ВКП(б) подлежал бы аресту как руководящий оперативный работник аппарата НКВД, которому было выражено политическое недоверие.

Позже в кабинете, где я работал, зазвонил телефон. Это был Киселев, помощник Маленкова в Центральном Комитете. Он возмущенно принялся выговаривать мне за задержку в передаче средств из специальных фондов, предназначавшихся для финансирования тайных операций Коминтерна в Западной Европе. Еще больше он был взбешен тем, что на заседании Испанской комиссии в Центральном Комитете не было представителя от НКВД. Я постарался объяснить ему, что не знаю ни о каких фондах и не в курсе того, кто именно занимается их передачей. «А на совещании в ЦК, — сказал я, — от НКВД никто не присутствовал потому, что Пассов и его заместитель только что арестованы как враги народа». К этому я добавил, что приступил к исполнению своих обязанностей всего два часа назад. Киселев швырнул трубку...»

В ноябре 1938 года в числе руководителей НКВД оказался под арестом и Яков Серебрянский, более десяти с лишним лет возглавлявший группу, называвшуюся его же именем — «Группу Яши». Именно его люди организовали в 1930 году похищение главы белогвардейского РОВСа в Париже генерала Кутепова. До революции Серебрянский был членом партии эсеров. Он принимал личное участие в ликвидации чинов охраны, организовавших еврейские погромы в Могилеве (Белоруссия). «Группа Яши» создала мощную агентурную сеть в 20—30-х годах во Франции, Германии, Палестине, США и Скандинавии. Агентов они вербовали из коминтерновских мероприятий и чье членство в национальных компартиях держалось в секрете. Его приговорили к смертной казни, но не расстреляли. В 1941 году, после того как началась война, он был освобожден и по инициативе моего отца стал начальником отделения, занимавшегося вербовкой агентуры по глубинному оседанию в странах Западной Европы и США.

В 1946 году министром госбезопасности был назначен Абакумов, и Серебрянскому пришлось выйти в от-

ставку, так как в 1938 году именно Абакумов вел его дело и, применяя зверские пытки, выбил ложные показания. Естественно, Серебрянский не мог оставаться на работе с приходом нового министра. Он вышел в отставку в звании полковника и получал пенсию. После смерти Сталина его вернули на службу и назначили одним из заместителей отца в связи с планом расширения разведывательно-диверсионных операций. Это было при Берия, в апреле 1953 года, а в октябре того же года он был арестован вместе с женой во второй раз — теперь ему ставилось в вину участие в так называемом бериевском заговоре с целью убийства членов Президиума Центрального Комитета партии. Скончался он в тюрьме в 1956 году во время очередного допроса и был посмертно реабилитирован в 1971-м при Андропове, узнавшем о судьбе Серебрянского во время подготовки первого учебника по истории советской разведки, которую начали писать по его указанию.

Лишь в 1963 году мой отец узнал, что действительно стояло за кардинальными перестановками и «чисткой» в рядах НКВД в последние месяцы 1938 года. Полную правду об этих событиях, которая так никогда и не была обнародована, рассказали ему Мамулов и Людвиг, возглавлявшие секретариат Берия, — вместе с отцом они сидели во Владимирской тюрьме.

Вот как была запущена фальшивка, открывшая дорогу кампании против Ежова и работавших с ним людей. Подстрекаемые Берия, два начальника областных управлений НКВД из Ярославля и Казахстана обратились с письмом к Сталину в октябре 1938 года, клеветнически утверждая, будто в беседах с ними Ежов намекал на предстоящие аресты членов советского руководства в канун октябрьских торжеств. Акция по компроматации Ежова была успешно проведена. Через несколько недель Ежов был обвинен в заговоре с целью свержения законного правительства. Политбюро приняло специальную резолюцию, в которой высшие должностные лица НКВД объявлялись «политически неблагонадежными». Это привело к массовым арестам всего руководящего состава органов безопасности, и моему отцу действительно повезло, что приказ Ежова о его повышении остался неподписанным в сейфе у Пассова.

В декабре 1938 года Берия официально взял в свои руки бразды правления в НКВД, а Деканозов стал но-

вым начальником Иностранного отдела. У него был опыт работы в Азербайджанском ГПУ при Берия в качестве снабженца. Позднее в Грузии Деканозов был народным комиссаром пищевой промышленности, где и прославился своей неумеренной любовью к роскоши.

Отец подробно рассказывал о том, как он сдавал дела Деканозову:

«Я, как исполнявший обязанности начальника отдела, объяснил ему некоторые особенности нашей агентурной работы в Западной Европе, США и Китае. Но Деканозов, не дослушав меня до конца, распорядился, чтобы я проследил за вещами бежавшего Орлова, которые были отправлены из Барселоны в Москву. Мне надлежало доставить их в его кабинет — он хотел лично ознакомиться с ними».

На следующий день Берия представил Деканозова сотрудникам разведслужбы. Официальным и суровым тоном он сообщил о создании специальной комиссии во главе с Деканозовым по проверке всех оперативных работников разведки. Комиссия должна была выяснить, как разоблачаются изменники и авантюристы, обманывающие Центральный Комитет партии. Берия объявил о новых назначениях Гаранина, Фитина, Леоненко и Лягина. Он также подчеркнул, что все остающиеся сотрудники будут тщательно проверены. Новые руководители пришли в разведку по партийному набору. Центральный Комитет наводнил ряды НКВД партийными активистами и выпускниками Военной академии имени Фрунзе. Отец вспоминал в связи с этим:

«Что касается меня, то я был понижен до заместителя начальника испанского отделения. Подобным же образом поступили и с другими ветеранами разведслужбы, которые также были понижены в должности до помощников начальников отделений.

Берия в беседе с каждым сотрудником, присутствовавшим на встрече, пытался выведать, не является ли он двойным агентом, и говорил, что под подозрением сейчас находятся все. Моя жена была одной из четырех женщин — сотрудников разведслужбы. Нагло смерив ее взглядом, Берия спросил, кто она такая: немка или украинка. «Еврейка», — к удивлению Берия, ответила она.

С того самого дня жена постоянно предупреждала меня, чтобы я опасался Берия. Предполагая, что наша квартира может прослушиваться, она придумала для него кодовую клич-

ку, чтобы мы не упоминали его имени в своих разговорах дома. Она называла его князем Шадиманом по имени героя романа Антоновской «Великий Моурави», который пал в борьбе за власть между грузинскими феодалами. Дальновидность моей жены в отношении судьбы Берия и ее постоянные советы держаться подальше от него и его окружения оказались пророческими.

После представления нового руководства у Берия последовало партсобрание — это был следующий этап кампании. На нем мой сослуживец, которого я знал по Харькову, Гукасов, армянин, неожиданно предложил партийному бюро рассмотреть мои подозрительные связи. Он сказал, что меня перевел в Москву «враг народа» Балицкий. Он обвинил меня также в том, что я поддерживал дружеские отношения с друзьями, недавно разоблаченными «врагами народа» Шпигельгласом, Раисой Соболев и ее мужем, Ревзиным, Яриковым, заместителем нашего резидента в Китае, известным своими саркастическими остротами о выполнении пятилеток (мне вспоминается одна из них: «В четвертом завершающем блат является решающим»).

Партийное бюро создало комиссию по моему делу. Один из моих близких знакомых, Гессельберг, начальник фотолаборатории (он отвечал за благонадежность фотокорреспондентов, которые снимали Сталина), задавал глупейшие вопросы и утверждал, что я защищаюсь как «типичный троцкистский двурушник». Я не держу зла ни на Гукасова, ни на Гессельберга...

Три года спустя Гукасов, будучи советским консулом в Париже, проснулся, когда гестаповцы штурмом брали здание, где он находился. Наш шифровальщик Марина Сироткина начала сжигать кодовые книги, а когда один из гестаповцев сорвал со стены портрет Сталина, Гукасов использовал это как предлог, чтобы начать драку. Его жестоко избили, но за это время все шифры были уничтожены. Гукасова немцы депортировали в Турцию для обмена на сотрудников германской дипломатической миссии в Москве. Позднее Гукасову поручили руководить отделом по разработке репатриантов и эмигрантов. Он скончался в Москве в 1956 году.

«...Гессельберг подготовил проект решения партбюро под диктовку Деканозова. В нем предлагалось исключить меня из рядов Коммунистической партии за связь с «врагами народа» и неразоблачение Шпигельгласа. Характерно, что в этом документе Слуцкий, хотя он умер в феврале 1938 года и был

похоронен со всеми полагающимися почестями, также фигурировал как «враг народа».

Партбюро приняло это решение при одном воздержавшемся. Фитин, недавно назначенный на должность заместителя начальника Иностранного отдела, воздержался, потому что, по его словам, я был ему абсолютно неизвестен. Его честность и порядочность, весьма необычные в тех обстоятельствах, не повредили его карьере. В 1939 году он стал начальником Иностранного отдела закордонной разведки и умер естественной смертью в 1971 году.

Партбюро в декабре 1938 года приняло решение исключить меня из партии. Это решение должно было утвердить общее партийное собрание разведслужбы, назначенное на январь 1939 года, а пока я приходил на работу и сидел у себя в кабинете за столом, ничего не делая. Новые сотрудники не решались общаться со мной, боясь скомпрометировать себя. Помню, начальник отделения Гаранин, беседуя со своим заместителем в моем присутствии, переходил на шепот, опасаясь, что я могу подслушать. Чтобы чем-нибудь заняться, я решил пополнить свои знания и стал изучать дела из архива, ождая решения своей участи.

Я чувствовал себя подавленным. Жена также сильно тревожилась, понимая, что над нами нависла серьезная угроза. Мы были уверены, что на нас уже есть компромат, сфабрикованный и выбитый во время следствия у наших друзей. Но я все-таки надеялся, что, поскольку был лично известен руководству НКВД как преданный делу работник, мой арест не будет санкционирован. В те годы я жил еще иллюзией, что по отношению к члену партии несправедливость может быть допущена лишь из-за некомпетентности или в силу простой ошибки, особенно если решение его участи зависело от человека, стоящего достаточно высоко в партийной иерархии и пользующегося к тому же полной поддержкой Сталина.

Зная, что в отношении меня совершается страшная несправедливость, я думал обратиться в Комиссию партконтроля Центрального Комитета с просьбой разобраться в моем деле, но жена считала, что надо подготовить письмо на имя Сталина, которое она сама отправит, а если нас обоих арестуют, отправит моя мать.

Когда арестовывали наших друзей, все мы думали, что произошла ошибка. Но с приходом Деканозова впервые поняли, что это не ошибки. Нет, то была целенаправленная политика. На руководящие должности назначались некомпетентные

люди, которым можно было отдавать любые приказания. Впервые мы боялись за свою жизнь, оказавшись под угрозой уничтожения нас нашей же собственной системой. Именно тогда я начал размышлять над природой системы, которая приносит в жертву людей, служащих ей верой и правдой.

Еще один из моих друзей, Петр Зубов, тоже стал жертвой и попал в ту же мясорубку. В 1937 году он был назначен резидентом в Праге. Впервые за время своей службы в разведке он работал под дипломатическим прикрытием. Зубов встретился с президентом Эдуардом Бенешем и по указанию Сталина передал последнему десять тысяч долларов, поскольку Бенеш не мог воспользоваться своими деньгами для организации отъезда из Чехословакии в Великобританию близких и нужных ему людей. Расписка в получении денег была дана Зубову секретарем чехословацкого президента. Сам Бенеш бежал в Англию в 1938 году. Зубов отлично справился с заданием. Британские и французские власти не имели ни малейшего представления о наших связях с лицами, выехавшими из Чехословакии. Спустя полгода после того как Бенеш покинул Прагу, Зубова отозвали в Москву и арестовали по личному приказу Сталина.

Причина ареста заключалась в том, что Бенеш — через Зубова — предложил Сталину, чтобы Советский Союз субсидировал в 1938 году переворот, направленный против правительства Стоядиновича в Югославии, для того чтобы установить там военный режим и ослабить таким образом давление на Чехословакию. Бенеш просил сумму в двести тысяч долларов наличными для сербских офицеров, которые должны были устроить переворот. Получив эту сумму из Центра, Зубов выехал в Белград, чтобы на месте ознакомиться с положением. Когда он убедился, что офицеры, о которых шла речь, были всего лишь кучкой ненадежных авантюристов и ни на какой успешный заговор рассчитывать не приходилось, он был потрясен и отказался выплатить им аванс. Вернувшись в Прагу с деньгами, он доложил в Центр о сложившейся ситуации. Сталин пришел в ярость: Зубов посмел не выполнить приказ. На зубовской телеграмме с объяснением его действий Сталин собственноручно написал: «Арестовать немедленно». (Я видел эту телеграмму в 1941 году, когда мне показали дело Зубова.)

Встреча с Зубовым в коридоре седьмого этажа на Лубянке в первый же день его возвращения из Чехословакии обрадовала меня: партбюро со дня на день должно было поставить на собрании вопрос о моем исключении из партии, и я надеялся на его поддержку, так как он пользовался большим авторите-

том в Иностранном отделе. Мы условились повидаться на следующий день, но он не пришел. Я решил, что он просто избегает контактов со мной, но Эмма встретила его жену на улице и узнала об его аресте. Я понятия не имел, в чем именно его обвиняют: то были времена, когда можно было только внимательно присматриваться к происходящему и стараться не терять надежды.

И тут произошло неожиданное. Собрание, назначенное на январь, которое должно было утвердить мое исключение из рядов партии, отложили. Вскоре Ежов, отстраненный от обязанностей народного комиссара еще в декабре минувшего года, был арестован. Делом Ежова, как я узнал позже, лично занимались Берия и один из его заместителей, Богдан Кобулов. Много лет спустя Кобулов рассказал мне, что Ежова арестовали в кабинете Маленкова в Центральном Комитете. Когда его вели на расстрел, он пел «Интернационал».

Я по-прежнему считаю Ежова ответственным за многие тяжкие преступления — больше того, он был еще и профессионально некомпетентным руководителем. Уверен: преступления Сталина приобрели столь безумный размах из-за того, в частности, что Ежов оказался совершенно непригодным к разведывательной и контрразведывательной работе.

Чтобы понять природу ежовщины, необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретают безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугоден местному партийному начальству на районном и областном уровнях. Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов.

Конечно, в те дни я еще не знал всего, но чтобы иметь основания опасаться за свою жизнь, моих знаний было достаточно. Исходя из логики событий, я ожидал, что меня арестуют в конце января или в крайнем случае начале февраля 1939 года. Каждый день я являлся на работу и ничего не делал — сидел и ждал ареста.

Жена была обеспокоена моим быстрым повышением по службе еще в 1938 году. Она предпочитала, чтобы я оставался на незаметной должности, и была права, так как травля меня началась именно из-за этого, хотя назначение носило сугубо

временный характер. Я был не «врагом народа», а врагом завистливых коллег — таков был заурядный мотив для травли в годы «чисток».

Новое назначение не оставляло времени на длительные раздумья о кампании против меня, которая чуть было не стоила мне жизни. Головокружительная скорость, с которой развивались события, увлекла меня за собой.

...Партийное собрание так и не рассмотрело мое персональное дело. Через два дня после беседы со Сталиным и Берия в Кремле и полученным мной заданием по ликвидации Троцкого мне сообщили, что партбюро пересмотрело свое решение об исключении меня из партии и вместо этого вынесло выговор с занесением в учетную карточку за потерю бдительности и неразоблачение вражеских действий бывшего руководства Иностранного отдела...»

Серьезным потрясением для меня явилось ознакомление с хранящимися в личном деле отца протоколами партийного собрания, на котором его исключали из партии. Меня поразило, насколько мужественно и благородно вел себя во время этого, пожалуй, самого опасного в его жизни периода отец. Это протокол партсобрания 5-го коллектива ГУГБ, на котором, среди прочих вопросов, обсуждалось и персональное дело отца.

Первым выступил секретарь парткома Леоненко, который в своем докладе сформулировал основные пункты обвинения: связь с арестованными к тому времени «врагами народа» — крупными советскими разведчиками Горожаниным, Раисой Соболев, Иваном Каминским, Дмитрием Быстролетовым. Последним из обвинений было незаконное получение вещей из-за границы.

Затем поочередно выступили коллеги отца. Практически каждый из них так или иначе пытался его «потопить». Благутин заявил, что Судоплатов холуй, имел связи с «врагами народа» Горожаниным, Соболев, Шпигельгласом, Слуцким (официально умершим и торжественно похороненным!), после чего предложил исключить его из партии.

Затем выступил Дудукин, который, оправдывая свою фамилию, заявил, что отец дружил с Раисой Соболев и Слуцким, не разоблачал «врагов народа» и, более того, выступал в защиту некоторых из них, в частности, Горожанина и Кропотова. Он также предложил исключить отца из партии.

Третьим выступал Чернонебов, который тоже сказал, что отец не разоблачал «врагов народа», что под видом оперативной необходимости получал с диппочтой вещи (что за вещи — убейте не пойму, жили мы всегда очень скромно), который также предложил исключить отца из партии.

Четвертым выступал Нагибин, который заявил, что отец опирался в своей работе на Слуцкого, был высокомерен, дружил с Раисой Соболев, скрывал известные ему факты о Быстролетове и Горожанине, получал вещи из-за границы, не сообщил «куда следует» о том, что Шпигельглас в его присутствии признался, что он шпион, зная, что материал на него находится уже у Берия, что дружил с Каминским, что Каминский, характеризуя в свое время отношения Судоплатова с Пассовым и Шпигельгласом, назвал его «удобным человеком». Он также предложил исключить отца из партии.

Пятым выступал Прудников, который сказал, что у Судоплатова «гонор», так как начальник отдела и замы ему покровительствовали, пренебрежение к нижестоящим товарищам, что он дружил с Горожаниным, не разоблачал врагов, что его приблизил к себе Пассов, что вокруг Судоплатова и его жены Кагановой группировались старые кадры ИНО (особый круг лиц, не переваривавший новых людей), что он был на особом положении у Слуцкого, был у него на вечере, и также предложил исключить отца из партии.

Шестым выступил Пудин, который заявил, что Судоплатов, будучи членом парткома ГПУ Украины, знал о троцкистском прошлом Горожанина, но защищал его, что Горожанин способствовал переводу Судоплатова в Москву, что отец участвовал во встрече Нового года у Слуцкого (прикрытие для сбора врагов), на которой Слуцкий высказал свое удовлетворение подбором аппарата и его сработанностью, в то время как позднее все эти люди были арестованы, обвинил отца в «нехорошем» и «чиновничьем» отношении к Сенькину и Нагибину, пришедшим из ЦК, в том, что в его, Пудина, присутствии Шпигельглас сказал Судоплатову, что является шпионом, и также предложил исключить отца из партии.

Седьмым выступил Езепов, который обвинил отца в нежелании разоблачать «врагов народа», в том, что он вместе с бывшим секретарем парткома Долматовым «играл под дудку Слуцкого».

Восьмым слово держал Хрипунов, который, указав на то, что отец ссылается на свою длительную заграничную командировку в качестве оправдания притупления бдительности, сказал, что это неверно, что отец был удобным для врагов человеком, поэтому его назначили помощником начальника отдела и создали особые условия для работы, что со Шпигельгласом у отца были не просто деловые отношения, что отец был особо приближенным у Слуцкого, что к рядовым работникам он относился высокомерно и не помогал им в работе, не разоблачал врагов. Хрипунов также предложил исключить отца из партии.

Девятым был Одинцов, который в своем выступлении оказался более чем оригинален. По его словам, отец сначала был хорош, но постепенно враги его опутали, чему особенно способствовала женитьба на Кагановой. По словам этого «тонкого психолога», мать крепко держала отца в руках. Именно она втянула его в круг врагов. Что отец состоял в близких отношениях со Слуцким, Пассовым и другими арестованными «врагами народа», после чего пожалел, что эти враги не все говорят на допросах о Судоплатове, «а есть что». Отец, по словам Одинцова, стал «не нашим человеком», лучшим другом «врагов народа». Он выступал в защиту Горожанина, Шпигельглас ему доверял, его намечали в начальники отдела. Кроме того, отец плохо относился к партийным поручениям (работа в стенгазете), и также предложил исключить отца из партии.

Десятым выступил Гессельберг. Как ни странно, именно он меньше всего «поливал» отца, но именно его выступление отец запомнил, приписав ему слова других выступавших. Гессельберг всего лишь присоединился к предыдущим выступающим и к их предложению об исключении отца из партии.

Потом говорил Самуил Перевозников, ближайший помощник Якова Серебрянского, резидент «Группы Яши» в Шанхае, недавно вернувшийся из-за границы. Ему самому оставалось находиться на свободе считанные дни. В своем выступлении он повторил все вышесказанное: не разоблачал врагов, пользовался поддержкой Шпигельгласа, обижал Нагибина, защищал Горожанина, был на вечере у Слуцкого, сошелся с Пассовым, дружил с Раисой Соболев и Каминским. В заключение предложил исключить отца из партии.

Двенадцатым выступал уже названный Пудиным в качестве обиженного отцом Сенькин, который заявил, что в отделении отца сложились ненормальные отношения, что отец не руководит, а командует, что он не интересуется работой и использует людей не по прямому назначению, что он высокомерен, поддерживал линию Пассова на удаление новых работников из отдела, и предложил исключить его из партии.

Последним выступал Эпштейн. Повторив ставший уже традиционным набор обвинений (Горожанин, Быстролетов, Соболев, Каминский), он добавил, что отцу покровительствовал бывший секретарь парткома Долматов, в связи с чем также предложил исключить отца из партии.

После всех выступлений слово дали отцу. В свое оправдание он сказал, что не знал о «троцкистском прошлом» Горожанина, что не разоблачал врагов, так как был занят подготовкой к «большому оперативному делу» (очевидно, имел в виду ликвидацию Коновальца), что у Слуцкого на квартире был всего два раза: на Новый год и когда тот болел.

Затем вновь выступил Леоненко, который произнес заключительное слово. Подводя итог обсуждению, он поставил на голосование единственное прозвучавшее предложение: исключить Судоплатова из партии.

Принятое постановление гласило: «За притупление большевистской бдительности, выразившееся в том, что Судоплатов, работая на протяжении ряда лет в отделе, находясь в близких взаимоотношениях с бывшим начальником отдела Слуцким, бывшим зам. начальника отдела Шпигельгласом, бывшим сотрудником 5-го отдела Соболев и ее мужем Ревзиным, не пытался и не сумел разоблачить их как «врагов народа».

Находился в близких отношениях с ныне разоблаченным «врагом народа» Горожаниным, с которым работал до прихода в ИНО на Украину, когда парторганизация разоблачила Горожанина как скрытого троцкиста, Судоплатов выступил в защиту Горожанина.

Не принял мер к разоблачению эсера, белогвардейца Быстролетова, материалы о котором находились у Судоплатова с 1933 года, и он, Быстролетов, работал в отделе в 1937 году и привлек Судоплатова к оформлению газеты.

За то, что не принял активного участия в борьбе парторганизации за очищение отдела от предателей и шпио-

нов, пробравшихся в отдел, за использование служебного положения в личных целях Судоплатова Павла Анатольевича из рядов ВКП(б) исключить».

Подписал протокол секретарь парткома 5-го отдела Леоненко.

Следующий документ относится к 14 июля 1939 года. Это протокол заседания бюро парткома НКВД, в котором указывается, что член ВКП(б) Судоплатов, работая в парторганизации № 5, допустил ряд грубых политических ошибок, однако было решено ограничиться выговором с занесением в учетную карточку «за притупление политической бдительности» по двум причинам: во-первых, зная, что к Шпигельгласу поступили материалы, изобличающие его как японского шпиона, и что Шпигельглас дал Ярикову указание подобрать материалы, его реабилитирующие, не сообщил об этом, во-вторых, потому, что Судоплатов и его жена Каганова находились в близких отношениях с «врагом народа» Ревзиным. Решение подписал секретарь парткома НКВД Горбулин. И только 18 января 1941 года выговор был снят.

Со многими из вышеперечисленных лиц мой отец так или иначе был связан по роду своей деятельности в органах. Когда уже сейчас, спустя долгие десятилетия после свершившихся адских репрессий, извлекаешь на свет Божий из бывших сверхтайных архивов список этих лиц или другие, похожие своей роковой судьбой списки, то вдруг ощущаешь, что все они, сцепленные крепко между собой и последовательно, логично, друг за другом приводимые в движение единым движком, — неотъемлемые части страшного механизма, осознанно управляемого одним мощным рычагом на одном своем — «командном» — конце, другом же — «рабочем» — слепо разрушающего вокруг себя все живое. Каждое имя из этого списка тянет за собой другие имена, а те — еще и еще... до бесконечности!

Глава 7

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Волна массовых репрессий буквально с головой накрыла страну и даже вышла далеко за ее пределы. 12 июня 1938 года начальник Управления НКВД по

Дальневосточному краю тридцативосьмилетний генерал Генрих Самойлович Люшков, в сопровождении заместителя начальника Разведотдела краевого УНКВД К. Н. Стрелкова, вышел в полосу 59-го Посыетского погранотряда к государственной границе для встречи с агентом. Залегший на расстоянии трехсот метров от «места встречи» Стрелков уже никогда больше не увидел своего начальника.

В ночь с 12 на 13 июня 1938 года Г. С. Люшков перешел государственную границу и сдался японским оккупационным властям Маньчжурии. Люшков сбежал, опасаясь того, что молох сталинских репрессий затронет и его, кадрового чекиста с 1919 года.

Позднее и Рихард Зорге так прокомментировал «дело генерала Люшкова»: «Я придерживаюсь мнения, что Люшков перебежал не потому, что был недоволен действиями советского руководства или совершил какой-либо недозволенный поступок, а потому, что сам опасался оказаться жертвой чисток, которые прокатились по рядам ГПУ. Я полагаю, что именно Люшков своему дезертирству придал политическую окраску».

И сегодня, когда мы знаем немного больше о «деле Люшкова», остается согласиться с выводом известного советского разведчика: наученный горьким опытом кремлевских калифов на час от НКВД — Ягоды, Молчанова, Балицкого, Леплевского и других, Люшков не стал дожидаться момента, когда будет брошен в лубянские подвалы «за ненадобностью»...

Между тем сбежавший от своих коллег Люшков попал в руки японских спецслужб, и те решили использовать его в подготовке покушения на самого Сталина. Ведь кто еще мог в деталях описать маршруты поездок, привычки, систему охраны Сталина лучше человека, который до 1937 года работал в центральном аппарате НКВД на весьма высоких должностях. Кто, как не он, мог пообещать своим новым хозяевам, что исполнению террористического акта против Сталина кое-кто в руководстве НКВД и других учреждений окажет необходимую поддержку. Одним словом, с помощью Люшкова японцы приступили к подготовке покушения на Сталина. Основными исполнителями этой акции должны были стать белогвардейцы, коих в те дни в Маньчжурии было предостаточно. Из Турции они собирались перебраться на территорию СССР, чтобы выйти в районе Сочи. Там через подземную канализацию проникнуть в павильон в

Мацесте, где обычно Сталин принимал ванны. Для убийства Сталина предназначались специальные разрывные пули. Возвращение террористов план не предусматривал, таким образом, все они шли на добровольную смерть.

Японский исследователь Хияма Есиаки в своей книге «Японские планы покушения на Сталина» отмечал, что это покушение было предотвращено советскими спецслужбами уже на самой ранней стадии развития. И все благодаря агенту НКВД — некоему Борису Бжеманьскому, переводчику из МИДа Маньчжоу-гоу, действовавшему под кличкой Лео. Однако версию японского исследователя опровергает наш отечественный историк А. Рыбин, который пишет:

«Была ли у террористов в Мацесте возможность расстрелять Сталина разрывными пулями? Никакой. Внутренняя охрана насчитывала около двухсот сотрудников. Внешнее кольцо в лесной местности составлял отряд пограничников. Возглавляли охрану Сталина комиссары Н. Власик, В. Румянцев и А. Богданов. Хвостовая группа сопровождения была еще до войны вооружена автоматами. Конкретно в ней находились Раков, Кузнецов, Кирилин, Кузьмичев и Мельников.

На самой Малой Мацесте действовало более пятидесяти других сотрудников. Мы там появлялись за три часа до приезда Сталина и подвергали проверке все, вплоть до коммуникаций. Почти безлюдная территория Мацесты и прилегающий к ней лес прочесывались. Все подозрительные лица проверялись и при необходимости задерживались. Как при такой плотной охране могла устроить покушение даже наша проницательная оппозиция? А уж про японцев не стоит и говорить...»

Между тем Х. Есиаки рассказывает в своей книге и о подготовленном сразу после первого втором покушении на Сталина. 1 мая 1939 года во время праздничной демонстрации на Красной площади террористы должны были взорвать ни много ни мало... Мавзолей. Накануне праздника террористы были заброшены в СССР, однако с этого момента связь с ними прервалась, и судьба их так и осталась неизвестной. По всей видимости, все они разделили судьбу террористов, заброшенных в район Сочи.

А судьба перебежчика генерала Люшкова сложилась не менее трагически. В 1945 году его тело нашли в Дайрене, близ города Даляня. Он был задушен и сброшен с моторной лодки сотрудниками японской разведки. Как говорится, «он слишком много знал».

Всего через одиннадцать дней после бегства Люшкова, в конце июля 1938 года, советскую резидентуру в Испании постиг очередной серьезнейший удар: неожиданно покинул свой пост и скрылся вместе с женой (сотрудницей резидентуры) и дочерью-подростком А. М. Орлов. Через месяц в постпредство СССР в Париже от него поступило письмо на имя наркома внутренних дел Ежова. В нем беглец разъяснил, что его поступок обусловлен нежеланием подвергнуться необоснованным репрессиям на родине, как это уже случилось со многими его коллегами и друзьями.

Орлов Александр Михайлович именуется в кадрах ОГПУ—НКВД также как Никольский Лев Лазаревич, он же Швед или Лева в материалах оперативной переписки. Настоящее его имя — Фельбинг (или Фельдбин) Лейба Лазаревич (1895—1973). На Западе, впрочем, после своего бегства он стал известен как Александр Орлов. Он окончил юридический факультет Московского университета. С 1916 года был на службе в армии. Там вступил в партию социал-демократов интернационалистов, затем стал членом РКП(б). В 1918—1919 годах стал сотрудником Высшего финансового совета. Участвовал в Гражданской войне на юге России. В 1920 году получил назначение в Особый отдел 12-й армии. Затем был назначен начальником секретно-оперативной части Архангельской ЧК. В 1921—1924 годах работал следователем Верховного трибунала при ВЦИК и помощником прокурора уголовно-кассационной коллегии Верховного суда. С 1924 года являлся сотрудником Экономического управления ОГПУ, затем занимал должность начальника погранохраны Сухумского гарнизона. С 1926 года работал в составе Иностранного отдела ОГПУ. В 1926—1930 годах находился на нелегальной разведработе во Франции. В 1930 году был переведен в центральный аппарат ИНО ОГПУ в Москве. В 1933—1937 годах — нелегальный резидент ИНО во Франции, Австрии, Италии. В 1935 году Орлов получил звание майора госбезопасности. В 1937—1938 годах действовал как резидент НКВД и советник республиканского правительства по безопасности в Испании. С июля 1938 года жил в США. В июле 1938 года накануне побега Орлова из Испании циркулировали слухи о том, что он вскоре заменит Пасова на посту руководителя разведки НКВД. Однако

арест его зятя, Кацнельсона, заместителя наркома внутренних дел Украины, репрессированного в 1937 или 1938 году, испугал Орлова.

Мой отец встречался с ним и на Западе, и в Центре, но мимолетно. Тем не менее есть смысл остановиться на этой фигуре подробнее, так как именно его разоблачения в 50-х и 60-х годах в значительной мере способствовали пониманию характера репрессий 1937 года. Кстати, вопреки его утверждению, Орлов никогда не был генералом НКВД. На самом деле он имел звание майора госбезопасности, специальное звание, приравненное в 1945 году к рангу полковника. В начале 30-х годов Орлов возглавлял отделение экономической разведки Иностранного отдела ОГПУ, был участником конспиративных контактов и связей с западными бизнесменами и сыграл важную роль в вывозе новинок зарубежной техники из Германии и Швеции в СССР.

Вдобавок Орлов был еще и талантливым журналистом. Он не был в Москве, когда шли аресты и расправы в 1934—1937 годах, но его книжная версия этих событий была принята публикой как истинная. Некоторые из наших авторов даже используют эту версию еще и сегодня для описания зверств сталинского режима. Конечно, в том, что им написано, немало правды, но надо помнить: этот человек был не слишком осведомлен о реальных событиях, поскольку не был очевидцем.

Орлов отлично владел английским, немецким и французским языками. Он весьма успешно играл на немецком рынке ценных бумаг. Им был написан толковый учебник для высшей спецшколы НКВД по привлечению к агентурному сотрудничеству иностранцев. Раиса Соболев, ближайшая подруга моей матери, ставшая известной писательницей Ириной Гуро, в 20-х годах работала в Экономическом отделе ГПУ под его началом и необычайно высоко его ценила. И основания для того были. К примеру, он из числа своих осведомителей смог создать группу неофициальной аудиторской проверки, которая выявила истинные доходы нэпманов. Этой негласной ревизионной службой Орлова руководил лично Слуцкий, в то время начальник Экономического отдела, который затем, став руководителем Иностранного отдела, перевел Орлова на службу в закордонную разведку. В 1934—1935 годах Орлов был нелегальным резидентом в

Лондоне, ему удалось закрепить связи с известной теперь всему миру группой: Филби, Макклин, Берджес, Кэрнкросс, Блант и другими.

В августе 1936 года он был послан в Испанию после трагического любовного романа с молодой сотрудницей НКВД Галиной Войтовой. Она застрелилась прямо перед зданием Лубянки, после того как Орлов покинул ее, отказавшись развестись со своей женой. Слуцкий, его близкий друг, немедленно выдвинул его на должность резидента в Испании перед самым назначением Ежова наркомом внутренних дел в сентябре 1936 года. Орлову поручались ответственные секретные задания, одним из которых была успешная доставка золота Испанской республики в Москву. За эту дерзкую операцию он был повышен в звании.

Газета «Правда» сообщала о том, что старший майор госбезопасности Никольский награждается орденом Ленина за выполнение важного правительственного задания. В том же номере газеты сообщалось, что майор госбезопасности Наумов (в действительности — Эйтингон) награждается орденом Красного Знамени, а капитан госбезопасности Василевский — орденом Красной Звезды.

Орлова весьма уважал также и Шпигельглас. Он часто посещал Испанию и рассказывал моему отцу о том, что находившийся там Орлов прекрасно справлялся с заданиями по вербовке важной агентуры. Кстати, Орлов сыграл видную роль в ликвидации руководителя испанских троцкистов Андреса Нина. Вся операция по изъятию Нина из тюрьмы была проведена при личном участии Орлова-Никольского с помощью специальной группы боевиков — немецких антифашистов, бойцов диверсионного партизанского отряда. Во главе немецкой группы был Густав Руберлейн, впоследствии во времена ГДР заведующий Международным отделом ЦК Социалистической единой партии Германии. Участие немцев в этой акции как бы подтверждало версию Никольского о причастности немецких спецслужб к похищению своего агента из республиканской тюрьмы. Тем не менее скандал, связанный с похищением Нина, так и не был урегулирован. Республиканское правительство Испании крайне болезненно отреагировало на этот инцидент. Именно в силу этих обстоятельств Нин за участие в мятеже

троцкистов в Барселоне был арестован республиканскими властями, а потом похищен Орловым из тюрьмы и убит неподалеку от Барселоны.

Акция по ликвидации Нина фигурирует в архивах НКВД как операция «Николай». Предыстория этого дела связана с успешным проникновением агентов Орлова-Никольского в троцкистское движение. Через министра республиканского правительства Каталонии Гаодосио Ориверо удалось блокировать прибытие анархистских подкреплений на помощь троцкистским мятежникам в Барселоне в июне 1937 года. Кроме того, завербованный Никольским начальник Каталонской республиканской службы безопасности В. Сала — Хотя регулярно сообщал о намерениях троцкистов и способствовал полному контролю над перепиской и переговорами всех руководителей троцкистского движения в Каталонии, где оно имело свою опору.

Именно Хота захватил немецких курьеров, спровоцировавших беспорядки в Барселоне, которые быстро переросли в вооруженное выступление троцкистов. Неопровержимые доказательства причастности немецких спецслужб к организации беспорядков в Барселоне кардинально скомпрометировали троцкистских лидеров. Затем Орлов написал антитроцкистский памфлет, распространив его от имени Андреса Нина, и создал принятую официальными властями версию о содействии немецких спецслужб побегу Нина из-под стражи. Эта акция нанесла серьезный урон престижу троцкистского движения в Испании. Об успешных дезинформационных действиях Орлова и ликвидации троцкистов в Испании Ежов непосредственно докладывал Сталину.

В июле 1938 года Шпигельглас, как намечалось заранее, должен был встретиться с Орловым на борту советского судна в бельгийских территориальных водах для получения регулярного отчета. Шпигельглас подозревал, что у французской и бельгийской спецслужб имеются основания задержать его, так как годом раньше арестовали некоторых его агентов, оказавшихся замешанными в похищении белогвардейского генерала Миллера. По этой причине Шпигельглас боялся сойти на берег. Орлов же боялся совсем другого: он подозревал, что свидание на судне подстроено, чтобы захватить его и арестовать. На встречу со Шпигельгласом он так и не явился.

Орлов скрылся, и лишь в ноябре руководству наших спецслужб стало известно, что он объявился в Америке. До того как это произошло, мой отец, как свидетельствуют архивные документы, подписал так называемую «ориентировку» по его розыску, которую надлежало передать по каналам связи во все резидентуры. В этом документе содержалось полное описание Орлова и его привычек, а также описание жены и дочери, которых в последний раз видели вместе с ним во Франции. В ориентировке указывалась причина возможного исчезновения Орлова и его семьи — похищение их одной из спецслужб: британской, германской или французской. В особенности подчеркивался тот факт, что Орлов был известен французским и британским властям как эксперт советской делегации, участвовавший, притом дважды, в работе Международного комитета за невмешательство в гражданскую войну в Испании.

Другой причиной, указывалось в «ориентировке», могла быть его измена: из сейфа резидентуры в Барселоне исчезло шестьдесят тысяч долларов, предназначенных для оперативных целей. Его исчезновение беспокоило советское руководство еще и потому, что Орлов был хорошо осведомлен об агентурной сети ОГПУ—НКВД в Англии, Франции, Германии и, конечно, в Испании.

В ноябре 1938 года моего отца вызвал Берия и, давая разные указания, неожиданно распорядился прекратить дальнейший розыск Орлова. Возобновить поиски мой отец должен был лишь по его прямому указанию. Орлов, оказывается, направил из Америки письмо лично Сталину и Ежову, в котором свое бегство объяснял тем, что опасался неизбежного ареста на борту советского судна.

В письме также говорилось, что в случае попыток выяснить его местопребывание или установить за ним слежку он даст указание своему адвокату обнародовать документы, помещенные им в сейф в швейцарском банке. В них содержалась информация о фальсификации материалов, переданных Международному комитету за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Орлов также угрожал рассказать всю историю, связанную с вывозом испанского золота, его тайной доставкой в Москву со ссылкой на соответствующие документы. Это

разоблачение поставило бы в неловкое положение как советское правительство, так и многочисленных испанских беженцев, поскольку советская военная поддержка республиканцев в гражданской войне считалась официально бескорыстной. Плата, полученная нами в виде золота и драгоценностей, была окружена тайной.

Орлов просил Сталина не преследовать его пожилую мать, оставшуюся в Москве, и если его условия будут приняты, он не раскроет известную ему зарубежную агентуру и секреты НКВД, которые ему известны.

Я лично не верю, что причина, по которой Орлов не выдал кембриджскую группу или обстоятельства похищения генерала Миллера, заключалась в его лояльности по отношению к советской власти. Речь, мне думается, шла просто о выживании, поскольку Орлов прекрасно знал, что возможности НКВД по обнаружению перебежчиков неограничены. Нужно было только время.

Похищения и ликвидации троцкистов и перебежчиков активно проводились ОГПУ—НКВД в Европе в 30-х годах. В этой связи заслуживает некоторых уточнений дело кадрового советского разведчика, заместителя начальника советской военной разведки в Западной Европе Игнатия Рейсса (настоящая фамилия Порецкий), разведчика-нелегала, засланного в Западную Европу. Им были получены большие суммы денег, за которые он не смог отчитаться, и Рейсс опасался, что может стать жертвой репрессий. Он взял деньги, предназначавшиеся для оперативных целей, и скрылся. Деньги он положил в один из американских банков. Перед своим побегом в 1937 году Рейсс написал письмо в советское полпредство во Франции, в котором осуждал Сталина. Это письмо появилось затем в одном из троцкистских изданий и стало для него роковым, хотя из досье Рейсса было видно, что он никогда не симпатизировал ни самому Троцкому, ни какой-либо из групп, которые его поддерживали. Тем не менее после появления в троцкистской печати этого письма Рейссу заочно был вынесен смертный приговор.

Рейсс вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельгласа в Париже весьма скоро засекла его. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгаринцем (нашим нелегалом) Афанасьевым и его шурином Правдиным в Швейцарии. Они подсели к не-

му за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейсс с удовольствием выпивал с двумя болгарскими, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев и Правдин имитировали ссору с Рейссом, вытолкнули его из ресторана и, запихнув в свою машину, увезли. 4 сентября 1937 года в трех километрах от этого места они расстреляли Рейсса, оставив труп на обочине дороги.

Мой отец, как рассказывал он в своих воспоминаниях, принял Афанасьева и Правдина на явочной квартире в Москве, куда они вернулись после выполнения задания. Вместе с ними был и Шпигельглас, который их курировал. Афанасьев и Правдин были награждены орденами. По специальному правительственному постановлению мать Правдина, проживавшая в Париже, получила пожизненную пенсию. Афанасьев стал офицером разведки и прослужил до 1953 года, а Правдин поступил на работу в Издательство иностранной литературы в Москве, где работал до своей смерти в 1970 году.

Здесь следует уточнить: слухи о том, что Сергей Эфрон, муж поэтессы Марины Цветаевой, был одним из тех, кто навел НКВД на Рейсса, является чистым вымыслом. Эфрон, действительно работавший на НКВД в Париже, не располагал никакими сведениями о местонахождении Рейсса.

Другой эпизод, также требующий комментариев, касается Георгия Агабекова. В 20-х годах Агабеков был резидентом ОГПУ в Стамбуле. Он стал перебежчиком из-за своей близости к Блюмкину, которого обвинили в сочувствии взглядам Троцкого. Полагают, что сыграла свою роль и его любовь к дочери британского разведчика в Стамбуле. Испытывая отчаянную нужду в деньгах, Агабеков написал и опубликовал на Западе две книги. Он также был замешан в темных махинациях с кавказскими эмигрантами, которым обещал контрабандой переправлять спрятанные ими семейные сокровища из Советского Союза.

Сообщалось, что Агабеков пропал в Пиренеях на границе с Испанией. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был якобы договориться о тайном вывозе бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Армянин, которого он встретил в Антверпене, был подсадной уткой. Он-то и заманил Ага-

бекова на явочную квартиру, сыграв на его национальных чувствах. Там, на квартире, его уже ждали боевик, бывший офицер турецкой армии, и молодой нелегал Коротков, в 40-е годы ставший начальником нелегальной разведки МГБ СССР. Турок убил Агабекова ножом, после чего его тело запихнули в чемодан, который выкинули в реку. Труп так никогда и не был обнаружен.

Турок и Коротков провели еще одну террористическую операцию в 1938 году. Эйл Таубман, молодой агент с кодовым именем Юнец, выходец из Литвы, сумел войти в доверие к Рудольфу Клементу, возглавлявшему троцкистскую организацию в Европе и являвшемуся секретарем так называемого IV Интернационала. В течение полутора лет Таубман работал помощником Клемента. Как-то вечером Таубман предложил Клементу поужинать с его друзьями и привел его на квартиру на бульваре Сен-Мишель, где уже находились турок и Коротков. Турок заколол Клемента, опять же тело положили в чемодан, затем бросили в Сену. Тело было найдено и опознано французской полицией, но к этому времени Таубман, Коротков и турок находились уже далеко от Парижа.

В Москве их ждали награды, а мой отец должен был позаботиться об их будущей работе. Турок стал «хозяином» явочной квартиры в Москве. Таубман сменил фамилию на «Семенов» и был послан на учебу в Институт химического машиностроения. Позднее он перешел на службу в органы госбезопасности.

Следующий эпизод связан с судьбой одного из перебежчиков в 30-х годах, Кривицкого. Офицер военной разведки Кривицкий, бежавший в 1937 году и объявившийся в Америке в 1939-м, выпустил книгу под названием «Я был агентом Сталина». В феврале 1941 года его нашли мертвым в одной из гостиц Вашингтона. Предполагалось, что он был убит НКВД, хотя официально сообщалось, что это самоубийство. Существовала, правда, ориентировка о розыске Кривицкого, но такова была обычная практика по всем делам перебежчиков.

В Разведупре Красной Армии и НКВД, конечно, не жалели о его смерти, но она, насколько мне известно, не была делом рук Москвы. Наоборот, и в советских органах госбезопасности полагали, что он застрелился в

результате нервного срыва, не справившись с депрессией.

Когда погибает перебежчик или кто-либо из политических деятелей, тут же начинают выдвигать самые разные версии ухода человека из жизни. Наиболее естественная причина смерти или логически объяснимый мотив убийства зачастую остаются погребенными под напластованиями лжи из-за недомолвок и взаимного сведения счетов.

Глава 8

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

В 1933 году мой отец был назначен на должность ответственного за оперативное наблюдение и борьбу с украинской эмиграцией на Западе. Артур Христианович Артузов предложил эту должность отцу, зная, что он родом с Украины и имеет опыт работы в местных условиях. К тому времени мама также перевелась в Москву и получила назначение в Секретно-политический отдел. С 1934 года в ее обязанности входила работа с сетью осведомителей в только что созданном Союзе писателей и в среде творческой интеллигенции.

Главной антисоветской организацией, которой приходилось заниматься моему отцу еще во время его работы в украинском отделении Иностранного отдела, а затем в центральных органах ГПУ, в частности в Иностранном отделе в Москве, куда отца перевели в 1933 году, была печально знаменитая ОУН — Организация украинских националистов.

Советские чекисты, и в первую очередь сотрудники Иноотдела, старательно отслеживали и многократно пресекали, в частности, усиленные попытки оуновских лидеров найти себе союзников в различных националистических движениях в разных странах, в том числе в Германии. В первую же очередь внимание оуновцев многие годы было приковано к их соседям и «коллегам» — литовским националистам и национал-шовинистам.

Мне довелось прожить уже достаточно большую жизнь. Казалось, навидался такого, что уже никогда и ничему удивляться не стану. И все же — удивляюсь.

Например, тому, что делается ныне в бывших советских Прибалтийских республиках, особенно в Латвии, где внаглую отказывают проживающим там русским во всех гражданских правах. Не лучше положение и в Литве. Нынешнее правительство этого государства принуждает народ, не спрося его желания, жить по довоенной конституции. А еще в большей мере тому, что изворотливые политики называют ее конституцией «самостоятельного демократического государства», а более «откровенные и принципиальные» стыдливо — конституцией «буржуазной республики». Вот и удивляюсь: на кого рассчитана эта словесная декорация? На простаков? На наивных и доверчивых? На незнаек? Ведь те и другие толкователи истории, мягко говоря, излагают неправду. Разве неизвестно, что вплоть до 1940 года в Литве существовали фашистские законы и порядки, что здесь властвовал фашистский режим? Причем фашисты пришли к власти в Литве раньше, чем в Германии, а именно в 1926 году. Руководил фашистским переворотом Антанас Сметона. Вот такую конституцию навязывают населению бывшей Литовской ССР, в соответствии с которой уже подвергаются дискриминации иноязычные группы граждан, предъявляются политические, экономические и территориальные претензии к соседним республикам. Да, это знакомые нотки и амбиции фашиста Сметоны.

Вот, к примеру, один примечательный случай из предвоенной истории.

1933 год... Гитлер становится рейхсканцлером Германии. Одним из первых, кто поздравил его с победой, был фюрер литовских фашистов Сметона. В том же году между Гитлером и Сметоной ведется оживленная переписка о беспокоившей их очень важной и злободневной на то время проблеме — установлении отношений между США и СССР. Укрепления контактов с нашей страной добивался Рузвельт, ставший американским президентом в том же памятном для человечества году — 1933-м. Шумный резонанс в мире вызвали поездка в Вашингтон и переговоры там с Рузвельтом наркома иностранных дел Литвинова. Но была и «тихая, тайная реакция». В ней приняли участие германская, литовская и оуновская разведки. Вернее, фашисты Литвы и Германии финансировали, а оуновцы осуществляли план срыва переговоров, а точнее — покушения на Литвинова.

Убийство наркома иностранных дел СССР Максима Литвинова, которое должно было состояться в начале ноября 1933 года, когда Литвинов прибыл в США для установления дипломатических отношений с Америкой, могло бы стать наиболее «громким» покушением оуновцев в первой половине 40-х годов.

Детали предполагаемого террористического акта обсуждались на специальном совещании (в Брюсселе, на квартире архитектора Дмитрия Андриевского) членами Центрального провода (руководства) ОУН Коновальцем, Богушем, Андриевским и Сциборским. Особую заботу у националистических вожakov вызывали трудности с оповещением народа о мести «москалям, загарбувавшим (захватившим) Украину». Речь шла о том, каким образом распространить в украинских советских областях воззвания и листовки, отпечатанные в Литве (в Каунасской тюремной типографии), где извещалось бы об «убийстве советского наркома». Частые провалы оуновских агентов в СССР затрудняли осуществление пропагандистской акции.

Остальное же как будто не вызывало озабоченности у вожakov ОУН. Для покушения на Литвинова была подобрана надежная «пятерка» украинских националистов из числа граждан США, возглавляемых Лукой Мишугой. Боевики имели подробные инструкции, были обеспечены оружием. Эта специальная террористическая группа в октябре 1933 года прибыла из Западной Европы в США.

Однако план этот уже был раскрыт советским разведчиком Иваном Каминским, который и сообщил о готовящемся теракте в Москву. Наша разведка через представителей Амторга (американо-советская торговая организация; дипломатических отношений с США у нас еще не было) оповестила президента Рузвельта о готовящемся украинскими националистами покушении на Литвинова. Рузвельт принял хитроумное решение. Чтобы предотвратить нежелательный эксцесс и вместе с тем «не обидеть» верных слуг американской разведки — оуновцев, он повелел взять под стражу на период пребывания Литвинова в США всю группу Мишуги.

Однако охрана Литвинова после этого все же была усилена, а вся агентура НКВД в Польше, Германии, во Франции (страны, через которые проезжал по пути в

США нарком) приведена в боевую готовность. 7 ноября 1933 года, когда океанский лайнер «Беренгария» бросил якорь на внешнем рейде нью-йоркской гавани, террористы уже были обезврежены. Но меры безопасности все равно оставались крайними. На пароходе Литвинова оберегали восемь здоровенных телохранителей-американцев, которые не отступали от него ни на шаг. Все передвижения по Америке происходили только на машинах. Пешком советская делегация за все дни пребывания в США ходила только дважды. Здание советского посольства в Вашингтоне, где остановилась делегация, окружили плотным кольцом охраны. Переговоры прошли успешно, и 18 ноября 1933 года между СССР и США были установлены дипломатические отношения. 25 ноября живым и невредимым нарком Литвинов покинул Америку. Покушение не состоялось.

Хотел бы обратить внимание читателей на одну небольшую, но примечательную книгу. Ее автор — Сергей Тарасович Даниленко. Вышла она в 1970 году в Киеве в издательстве «Наукова думка» («Научная мысль») на украинском языке тиражом 15 тысяч экземпляров под названием «Дорогой позора и предательства». Главное достоинство исторической хроники С. Т. Даниленко, который создал этот труд, уже потеряв зрение, в том, что она, изобличая униатских политиканов, выводит на чистую воду и националистов различных мастей — польских, немецких, украинских, а также рассказывает о тесной связи их и служителей культа с империалистическими разведками. Причем Даниленко делает это на основе документов.

История этих документов, с которыми мне в свое время пришлось знакомиться, тоже примечательна. Восходит она к 1914 году, когда митрополит Шептицкий был арестован российским царским правительством как агент австрийской разведки. Вот как об этом говорится в книге Даниленко: «И все же, как ни желал того Ватикан, кампания за освобождение Шептицкого вскоре провалилась. Причиной послужило то, что царское правительство неожиданно добыло документы, которые разоблачали униатского митрополита не только как главного политического руководителя украинских националистов, но и как тайного императорского советника, который всегда интриговал и подстрекал правительство Австро-Венгрии к войне против России и даже лично разра-

ботал планы захвата Украины и «государственного устройства» ее».

Что же это были за документы, заставившие пересмотреть роль митрополита и отношение к нему, и каким образом они были добыты? Как стало известно русской контрразведке, изобличающие украинских националистов вместе с Униатской церковью ценные бумаги хранились в личном тайнике Шептицкого — в одной из подвальных стен собора Святого Юра во Львове, где находилась митрополичья резиденция. Секретный архив, обнаруженный 11 февраля 1915 года, содержал докладные записки Шептицкого и других вождей украинских националистов австро-венгерскому правительству, протоколы заседаний «Главного украинского совета», «Союза освобождения Украины», «Боевого управления сечевых стрельцов», удостоверение Ватикана, предоставлявшее Шептицкому право «организовывать и руководить Униатской церковью на территории всей России».

Большой интерес вызвал черновик докладной записки Шептицкого от 15 августа 1914 года правительству Австро-Венгрии, где подробно излагались военное, социальное и церковное устройство Украины, а также рекомендации австрийским оккупационным властям. Митрополит настойчиво советовал своим покровителям как можно полнее оторвать от России украинские земли, подчинить их габсбургской монархии. По его мнению, для этого требовалось высочайшее императорское повеление о назначении на пост гетмана Украины «наиболее выдающегося полководца австрийской армии». Чтобы ввести в заблуждение украинцев и поиграть на их национальных чувствах, Шептицкий предлагал ввести в гетманской армии военную форму по образцу запорожских казаков. Большие надежды он возлагал на церковное переустройство, благодаря которому мог бы стать под высочайшим австро-венгерским монаршим покровительством главой Униатской церкви не только в Галичине, не только на всей Украине, но и обзавестись послушной паствой от Карпат до Тихого океана. В соответствии с планами будущего всеукраинского и всероссийского пастыря надлежало (пока что на землях, предполагаемо оккупированных австрийцами) наряду с австрийскими мирскими законами учредить «самостоятельную», «наиполнее отделенную от Русской Православной Церкви» украинскую

Церковь. Последняя должна усердно молиться за австрийского императора, но отнюдь не за русского царя, а «московские святые будут вычеркнуты из календаря».

Видимо, здесь уместно более подробно рассказать и о самом Шептицком. Его имя приобрело известность в 1888 году. Еще бы! Блестящий улан и баловень судьбы, наследник графского титула и богатых поместий вдруг постригся в монахи. Причем стал служить не престижному ордену иезуитов, а второразрядному — базилиан. В аристократических салонах Варшавы, Вены, Львова только об этом и толковали. Но мало кто знал, что, переходя из Католической церкви в лоно Церкви «холопской», униатской, молодой граф Шептицкий выполнял стратегическое задание самого Ватикана и папы Льва XIII. Более того, ради осуществления этого задания католической верхушке пришлось долго «уламливать» как самого «Божьего избранника», так и его влиятельных родителей-аристократов дать согласие на превращение не только польского перспективного офицера Романа Шептицкого в наставника униатской украинской паствы отца Андрия (сам Шептицкий именовал себя Андреем), но и поляка — в украинца. Ему предстояло стать одним из «реконструкторов» утратившего свое значение экспансивного ордена базилиан (василиан), который в расчетливых планах «католизации русского Востока» избирался ударной силой.

Поскольку предки высокогородного пана Шептицкого являлись известными униатскими деятелями, на него верхушкой Римской церкви делалась большая «стратегическая» ставка как на лицо, способное в недалеком будущем с помощью базилиан укрепить пошатнувшиеся позиции австро-венгерской монархии и подавить «московфильское движение» на Галичине.

Вот как об этом откровенничал униатский священник и писатель Иван Рудович: «В начале 1888 года война России с Австрией казалась неизбежной... Бывший немецкий посол в Петербурге железный канцлер Бисмарк наилучшим образом оценил украинский вопрос: чтобы удержать равновесие и мир в Европе, нужно создать независимую Украину. Отрыв Украины был бы наитяжелейшей ампутацией для России. Папа Лев XIII быстро сориентировался в запутанной мировой политике... Униатские планы папы повелели ему заботиться еще

больше про нашу Греко-Католическую церковь... В 1888 году папа поднял вопрос о создании украинского греко-католического патриархата во Львове и дал поручение конгрегации по пропаганде веры разработать план этого нововведения».

В конце апреля 1888 года Роман Шептицкий в Добромилском монастыре вступил в орден базилиан под именем, как уже было сказано, Андрия (Андрея). Этим делался недвусмысленный «исторический» намек на апостола Андрея Первозванного, который, по библейской легенде, первым установил на днепровском берегу крест. И вот подобная миссия «приобщения» Украины и всей Руси к «истинной вере» возлагалась на нового избранника. Причем вопреки статуту ордена Шептицкий стал его членом без надлежащего обязательного полугодового испытательного срока. Сыграла свою роль его «стратегическая полезность» не только для Католической и Униатской церкви, но и для разведки австрийского генерального штаба. Эту главную полезность он подтвердил еще до посвящения в базилиане, когда был послан в Россию для «ознакомления с обстановкой на Востоке».

Во время поездки Шептицкий представлялся в аристократических салонах Варшавы, Петербурга, Киева как частное лицо, как сын известного польского магната. Особенно его интересовали настроения украинских буржуазных националистов. Через некоторое время он докладывал о своих наблюдениях и выводах, потешив сердца как «шефов» в Ватикане, так и в Вене. Согласно шпионской информации будущего митрополита, Киев бурлил, выказывая резкое недовольство секретным указом министра внутренних дел царского правительства Валуева о запрете украинского печатного слова. Ссылаясь на пример украинского историка, археолога и этнографа Владимира Антоновича (тот в свое время сменил католическую веру на православную, но начал проявлять колебания в сторону Униатской церкви после известного царского указа), Роман — пока еще Роман — Шептицкий весьма оптимистически смотрит на сотрудничество с украинской интеллигенцией. По его мнению, последняя способна признать унию «как единственно правильный путь сближения украинского народа с культурой Запада».

Работа на разведку способствовала и быстрой церковной карьере. Вот ее этапы: 1888 год — монах, ма-

гистр ордена базилиан; 1890 год — игумен базилианского монастыря; 1893 год — священник; 1899 год — епископ; 1900 год — митрополит, глава Униатской церкви. Но этого Шептицкому мало. Он не менее амбициозен, чем его наставники из Ватикана. Он постоянно твердил своей пастве: «Я есть митрополит русский».

Но конечно же не только, а точнее, не столько эти амбиции вынудили униатского митрополита снова пробраться в Россию с новым шпионским заданием. Так хотели его ватиканские и генштабовские хозяева. Ведь в австрийском и немецком штабах шла усиленная подготовка к войне с Россией и крайне нужна была новая информация. Получив разрешение австрийского императора Франца-Иосифа и высочайшее папское благословение, Шептицкий, отрастив бороду и приобретя изготовленный австрийской разведкой подложный паспорт на имя юриста Евгения Олесницкого, пробрался на территорию Российской империи. Свой шпионский вояж он начал с Вильнюса, где встретился со старыми агентами, а также обзавелся новыми. С этой же целью посетил Минск, Слуцк, Витебск и другие города. Из Белоруссии он намеревался выехать на Украину, но вдруг обнаружил пропажу своего подложного паспорта. Пришлось в спешном порядке с помощью агентов тайно пробираться во Львов.

Русская контрразведка, изучая фальшивый паспорт Евгения Олесницкого и наведя о нем справки, долго не могла поверить, что за этим именем скрывался «святой отец». Но с тех пор взяла на заметку униатского митрополита Шептицкого как опасного шпиона. Впрочем, по утверждению биографа последнего Лонгина Цегельского, издавшего в 1937 году в Филадельфии книгу с кратким жизнеописанием магистра базилиан, Шептицкий несколько раз побывал в России, поставляя в Вену, Берлин и Ватикан ценную информацию.

Есть много свидетельств разведывательной деятельности Ватикана в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Особенно разветвленной была агентурная сеть в России. Епископы католических церквей Польши, Литвы, Белоруссии, Украины собирали и поставляли в резиденцию папы ценные сведения. Агенты Ватикана имелись даже в Петербурге. Со многими из них держал связь Шептицкий. Обрабатывать же информа-

цию ему помогал родной брат — офицер австрийского генштаба Станислав. Впрочем, последний и сам занимался активной разведывательной работой, особенно в то время, когда являлся военным атташе Австро-Венгрии при русской армии в Маньчжурии.

Пронырливый и хитроумный характер «святого шпиона», его вышколенные с детства светские манеры помогали ему находить доверенных лиц среди русской аристократии. К примеру, немало интересной информации для Ватикана и немецкого генштаба он извлек из частых бесед с князьями Оболенскими. Ну а княгиня Наталья Ушакова являлась его тайным агентом. Об этом свидетельствует письмо-инструкция митрополита Андрея княгине Наталье, в котором за духовными наставлениями нетрудно уловить указания шпионского характера. «Это мое письмо до Вас прошу держать в полной тайне, взяв во внимание то, что моя юрисдикция является секретной... — предупреждал Шептицкий Ушакову в ответ на ее вопрос о полномочиях митрополита, поручившего ей вербовку сочувствующих Униатской церкви. — Она определена наисвятейшим отцом устно и неофициально... Наталия Сергеевна! Речь идет об очень важном. Если Россия сохранит свой яркий обряд и постепенно станет поворачиваться к единству... Россия будет влиять через Рим на весь мир и обновит весь Восток, поскольку от России зависит все на Востоке. Итак, действуйте энергично, осторожно, но про письмо мое не вспоминайте».

Еще более убедительно раскрывает нечистоплотную миссию «Андрея Новозванного» в России агентурное донесение униатского резидента в Петербурге Леонида Федорова митрополиту Шептицкому. Вот выдержка из этого письма:

«...дело строительства дредноутов и вообще усиление флота продвигается с черепашей скоростью; в Военном министерстве работа идет оживленнее: создаются новые корпуса, расширяется авиационное дело, но основательных реформ нет и там. В Генеральном штабе ведется борьба между старыми заплесневелыми тактиками и молодыми талантливыми офицерами, причем победа склоняется в сторону первых. Во главе Военного министерства стоит абсолютный ноль — генерал Сухоминов, во главе Академии Генерального штаба — полное ничтожество, способное только для гульбы и танцев, генерал Енгаличев. В интендантстве продолжается система во-

ровства и взяточничества. В Министерстве иностранных дел, как говорится, и конь не валялся. Сам Маклаков — ограниченный бюрократ и тупой черносотенец. В Министерстве финансов лучше: Коковцев оставил после себя хорошее наследство и денег на черный день хватит. Но бедолага не угодил черносотенцам и Гришке, и его попросили в отставку...

Русская контрразведка, взявшая на заметку униаташпиона, сумела все же арестовать Шептицкого. Это случилось в начале сентября 1914 года, когда русские войска очистили от немцев Галичину. 19 сентября того же года его вывезли из Львова в Россию. Содержание под стражей было, правда, довольно условным. Ехал митрополит в салон-вагоне в сопровождении личного духовника Боцяна (ректор униатской семинарии), личного секретаря монаха Гродского, личного слуги. Почетный арест и особое содержание столь опасного для России человека объяснялись не только его высоким положением, но и той благосклонностью, которой он пользовался у многих приближенных к царю аристократов. Коварный и двуличный Шептицкий поспешил утвердить эту благосклонность даже в царском мнении. Он направил Николаю II приветственное письмо, в котором выражал радость по поводу «победы русской армии и воссоединения Червонной Руси с Россией», а также в связи с тем, что «трехмиллионное русское население Галичины радостно приветствует русских воинов как своих братьев». И это месяц спустя после того, как, возмущенный именно радостной встречей русской армии населением Галичины, он обратился к своей «предательской пастве» с угрожающим посланием, в котором призывал верующих строго исполнять свои обязательства «перед Богом и кесарем», обещал страшную кару всем, кто будет приветствовать русскую армию и тем более способствовать ей.

Впоследствии лицемерие станет не только чертой характера бывшего улана-монаха, но и его «последовательной политической манерой». Так, он будет личными письмами приветствовать Гитлера после вступления фашистских войск во Львов, в Киев, в день рождения фюрера. Ну а в 1944 году, когда оккупанты побегут на запад с советской земли, он пошлет поздравительное «откровенное» послание Сталину. Более того, отправит специальную делегацию в Москву, в составе которой будет

находиться его второй родной брат — настоятель мужского униатского монастыря Климент Шептицкий. Делегация засвидетельствует свое «высокое богоугодное» присутствие не только в патриаршестве, но и в Верховном Совете, в НКВД, где по поручению руководства их принимал мой отец.

Красноречие у святых отцов, толковавших о любви к родине, народу, о дружбе и мире, о великом подвиге советских и особенно русских людей, пропало, когда речь зашла о прошлых славословиях их верховного пастыря в честь Гитлера, об активности униатских священников при сборе среди населения оккупированных областей продовольствия для нужд немецкой армии, о провозглашаемых в униатских церквах здравниц в честь фашистского оружия, о развешиваемых в этих церквах фашистских флагах.

Но возвратимся в более раннее время, в 1914 год. Так вот, хотя Николай II и уловил расчетливость митрополита-шпиона, хотя и сделал на письме Шептицкого красноречивую пометку: «Аспид», — это нисколько не повлияло на «арестантский режим» отца Андрея. В Киеве его содержали в наишикарнейшей городской гостинице «Континенталь», в Нижнем Новгороде — на частной квартире с полным комфортом. Не лишен он был особых привилегий и в Курске, где роскошествовал в выделенном для него особняке. И это несмотря на то, что «заключенный» вел активную работу «верховного униатского резидента», склонял к антиправославной и шпионской работе новых агентов. У него была налажена постоянная связь со своей святоюрской резидентурой во Львове. Шептицкий чувствовал себя вольготно даже тогда, когда русская контрразведка отыскала изобличающий его архив, о котором уже шла речь.

Правда, летом 1915 года арестантский режим для митрополита был несколько ужесточен. К тому времени военная ситуация для России значительно осложнилась. Русские войска вынуждены были оставить почти всю Галичину, Польшу, Прибалтику. Шептицкий потерял чувство меры и открыто благословил австрийскую армию на кровавый террор над галичанами, приветствовавшими «москалей» и тем самым «предавшими святое дело». Украинским же националистам и «вождям»-униатам отдал приказ выявить всех, кто оказывал содействие рус-

ским войскам и властям. После этого Шептицкого отправили в Суздальский монастырь, а оттуда — в Ярославль, прервав его активную резидентскую работу. Но это было чисто внешнее ужесточение режима по отношению к нему.

О том можно судить по такому факту. Ежегодно на содержание «святого» австрийского и немецкого шпиона царская казна выделяла столько же денег, сколько и на епископа Православной Церкви, то есть 4000 рублей. В то же время солдат царской армии, который в это время проливал кровь на фронтах мировой войны и которого Шептицкий, обращаясь к своей «пастве», призывал уничтожать везде и всюду, получал в год всего 18 рублей.

Еще более благосклонно отнеслось к униатскому паствуру Временное правительство. Так, тогдашний министр юстиции Керенский в марте 1917 года сообщил Шептицкому, что тот может сам выбрать место своего пребывания в России. Митрополит решил ехать в Петроград, где имел сильную, влиятельную агентуру. Там с помощью этой агентуры, а также знакомых из числа столичной аристократии ему удалось добиться возврата своего личного архива, в том числе и такого важного, изобличительного документа, как секретный акт, уполномочивающий Шептицкого проводить деятельность в интересах Ватикана в границах всей России. Получив оригиналы (заверенные копии остались в архивных делах русской контрразведки) почти всех материалов из своего львовского тайника, Шептицкий развернул во всю мощь своей авантюрной деятельной натуры выполнение указаний духовного и разведывательного начальства. Сохранилась любопытная запись одной из многочисленных бесед Шептицкого с министрами Временного правительства. Основную причину всех бед бывшей Российской империи он видел в том, что, по его мнению, грубая, невежественная и слабая Православная Церковь подрывала у народа авторитет властей. Извечный враг России вдруг стал представляться ее неистовым радетелем.

«В первые же дни революции, — склонял он на свою сторону министров-временщиков, — я собственными глазами видел случаи, которые свидетельствовали, что в России нет более ненавистных представителей прошлого режима, как поп и полицей. Скажу вам больше, мой наблюдатель, полицей-

ский пристав в Ярославле, сидит уже в тюрьме, а некоторые из православных священников побаиваются того, что разозленные толпы учинят над ними какое-то насилие. Порядок и послушание вы обновите лишь тогда, когда в этом вам будет оказывать помощь обновленная Церковь. А обновить себя православие сможет только тогда, когда соединится с Западной церковью. Только учение нашей Церкви с ее многовековым опытом будет способствовать порядку и покою в вашем государстве. Дайте возможность свободно жить и действовать в России нашей Греко-Католической церкви, и она быстро поможет русскому православию обновиться. Тогда вы увидите всю благотворность воздействия нашей Церкви на разозленные в условиях революции души людей...»

Хитроумный план Шептицкого предполагал с одного маху осуществить то, чего веками стремилась достичь католическая верхушка, — подчинить своему духовному влиянию народы России. Чтобы спастись от угрозы нарастающей революции, Временное правительство решило схватиться за «униатскую спасательную соломинку». Оно не только приняло решение легализовать Греко-Католическую церковь в России, но и дало указание соответствующим инстанциям приглашать на все официальные «духовные совещания» назначенного митрополитом-шпионом его униатского экзарха Леонида Федорова.

Исполнению планов поголовного окатоличивания населения России помешала Октябрьская революция. Этого было достаточно, чтобы Шептицкий объявил анафему и революционным идеям, и большевизму, и советской власти. Его злоба и ненависть не знали предела, он чем только и как только не поддерживал любую авантюру и всех авантюристов, выступавших «со словом или с мечом» против Советов. Потому-то он стал организатором, вдохновителем и духовным наставником Украинской военной организации (УВО, позже ОУН), представлявшей диверсионное и шпионско-террористическое формирование националистов-боевиков.

О роли Шептицкого в деятельности УВО—ОУН убедительно говорит его переписка с одним из вождей «националистического провода» Коновальцем. После провала агрессии белополяков против Республики Советов, когда панская Польша вынуждена была пойти на заключение мира, украинские националисты повели двойную игру.

«Теперь, когда Польша установила мир с Советской Россией, — писал Коновалец Шептицкому, — обстановка вынуждает нас волей-неволей поднять флаг борьбы против поляков. Иначе мы потеряем влияние не только в крае, но даже в лагерях интернированных... Однако, давая себе отчет в том, что нашим смертельным врагом все же и в будущем остаются большевики, флаг борьбы против поляков мы поднимаем, но борьбу с поляками будем вести только в той мере, в какой они вынуждают нас прибегать к самообороне. Так будет до того времени, пока поляки не поймут необходимость дать нам возможность жить и дышать. Все свои усилия и дальше мы будем направлять против большевиков, подготавливая против них свой последний удар».

Одобрение и благословение Шептицкого Коновальцу звучало так:

«Не имею, полковник, возражений ни против того, как Вы воспринимаете обстановку, что сложилась, ни против определенной Вами акции. Должен сделать только такие замечания. Представляю, что Вы поставили себе целью создать в крае украинскую мафию. Что же, в существующих условиях Вы имеете полный резон. Но помните: мир с большевистской Россией есть продолжение войны с ней иными способами. Вся сила удара Вашей организации и дальше должна падать на голову большевиков. Главное — добыть Украину».

Пожелания и советы митрополита Коновалец, другие оуновцы и вожаки Украинской военной организации воспринимали как приказы и действовали, следуя им. Несмотря на то что народ Галичины, страдая от жестокой польской оккупации, всячески противился ей и возлагал определенные надежды и на УВО, последняя была брошена вождями «украинской тайной мафии» не на борьбу с польскими захватчиками, а на ее сдерживание. Ведь любое широкое народное выступление против поляков — было существенной поддержкой патриотическим силам, стремившимся к воссоединению с Советской Украиной и Советской Россией. Вместе с тем, чтобы не потерять окончательно авторитет у широких слоев Галичины и подогревать те освободительные иллюзорные надежды, которые возлагались на УВО, украинские националисты все же предпринимали террористические акты против отдельных польских лидеров. К этому их настойчиво подталкивала также немецкая разведка, в которой вожаки УВО, к примеру Евгений Коновалец и его заместитель Андрей Мельник, стали своими людьми. В

числе агентов немецкой разведки, возглавляемой полковником Вальтером Николаи (в прошлом — кайзеровский разведчик), было много бывших петлюровцев, украинских сечевых стрельцов и другого отребья, получавшего шпионские задания еще во время первой мировой войны.

О том, как налаживалась связь УВО с немецкой разведкой, подробно говорится в докладе Коновальца Шептицкому: «Предыдущие разговоры с второстепенными представителями немецкой разведывательной службы настолько заинтересовали ее ответственных руководителей, что на очередное свидание прибыл собственной персоной полковник Вальтер Николаи. Шеф немецкой разведки интересовался всем: историей создания УВО, ее составом, направлением и масштабами ее деятельности, но больше всего — реальными возможностями УВО на Советской Украине. Он еще и еще раз возвращался к разговору о связи с посланными туда резидентами и о трудностях агентурной работы на советской территории. Осторожно поинтересовался контактами с разведкой польского генштаба».

Дальше Коновалец сообщил Шептицкому, что он обо всем рассказал шефу немецкой разведки, ориентируясь на совет своего «духовного наставника» во всем полагаться на «верных друзей — немцев». Кроме того, он, видимо, опасался, что Николаи через своих агентов обязательно узнает, под чьей эгидой создавалась УВО. Коновалец мог знать или догадываться о том, что с самого начала существования панской Польши немецкая разведка внедрила своих агентов в ее государственный аппарат, армию и даже в высшие органы польского правительства.

В очередном послании своему духовному наставнику Коновалец благодарил митрополита за его счастливое пророчество, что именно немцам, искренним друзьям Украины, выпадает миссия обеспечить самостоятельность нового Украинского государства, а также главного «борца с большевизмом». Примерно в то же время Шептицкий получил из Ватикана официальное сообщение о том, что в июле 1933 года Англия, Франция, Германия и Италия подписали в Риме совместный документ. В донесении из Ватикана отмечалось: «Пакт соглашения и сотрудничества четырех государств основывается в первую очередь на единстве взглядов этих государств относительно политики

против большевистской России. Германия должна быть вооружена для борьбы с коммунизмом. Удивительно, что этого не понимает кое-кто из государственных мужей Польши...»

Подобная непонятливость земляков обескураживала и Шептицкого. Именно их несговорчивость с другими странами могла послужить поводом «ликвидации Польши как государства». Об этом Шептицкому доложил посланец Коновальца. «В планах фюрера Польша как государство не существует, — информировал он митрополита. — Великая Германия желает иметь совместную границу с Великой Украиной. Этому будут предшествовать различные комбинации с Польшей в зависимости от многих обстоятельств, главным из которых будет разработка стратегического плана решительного наступления на Москву». Последняя фраза несколько смягчала горечь от бесперспективности «строптивой Польши». Именно «решительное наступление на Москву», которое могло принести Шептицкому вожденный венец патриарха не только всей Украины, но и всей Руси, заставляло его смиряться и с беспросветной участью Польши.

Остальные вести, доставленные гонцом Коновальца, были оптимистичны. Оуновский вожак докладывал, что «украинская тайная мафия» распространила свое влияние не только в странах Европы, где имеется украинская эмиграция, но и раскинула свою агентурную сеть в Соединенных Штатах, Канаде, Аргентине, Бразилии, Парагвае и других местах. Все это удалось сделать только с помощью немцев, которые, в свою очередь, по словам Коновальца, признают единственной боеспособной силой именно ОУН и возлагают на Организацию украинских националистов большие надежды. «Наша задача, — писал Коновалец Шептицкому, — оправдать эти надежды. Касательно задач, которые поставлены перед нами сегодня. Немецкие государственные чиновники дали нам указания всячески усилить нашу противобольшевистскую деятельность на Великой Украине, усиливая вместе с тем и противопольскую акцию в крае».

Коновалец, судя по его донесению, не видел каких-то трудностей в осуществлении этих планов против Польши. Но деятельность оуновцев в «Советии» его беспокоила. Они там имеют очень много потерь. Правда, германского прислужника обнадеживало то, что с помощью немцев удалось опоясать всю советскую границу от Фин-

ляндии до Румынии шпионскими оперативными пунктами, с которых агенты будут засылаться на территорию Советской Украины. Имелся подобный оперативный пункт, по словам Коновальца, и на Дальнем Востоке. Николай лично вошел в соглашение с японскими представителями, и с их помощью оуновско-немецкие агенты получили возможность более безопасного проникновения в глубь России и Украины. Таким образом, более длинный маршрут по сравнению с переходом через польско-советскую границу оказался, в сущности, более коротким.

Заканчивал Коновалец свое донесение изложением стратегического замысла. «Перед нами путь решительной борьбы под водительством национал-социалистской Германии за собственную державность. Пусть сегодня мы пребываем в услужении немецких государственных чиновников. Но завтра мы имеем надежду с их помощью и под их водительством добыть собственную державность...»

Надо сказать, что гонцом к митрополиту Коновалец определил бойкого сынка униатского священника Степана Бандеру, прошедшего основательную шпионскую подготовку в Германии и в Италии. Он направлялся в Галичину для того, чтобы возглавить краевую организацию ОУН и провести несколько террористических актов. Один из них — покушение на советского консула во Львове Тимошенко. «Этот акт, — убеждал он своих покровителей в Берлине, — будет антибольшевистским сигналом не только для края, но и для целой Великой Украины». Но «немецких чиновников» долго убеждать не пришлось. В этом покушении они увидели не только антибольшевистский акт, но и возможность навредить двум сторонам, усложнив польско-советские отношения. Одобрил намеченное убийство и «святой Андрей».

Покушение на консула не удалось по чистой случайности. Террорист Лемек, явившийся якобы на прием к консулу в октябре 1933 года, не знал последнего в лицо. Поэтому он стрелял в секретаря консульства Андрея Майлова, осуществлявшего в этот день прием населения вместо консула. Майлов был большим другом моего отца, в честь его и назвали меня Андреем.

Вторую акцию Бандера организовал спустя восемь месяцев. На этот раз убили министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого. Это была очень де-

рзкая акция, если учитывать, что за полгода до нее, то есть в январе 1934 года, Германия и Польша подписали договор «о дружбе». Бандера оказался между нескольких огней. Прежде всего он очутился в польской тюрьме. Следствие по его делу велось официально польской стороной, а тайно — проводом ОУН. Об этом позаботился взбешенный Шептицкий, сердце которого, изболевшееся по Польше, несколько отошло после установления «польско-немецкой дружбы». Вскоре Мельник, к тому времени управляющий митрополичьими поместьями и одновременно штатный агент немецкой разведки под кличкой Консул 1-й, докладывал разгневанному владыке о «диком своеволии» Бандеры следующее: «Это его особенность. Бандера — садист, от которого напрасно требовать придерживаться дисциплины и реального взгляда на перспективы нашей борьбы. Своей дикой акцией он не только нарушил дисциплину, но и сорвал навязанный было нам контакт с польскими правительственными чинами в деле беспрепятственной переброски наших людей через польскую границу в Советию...»

Реакция Мельника понятна. Его, так же как и Бандеру, волновало не столько дело, сколько личная карьера. В наглом «начальнике экзекутивы» он увидел возможного соперника на замещение Коновальца, место которого давно и не без оснований прочил себе. Ну а хитроумный Бандера, видимо, просчитал все возможные последствия своей акции против польского министра.

Во-первых, он этим в определенной мере подправил в глазах простых галичан авторитет оуновцев, значительно пошатнувшийся после убийства работника советского консульства во Львове. Народ требовал мести польским оккупантам за проведение ими политики пацификации. Во-вторых, расчет был на то, что шефы из немецкой разведки не станут уж «сильно горевать» по польскому министру. В-третьих, гнев митрополита тоже не вечен, и последующими услугами Бандера надеялся завоевать более прочную милость владыки. Так или иначе, но его расчеты в немалой степени оправдались. Особенно в отношении немецкой разведки и ее давнего резидента — Шептицкого. Первым оказалась на руку вражда между вожаками ОУН, а также постоянная тревога в польском стане, второй нуждался в решительных и жестких исполнителях. Своим неожиданным и дерзким

в глазах Шептицкого, Коновальца и других националистов террористическим актом Бандера положил начало своей быстрой карьере как в ОУН, так и в фашистской разведке.

Охотно оказывали поддержку и помощь украинским националистам их «коллеги» из Литвы. Боевики-террористы из УВО, а позже из ОУН находились за рубежом по литовским паспортам, получали из Литвы «денежное содержание». К примеру, Роман Сушко — представитель ОУН в Австрии — продолжительное время числился «состоятельным прожигателем жизни» в кругу венских жуиров 30-х годов. Он имел литовский паспорт, систематически получал крупные суммы из Каунаса. Жилье снимал он у бывшей артистки Венской оперы Елены Венгерской (Дювергассе, 18), впрочем, здесь же и размещалась австрийская штаб-квартира ОУН.

Истинное лицо Романа Сушко было известно не только литовской и немецкой разведкам, но и нашей. Наслышаны о нем были и в польском генеральном штабе. Ведь свою шпионскую и антирусскую, а затем антисоветскую деятельность Сушко начинал еще в годы первой империалистической, когда числился в составе УСС («Украинских сечевых стрельцов»). В послеоктябрьские годы он уже полковник гетманско-петлюровской службы. В 1921 году, во время рейда банды Тютюнника по Советской Украине, проводимого под эгидой, как это видно из письма Шептицкого Коновальцу, польского генштаба, Сушко являлся ближайшим помощником атамана. Он выполнял особой важности задачу: выделял и инструктировал организаторов антисоветского подполья, оставляемого на Украине в ходе рейда. Так, он подготовил и обеспечил активную деятельность в Волынской губернии националиста Петрика (псевдоним — Киртеп), организовавшего так называемую «Волынскую повстанческую армию» численностью 700 человек.

В числе организаторов покушения на советского наркома иностранных дел Литвинова был также один из членов Центрального провода ОУН Николай Сциборский. Он же осуществлял многие задания немецкой и литовской разведок, а также разведки украинских буржуазных националистов под личиной гражданина Литвы. Проживал он в Париже, тайно представлял ОУН во Франции, осуществлял связь с другими членами «украинской

тайной мафии» через оуновскую газету «Украинское слово». Ведя праздную жизнь на подачки фашистского правительства Литвы, вербовал новых агентов, распространял оуновский печатный орган среди французских шахтеров — выходцев из Западной Украины и ждал сигнала для более серьезного дела.

В один из дней 1933 года такой сигнал поступил. Пользуясь тем же литовским паспортом, Сциборский поспешил в Варшаву. Вместе с ним выезжал еще один оуновец — Евгений Ляхович, в документах которого значилось, что он — гражданин Канады. Обоим террористам предстояло принять участие в организации взрыва в советском посольстве в польской столице, но и эта акция была предотвращена нашими чекистами.

Литовская разведка также оказывала содействие оуновцам в организации покушения на советского консула во Львове. Так, разрабатывавшие операцию Иван Габрусевич (псевдоним — Джон) и Богдан Кордюк (Снип) были обеспечены литовскими паспортами. Оба играли в «украинской тайной мафии» далеко не последнюю роль, руководя некоторое время краевой организацией ОУН. В середине 30-х годов они обосновались в Берлине, обитая в районе Шарлоттенбург. Здесь, в Этнографическом музее, находилась штаб-квартира ОУН.

Габрусевичу—Джону и Кордюку—Снипу не представляло большого труда сменить каунасскую прописку на берлинскую, поскольку после прихода к власти в Германии Гитлера контакты между двумя фашистскими государствами (немецким и литовским) были прочными. Не случайно и убийство польского министра внутренних дел Бронислава Перацкого не обошлось без литовского пособничества.

Надо сказать, что фашистская Литва довольно охотно представляла, если представлялась возможность, ножку панской Польше. В этом выражались и давние исторические противоречия двух не лишенных имперских амбиций государств, и их извечное стремление обладать Галичиной.

Евгений Коновалец перемещался по Европе и, в частности, прибыл в Роттердам тоже по литовскому паспорту на имя Иосифа Новака. Когда голландская полиция собирала то, что осталось от бывшего вождя ОУН (взрывом мины он был разорван на части), то подобрала

и паспорт. Тогда, в 1938 году, об этом писали многие газеты, в том числе и белоэмигрантские.

Осмысливая и описанные, и другие факты, все больше и больше удивляюсь наивности и бесцеремонности, с которыми некоторые нынешние политики пытаются закрывать глаза на историю. Но ведь многое из того, что происходит сейчас в политической жизни как нашей, так и других стран, уже было...

Читаю выдержки из так называемого «меморандума Бормана», а точнее — его своеобразных дневниковых (протокольных) записей совещаний гитлеровской верхушки. 16 июля 1941 года он записал: «Важнее всего, чтобы мы не выдавали всему миру наших целей. Это вовсе не нужно. Главное заключается в том, чтобы мы знали, что мы хотим. Мы не должны затруднять себе путь излишней болтовней...» Читаю это и улавливаю методы достижения политических целей нынешними литовскими и украинскими националистами.

Вспомните поведение литовских парламентариев на первых двух Съездах народных депутатов СССР. Ведь их ставили в пример за умение вести парламентские дискуссии, за прогрессивную идею, которую они настойчиво внедряли только для себя, — переход на республиканский хозрасчет и т.п. Если же находились более прозорливые и принципиальные, пытавшиеся доказать, что литовские представители готовят почву для выхода из СССР, тех (в первую очередь те же литовцы) обвиняли в неуважении к литовскому народу. Они, дескать, пробивают дорогу для других республик, беспокоятся о расцвете всех народов, проживающих в СССР, они за единство и сотрудничество... Теперь вот ищут покровителей за границей, вооружившись законами фашистской конституции...

Глава 9

РАЗВЕДЧИК-НЕЛЕГАЛ В ОУН

После трагического убийства советского дипломата Майлова во Львове, совершенного террористом ОУН Лемком, в 1934 году председатель ОГПУ Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов.

Украинское ГПУ сообщило, что ему удалось внедрить в подпольную военную Организацию украинских националистов в изгнании (ОУН) своего проверенного агента — Лебеда. Это было крупным достижением.

Слуцкий, к тому времени начальник Иностранного отдела, предложил тогда же моему отцу стать сотрудником-нелегалом, работающим за рубежом. Отец позже вспоминал, что сначала это показалось ему нереальным, поскольку опыта работы за границей у него не было и он ничего не знал об условиях жизни на Западе. К тому же его знания немецкого, который должен был понадобиться в Германии и Польше, где предстояло работать, равнялись нулю.

Отец писал о том предложении так:

«Однако чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласился. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка — занятия проходили на явочной квартире пять раз в неделю. Опытные инструкторы обучали меня также приемам рукопашного боя и владению оружием. Исключительно полезными для меня были встречи с заместителем начальника Иностранного отдела ОГПУ—НКВД Шпигельгласом. После восьми месяцев обучения я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебеда, «главного представителя» ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет».

Лебедь с 1915 по 1918 год просидел вместе с Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном. В годы первой мировой войны Лебедь и Коновалец вместе воевали в качестве офицеров австро-венгерской армии против России на Юго-Западном фронте в составе так называемого корпуса «Украинских сечевых стрельцов». В Гражданскую войну он стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной Армии на Украине. После отступления Коновальца в Польшу в 1920 году Лебедь был направлен им на Украину для организации подпольной сети ОУН. Но там его арестовали. Выбор перед ним был простой: или работать на Советы, или умереть.

В результате Лебедь стал для советских органов безопасности ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на Украине в 20-х годах. Его репутация в националисти-

ческих кругах за рубежом оставалась по-прежнему высокой: Коновалец рассматривал своего представителя как человека, способного провести подготовительную работу для захвата власти ОУН в Киеве в случае войны. От Лебеда, которому разрешали выезжать на Запад в 20-х и 30-х годах по нелегальным каналам, стало известно, что Коновалец лелеял планы захвата Украины в будущей войне.

В Берлине Лебедь встречался с полковником Александером, предшественником адмирала Вильгельма Канариса на посту руководителя германской разведслужбы в начале 30-х годов, и узнал от него, что Коновалец дважды виделся с Гитлером, который предложил, чтобы несколько сторонников Коновальца прошли курс обучения в нацистской партийной школе в Лейпциге.

«Я ехал за границу как «племянник» Лебеда, — вспоминал потом отец, — якобы для помощи в его работе. Моя жена была переведена в Иностранный отдел НКВД для того, чтобы через нее я мог поддерживать связь с Центром. Она должна была выступать в роли студентки из Женевы, что позволило ей время от времени встречаться с агентами в Западной Европе. С этой целью она прошла специальный курс».

Лебедь не знал о том, что на советскую разведку работает еще один агент, Полуведько, главный представитель Коновальца в Финляндии. Он жил по фальшивому паспорту в Хельсинки, организуя контакты между украинскими националистами в изгнании и их подпольной организацией в Ленинграде. Оуновцы прятали свои архивы в Ленинграде, в знаменитой библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Хотя об этом и знали, обнаружить архивы удалось лишь после окончания второй мировой войны, в 1949 году.

Отец выехал в Хельсинки в сопровождении Лебеда. Лебедь передал его на попечение Полуведько и тут же возвратился в Харьков через Москву. Полуведько, ничего не знавший об истинной работе отца, регулярно посылал о нем отчеты в НКВД через Зою Воскресенскую-Рыбкину, отвечавшую за связь с ним. Отцу надо было дать Центру знать, что с ним все в порядке, и, как условились заранее, он написал записку своей «девушке», а затем порвал ее и бросил в корзинку для бумаг. Выступив в роли невольного помощника, Полуведько собрал эти обрывки и передал их Зое. А на каком-то этапе Полуведько вообще предложил убрать отца, о чем

сообщал в одном из своих донесений, но, к счастью, решение этого вопроса зависело не от него. В Финляндии (а позднее и в Германии) отец жил весьма скудно: у него не было карманных денег и он постоянно ходил голодный. Полуведько выделял всего 10 финских марок в день, а их едва хватало на обед — при этом одну монетку надо было оставлять на вечер для газового счетчика, иначе не работали отопление и газовая плита. На тайные встречи между ними, расписание которых было определено перед отъездом из Москвы, Зоя Рыбкина и ее муж Борис Рыбкин, резидент в Финляндии, руководивший разведдеятельностью в этой стране, приносили бутерброды и шоколад. Перед уходом они просматривали содержимое карманов моего отца, чтобы убедиться, что тот не взял с собой никакой еды: ведь это могло провалить всю «игру».

После двух месяцев ожидания в Хельсинки прибыли связные от Коновальца — Грибивский (Канцлер) из Праги и Андриевский из Брюсселя. Все затем отправились в Стокгольм пароходом.

При посадке отцу вручили фальшивый паспорт, выданный литовскими спецслужбами по просьбе руководства ОУН. Когда прибыли в Стокгольм, всех пассажиров собрали в столовой и официант начал раздавать прошедшие пограничный контроль паспорта. Поначалу он отказался вернуть отцу паспорт, заявив, что фото явно не соответствует оригиналу. Действительно, паспорт был на имя Сциборского, члена центрального руководства ОУН, украинского активиста, с его же фотографией. К счастью, тут вмешался возмущенный Полуведько, пригрозивший официанту и заставивший его вернуть документ. После недели пребывания в Стокгольме они отправились в Германию, где никаких неприятностей с тем же паспортом уже не было. В июне 1936 года прибыли в Берлин, и там отец встретился с Коновальцем.

Встреча проходила на квартире, находившейся в здании Музея этнографии и предоставленной Коновальцу германской разведслужбой. В сентябре отца послали на три месяца в нацистскую школу в Лейпциге, где он имел возможность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей этой школы, естественно, интересовала личность моего отца, однако никаких проблем с его «легендой» не возникло.

В планы же Коновальца входила подготовка административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось освободить от большевиков в ближайшем будущем, причем украинские националисты должны были выступать в союзе с немцами. В их распоряжении уже имелись две бригады, в общей сложности около двух тысяч человек, которые предполагалось использовать в качестве полицейских сил в Галиции (части Западной Украины, входившей тогда в Польшу) и в Германии.

Оуновцы всячески пытались вовлечь отца в борьбу за власть, которая шла между двумя их главными группировками: «стариками» и «молодежью». Первых представляли Коновалец и его заместитель Мельник, а «молодежь» возглавляли Бандера и Костарев. Перед отцом стояла главная задача — убедить их в том, что террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Он настаивал на том, что надо держать все силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, а в этом случае немедленно их использовать.

Советские органы госбезопасности особенно тревожили террористические связи этой организации, в частности договоренность с хорватскими националистами и участие в убийстве югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Все эти террористы финансировались абвером — разведывательной и контрразведывательной службой вермахта. Полной неожиданностью явилась новость, что убийство польского министра генерала Перацкого в 1934 году украинским террористом Мацейко было проведено вопреки приказу Коновальца и стоял за этим Бандера, соперничавший с последним за власть. Бандера стремился к контролю над организацией, играя на естественной неприязни украинцев к Перацкому, который нес ответственность за репрессии против украинского меньшинства в Польше. По словам Коновальца, к этому времени между Польшей и Германией был подписан договор о дружбе, так что немцев никоим образом не устраивали любые враждебные акции по отношению к полякам. Они были так взбешены, что выдали Бандеру, скрывавшегося в Германии. Убийца генерала, Мацейко, сумел скрыться.

Дело обстояло следующим образом. Мацейко планировал убить Перацкого, взорвав гранату, но она по каким-то причинам не взорвалась, и он застрелил польского министра. За ним тут же бросилась толпа людей. Мацейко сумел проскочить перед идущим трамваем, который отсек его от преследователей, забежал в подъезд первого же дома, поднялся на площадку седьмого этажа, там сбросил плащ и шляпу, выкинул револьвер и, неузнанный, спокойно вышел на улицу. Польская контрразведка установила засаду на всех явочных квартирах украинских националистов в Варшаве, но он не появился ни на одной из них. Ночь он провел со своей подружкой, тоже украинской террористкой Чемеринской. Именно она организовала его побег через Карпаты в Чехословакию, используя свои связи в чешской полиции.

В Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей. У президента Бенеша были с Коновальцем личные отношения еще со времен первой мировой войны. Однако, когда ОУН «вышла из-под контроля» властей и осуществила убийство Перацкого, эти отношения ухудшились.

Несмотря на эмоциональное выступление Бандеры на суде в защиту дела украинского национализма, он и другие организаторы были приговорены к смертной казни через повешение. Однако давление Германии на польские власти в конце концов спасло им жизнь. Смертный приговор заменили тюрьмой. Немцы после захвата Польши тут же выпустили Бандеру на свободу. И между двумя группировками украинских националистов закипела кровавая междоусобная война.

В общении со своими коллегами по нацистской партийной школе отец, по его словам, держался абсолютно уверенно и независимо; ведь он «представлял главную часть» их подпольной организации на Украине, в то время как они являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Он имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего «дяди» («вуйко»). Если что-то в их высказываниях не нравилось, достаточно было просто сказать: «Вуйко не велел!»

Именно таким образом мой отец отверг предложение о встрече с полковником Лахузоном из штаб-квартиры абвера. Вступать в прямые контакты с германской

Павел Анатольевич
Судоплатов. 30-е гг.

Эмма Карловна Каганова
(Суламифь Соломоновна
Кримкер). 30-е гг.

Братья Судоплатовы — Георгий и Павел.
20-е гг.

Город Харьков. Здесь впервые встретились мои
родители. Их объединила не только любовь,
но и чекистская работа

С. В. Косиор,
секретарь ЦК
КП(б) Украины

М. М. Хатаевич,
секретарь ЦК
КП(б) Украины

Ф. Э. Дзержинский. Для моих родителей он был всегда образцом выполнения чекистского долга.
Декабрь 1925 г.

Заседание Реввоенсовета Юго-Западного фронта под председательством главкома С. С. Каменева (в первом ряду второй справа). Сидят (слева направо): А. И. Егоров, командующий фронтом, Х. Г. Раковский, (?), Ф. Э. Дзержинский; стоят (слева направо): Б. М. Шапошников, Н. Н. Петин, Р. И. Берзин, (?), А. П. Розенгольц

Плакаты 20-х гг., отражающие ту острую борьбу молодого социалистического государства с бандитизмом и врагами порядка

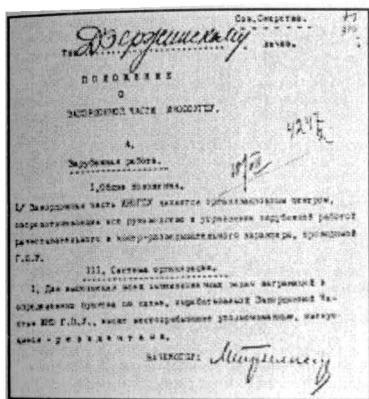
Я. Х. Давтян, первый
начальник ИНО

М. А. Трилиссер,
начальник ИНО

А. Х. Артузов,
начальник ИНО

С. Г. Могилевский

С. Ф. Реденс

«Положение о закордонной части ИНО СО ОГПУ» —
основополагающий документ созданной 20 декабря 1920 г.
организации по управлению зарубежной работой
разведывательного и контрразведывательного характера

В. А. Ваупшасов
(второй слева)
с соратниками
по партизанской
борьбе в Западной
Белоруссии.
Середина 20-х гг.

Ф. Э. Дзержинский,
В. И. Межлаук и
А. Я. Беленький на-
правляются в Большой
театр на съезд Советов,
Москва, 1925 г.

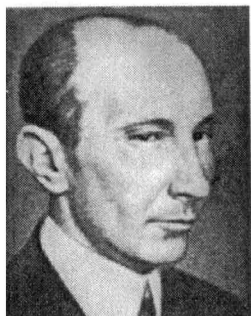
В. М. Горожанин
(Кудельский)

В. М. Горожанин и В. В. Маяковский
в Ялте. Конец 20-х гг.

Г. С. Сыроежкин

Б. В. Савинков

М. А. Дейч

Р. Бирк

Б. Б. Бортновский

М. С. Горб

Н. А. Прокопюк (во втором ряду первый справа) во время службы в Славутском погранотряде. 1926 г.

Служебная записка разведки о выполнении
Добровым задания по установлению связи
с руководящими кругами нацистской партии
в Германии от 14 июля 1932 г.

И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Москва, 30-е гг.

В. Р. Менжинский
Л. П. Берия

Г. Г. Ягода
М. П. Фриновский

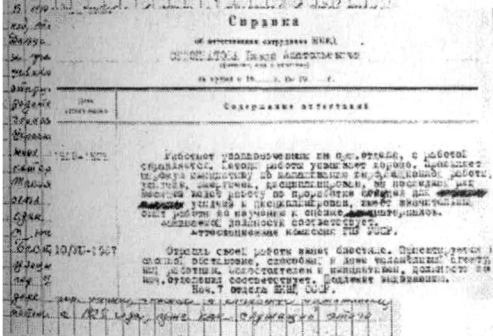
Н. И. Ежов
В. Ульрих

A black and white portrait of a man with dark, wavy hair, wearing a dark suit jacket, a white shirt, and a patterned tie. He is looking directly at the camera with a slight smile. The background is a plain, light color.

[illegible]

Автобиография
П. А. Судоплатова, написанная
собственноручно в середине
20-х гг., и справка об
аттестовании сотрудника НКВД
П. А. Судоплатова

В. А. Балицкий,
полпред ОГПУ на
Украине

Б. И. Гудзь
и А. И. Агаянц.
Иркутск, 1932 г.

А. В. Логинов
(Бустрем)

Н. Г. Самсонов
(Семен)

И. А. Чичасов

Б. К. Ильк (Бсер)

Б. Д. Берман (Артем)

Н. Н. Крошко (Кейт)

Имре Надь, агент
ОГПУ (Володя)

Обязательство Имре Надя о неразглаше-
нии характера своего сотрудничества с
ОГПУ, подписанное им 4 сентября 1930 г

м. Будапешт

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, нижеподписавшийся, сотрудник
Отдела ОГПУ (важеля) *Имре Надь*
(имя) *Имре* (отчество) *Надь*
состоя на службе, или будучи уволенным, настоящим обязуюсь и
в строгающем секрете все сведения и данные о работе ОГПУ
органов, ни под каким видом их не разглашать и не делить
даже со своими ближайшими родственниками и друзьями.
Неисполнение настоящего грозит мне ответственность
123 ст. Уг. Код.
Приказ ОГПУ от 3 апреля 1923 г. № 133 и пр. РСФСР
1927 г. № 372 мне объявлены.
Имре Надь
4. Сентября 1930 г.
ПРИМЕЧАНИЕ. Настоящее обязательство должно храниться в архиве или при
себе. *Имре Надь* *наим. разглашение*

Копия письма, написанного в
 1931 году. В письме
 говорится о сотрудничестве
 с разведкой ОГПУ.
 Подпись: Надежда Плевицкая.
 На обороте
 написано: Надежда Плевицкая
 известная певица. В письме
 говорится о сотрудничестве
 с разведкой ОГПУ.
 Подпись: Надежда Плевицкая.

Генерал Н. В. Скоблин и его жена
 певица Надежда Плевицкая

Подписка, в которой генерал Н. В. Скоблин
 обязался сотрудничать с разведкой ОГПУ.
 Берлин, 21 января 1931 г.

Лидия
 Сталь
 (Чекалова)

Генерал
 Е. К. Миллер

Генерал
 А. П. Кутсов

Яков
 Серебрянский
 (Бергман),
 руководитель
 спецслужбы
 НКВД

Генерал
 П. П. Дьяконов

Вера Трейлл
 (Гучкова)

Бывший министр
 Временного
 правительства
 С. Н. Третьяков

И. В. Сталин со
своим помощником
Поскребышевым

Маршал
М. Н. Тухачевский

С. М. Киров,
руководитель
ленинградских
коммунистов

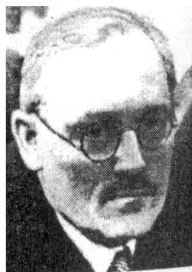

Маршал
В. К. Блюхер

Н. С. Хрущев и Л. М. Каганович в президиуме заседания
плenuma Московской городской парторганизации. 1935 г.

Генеральный
прокурор СССР
А. Я. Вышинский

Президент Германии Пауль фон Гинденбург, генерал-фельдмаршал на встрече с военными. Его сопровождает генерал Гаммерштейн-Экворд

Штресеман, инициатор «разоблачения» тайных связей рейхсфера с РККА

Адам, генерал-майор, начальник генштаба рейхсфера

Куно, рейхсканцлер Германии, сторонник сотрудничества с СССР

Военный министр Гренер в окружении иностранных военных атташе на маневрах рейхсфера, на которых присутствовали командиры РККА. 1930 г.

И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов на Софринском артиллерийском полигоне. Начало 30-х гг.

А. М. Горький
с сыном
М. А. Пешковым.
Начало 30-х гг.

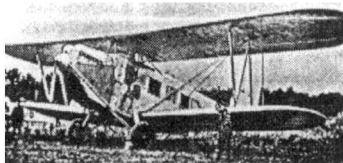
Л. М. Каганович,
руководитель
московских
коммунистов

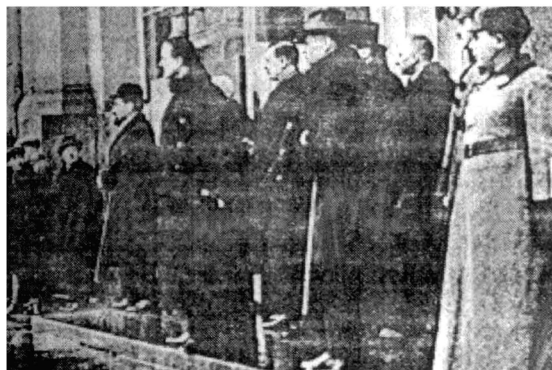
Вожди на отдыхе.
В. М. Молотов и
И. В. Сталин
с супругами. 1931 г.

Генерал-майор фон
Миттельбергер (справа)
и майор Фельми перед вылетом
в немецкий авиацентр в Липецке
(СССР) для инспекционной
проверки подготовки своих
пилотов

Немецкий самолет
«Альбатрос L-78»

Посол Германии
в СССР Брокдорф-
Ранцау
в Кремле

С. М. Буденный, Л. М. Каганович, М. И. Калинин
на одном из кремлевских совещаний. 1933 г.

Генерал-фельд-маршал Гинденбург знакомится с членами советской военной делегации, возглавляемой М. Н. Тухачевским, участвовавшей в маневрах войск вермахта. 1932 г.

Рейхсканцлер Германии А. Гитлер и военный министр фон Бломберг

«С нами Бог» — этот транспарант украшал плац одной из германских частей. К началу войны Германия располагала полутора миллионами обученных солдат

Советское военное руководство на Красной площади перед началом парада в честь XVII партсъезда ВКП(б). 1934 г. На снимке: Ворошилов, Буденный, Тухачевский, Егоров, Левадковский, Фриновский, Якир, Дыбенко, Каменев, Горбачев, Орлов и др.

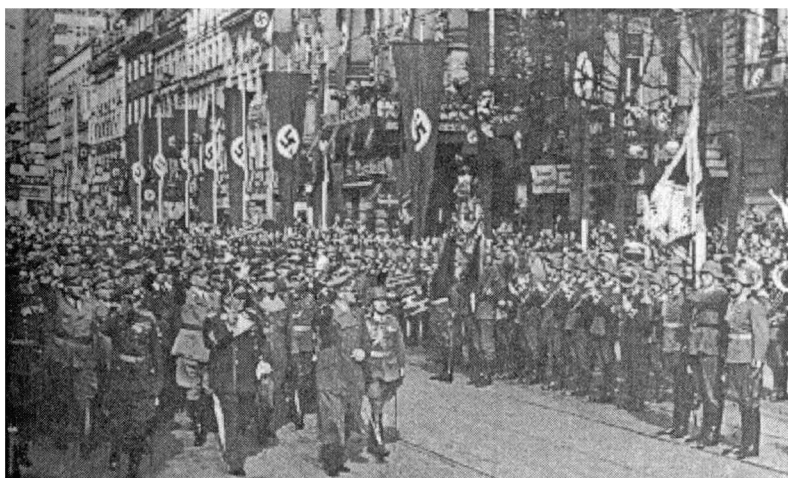

«К суровому суду правых отщепенцев — предателей и изменников родины!» — под такими лозунгами трудящиеся страны выходили на митинги в середине 30-х гг.

Нацистский порядок в действии. Идет проверка заключенных в одном из концлагерей Ораниенбурга. Германия, 1933 г.

А. Гитлер и высшие нацистские бонзы на параде в Гамбурге

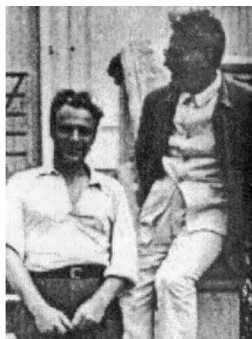

Под турецким флагом. Л. Д. Троцкий, его жена Н. Седова и А. Соболевичус в начальный период изгнания из СССР (Соболевичус, как узнали Троцкие впоследствии, являлся агентом ОГПУ). 1929 г.

Отец и сын
Лев(Седов)
Троцкие
во Франции

Лев Седов
являлся одним
из главных
организаторов
троцкистского
движения

Яков Блюмкин

Георгий Агабеков

Марк Зборовский
(Этьен)

разведкой было бы рискованно, так как немцы могли попытаться принудить к сотрудничеству. Отцу тогда снова и снова приходилось повторять свои возражения по поводу встречи с кем-либо из абвера.

Отец вспоминал потом с юмором, как однажды, когда они гуляли с Коновальцем, к ним подошел уличный фотограф и сфотографировал их, передав пленку Коновальцу, заплатившему за это две марки.

Отец возмутился: «Было ясно, что берлинское окружение хочет иметь фотографию в своем досье, чтобы потом, когда им понадобится, они могли разыскать меня. Тогда же, на улице, я выразил свой недвусмысленный протест Коновальцу. Было бы непростительной ошибкой, если такая фотография оказалась бы в руках у немцев, заявил я ему, нисколько не сомневаясь, что именно это и было его истинной целью. Коновалец попытался как-то меня успокоить. По его словам, не было ничего предосудительного в том, что какой-то уличный фотограф, зарабатывающий себе на жизнь, сфотографировал нас вдвоем, прогуливающимися по берлинской улице. Позднее я убедился, что был прав. В годы войны СМЕРШ захватил двух лазутчиков в Западной Украине, у одного из них была эта фотография. Когда его спросили, зачем она ему нужна, он ответил: «Я не имею понятия, кто этот человек, но мы получили приказ ликвидировать его, если обнаружим».

Отец сумел войти в доверие к Коновальцу, передав ему содержание одного конфиденциального разговора. Как-то Костарев и еще несколько молодых украинских националистов, слушателей нацистской партийной школы, стали говорить отцу, что Коновалец слишком стар, чтобы руководить организацией, и его следует использовать лишь в качестве декоративной фигуры.

«Когда они спросили мое мнение, я возмущенно ответил:

— Да кто вы такие, чтобы предлагать подобное? Наша организация не только полностью доверяет Коновальцу, но и регулярно получает от него поддержку, а о вас до моего приезда сюда мы вообще ничего не слышали.

Когда я рассказал об этом Коновальцу, лицо его побледнело. Позже Костарев был уничтожен. Не думаю, что это случайное совпадение».

В Центре было решено, что, как только отец прибудет в Германию, ему следует проявлять полную самостоятельность и не поддерживать никаких контактов ни с

советской резидентурой, ни с нелегалами. Коновалец взял отца под свою опеку и частенько навещал.

Как вспоминал отец: «Мы вдвоем бродили по городу. Однажды он даже повел меня на спектакль в Берлинскую оперу, но в целом развлечений в моей жизни там было не так уж много. Украинская община была очень бедной, и о том, чтобы позволить себе какую-либо роскошь, не могло быть и речи. Если вас приглашали на чай, то сахар принято было приносить с собой. Украинцы, с которыми я общался, наивно полагали, что могут помочь финансировать ОУН за счет доходов какой-нибудь гуталиновой фабрики, которой владели их родственники в Польше. Они буквально жаждали войны Германии с Польшей и СССР как освобождения из-под ига «национального угнетения». Коновалец привязался ко мне и даже предложил, чтобы я сопровождал его в инспекционной поездке в Париж и Вену с целью проверки положения дел в украинских эмигрантских кругах, поддерживавших его. У него были деньги, полученные от немцев, и это позволяло ему играть роль лидера могущественной организации. В Париже мы остановились в разных отелях. Во время нашего пребывания в городе проходила всеобщая забастовка и все рестораны оказались закрытыми, так что Коновалец повез меня обедать в... Версаль. Не работало и метро, и нам пришлось взять такси, кстати, весьма дорогое. Я был под огромным впечатлением от Парижа и остаюсь его поклонником до сегодняшнего дня».

Центр был осведомлен о том, что отец с Коновальцем намеревались провести в Париже три недели, и решил воспользоваться этой возможностью, чтобы организовать отцу встречу с курьером. Согласно инструкции из Москвы им надлежало по возможности выйти на такую встречу в Париже и позднее в Вене.

«Для этого, — рассказывал отец, — я должен был дважды в неделю появляться между пятью и шестью вечера на углу Плас де Клиши и Бульвара де Клиши. Курьер должен был быть мне лично известен, но имя его мне не раскрывали — таковы были «правила конспирации», — им мог оказаться кто угодно. В первое же свое появление на условленном месте я увидел... собственную жену, одетую по последней моде: она сидела за столиком кафе на улице и медленно попивала черный кофе. В ту минуту я был обуреваем самыми разнородными чувствами. Усилием воли мне удалось заставить себя удостовериться, что за мной нет никакой слежки, и лишь после этого я приблизился к Эмме. Мне сразу же стало совер-

шенно ясно: место для randevу выбрано крайне неудачно, так как сновашшая вокрут толпа не давала возможности проверить, ест ли за тобой «хвост» или нет. Опыт моей работы в Харькове против польской агентуры научил меня, что почти во всех провалах виноват был неудачный выбор места встречи. Взяв себя в руки, я на плохом немецком попросил разрешения сесть рядом за столик. Мы оба были крайне напряжены. Эмма, когда я подсел к ней, осведомилась, все ли у меня в порядке.

— Хотя ты и потерял в весе, но выглядишь, по-моему, превосходно, — добавила она с улыбкой. — Да и выбрит на сей раз прекрасно.

Это ее замечание явно намекало на то, что дома, в России, я частенько брился через день.

Посидев немного за столиком, мы незаметно удалились: это кафе было чересчур открыто для посторонних глаз. Идя по направлению к бульвару, мы заметили двух жандармов, явно направлявшихся в нашу сторону. Повинуясь внутреннему инстинкту, мы тотчас перешли улицу, чтобы избежать встречи с полицией. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, насколько это было глупо.

Недорогой отель, в котором остановилась Эмма (вполне подходящий для студентки, проводящей свои каникулы в Париже), находился всего в нескольких кварталах от места нашей встречи. Хотя я и был в восторге от встречи с женой, которую не видел почти год, мне было страшно подвергать ее хотя бы малейшему риску из-за свидания со мной. Мы обнялись, и я тут же сказал, чтобы она передала Центру мое требование: ни при каких обстоятельствах Эмма не должна быть моей связанной. Я ведь не относился к числу тех, кто живет на Западе постоянно, так что с полной уверенностью мог утверждать: все мои контакты внимательнейшим образом изучаются и анализируются как разведкой украинских националистов, так и немцами. И если немецкая или даже французская контрразведка будет иметь основания считать, что Эмма связана со мной, то ее наверняка схватят и подвергнут допросу с пристрастием. Вот почему я велел ей немедленно возвращаться в Швейцарию, а оттуда — домой. Я должен был так поступить, чтобы избавиться от беспокойства за ее судьбу и чувствовать себя в безопасности. Эмма тут же заверила меня, что уедет в Берн незамедлительно. Я информировал ее о положении дел в украинских эмигрантских кругах и о той значительной поддержке, которую они получали от Германии. Особенно лю-

бопытной показалась ей информация, касавшаяся раздоров внутри украинской организации: я рассказал Эмме о своей предполагавшейся поездке с Коновальцем в Вену и убедительно просил ее не появляться там в качестве курьера возле Шенбруннского дворца — места предполагавшейся встречи».

Во время пребывания в Париже Коновалец пригласил моего отца посетить вместе с ним могилу Петлюры, который после разгрома его отрядов частями Красной Армии бежал в столицу Франции, где в 1926 году и был убит.

Отец потом вспоминал: «Коновалец боготворил этого человека, называя его «нашим знаменем и самым любимым вождем». Он говорил, что память о Петлюре должна быть сохранена. Мне было приятно, что Коновалец берет меня с собой, но одна мысль не давала покоя: на могилу во время посещения положено класть цветы. Между тем мой кошелек был пуст, а напоминать о таких мелочах Коновальцу я не считал для себя возможным. Это было бы просто бестактно по отношению к человеку, занимавшему столь высокое положение, хотя, по существу, заботиться о цветах в данном случае надлежало ему, а не мне. Что делать? Всю дорогу до кладбища меня продолжала терзать эта мысль.

Мы прошли через все кладбище и остановились перед скромным надгробием на могиле Петлюры. Коновалец перекрестился — я последовал его примеру. Некоторое время мы стояли молча, затем я вытащил из кармана носовой платок и завернул в него горсть земли с могилы.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Коновалец.

— Эту землю с могилы Петлюры отвезу на Украину, — ответил я, — мы в его память посадим дерево и будем за ним ухаживать.

Коновалец был в восторге. Он обнял меня, поцеловал и горячо похвалил за прекрасную идею. В результате наша дружба и его доверие ко мне еще более укрепились».

Коновалец рассказал отцу, что один из его помощников, Грибивский, подозревается в сотрудничестве с чехословацкой контрразведкой, и попросил, чтобы отец встретился с ним и попытался его прошупать. После убийства в Варшаве генерала Перацкого украинскими националистами чехи оперативно, за один день, захватили все явки украинской организации в Праге и забрали многие досье, находившиеся в ведении Грибивского. Эта история отцу уже была известна. Его близкий друг и коллега Каминский, бывший за два года до тех событий

в Германии в качестве нелегала, пытался завербовать Грибивского, якобы от имени словацкой полиции, для работы осведомителем, хотя на самом деле речь шла о работе на СССР. Грибивский, со своей стороны, предполагал захватить Каминского во время назначенной встречи, но тот, увидев слежку, избежал ловушки, вовремя успев вскочить в проходивший трамвай. Коновалец совершенно правильно подозревал, что Каминский является вовсе не словацким, а советским агентом, и отец, зная это, решительно возражал против его встречи с Грибивским, заявив, что того, возможно, контролируют большевики (в конце концов он мог специально сделать вид, что не сумел захватить Каминского), а поэтому контакты с ним могут привести к провалу.

Отец вспоминал еще и о таком эпизоде: «После нашего приезда в Вену я отправился на заранее определенное место встречи, где застал моего куратора и наставника по работе в Москве Зубова. Это был опытный разведчик, и я всегда стремился получить от него как можно больше знаний. Я подробно информировал его о деятельности Коновальца и сообщил, что назавтра намечен наш поход в оперу. Зубову удалось купить билет на тот же спектакль — он сидел прямо за нами и мог слышать все, о чем мы разговаривали с моим спутником. Выходя из театра, я нарочно налетел на Зубова в толпе зрителей и даже извинился за то, что толкнул его. В сущности, это была глупая детская выходка».

Из Вены мой отец возвратился в Берлин, где в течение нескольких месяцев шли бесполезные переговоры о возможном развертывании сил подполья на Украине в случае начала войны. В этот период он дважды ездил из Германии в Париж, встречаясь там с лидерами украинского правительства в изгнании. Коновалец предостерег отца в отношении этих людей: по его словам, их не следовало воспринимать серьезно, поскольку в реальной действительности все будут решать не эти господа, протиравшие штаны в парижских кафе, а его военная организация.

Тем временем «дядя» Лебедь, используя свои связи, прислал через Финляндию распоряжение о возвращении «племянника» (моего отца) на Украину, где его должны были оформить радистом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Это давало бы ему возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими ор-

ганизациями за рубежом. Коновальцу идея пришлось по душе, и он согласился с возвращением отца в Советский Союз.

С фальшивыми документами в сопровождении Сушко, заместителя Коновальца (Коновалец хотел убедиться, что его новый подопечный благополучно пересек границу), через Финляндию отец добрался до советско-финской границы. Сушко привел его туда, где, казалось, можно было безопасно перейти границу, проходившую здесь по болоту. Тем не менее, как только отец приблизился к самой границе, его перехватил финский пограничный патруль. Он был арестован и посажен в тюрьму в Хельсинки. Там его допрашивали в течение месяца:

«Я объяснял им, что являюсь украинским националистом и стремлюсь возвратиться в Советский Союз, выполняя приказ своей организации».

Весь этот месяц атмосфера в Центре была весьма напряженной, поскольку Зоя Рыбкина сообщила из Хельсинки о возвращении моего отца из поездки с Коновальцем по Европе. Чтобы узнать, что произошло, на границу выехали Зубов и Шпигельглас. Все считали, что скорее всего моего отца ликвидировал Сушко. Тем не менее по истечении трех недель после его ареста официально украинскому представителю в Хельсинки Полуведько поступил запрос от финской полиции и офицеров абвера «о некоем украинце, пытавшемся пробраться в Советский Союз». Между абвером и финской разведкой существовало соглашение о контроле над советской границей — любые перебежчики проверялись ими совместно. В конце концов отца передали Полуведько, который сопровождал его до Таллина. Там ему выдали еще один фальшивый литовский паспорт, а в советском консульстве оформили краткосрочную туристическую визу для поездки в Ленинград. На сей раз с пересечением границы не было никаких проблем: пограничник проштемпелевал паспорт, а затем отцу удалось улизнуть от интуристского гида, ожидавшего его в Ленинграде: «Уверен, что это вызвало настоящий переполох в отделении Интуриста и милиция наверняка была поставлена на ноги, чтобы разыскать пропавшего в городе литовского туриста».

Успешная командировка изменила положение моего отца в разведке. О результатах работы было доложено Сталину и Косиору, секретарю ЦК Компартии Украины, а также Петровскому, Председателю Верховного Со-

вета республики. В кабинете Слуцкого, где отец докладывал в деталях о своей поездке, его представили двум людям: один из них был Серебрянский, начальник Особой группы при наркоме внутренних дел — самостоятельного и в то время строго засекреченного Центра закордонной разведки органов безопасности, — а другой, Васильев, сотрудник секретариата Сталина.

Позднее отца наградили орденом Красного Знамени, который ему вручил глава государства М. И. Калинин. Вместе с отцом в Кремле орден Красного Знамени получил и Зарубин, только что возвратившийся из нелегальной поездки в Западную Европу. Они встретились тогда в первый раз. Позднее они сблизились, и эта дружба продолжалась всю жизнь, хотя Зарубин был значительно старше отца.

Отец вспоминал, как во время дружеского ужина в честь его и Зарубина на квартире Слуцкого отцу пришлось выпить — второй раз в жизни — стопку водки:

«Впервые же это случилось в Одессе, когда мне было пятнадцать лет. Хотя я и был физически здоровым человеком, врачи определили, что мне противопоказаны алкогольные напитки крепостью выше двенадцати градусов. Однако Слуцкий и Шпигельглас приказали принять «норму» за боевой орден, и на следующий день я лежал пластом. Реакция организма была ужасной: нестерпимая головная боль и рвота».

Весь 1937-й и часть 1938 года отец неоднократно выезжал на Запад в качестве курьера. Крышей для него служила должность радиста на грузовом судне. Встретившись с Коновальцем, он ужаснулся, услышав, что ОУН передала немцам дезинформацию о том, что ряд командиров Красной Армии из числа украинцев — Федько, Дубовой и другие (позднее все они были ликвидированы Сталиным) — выражали свои симпатии делу украинских националистов. Люди Коновальца выдумывали подобные истории, чтобы произвести впечатление на немцев и получить от них как можно больше денег. Позднее отцу довелось прочесть в украинской эмигрантской прессе, что такие красные командиры, как Дубовой, Федько и ряд других, делили якобы свою лояльность между советской властью и украинским национализмом. Коновалец решил сообщить отцу об этом, поскольку знал, что «как организатор украинского подполья» тот сможет узнать правду.

Когда в 1937 году отец сообщил об этом Шпигельгласу, тот высказал предположение, что контакты Дубового и других командиров с украинскими националистами и немцами не были невозможными. Очевидно, Шпигельглас просто хотел прикрыть отца на случай, если бы тот передал эту неприятную для руководства информацию — судьба этих командиров уже была предreshена.

Глава 10

ПО ЗАДАНИЮ СТАЛИНА

В ноябре 1937 года, после празднования 20-летия Октябрьской революции, отец был вызван вместе со Слуцким к Ежову, тогдашнему наркому внутренних дел. Отец встретился с ним впервые, и его, как он потом рассказывал, буквально поразила неказистая внешность и личность Ежова:

«Вопросы, которые он задавал, касались самых элементарных для любого разведчика вещей и звучали некомпетентно. Чувствовалось, что он не знает самих основ работы с источниками информации. Более того, похоже, что его вообще не интересовали раздоры внутри организации украинских эмигрантов. Между тем Ежов был и народным комиссаром внутренних дел и секретарем Центрального Комитета партии. Я искренне считал, что просто не в состоянии оценить те интеллектуальные качества, которые позволили этому человеку занять столь высокие посты. Хотя к этому времени я и был уже весьма опытным профессионалом в разведслужбе, но в том, что касалось карьеры в высших эшелонах власти, оставался наивным человеком: ведь те руководители, с которыми я сталкивался до сих пор, такие, как Косиор и Петровский, возглавлявшие Компартию Украины, были высокоинтеллектуальными людьми с широким кругозором».

Выслушав сообщение отца относительно предстоящих встреч с украинскими националистами, Ежов внезапно предложил, чтобы он сопровождал его в ЦК. Отец был просто поражен, когда их машина въехала в Кремль, допуск в который имел весьма ограниченный круг лиц. Его удивление еще больше возросло после того, как Ежов объявил, что их примет лично товарищ Сталин. Это была первая встреча отца со Сталиным. Он вспоминал об этом событии так:

«Мне было тридцать, но я так и не научился сдерживать свои эмоции. Я был вне себя от радости и едва верил тому, что руководитель страны захотел встретиться с рядовым оперативным работником. После того как Сталин пожал мне руку, я никак не мог собраться, чтобы четко ответить на его вопросы. Улыбнувшись, Сталин заметил:

— Не волнуйтесь, молодой человек. Докладывайте основные факты. В нашем распоряжении только двадцать минут.

— Товарищ Сталин, — ответил я, — для рядового члена партии встреча с вами — величайшее событие в жизни. Я понимаю, что вызван сюда по делу. Через минуту я возьму себя в руки и смогу доложить основные факты вам и товарищу Ежову.

Сталин, кивнув, спросил меня об отношениях между политическими фигурами в украинском эмигрантском движении. Я вкратце описал бесплодные дискуссии между украинскими националистическими политиками по вопросу о том, кому из них какую предстоит сыграть роль в будущем правительстве. Реальную угрозу, однако, представлял Коновалец, поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами. Слабость его позиции заключалась в постоянном давлении на него и возглавляемую им организацию со стороны польских властей, которые хотели направить украинское национальное движение в Галиции против Советской Украины.

— Ваши предложения? — спросил Сталин.

Ежов хранил молчание. Я тоже. Потом, собравшись с духом, я сказал, что сейчас не готов ответить.

— Тогда через неделю, — заметил Сталин, — представьте свои предложения.

Аудиенция окончилась. Он пожал нам руки, и мы вышли из кабинета».

Вернувшись на Лубянку, Ежов тут же дал отцу указание немедленно приступить к работе вместе со Шпигельгласом над этими предложениями. На следующий день Слуцкий, как начальник Иностранного отдела, направил подготовленную записку Ежову. Это был план интенсивного внедрения в ОУН, прежде всего на территории Германии. Для этого было, в частности, предложено послать трех сотрудников украинского НКВД в качестве слушателей в нацистскую партийную школу. Казалось необходимым вместе с ними послать для подстраховки одного подлинного украинского националиста, желательно при этом не слишком сообразительного. Ежов не задал ни одного вопроса и только сказал, что това-

риш Сталин дал указание посоветоваться с товарищами Косиором и Петровским, у которых могут быть свои соображения. Отцу надлежало немедленно выехать в Киев, переговорить с ними и на следующий день вернуться в Москву. Беседа проходила в кабинете Косиора, где присутствовал и Петровский. Оба они проявили интерес к предложенной разведчиками двойной игре. Однако больше всего их заботило предполагавшееся тогда провозглашение независимой Карпатской Украинской республики.

Ровно через неделю после возвращения в Москву Ежов в одиннадцать вечера вновь привел моего отца в кабинет к Сталину. На этот раз там находился Петровский. Всего за пять минут отец изложил план оперативных мероприятий против ОУН, подчеркнув, что главная цель — проникновение в абвер через украинские каналы, поскольку абвер является нашим главным противником в предстоящей войне.

Сталин попросил Петровского высказаться. Тот высокопарно, с некоторой торжественностью в голосе объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тягчайшие преступления против украинского пролетариата: он отдал приказ и лично руководил казнью революционных рабочих киевского «Арсенала» в январе 1918 года. Сталин, перебив его, сказал:

— Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть. — Тут же он обратился к моему отцу с вопросом: — А каковы вкусы, слабости и привязанности Коновальца? Постарайтесь их использовать.

— Коновалец очень любит шоколадные конфеты, — ответил отец, добавив, что, куда бы они с ним ни ездили, тот везде первым делом покупал шикарную коробку конфет.

— Обдумайте это, — предложил Сталин.

За все время беседы Ежов не проронил ни слова.

«Прощаясь, — пишет в своих воспоминаниях отец, — Сталин спросил меня, правильно ли я понимаю политическое значение поручаемого мне боевого задания.

— Да, — ответил я и заверил его, что отдам жизнь, если потребуется, для выполнения задания партии.

— Желаю успеха, — сказал Сталин, пожимая мне руку».

Отцу в то посещение вождя было приказано ликвидировать Коновальца. После этой встречи со Сталиным Слуцкий и Шпигельглас разработали несколько вариантов операции. Первый из них предполагал, что отец застрелит Коновальца в упор. Правда, тут была своя трудность, его всегда сопровождал помощник Барановский, кодовая кличка которого Пан Инженер. Найти момент, когда отец останется с Коновальцем один на один, почти не представлялось возможным.

Второй вариант заключался в том, чтобы передать ему «ценный подарок» с вмонтированным взрывным устройством. Этот вариант казался наиболее приемлемым: если часовой механизм сработает как положено, отец смог бы вовремя уйти с места встречи. Сотрудник отдела оперативно-технических средств Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее как коробка шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле. Вся проблема заключалась в том, что отцу предстояло незаметно нажать на переключатель, чтобы запустить часовой механизм. Отцу этот вариант не слишком нравился, так как яркая коробка сразу привлекла бы внимание Коновальца. Кроме того, тот мог передать эту коробку постоянно сопровождавшему его Барановскому.

Используя свое прикрытие в качестве радиста на грузовом судне «Шилка», отец (факт этот хоть уже и широко известен, но я позволю его все же повторить) встречался с Коновальцем в Антверпене, Роттердаме и Гавре, куда тот приезжал по фальшивому литовскому паспорту на имя господина Новака. Литовские власти в 30-е годы регулярно снабжали функционеров ОУН фальшивыми загранпаспортами.

Игра, продолжавшаяся более двух лет, вот-вот должна была завершиться. Шла весна 1938 года, и война казалась неизбежной. Советской разведке было известно, что с началом войны Коновалец возглавит ОУН и будет на стороне Германии.

В конце концов взрывное устройство в виде коробки конфет было изготовлено, причем часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем. Взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения положения коробки из вертикального в горизонтальное. Моему отцу надлежало держать

коробку в первом положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что он передаст этот «подарок» Коновальцу и покинет помещение до того, как мина сработает.

Шпигельглас сопровождал отца в кабинет Ежова, который лично захотел принять разведчика Судоплатова перед отъездом. Вот как описывал в дальнейшем отец свое покушение на Коновальца:

«Когда мы вышли от Ежова, Шпигельглас сказал:

— Тебе надлежит в случае провала операции и угрозы захвата противником действовать как настоящему мужчине, чтобы ни при каких условиях не попасть в руки полиции.

Фактически это был приказ умереть. Имелось в виду, что я должен буду воспользоваться пистолетом «вальтер», который он мне дал.

Шпигельглас провел со мной более восьми часов, обсуждая различные варианты моего ухода с места акции. Он снабдил меня сезонным железнодорожным билетом, действительным на два месяца на всей территории Западной Европы, а также вручил фальшивый чехословацкий паспорт и три тысячи американских долларов, что по тем временам было большими деньгами. По его совету я должен был обязательно изменить свою внешность после «ухода»: купить шляпу, плащ в ближайшем магазине.

Я самым внимательным образом изучил все возможные маршруты побега в тех городах, где могла произойти наша встреча с Коновальцем. Для каждого из них у меня имелся детально разработанный план. Однако перед последней поездкой на встречу с Коновальцем возникли неожиданные проблемы. В ответ на мой звонок из Норвегии он вдруг предложил, чтобы мы встретились в Киле (Германия) или я прилетел бы к нему в Италию на немецком самолете, который он за мной пришлет. Я ответил, что не располагаю временем: хотя капитан судна и являлся членом украинской организации, но мне нельзя на сей раз отлучаться во время стоянок больше чем на пять часов. Тогда мы договорились, что встретимся в Роттердаме, в ресторане «Атланта», находившемся неподалеку от центрального почтамта, всего в десяти минутах ходьбы от железнодорожного вокзала. Прежде чем сойти на берег в Роттердаме, я сказал капитану, который получил инструкции выполнять все мои распоряжения, что, если не вернусь на судно к четырем часам дня, ему надлежит отплыть без меня. Тимашков, изготовитель взрывного устройства, сопровождал меня в этой поездке и за десять минут до

моего ухода с судна зарядил его. Сам он остался на борту судна. (Позже Тимашков стал начальником отдела оперативной техники, именно он сконструировал магнитные мины: одной из них был убит немецкий гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе. Это произошло в 1943 году, а после окончания второй мировой войны он служил советником у греческих партизан во время гражданской войны.)

23 мая 1938 года после прошедшего дождя погода была теплой и солнечной. Время без десяти двенадцать. Прогуливаясь по переулку возле ресторана «Атланта», я увидел сидящего за столиком у окна Коновальца, ожидавшего моего прихода. На сей раз он был один. Я вошел в ресторан, подсел к нему, и после непродолжительного разговора мы условились снова встретиться в центре Роттердама в 17.00. Я вручил ему подарок, коробку шоколадных конфет, и сказал, что мне сейчас надо возвращаться на судно. Уходя, я положил коробку на столик рядом с ним. Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать.

Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поезда бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси — пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже. Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню, обманули в пункте обмена валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штампы в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии.

Ночь я провел, гуляя по бульварам, окружавшим центр Парижа. Чтобы убить время, пошел в кино. Рано утром, после многочасовых хождений, зашел в парикмахерскую побриться и помыть голову. Затем поспешил к условленному месту встречи, чтобы быть на станции метро к десяти утра. Когда я вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника нашей разведки Агаянца, работавшего третьим секретарем советского посольства в Париже. Он уже уходил, но, заметив меня, тут же вернулся и сделал знак следовать за ним. Мы взяли такси до Булонского леса, где позавтракали, и я передал ему свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было отправить в Москву шифром. В записке говорилось: «Подарок вручен. Псылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». Агаянец, не имевший никакого представления о моем задании, проводил меня на явочную квартиру в пригороде Парижа, где я оставался в течение двух недель.

В газетах не было ни строчки об инциденте в Роттердаме. Однако эмигрантские русские газеты вовсю писали о будущей судьбе Ежова: по их мнению, он обречен как очередная жертва кампании чисток. Читая это, я не мог не смеяться про себя: «До чего же глупы все эти статьи. Ведь всего два месяца назад этот человек желал мне успеха в выполнении задания, и к тому же я сам видел, что товарищ Сталин полностью ему доверяет».

Из Парижа отец по подложным польским документам отправился машиной, а затем поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о странном происшествии в Роттердаме, где украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по фальшивому паспорту, погиб при взрыве на улице. В газетных сообщениях выдвигались три версии: либо его убили большевики, либо соперничающая группировка украинцев, либо, наконец, его убрали поляки — в отместку за гибель генерала Перацкого.

Судьбе было угодно, чтобы Барановский, прибывший через час после взрыва в Роттердам из Германии на встречу с Коновальцем, был арестован голландской полицией, которая подозревала его в совершении этой акции, но когда его доставили в госпиталь и показали тело убитого, он воскликнул: «Мой фюрер!» — и этого, вкупе с железнодорожным билетом, оказалось достаточно, чтобы убедить полицию в его полной невинности.

На следующий день после взрыва голландская полиция в сопровождении Барановского произвела проверку

экипажей всех советских судов, находившихся в роттердамском порту. Они искали человека, запечатленного на фото, которое было в их распоряжении. Это была та самая фотография, сделанная уличным фотографом в Берлине. Барановскому было известно, что Коновалец собирался встретиться с курьером-радиостом с советского судна, появившимся в Западной Европе. Однако он вовсе не был уверен, что это был именно тот самый курьер — «племянник Лебеда». Голландская полиция знала о телефонном звонке Коновальцу из Норвегии и, естественно, подозревала, что звонил его агент. Правда, никто не знал наверняка, с кем именно Коновалец встречался в тот роковой день. Когда произошел взрыв на улице, рядом с ним никого не было. Его личность оставалась не выясненной полицией до позднего вечера, тогда как судно «Шилка» давно уже покинуло роттердамскую гавань.

Мой отец всегда считал ликвидацию Коновальца оправданной со всех точек зрения и гордился тем, что при взрыве не пострадали невинные люди. Ни у абвера, ни у Организации украинских националистов не было улик, чтобы раскрыть истинные причины гибели Коновальца. Конечно, они могли подозревать курьера или связника, прибывшего на встречу в Роттердам, но в их руках не было никаких доказательств.

Было еще важное обстоятельство, убеждавшее моего отца в том, что им выполненное дело правильно. Те националистические лидеры, с которыми он сталкивался в Берлине и Варшаве, принадлежали к так называемым «прозападным» украинцам, они уже плохо владели родным языком, мешая украинские слова с немецкими. Эти люди, как отец искренне считал, были обречены самой историей. Полностью отрезанные от реальной жизни на Украине, они не понимали сущности и силы советской системы. Не знали они и о подъеме украинской литературы и искусства. Образование свое они получили в основном в Вене или Праге. Украинская культура и язык в польской Галиции в то время безжалостно подавлялись местными властями. Регулярно следя за периодикой, они тем не менее не могли объяснить разницы между колхозами и совхозами или понять взаимоотношения различных государственных и общественных организаций, отвечавших за социальную политику на Украине. Они утверждали, что их взгляды имеют поддержа-

ку среди сельского населения и потребкооперации, не зная, что в действительности потребкооперация на селе уже давно стала неотъемлемым атрибутом колхозного строя.

Гибель Коновальца вызвала раскол в ОУН. Судьба же других руководителей ОУН, работавших при Коновальце, сложилась в 1939—1945 годах трагично. В ходе борьбы за власть внутри ОУН между Бандерой, освобожденным немцами в 1939 году, и официальным премьерником Коновальца Мельником погибли видные боевики и соратники Коновальца. Бандеровцы расстреляли Барановского, Сциборского, Грибивского, Сушко в Житомире и Львове в 1942—1943 годах. Боевик Лемек был ликвидирован ими в Полтаве в 1942 году.

О последовавших за этим событиях, повлиявших на дальнейшую судьбу отца, он рассказывал так:

«Получив мое послание из Парижа об успешном проведении операции по ликвидации Коновальца, Шпигельглас вызвал к себе мою жену и сказал: «Андрей (моя кодовая кличка) находится в безопасности. Он видел, как люди бросились к месту происшествия, и ему стало все ясно. Ведь в Западной Европе никто не побежит ради того, чтобы посмотреть на лопнувшую поблизости автомобильную шину».

В 1938 году по пути, отправляясь на встречу с Коновальцем, отец, как ему было поручено, проверил работу сети нелегалов в Норвегии, в задачу которых входила подготовка диверсий на морских судах Германии и Японии, базировавшихся в Европе и используемых для поставок оружия и сырья режиму Франко в Испании. Возглавлял эту сеть Эрнст Волльвебер, известный в то время под кодовым именем Антон. Под его началом находилась, в частности, группа поляков, которые обладали опытом работы на шахтах со взрывчаткой. Эти люди ранее эмигрировали во Францию и Бельгию из-за безработицы в Польше, где советская разведка и привлекала их к сотрудничеству для участия в диверсиях на случай войны. Волльвебер почти не говорил по-польски, однако западноукраинский диалект отца был вполне достаточен для общения. С группой из пяти польских агентов они встретились в норвежском порту Берген.

Он заслушал отчет об операции на польском грузовом судне «Стефан Баторий», следовавшем в Испанию с партией стратегических материалов для Франко. До места своего назначения оно так и не дошло, затонув в

Северном море после возникшего в его трюме пожара в результате взрыва бомбы, подложенной террористами, работавшими на Советы.

Волльвебер произвел на отца сильное впечатление. Немецкий коммунист, он служил в Германии на флоте, возглавлял восстание моряков против кайзера в 1918 году. Военный трибунал приговорил его к смертной казни, но ему удалось бежать сначала в Голландию, а затем в Скандинавию. Позднее он был арестован шведскими властями, и гестапо тотчас потребовало его выдачи. Однако он получил советское гражданство, так что его высылка из Швеции в оккупированную немцами Норвегию не состоялась. Уже после пакта Молотова—Риббентропа, в 1939 году, он приезжал в Москву и получил приказание продолжать подготовку диверсий в неизбежной войне с Гитлером. Организация Волльвебера сыграла важную роль в норвежском Сопротивлении. Волльвебер и его люди, вернувшиеся в Москву в 1941—1944 годах, помогали в вербовке после начала войны немецких военнопленных для операций нашей разведки.

После окончания войны Волльвебер некоторое время возглавлял министерство госбезопасности ГДР. В 1958 году в связи с конфликтом, который возник у него с Хрущевым, Ульбрихт сместил Волльвебера с занимаемого поста. А произошло следующее. Волльвебер рассказал Серову, тогдашнему председателю КГБ, о разногласиях среди руководства ГДР, считая их проявлением прозападных настроений, противоречивших линии международного коммунистического движения.

Серов сообщил об этом разговоре Хрущеву. А тот на обеде, сопровождавшемся обильной выпивкой, сказал Ульбрихту:

— Почему вы держите министра госбезопасности, который сообщает нам об идеологических разногласиях внутри вашей партии? Это же продолжение традиции Берия и Меркулова, с которыми Волльвебер встречался в сороковых годах, когда приезжал в Москву.

Ульбрихт понял, что следует делать, и немедленно уволил Волльвебера за «антипартийное поведение». Волльвебер умер, будучи в опале, в 60-е годы...

О завершении же операции по ликвидации Коновальца и своем дальнейшем назначении отец позже вспоминал так:

«В июле 1938 года судно, на котором я находился, пришвартовалось в ленинградском порту. Я тут же выехал ночным поездом в Москву. На вокзале меня встречали Пассов, только что назначенный вместо Слуцкого, Шпигельглас и моя жена. Меня поздравляли и обнимали. Надо ли говорить, как я был счастлив возвратиться в Москву к прежней жизни.

На следующий же день рано утром я был вызван к Берия, новому начальнику Главного управления государственной безопасности НКВД, первому заместителю Ежова».

До своей первой встречи с Берия отец знал о нем только то, что он возглавлял ГПУ Грузии в 20-х годах, а затем стал секретарем ЦК Коммунистической партии Грузии. Пассов, сменивший Слуцкого на посту начальника Иностранного отдела, отвел отца в кабинет Берия, располагавшийся рядом с приемной Ежова. Эта встреча моего отца с Берия продолжалась, кажется, около четырех часов. Все это время, по его воспоминаниям, Пассов хранил молчание. Берия же задавал вопрос за вопросом, желая знать обо всех деталях операции против Коновальца и об ОУН с начала ее деятельности.

Спустя час Берия распорядился, чтобы Пассов принес папку с литературным делом «Ставка», где были зафиксированы все детали этой операции. Из вопросов Берия отцу стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее он понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом отец смог вписаться в западную жизнь.

Особенное впечатление на Берия произвела весьма простая на первый взгляд процедура приобретения железнодорожных сезонных билетов, позволивших моему отцу беспрепятственно путешествовать по всей Западной Европе. Берия интересовался техникой продажи железнодорожных билетов для пассажиров на внутренних линиях и на зарубежных маршрутах. И это тоже было не праздное любопытство. В Голландии, Бельгии и Франции пассажиры, ехавшие в другие страны, подходили к кассиру по одному — и только после звонка дежурного. Не трудно было предположить, что это делалось с определенной целью, а именно позволить кассиру лучше запомнить тех, кто приобретал билеты. Именно так трактовал эту процедуру Берия мой отец. Далее Берия поинтересовался, обращалось ли внимание на количест-

во выходов, включая и запасной, на явочной квартире, которая находилась в пригороде Парижа. Его немало удивило, что отец этого не сделал, «поскольку слишком устал». И это было еще одно подтверждение, что перед отцом был человек опытный в вопросах подпольной работы и конспирации.

Отец описывал детали этой встречи с Берия так: «Одет он был, помнится, в весьма скромный костюм. Мне показалось странным, что он без галстука, а рукава рубашки, кстати довольно хорошего качества, закатаны. Это обстоятельство заставило меня почувствовать некоторую неловкость, так как на мне был прекрасно сшитый костюм: во время своего краткого пребывания в Париже я заказал три модных костюма, пальто, а также несколько рубашек и галстуков. Портной снял мерку, а за вещами зашел Агаянц и отослал их в Москву дипломатической почтой». Потом об этом, как помнит читатель, отцу напомним его сослуживцы на партийном собрании, требуя его исключения из партии.

После ликвидации Коновальца отец, прежде чем вернуться на родину, по заданию разведслужб был сначала направлен в Испанию, где оставался в течение трех недель как польский доброволец в составе руководимой НКВД интернациональной партизанской части при республиканской армии. Берия проявил большой интерес к диверсионному партизанскому отряду, базировавшемуся в Барселоне. Он лично знал Василевского, одного из партизанских командиров — в свое время тот служил под его началом в контрразведке Грузинского ГПУ.

Берия хорошо говорил по-русски, с небольшим грузинским акцентом, и по отношению к отцу, своему подчиненному, вел себя предельно вежливо. Однако ему не удалось остаться невозмутимым на протяжении всей беседы. Так, Берия пришел в сильное возбуждение, когда отец начал рассказывать, какие приводил аргументы Коновальцу, чтобы отговорить его от проведения ОУН террористических актов против представителей советской власти на Украине. Отец доказывал Коновальцу, что теракты могут привести к гибели всего украинского националистического подполья, поскольку НКВД быстро нападет на след террористов. Коновалец же полагал, что подобные акты могут совершаться изолированными группами. Это, настаивал он, придаст им ореол героизма в глазах местного населения, послужит стимулом для начала широкой ан-

тисоветской кампании, в которую вмешаются Германия и Япония. Именно эти доводы Коновальца и вызвали раздражение у будущего хозяина дома на Лубянке.

Будучи близоруким, Берия носил пенсне, что делало его похожим на скромного совслужащего. Вероятно, вспоминал потом отец, он специально выбрал для себя этот образ: в Москве его никто не знает и люди, естественно, при встрече не фиксируют свое внимание на столь ординарной внешности, что дает ему возможность, посещая явочные квартиры для бесед с агентами, оставаться неузнанным. Нужно помнить, что в те годы некоторые из явочных квартир в Москве, содержавшихся НКВД, находились в коммуналках.

Позднее мой отец узнал: первое, что сделал Берия, став заместителем Ежова, это переключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям.

После встречи с Берия отец получил пятидневный отпуск, чтобы навестить мать, которая все еще жила в Мелитополе, а затем родителей жены в Харькове. Предполагалось, что, возвратясь в Москву, он получит должность помощника начальника Иностранного отдела. Шпигельглас и Пассов были в восторге от встречи их протеже с Берия и, провожая отца на Киевском вокзале, заверили его тогда, что по возвращении в Москву на него будет также возложено непосредственное руководство разведывательно-диверсионной работой в Испании. Так оно и случилось.

После отпуска в Москве Пассов и Шпигельглас сообщили, что отца ожидает новое назначение — должность помощника начальника Иностранного отдела. Это назначение, однако, подлежало еще утверждению ЦК партии, поскольку речь шла о руководящей должности, входившей в номенклатуру. И хотя приказа о новом назначении не последовало, фактически с августа по ноябрь 1938 года отец исполнял эти обязанности.

Начало работы в новой должности нельзя было назвать удачным. Отец быстро понял, что его теперешний начальник Пассов не имел никакого опыта оперативной работы за границей. Для него вопросы вербовки агентов на Западе и контакты с ними были настоящей терра инкогнита. Он полностью доверял любой информации, по-

лученной от агентуры, и не имел представления о методах проверки донесений зарубежных источников. Опыт его оперативной работы в контрразведке и в области следственных действий против «врагов народа» не мог ему помочь.

Отец был просто в ужасе, узнав, что Пассов подписал директиву, позволявшую каждому оперативному сотруднику закордонной резидентуры использовать свой собственный шифр и в обход резидента посылать сообщения непосредственно в Центр, если у него могли быть причины не доверять своему непосредственному начальнику. Лишь позднее стало понятным, почему такого рода документ появился на свет. На Пленуме ЦК партии в марте 1937 года от НКВД потребовали «укрепить кадры» Иностранного отдела. Преступность этого требования заключалась в том, что им прикрывалось желание руководства страны избавиться от ставшего неудобным старого руководства органов советской разведки. Но об этом наш рассказ ниже.

Глава 11

ИСПАНИЯ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

В течение 1936—1939 годов в Испании шла, в сущности, не одна, а две войны, обе не на жизнь, а на смерть. В одной войне схлестнулись националистические силы, руководимые Франко, которому помогал Гитлер, и силы испанских республиканцев, помощь которым оказывал Советский Союз. Вторая, совершенно отдельная война шла внутри республиканского лагеря. С одной стороны Сталин в Советском Союзе, а с другой — Троцкий, находившийся в изгнании, оба хотели предстать перед миром в качестве спасителей и гарантов дела республиканцев, чтобы тем самым стать в авангарде мирового коммунистического движения.

В Испанию Советы направляли как своих молодых, неопытных оперативников, так и опытных инструкторов-профессионалов. Эта страна сделалась своего рода полигоном, где опробовались и отрабатывались будущие советские военные и разведывательные операции. Многие из последующих ходов советской разведки опирались на установленные в Испании контакты и на те выводы,

которые Москва сумела сделать из испанского опыта. Да, республиканцы в Испании потерпели поражение, но люди, работавшие на Советский Союз, стали нашими постоянными союзниками в борьбе с фашизмом. Когда гражданская война в этой стране завершилась, стало ясно: в мире не остается больше места для Троцкого.

В Испании же произошла и еще одна встреча моего отца с Н. И. Эйтингоном. Он отвечал за ведение партизанских операций в тылу франкистов и внедрение агентуры в верхушку фашистского движения. Его псевдоним в Испании был Генерал Котов, а в Центре он проходил под именами Том и Пьер. Именно Эйтингон, выполняя инструкции Центра, организовал в 1938 году возвращение моего отца в Москву через Францию. Он сопровождал его до Гавра и посадил на борт нашего судна. Много позже, когда они оба встречались уже у нас дома, отец с улыбкой вспоминал, как Эйтингон выглядел тогда, во Франции: «Посмотришь на него и подумаешь, что это обычный французский уличный торговец — без галстука, в неизменном кепи, которое он носил даже в жару...»

С именем Эйтингона связан ряд неизвестных эпизодов важнейших внешнеполитических акций советского руководства, осуществленных в годы гражданской войны в Испании. Ему удалось склонить к сотрудничеству одного из основателей фашистской партии-фаланги Фердинандо де Куэста, единственного лидера фашистов из оказавшихся в плену у республиканцев, которому была сохранена жизнь. Через советского нелегала Юзика (Григулевича) с помощью де Куэсты удалось поддерживать тайный канал переговоров с Франко. Де Куэсту позднее обменяли на видных республиканцев в 1938 году. К сожалению, через него при его тайном посредничестве не удалось договориться о мирном компромиссе в гражданской войне после разгрома итальянского экспедиционного корпуса в боях под Гваделахарой в марте 1937 года. Однако, по рекомендациям Куэсты, удалось выйти на ряд видных чиновников из окружения Франко и принудить их к сотрудничеству с советской разведкой.

Эйтингоном была также проведена глубокая разведка тылов фашистских войск на Арагонском фронте. Полученные данные, однако, не сыграли должной роли. Неожиданный удар республиканцев в сражении на реке Эбро в 1938 году хотя и задержал наступление войск

Франко, но не изменил общего неблагоприятного развития военной обстановки.

Тайные посреднические переговоры велись под контролем Эйтингона с одним из основателей Испанской компартии Х. Эрнандесом — министром юстиции в республиканском правительстве. У него в эмиграции в Мексике резко обострились отношения с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом, находившимися в Москве. Попытки Эйтингона личной перепиской с Педро урегулировать конфликт успеха не имели. В Москве Эрнандеса объявили «агентом и раскольником, подручным Тито».

Во время гражданской войны в Испании развернулись события, связанные с передачей Советскому Союзу испанского золотого запаса. Позднее, уже после возвращения в Москву, мой отец оказался в некотором роде причастным к этой истории, поэтому остановлюсь на ней поподробнее.

Это золото было вывезено из Мадрида в один из критических для республиканцев моментов войны еще в 1936 году и передано по решению испанского республиканского правительства на хранение Советскому Союзу, который оказывал испанцам значительную помощь оружием и продовольствием. Беспрепятственно пройдя через Средиземное море, Сицилийский пролив и Босфор, корабль, груженный слитками, благополучно прибыл в Одессу.

В ноябре 1936 года в Москве акт о приемке золота подписали нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько, заместитель наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинский и посол Испанской республики в СССР Марселино Паскуа. В нем говорится, что на государственное хранение Наркомфином СССР получено золото, прибывшее из Испании, запакованное в 7 800 ящиков стандартного типа. Общий вес — 510 079 529,3 грамма.

Экземпляр акта был передан испанскому правительству. После окончания гражданской войны этот экземпляр хранился у Хуана Негрина, а затем, после его смерти, был передан правительству Франко.

Это золото не расходовалось на содержание испанских детей в СССР (общее число которых к концу 1939 года составило 2 965, вместе с ними приехали 58 педагогов), как утверждают некоторые авторы. Жизнь «советских испанцев» финансировалась главным образом из фондов небывалой кампании солидарности, которая разверну-

лась по всей стране. Достаточно сказать, что по отчетам ВЦСПС помощь советского народа женщинам и детям республиканской Испании в 1936 году только за август—декабрь составила 115 487 588,28 тыс. рублей. Только в 1938 году, например, за счет этого фонда в Мадрид было направлено 300 тысяч пудов пшеницы, 100 тысяч банок молочных и мясных консервов, 1 000 пудов сливочного масла, 5 тысяч пудов сахара. Дело дошло до того, что секретариат ВЦСПС 27 ноября 1938 года сообщил всем профсоюзным организациям: в связи с достаточным поступлением средств в ВЦСПС дальнейший их сбор считать нецелесообразным.

Испанское золото, хранившееся в СССР, было израсходовано республиканским правительством совсем на другие цели — на закупки оружия и снаряжения в различных странах. Все расходы оформлялись с бухгалтерской точностью — до грамма, и эти данные хранятся в архиве МИД России. Есть они и в Мадриде. Весь золотой запас, хранившийся в Москве, был таким образом израсходован уже в 1938 году.

В 1936 году испанские республиканцы согласились сдать на хранение в Москву большую часть испанского золотого запаса общей стоимостью более полумиллиарда долларов. Кроме того, весной 1939 года в Мексику пароходом республиканцами были вывезены из Франции также и большие национальные ценности, принадлежавшие Испании. В марте 1939 года Агаянц прислал в Центр из Парижа телеграмму, в которой сообщал, что в Москву отослано далеко не все испанское золото, драгоценные металлы и камни. В телеграмме указывалось, что якобы часть этих запасов была разбазарена республиканским правительством при участии руководства резидентуры НКВД в Испании.

О телеграмме немедленно доложили Сталину и Молотову, которые приказали Берия провести проверку информации. Однако когда обратились к Эйтингону, резиденту в Испании, за разъяснением обстоятельств этого дела, он прислал в ответ возмущенную телеграмму, состоявшую почти из одних ругательств.

«Я, — писал он, — не бухгалтер и не клерк. Пора Центру решить вопрос о доверии Долорес Ибаррури, Хосе Диасу, мне и другим испанским товарищам, каждый день рискующим жизнью в антифашистской войне во имя общего дела. Все запро-

сы следует переадресовать к доверенным лицам руководства ЦК Французской и Испанской компартий Жаку Дюкло, Долорес Ибаррури и другим. При этом надо понять, что вывоз золота и ценностей проходил в условиях боевых действий».

Телеграмма Эйтингона произвела большое впечатление на Сталина и Берия. Последовал приказ: разобраться во взаимоотношениях сотрудников резидентуры НКВД во Франции и Испании.

Мой отец получил также личное задание от Берия ознакомиться со всеми документами о передаче и приеме испанских ценностей в Гохран СССР. Но легче было это сказать, чем сделать, поскольку разрешение на работу с материалами Гохрана должен был подписать В. М. Молотов. Его помощник между тем отказывался подавать документ на подпись без визы Ежова, народного комиссара НКВД, — подписи одного Берия тогда было недостаточно. В то время мой отец был совершенно незнаком со всеми этими бюрократическими правилами и передал документ Ежову через его секретариат. На следующее утро он все еще не был подписан. Берия отругал отца по телефону за медлительность, но тот ответил, что не может найти Ежова — его нет на Лубянке. Берия раздраженно бросил:

— Это не личное, а срочное государственное дело. Пошлите курьера к Ежову на дачу, он нездоров и находится там.

Его непочтительный тон в адрес Ежова, кандидата в члены Политбюро, несколько озадачил и удивил отца. Он потом припоминал подробности этого события:

«Вместе с курьером нас отвезли на дачу наркома в Озеры, недалеко от Москвы. Выглядел Ежов как-то странно: мне показалось, что я даю документ на подпись либо смертельно больному человеку, либо человеку, пьянствовавшему всю ночь напролет. Он завизировал бумагу, не задав ни одного вопроса и никак не высказав своего отношения к этому делу. Я тут же отправился в Кремль, чтобы передать документ в секретариат правительства. Оттуда я поехал в Гохран в сопровождении двух ревизоров, один из которых, Берензон, был главным бухгалтером ЧК—НКВД еще с 1918 года. До революции он занимал должность ревизора в Российской страховой компании, помещение которой занял Дзержинский».

Ревизоры работали в Гохране в течение двух недель, проверяя всю имевшуюся документацию. Никаких сле-

дов недостачи ими обнаружено не было. Ни золото, ни драгоценности в 1936—1938 годах для оперативных целей резидентами НКВД в Испании и во Франции не использовались. Именно тогда отец узнал, что документ о передаче золота подписали премьер-министр Испанской республики Франциско Ларго Кабальеро и заместитель народного комиссара по иностранным делам Николай Николаевич Крестинский, расстрелянный позже как «враг народа» вместе с Бухариным после показательного процесса в 1938 году.

Золото вывезли из Испании на советском грузовом судне, доставившем сокровища из Картахены, испанской военно-морской базы, в Одессу, а затем поместили в подвалы Госбанка. В то время его общая стоимость оценивалась в 518 миллионов долларов. Другие ценности, предназначенные для оперативных нужд испанского правительства республиканцев с целью финансирования тайных операций, были нелегально вывезены из Испании во Францию, а оттуда доставлены в Москву — в качестве дипломатического груза.

Испанское золото в значительной мере покрыло советские расходы на военную и материальную помощь республиканцам в их войне с Франко и поддерживавших его Гитлером и Муссолини, а также для поддержки испанской эмиграции. Эти средства пригодились и для финансирования разведывательных операций накануне войны в Западной Европе в 1939 году.

Однако вопрос о золоте после разоблачений Орлова в 1953—1954 годах получил новое развитие. Испанское правительство Франко неоднократно поднимало вопрос о возмещении вывезенных ценностей. О судьбе золота моего отца и Эйтингона допрашивали работники разведки КГБ в 1950—1960 годах, когда они сидели в тюрьме. В итоге «наверху» было принято решение в 1960-е годы — компенсировать испанским властям утраченный в 1937 году золотой запас поставкой нефти в Испанию по клиринговым ценам.

Гражданская война в Испании в 1936—1939 годах породила обширную историческую, публицистическую и мемуарную литературу во многих странах мира, в том числе и в Советском Союзе. Главные аспекты испанской проблемы достаточно подробно и основательно исследованы историками и политологами. Воспоминаниями

о тех знаменательных событиях поделились некоторые видные советские государственные, политические и общественные деятели, а также военачальники, принимавшие непосредственное участие в сражениях и служившие советниками в республиканских вооруженных силах. И все же вряд ли можно считать эту тему исчерпанной. В частности, пока еще не была поднята из архивных хранилищ и не сделана достоянием широкой читательской общности информация о той работе, которая была проделана в Испании советской внешней разведкой.

Как известно, договоренность о взаимном признании и установлении дипломатических отношений была достигнута между республиканским руководством Испании и СССР еще в 1933 году. Но фактически полпредство СССР в Мадриде начало функционировать лишь в августе 1936 года, когда Испания уже была охвачена гражданской войной. В соответствии с межгосударственным соглашением Советский Союз взял на себя обязательство не только оказывать правительству Испании военную и военно-техническую помощь, но и направлять своих специалистов для работы «в качестве советников в высших штабах республиканской армии и в других учреждениях». Под последними обе стороны подразумевали прежде всего органы безопасности. В сентябре 1936 года с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР во исполнение официальной просьбы испанской стороны Народный комиссариат внутренних дел СССР учредил свое представительство при МВД Испании, которое в служебной переписке именовалось как резидентура. Этот орган возглавил уже известный читателю Александр Михайлович Орлов. Его заместителем стал Наум Маркович Белкин.

Главной обязанностью резидентуры, действовавшей под прикрытием советского полпредства, было обеспечение руководства СССР разведывательной и контрразведывательной информацией по всему спектру испанских проблем. Что же касается взаимодействия с испанским МВД, то здесь имелось в виду оказание испанским партнерам советнической и иной помощи в создании и организации деятельности их собственных органов государственной безопасности.

А. М. Орлов и Н. М. Белкин быстро наладили прямые контакты с испанским руководством: министром

обороны Прието, министрами внутренних дел и юстиции, с их заместителями, а также с руководящими работниками всех ступеней в службе безопасности (Сегуридад). За два с половиной военных года на этих постах перебивало немало деятелей, существенно различавшихся между собой по политическим убеждениям и пристрастиям, деловым и личным качествам. По-разному они относились к Советскому Союзу и оценивали его помощь, роль и значение в испанской эпопее. Но почти всех их отличали отсутствие или низкий уровень профессионализма и, как следствие, недооценка активной работы франкистских спецслужб и поддерживавших их иностранных разведок. Ощущалась также острая нехватка подготовленных, а главное — надежных местных кадров. В такой сложной и изменчивой политической и оперативной обстановке советским разведчикам приходилось повседневно решать многочисленные деликатные проблемы с испанскими коллегами и параллельно приобретать источники необходимой разведывательной и контрразведывательной информации.

Испанские республиканцы на конец 1936 года не предполагали каким-либо государственным органом, который даже с очень большой натяжкой можно было бы назвать внешней разведкой. Однако идея создания такого органа, родившаяся в МИД Испании, с готовностью была подхвачена советским резидентом и его заместителем. При их содействии уже в начале 1937 года заработала специальная информационная служба внешнеполитического ведомства с филиалами в ряде европейских столиц. Ее нарекли Дипломатическим кабинетом, поставив задачу «постепенно налаживать осведомление в разных странах, главным образом среди журналистов и дипломатов».

Уже через несколько месяцев из испанских зарубежных представительств стала поступать разнообразная политическая, экономическая и военная информация. Наибольшую важность представляли данные о наращивании военного потенциала Германией и Италией и об их военно-политических планах в Европе и в мире. Особенно результативно шла работа во Франции и Чехословакии. Добытыми сведениями вплоть до конца войны испанские друзья по-братски делились с советскими коллегами и наставниками.

Сотрудничество НКВД СССР с органами безопасности Испании выходило далеко за рамки контактов между их представителями в Мадриде, Валенсии и Барселоне. Актуальная информация о секретных планах Германии, Италии и других государств в отношении Испании, добывавшаяся советской разведкой в целом, использовалась для ориентирования испанского руководства. Проводились также различные оперативные мероприятия, направленные на облегчение испанским друзьям их борьбы против франкистов. Например, на территории Франции советские разведчики помогали испанцам в организации встреч с агентурой, работавшей на захваченной франкистами территории.

В соответствии с личной санкцией И. В. Сталина от 19 января 1937 года советские разведчики совместно с испанскими коллегами организовали переброску в Испанию нескольких сотен русских добровольцев-интернационалистов из Франции, Чехословакии, Болгарии и Югославии. Среди них преобладали русские эмигранты, в том числе и бывшие белогвардейцы, покинувшие Россию после 1917 года. Отбором кандидатов, их первичной проверкой, обучением и инструктажем занимались «Союзы за возвращение на родину», являвшиеся в упомянутых выше странах официально зарегистрированными общественными организациями. Этот контингент интербригадовцев с большой отдачей использовался в качестве руководителей и инструкторов военного дела в учебных центрах, старших в разведывательно-диверсионных группах, бойцов охраны важных объектов, а также военных переводчиков.

Большую работу по испанской линии провела во Франции нелегальная резидентура под руководством видного советского разведчика Я. И. Серебрянского. В августе—сентябре 1936 года с помощью агента Бернадета были закуплены 20 французских военных самолетов, включая несколько машин новейшей конструкции. Специально подобранные и подготовленные пилоты несколькими рейсами благополучно перегнали эту авиатехнику из Парижа в Барселону. Вся сложная и рискованная операция от начала до конца была сохранена в тайне от французских властей, а также от «всевидящего ока» германских и итальянских разведок, тесно сотрудничавших с франкистами.

Вот еще два факта. Группа агента Эрнст во Франции заминировала семь немецких транспортных кораблей, следовавших в Испанию с грузом оружия и боеприпасов для франкистов. После взрывов эти суда затонули в открытом море. Агент Ф., действовавший в одиночку в одном из европейских портов, выводил из строя двигатели германских транспортов, снаряженных к отплытию в Испанию, заливая в них ртуть.

После падения республиканского режима советские разведчики внесли посильный вклад в спасение от неминуемой физической расправы ряда испанских коллег и облегчили отчаянное положение, в котором оказалась часть бойцов и командиров интернациональных бригад.

Испанские республиканцы не унаследовали от прежнего политического режима учреждений, которые бы профессионально занимались вопросами обеспечения государственной безопасности. На первых порах они и не испытывали в них осознанной потребности, зачастую путая и смешивая обычную борьбу против криминальных и прочих антисоциальных элементов с пресечением подрывной деятельности и контршпионажем. После длительных и сложных дискуссий советским представителям удалось убедить местных руководителей в необходимости создания при МВД специализированного контрразведывательного отдела с филиалами в областных центрах и крупных городах. Наряду с этим в ускоренном темпе также формировалась и отлаживалась система контрразведывательного обслуживания штабов и соединений республиканской армии. В целях защиты интернациональных бригад от проникновения в их ряды агенты противника был образован особый отдел в городе Альбасете со своими низовыми структурами в воинских частях иностранных добровольцев. Важным и сугубо испанским по характеру звеном созданной контрразведывательной системы стало специализированное подразделение в рамках Сегуридад, получившее условное наименование «информационный отдел». Оно было наделено правом арестовывать и вести следствие. В качестве оперативной группы быстрого реагирования к нему был прикомандирован отряд из 100 вооруженных полицейских.

Уже в начале 1937 года эта совместная работа советских и испанских коллег начала приносить первые пло-

ды. В ряде городов были раскрыты и обезврежены подпольные франкистские организации «Единая Испания» и «Испанская фаланга», выявлена сеть германских и итальянских агентов в армии, на флоте и в полиции. Сведения об их подрывной работе использовались премьер-министром в обращении к народу, широко освещались в местной прессе.

В течение всего периода войны испанские контрразведчики вели ожесточенную и порой кровопролитную борьбу с агентурой франкистских спецслужб, получившей название «пятой колонны». Кстати, этот термин, рожденный во время испанской гражданской войны, прочно закрепился как нарицательное понятие и стал международным. Надо отметить, что и «пятиколонники», действовавшие в тылу республиканцев, были неплохо организованы, их операции отличались дерзостью и беспощадностью. Например, летом 1937 года в Картахене был подорван и затонул линейный корабль «Хаиме I» республиканских ВМС. 10 января 1938 года уничтожен склад артиллерийских боеприпасов, размещавшийся в подземном тоннеле Мадридского метрополитена. Взрыв огромной силы полностью разрушил объект, погибло 173 человека, в том числе все служащие и рабочие склада. Через несколько дней франкисты с ликованием сообщили по радио об этой диверсии, отметив, что ее осуществил их агент — секретарь канцелярии склада, «павший смертью храбрых при выполнении задания». На Центральном фронте была разоблачена подпольная организация врачей военных госпиталей, ампутировавших в массовом порядке конечности у раненых бойцов, и особенно офицеров, в тех случаях, когда подобное хирургическое вмешательство вовсе не вызывалось медицинской необходимостью.

Обыденным явлением стали снайперская стрельба «пятиколонников» с крыш домов по военнослужащим, сигнализация ракетами в ночное время при бомбежках франкистской авиацией советских судов, стоявших под разгрузкой в Картахене и Аликанте.

Показания многочисленных, своевременно обезвреженных пособников врага свидетельствовали, что «пятая колонна» располагала агентами в государственных учреждениях, военных структурах, политических партиях и профсоюзах. Именно поэтому франкисты немало знали

о положении в республиканском руководстве, о его военно-политических замыслах и планах.

Молодая испанская контрразведка, опираясь на советническую помощь советских представителей, порой наносила ощутимые удары по «пятой колонне», но так и не смогла полностью разгромить ее до конца войны. «Пятиколонники» сохранили в Мадриде свои подпольные склады оружия и военного снаряжения, типографию и радиостанцию. До вступления войск генерала Франко в столицу они заняли основные стратегические пункты города.

Работа советских представителей с испанскими партнерами способствовала обеспечению безопасности граждан СССР, число которых в Испании в то время достигало нескольких сотен. Порой речь шла об их жизни и смерти в самом прямом смысле слова. В частности, франкисты захватили экипажи двух потопленных ими советских теплоходов, а также взяли в плен четырех наших летчиков. Для их вызволения принимались меры, но они не давали положительных результатов даже при содействии Международного комитета Красного Креста, пока испанские друзья по просьбе резидентуры не предложили франкистам обменять советских заложников на группу агентов «пятой колонны», осужденных к расстрелу за шпионаж и ожидавших исполнения приговора.

В советской мемуарной литературе наиболее полное освещение получила практика применения в ходе испанской гражданской войны методов партизанских действий. Сама идея разведывательно-диверсионной деятельности во франкистском тылу пришла из Советского Союза и претворялась в жизнь испанскими партнерами при активной помощи и непосредственном участии сотрудников НКВД СССР. Воспоминания по этой теме, оставленные некоторыми «испанцами» той эпохи, теперь можно дополнить сведениями из архива российской внешней разведки.

Уже в конце 1936 года при республиканских органах безопасности была организована школа по подготовке командного состава разведывательно-диверсионных групп и отрядов для действий в тылу противника. Позднее были созданы еще три таких закрытых учебных заведения. Отбор испанцев и добровольцев других национальностей для обучения проводился довольно тщательно. Наиболь-

ший вклад в организацию работы по линии «Д» внесли сотрудники резидентуры Лев Петрович Василевский и военный разведчик Илья Григорьевич Старинов. Первый был старшим советником Особого отдела Мадридского фронта. После возвращения из Испании продолжал работу в советской внешней разведке. По выходе на пенсию посвятил себя литературному труду. В частности, его перу принадлежит увлекательная повесть о видном советском разведчике Г. С. Сыроежкине, который также был сотрудником резидентуры в Испании.

И. Г. Старинов не только преподавал в упомянутых школах курс технического обеспечения диверсионных подразделений, но и принимал непосредственное участие в изготовлении взрывных устройств и снаряжения специального назначения. Бойцы специальных групп и отрядов по праву считали его «соавтором» ряда операций, в результате осуществления которых франкисты лишились 22 железнодорожных эшелонов с боевой техникой и живой силой. Во время Великой Отечественной войны Старинов служил в Центральном штабе партизанского движения. В 70-х годах преподавал в Краснознаменном институте КГБ СССР. Стал кандидатом технических наук, профессором, подготовил более 40 научных работ. Среди специалистов хорошо известна его монография «Партизанская война».

Разведывательно-диверсионные подразделения вскоре действовали на всех фронтах. Они добывали ценную военную и военно-политическую информацию, захватывали «языков»; выводили из строя важные объекты, подрывали железнодорожные и шоссейные мосты, нарушали линии связи, уничтожали боевую технику и живую силу противника. В архивах сохранилось много отчетов о проведенных операциях. Вот, к примеру, выдержки из доклада резидента по этой теме в Центр от 9 декабря 1937 года:

«Проводимая в тылу «Д» работа привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов и значительным материальным убыткам и людским потерям. Беспрерывные и последовательные действия наших «Д» групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение «Д» действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об

этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи).

Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, непрерывно преследующий их страх перед «проделками красных динамитчиков», подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в «Д» работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».

Помимо НКВД работу по линии «Д» проводили также представители Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Они приступили к диверсионной деятельности несколько позже, и ее масштабы были меньшими. Осенью 1937 года испанское руководство по согласованию с советской стороной приняло решение об объединении всего «партизанского хозяйства» в рамках 14-го специального корпуса, находившегося в подчинении генштаба республиканских вооруженных сил. При этом институт советников НКВД и РУ ГШ Красной Армии сохранился. В конце 1938 года произошла новая реорганизация, осуществленная без учета критических замечаний советской стороны: разведывательно-диверсионные группы и отряды были переформированы в роты и приданы отдельным воинским соединениям по местам их дислокации на фронте. Это привело к распылению сил партизанских подразделений и к их использованию главным образом для решения задач в прифронтовой полосе. Операции по глубоким тылам, таким образом, отошли на второй план, а вскоре и прекратились вовсе. По времени эта реорганизация совпала с усилением в высших эшелонах политического руководства и военного командования Испании мнения против дальнейшего развертывания партизанской войны. Сто-

ронникам этой позиции удалось доказать необходимость «притормозить партизанщину», поскольку чем мощнее становились удары по тылам франкистов, тем ожесточеннее принимались ими контрмеры, приводившие к увеличению потерь в войсках и усилению репрессий в отношении мирного гражданского населения. Более того, некоторые деятели открыто заявляли о том, что подобный вид борьбы является инородным и никак не подходит для испанских условий. Они решительно противились созданию крупных отрядов для длительного использования в глубоком тылу, ограничиваясь санкционированием лишь непродолжительных рейдов малых групп в прифронтовой полосе.

Были и другие сложности в отношениях с испанскими партнерами, в основе которых лежали как объективные обстоятельства, так и сугубо личные ошибки и промахи советских инструкторов и советников. Например, существовал строгий запрет сотрудникам резидентуры принимать личное участие в боевых операциях в тылу противника. Тем не менее он достаточно часто нарушался, хотя о таких случаях, как правило, становилось известно после возвращения «провинившихся» из рейдов или их гибели. Хотя и очень редко, но имели место «проступки», об одном из которых резидент с возмущением докладывал в Центр 9 сентября 1937 года:

«Прекрасная квалификация К. П. Орловского известна, но политически он мало развит. Он сильно нас подвел: инструктируя перед операцией семнадцать немецких коммунистов, обещал им по сто песет на человека за удачно проведенное дело. Они, естественно, возмутились подкупом, и нам с трудом удалось загладить дело».

Как отмечено выше, советская внешняя разведка в Испании была представлена резидентурами НКВД и РУ ГШ Красной Армии. Они обменивались на месте добывавшейся военной и оперативной информацией, консультировались по возникавшим проблемам, координировали свои действия в вопросах, касавшихся поддержания отношений с испанскими коллегами. Заслуга в налаживании такого товарищеского взаимодействия принадлежит по праву А. М. Орлову и Н. М. Белкину (со стороны НКВД) и Яну Карловичу Берзину и Григорию Михайловичу Штерну, которые были первыми главными военными советниками. Архивные документы и вос-

поминания многих «испанцев» свидетельствуют, что именно эта четверка проявляла искреннюю и принципиальную заинтересованность в деловом сотрудничестве, в создании благотворной обстановки для проведения совместных оперативных мероприятий. Так, в декабре 1937 года на территории, контролировавшейся республиканцами, совершил вынужденную посадку слегка поврежденный германский скоростной бомбардировщик «Хейнкель-111». В ходе сложных и длительных переговоров с испанцами удалось убедить премьер-министра Негрина и министра обороны Прието передать этот самолет Советскому Союзу. Его разобрали на части, упаковали в ящики и морем отправили в СССР.

Никак нельзя сказать, что отношения советских разведчиков с испанскими партнерами всегда были беспроблемными и безоблачными. Прежде всего на них порой сказывалось неблагоприятное воздействие той политической и идеологической неоднородности, которая была свойственна в целом испанскому республиканскому руководству, в частности Народному фронту. В своем сообщении в Центр еще от 29 декабря 1936 года резидент, например, отмечал: «Советы, которые мы даем центральному аппарату госбезопасности, и вся наша помощь в виде инструктирования и оперативного руководства на места пока не доходят. Там политическими партиями создаются свои органы контрразведки, ими руководят местные комитеты Народного фронта».

22 апреля 1937 года он вновь касается этой темы: «Борьба с контрреволюцией и шпионажем оперативно повысилась, но зато крайне затруднилась политически. Каждая партия считает своим долгом защищать шпионов, состоящих ее членами, стараясь таким образом обелить себя».

Особенно рьяно проявляли себя в этом плане анархисты и троцкисты. Имел место такой случай: один из руководителей мадридской полиции добыл неопровержимые доказательства того, что его подчиненный является франкистским агентом, похитившим шифрдокументы штаба Мадридского фронта. Поскольку предатель состоял в партии анархистов, те горой встали на его защиту и сделали все, чтобы он избежал заслуженного наказания. Более того, в своих газетах анархисты поместили фото его разоблачителя с призывом: «Умейте запоминать лица провокаторов!»

Трудности в отношениях с испанскими партнерами возникали также из-за некомпетентности и безответственности некоторых руководящих работников местных спецслужб. С помощью резидентуры, например, был отлажен порядок регулярного информирования министра внутренних дел в виде секретных сводок и бюллетеней Сегуридад. В одном из таких документов было доложено о раскрытии в Валенсии крупной подпольной группы франкистов и об оперативных мероприятиях, которые предлагалось осуществить по ее обезвреживанию. Какой же шок пережили испанские контрразведчики и их советские коллеги, когда их доклад был опубликован в печати по указанию самого министра! Свой рапорт в Центр об этом чрезвычайном происшествии резидент заканчивал горькими словами: «В результате намеченная операция была провалена. И министру внутренних дел прошло это безнаказанно. Таковы здесь нравы...»

К сожалению, осложнения возникали и по причине отдельных непродуманных действий советской стороны. Так, в спецсообщении НКВД по испанским делам от 27 марта 1937 года на имя И. В. Сталина утверждалось: «Работники нашей резидентуры принимают непосредственное участие в допросах наиболее видных шпионов — немцев и итальянцев, санкция против которых уже предreshена». Как видно, такой образ действий признавался нормальным. Однако подобное вмешательство не могло не вызывать недовольства сотрудников испанских следственных органов. Осознание этого пришло только через некоторое время, и подобная практика была прекращена.

Бывали у разведчиков промахи и в точности информирования Центра и испанских руководителей. Например, однажды поздним вечером от сотрудника резидентуры в городе Альбасете поступило сообщение о том, что на местном аэродроме совершена крупная диверсия. Не проверив достоверность этих сведений, заместитель резидента направил телеграмму в Москву, а там на ее основе составили спецсообщение на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова. В Валенсии был поднят с постели министр обороны Прието, по приказу которого в район ЧП срочно перебросили на грузовиках полицейский отряд для проведения поиска и задержания диверсантов. Вскоре выяснилось, что никакого ЧП не было, а произошел всего лишь изолирован-

ный взрыв нескольких старых артиллерийских снарядов в одном из складских помещений. Этот случай привел Прието в ярость и никак не улучшил его отношения к советским коллегам. Такие происшествия очень болезненно переживались коллективом резидентуры и оценивались самокритично. В частности, в отчете о работе за 1938 год Наум Исаакович Эйтингон, сменивший А. М. Орлова на посту резидента, писал: «Считаю, что нужно раз и навсегда покончить с очковтирательством и научить наших работников сообщать Вам вещи, как они есть в действительности. Еще раз подчеркиваю, как опасно вместо дела фантазировать».

В служебной библиотеке СВР России в Ясеневе хранится уникальная книга — «Шпионаж в Испании», выпущенная в Барселоне издательством «Единство» в 1938 году, и ее перевод на русском языке, но под иным заголовком — «Испанские троцкисты на службе Франко». Ее автор Макс Ригер называет себя членом Социалистической партии, рядовым бойцом, а затем командиром пулеметной роты интернациональной бригады. По его словам, он пятнадцать месяцев воевал на фронте, а этой публикацией намерен «дать читателю человеческую правду о героической борьбе испанского народа и с официальными документами в руках разоблачить его предателей на территории самой республики». Надо отдать должное автору: в его книге собран большой фактический материал, главным образом о неблагоприятной деятельности испанских троцкистов (Объединенной марксистской рабочей партии — ПОУМ), который и в наши дни представляет историческую ценность.

Видимо, читатель того времени не мог не задаться вопросом о том, как рядовому интербригадовцу, почти постоянно находившемуся на переднем крае фронта, удалось собрать такие, по сути своей секретные, данные, обработать их и связно изложить. Возник он и у исследователей наших дней, а ответ был найден в архивных документах разведки: материалы для упомянутой книги собрал А. М. Орлов. Их литературная обработка принадлежит перу профессионального журналиста, доверенного лица резидентуры. Само же издание являлось одним из активных мероприятий советской разведки против международного троцкизма.

Гражданская война в Испании совпала по времени с разгаром широкой кампании борьбы с троцкизмом в Со-

ветском Союзе и в международном коммунистическом движении. Вполне логично, что работа против «заграничных» сторонников этого течения входила в перечень задач, стоявших перед советской внешней разведкой вообще и испанской резидентурой в частности. И надо признать, что деятельность немногочисленной, но активной и агрессивной ПОУМ объективно создавала для этого немало оснований и поводов. Многочисленные факты свидетельствуют, что троцкисты открыто позволяли себе требовать разгона парламента и свержения правительства Народного фронта, допускали нападки на премьер-министра: «Франко — фашист. Фашистом является и Негрин». В их арсенале были широко представлены такие методы, как распространение провокационных слухов, поддержка пораженческих настроений и саботирование формирования регулярной армии. Особенно озлобленно относились троцкисты ко всему, что было связано с Советским Союзом. Их печатные органы постоянно держали пальму первенства во всех антисоветских кампаниях тех лет. Вот, например, тексты их листовок:

«Испанские рабочие! Не доверяйте помощи СССР. Задумайтесь хорошенько над подлинными целями этих новоявленных «друзей»;

«Долой вмешательство в испанские дела со стороны Германии, Италии и СССР! Все они торгуют нашим народом!».

Руководители республиканского правительства и Народного фронта почти не обращали внимания на подобные выходки, мотивируя свою пассивность тем, что ПОУМ является малочисленной организацией, не имевшей широкой социальной базы. Тревогу высказывала лишь Компартия Испании. Но ее активистам обычно возражали: КПИ и ПОУМ — коммунистические организации, вот и разбирайтесь сами в своих раздорах. А закончилось такое попустительство в мае 1937 года антигосударственным кровавым мятежом в Барселоне, вдохновителями и организаторами которого были троцкисты и анархисты. В течение трех дней правительственные войска вели в столице Каталонии тяжелые бои с мятежниками. Погибло около тысячи человек, раненых насчитывалось почти 3 тысячи человек. Только после этого 16 июня по приказу министра внутренних дел был арестован почти весь состав ЦК ПОУМ во главе с Андреасом Нином. Началось следствие. Партия не была объ-

явлена вне закона, но ее партийные комитеты и органы печати были закрыты, архивы изъяты и опечатаны. В сентябре 1937 года органы безопасности захватили франкистского резидента и вскрыли его разветвленную агентурную сеть, состоявшую также и из членов ПОУМ. Было проведено несколько затяжных судебных процессов, но обвиняемые получили почти символические наказания. Главный же результат всех этих мероприятий состоял в том, что ПОУМ перестала существовать как политическая организация еще до окончания гражданской войны.

Стоит упомянуть и еще об одной деликатной стороне советско-испанского сотрудничества по линии спецслужб. Когда Советский Союз начал оказывать республиканской Испании широкую и разностороннюю помощь, советские средства массовой информации стали сообщать ежедневно о ходе военных действий в этой стране, о многих внутренних и международных аспектах испанской проблемы под специфическим углом зрения. Упоминались прежде всего имена лидеров испанских коммунистов: Долорес Ибаррури, Хосе Диаса. И у людей не могло не сложиться впечатление, что именно КПИ является единственной ведущей политической силой, основным вдохновителем и организатором всенародного сопротивления франкистам. В действительности же дело обстояло не совсем так. Ни в коем случае нельзя преуменьшать поистине героических заслуг коммунистов, их последовательности в борьбе с фашистами, патриотизма и самоотверженности, однако их роль в системе многопартийного Народного фронта, степень влияния на государственные дела советской стороной неоправданно преувеличивались и переоценивались. Естественно, все ведомства, в том числе и внешняя разведка, были обязаны строго и неукоснительно придерживаться линии, заданной руководством ВКП(б), и ориентироваться на КПИ.

В начальный период войны крупные политические партии Народного фронта создавали собственные разведывательные и контрразведывательные службы, а также целые охранные военизированные подразделения. В докладе в Центр от 10 января 1937 года резидент, в частности, отмечал, что коммунистам оказывается содействие в организации собственных разведки и контрразведки и что эта работа рассматривается как приоритетная. Ра-

ботники резидентуры руководили бригадой охраны членов политбюро ЦК КПИ, хотя официально это не входило в круг их обязанностей в соответствии с испано-советскими соглашениями и договоренностями по межгосударственной линии. Специальные сообщения о действиях разведывательно-диверсионных групп и отрядов во франкистском тылу, составлявшиеся по данным советских инструкторов и советников, направлялись лично премьер-министру, министру обороны и... в военную комиссию ЦК КПИ, которую никак невозможно было причислить к органу системы испанского государственного аппарата.

Используя свои возможности и личный авторитет, советские инструкторы и советники в соответствии с установкой своего руководства стремились продвигать и закреплять на ключевых постах в местных спецслужбах прежде всего членов компартии. Встречи руководителей и сотрудников резидентуры с видными деятелями КПИ проводились, как правило, без соблюдения элементарных требований конспирации, о них знали, пожалуй, все, кого это могло интересовать. Такая демонстрация «особых» отношений с компартией не могла не раздражать других высших испанских руководителей и вызывала их соответствующее противодействие. К июлю 1937 года «медовый месяц» (по словам А. М. Орлова) дружбы социалистов и коммунистов закончился. Коммунистов стали изгонять из важных государственных учреждений, включая правоохранительные органы. Все это, а также ухудшение положения на фронте с каждым днем все более отрицательно и болезненно сказывалось на состоянии взаимодействия с испанскими партнерами.

Чтобы максимально объективно судить о работе советских разведчиков в Испании, надо помнить и принимать во внимание и то, что они действовали в условиях, когда на родине проводились массовые необоснованные репрессии, судили и физически уничтожали «врагов народа», разоблачали «шпионов» иностранных государств, клеймили «отщепенцев», «уклонистов» и т.д., и т.п. Эта информация доходила в Испанию не только официальным путем. Люди нервничали, выбивались из колеи, находились порой в состоянии глубокой депрессии. Вот несколько таких житейских ситуаций.

Семьям группы военных советников вдруг без объяснения причин перестали выплачивать положенное денежное содержание. Оказалось, что эти командиры попали под подозрение, так как перед отъездом в Испанию их принимал и напутствовал М. Н. Тухачевский. Специалист, работавший директором военного завода в Барселоне, окольными путями узнал, что в Москве арестована его жена.

В резидентуру поступили из Центра указания взять в «разработку» стенографистку торгпредства Т., поскольку она ранее якобы поддерживала дружеские отношения с М. Н. Тухачевским, установить наблюдение за сотрудником резидентуры, который был знаком в прошлом с арестованным троцкистом. Предлагалось также взять под контроль интербригадовца польского генерала Кароля Сверчевского из-за того, что у него якобы «нездоровое настроение» в связи с арестом в Москве трех представителей польской секции Исполкома Коминтерна по обвинению в шпионаже. И резидент докладывал:

«У руководителя группы польских интернационалистов — озлобленное, вражеское настроение. Он открыто высказывает сомнение в правдоподобности выдвинутых против арестованных обвинений. Этих людей он знает в течение двадцати лет и не верит, что они могут являться «врагами народа».

Топор Ежова основательно прошелся и по сотрудникам резидентуры, возвратившимся на родину по завершении командировки. Некоторые не стали дожидаться препровождения в застенки. В частности, на отчете Инны Натановны Беленькой о ее работе в Испании имеется пометка, сделанная в 1938 году: «Подлежала аресту. Не была арестована, т. к. покончила жизнь самоубийством». Эта отважная разведчица была многие годы на нелегальной работе в Германии, Австрии и Китае. В Испании вела агентурную работу, оказывала помощь испанским коллегам в следственных мероприятиях. Отличалась принципиальностью, независимым характером и прямой суждений.

После бегства из Испании советского резидента А. М. Орлова исполняющим обязанности руководителя загранаппарата в Испании назначили Наума Исааковича Эйтингона.

Приняв руководство резидентурой в критический для нее период, Н. И. Эйтингон обеспечил решение ос-

новых оперативных проблем, которые все множились и множились. В целом загранаппарат продолжал функционировать более или менее нормально, хотя после бегства Орлова сохранялась нервозность, тормозившая инициативу и завершение ранее начатых дел. Не удалось избежать и крупных издержек. В частности, было прекращено осуществление плана создания глубоко законспирированного агентурного резерва на перспективу в преддверии зримо надвигавшейся войны СССР с гитлеровской Германией. Этот проект получил кодовое название «Новый набор». Его суть состояла в следующем: подобрать из бойцов интернациональных бригад около семидесяти человек, имевших опыт подпольной работы и доказавших свою надежность и верность в боевой обстановке, обучить их надлежащим образом в специальной школе под Барселоной, а затем разослать в различные страны (главным образом европейские) в качестве нелегалов на оседание как задел разведки на военное время.

К лету 1938 года эта работа шла полным ходом, но в ноябре того же года ей был положен конец на том основании, что к ней имели причастность такие «враги народа», как А. М. Орлов, руководители внешней разведки И. З. Пассов и С. М. Шпигельглас. Двое последних были расстреляны. Санкционировал закрытие «Нового набора» 23 ноября 1938 года заместитель наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия. А ведь в годы Великой Отечественной войны такой резерв советской внешней разведке, видимо, очень бы пригодился.

С середины 1938 года взаимодействие советской внешней разведки с испанскими партнерами стало постепенно свертываться. На какое-то время функции посредника между МВД Испании и резидентурой взял на себя премьер Негрин, перепоручивший конкретные контакты своему сыну. С приближением линии фронта к Барселоне приходилось отправлять в массовом порядке высвобождавшихся инструкторов и советников, а также оказывать содействие эвакуации работников других советских учреждений. По поручению из Москвы была осуществлена конспиративная переброска в СССР большой группы руководящих деятелей КПП и принадлежавших партии материальных ценностей. Во всех этих мероприятиях неоценимым было участие парижской резидентуры.

С января 1939 года советские разведчики продолжали выполнять свой долг фактически во фронтовых условиях. Радиостанция резидентуры была перенесена из Барселоны в дальний пригород, а потом и в открытое поле. Но благодаря личному мужеству, высокому мастерству и самоотверженности радиста Николая Ильича Липовки надежная связь с Центром была бесперебойной. Этот скромный сотрудник позднее, в 40-х годах, дважды выезжал за рубеж и до ухода на пенсию работал в центральном аппарате разведки.

В феврале 1939 года резидентура советской внешней разведки в Испании прекратила свое существование. Можно по-разному оценивать ее усилия и их результаты в тот период, но нельзя не воздать должное «разведчикам-испанцам», как они с гордостью сами себя называли. Это были профессионалы высокого класса, каждый из них оставил свой след в истории отечественной разведывательной службы. Теперь их нет с нами, но остались их отчеты, письма, другие документы, воспоминания ветеранов, знавших их лично. Они принадлежат истории. Вечная им память.

Бесспорно и другое. Интервенция гитлеровцев и итальянских фашистов в Испании была преддверием второй мировой войны в Европе. Поединок советских разведчиков и контрразведчиков имел международное значение, выходявшее далеко за пределы Испании. Отсюда — особая острота и трагизм испанских событий, внимание к истории противоборства секретных служб на Пиренейском полуострове, не ослабевающее до последнего времени.

Глава 12

ЛИКВИДАЦИЯ ТРОЦКОГО

В замысле операции по ликвидации Старика, как называли в НКВД Троцкого, пожалуй, решающее значение имела встреча моего отца со Сталиным. Я хотел бы остановиться на этом эпизоде подробно, воспользовавшись его записями.

«В один из мартовских дней 1939 года, — пишет мой отец, — меня вызвали в кабинет Берия, и неожиданно для

себя я услышал упрек, что последние два месяца я бездельничая. При этом Берия не посчитал нужным как-либо прокомментировать свое заявление и приказал сопровождать его на важную, по его словам, встречу. Я полагал, что речь идет о встрече с одним из агентов, которого он лично курировал, на конспиративной квартире. В сентябре 1938 года я дважды сопровождал его на подобные мероприятия. Между тем машина доставила нас в Кремль, куда мы въехали через Спасские ворота. Шофер остановил машину в тупике возле Ивановской площади. Тут я внезапно осознал, что меня примет Сталин.

Вход в здание Кремля, где работал Сталин, был мне знаком по прошлым встречам с ним. Мы поднялись по лестнице на второй этаж и пошли по длинному безлюдному коридору, устланному красным ковром, мимо кабинетов с высокими дверями, какие бывают в музеях. Нас с Берия пропустил тот же офицер охраны, который дежурил и тогда, когда меня приводил сюда Ежов. Сейчас он приветствовал уже не Ежова, а Берия: «Здравия желаю, товарищ Берия!»

Берия открыл дверь, и мы вошли в приемную таких огромных размеров, что стоявшие там три письменных стола выглядели совсем крошечными. В приемной находились трое: двое в кителях того же покроя, что и у Сталина, и один в военной форме. Берия приветствовал невысокий, казавшийся с виду коренастым, человек в зеленом кителе, голос которого звучал тихо и бесстрастно. (Уже потом я узнал, что это был Поскребышев, начальник секретариата Сталина.) Мне показалось, что в этой комнате было правилом полное отсутствие внешних проявлений каких бы то ни было эмоций. И действительно, таков был неписанный и раз навсегда утвержденный Сталиным и Молотовым порядок в этом здании. Поскребышев ввел нас в кабинет Сталина и затем бесшумно закрыл за нами дверь.

В этот момент я испытывал те же чувства, что и в прежние встречи со Сталиным: волнение, смешанное с напряженным ожиданием, и охватывающий всего тебя восторг. Мне казалось, что биение моего сердца могут услышать окружающие. При нашем появлении Сталин поднялся из-за стола. Стоя посередине кабинета, мы обменялись рукопожатиями, и он жестом пригласил нас сесть за длинный стол, покрытый зеленым сукном. Рабочий стол самого Сталина находился совсем рядом в углу кабинета. Краем глаза я успел заметить, что все папки на его столе разложены в идеальном порядке,

над письменным столом — портрет Ленина, а на другой стене — Маркса и Энгельса. Все в кабинете выглядело так же, как в прошлый раз, когда я здесь был. Но сам Сталин казался другим: внимательным, спокойным и сосредоточенным. Слушая собеседника, он словно обдумывал каждое сказанное ему слово, похоже имевшее для него особое значение. И собеседнику просто не могло прийти в голову, что этот человек мог быть неискренним.

Было ли так на самом деле? Не уверен. Но Берия Сталин действительно выслушал с большим вниманием.

— Товарищ Сталин, — обратился тот к нему, — по указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство. Мы вносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД, с тем чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органы, справиться с выполнением заданий правительства.

Сталин нахмурился. Он по-прежнему продолжал держать трубку в руке, не раскуривая ее. Затем чиркнул спичкой (жест, знакомый всем, кто смотрел хоть один журнал кинохроники) и пододвинул к себе пепельницу. Он ни словом не обмолвился о моем назначении, но попросил Берия вкратце рассказать о главных направлениях разведывательных операций за рубежом. Пока Берия говорил, Сталин встал из-за стола и начал мерить шагами кабинет, он двигался медленно и совершенно неслышно в своих мягких кавказских сапогах. Хотя Сталин ходил не останавливаясь, мне казалось, он не ослабил свое внимание, наоборот, стал более сосредоточен. Его замечания отличались некоторой жесткостью, которую он и не думал скрывать. Подобная резкость по отношению к людям, приглашенным на прием, была самой, пожалуй, типичной чертой в его поведении, составляя несотъемлемую часть личности Сталина — такую же, как оспины на его лице, придававшие ему суровый вид.

По словам Берия, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Ее основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Гораздо большую роль, считал он, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения

наших целей во внешней политике. Таких людей следовало искать среди деятелей либерального движения, терпимо относящихся к коммунистам. Между тем, по мнению Берия, «левое» движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил тогда Деканозов.

Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого. Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин: — В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельгласу, однако тот провалил это важное правительственное задание. Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, — продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике. Сталин явно предпочитал

обтекаемые слова вроде «акция» (вместо «ликвидация»), заметив при этом, что в случае успеха акции «партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей».

Когда я попытался возразить, что не вполне подхожу для выполнения этого задания в Мексике, поскольку совершенно не владею испанским языком, Сталин никак не прореагировал. Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в гражданской войне в Испании.

— Это ваша обязанность и партийный долг находить и отбирать подходящих и надежных людей, чтобы справиться с поручением партии. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берия, и никому больше, но помните: вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде.

Аудиенция закончилась, мы попрощались и вышли из кабинета. После встречи со Сталиным я был немедленно назначен заместителем начальника разведки. Мне был выделен кабинет на седьмом этаже главного здания Лубянки под номером 755 — когда-то его занимал Шпигельглас.

На следующий день, как только я пришел в свой новый кабинет, мне позвонил из дома Эйтингон, недавно вернувшийся из Франции.

— Павлуша, я уже десять дней как в Москве, ничего не делаю. Оперативный отдел установил за мной постоянную слежку. Уверен, мой телефон прослушивается. Ты ведь знаешь, как я работал. Пожалуйста, доложи своему начальству: если они хотят арестовать меня, пусть сразу это и делают, а не устраивают детские игры.

Я ответил Эйтингону, что первый день на руководящей должности и ни о каких планах насчет его ареста мне неизвестно. Тут же я предложил ему прийти ко мне, затем позвонил Меркулову и доложил о состоявшемся разговоре. Тот, засмеявшись, сказал:

— Эти идиоты берут Эйтингона и его группу под наружное наблюдение, а не понимают, что имеют дело с профессионалами.

Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон — подходящая кан-

дидатура для известного мне дела, к концу дня он ждет нас обоих с предложениями».

Отец рассказал Эйтингону о замысле операции в Мексике. Ему отводилась в ней ведущая роль. Он согласился без малейших колебаний. Эйтингон был идеальной фигурой для того, чтобы возглавить специальную нелегальную резидентуру в США и Мексике. Подобраться к Троцкому можно было только через нашу агентуру, осевшую в Мексике после окончания войны в Испании. Никто лучше его не знал этих людей. Приказ о ликвидации Троцкого не удивил его — уже больше десяти лет ОГПУ—НКВД вели против Троцкого и его организации настоящую войну.

Вынужденный покинуть Советский Союз в 1929 году, Троцкий сменил несколько стран (Турцию, Норвегию и Францию), прежде чем обосновался в 1937 году в Мексике. Еще до своей высылки он, по существу, проиграл Сталину в борьбе за власть и, находясь в изгнании, прилагал немалые усилия для того, чтобы расколоть, а затем возглавить мировое коммунистическое движение, вызывая брожение в рядах коммунистов, ослабляя позицию СССР в Западной Европе и в особенности в Германии в начале 30-х годов.

По предложению Эйтингона операция против Троцкого была названа «Утка». В этом кодовом названии слово «утка», естественно, употреблялось в значении «дезинформация»: когда говорят, что «полетели утки», имеется в виду публикация ложных сведений в прессе.

Эйтингон знал нашу агентурную сеть в Соединенных Штатах и Западной Европе, так что был в состоянии реально представить, на кого из агентов можно с уверенностью положиться. Но Марию де Лас Эрас, лучшего агента Патрию, которую НКВД сумел внедрить в секретариат Троцкого еще во время его пребывания в Норвегии и которая была с ним в Мексике, необходимо было отозвать. Ее планировал использовать Шпигельглас в 1937—1938 годах, но бегство Орлова, знавшего ее достаточно хорошо, разрушило этот план. Отец, как руководитель операции, да и Эйтингон не могли рисковать этим агентом. Ее они вывели из игры и оказались правы. Не исключая, что вынужденный временный отказ от боевой операции в Мексике обусловил трагическую участь Шпигельгласа. Он слишком много знал и перестал быть нужным.

Судьба же Марии де Лас Эрас оказалась легендарной. Во время Великой Отечественной войны ее забросили на парашюте в тыл к немцам, где она сражалась в партизанском отряде Героя Советского Союза Медведева. После войны она активно работала в агентурной сети КГБ в Латинской Америке, выполняла обязанности радиста. В общей сложности Мария де Лас Эрас была нелегалом более двух десятков лет. В СССР она возвратилась только в 70-х годах, имея за плечами огромный жизненный опыт, в звании полковника, а умерла в 1988 году.

Через два месяца после своего бегства в Америку Александр Орлов написал анонимное письмо Троцкому, предупреждая о том, что разрабатываются планы покушения на него и осуществлять эту акцию будут люди из его окружения, приехавшие из Испании. В то время советская разведка не знала о письме Орлова с таким предостережением, но вполне допускала, что Орлов может пойти на подобную акцию.

Первоначальный план состоял в том, чтобы использовать завербованную Эйтингоном агентуру среди троцкистов в Западной Европе и в особенности в Испании. Эйтингон, в частности, лично завербовал лидеров испанских троцкистов братьев Руан. У него на связи находились симпатизировавшие Троцкому бывшие анархисты, министры республиканского правительства Испании Гаодосио Оливеро и Фредерико Амундсени. Однако Эйтингон настоял на том, чтобы использовать тех агентов в Западной Европе, Латинской Америке и США, которые никогда не участвовали ни в каких операциях против Троцкого и его сторонников. В соответствии с его планом необходимо было создать две самостоятельные группы. Первая группа «Конь» под началом Давида Альфаро Сикейроса, мексиканского художника, лично известного Сталину, ветерана гражданской войны в Испании. Он переехал в Мексику и стал одним из организаторов Мексиканской компартии. Вторая — так называемая группа «Мать» под руководством Каридад Меркадер. Среди ее богатых предков был вице-губернатор Кубы, а ее прадед являлся испанским послом в России. Каридад ушла от своего мужа, испанского железнодорожного магната, к анархистам и бежала в Париж с четырьмя детьми в начале 30-х годов. На жизнь ей прихо-

дилось зарабатывать вязанием. Когда в 1936 году в Испании началась гражданская война, она вернулась в Барселону, вступила в ряды анархистов и была тяжело ранена в живот во время воздушного налета. Старший сын Каридад погиб, а средний, Рамон, воевал в партизанском отряде. Младший сын Луис приехал в Москву в 1939 году вместе с другими детьми испанских республиканцев, бежавших от Франко, дочь оставалась в Париже.

Мой отец впервые встретился с Рамоном Меркадером дель Рио во время своего пребывания в Барселоне. Он вспоминал, что Рамон был тогда совсем молодым лейтенантом, только что возвратившимся после выполнения партизанского задания в тылу франкистов. Обаятельный молодой человек — в ту пору ему исполнилось всего двадцать лет. Его старший брат героически погиб в бою: обвязав себя гранатами, он бросился под немецкий танк, прорвавшийся к позициям республиканцев. Их мать Каридад также пользовалась большим уважением в партизанском подполье республиканцев, показывая чудеса храбрости в боевых операциях. Тогда отец не мог и подозревать, какое будущее уготовано Меркадеру: ведь ему было суждено ликвидировать Троцкого, причем операцией этой должен был руководить именно мой отец.

Поскольку Рамон был абсолютно неизвестен среди троцкистов, Эйтингон, в то время все еще находившийся в Испании, решил послать его летом 1938 года из Барселоны в Париж под видом молодого бизнесмена, искателя приключений и прожигателя жизни, который время от времени материально поддерживал бы политических экстремистов из-за своего враждебного отношения к любым властям.

К 1938 году Рамон и его мать Каридад, оба жившие в Париже, приняли на себя обязательства по сотрудничеству с советской разведкой. В сентябре Рамон по наводке братьев Руан познакомился с Сильвией Агеллофф, находившейся тогда в Париже, и супругами Розмер, дружившими с семьей Троцкого. Следуя инструкциям Эйтингона, он воздерживался от любой политической деятельности. Его роль заключалась в том, чтобы иногда помогать друзьям и тем, кому он симпатизировал, деньгами, но не вмешиваться в политику. Он не заинтересо-

вался делами этих людей и отвергал предложения присоединиться к их движению.

Был у нас и еще один важный агент под кодовой кличкой Гарри — англичанин Моррисон, не известный ни Орлову, ни Шпигельгласу. Гарри работал по линии Особой группы Серебрянского и сыграл ключевую роль в похищении в декабре 1937 года архивов Троцкого в Европе. По подсказке моего отца этот архив был затребован Дмитрием Волкогоновым и использован им в его книге «Троцкий», вышедшей в 1992 году. Гарри также имел прочные связи в седьмом округе управления полиции Парижа. Это помогло ему раздобыть подлинные печати и бланки французской полиции и жандармерии для подделки паспортов и видов на жительство, позволявших советским агентам оседать во Франции.

Эйтингон считал, что его агенты должны действовать совершенно независимо от местных резидентур в США и Мексике. Отец с ним согласился, но предупредил, что невозможно перебазировать всех нужных людей из Западной Европы в Америку, полагаясь лишь на обычные источники финансирования. По тем временам для перебазирования и оснащения групп необходимо было иметь не менее трехсот тысяч долларов. Для создания надежного прикрытия Эйтингон предложил использовать в операции свои личные семейные связи в США. Отец и Эйтингон изложили все свои соображения Берия, подчеркнув, что в окружении Троцкого нет никого, кто имел бы на него прямой выход. Они не исключали, что его резиденцию придется брать штурмом. Раздосадованный отзывом агента Патрии из окружения Троцкого, согласившись на использование личных связей Эйтингона, Берия неожиданно предложил использовать связи Орлова, для чего нужно обратиться к нему от его имени. Орлов был известен Берия еще по Грузии, где командовал пограничным отрядом в 1921 году. Эйтингон решительно возражал, и не только по личным мотивам: в Испании у него с Орловым были натянутые отношения. Он считал, что Орлов, будучи профессионалом, участвовавшим в ликвидациих перебежчиков, наверняка не поверит, независимо от чьего имени к нему обратятся. Более того, заметив слежку или любые попытки выйти на него, он может поставить под удар всю операцию. Скрепя сердце Берия вынужден был с согла-

ситься. В результате приказ его гласил: оставить Орлова в покое и не искать никаких связей с ним.

Берия был весьма озабочен тем, как использовать свои старые личные связи в оперативных делах. По линии жены Нины у него были два знаменитых родственника Гегечкори: один — убежденный большевик, его именем назвали район в Грузии, другой, живший в изгнании в Париже, — министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии. Позднее это явилось основанием для обвинения, сфабрикованного против Берия, в том, что он через свою родню связан с империалистическими разведками. Советская резидентура во Франции была буквально завалена его директивами по разработке грузинской эмиграции, в особенности меньшевиков, правительство которых в изгнании находилось в Париже.

Берия, однако, понял, что действительно понадобится новая агентурная сеть, которая исключила бы возможность предательства. Он распорядился, чтобы отец и Эйтингон начали действовать, не беспокоясь о финансовой стороне дела. После того как будет сформирована группа, он хотел добавить в нее нескольких агентов, известных ему лично.

Берия распорядился, чтобы и мой отец отправился вместе с Эйтингоном в Париж для оценки группы, направляемой в Мексику. В июне 1939 года Георг Миллер, австрийский эмигрант, занимавший пост начальника отделения «паспортной техники», снабдил их фальшивыми документами. Из Москвы они отправились в Одессу, а оттуда морем в Афины, где сменили документы и на другом судне отплыли в Марсель. До Парижа добрались поездом.

Там отец встретился с Рамоном и Каридад Меркадер, а затем, отдельно, с членами группы Сикейроса. Эти две группы не общались и не знали о существовании друг друга. Отец нашел, что они достаточно надежны, и узнал, что еще важнее, — они участвовали в диверсионных операциях за линией фронта у Франко. Этот опыт наверняка должен был помочь им в акции против Троцкого. Только после этого он предложил, чтобы Эйтингон в течение месяца оставался с Каридад и Рамоном, познакомил их с основами агентурной работы. Они не обладали знаниями в таких элементарных вещах, как методы разработки источника, вербовка агентуры, об-

наружение слежки или изменение внешности. Эти знания были им необходимы, чтобы избежать ловушек контрразведывательной службы небольшой группы троцкистов в Мексике, но задержка чуть не стала фатальной для Эйтингона.

Отец вернулся в Москву в конце или середине июля, а в августе 1939 года Каридад и Рамон отплыли из Гавра в Нью-Йорк. Эйтингон должен был вскоре последовать за ними, но к тому времени польский паспорт, по которому он прибыл в Париж, стал опасным документом. После немецкого вторжения в Польшу, положившего начало второй мировой войне, его собирались мобилизовать во французскую армию как польского беженца или же интернировать в качестве подозрительного иностранца. В это же время были введены новые, более жесткие ограничения на зарубежные поездки для поляков, так что Эйтингону срочно пришлось уйти в подполье.

Мой отец вспоминал, что возвратился в Москву, проклиная себя за задержку, вызванную подготовкой агентов, но, очевидно, у него не было другого выхода:

«Мы проинструктировали нашего резидента в Париже Василевского (кодовое имя Тарасов), работавшего Генеральным консулом, сделать все возможное, чтобы обеспечить Тома (так Эйтингон проходил по оперативной переписке) соответствующими документами для поездки в Америку. Василевскому потребовался почти месяц, чтобы выполнить это задание. Пока суд да дело, он поместил Эйтингона в психиатрическую больницу, главным врачом которой был русский эмигрант. По моему указанию Василевский использовал связи Моррисона, чтобы раздобыть Тому поддельный французский вид на жительство. Теперь Том стал сирийским евреем, страдающим психическим расстройством. Естественно, он был непригоден к военной службе, а документ давал ему возможность находиться во Франции и мог быть использован для получения заграничного паспорта. Василевский был уверен, что паспорт подлинный (французский чиновник получил соответствующую взятку), но все же оставалась проблема получения американской визы.

Наша единственная связь с американским консульством осуществлялась через уважаемого бизнесмена из Швейцарии — в действительности это был наш нелегал Штейнберг. Однако тут возникла дополнительная трудность. Он отказался возвращаться в Москву, куда его отзывали в 1938 го-

ду. В письме он заявлял о своей преданности, но говорил, что боится «чистки» в НКВД. Василевский послал для встречи с ним в Лозанне офицера-связника, нашего нелегала Тахчианова. Его подстраховывал другой нелегал, Алахвердов. Во время встречи Штейнберг готов был застрелить связника, боясь, что это убийца. В конце концов он согласился устроить визу для сирийского еврея: он не узнал Эйтингона на фотографии в паспорте — тот отрастил усы и изменил прическу. Через неделю Штейнберг достал визу, и наш посланец вернулся с ней в Париж».

Эйтингон прибыл в Нью-Йорк в октябре 1939 года и основал в Бруклине импортно-экспортную фирму, которая использовалась как свой центр связи. И самое важное, эта фирма предоставила «крышу» Рамону Меркадеру, обосновавшемуся в Мексике с поддельным канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона. Теперь он мог совершать частые поездки в Нью-Йорк для встреч с Эйтингоном, который снабжал его деньгами.

Постепенно в Мексике нашлось прикрытие и для группы Сикейроса. У них было два нелегала-радииста, но, к несчастью, радиосвязь была неэффективной из-за плохого качества оборудования. Эйтингоном были разработаны варианты проникновения на виллу Троцкого в Койоакане, пригороде Мехико. Владелец виллы, мексиканский живописец Диего Ривера, сдал ее Троцкому. Группа Сикейроса планировала взять здание штурмом, в то время как главной целью Рамона, не имевшего понятия о существовании группы Сикейроса, было использование своего любовного романа с Сильвией Агелофф для того, чтобы подружиться с окружением Троцкого.

Рамон был похож на нынешнюю звезду французского кино Алена Делона. Сильвия не устояла перед присутствием ему своеобразным магнетизмом еще в Париже. Она ездила с Рамоном в Нью-Йорк, но он старался держать ее подальше от Эйтингона. Случалось, Эйтингон наблюдал за Рамоном и Сильвией в ресторане, но ни разу не был ей представлен.

В троцкистских кругах Рамон держался независимо, не предпринимая никаких попыток завоевать их доверие «выражением симпатии к общему делу». Он продолжал разыгрывать из себя бизнесмена, «поддерживающего Троцкого в силу эксцентричности своего характера», а не как преданный последователь.

Группа Сикейроса имела план комнат виллы Троцкого, тайно переправленный Марией де Лас Эрас, до того как ее отозвали в Москву. Она дала характеристику телохранителей Троцкого, а также детальный анализ деятельности его небольшого секретариата.

В конце 1939 года Берия предложил отцу усилить сеть нелегалов в Мексике. Он привел его на явочную квартиру и познакомил с Григулевичем (кодовое имя Юзик), приехавшим в Москву после работы нелегалом в Западной Европе. Он был известен в троцкистских кругах своей политической нейтральностью. Никто не подозревал его в попытке внедриться в их организацию. Его присутствие в Латинской Америке было вполне естественным, поскольку отец Григулевича владел в Аргентине большой аптекой.

Григулевич прибыл в Мексику в январе 1940 года и по указанию Эйтингона создал третью, резервную, сеть нелегалов для проведения операций в Мексике и Калифорнии. Он сотрудничал с группой Сикейроса. Григулевичу удалось подружиться с одним из телохранителей Троцкого, Шелдоном Хартom. Когда Харт 23 мая 1940 года находился на дежурстве, в предрассветные часы в ворота виллы постучал Григулевич. Харт допустил непростительную ошибку — он приоткрыл ворота, и группа Сикейроса ворвалась в резиденцию Троцкого. Они изрешетили автоматными очередями комнату, где находился Троцкий. Но, поскольку они стреляли через закрытую дверь и результаты обстрела не были проверены, Троцкий, спрятавшийся под кроватью, остался жив.

Харт был ликвидирован, поскольку знал Григулевича и мог всех выдать. Инцидент закончился арестом лишь Сикейроса, что дало хорошее прикрытие для продолжения действий Григулевича и Меркадера, все еще не знавших о существовании друг друга.

Первое покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении. Он бы наверняка скорректировал действия нападавших. В группе Сикейроса не было никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений или домов. Членами его группы были крестьяне и шахтеры с элементарной подготовкой ведения партизанской войны и диверсий.

Эйтингон передал по радио кодированное сообщение о провале операции. Сообщение поступило с некоторой задержкой, потому что оно шло через советское судно, находившееся в нью-йоркской гавани, оттуда шифрограмма по радио ушла в Париж к Василевскому. Он передал ее в Москву, но не придавал сообщению особого значения, поскольку не знал шифра. В результате Берия и Сталин узнали о неудавшемся покушении из сообщения ТАСС.

Отец вспоминал:

«Не помню точной даты, очевидно, это было майским воскресеньем 1940 года. Меня вызвали на дачу к Берия. За мной прислали его машину. На даче были гости: Серов, тогдашний нарком внутренних дел Украины, и Круглов, заместитель Берия по кадрам. Когда я вошел, они обедали.

Берия, судя по всему, не хотел обсуждать наше дело в их присутствии. Он жестом отослал меня в сад, где росли субтропические растения, посаженные им в надежде, что они сумеют выжить в суровом московском климате. Садом занимались его жена Нина, агроном по образованию, и сын Сергей. Берия предоставил меня им и прошел со мной в дальний угол сада. Он был взбешен. Глядя на меня в упор, он начал спрашивать о составе одобренной мною в Париже группы и о плане уничтожения Троцкого. Я ответил, что профессиональный уровень группы Сикейроса низок, но это люди, преданные нашему делу и готовые пожертвовать ради него своими жизнями. Я ожидаю подробного отчета из Мексики по радиоканалам через день-два. После нашего разговора мы вернулись в столовую и Берия приказал мне немедленно возвращаться на работу и информировать его сразу же, как только я узнаю о дальнейших событиях.

Через два дня я получил из Парижа краткий отчет Эйтингона и доложил Берия. Эйтингон сообщал, что он готов, при одобрении Центра, приступить к осуществлению альтернативного плана — использовать для ликвидации Троцкого основного из наших агентов-«аутсайдеров» — Меркадера. Для выполнения этого плана необходимо было отказаться от использования Меркадера как нашего агента в окружении Троцкого и не внедрять новых: арест агента, пытавшегося убить Троцкого, мог означать провал всей агентурной сети, связанной непосредственно с Троцким и его окружением. Я почувствовал, что подобное решение ни я, ни Эйтингон не могли принять самостоятельно. Оно могло быть принято только Берия и Сталиным. Внедрение агентов в троцкистские группы за

рубежом являлось одним из важных приоритетов в работе советской разведки в 1930—1940 годах. Как можно было иначе получить информацию о том, что будет происходить в троцкистских кругах после убийства Троцкого? Будут ли троцкисты обладать силой и представлять угрозу для СССР без своего лидера? Сталин регулярно читал сообщения, приходившие от нашего агента, который сумел проникнуть в штат троцкистской газеты, издававшейся в Нью-Йорке. От него мы получали информацию о планах и целях их движения и строили соответственно свою деятельность по борьбе с троцкизмом. Нередко Сталин имел возможность читать троцкистские статьи и документы еще до того, как они публиковались на Западе».

Ныне в угоду политической конъюнктуре деятельность Троцкого и его сторонников за границей в 1930—1940 годах сводят лишь к пропагандистской работе. Но это не совсем так. Троцкисты действовали активно: организовали, используя поддержку лиц, связанных с абвером, мятеж против республиканского правительства в Барселоне в 1937 году. Из троцкистских кругов в спецслужбы Франции и Германии шли «наводящие» материалы о действиях компартий в поддержку Советского Союза. О связях с абвером лидеров троцкистского мятежа в Барселоне в 1937 году сообщил агент Шульце-Бойзен, ставший позднее одним из руководителей советской подпольной группы «Красная капелла». Впоследствии, после ареста, гестапо обвинило его в передаче Москве данной информации, и этот факт фигурировал в смертном приговоре гитлеровского суда по его делу.

О других примерах использования абвером связей троцкистов для розыска скрывавшихся в 1941 году в подполье руководителей Компартии Франции докладывал резидент в Париже Василевский, назначенный в 1940 году уполномоченным Исполкома Коминтерна.

Отец изложил все это Берия. Сначала тот никак не прореагировал. Отец вернулся к себе в кабинет и стал ждать...

Ждать ему пришлось недолго. Отец вспоминал, что всего через два часа он был вызван на третий этаж к Берия.

«— Идемте со мной, — бросил он мне.

На этот раз мы поехали к Сталину на Ближнюю дачу, находившуюся в получасе езды к западу от Москвы. Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной по-

пытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого.

Сталин задал всего один вопрос:

— В какой мере агентурная сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян, задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независима от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы «Амторг» осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с «левыми» кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия.

Я подготовил текст телеграммы и добавил в конце: «Павел шлет наилучшие пожелания». Павел было кодовым именем Берия. Когда в 1953 году меня арестовали, следователи, просматривая материалы операции «Утка» в моих рабочих документах, хранившихся в сейфе, спросили, кто скрывался под именем Павел. Я не счел нужным подчеркивать, что Эйтингона высоко ценил Берия, который к этому времени был арестован и расстрелян, и сказал, что это мое имя, добавленное для подтверждения подлинности посылаемого сообщения.

Время было уже позднее, одиннадцать вечера, и Сталин предложил Берия и мне остаться на ужин. Помню, еда была самая простая. Сталин, подшучивая над тем, что я не пью, предложил мне попробовать грузинского вина пополам с шипучей водой «Лагидзе». Эта вода ежедневно доставлялась ему самолетом из Грузии.

Вопреки тому, что пишут об этом сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из-за неудачного покушения на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого.

Позже Эйтингон рассказал мне, что Рамон Меркадер сам вызвался выполнить задание, используя знания, полученные им в ходе партизанской войны в Испании. Во время этой войны он научился не только стрелять, но и освоил технику рукопашного боя. Учитывая, что наши люди в то время не имели в своем распоряжении специальной техники, Меркадер был готов застрелить, заколоть или убить врага, нанеся удар тяжелым предметом. Каридад дала сыну свое «благословение». Когда Эйтингон и она встретились с Рамоном, чтобы проанализировать систему охраны на вилле Троцкого и выбрать оружие убийства, то пришли к выводу, что лучше всего использовать нож или малый ледоруб альпиниста: во-первых, их легче скрыть от охранников, а во-вторых, эти орудия убийства бесшумны, так что никто из домашнего окружения не успеет прибежать на помощь. Физически Рамон был достаточно силен.

Важно было также выдвинуть подходящий мотив убийства, с тем чтобы скомпрометировать Троцкого и таким образом дискредитировать его движение. Убийство должно было выглядеть как акт личной мести Троцкому, который якобы отговаривал Сильвию Агеллофф выйти замуж за Меркадера. Если бы Меркадера схватили, ему надлежало заявить, что троцкисты намеревались использовать пожертвованные им средства в личных целях, а вовсе не на нужды движения, и сообщить, что Троцкий пытался уговорить его войти в международную террористическую организацию, ставившую своей целью убийство Сталина и других советских руководителей.

Зимним вечером, в начале 1969 года, я встретился с Рамоном Меркадером на квартире Эйтингона, потом мы пошли обедать в ресторан Дома литераторов в Москве. С момента нашей последней встречи минуло почти три десятилетия. И только теперь Рамон смог рассказать мне во всех подробностях о том, что произошло 20 августа 1940 года».

На встрече со своей матерью и Эйтингоном на явочной квартире в Мехико Эйтингон, по словам Рамона, предложил следующее: в то время как Меркадер будет находиться на вилле Троцкого, сам Эйтингон, Каридад и группа из пяти боевиков предпримут попытку ворваться на виллу. Начнется перестрелка с охранниками, во время которой Меркадер сможет ликвидировать Троцкого.

Меркадер не согласился с этим планом и убедил его, что один приведет смертный приговор в исполнение.

Вопреки тому, что писалось о самом убийстве, Рамон не закрыл глаза, перед тем как ударить Троцкого по

голове небольшим острым ледорубом, который был спрятан у него под плащом. Троцкий сидел за письменным столом и читал статью Меркадера, написанную в его защиту. Когда Меркадер готовился нанести удар, Троцкий, поглощенный чтением статьи, слегка повернул голову, и это изменило направление удара, ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Рамон растерялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож.

— Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и заколол ножом часового на мосту во время гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал, — вспоминал Рамон.

Когда в комнату вбежала жена Троцкого с охранниками, Меркадера сбили с ног, и он не смог воспользоваться пистолетом. Однако в этом, как оказалось, не было необходимости. Троцкий умер на следующий день в больнице.

— Меня сбил с ног рукояткой пистолета один из охранников Троцкого. Потом мой адвокат использовал этот эпизод для доказательства того, что я не был профессиональным убийцей. Я же придерживался версии, что мною руководила любовь к Сильвии и что троцкисты растрачивали средства, которые я жертвовал на их движение, и пытались вовлечь меня в террористическую деятельность, — пояснял позже Меркадер. — Я не отходил от согласованной версии: мои действия вызваны чисто личными мотивами.

По первоначальному плану предполагалось, что Троцкий будет убит без шума и Рамон сумеет незаметно уйти — ведь Меркадер регулярно посещал виллу и охрана хорошо его знала. Эйтингон и Каридад, ждавшие Рамона в машине неподалеку от виллы, вынуждены были скрыться, когда в доме начался явный переполох. Сперва они бежали на Кубу, где Каридад, используя свои семейные связи, сумела уйти в подполье. Григулевич бежал из Мехико в Калифорнию — там его мало кто знал.

Первое сообщение пришло в Москву по каналам ТАСС. Затем, неделей позже, кодированное радиосообщение с Кубы прислал Эйтингон, снова через Париж. Отцу было официально объявлено, что людьми Эйтингона и их работой наверху довольны, но участники операции будут награждены только после возвраще-

ния в Москву. Что касается моего отца, то он был слишком занят в этот момент нашими делами в Латвии, чтобы дальше думать о деле Троцкого. Берия спросил у него, удалось ли Каридад, Эйтингону и Григулевичу спастись и надежно спрятаться. Он ответил, что у них хорошее укрытие, неизвестное Меркадеру. Арестовали Меркадера как Фрэнка Джексона, канадского бизнесмена, и его подлинное имя власти не знали в течение шести лет.

Мой отец в один из моментов подготовки покушения на встрече в Париже дал Рамону и его матери совет: «Если кого-нибудь из вас схватят, начинайте в тюрьме голодовку, но при этом постарайтесь не возбудить у своих тюремщиков ненужных подозрений. Сперва ешьте с каждым разом все меньше и меньше, готовясь к полному отказу от пищи. В конце концов они начнут искусственное кормление, и период следствия растянется на неопределенно долгое время, а страсти поостынут. Это то, что вам будет нужно».

Меркадер продолжал голодовку два или три месяца, во время следствия утверждал, что он один из обозленных сторонников Троцкого. Его дважды в день избивали сотрудники мексиканских спецслужб — и так продолжалось все шесть лет, пока не удалось раскрыть его истинное имя. К тому же его все это время держали в камере, где не было окна.

Берия объявил о решении не жалеть никаких средств для защиты Меркадера. Адвокаты должны были доказать, что убийство совершено на почве склок и внутреннего разброда в троцкистском движении. Эйтингон и Каридад получили приказ оставаться в подполье. Полгода они провели на Кубе, а затем морем отправились в Нью-Йорк, где Эйтингон использовал свои знакомства в еврейской общине для того, чтобы раздобыть новые документы и паспорта. Вместе с Каридад он пересек Америку и оказался в Лос-Анджелесе, а потом в Сан-Франциско. Эйтингон воспользовался возможностью возобновить контакты с двумя агентами, которых он и Серебрянский заслали в Калифорнию в начале 30-х годов, и те взяли на себя обязанности связанных с нелегальной агентурной сетью, которая добывала американские ядерные секреты с 1942 по 1945 год. В феврале 1941 года Эйтингон и Каридад на пароходе отплыли в Китай. В

мае 1941 года, перед самым началом Великой Отечественной войны, они возвратились в Москву из Шанхая по Транссибирской магистрали.

Личность Меркадера спецслужбам, как уже выше говорилось, удалось установить лишь после того, как в 1946 году на Запад перебежал один из видных деятелей Испанской компартии, находившийся до своего побега в Москве. Кстати, этот человек приходился дальним родственником Фиделю Кастро. За утечку информации часть вины несет Кариада. Во время войны мать Рамона эвакуировали из Москвы в Ташкент, где она жила с 1941 по 1943 год. Именно там она рассказала своему знакомому о том, что Троцкого убил Рамон. Кариада была убеждена, что сказанное он будет держать в секрете.

После окончания второй мировой войны Кариада неоднократно пробовала добиться освобождения Рамона, предлагала даже найти для него жену, но Сталин выступил против этого плана, поскольку личность Рамона все еще привлекала к себе большое внимание. Кариада ездила в Мексику, затем в Париж, предпринимала все меры для досрочного освобождения сына.

Когда в Мексику доставили из испанских полицейских архивов досье Меркадера, личность его была установлена, отпираться стало бессмысленно. Перед лицом неопровержимых улик Фрэнк Джексон признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. Но он так и не признался, что убил Троцкого по приказу советской разведки. Во всех своих открытых заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив этого убийства.

Условия содержания Рамона в тюрьме после разглашения перебежником его настоящего имени сразу улучшились, и ему даже разрешили время от времени совершать вылазки в Мехико, где он мог обедать в ресторане вместе со своим тюремщиком. Женщина, присматривавшая за Рамоном в тюрьме, влюбилась в него и теперь навещала еженедельно. Позднее он женился на ней и привез ее с собой в Москву, когда был освобожден из тюрьмы 20 августа 1960 года. В тюрьме он отсидел двадцать лет.

До 1960 года Рамон никогда не бывал в Москве. Здесь жила в 1939—1942 годах его невеста, которая умерла от туберкулеза.

В Москве Меркадер был принят председателем КГБ Шелепиным, вручившим ему Звезду Героя Советского Союза. Однако, когда некоторое время спустя Меркадер попросил о встрече с новым председателем КГБ Семичастным, ему было отказано. По специальному решению ЦК партии и по личному ходатайству Долорес Ибаррури (Пасионарии) Меркадера приняли на работу старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма в Москве. Кроме того, им с женой предоставили государственную дачу в Кратове, под Москвой. Меркадер получал деньги от ЦК и от КГБ. В сумме это равнялось пенсии генерал-майора в отставке. Однако его отношения с КГБ оставались довольно напряженными в течение всех 60-х годов: он не переставал требовать сначала от Шелепина, а затем от Семичастного, чтобы Эйтингон и Судоплатов были немедленно освобождены из тюрьмы. Он поднимал этот вопрос и перед Долорес Ибаррури, и перед Сусловым. Старейший член Политбюро Суслов не был тронут этим заступничеством, более того, в гневном раздражении по поводу того, что Меркадер позволил себе обратиться лично к нему, заявил Меркадеру: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Сначала Меркадер жил в гостинице «Ленинградская» возле Ленинградского вокзала, а затем получил четырехкомнатную квартиру без всякой обстановки недалеко от станции метро «Сокол». Из тех, кто когда-то был связан с Меркадером по работе, единственным не подвергшимся репрессиям оставался Василевский, хотя его и исключили из партии. Он вступился за Меркадера — и тому для его новой квартиры была предоставлена мебель. Жена Меркадера Рокелья Мендоса работала диктором в испанской редакции Московского радио. В 1963 году они усыновили двоих детей: мальчика Артура двенадцати лет и девочку Лауру шести месяцев. Их родители были друзьями Меркадера. Отец, участник гражданской войны в Испании, бежал после поражения республиканцев в Москву, а позднее, вернувшись на родину в качестве агента-нелегала, был схвачен франкистами и расстрелян. Мать умерла в Москве во время родов.

Меркадер был профессиональным революционером и гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы. Он не раскаивался в том, что убил Троцкого:

— Если бы пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где был советником у Кастро. Скончался он в 1978 году. Тело его было тайно доставлено в Москву. Вдова Меркадера пыталась связаться с моим отцом, но в то время его не было в Москве. На траурной церемонии присутствовал Эйтингон. Похоронили Меркадера на Кунцевском кладбище. Там он и покоится под именем Рамона Ивановича Лопеса, Героя Советского Союза.

Совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы несовместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для Гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин и его окружение не могли относиться к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом Советского государства.

Жизнь показала, что ненависть Сталина и руководителей ВКП(б) к политическими перерожденцам и соперникам в борьбе за власть была оправданной. Решающий удар по КПСС и Советскому Союзу был нанесен именно группой бывших руководителей партии. При этом первоначальные узкокорыстные интересы борьбы за власть эти деятели маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами «борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата».

Сын Троцкого, Лев Седов, носивший фамилию матери, находился под постоянным наблюдением советских органов госбезопасности. Он являлся главным организатором троцкистского движения в Европе после того, как в 1933 году приехал в Париж из Турции. Советская внешняя разведка располагала в Париже двумя независимыми друг от друга агентурными выходами на него. В одной ведущую роль играл Зборовский (подпольная кличка Этьен, он же Тюльпан). О нем подробно

написал Волкогонов. Другую возглавлял Серебрянский. Зборовский навел на след архивов Троцкого, а Серебрянский, используя полученную информацию, захватил эти архивы, спрятанные в Париже, и тайно доставил их в Москву. Он сделал это с помощью своего агента Гарри, находившегося в Париже, и агента, работавшего во французской полиции.

В книге «Троцкий» Волкогонов утверждает, будто архивы были вывезены Зборовским, тогда как на самом деле тот даже понятия не имел, как была использована добытая им информация. Волкогонов также пишет, что Зборовский помог убить Седова, находившегося в то время во французской больнице. Сын Троцкого, как известно, действительно скончался в феврале 1938 года при весьма загадочных обстоятельствах, после операции аппендицита.

Доподлинно известно лишь то, что Седов умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу не найдено никаких свидетельств, что это было убийство. Мой отец говорил, что если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о котором идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров при этом не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД. Между тем Шпигельглас, докладывая Ежову о кончине Седова в Париже, упомянул лишь о естественной причине его смерти. Ежов, правда, комментировал сообщение словами: «Хорошая операция! Неплохо поработали, а?» Шпигельглас не собирался спорить с наркомом, который поставил приписать заслугу «убийства» Седова своему ведомству и лично доложил об этом Сталину. Это способствовало тому, что НКВД стали считать ответственным за смерть Седова.

Когда отец с Эйтинггоном обсуждали у Берия план ликвидации Троцкого, об устранении его сына ни разу не упоминалось. Легко предположить, конечно, что Седов был убит, но лично я не склонен этому верить. И причина тут самая простая. Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение

с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе.

Эту главу не только нашей, но и общемировой истории мне хочется продолжить свидетельствами, что называется, «третьих лиц», а именно воспоминаниями выдающегося мексиканского художника Сикейроса, взятymi мной из его книги «Меня называли Лихим Полковником: Воспоминания», в переводе изданной московским Политиздатом в 1986 году. Дело в том, что рассказ Сикейроса неоднократно и тесно переплетается с воспоминаниями моего отца, также бывшего непосредственным участником тех событий.

Все началось еще в Испании, когда в СССР узнали, что генерал Карденас, уступив просьбам Диего Риверы и Фриды Кало, особенно Фриды Кало, в то время убежденной троцкистки, согласился предоставить убежище Льву Троцкому в Мексике. В Москве это вызвало страшное возмущение, что непосредственно сказалось на отношении к мексиканцам, сражавшимся против фашизма в Испании на самых различных постах — от командиров бригад до командиров рот. Огромная симпатия к Мексике на первых этапах борьбы против франкистских мятежников и благодарность за оружие, которое предоставило мексиканское правительство республиканскому правительству Испании, сменились всеобщим негодованием, от чего прежде всего страдали мексиканцы.

Карлос Контрерас, комиссар армейского корпуса и организатор знаменитого 5-го полка, генерал Клебер, известный во время испанской войны командир-австриец, и Д. А. Сикейрос, имевший тогда звание подполковника и командовавший 82-й бригадой, сражавшейся под Теруэлем, были приглашены на пленум Коммунистической партии Испании, который состоялся в Валенсии. Сикейрос вспоминал, как они вместе сели в зале заседания и ожидали, что Пасионария (Долорес Ибарури) произнесет речь при открытии и, естественно, скажет слова благодарности странам, оказавшим поддержку испанскому народу в его борьбе против фашизма.

«Появление Пасионарии вызвало настоящую овацию. Когда зал утих, она стала говорить. И действительно, начала с

того, что сказала: «Первую помощь испанскому народу в его смертельной схватке с фашизмом оказала первая страна победившего социализма — Советский Союз». Все мы стоя, с энтузиазмом аплодировали этому заявлению. Какая же страна будет названа следующей? Вопрос явственно читался на всех лицах. Поэтому во время небольшой паузы в речи Пасионарии все присутствующие обернулись в мою сторону и уже приготовились аплодировать мне, точнее Мексике. Ведь вторую по значению политическую и материальную помощь, как мы тогда считали, несомненно, оказала Мексика. Испанские женщины, как на фронте, так и в тылу, носили браслеты и медалионы, сделанные из пустых гильз от мексиканских патронов. Солдаты с гордостью демонстрировали свои маузеры мексиканского производства. Мы думали, что Пасионария продолжит свое выступление словами: «Во-вторых, поблагодарим Мексику, страну Ласаро Карденаса». Но Пасионария продолжала перечислять страны, оказавшие республиканской Испании помощь, а Мексика так и не была названа.

Сикейрос, как и многие его сподвижники в испанской войне, считал совершенно справедливым возмущение испанских коммунистов действиями мексиканского правительства вообще и Ласаро Карденаса в частности, разрешившего Троцкому устроить в Мексике свою штаб-квартиру и руководить оттуда борьбой против Советского Союза. Эта штаб-квартира, учитывая развитие внутривнутриполитической обстановки в стране, неизбежно превратилась бы в потенциального союзника правительства Соединенных Штатов, даже если бы ее руководители не желали этого.

Новые события лишь усугубили то неловкое положение, в котором по уже упомянутым причинам оказались мексиканские участники войны в Испании. Однажды в качестве офицера связи у Листера, который командовал знаменитым 5-м полком, Сикейрос сопровождал группу советских офицеров в театр, где проводился грандиозный митинг трудящихся республиканской Испании. Советские офицеры были встречены бурной овацией. Но когда присутствующие узнали, что вместе с ними прибыл офицер-мексиканец, недавно участвовавший в сражениях под Мараньосой и Пингарроном, все вновь начали аплодировать и барабанить по спинкам стульев, выражая горячую симпатию к Мексике. Товарищам же Сикейроса — испанским коммунистам, бывшим там же,

это показалось излишним: «Испанский народ не должен обманываться — помощь Мексики несравнима по своему объему и значению с той, что оказана Советским Союзом».

«В косвенной форме мне дали понять, — вспоминал Сикейрос, — чтобы я старался не появляться на общественных мероприятиях, тем более в военной форме, дабы вновь не возникла подобная ситуация.

Во время одной из поездок в Валенсию Сикейросу захотелось послушать выступление тогдашнего члена правительства Хесуса Эрнандеса, и, переодевшись в гражданское платье, он пошел на собрание. Но неожиданно кто-то из присутствовавших узнал его, послышались возгласы: «Да здравствует Мексика!.. Да здравствуют мексиканские и латиноамериканские борцы за дело испанского народа!..» Что делать? Сикейрос буквально выскользнул из зала и зашагал прочь от театра, так и не послушав оратора.

«Положение становилось абсурдным, надо было что-то предпринять. Я отправился прямо в Центральный Комитет Коммунистической партии Испании и со свойственной мне горячностью высказал свое мнение. Справедливо ли охлаждать то огромное чувство симпатии, которое испанский народ испытывает к Мексике? Правильно ли ради этого совсем умалчивать о Мексике и не допускать присутствия бойцов-мексиканцев на публичных собраниях? Не приносит ли подобная тактика обратных результатов, ибо дает социалистам и особенно анархистам из ФАИ (Федерация анархистов Иберии) отличный повод для расчетливого и коварного использования вопроса о мексиканской помощи в своей антисоветской пропаганде? Прежде всего, нужно разъяснить испанскому народу, какое реальное значение имеет помощь той и другой страны, какова подлинная роль той и другой помощи, учитывая характер политического строя каждой из них; и мы, мексиканцы, приехавшие сражаться в Испанию, готовы принять в этом самое большое участие. Чтобы по достоинству оценить помощь Советского Союза, вовсе не требуется начисто замалчивать помощь Мексики».

Коммунистическая партия Испании приняла во внимание эти соображения и развернула соответствующую разъяснительную работу среди населения. Мексика направила в Испанию всего лишь небольшое количество карабинов-маузеров и боеприпасов к ним, которые бы-

ли использованы в первые же месяцы войны. Кроме того, это оружие было предоставлено небезвозмездно, за него было заплачено построенными на испанских верфях моторными баркасами для каботажного плавания в Мексиканском заливе. В данном случае больше выиграла мексиканская сторона.

Вместе с тем практически всю артиллерию, все танки, все суда, все самолеты прислал Советский Союз. Без помощи Советского Союза любое сопротивление республиканского правительства было бы невозможным, ибо противнику помогали Германия и Италия, на его стороне сражались марокканские части, а германская авиация совершала прямые полеты со своей территории в зону, занятую франкистами; против республиканского правительства фактически действовало высшее военное командование Франции и Англии. Поезда с военным снаряжением задерживали в районе Тулузы и даже в ближайших к испанской границе поселках, причем все это делалось при молчаливом попустительстве социалистов ряда других стран.

Мексиканцы воевали в республиканской армии в разных частях. Каждый сражался там, куда был направлен: Хуан Б. Гомес командовал 92-й бригадой, его племянник команданте Антонио Гомес служил в какой-то другой части; Руперто Гарсия Арана, получив звание команданте, воевал в бригаде Сикейроса; Пухоль — в танковом корпусе под Мадридом; Бернабе Барриос из-за своей неуживчивости и своеволия переходил из одной части в другую; Нестор Санчес сражался в польской интернациональной бригаде (единственный латиноамериканец, воевавший не в испанских, а в интернациональных частях). В общем, имена многих мексиканцев, боровшихся с фашизмом на стороне республиканской Испании, не были известны, пока не приходило сообщение об их гибели.

Естественно, мексиканцам постоянно приходилось выслушивать упрёки в адрес Мексики из-за решения, принятого ею в отношении Троцкого. Все — от высших командиров и комиссаров до простых солдат — задавали нам один и тот же вопрос: «Как объяснить, что генерал Ласаро Карденас, друг Испанской республики, выдающийся руководитель Мексики, мог дать убежище Троцкому и тем фактически способствовать его враждебной деятельности против

Советского Союза — единственной силы, действительно способной оказать решающую помощь в борьбе с реакционерами всего мира?»

В тех условиях это был действительно удар в спину, причем сильный удар, если говорить об Испании — стране, где народ взял в руки оружие, чтобы защитить свои демократические институты и вести свою страну по пути социального прогресса. ПОУМ, испанская троцкистская партия, входившая в IV Интернационал, штаб-квартира которого находилась теперь в Мексике, точнее, в доме Троцкого, где проводились собрания этой организации, вместе с анархистами подняла восстание в глубоком тылу республиканской армии — в Каталонии, а вернее в Барселоне, то есть всего в нескольких десятках километров от французской границы.

Как раз в то время части испанской республиканской армии, в том числе и те, которыми командовали мексиканцы (46-я бригада Сикейроса в ту пору обороняла мост у Гуадалупе), вели напряженные бои с противником на фронтах. Троцкистский путч обошелся республиканцам в пять тысяч убитых лишь в одной Барселоне, а для подавления мятежа туда было переброшено свыше тридцати тысяч бойцов.

Свои статьи Троцкий обычно писал в «Эксельсиоре». Затем они переводились и печатались во всех американских газетах. Темой его писаний были, естественно, нападки на Советский Союз, русскую революцию и т. д. Все это свидетельствовало о том, что покровительство, оказанное ему правительством Мексики, имело гораздо более серьезную подоплеку, чем казалось поначалу. Несомненно, такая опека свидетельствовала об определенной эволюции высших мексиканских государственных чиновников в сторону антисоветизма.

После теоретического разгрома прудонизма основоположниками марксизма испанские анархисты с их невообразимой теоретической путаницей представляли собой единственный более или менее значительный «пережиток прошлого» в рабочей среде; чтобы добиться поражения коммунистов, они даже были готовы уступить победу франкизму. Эта позиция анархистских руководителей привела их на путь чудовищного преступления против революции. Это подлое предательство было совершено по приказу из штаб-квартиры троцкистов, на-

ходившейся в мексиканской столице, в районе Койоакан, и охранявшейся силами мексиканской полиции. Письма и телеграммы, которые мексиканцы, воевавшие в Испании, получали по этому поводу, пылали гневом и возмущением. Сикейрос вспоминал позднее, что «не было случая, чтобы в разговоре со мной накануне и даже во время операции мне не задавали один и тот же вопрос: «Искренна ли помощь, оказываемая Мексикой? Может быть, незначительное количество оружия, присылаемого Карденасом, служит лишь прикрытием поддержки тех антикоммунистических сил, которые действуют внутри испанской республиканской армии, ведущей борьбу с международным фашизмом?»

Вскоре был издан чрезвычайно тяжелый для всех иностранцев приказ: покинуть Испанию. Республиканское правительство, приняв — под давлением извне — это решение, надеялось заставить Франко вывести с испанской территории итальянские воинские части, бесчисленные марокканские дивизии и т. д., а западные страны — прекратить оказание мятежникам военной, финансовой и иной помощи. В надежде на это было решено распустить интернациональные бригады и даже отозвать с фронта офицеров-латиноамериканцев, командовавших испанскими частями.

Сикейрос тогда сделал запись в своем дневнике: «Этому обстоятельству и обязаны были мы, оставшиеся в живых мексиканцы, тем, что впервые собрались вместе на испанской земле. Мы постоянно задавали друг другу один и тот же вопрос: «Можем ли мы позволить, чтобы Троцкий сидел в Мексике под опекой правительства, да еще такого правительства, во главе которого стоит генерал Карденас, а министром внутренних дел которого является дон Игнасио Гарсия Тельес, то есть люди, чьи взгляды на некоторые вопросы были близки нашим взглядам и взглядам тех, кто сражался в Испании?» Именно там и тогда мы дали клятву чести во что бы то ни стало положить конец этому позору. Мы должны сделать это во имя испанского народа, с кровью которого смешалась пролитая нами кровь, во имя жизненных интересов Мексики и развития мексиканской революции.

Приехав в Мексику, мы сами убедились в том, о чем знали из доходивших до нас сообщений. Диего Ривера приютил Троцкого в своем доме и превратил этот дом в настоящую крепость. Там свободно собирались члены так называемого

IV Интернационала, призжавшие со всех концов света, но чаще всего из Соединенных Штатов. И что крайне симптоматично, Диего Ривера согласился занять пост руководителя пропагандистской предвыборной кампании в поддержку кандидатуры Альмасана и сумел привлечь на свою сторону дона Рамона П. Де-негри, пользовавшегося особым авторитетом у «левых».

Для того чтобы добраться до Пособланко, эстремадурского городка, где находился командный пункт 8-й армии, в которую входили воинские части, находившиеся под командованием Сикейроса, необходимо было проехать через Вальсекильо, где стояла 92-я смешанная бригада, которой командовал его соотечественник Хуан Б. Гомес. Это обстоятельство позволяло мексиканским офицерам собираться иногда вместе и обсуждать свои мексиканские дела.

«На сей раз, — вспоминал Сикейрос, — нашему обмену мнениями особую драматичность придало страшное событие: мятеж в Барселоне, организованный ПОУМ и приведший к большим человеческим жертвам. Эта трагедия довела нас всех буквально до белого каления. То, о чем мы ранее рассуждали несколько отвлеченно, вдруг обрело совершенно конкретные очертания.

«Будь что будет, — сказали мы, — но штаб-квартира Троцкого в Мексике должна быть уничтожена, даже если бы пришлось прибегнуть к насилию». Но чтобы легче было осуществить наши планы, следовало расширить состав группы за счет прибывших в Испанию аргентинцев, бразильцев, колумбийцев, кубинцев и других латиноамериканцев, поскольку все они говорили по-испански.

Клятву выполнить наше решение по возвращении в Мексику дали Хуан Б. Гомес, Руперто Гарсия Арана, Антонио Гомес и я; иначе говоря, один полковник, один подполковник (я) и два майора. Детали нам еще предстояло обсудить, но слово чести дал каждый из нас. Однако когда же можно будет осуществить это решение? Естественно, до окончания войны, которая, как мы надеялись, закончится победой республиканской Испании, об этом не могло быть и речи. А если война затянется, одному из нас придется совершить кратковременную поездку в Мексику, чтобы попытаться выполнить нашу клятву с помощью гражданских лиц.

Вынужденный отъезд из Испании свел нас, мексиканцев, всех вместе. По приказу высшего начальства нам следовало собраться в Барселоне и подготовиться к отъезду из страны.

Мы оказались на отрезанной противником части испанской территории, то есть за Валенсией и Теруэлем, по линии которых произошел прорыв франкистов к Средиземному морю, и нам надо было выбираться из окружения на виду у занявшего берег противника. Мы уходили на быстроходных катерах под сильным пулеметным и орудийным обстрелом, не говоря уже о бомбежке вражеской авиации.

Затем все мексиканцы, оставшиеся в живых в ходе испанской войны, собрались в Париже. Я был назначен ответственным в мексиканской группе бывших бойцов-республиканцев. Пятьдесят четыре человека погрузились на корабль в Гавре, но по пути мы были вынуждены задержаться из-за ремонта судна в Саутгемптоне, что дало нам возможность провести несколько дней в Лондоне. Затем, после длительного путешествия, мы зашли в канадский порт Галифакс. Затем — Нью-Йорк, где нас встречали толпы демонстрантов, сторонников республиканской Испании. Но митинг провести не удалось, потому что нам, республиканским бойцам-мексиканцам, было запрещено пребывание в этом городе. Мы провели несколько дней в Трикорнии, а затем по просьбе президента Мексики генерала Карденаса нас посадили в автобус, и под неусыпным надзором агентов американской полиции начался наш долгий путь по территории Соединенных Штатов, отмеченный многими происшествиями.

Мне особенно запомнился эпизод в городе, где нас едва не линчевали за такое серьезное преступление, как пренебрежение правилами расовой сегрегации. А произошло это так: когда все мы захотели войти в ближайший общественный туалет, его служащие преградили путь наиболее «черным» из нас. Тогда в знак протеста мы решили: «Все идем в туалет для черных», но это показалось им еще более оскорбительным. Посетители ресторана при автобусной станции попытались силой растолкать нас в разные стороны: «белых» — налево, «черных» — направо. Стычка закончилась нашей победой, и мы скопом вошли в туалет для негров. Но когда вышли, увидели огромную толпу возмущенных белых, которые собрались расправиться с нами и непременно сделали бы это, если бы сопровождавшие нас полицейские не получили в подкрепление почти целую роту местных блюстителей порядка.

Во время путешествия мы, те, кто договорился ликвидировать штаб-квартиру Троцкого, решили не посвящать в свои планы никого из остальных своих товарищей и спутников, кроме Давида Серрано — Чиво. При обсуждении данного вопроса мы всегда старались уединиться.

Однако в Мексике мы поняли, что у нас нет иного выхода, как рассказать обо всем и другим бывшим бойцам-республиканцам, хотя не все внушали нам абсолютное доверие, и даже тем, кто возвратился из Испании не вместе с нами, как, например, Нестор Санчес. Естественно, «левые» политические партии, в частности Коммунистическая партия Мексики, ничего не могли и не должны были знать о наших планах. Мы понимали, что, если бы руководство компартии узнало о наших намерениях, оно не только выступило бы против, но и решительно запретило бы нам подобные насильственные действия. Хорошо известно, что марксизм-ленинизм всегда выступал против таких актов насилия, как путч или всякого рода покушения на личность, даже косвенные, как в нашем случае. Основную силу марксизм-ленинизм видит в действиях организованных масс, начиная с открытого, мирного протеста и кончая вооруженным восстанием, если того требуют обстоятельства. Индивидуальные акты или выступления мелких групп, даже носящие героический характер, но противоречащие принципам дисциплины, полностью исключаются. Такие методы присущи анархизму и прежде всего нигилизму. История подтверждает, что подобного рода действия лишь наносят вред борьбе масс.

Но мы не могли отказаться от той клятвы, которую дали перед лицом наших товарищей, павших в Испании; слишком живы были воспоминания о подлых убийствах в Барселоне, об этом предательском ударе в спину республиканской армии, ударе, без всякого сомнения, запланированном в штаб-квартире Троцкого в Койоакане. Могли ли вооруженные троцкистские части в Испании совершить такое тяжкое преступление без согласия или подстрекательства троцкистов, обосновавшихся в Мексике под защитой нелепо трактуемого права на политическое убежище и под охраной 40 мексиканских полицейских, специально выделенных министерством внутренних дел, а также группы иностранцев, вооруженных до зубов в нарушение всех мексиканских законов?

Прежде чем применить насилие, следовало бы, считал я, использовать все, так сказать, мирные средства решения проблемы. С этой целью я решил переговорить с президентом республики генералом Ласаро Карденасом, но, несмотря на нашу большую дружбу в 1914—1916 годах, когда мы были в одном звании и часто гуляли в одних армейских компаниях, сей представитель высшей власти, зная, что я буду просить отменить решение о предоставлении убежища Троцкому в Мек-

сике, ибо я писал ему об этом в своих письмах и телеграммах из Испании, под любыми предложениями старался избежать этой встречи.

Я пытался добиться встречи через Луиса И. Родригеса, личного секретаря президента, но всякий раз выходил из себя, слыша его постоянное: «Подождите немного» (к несчастью, в нашей стране очень широко распространена практика держать человека в состоянии постоянного ожидания, пока наконец его терпение не лопнет и он перестает надоедать). Отчаявшись пробить лбом эту «дверь», я обратился к лицу-нцииату Игнасио Гарсия Тельесу, министру внутренних дел. Министр избрал другую тактику: он не стал полемизировать о том, правомерно или неправомерно предоставлять убежище Троцкому, но не возражал против обсуждения этого вопроса с генералом Карденасом...»

Известно, что во время встречи с президентом Сикейрос сопровождал свои требования предупреждением, что будет с друзьями вынужден применить силу, если не удастся решить вопрос мирным путем. Тогда генерал Карденас (чтобы его!) вдруг приказал министру финансов выдать каждому из участников борьбы в Испании по 500 песо.

«Естественно, — пишет Сикейрос, — свои песо я израсходовал прежде всего на то, чтобы засыпать генерала Карденаса телеграммами, в которых уже не просил, а требовал закрыть «контрреволюционную штаб-квартиру Троцкого в Мексике», однако все это не принесло никакого успеха.

Мы уже начинали терять всякое терпение. Именно в этот период Троцкий все чаще и чаще стал публиковать статьи явно антисоветского характера в самых реакционных газетах Соединенных Штатов; в частности, поместил целую серию своих писаний в различных газетных изданиях Херста. Мексиканская «Эксельсиор» перепечатывала эти материалы наряду с наиболее важными редакционными статьями.

Одновременно мы заметили, как усилилось влияние Троцкого и его команды на внутривнутриполитическую обстановку в Мексике, чему в немалой степени способствовала деятельность Диего Риверы и Туэрто Идальго. Альянсисты явно активизировали свои выступления против потенциального преемника Карденаса на посту президента республики. Вначале троцкисты, как и большинство мексиканцев, полагали, что кандидатом на пост президента республики, «темной лошадкой», как говорят в народе, будет генерал Франсиско Х. Мухика, чело-

век, на первый взгляд еще более радикальный, чем Карденас, но, несомненно, не без участия которого президент принял решение о предоставлении Троцкому убежища в Мексике.

По слухам, «троцкистская эволюция» генерала Мухики была прежде всего результатом длительного политического воздействия на него Диего Риверы и Фриды Кало. Возможно, немалую роль в этом сыграл и Туэрто Идальго. Однако я долго не был на родине, и потому мне трудно абсолютно точно утверждать, что оказало влияние на позицию Мухики. Когда же Карденас выдвинул вместо себя кандидатом на пост президента не Мухику, а Авила Камачо, то Троцкий вместе с Риверой, Идальго, а в дальнейшем и с Рамоном Денегри выступили в поддержку Альмасана. Диего Ривера был назначен, как я уже упоминал, руководителем избирательной кампании альмасанистов в борьбе за управление страной, а дон Рамон, как и сам Идальго, стал активным организатором этой кампании.

Все это еще больше убедило нас в том, что троцкизм не только занимался пропагандой своих антисоветских и антикоммунистических идей, но фактически превратился в контрреволюционное движение и в международном, и в национальном плане. Таким образом, возникла необходимость ускорить реализацию нашего намерения в отношении штаб-квартиры Троцкого в нашей стране, руководимой, как мы тогда были искренне убеждены, представителями антифеодалных и антиимпериалистических кругов национальной буржуазии. Но что предпринять?»

Все участники войны в Испании, добивавшиеся ликвидации штаб-квартиры Троцкого в Мексике, понимали, что любые их действия будут считаться противозаконными. Тогда они решили разделить на несколько групп, чтобы ни одна группа не знала о составе других. Руководитель группы должен был знать только членов своей группы, каждая из групп имела определенное конкретное задание. Главная цель всей операции состояла в следующем: захватить по возможности все документы, но любой ценой избежать кровопролития. Участники нападения на виллу Троцкого уже тогда пришли к мысли, что смерть Троцкого или кого-либо из его сообщников не только не остановит развития троцкизма как международного движения, антисоветский и антикоммунистический характер которого уже ясно определился, но будет иметь обратный эффект. Однако перед ними стоял

все тот же сложный вопрос: как осуществить задуманное?

«С самого начала, — продолжает Сикейрос, — мы считали, что даже если нам не удастся добиться успеха и получить документальные доказательства прежде всего относительно тех сумм, которые Троцкий и его наиболее видные подручные получали от владельцев ультрареакционных газет США, главным образом от концерна Херста, тем не менее скандал, вызванный нашими действиями, станет еще одним мощным нажимом на правительство Карденаса и вынудит его запретить деятельность штаб-квартиры Троцкого в Мексике.

Мы еще больше укрепились в своих намерениях, когда узнали, что генерал Карденас в конце концов пришел к отрицательной оценке троцкизма и признанию социалистического характера Советского государства. При осуществлении задуманной нами операции первая задача состояла в том, чтобы разоружить мексиканскую полицию, без чего мы не смогли бы проникнуть в убежище Троцкого, который превратил свой дом действительно в крепость, возведя вокруг него высокую ограду и осветив все подступы к нему. Для мексиканских полицейских построили небольшое помещение возле восточного угла ограды, куда была проведена сигнализация на случай тревоги, и четыре — у каждого угла дома — будки, которые также были оборудованы сигнальными устройствами.

Разрабатывая операцию по разоружению мексиканских полицейских, мы договорились, что в случае ее провала будем отходить, производя как можно больше шума стрельбой из огнестрельного оружия, но стараясь — о чем было твердо условлено — ни в коем случае не задеть кого-либо. Детали операции мы обсуждали с помощью «анонимных» писем, «анонимных» потому что не знали командиров соответствующих групп и даже методов, использовавшихся для получения информации. Однако нам стало известно, что руководитель группы, которой было поручено проникнуть в дом, сумел вывести секрет системы, с помощью которой троцкистские головорезы открывали дверь и устанавливали личность посетителей. Я думаю, об этом проболтались сами мексиканские полицейские, попавшиеся, как это бывает, «на крючок» наших женщин. Думаю также, что о своего рода баррикадах, сложенных внутри резиденции из небольших мешков с песком, мы узнали из разговоров самих бандитов-иностранцев с мексиканскими жандармами во время их совместных попок. А представляя более или менее точно план дома, ответственный

за проведение операции внутри него мог довольно точно определить места расположения охраны.

Исчерпав все свои возможности с помощью мирных средств положить конец существованию штаб-квартиры Троцкого в Мексике, мы обратились к Висенте Ломбарде Толедано и к ломбардистам. Висенте Ломбарде Толедано дал настоящий теоретический бой Троцкому в Мексике. Именно он в нашей стране резко, по всем направлениям давал отпор нескончаемой писанине самого Троцкого и других троцкистов, особенно троцкистов из Соединенных Штатов. Практически Висенте Ломбарде Толедано не оставлял без ответа ни одного заявления Троцкого, используя все возможные формы ведения полемики: доклады, выступления, статьи.

Кто, думали мы, бывшие бойцы-республиканцы, когда отчаялись найти поддержку в карденасовском стане, мог быть нашим «крестным отцом», как не Висенте Ломбарде Толедано? Наверняка он виделся с Карденасом и вел с ним разговор по поводу деятельности троцкистов в Мексике, но все оставалось по-старому.

Позиция мексиканских властей, считал Сикейрос, не могла быть результатом простого бюрократического упрямства. Здесь, как он думал, могло сказываться влияние и других фактов и скорее всего — идеологическая сумбурность, политическая недалекость генерала Ласаро Карденаса. Возможно, он видел в то время в борьбе Троцкого обычную «семейную ссору» и не разглядел в нем орудие в руках фашизма, с одной стороны, и американского империализма — с другой. Безусловно, Карденас не видел, чем мог стать троцкизм в случае возникновения войны с фашизмом. Однако, несомненно, что Гитлер рассматривал Троцкого и троцкизм в качестве резервной пешки, которую можно будет использовать в нужный момент — во время войны или после нее, — чтобы «свести счеты с коммунизмом». Разве контрреволюционеры и империалисты не используют в своих целях таких пресловуто известных людей из других стран?

«Одним словом, — пишет Сикейрос, — речь теперь шла не о «мщении» бывших бойцов-мексиканцев, сражавшихся в рядах испанской республиканской армии, троцкистам за подлый мятеж, организованный ПОУМ в Барселоне, в глубоком тылу республиканского фронта. Речь отныне шла о том, чтобы воспрепятствовать той яростной пропаганде, которая ве-

лась из штаб-квартиры Троцкого, якобы с истинно марксистских, пролетарских позиций против Советского Союза. Кроме того, нам стало совершенно ясно, какие услуги мог оказать подобного рода «марксизм» возможной агрессии объединенных империалистических сил против первой страны социализма.

Наше стремление ликвидировать этот контрреволюционный политический центр отвечало самой динамике развития международной обстановки, характеризующейся возрастанием угрозы войны, которая могла разразиться еще до претворения в жизнь нашего намерения, и потому, мы считали, оно было оправданным от начала и до конца.

Вот так складывалась обстановка, когда мы, участники национально-революционной войны в Испании, сочли, что настало время осуществить задуманную нами операцию по захвату так называемой крепости Троцкого в квартале Койоакан. Детали этой, еще одной, нашей военной операции обстоятельно изложены в пятнадцати, а возможно, и более томах судебного процесса над нами».

В отношении личного участия Сикейроса в этой операции можно сказать лишь то, что в его задачу входило блокирование внешней охраны дома Троцкого, состоявшей из тридцати пяти вооруженных маузерами мексиканских полицейских, и эту задачу он должным образом выполнил.

В ходе судебного процесса он, кстати, отметил, что косвенную ответственность за их действия несет в немалой степени само правительство генерала Карденаса, а конкретно — министр внутренних дел лицензиат Гарсия Тельес. Говоря об этом, боевики не преминули напомнить о его в прошлом прогрессивных идеологических позициях. «Бедный Хосе Клементе Ороско, — заметил с улыбкой Сикейрос, — как бы он ужаснулся, услышав эту фразу! Для него это был чистый «марксистский жаргон».

Во всех показаниях Сикейроса на суде, как и в последующих заявлениях, написанных им в тюрьме, он всегда настаивал на справедливости осуществленных ими политических действий, указывая на политические причины превентивного характера и на достойные сожаления противоречия, в которых в данном случае запуталось правительство генерала Карденаса, бывшее в ту пору высшим выразителем идеалов мексиканской революции, и, как ему виделось тогда, оно и являлось именно таковым.

Следует сказать и о том, что Сикейрос никогда не отрицал того, что формально, если исходить из действующего в ту пору в стране законодательства, его участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 года безусловно являлось преступлением. За это он пробыл долгое время в тюрьме, свыше трех лет в изгнании, потерял большую сумму денег, внесенную в качестве залога, и подвергся оскорбительным нападениям во внешнем мире. Именно так оценивал свое участие в нападении на дом Троцкого Сикейрос и не роптал на судьбу.

Естественно, воспоминания Сикейроса — не единственное описание событий, связанных с покушением на Троцкого. Тема эта на протяжении целых десятилетий остается открытой и, хотя, казалось бы, уже детально исследована, становится вновь актуальной, когда в какой-либо стране меняется официальная идеология, когда то или иное общество переосмысливает свою собственную историю. Вот как в постсоветское время российский историк Федор Раззаков пытается исследовать убийство Троцкого с послеперестроечных позиций:

«В начале февраля 1938 года... в Париже с диагнозом «аппендицит» лег в больницу сын Льва Троцкого тридцатидвухлетний Лев Седов. Операция прошла успешно, и пациент со дня на день ждал выписки. Однако через четыре дня после операции наступило внезапное ухудшение состояния здоровья больного. Срочно была проведена новая операция, но она не принесла успеха. 16 февраля 1938 года Лев Седов скончался. Многие тогда связали эту смерть с происками НКВД. Лев Седов был самым активным помощником Льва Троцкого, и это, без сомнения, раздражало Москву. Поэтому и решено было Л. Седова убрать. Аксию по его устранению поручили агенту Иностранного отдела Павлу Судоплатову. Это поручение последовало сразу после того, как Судоплатов 23 мая 1938 года в Роттердаме лично взорвал лидера украинских националистов Евгения Коновальца.

Между тем после смерти сына угроза нависла и над отцом — Львом Троцким...

В том же феврале 1939 года, когда в Париже скончался Лев Седов, к Л. Троцкому в Мексику из США пришло письмо от бывшего майора НКВД... Александра Орлова. В своем послании А. Орлов писал, что после устранения Л. Седова на повестку дня у НКВД стало убийство самого Л. Троцкого. «Главное, Лев Давидович, — писал А. Орлов, — будьте на

страже, не доверяйте ни одному мужчине или женщине, которых провокатор может прислать вам или рекомендовать». Как показали дальнейшие события, А. Орлов был абсолютно прав в своих предостережениях. Однако сам Л. Троцкий не принял их во внимание».

Все вышеописанное практически не добавило в рассказ об убийстве Троцкого чего-то нового, как и последующее повествование, лишь с отдельными нюансами, оттенками, дорисовывает общую картину этого события.

«План убийства Л. Троцкого, — говорится далее, — НКВД начал детально прорабатывать в 1938 году. Для его осуществления в Барселону был отправлен кадровый советский разведчик, заместитель П. Судоплатова, Наум Эйтингон, который имел в этом городе любовницу — весьма популярную в Барселоне женщину, мать пятерых детей Карилад Меркадер (с нею Эйтингон сошелся еще в испанскую войну в 1936 году). Одному из детей этой женщины, Рамону Меркадеру, поначалу в планах НКВД отводилась определенная, хотя и не главная роль. Однако в дальнейшем судьба распорядилась иначе.

Летом 1938 года НКВД направил Рамона Меркадера в Париж, где он должен был завести знакомство с двумя троцкистками — сестрами Агелофф. В Париже тогда проходили заседания IV Интернационала, поэтому найти сестер для Меркадера не составило особого труда. Представившись им Жаком Морнаром, сыном бельгийского дипломата, Меркадер сразу обратил на себя внимание одной из сестер — Сильвии Агелофф. Сильвия время от времени как курьер приезжала в Мексику, работая в качестве секретаря Л. Троцкого. Будучи одинокой, Сильвия охотно приняла ухаживания молодого симпатичного мужчины, единственным недостатком которого она считала то, что он почти не интересовался политикой. Молодые провели несколько месяцев вместе, в течение которых Меркадер сорил деньгами и устраивал своей возлюбленной грандиозные вечеринки. Затем они на некоторое время расстались, так как Сильвия вынуждена была по делам уехать в США. Однако разлука длилась недолго. В феврале 1939 года Меркадер приехал к Сильвии в Нью-Йорк. На руках у него был фальшивый канадский паспорт на имя Фрэнка Джексона. На удивленную реплику Сильвии по этому поводу Меркадер ответил, что пошел на подлог, чтобы его не забрали на военную службу в Бельгии. Сильвии этого объяснения вполне хватило. Отпускать своего возлюбленного в армию в столь тревожное время она, конечно, не хотела.

В том же феврале 1939 года Лев Троцкий поменял свое очередное убежище. До этого в течение двух лет он жил в Койоакане, в Голубом доме известного художника, бывшего члена Коммунистической партии Мексики Диего Риверы. Ривера буквально боготворил Троцкого, и когда тот в январе 1937 года прибыл в Мексику, художник тут же предложил ему свой кров. Троцкий согласился. Правда, вскоре отплатил Ривере черной неблагодарностью. Дело в том, что у Риверы была красавица жена — Фрида Кальо. В том же году у Троцкого завязались с нею интимные отношения. И хотя их тайные встречи происходили на фазенде Сан-Мигель, в ста тридцати километрах от Мехико, слухи о них дошли сначала до жены Троцкого Натальи Седовой, а затем и до Диего Риверы. Отношения между мужчинами испортились. Троцкий прервал связь с Фридой, но холодок отчужденности между ним и хозяином дома сохранялся. И наконец в феврале 1939 года их дружба окончательно развалилась.

После этого Л. Троцкий с женой уехали и сняли дом на Авенида Вьена, что в предместье Койоакана. Дом этот был довольно старым и мало отвечал требованиям безопасности. Поэтому охранники Троцкого сразу после въезда принялись его укреплять. У ворот была поставлена наблюдательная вышка, у стен положены мешки с песком и установлена сигнализация. Пятеро полицейских круглосуточно охраняли дом снаружи, остальные десять охранников дежурили внутри дома. Все они были хорошо вооружены и обучены. Вот уже несколько лет Троцкий жил в постоянном ожидании нападения и поэтому был весьма осторожен. Хотя порой и терял бдительность, позволяя себе заходить к соседям, бродя без охраны возле дома. Охрана всегда выговаривала ему за подобные поступки, и Троцкий в конце концов окончательно смирился с положением затворника.

Его редкие поездки всегда обставлялись глубокой тайной. В машине Троцкого обычно сопровождали жена, водитель и охранник. Однако и эти поездки пришлось прекратить, когда из Румынии пришло сообщение об убийстве премьер-министра страны Арманда Кэлинеску. Случилось оно 21 сентября 1939 года. А. Кэлинеску стал премьером Румынии совсем недавно, будучи до этого министром внутренних дел страны. В 1939 году он распорядился провести массовые аресты среди легионеров-фашистов, после чего многих из них расстреляли. Это и стоило жизни новому премьеру. 21 сентября, когда он ехал в машине на заседание совета министров, на одной из

улиц Бухареста дорогу движению внезапно преградила телега. В тот момент, когда шофер премьер-министра нажал на тормоз, из стоявшей за углом соседнего дома машины выскочили девять террористов и буквально изрешетили из пистолетов автомобиль премьера. А. Кэлинеску был убит на месте. После этого террористы ворвались в здание центральной радиостанции и на всю страну объявили, что только что они, легионеры Святого Михаила Архангела, убили премьер-министра страны и взяли власть в свои руки. Однако насладиться властью легионерам так и не удалось. Буквально через несколько минут после выхода в эфир их задержала полиция. Всех девятих привели на место убийства А. Кэлинеску и на глазах толпы расстреляли. Трупы убитых не убирали в течение ночи и следующего дня, как бы в назидание будущим террористам... А. Кэлинеску стал вторым премьер-министром Румынии в 30-х годах, убитым террористами. Первым был Ион Дука, которого застрелили на перроне синайского вокзала 29 декабря 1933 года.

Между тем к 1940 году Сталин уничтожил всех своих политических оппонентов, тех, с кем он совершал Октябрьский переворот в 1917 году. В мир иной уже отправились Г. Зиновьев, Н. Бухарин, А. Рыков, Л. Каменев, А. Бубнов, Г. Сокольников, М. Томский, Н. Крестинский, Я. Рудзутак — люди, которые входили в ленинский (до 1924 года) состав Политбюро. К 1940 году в живых из того состава остались И. Сталин, М. Калинин, В. Молотов и Л. Троцкий. Соседство с последним больше всего и раздражало Сталина. Ведь Троцкий, даже выдворенный из СССР, выкинутый, казалось бы, из политики, продолжал свою борьбу со Сталиным, писал о нем книгу. А в конце апреля 1940 года Троцкий сочинил «Послание к советским рабочим, крестьянам, солдатам и морякам», в котором заявлял: «Ваши газеты лгут вам в интересах Каина-Сталина, его развращенных комиссаров, секретарей и агентов ГПУ... Позорные деяния Сталина лишают Советский Союз симпатий за рубежом, изолируют его и укрепляют его врагов. Эти преступления — главный источник опасности для Советского Союза...»

По всей видимости, это послание ускорило трагическую развязку в судьбе Л. Троцкого. Советская госбезопасность активизировала свои действия по его устранению. В связи с этим Рамон Меркадер получил задание проникнуть в дом Троцкого на Авенида Вьена. Он прибыл в Мексику в октябре 1939 года якобы для работы в

одной из экспортно-импортных фирм. Живя в Мехико, Сильвия регулярно ездила к Троцкому, так как работала у него секретарем. А подвозил ее на своей машине к дому на Авенида Вьена Рамон Меркадер.

В марте 1940 года Сильвия срочно выехала в Нью-Йорк. К тому моменту Меркадера уже хорошо знали в доме Троцкого, хотя он туда ни разу не входил. Сильвия сама рассказала о нем Троцкому, его жене и даже охранникам. С последними Меркадер часто коротал время на улице, дожидаясь Сильвию возле машины. Однако войти в дом Троцкого случая никак не представлялось. И лишь в марте, когда Сильвия уехала в Нью-Йорк, этот случай наконец представился.

В доме Троцкого жила также семья Росмер. В марте Альфред Росмер заболел, и Меркадера—Джексона попросили отвезти его на своей машине в больницу. А после выздоровления Меркадер стал привозить Альфреду медикаменты. Тогда-то он впервые вошел в дом Троцкого. Вошел не для того, чтобы убить старика, а пока для того, чтобы изучить обстановку в доме, познакомиться с его планировкой. К тому времени охрана дома была увеличена, хотя надо отметить, что среди охранников были и малоопытные люди, одним из которых оказался молодой человек по имени Роберт Шелдон Харт.

В ночь на 23 мая 1940 года группа из двадцати шести человек (в ее составе находился Иосиф Григулевич, разведчик-нелегал, в будущем — член-корреспондент Академии наук СССР) во главе со знаменитым мексиканским художником и коммунистом Давидом Альфаро Сикейросом, напала на наружную охрану Троцкого и разоружила ее. После этого был подан условный сигнал, и Роберт Шелдон Харт открыл восточную дверь. Те проникли на территорию дома, разоружили внутреннюю охрану и, установив на улице пулемет, открыли огонь по окнам спальни Троцкого. Во время этого обстрела было выпущено около двухсот пуль, и, что самое удивительное, ни одна из них (!) не причинила ни малейшего вреда ни Троцкому, ни его жене Наталье, ни их внуку Севе.

Постреляв таким образом с улицы и не войдя внутрь дома, налетчики удалились так же молниеносно, как и пришли. Через полчаса в дом явилась полиция во главе с полковником Салазаром. И первое, о чем он подумал, увидев Троцкого и всю его семью живыми и невре-

димыми: не мистификация ли все это? Ведь чего проще было налетчикам войти в спальню безоружного хозяина дома и спокойно застрелить его, а не бить по окнам из пулемета, чтобы затем уйти, даже не удостоверившись, жив или нет тот, в кого стреляли?

Между тем сам Троцкий настаивал на том, что налет — дело рук агентов Сталина. Этой же версии придерживаются и многие исследователи жизни Л. Троцкого. Но существует и другая версия. Базируется она на том, что Сикейрос, будучи другом Диего Риверы, узнал о том, чем отплатил Троцкий Ривере за его гостеприимство, и решил устроить для Троцкого показательный акт возмездия.

После налета друзья Троцкого подарили ему пуленепробиваемый жилет, который тот, однако, на себя почти не надевал. Троцкий пренебрегал советами своей охраны, которая настаивала на тщательном обыске всех лиц, которые входили в дом. Но он запретил это делать, не желая ставить в неловкое положение своих гостей. В конце концов это благодушие и стоило Льву Троцкому жизни.

28 мая 1940 года, то есть через пять дней после налета, Троцкий впервые увиделся с Рамоном Меркадером. Эта встреча была случайной, но не мимолетной. Меркадер должен был перевезти из дома Троцкого семью Росмер, а перед отъездом устроили небольшое застолье, на которое и пригласили Меркадера. После этого случая он появился в доме Троцкого еще раз — 12 июля, — но пробыл там всего несколько минут. А 29 июля Троцкий и его жена пригласили Сильвию Агелофф и Рамона Меркадера на чай. Встреча эта длилась около часа, и на ней Меркадер показал себя превосходным актером. Он был в меру застенчив, в меру аполитичен и в основном говорил об альпинизме, которым увлекался. До убийства Л. Троцкого оставалось всего двадцать два дня.

17 августа Меркадер провел «генеральную репетицию» предстоящего покушения. Он пришел к Троцкому со своей статьей о положении во Франции и попросил старика отредактировать ее. Троцкий, зная о том, что Меркадер делает свои первые шаги на политическом поприще как троцкист, согласился уделить время молодому человеку. Они уединились в кабинете Троцкого и провели там около десяти минут. Как рассказывали затем оче-

видцы, после этого разговора у Троцкого появились какие-то подозрения насчет Меркадера. Однако даже это не заставило насторожиться домочадцев Троцкого и его охрану.

20 августа 1940 года около пяти часов вечера Троцкий занимался своим любимым делом — кормил кроликов. В это время к нему подошел Меркадер. Несмотря на жару, он был в шляпе и с перекинутым через руку пальто. Он принес статью, теперь уже исправленную, и просил Троцкого вновь ее просмотреть. Как рассказывала позднее Наталья Седова: «Льву Давидовичу не хотелось расставаться с кроликами, и он совершенно не интересовался статьей, но, взяв себя под контроль, он сказал: «Хорошо, что вы скажете, если мы пройдемся по вашей статье?» Неторопливо он закрыл клетки, снял свои рабочие перчатки... Почистил свою синюю куртку и медленно молча пошел со мной и «Джексоном» к дому. Я сопровождала их до дверей кабинета Льва Давидовича. Дверь закрылась, а я прошла в соседнюю комнату».

Войдя в кабинет, Троцкий взял листки со статьей и присел за свой стол. Меркадер встал сбоку. Когда он понял, что старик увлекся чтением, он достал спрятанный в одежде ледоруб и обрушил его на голову Троцкого. Причем сделал это крайне неумело, видимо закрыв глаза. Несмотря на то что ледоруб пробил Троцкому череп, в следующую секунду он вскочил из-за стола и диким голосом закричал. Меркадер подобного поворота событий явно не ожидал. По плану он должен был тихо убить старика, выйти из дома и уехать на машине, которая стояла в ста метрах от ворот дома (в машине его ждала мать и ее любовник, полковник НКВД Наум Эйтингон).

В следующую секунду, перестав кричать, Троцкий вырвал у Меркадера из рук ледоруб и даже укусил его за палец. Меркадер был в явном смятении, вяло защищался и не использовал в схватке спрятанные в одежде револьвер и кинжал. Привлеченные шумом, в комнату вбежали охранники и принялись избивать его рукоятками пистолетов. Но Троцкий, лежавший на полу кабинета и поддерживаемый женою, приказал им прекратить избивание.

Вскоре к дому Троцкого приехала полиция, карета «скорой помощи». В 19.30 в больнице ему сделали тре-

панацию черепа. Рана на его голове была размером два и три четверти дюйма. Правая теменная кость пробита, осколки вонзились в мозг. Во время операции Троцкий потерял сознание и больше в себя не приходил. 21 августа в 19.25 он скончался.

А Рамона Меркадера в это время допрашивали в полиции. Допрашивали как Фрэнка Джексона (его настоящее имя откроется для исследователей только в 1953 году). Однако допросы эти так ни к чему и не привели, так как Меркадер выставлял себя как убийцу-одиночку, начисто отвергая причастность к этому убийству НКВД. Впоследствии это даст повод некоторым историкам считать причиной убийства Л. Троцкого... банальную ревность. Мол, Меркадер приревновал к старику свою возлюбленную Сильвию Агелофф. Что ж, зная о «любовео-бильности» Троцкого, эту версию тоже нельзя отметить окончательно. Вот и историк Н. Васецкий в своей аннотации к книге И. Дойчера «Троцкий в изгнании» пишет: «Игра на чувстве мести Троцкому оскорбленного им мужчины займет центральное место в цепи мер по подготовке убийства Троцкого. Это лишний раз говорит о том, что истории, подобные его флирту с Фридой, не были каким-то ЧП в жизни Троцкого. Отсюда и расчет будущих организаторов его убийства».

6 июня 1941 года на стол Сталина лег документ следующего содержания:

«Группой работников НКВД в 1940 году было успешно выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прошу Вашего решения. Народный комиссар внутренних дел Л. Берия».

Сталин написал на документе «за» и расписался. Закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью Калинина и Горкина были награждены: орденом Ленина — Меркадер Каридад Рамоновна и Эйтингон Наум Исаакович; орденом Красного Знамени — Василевский Лев Петрович и Судоплатов Павел Анатольевич; орденом Красной Звезды — Григулевич Иосиф Романуальдович и Пастельняк Павел Пантелеймонович...

Рамон Меркадер отсидел срок в мексиканской тюрьме «от звонка до звонка». Видимо, по заданию НКВД его навещала незнакомая ему прежде артистка кабаре Роке-

лия, которая затем станет его женой. В начале 60-х годов Меркадер освободится из тюрьмы и получит политическое убежище и гражданство в Чехословакии. Однако туда он не поедет, а через Гавану и Ригу прибудет в Москву, получит квартиру на Фрунзенской набережной. Мать его, Каридад Меркадер, к тому времени будет жить в Мексике (уехала из СССР в 1944 году) и лишь дважды навестит в Москве одного из самых заблудших своих сыновей. Умрет она во Франции в 1975 году. Рамон Меркадер переживет свою мать ненамного. Тяжелобольной, он уприсит советское правительство отпустить его на Кубу. Там и умрет в 1978 году. Однако тело его привезут в Москву и похоронят без особых почестей.

Один из главных организаторов убийства Л. Троцкого, советский разведчик Наум Эйтингон, прожив 82 года, большая часть из которых была отдана советской разведке, скончался в мае 1981 года и похоронен на Донском кладбище в Москве. Как считает Владимир Эйтингон, сын разведчика, акция устранения Л. Троцкого была самой громкой, но отнюдь не самой крупной операцией отца. Н. Эйтингон был вербовщиком Рихарда Зорге, разрабатывал операцию по устранению Якова Блюмкина в 1929 году (того самого, который в 1918 году застрелил германского посла В. Мирбаха), работал с Кимом Филби, Абелем, «атомными разведчиками», создавал диверсионный отряд полковника Медведева, расшифровывал немецкие операции «Средняя Волга» и «Кремль» и т. д. После смерти Сталина Н. Эйтингона арестовали, как человека Берия, и посадили на двенадцать лет. Вернулся он постаревшим и изможденным человеком. По словам сына, «в конце жизни он имел рядовую пенсию, donaшивал старую одежду и жил в обычной двухкомнатной квартире. И ничего не говорило о его необычной судьбе и неординарной личности» (Раззакон Ф. И. Век террора: Хроника покушений. М., 1997. С. 87—95).

В секретной переписке мексиканской резидентуры НКГБ с Москвой Рамон Меркадер проходил под псевдонимом Тролля. Ликвидатор Троцкого, отбывавший 20-летний срок в тюрьме Лекумберри, и в самом деле сроднился с безликими каменными стенами «черного замка». Так окрестил тюрьму мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос, который попал за решетку рань-

ше — за первую «пулеметную» операцию, разработанную и методично осуществленную по прямому указанию Сталина.

Боевая группа испанцев и мексиканцев 24 мая 1940 года буквально изрешетила пулями стены убежища Троцкого в Койоакане, но в тот раз providение спасло Старику. Сикейроса через некоторое время схватили, но ему, счастливчику, повезло. Президент Мексики Мануэль Авила Камачо «отпустил» художнику грехи с условием, что тот надолго покинет страну. Знаменитый уже тогда Давид Альфаро, не мешкая, направился в аэропорт и потом, меняя маршруты и средства передвижения (из-за преследования ФБР и угроз троцкистов), укрылся в Чили. А вот Рамон Меркадер, нанесший Троцкому смертельный удар ледорубом 20 августа того же года, «застрял» в Лекумберри. Его адвокату Эдуардо Сенисеросу после многолетних усилий удалось «скостить» срок клиенту всего на четыре месяца.

Все писавшие о Меркадере обычно недоумевали, почему ему не помогли выйти досрочно? Как правило, спецслужбы делают все возможное и невозможное, чтобы выручить своих людей. Что же случилось? Что не сработало в механизме столь отлаженной и всемогущей организации?

Одна из причин на виду. Через десять месяцев после убийства Троцкого началась Великая Отечественная война. Все усилия внешней разведки были сосредоточены на обеспечении стратегической информацией советского руководства и командования Красной Армии. Другие задачи, какими бы важными они ни казались до 22 июня, разом потеряли приоритет.

Наверное, и сам Рамон понимал, что его покровители из НКВД заняты более важными вопросами. Не до него! Достаточно и того, что руководитель операции в Мехико Наум Эйтингон (Леонид Котов, Том), покидая страну, оставил своего рода «группу поддержки», главной задачей которой было оказание помощи узнику деньгами, дополнительным питанием, в организации защиты от покушений уголовных элементов, нанятых троцкистами. Необходимые средства были оставлены и Сенисеросу.

В таком статичном положении дело Меркадера принял Лев Петрович Тарасов (Василевский), резидент со-

ветской разведки, прибывший в Мексику с паспортом первого секретаря посольства в мае 1943 года. Нет сомнений, что среди поставленных перед ним задач была и эта: любой ценой вызволить Тролля, который терпеливо пребывал в «черном замке» третий год, ничем не проявляя недовольства: ему уже приходилось сидеть в тюремных казематах в Испании в начале 30-х за принадлежность к комсомолу и организацию забастовок. Но мексиканский опыт был тяжелее. Не раз на него нападали уголовники, лезвия ножей сверкали в сантиметрах от горла. Пришлось обзавестись охраной из таких же отпетых уголовников, да и сам он не расставался с ножом-выкидушкой. Досаждали визитами назойливые журналисты и издатели, подстерегавшие момент, когда он расслабится и будет готов «рассказать все».

Рамон похудел, ибо страдал от желудочных болей. Ему казалось, что его травят намеренно, чтобы, как собаку, бросить в безымянную могилу на тюремном кладбище. Он тосковал по общению с единомышленниками, а посещения «симпатизантов» вызывали у него беспокойство. Не ловушка ли? Тролля обладал интеллектом выше среднего, гибкой психикой, позволявшей ему схватывать внутренний настрой собеседника, но это же вселяло в него страх: всегда можно ошибиться... Поверить и ошибиться... Ведь обманулись же в нем сам Троцкий и его окружение!

История незавершенных (неосуществленных) побегов Меркадера — это отчасти и путь искупления его вины...

В Москве же действительно помнили о Рамоне Меркадере и о его матери. Однажды, после недолгой беседы с Павлом Фитиным, начальником разведки, Лаврентий Берия принял наконец решение относительно Каридад Меркадер: раз просится, настаивает — из страны выпустить. Пускай едет. Под надежным присмотром. Куда-нибудь подальше от Европы, например на Кубу. Там пусть и дожидается сына.

Подписывая рапорт на командировку Каридад (Кирь), Берия знал, что все тревоги и заботы по этому делу лягут на плечи Фитина и нового министра безопасности В. Н. Меркулова. Ему полезно поволноваться, сбросить лишний жирок. У Каридад — мужской характер, она своевольна, несдержанна на язык, эгоцентрична.

В советскую жизнь не вписалась: слишком независима. А в карибских широтах ей самое место. Может, там умирот свой темперамент? Хотя весьма-весьма сомнительно...

Каридад дель Рио родилась в 1892 году в Сантьяго-де-Куба. Ее отец был губернатором провинции и вошел в историю острова тем, что первым дал вольную черным рабам. В начале нынешнего века семья переехала в Испанию. Каридад отдали в привилегированную школу «Саградо Корасон де Хесус», где она выделялась недюжинными способностями, хорошей памятью и независимостью. Любила лошадей, была отважной наездницей. Претендентов на ее руку было много, но выбор Каридад пал на Пабло Меркадера Марина из богатой семьи владельцев текстильных фабрик в городе Бадалона под Барселоной. Он был слишком добр и мягок по характеру, что и предопределило будущее этой супружеской пары. На некоторое время прекрасная амазонка стала добропорядочной матерью, исправно рожала детей: четырех сыновей — Пабло, Рамона, Хорхе, Луиса и дочь Монсеррат.

Однако уже в начале 20-х она увлеклась политикой — безоглядно, самоотверженно — и сблизилась с анархистами, богемой, бунтующими интеллектуалами. Видимо, не без ее согласия текстильные фабрики Меркадеров подверглись атакам «бомбистов». Для нее это был символический акт «разрыва с эксплуататорскими классами». На некоторое время анархистку отправили в психиатрическую лечебницу. В 1925 году она бросила мужа и уехала с детьми во Францию. Вначале пыталась стать «цивилизованным фермером», но не получилось. Затем ресторанчик в Тулузе. Под влиянием неудач и разочарований пыталась покончить с собой. Где-то в 1934—1935 годах вступила в Компартию Франции, предчувствуя, что именно в рядах марксистов она найдет выход переполнявшему ее желанию перестроить мир на началах всеобщей справедливости. В октябре 1934 года участвовала в барселонском восстании. В 1936 году пламенная Каридад привлекла внимание сотрудников НКВД...

Подготовка операции по отъезду Каридад и ее спутницы — Анны Каратаевой (Инес), которая по легенде прикрытия являлась «дочерью Киры», началась весной 1944 года и заняла около пяти месяцев. Без каких-либо

осложнений «Дуэт» (так они проходили по оперативной переписке) преодолел путь по маршруту Москва — Владивосток — Сан-Франциско — Мехико. Здесь предполагалась небольшая, на два-три дня, передышка, и затем последний этап — через Веракрус в Гавану. Но в мексиканской столице произошел сбой: Каридад категорически отказалась следовать дальше.

Ю. А. Марков вспоминал: «Нечто подобное от нее ожидали. Материнская боль, необузданность чувств, недовольство нашей «медлительностью» в деле освобождения ее сына подтолкнули ее к неподчинению. Тогдашнему резиденту в Мехико Тарасову, который знал ее по Испании и Франции, было тяжело с Кирой. Каридад постоянно укоряла его Эйтингном, той разворотливостью и эффективностью, с которой Том проводил самые рискованные операции. Она не могла понять, что отчаянно-романтические времена в разведке миновали, а разведчики, имеющие карт-бланш на импровизации, безвозвратно ушли в прошлое. Разведоперации жестко контролировались мощным аппаратом Центра, для которого разведчик был «строгим подотчетным» исполнителем. Каждый серьезный шаг согласовывался. За импровизации и отсебятину взыскивали».

Итак, Каридад появилась в Мехико в середине декабря 1944 года. Как и следовало ожидать, «Дуэт» тут же распался. Кира отказалась от встреч с Каратаевой, с которой не нашла общего языка. Она вообще плохо уживалась с женщинами, даже если это была Долорес Ибаррури, и постоянное присутствие рядом спутницы «от НКВД» ее раздражало, хотя, по замыслу разработчиков операции, Инес должна была выступать в роли связной Каридад с «легальной» резидентурой в Гаване. Это уберегло бы внешне приметную Киру от ненужного риска. Упрямства и ожесточения Каридад не пересилили ни Тарасов, ни затем Григорий Каспаров, сменивший его на посту резидента.

Уже к Рождеству «группой поддержки» был полностью подготовлен побег Рамона из тюрьмы. Его должны были перебросить в Веракрус и после «профилактической» отсидки на конспиративной квартире переправить в Гавану на судне, регулярно курсировавшем между этими портами. Кубинский паспорт на Тролля был заготовлен и дожидался своего часа в сейфе у резидента.

Вторжение Каридад в операцию — иначе не скажешь — стало катастрофой. Этому трудно найти оправдание. Скорее всего, она не вполне контролировала себя. Зная Каридад по Москве испанцы впоследствии вспоминали о приступах истерии, находивших на нее. Состояние перевозбужденности, психической нестабильности, связанное с переживаниями (все более интенсивными) за сына, требовало выхода, разрядки, решительных действий по его освобождению. Ее переполняли ярость и злость на всех, кто имел отношение к делу Тролля. Не советуясь ни с кем, пренебрегая конспирацией, Каридад начала действовать самостоятельно, не разобравшись в обстановке, толком не обсудив ситуацию ни с Тарасовым, ни с Каспаровым. Она решила опереться на людей Эيتينгона, многие из которых были «заморожены» после операций по ликвидации Троцкого.

Каридад Меркадер хорошо знали в Мехико. В 1936 году испанское правительство направило ее сюда для закупки оружия. Переговоры велись со многими влиятельными лицами, в том числе с президентом страны Ласаро Карденасом, и привлекли всеобщее внимание, включая прессу и секретные службы. Каридад принимала участие в массовых актах солидарности с борьбой республиканцев против фашистского мятежа. Вместе с Ломбардо Толедано — профсоюзным лидером, крупным политиком левой ориентации она, надев защитный комбинезон интербригадовца, шагала во главе манифестаций.

Оказавшись в Мехико вновь, Каридад не могла рассчитывать, что останется незамеченной. Крупное лицо драматической актрисы, не по-женски строгий взгляд неуступчивых глаз, упрямый лоб, уверенная поступь — ее замечали повсюду. «На меня всегда смотрели, всегда выделяли из толпы, всю жизнь», — призналась она как-то младшему сыну Луису. И Мехико не был исключением. Конечно, Кира попробовала изменить свой облик: осветлила волосы, подстриглась, ходила без очков, обновила гардероб, не поскупившись на дорогие одежду и обувь. Но вряд ли это помогло замаскироваться. А отсутствие очков и вовсе сделало ее беспомощной: она перестала замечать за собой наружное наблюдение.

Если личность убийцы Троцкого Рамона Меркадера — Жака Морнара — раньше связывали с Советским Союзом и НКВД по косвенным признакам, по принципу «ко-

му выгодно?», то появление Каридад в Мехико и ее неуклюжие маневры вокруг Лекумберри, неосторожные высказывания, непродуманные контакты, конфликты с оперативными работниками неумолимо вели к разоблачению ее сына. В Мехико прибывало все больше испанцев, общавшихся с Каридад в Москве, в той или иной степени посвященных в ее прошлую жизнь. Они не забыли орден Ленина на отвороте ее жакета и догадывались, за что он получен. Испанская колония в советской столице была как одна большая семья, секреты «просачивались», и слухи о Рамоне распространялись все активнее. Ну, а в Мехико никаких ограничений на «разговорчики» не было: Берия был далеко.

И трех недель не прошло после приезда Каридад в Мехико, а последствия уже сказались: посуровел режим содержания Рамона в тюрьме, появились дополнительные надзиратели, больше внимания уделялось его «визитерам». Как назло, из Лекумберри сбежали два уголовника, что заставило начальство взяться за смену персонала. Угроза увольнения повлияла на имевшиеся уже договоренности с рядом охранников и тюремных чинов. Но Кира продолжала действовать в одиночку. При встречах с Каспаровым она умалчивала о характере своих многочисленных контактов. Один из первых визитов Каридад нанесла Марте Меллер...

Примерно в это же время Мартой Меллер заинтересовался секретный агент управления безопасности (УБ) федерального округа Альваро Баэса. Сделаем небольшое отступление...

Баэса знал, что он неизлечимо болен. Перенесенные им инфаркты предвещали неминуемый конец. К этой мрачной перспективе Альваро относился с фатализмом, достойным сына баска и индианки. На службе он, как мог, скрывал недомогания: если очередной и, не исключено, последний приступ случится на работе, жена и дети получат за него дополнительную выплату по страховке.

Но Баэса не хотел уходить из жизни бесследно и поэтому решил оставить о себе своего рода «письменный отчет». Дескать, жил-был полицейский агент Альваро Баэса, честно исполнял свой долг и т. д. Агенты не пишут мемуаров, а он напишет. Всякий, кто возьмет их в руки и прочтет, как бы воскресит его, вернет из забве-

ния... Именно так агент УБ изложил мотивы, побудившие его в середине 1948 года отнести рукопись в типографию «Графос». В ноябре он скончался. Как сообщил один из столичных журналов, смерть наступила от «разрыва сердца».

В книге «Цена преступления» Баэса рассказал о себе много любопытного. Уволенный с нефтепромыслов, Альваро завербовался в полицию, где начал с незначительной должности «вспомогательного агента». Затем был переведен на охрану все тех же нефтепромыслов, где «впрок» накапливал информацию о злоупотреблениях американцев по сокрытию доходов. Эти материалы Баэса передал Ласаро Карденасу, национализировавшему в 1938 году предприятия английских и американских нефтяных компаний. Знание тайных делишек янки пригодилось, и Баэса быстро продвигался по служебной лестнице. В 1935 году он впервые «живьем» увидел Троцкого: мексиканцу поручили возглавлять охрану «русского революционера» во время сентябрьских торжеств и сказали, что за жизнь этого человека он отвечает головой. Мексиканское правительство серьезно относилось к предоставленному Троцкому «праву на убежище» и старалось уберечь его от неприятностей. Всякий, кто осмелился бы посягнуть на государственного гостя, становился врагом Мексики, достойным самого сурового наказания.

В своей книге Баэса упомянул и о полицейском агенте Агустине Дарке, бывшем члене Компартии Каталонии, участнике гражданской войны в Испании. Этот Дарка примерно через полгода после убийства Троцкого вручил своему полицейскому шефу донесение, в котором назвал подлинное имя Жака Морнара. Оказывается, что его семью каталонец хорошо знал по Барселоне, а самого убийцу — как Рамона Меркадера, комсомольского активиста. Никто в полиции этих сведений всерьез не принял. Удобнее было довольствоваться той информацией, которую сообщила Сильвия Агелофф, невеста Жака. Она знала всю «предысторию» Морнара (с его собственных слов), и следствие сочло достоверными эти данные, хотя большей частью то была «липа».

Только в 1944 году Баэса вспомнил о невостребованном сообщении Дарка и между делом, для собственного

развлечения стал проводить его проверку. Вскоре, к своему удивлению, он пришел к выводу, что агент не придумал Меркадера, чтобы выудить из УБ дополнительное вознаграждение. Однако к каталонцу Баэса больше не обращался, потому что проведал о его работе на ФБР в Мехико. Альваро стал действовать по своим каналам. Оперативные возможности были у него фантастические: его ввели в элитную «президентскую разведку», созданную по личному распоряжению Мигеля Алемана. Задачей группы, входившей для маскировки в структуру УБ, был сбор информации о политическом положении в стране. Должность позволяла Баэсу разрабатывать Морнара—Меркадера и не докладывать начальнику разведки подполковнику Серрано о своем невинном хобби.

Вскоре Альваро установил, что в Мехико проявляет постоянный интерес к «бельгийцу» еще один человек: Марта Меллер, пожилая испанская эмигрантка, известная активистка борьбы за права женщин, журналистка, которой мексиканское правительство предоставило работу в министерстве образования. Посредницей Меллер в поддержании связи с заключенным была ее тридцатилетняя дочь Магда.

Марта не скрывала своих просоветских взглядов, вела активную публицистическую деятельность, прославлявшую мощь Советского Союза и Красной Армии. Испанка принимала живое участие в работе Федерации защиты интересов испанских эмигрантов (ФОАРЕ), в которую входили представители различных эмигрантских организаций. В полиции и ФБР считали ФОАРЕ кузницей кадров для советской разведки в Мексике.

Баэса проведал, что испанские и мексиканские коммунисты с недоверием относятся к Меллер. Ее обвиняли в «скрытом троцкизме», «предательской деятельности», даже в сотрудничестве с немецкой разведкой, которое, дескать, началось еще в годы первой мировой войны, когда Марта вышла замуж за видного немецкого дипломата, работавшего в Испании.

Не осталось незамеченным Баэсом и то, что испанку не приглашали на приемы в советское посольство: это косвенно подтверждало эмигрантские сплетни о Меллер. С другой стороны, ходили слухи, что сын журналистки — Гарсиа — воевал на стороне Красной Армии и погиб в бою.

Да, сплошные загадки, и секретный агент Баэса испытывал удовольствие от того, что он сможет раскрыть их.

Руководители секции Испанской компартии в Мексике не доверяли Меллер. Вернее, делали вид, что не доверяют. От нее добивались откровенного признания о характере ее связи с НКВД: «У тебя не должно быть секретов от партии. Все останется между нами. В чем ты конкретно помогаешь «советикос»?»

Верная данному слову о «неразглашении», донья Марта молчала, и партийные вожди не могли простить ей этого. Как следствие — исключение Меллер из партии «за троцкизм». Слухи довершили остальное. Немолодая уже женщина болезненно переживала эту несправедливость, настойчиво добивалась пересмотра решения. Она не раз обращалась по этому вопросу в советское посольство, а бывшим соратникам по партии пригрозила разоблачениями, если ее будут держать в политических изгоях.

О своем сотрудничестве с советской разведкой Меллер молчала как каменная. Еще бы, в 1939—1940 годах ее квартира в Мехико служила оперативной базой Эйтингону: там он пережидал облавы, хранил документы и «казну», оттуда через связников руководил операцией.

Меллер входила и в «группу поддержки» Тролля, постоянно подталкивала к энергичным действиям своих товарищей-испанцев Хуана и Гарри. Это было самое подходящее время, чтобы вытащить Рамона из тюрьмы. Никто не стал бы связывать побег Тролля с «рукой Москвы», поскольку посольство СССР обосновалось в Мехико только во второй половине 1943 года.

К сожалению, попытки Меллер расшевелить коллег оказались бесполезными, и они, недовольные ее «назойливостью», воспользовались ее конфликтом с компартией — ей отказали в политической доверии, тем более ее нельзя подпускать к Троллю. И вот лживые выдумки партвождей были сообщены в нью-йоркскую резидентуру, опекавшую издали Тролля: «Меллер — матерый немецкий агент, у нее подозрительная смычка с мексиканским правительством, она — скрытая троцкистка» и т.д.

В этих интригах, сплетнях и клубке взаимных обвинений пришлось терпеливо разбираться Каспарову. Он

быстро понял, что руководство Испанской компартии изгнало Меллер из «рядов», опасаясь ее провала в деле Тролля. Возможные осложнения подорвали бы авторитет партии, которую и без того реакционная мексиканская пресса заклеила «пятой колонной большевизма» в стране. Каспарова беспокоила не Меллер — «мужественная женщина, написавшая много книг и статей в поддержку Советского Союза, несмотря на болезни и издерганные нервы», а деятели Компартии Испании, проявлявшие нездоровый интерес к операциям советской разведки.

Подобного рода сигналы поступали к резиденту постоянно, и, учитывая, что испанская эмиграция все больше расслаивалась, теряя былую боевитость и идеологическую однородность (коммунистическую, конечно), нередко перекидываясь во враждебный лагерь, чрезмерное любопытство «партийной головки» к работе НКГБ в Мексике могло означать и чей-то скрытый интерес к делу Тролля.

В руководстве Испанской компартии обострялась борьба между приверженцами Ибаррури и ее оппонентами — сторонниками «новой линии», не виновными в горьких поражениях гражданской войны. В эпицентре этого противостояния были испытанные члены КПИ Хесус Эрнандес и Энрике Кастро Дельгадо. Член «американского секретариата» КПИ Эрнандес выехал из СССР в Мексику, где был встречен властями с почестями, полагающимися бывшему министру Испанской республики. Плохо рассчитав свои возможности, он попробовал изменить ситуацию в мексиканской секции КПИ и захватить бразды правления в свои руки. Но сторонники Ибаррури держались стойко, и он проиграл.

Его друг Кастро, который тогда находился в Москве, действовал «параллельным курсом», правда более осторожно, и тоже не преуспел. 5 мая 1944 года руководство КПИ провело заседание с ясно очерченной задачей: исключить из партии Эрнандеса, а Кастро вывести из ЦК. В ход были пущены аргументы самого разного калибра, вплоть до обвинения «диссидентов» в моральной деградации, безбедной жизни в годы войны, личной нескромности и прочих грехах.

Несмотря на протесты Долорес, советские власти все-таки разрешили выезд Кастро в Мексику. Такой либе-

рализм в отношении Эрнандеса и Кастро испанская эмиграция восприняла как очевидный факт их принадлежности к НКВД. Очутившись в Мексике, и Кастро, и Эрнандес по инерции пытались по всем спорным вопросам апеллировать к посольству СССР, разоблачая «коррупционированную шайку» Ибаррури. Они пытались вовлечь в свою «борьбу» и Меллер. Еще бы, ее тоже исключили!

И вот, в этой взрывоопасной обстановке, по испанской колонии все настойчивее циркулировали слухи о странной миссии Каридад Меркадер, ее экстравагантном поведении, сумасшедших тратах, мало скрываемой близости к советским дипломатам (несколько раз замечали автомашины с посольскими номерами у ее дома). Все очевиднее становилось, что Кира могла стать разменной монетой во фракционной борьбе в КПИ.

..Встреча Меркадер и Марты Меллер прошла на квартире последней. Они хорошо знали друг друга, и Каридад не нуждалась в долгом предисловии. Кира тут же перешла к делу: как связаться с руководителем «группы поддержки»? кто входит в нее? на какое число назначена операция? Каридад пригрозила: «Если меня не свяжут с нелегальным руководителем, я сама пойду к Рамону и выясню все лично у него».

Это был ультиматум, и поэтому за одну ночь, в нарушение всех правил безопасности, пришлось организовать встречу Каридад с Александром Купером, который после прибытия в Мехико летом 1944 года вел незаметную работу по подготовке «выписки больного из госпиталя». Именно он был новым нелегальным уполномоченным НКГБ вместо Хуана и Гарри.

По имеющимся сведениям, Купер был «важной фигурой» в НКГБ, пользовался там немалым доверием. Родился он в Женеве, в испанской семье с «еврейскими корнями», которая затем переехала в Вигу, портовый город Испании. Получил медицинское образование и был неплохим хирургом. С советскими органами безопасности начал сотрудничать в годы гражданской войны в Испании. Побег Тролля из тюрьмы, подготавливаемый его группой, являлся, по мнению Купера, альтернативой на тот случай, если бы не удалось «договориться» о полюбовной сделке с мексиканскими властями, вероятность которой была, конечно, мизерной.

Во время личной встречи Купер вроде бы сумел уговорить Киру не вмешиваться, добился от нее согласия на немедленный отъезд на Кубу. Но прошло несколько дней, и Каридад показалось, что с ней ведут нечестную игру. Она вновь навестила Меллер и выплеснула всю свою ярость:

«Там, в Москве, я узнала всю двойственность внешней политики Советского Союза. В угоду высокой стратегии были преданы китайцы и греки, а Испанию и вовсе променяли на горсть чечевицы, хотя обманутые испанцы героически сражались на германском фронте, не жалея жизней. За четыре года прозябания в Москве меня ни разу не принял Сталин. Видимо, это называется «социалистической демократией». А здесь, в буржуазной Мексике, через месяц после приезда, стоило мне шевельнуть пальцем, и я получила аудиенцию у военного министра Карденаса и была записана на прием к президенту Камачо. Если бы не служение общей коммунистической идее, я бы давно покрывала с НКВД и перешла на работу в компартию...»

Поддаваясь болезненным эмоциям, Кира пыталась настроить против «ведомства Берия» Купера и Меллер. Александру она говорила, что его жена в Москве всеми позабита, голодает, живет в тяжелейших условиях. Марте не моргнув глазом сообщала, что ее сын Гарсиа не погиб на фронте, как об этом сказали в советском посольстве, а, наверное... расстрелян. Нетерпимость Каридад, переходившая порой во враждебность, дезорганизовывала работу тех, кто пытался ускорить выход Рамона на свободу. Нередко в ее словах сквозила обида на Эйтингона. Услышав однажды от дочери Меллер «лирические излияния» о совместной жизни с Томом, Каридад рассмееалась:

«На новую встречу с Наумом не надейся. Для него женские вопросы несущественны. Служба куда важнее. Он и меня всегда обманывал. Жил со мною в Париже, Мехико, Москве — и ничего. В Советском Союзе ты его точно не увидишь, а вот в какой-нибудь совхоз тебя отправят обязательно, чтобы поменьше фантазировала».

Через Магду Каридад переправила Рамону письмо: «Дорогой мой, я попала в Мехико случайно. Но теперь никакая сила не заставит меня уехать отсюда. Пока ты за решеткой, я тоже несвободна».

Адвокату Сенисеросу все-таки пришлось организовать свидание Каридад с сыном в начале 1945 года. В

принципе посетителей у Тролля было много: сочувствующие, любопытствующие, бессчетные журналисты, «опознаватели» полиции... Но только для Каридад такое посещение было противопоказано. Ее визит подтвердил всем «заинтересованным лицам», что главная цель ее приезда — Жак Морнар. После этой встречи в тюрьме можно было ожидать каких-либо действий по вызволению узника. «Охотники» были наготове. Еще бы, имелся верный шанс захватить с поличным «агентов Москвы». Это потянуло бы и на разрыв дипломатических отношений.

Существуют неподтвержденные данные о том, что Каридад лично ходатайствовала о прощении сына перед влиятельным Ласаро Карденасом, уговаривала Ломбардо Толедано взять на себя инициативу по проведению пропагандистской акции с требованием амнистии Морнару. Она же умоляла Ломбардо замолвить словечко за сына президенту, попросить о помиловании. Профсоюзный лидер согласия не дал: наверное, не смог подобрать убедительную аргументацию, несмотря на гибкий ум и навык закулисных сделок.

Имена Толедано, Меллер, Каридад Меркадер в восприятии мексиканского руководства ассоциировались с Советским Союзом. Любые инициативы этих лиц были бы истолкованы однозначно: советское посольство выдвигает свои фигуры, оставаясь в тени.

Суетливые действия Каридад все более и более отдаляли проведение операции. Внутриполитическая ситуация в Мексике тоже менялась не в лучшую сторону. Особенно неблагоприятной она стала после гибели советского посла Константина Уманского. Создавалось впечатление, что в результате катастрофы в аэропорту Мехико реакционные силы получили «добро» на безнаказанные провокации против советских учреждений и граждан. Любая осечка в операции «Тролля» могла привести к непоправимым межгосударственным последствиям.

Новый посол СССР Александр Иванович Капустин в отличие от своего предшественника считал малоприемлемым ведение «наступательной дипломатии» в Мексике — южном «подбрюшье» Соединенных Штатов. Это означало, по его мнению, дразнить быка красной тряпкой. Капустин вел себя подчеркнуто скромно, выбираясь за пределы посольства в исключительных случаях, и,

возможно, проявлял этим глубокое понимание особенностей момента и дипломатическую мудрость. Создавалось впечатление, что он предпочитает функции завхоза обязанностям посла: при нем дом на «кальсада Такубайя» подвергся заметной модернизации. Заботясь о комфорте, Капустин как бы говорил: «Мы здесь надолго». Как отметил в своей книге «Лихолетье» Н. С. Леонов, посол «провел восемь тяжелых лет «холодной войны» в Мексике, не вызывая огонь на посольство и отсиживаясь в круговой обороне». Свобода маневра советских дипломатов и других сотрудников все больше ограничивалась, ряды друзей стремительно редели, сокращалось число посетителей.

Каридад, считавшая, что вызволить сына из неволи можно быстрой решительной операцией, все больше убеждалась в сложности задачи. Киру начинали терзать мысли о том, что ее присутствие в Мехико и в самом деле навредило Рамону. Она вспоминала резкие слова, сказанные ей сыном при личной встрече. Из депрессивного состояния Каридад пыталась выйти неумеренным употреблением спиртного. Именно в такой период она попала в автомобильную аварию. Каридад обнаружили на мостовой в бессознательном состоянии, со сломанными ребрами. При ней была значительная сумма денег и шифрблукнот. Содержание сумочки чудом не оказалось в руках полиции.

В марте 1945 года Каспаров передал Кире, что Центр затребовал у нее полного отчета за весь период после отъезда из Москвы. Смирив гордыню, Каридад ответила на запрос, но выборочно, проигнорировав невыгодные для себя темы. Свои комментарии, дополняющие «пробелы» ее послания, подготовил резидент. Из них следовало, что Каридад все еще намерена «бороться за сына».

Пришлось прибегнуть к последнему, но сильному средству: воздействовать на нее через Рамона. Сейчас невозможно узнать, что он написал ей, но можно догадаться, что под влиянием пережитого стресса (свобода была близка — протяни только руку) он был несдержан и безжалостен. В каждом слове сквозили отчаянье и ненависть. Примерно в это же время Каридад узнала, что сотрудники советской разведки в Западной Европе предпринимают шаги по вызову в Советский Союз ее

сына Хорхе, находившегося в годы войны в гитлеровском концлагере.

Кира восприняла это известие как явный признак недоверия к ней: «пытаются заполучить еще одного заложника помимо Луиса», который, впрочем, вполне освоился в советской действительности. Внешне он был доволен своей жизнью и считал, что перед ним открываются блестящие научные перспективы. После этих потрясений Каридад словно подменили. Уговоров больше не потребовалось.

А между тем ситуация в Мексике ухудшалась на глазах. Незаметно подкрадывалась «холодная война». Нарботанный американцами опыт нейтрализации государств «оси» на континенте пригодился теперь для воздействия на советские учреждения.

Кира со свойственной ей энергией засобиралась в путь. На вопрос французского консула о цели ее поездки во Францию ответила: «Дети — Монсеррат и Хорхе — нуждаются в моей помощи. В годы войны они очень страдали, особенно сын, пробывший в немецком концлагере четыре года». На вопрос об источнике доходов ответила: «Имею состояние на Кубе». Чтобы обновить свой кубинский паспорт, Каридад добилась приема у посла и очаровала его своими манерами, светскостью, знанием закулисных сторон жизни в Гаване, подробно поведала о родственных связях с состоятельными людьми на острове.

В начале октября 1945 года Кира обменялась прощальными письмами с сыном, а 24-го числа того же месяца в нью-йоркском порту поднялась на борт парохода «Санта-Паула». Через две недели он пришвартуется в Гавре...

Резидент мог вздохнуть спокойно. Импровизации Каридад его вконец измотали...

А в это время продолжал свои изыскания Баэса. Он догадывался, что подготовкой «эскапады» Меркадера руководил «по должности» Иван Александрович Кумарьян, третий за короткое время советский резидент в Мехико, сменивший Каспарова, которого буквально выжили из страны серией грубых демонстративных провокаций. (И. А. Кумарьян родился в 1909 году в селе Чурус Карской губернии (ныне Турция). Участвовал в гражданской войне в Испании, сначала в качестве переводчика,

затем — начальника штаба авиаподразделения республиканской армии. В органах госбезопасности — с 1943 года.)

Кумарьян, однако, не давал повода заподозрить его. Он не изматывал ребят из «наружки» многочасовыми прогулками по городу, был «предсказуем», встречи проводил только со знакомыми полиции людьми, находящимися в контакте с совпосольством, имена которых были на слуху (проскакивали в прессе как «красные пособники Кремля»). Все тихо, без погонь и перестрелок. Но Баэса подозревал, что в тихом омуте...

В январе 1948 года Баэса решил познакомиться с русским дипломатом. Может быть, и для того, чтобы добавить еще один живописный эпизод в свою книгу. Предлог нашелся: советское посольство продавало «бьюик» вызывающе алой окраски, купленный еще Тарасовым. Мексиканец подъехал к зданию на Такубайя на служебном рыдване, явно демонстрируя, что новое авто ему и в самом деле необходимо. О цене не сговорились, но Баэса познакомился с Кумарьяном: контактным, заводным, с харизмой «восточного» человека (в его жилах текла армянская кровь).

Потом мексиканец часто навещал Кумарьяна, чтобы разрядиться, отдохнуть душой. Баэса говорил нередко о вещах интересных. Например, об Агустине Дарке и о Рамоне Меркадере. О Каридад и ее похождениях в Мехико. Так, по его словам, испанка некоторое время проживала в семье Сарабиа и очень доверяла ей, хотя один из ее членов — Антонио — работал на ФБР.

Это был цепкий агент, аполитичный, беспринципный, готовый на все, чтобы продвинуться по службе. Американцев он не любил и часто сетовал, что приходится работать на невежественных гринго, которые днями просиживали в барах, зная, что за них надрываются мексиканские детективы — эти наемные пеоны сыска, — а потом шлюют победные реляции в Вашингтон. Особенно хорошо оплачивалась ими информация о «русском присутствии». Сарабиа не вдавался в подробности, но с гордостью говорил, что «неплохо заработал на разоблаченных русских». В числе других он называл имя Каридад.

«Каким-то образом она узнала о нависшей опасности, — жаловался Сарабиа, — и исчезла из Мехико. Кто-то предупредил, и она сменила декорации...»

Кумарьян надеялся на политическое решение проблемы с Троллем, прежде всего на амнистию президента Алемана, и в этом направлении вел хитроумный зондаж. Хотел действовать наверняка. Но, судя по всему, президент не собирался ссориться с влиятельными последователями и поклонниками Троцкого в США и по всему миру. Поэтому одновременно отработывался и самый тривиальный вариант — подкуп тюремной администрации. Один из чиновников по переписке проходил как Пекарь. Правда, после бегства из тюрьмы двух заключенных его возможности пошли на убыль. Ожидалось, что его вот-вот снимут с должности.

Не сидел сложа руки и сам Меркадер. Он установил дружеские отношения с секретарем-делопроизводителем тюрьмы. По мнению Рамона, его можно было использовать для организации побега. Но тот поставил условие: бежать вместе и напрямую... в Советский Союз. Этого секретаря советская резидентура раньше изучала и не могла с уверенностью сказать, что же это за человек, каков он на самом деле. Такое бывает. Полная непроницаемость. Поэтому Меркадеру через Купера строго указали: ни в какие переговоры с ним не вступать. Впоследствии выяснилось, что это предостережение пришло вовремя...

Между тем обстановка вокруг советского посольства все больше накалялась. Антисоветская кампания достигла апогея. Практически все связи наших дипломатов в средствах массовой информации подверглись обвинениям в подрывной деятельности.

В сентябре 1946 года газета «Новедадес» назвала Ганса Майера, долгое время работавшего в Мексиканско-Советском институте культурных связей, «способным шпионом ГПУ, пользующимся полным доверием Берия». В качестве опасных агентов СССР, оперирующих в Мексике, упоминали Лео Цукермана, Оскара Данцигера, Елену Гомес Васкес, Эдуарда Вейсблата, Маргариту Нелькен, Федора Драгутина и других. В серии явно инспирированных американцами статей некий Карл Рифнер навесил ярлык «агентов Москвы» на многих политэмигрантов, особенно испанцев, которые, дескать, в массовом порядке забрасывались в Мексику с целью ее дестабилизации.

«Эксельсиор» изо дня в день печатала отрывки «из пасквиля Троцкого на товарища Сталина» (выражение

из посольского обзора печати). В «Новедадес» публиковались откровения перебежчика Виктора Кравченко, а чуть позже — антисоветские статьи бывшего пресс-атташе Кубы в СССР Миралеса (за которые его поколотили оболганные испанские эмигранты). В газете «Омбре либре» броско подавались отрывки из книги «Ночь осталась позади» Яна Валтина, «пострадавшего от советского и гитлеровского тоталитарных режимов». Газета «Ультимас нотисиас» отличилась статьей «Институт общественного мнения Мексики — центр коммунистического шпионажа». Во всех грехах обвинялся директор института Ласло Радвани — венгерский еврей, марксист, талантливый экономист, муж немецкой писательницы Анны Зегерс. Сообщалось, что он шпионил на ГПУ с 30-х годов, а в Мехико продолжил сие неблаговидное занятие, вовлекая в эту деятельность «своих помощников» — писателя Людвига Ренна и известного коминтерновского кадра Витторио Видали.

Полицией было установлено демонстративное наблюдение за руководителями Мексиканской компартии. Генеральный секретарь МКП с тревогой сообщал в советское посольство, что реакция подготавливает общественное мнение к полицейской акции по разгрому «левых» организаций. Ожидалось нападение и на штаб-квартиру компартии. Вступление в нее Д. А. Сикейроса в мае 1946 года — эпатазирующий поступок в атмосфере преследований и репрессий — тут же ознаменовалось слежкой. Филеры неотступно следовали за активистами «Славянского клуба». Председатель Общества друзей СССР, влачившего к тому времени жалкое существование, Хосе Мансисидор, посещая дом на Такубайя, с горечью констатировал, что американцы добиваются от Мексики разрыва отношений с Советским Союзом, чтобы нейтрализовать даже гипотетическую возможность проникновения Советов в Центральную Америку.

Пропагандистский нажим возрос настолько, что и дипломаты «народных демократий» повели себя по-страусиному, неявно, но дистанцируясь от советского посольства. В воздухе запахло третьей мировой, и супруги «народно-демократических» представителей усиленно запасались золотом и валютой. Мексиканская пресса в общем-то замолчала и факт избиения советских дипкурьеров.

В этот период дважды подвергалась обстрелу квартира Каспарова. В первый раз это случилось в ноябре 1947 года: неизвестные били по окнам второго этажа (к счастью, жена резидента с детьми находилась на первом). Еще один обстрел произошел в декабре: пули вонзились в потолок спальни. Каспаров с женой были на очередном приеме, дети оставались без присмотра и, конечно, страшно перепутались. Семейству пришлось перебираться в здание посольства.

Капустин получил указание Молотова сделать устное представление мексиканскому МИДу по этим чрезвычайным происшествиям, потребовать расследования и добавить, что, в интересах Мексики и Советского Союза, «инциденты не будут преданы гласности».

Один из участников уотергейтского скандала Ховард Хант поведал в своих мемуарах о том, как он работал в резидентуре ЦРУ в Мехико в начале 50-х годов. Он и его коллеги обладали неизмеримо большими возможностями, чем советские противники. Рутинным делом были нелегальные проникновения в помещения миссий «народных демократий», незаконные прослушивания, склонения к побегам «во имя свободы», фабрикация дезинформаций. Оперативникам ЦРУ помогали американские предприниматели, осевшие в стране, мексиканские журналисты и политики, желающие «подзаработать», беглецы из компартий. Все годились для дела.

Так, Хант описал, как бывший герой гражданской войны в Испании Валентин Гонсалес (партизанская кличка Кампесино) создавал под его диктовку (вернее, создавали за него) разоблачительную книгу «Жизнь и смерть в СССР». Аналогичным способом была подготовлена книга бывшего деятеля Коминтерна Эудосио Равинеса «Путь Янани». В эти же годы, кстати, издали свои воспоминания Э. Кастро Дельгадо («Я потерял веру в Москве», 1950) и Х. Эрнандес («Люди, «сделанные» в Москве», 1952). Для руководства КПИ их траектория стала классическим примером сползания в предательство: эти сочинения нанесли немалый вред единству партии и охотно использовались франкистской пропагандой для разоблачения «пороков коммунистов».

Довольно подробно Хант рассказал об укреплении аппарата ЦРУ в Мексике, работавшего бок о бок с уже существовавшей плотной сетью агентов Гувера, «кото-

рые с начала второй мировой войны по декрету президента (Франклина Делано Рузвельта) превратили Латинскую Америку в протекторат ФБР». Усиление американских спецслужб в Мексике не прошло незамеченным для советского посольства. Например, только в июле 1950 года в страну прибыло более 250 офицеров разведки и контрразведки. Судя по всему, шла континентального масштаба охота на «атомных шпионов» советской разведки, благополучно выскользнувших из Канады и Соединенных Штатов.

Все это, конечно, не способствовало решению дела Тролля. Здесь режима «наибольшего благоприятствования» больше не предвиделось. Защитный барьер становился все более глухим. Жизнь постоянно подбрасывала американцам соответствующие предлоги. Так, в Гватемале пришло к власти прогрессивное правительство Хакобо Арбенса, которое тут же было зачислено ЦРУ в просоветские. Как следствие — посылка дополнительных подкреплений американским спецслужбам, поток дезинформации, поиски тайных связей между посольством СССР и «красными гватемальцами». Вновь поползли слухи о поставках советского оружия в Центрально-американский регион, заброске московских инструкторов по ведению партизанской войны и даже о появлении «таинственных советских субмарин», которые будто бы заправлялись топливом в Пуэрто-Барриосе. Пределом изобретательности было сообщение о том, что на озере Петен русскими создана военная база. Эту «дезу» агентство ЮПИ не постеснялось распространить по всему свету...

10 февраля 1948 года в советское посольство неожиданно заглянул Баэса. Любимый конек мексиканца: продажность властей. Альваро с горечью вспоминал, что сталкивался с нею повсюду, а в полиции чаще всего. В 1940 году ему довелось формировать моторизованную патрульную службу в Мехико. Были собраны немалые средства среди банкиров, промышленников и коммерсантов, на которые Баэса приобрел в США около 30 автомашин. Когда же он собрался за второй партией, то высокопоставленные полицейские чины замучили его доверительными просьбами: «Тебе же ничего не стоит выкроить лишнее авто...» Им и в голову не приходило, что для него это невозможно. Отсюда конфликты, наветы, месть.

«Я идеалист, добиваюсь справедливости и всегда остаюсь в проигрыше. На днях я побывал в доме у военного министра Лимона — это же самый настоящий дворец! Такой не снился и самому Монтесуме! Бывший президент Авила Камачо приобрел богатейший нефтяной участок «Пальма» близ продуктивного месторождения «Посо Рико». Президент Алеман построил себе яхту за 980 тысяч долларов и заказал спецсамолет, который потянет на весь миллион. А близ парка Чапультепек вовсю кипит стройка — там его усадьба на несколько кварталов! Нет, Мексика созрела для новой революции, надо хорошенько потряхнуть разжиревших экс-революционеров!» — вещал Баэса. А уходя, как бы между прочим бросил: «Я знаю, что вы подготовили побег... Морнара... Не делайте этого. По крайней мере сейчас. Гринго сидят в засаде».

Мексиканец даже не взглянул на Кумарьяна, чтобы удостовериться в произведенном эффекте. Щелкнул металлической калиткой посольства и уселся в служебную развалюху. «Там очень не хотят скандалов, — Альваро многозначительно ткнул пальцем вверх, — и еще больше не хотят петь под чужую дудку. Нам не нужны скандалы, заготовленные к северу от Рио-Гранде».

Конечно, об этом разговоре Баэса в своей книге не упомянул, по-видимому, для него он особой важности не имел.

...Погрузившись в размеренный тюремный быт, Рамон Меркадер терпеливо отбывал свой срок. Вот любопытный эпизод, приведенный в «бестселлере» 60-х годов Феликса Варгаса Чакона, не миновавшего знакомства с прелестями «черного замка», где этот венесуэльский мошенник и познакомился с Рамоном:

«Жак Морнар... называл себя бельгийцем по национальности, но... в действительности был испанским анархистом... Я долго говорил с ним, и он открыл мне, что наибольшие муки совести вызывало у него не убийство Троцкого, а вовлечение (в дело) девушки по имени Сильвия Агелофф, с которой он познакомился в Париже в 1938 году. Соблазненная им, девушка рассказала ему, что ее сестра служит секретарем у человека, который создал Красную Армию и которого Сталин отправил в изгнание. Морнар плакал, когда вспоминал, что во время суда Сильвия кричала ему:

— Убийца! Выродок! Трус! Не успокойсь, пока не узнаю, что ты покончил с собой в тюрьме!.. Грязная пешка ГПУ!»

Приятель Чакона не дал ему дослушать излияния Морнара, отвел венесуэльца в сторону:

«— Наверное, Морнар тебе и вздохнуть не дал, повествуя о своих несчастьях. Это его обычное занятие со всеми новичками. У него-то есть время на рассказы, потому что отсидел он девять лет, а впереди — все одиннадцать».

Но время шло, и Тролля, судя по его внешним реакциям, постепенно свыкся со своим положением.

Если верить многочисленным свидетельствам о том времени, то в тюрьме Меркадер не испытывал особого дискомфорта. Жил в одиночной просторной камере со всеми удобствами и даже с телевизором. Два раза в неделю его навещала будущая жена. Несколько раз полиции становилось известно, что заключенному готовят побег. Но как только об этом узнавал он сам, категорически отказывался. После смерти Сталина предложений о побеге не поступало, что с удовлетворением отметил узник и мысленно похвалил себя за проявленную осторожность. Не исключено, что оставшийся в живых исполнитель кого-то серьезно беспокоил и под предлогом побегов его собирались попросту убрать.

Действительно, после смерти Сталина в высшем партийном руководстве СССР начался перманентный период ожесточенной борьбы за власть. Жак Морнар был отнесен этими людьми к «нежелательным свидетелям». О существовании Тролля в далекой Мексике руководящие иерархи КПСС вспоминать не хотели: «Сталинские делишки. Мало ли что может наговорить и натворить еще этот испанец, этот наемный убийца. Он получает денежный пенсион? Получает... Жалуется на что-нибудь? Нет, не жалуется... Ну и хорошо. Пусть сидит. Знал, на что шел...»

На свободе Рамон Меркадер очутился лишь в мае 1960 года и был тут же переправлен в Советский Союз. В 1973 году он перебрался на Кубу. Изредка виделся с матерью. По свидетельству брата Луиса, Рамон так никогда и не простил мать: «По ее вине я провел лишних шестнадцать лет в тюрьме».

Каридад умерла в 1975 году в своем доме во Франции, лежа на кровати под большим портретом Сталина в изголовье. Рамон пережил ее всего на три года. Уходил он из жизни в страшных муках — от рака костной ткани. Оба до самой смерти получали пенсию от КГБ. Над-

гробья на их могилах были также установлены за счет КГБ: ее — на парижском кладбище Пантин, а его — на Кунцевском в Москве...

Полную информацию о всех хитросплетениях подготовки побегов Рамона Меркадера ныне получить, наверное, невозможно. Но есть свидетельства, по которым можно составить довольно четкую картину этого периода в жизни Тролля. Весьма существенные сведения приводит в оставленных им мемуарах Луис Меркадер, младший брат Рамона, кое-что рассказал об этом в книге воспоминаний Альваро Базса — полицейский агент, пытавшийся в «частном порядке» разгадать тайну узника Лекумберри, особую ценность представляют рассказы Юрия Антоновича Маркова, курировавшего в 40-х годах мексиканское направление в Первом управлении НКГБ—МГБ.

Глава 13

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА ПЕРЕД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел — НКВД СССР, в составе которого было создано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Основные функции ОГПУ перешли к этому управлению. Иностраный отдел стал 5-м отделом Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Его задачи правительство определило следующим образом:

выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций;

вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР иностранных разведывательных органов, белоэмигрантских центров и других организаций;

руководство деятельностью закордонных резидентур;
контроль за работой бюро виз, въездом за границу иностранцев, руководство работой по регистрации и учету иностранцев в СССР.

Каковы бы ни были недостатки или упущения документа, это был государственный нормативный акт, который давал право 5-му отделу ГУГБ, то есть внешней разведке, вести агентурную работу в зарубежных странах в целях получения информации по вопросам безопасности Советского государства.

В 1938 году руководство страны вновь вернулось к вопросу совершенствования разведывательной деятельности за рубежом. Работа 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР была подвергнута тщательному и всестороннему анализу, рассмотрены предложения об ее улучшении с таким расчетом, говорилось в принятом документе, «чтобы отдел смог развернуть широкую разведывательную работу за рубежом по линии политической, научно-технической разведки, выявлению происков иностранных разведок и белоэмигрантских центров на территории Советского Союза». Таким образом, сохранялись основные направления деятельности внешней разведки: политическое, научно-техническое и внешняя контрразведка.

Штат отдела был утвержден в количестве 210 человек, в его структуре создано 13 подразделений, 7 из которых занимались руководством зарубежными резидентурами по географическому принципу. Остальные подразделения выполняли различные функции, необходимые для ведения разведывательной работы. Они, в частности, осуществляли руководство научно-технической разведкой, работой по русской эмиграции, «разработкой» троцкистских и «правых» организаций, оперативными учетами и т. д. 5-й отдел, хотя и небольшой по численности, обрел, таким образом, накануне войны достаточно развернутую, продуманную структуру, нацеленную на работу в широких масштабах.

Ну а как финансировалась внешняя разведка? Архив СВР сохранил финансовую статистику ОГПУ и внешней разведки за 1930 год. ИНО получил тогда на свое содержание и заграничные операции 300 тысяч рублей.

Накануне Великой Отечественной войны бюджет советской внешней разведки впервые достиг цифры в 1 миллион рублей. Для сравнения: расходная часть государственного бюджета СССР в 1940 году составляла 17,4 миллиарда рублей, в том числе оборона — 5,8 миллиарда, государственное управление — 0,7 миллиарда.

Сочетание работы с «легальных» и нелегальных позиций принесло желаемые результаты. В предвоенные годы советской внешней разведке удалось осуществить проникновение во многие важные объекты главных капиталистических стран. Так, в 1933—1937 годах «легальная» резидентура в Германии, возглавлявшаяся Б. А. Берманом, а затем Б. М. Гордоном, и нелегальные резидентуры под руководством В. М. Зарубина и Ф. К. Парпарова приобрели ценнейшую агентуру, располагавшую доступом к секретным документам министерства иностранных дел. Через агента, завербованного Парпаровым под легендой работы с разведкой третьей страны («чужой флаг»), резидентура систематически получала сведения о деятельности министерства иностранных дел, посольств Германии за границей и иностранных посольств в Берлине.

В агентурной сети внешней разведки были лица, связанные с влиятельными кругами и руководством национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Благодаря этому советское руководство располагало информацией о деятельности гитлеровского партийного аппарата. Систематически добывались сведения о разведывательной службе нацистской партии. Регулярно прослеживалась работа полиции против Компартии Германии и иностранных коммунистов, что позволило выявить ряд провокаторов в их рядах. Берлинские резидентуры имели источники и в контрразведывательных органах фашистской Германии.

В 1933 году была создана нелегальная резидентура в Англии. В ее составе работали опытные разведчики-нелегалы А. М. Орлов, Т. С. Малли, И. Рейф. Именно они приобрели и подготовили группу перспективных источников, вошедших впоследствии в золотой фонд внешней разведки под названием «кембриджской» или «большой пятерки». (В ее состав входили Ким Филби, Дональд Маклин, Гай Берджесс, Антони Блант, Джон Кэрнкросс.) Особую роль в создании группы сыграл выдающийся советский разведчик-нелегал А. Г. Дейч. Другой разведчик-нелегал, Д. А. Быстролетов, сумел завербовать сотрудника шифровальной службы МИДа Англии.

Хорошие агентурные позиции в Англии и Франции в предвоенный период позволили внешней разведке по-

лучить ценнейшую документальную информацию о проводимой британскими правящими кругами политике «умиротворения» гитлеровской Германии и поощрения ее агрессивных устремлений на восток.

В Италии разведке удалось проникнуть в МИД, разведывательную службу, некоторые дипломатические представительства.

С начала гражданской войны в Испании, выполняя указание руководства страны, внешняя разведка оказывала помощь правительству республиканской Испании в борьбе против мятежников и германо-итальянских интервентов. Вскрытие тайных планов Германии и Италии по подготовке и совершению агрессии против законного испанского правительства, переправка в Испанию добровольцев и оружия из других стран и, наконец, переброска в СССР после падения республики большой группы участников гражданской войны, которым угрожала смертельная опасность, — это далеко не полный перечень того, чем приходилось заниматься внешней разведке во времена героических и трагических событий в Испании.

Значительных успехов достигла советская разведка в начале 30-х годов и в ряде других стран. В США нелегальная резидентура под руководством И. А. Ахмерова и Б. Я. Базарова завербовала нескольких ценных агентов, имевших непосредственные подходы к сотрудникам госдепартамента, и получала от них сведения по широкому кругу вопросов. Был приобретен источник со связями в окружении президента Рузвельта, передававший уникальную информацию о позиции правящих кругов страны в период вызревания в Европе военного конфликта.

Большое внимание уделялось организации работы разведки в Прибалтике. Латвия, Литва и Эстония служили плацдармом для разведывательной и подрывной деятельности Германии, других западных государств и крупнейших антисоветских эмигрантских организаций против СССР. Она велась не только с ведома, но и при активной поддержке правительств Прибалтийских стран. О значении, которое придавало советское руководство разведывательной информации по Прибалтике, свидетельствует тот факт, что в мае 1940 года в Москву были вызваны из Риги резидент внешней разведки И. А. Чича-

ев, оперативные работники Е. И. Кравцов и В. Т. Яковлев, а из Каунаса — резидент С. И. Ермаков для личного доклада Сталину.

Наши южные соседи — Афганистан, Иран, Турция — в предвоенные годы занимали немалое место в деятельности советской разведки. Дипломатические ведомства Советского Союза при активном содействии разведки сумели наладить дружественные отношения со странами Средневосточного региона, оказывали им посильную экономическую и техническую помощь. Внешняя разведка вела работу не против этих стран, так как они не представляли для СССР прямой угрозы, она использовала их территорию для работы против потенциальных противников, прежде всего стран «оси»: Германии, Италии и Японии. Дипломаты и агенты фашистской Германии, например, активно работали в Иране и Турции, стремясь вовлечь эти страны в орбиту своих замыслов, направленных против Советского Союза. Советская внешняя разведка, вскрывая эти планы, проводила мероприятия по их срыву или нейтрализации. Как известно, в результате гитлеровской Германии не удалось использовать эти страны в борьбе с антигитлеровской коалицией так, как ей бы этого хотелось.

Большая работа проводилась в те годы на Дальнем Востоке. Япония не скрывала планов захвата территорий в Приморье и Сибири, продолжала открыто поддерживать антисоветские, в том числе белогвардейские, силы в Китае, широко использовала их не только для военных приготовлений к нападению на Советское государство, но и в шпионско-диверсионных и террористических акциях. Благодаря серии оперативных мероприятий деятельность многих наиболее опасных белоэмигрантских организаций в Дальневосточном регионе была нейтрализована, а их лидеры скомпрометированы. Некоторых из них удалось вывезти в СССР, где они предстали перед судом.

Немалых успехов в работе по Японии внешняя разведка достигла в других странах, в частности в Китае и Корее. В начале 1938 года были получены достоверные агентурные данные о том, что в Харбине японцами создана секретная лаборатория по разработке бактериологического оружия. Около 200 специалистов-микробиологов из Кнотского университета совместно с военными

проводили в ней опыты по культивированию и распространению бактерий чумы, тифа, холеры.

Эта информация, как особо важная, была доложена Сталину. В результате отдельным наркоматам, научным и медицинским учреждениям были даны указания о разработке системы мероприятий на случай массового возникновения опасных заболеваний как в армии, так и среди населения советского Дальнего Востока.

Одной из важных задач внешней разведки в предвоенные годы была работа по Китаю. Исходя из принципов своей политики, Советский Союз поддерживал те силы в Китае, которые боролись за независимость страны, выступали против расчленения ее территории и создания марионеточных государств. Гоминьдану оказывалась различная помощь, в том числе и военная, поставлялось оружие и боеприпасы, в воинские части гоминьдановской армии направлялись военные советники. При этом советская сторона постоянно подчеркивала, что предоставляет помощь для отпора японским агрессорам, а не для использования ее во внутренней борьбе между гоминьдановцами и коммунистами.

Часть этой помощи шла по каналам разведки. Она координировала свою работу против японцев с гоминьдановской разведкой. В 1938 году с этой целью на паритетных началах было создано Объединенное бюро. Вначале бюро действовало довольно успешно, однако впоследствии гоминьдановские разведчики стали использовать его для получения односторонних выгод, и постепенно оно прекратило существование.

Большая помощь оказывалась китайцам в подготовке их разведывательно-диверсионных отрядов, которые забрасывались на оккупированные территории для борьбы с японской армией. Разведывательная работа в Китае велась через «легальные» резидентуры, которых было около двадцати. Они находились, в частности, в Харбине, Пекине, Шанхае, Чунцине, Тяньцзине, Нанкине, Ханькоу, в областных центрах Синьцзяна и других городах. В Харбине и Шанхае, кроме того, действовали и нелегальные резидентуры. Наиболее успешно работала харбинская резидентура. Оккупированный японцами Харбин был тогда центром политической и военной активности в регионе. В нем раскидывали свои сети и разведслужбы различных государств. Харбинской резидентуре (на-

ряду с сеульской) удалось добыть в 1927 году известный «меморандум Танаки», получить сведения о подготовке японцев к нападению на Монгольскую Народную Республику незадолго до боев на реке Халхин-Гол, своевременно сообщить в Центр о концентрации у границ Советского Союза частей Квантунской армии перед боями на озере Хасан, информировать о подготовке японцами захвата Пекина, Тяньцзиня и Шанхая.

Очень полезную для страны работу проводила внешняя разведка в 30-е годы по экономическому и научно-техническому направлениям. В США, Англии, Германии и других странах были получены материалы, сыгравшие существенную роль в техническом прогрессе отечественной промышленности, в том числе и в развитии военных отраслей. Документальные сведения по самолето- и моторостроению, радиосвязи, военной оптике, технологии производства синтетического бензина, средствам противохимической защиты, материалы о новых типах боевых кораблей, подводных лодок, об артиллерийских системах — это далеко не полный перечень информации, добытой разведкой в области военной техники. Они оказали существенную помощь в укреплении обороноспособности государства, в дальнейшем развитии науки и техники в СССР.

Успешную в целом работу советской внешней разведки в предвоенные годы серьезно подорвали обрушившиеся на нее репрессии. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, связи с ценнейшими источниками информации оказались утраченными. Впоследствии потребовались значительные усилия, чтобы их восстановить. Однако некоторые источники были потеряны навсегда. Порой в «легальных» резидентурах оставалось всего один-два работника, как правило, молодых и неопытных. Аресты создали в коллективах обстановку растерянности, недоверия и подозрительности.

В направленном руководству НКГБ отчете о работе внешней разведки с 1939 по 1941 год тогдашний ее начальник П. М. Фитин писал: «К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке.

Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном».

Потери состава были столь велики, что в 1938 году в течение 127 дней подряд из внешней разведки руководству страны вообще не поступало никакой информации. Бывало, что даже сообщения на имя Сталина некому было подписать, и они отправлялись за подписью рядовых сотрудников аппарата разведки. Было арестовано 92 человека и уволено 87 сотрудников. Из резидентур было отозвано 67 человек. В результате репрессий комиссия ЦК в январе 1939 года констатировала, что НКВД не имеет за рубежом практически ни одного резидента и ни одного проверенного агента. Работа ИНО практически провалена и, по существу, ее надо организовывать заново.

В результате предпринятых мер к началу 1941 года внешняя разведка имела за рубежом 40 резидентур, в которых действовало 250 оперативников, всего же агентурная сеть внешней разведки насчитывала более трех тысяч человек. Подавляющее большинство из них (70 процентов) были вновь привлеченными сотрудниками.

Чтобы восстановить кадровый состав разведки, в нее по-прежнему направлялись люди с опытом партийной и организационной работы, хорошо зарекомендовавшие себя в армии командиры, окончившие вузы студенты. Однако без организации их специальной подготовки это не решало проблемы. В резидентуры нередко посылались лица, которые не знали иностранных языков, слабо разбирались в вопросах внешней политики, не имели навыков оперативной работы. В токийской резидентуре накануне войны был момент, когда ни один из сотрудников «легальной» резидентуры не знал ни японского, ни какого-либо другого иностранного языка. Аналогичное положение возникло и в ряде других резидентур.

Репрессии не обошли стороной и центральный аппарат внешней разведки. В конце 30-х годов всего несколько месяцев 5-м отделом ГУГБ руководил В. Г. Деканозов. Разведки он не знал. Это скоро стало ясно всем, в том числе и руководству страны. Деканозова срочно направили полпредом в Берлин. В конце 1939 года отдел возглавил П. М. Фитин, ему был тогда только 31 год. Способный, энергичный, горячо преданный делу чело-

век, он быстро освоил азы разведывательного мастерства, показал себя талантливым организатором. На посту начальника разведки он проработал до 1946 года. На плечи Павла Михайловича легло бремя залечивания нанесенных репрессиями ран, восстановления боеспособности разведки накануне войны.

В том же самом отчете П. М. Фитина указывалось, что в середине 1940 года в ее центральном аппарате работало 695 человек. К 1941 году благодаря самоотверженной работе сотрудников она сумела восстановить работоспособный агентурный аппарат в Германии, Италии, Англии, Франции, США, Китае. Наиболее крупные резидентуры были в США — 18 человек, Финляндии — 17 человек, Германии — 13 человек. Всего к этому времени внешняя разведка имела 40 резидентур. В них работало 242 разведчика, у которых на связи находилось в общей сложности около 600 различных источников информации. Активно используя их, разведка регулярно получала накануне войны важную информацию о внешней и внутренней политике блока фашистских государств и ведущих западных держав.

После образования 10 июля 1934 года Народного комиссариата внутренних дел СССР Иностраннный отдел (ИНО) перешел из упраздненного ОГПУ в состав Главного управления государственной безопасности НКВД. Основными задачами ИНО, как и прежде, оставались:

- легальная и нелегальная закордонная разведка;

- борьба с антисоветскими эмигрантскими террористическими организациями в стране и за рубежом;

- выявление интервенционистских планов буржуазных государств;

- вскрытие шпионской деятельности иностранных спецслужб и эмигрантских центров и других антисоветских организаций на территории СССР (совместно с другими отделами ГУГБ НКВД);

- получение агентурным путем новых технологий для советской промышленности (научно-техническая разведка);

- контрразведывательное обеспечение советских колоний и заграничных учреждений.

Еще с 1930 года был определен общий штат центрального аппарата ИНО в 121 человек. Согласно основным направлениям разведдеятельности в отдел входило восемь отделений:

- 1-е — нелегальная разведка;
- 2-е — вопросы выезда и въезда в СССР;
- 3-е — разведка в США и основных странах Европы;
- 4-е — разведка в Финляндии и странах Прибалтики;
- 5-е — работа по белой эмиграции;
- 6-е — разведка в странах Востока;
- 7-е — экономическая разведка;
- 8-е — НТР (научно-техническая разведка).

Возглавил Иностранный отдел ГУГБ ветеран органов ВЧК—ГПУ Артур Христианович Артузов, руководивший до этого внешней разведкой ОГПУ. Для более тесной координации разведывательных действий за рубежом А. Х. Артузов в мае 1934 года был по совместительству назначен заместителем начальника Разведуправления Красной Армии (РККА). Начальником нелегальной разведки (1-е отделение) стал Н. И. Эйтингон.

В связи с изменением внешнеполитической обстановки изменились и приоритеты внешней разведки: белоэмигрантское движение перестало представлять первостепенную угрозу для СССР, важнейшими направлениями работы разведки стало создание надежной агентуры внедрения на жизненно важных объектах буржуазных стран, способной добывать информацию политического, экономического и научно-технического характера; вскрытие шпионской и подрывной деятельности и планов в отношении СССР со стороны иностранных спецслужб и эмигрантских организаций; контроль за пребыванием в стране иностранцев; усиление контрразведывательного обеспечения советских загранпредставительств. Была изменена и структура центрального аппарата — в ИНО вошли два отдела и два самостоятельных отделения:

1-й отдел, в который входило девять географических секторов, руководил закордонной разведкой;

2-й отдел ведал внешней контрразведкой и состоял из шести секторов, которые занимались борьбой с диверсиями, террором, шпионажем зарубежных спецслужб и белоэмигрантских центров на территории СССР.

После окончательного перехода корпусного комиссара А. Х. Артузова в военную разведку в мае 1935 года на посту начальника ИНО его сменил комиссар ГБ 2-го ранга Абрам Аронович Слуцкий.

25 декабря 1936 года отделам ГУГБ была присвоена нумерация. ИНО стал 7-м отделом ГУГБ НКВД СССР.

17 февраля 1938 года А. А. Слуцкий был найден мертвым в кабинете замнаркома НКВД М. П. Фриновского, по официальной версии — смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности, однако, согласно версии большинства историков, начальник внешней разведки был отравлен. После него обязанности руководителя отдела исполнял майор ГБ Сергей Михайлович Шпигельглас, а затем — старший майор ГБ Зальман Исаевич Пассов.

9 июня 1938 года, в связи с расформированием ГУГБ, служба внешней разведки вошла во вновь созданное Первое управление (госбезопасности) НКВД СССР как 5-й отдел.

Большую помощь республиканской Испании оказала разведка органов госбезопасности. По ее каналам была налажена доставка республиканцам оружия, боеприпасов, военной техники, переправка добровольцев, вывоз из Испании женщин, детей и раненых. В тылу франкистских войск проводились разведывательно-диверсионные операции.

Высокой оценки в 30-е годы заслуживала работа нашего разведчика в Европе Дмитрия Быстролетова. Он сумел добыть шифры Англии, Франции и Чехословакии, что давало возможность читать шифрованную переписку этих стран и получать достоверную информацию по многим вопросам европейской политики.

С приходом к власти в Германии фашизма и образованием антисоветской «оси» Берлин—Рим—Токио внимание советской разведки было направлено на вскрытие планов подготовки войны против СССР, добычу информации о вооружениях потенциального противника. Для решения этих задач разведка располагала немалыми возможностями. У нас, как выше отмечалось, имелись надежные источники информации в нацистской партии, полицейских органах, военно-политических и экономических кругах Германии, в окружении итальянского диктатора Муссолини, в информированных кругах Японии.

В результате «чисток» в 30-х годах по советской разведывательной службе был нанесен сокрушительный удар: из 450 сотрудников (включая заграничный аппарат) было репрессировано 275 человек, то есть более половины личного состава. Были расстреляны начальники ИНО

М. А. Трилиссер, А. Х. Артузов, С. М. Шпигельглас и З. И. Пассов, посмертно объявлен «врагом народа» А. А. Слуцкий, ликвидированы или отправлены в лагерь руководители оперативных подразделений. Отозваны в СССР и репрессированы: резиденты в Нью-Йорке — П. Д. Гутцайт (Гусев), в Берлине — Б. М. Гордон, в Лондоне — А. С. Чапский, Г. Б. Графпен и Т. С. Малли, в Париже — С. М. Глинский (Смирнов) и Г. Н. Косенко (Кислов), в Риме — М. М. Аксельрод, главный резидент по странам Азии И. Т. Иванов-Перекрест, выдающиеся разведчики-нелегалы Б. Я. Базаров, Д. А. Быстролетов, Г. С. Сыроежкин и другие. Была полностью ликвидирована «Группа Яши», репрессированы ее руководители Я. И. Серебрянский, А. И. Сыркин, П. Н. Серебрянская, С. М. Перевозников, А. Н. Турыжников, Ю. И. Волков. Большинство из оставшихся в живых сотрудников разведки попало под следствие, многие были уволены из органов или понижены в должности. К 1939 году в результате «чисток» работу части ведущих резидентур, лишившихся всех работников, пришлось полностью свернуть.

В связи с острой нехваткой кадров разведчиков в 1936 году был создан специальный учебный центр для их ускоренной подготовки — Школа особого назначения (ШОН) ГУГБ НКВД СССР. Начальником школы и его заместителем первоначально являлись Горский и М. М. Аксельрод, арестованные в октябре 1938 года, после чего школу возглавили В. Х. Шармазанашвили и Н. Ф. Крупенников. В ней преподавали опытные мастера разведки С. М. Шпигельглас, М. М. Аксельрод, В. С. Гражуль, П. М. Журавлев, Е. П. Мицкевич, В. И. Пудин, В. М. Зарубин. Преподавал в этой школе и мой отец. К 1941 году школа подготовила несколько десятков разведчиков. Среди первых ее выпускников был будущий начальник советской внешней разведки П. М. Фитин, будущие резиденты и разведчики В. Г. Павлов, Е. Т. Синицин, А. С. Феклисов, А. А. Яцков, Н. М. Горшков, В. М. Иванов и другие.

Много раз менялось название этого уникального учебного заведения. Вначале это была Школа особого назначения (ШОН), затем — Разведывательная школа (РШ), потом Высшая разведывательная школа (ВРШ, она имела и зашифрованное название — школа № 101),

с ноября 1968 года — Краснознаменный институт (КИ), в дальнейшем имени Ю. В. Андропова, с октября 1994 года — Академия внешней разведки Российской Федерации. В первые два года набор в ШОН составлял 30 человек. Практически весь первый набор был репрессирован в ходе большой «чистки». С 1939 года ШОН выпускала уже более 70 человек. Ее бюджет составлял 1,5 миллиона рублей.

13 сентября 1938 года 5-й отдел вошел в состав воссозданного ГУГБ НКВД СССР.

В 1938 году было принято решение об укреплении разведки. Структура 5-го отдела была перестроена, в него вошли следующие подразделения:

- а) Руководство (начальник и два заместителя).
- б) Секретариат, ведавший вопросами секретного делопроизводства (30 человек).
- в) Функциональные подразделения (хозяйственное, кадровое, финансовое).
- г) Оперативные отделения:
 - 1-е — Германия, Италия, ЧСР, Венгрия;
 - 2-е — Япония, Китай;
 - 3-е — Польша, Румыния, Югославия, Болгария;
 - 4-е — Великобритания, Швейцария, Франция, Испания, страны Бенилюкса;
 - 5-е — Греция, Турция, Иран, Афганистан;
 - 6-е — Финляндия, страны Скандинавии и Прибалтики;
 - 7-е — США, Канада;
 - 8-е — оппозиция: троцкисты, «правые» и пр.;
 - 9-е — эмиграция;
 - 10-е — НТР;
 - 11-е — оперативно-техническое обеспечение;
 - 12-е — визы и учет иностранцев.

Всего в центральном аппарате 5-го отдела на тот период работало 210 человек. 5 октября 1938 года в 5-й отдел ГУГБ были переданы функции и штаты упраздненного Особого бюро при нарком НКВД СССР, бывшего на тот период первым информационно-аналитическим подразделением в системе НКВД. Среди прочего в функции Особого бюро входила подготовка справочных материалов по формам и методам работы иностранных разведок, составление характеристик на руководителей, государственных и общественных деятелей зарубежных стран. После назначения Л. П. Берия народным комиссаром

внутренних дел СССР в ноябре—декабре 1938 года обязанности начальника 5-го отдела исполнял мой отец — старший майор ГБ Павел Анатольевич Судоплатов. Потом внешнюю разведку возглавил, как выше уже говорилось, ближайший сподвижник Л. П. Берия по работе в Грузии и его заместитель по НКВД СССР Владимир Григорьевич Деканозов, совмещавший эту должность с постом начальника 3-го отдела ГУГБ (контрразведка). Его сменил пришедший в органы НКВД по партнабору молодой журналист П. М. Фитин, выпускник ШОН, плодотворно руководивший внешней разведкой в последующие семь лет до 1946 года.

В 1939—1940 годах в структуру 5-го отдела ГУГБ входило семнадцать оперативных и функциональных отделений: три европейских, американское, дальневосточное, ближневосточное, информационно-аналитическое, оперативно-техническое, кадровое, финансовое, хозяйственное, связи и другие.

В предвоенный период, благодаря притоку и тщательному подбору молодых кадров, другим экстренным мерам по укреплению разведки, руководству НКВД удалось воссоздать действенный и надежный разведаппарат.

В составе созданного 3 февраля 1941 года Наркомата государственной безопасности задачи по руководству внешней разведкой были возложены на Разведывательное, а с марта 1943 года — Первое управление. В центральном аппарате управления работало около 120 человек, включая технический персонал. За рубежом действовало 45 легальных и 14 нелегальных разведаппаратов. В таких странах, как Германия, Великобритания, Франция, помимо легальной, работало от двух до четырех нелегальных резидентур.

В УНКГБ приграничных регионов (Хабаровский край, Архангельская, Брестская, Ленинградская, Львовская и Читинская области) были образованы местные подразделения внешней разведки — 1-е (разведывательные) отделы. В апреле 1941 года было принято решение о переходе разведаппаратов за рубежом на линейный принцип работы: за отдельными сотрудниками резидентур были закреплены определенные направления деятельности (линии): политическая, экономическая или научно-техническая разведка, внешняя контрразведка.

В предвоенные годы разведка регулярно добывала данные о военно-политических планах Германии. За несколько месяцев до начала войны наши источники из Берлина сообщали:

20 сентября 1940 года. В начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом к этому будет военная оккупация Румынии.

25 февраля 1941 года. В высших правительственных и военных организациях Германии в строгой тайне разрабатывается вопрос о военной операции против СССР.

24 марта 1941 года. Германский генеральный штаб ведет интенсивную подготовку к нападению на СССР. Составляется план бомбардировки важных объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда и Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов СССР.

2 апреля 1941 года. Штаб германской армии полностью подготовил план нападения на СССР. Созданы армейские группы.

12 апреля 1941 года. С полной ответственностью сообщаем, что во всех официальных немецких инстанциях вопрос о военном вторжении в СССР считается решенным.

16 июня 1941 года. Все военные приготовления Германии к нападению на СССР полностью закончены, удар можно ожидать в любое время.

Данные о подготовке Германии к внезапному нападению на СССР поступали также от нашего агента, бывшего командира гитлеровских штурмовых отрядов в Берлине капитана Стенесса, выдворенного в Китай за разногласия с фашистской верхушкой. Как известно, информация разведки не была учтена, и Германии удалось 22 июня 1941 года внезапно напасть на нашу страну. Почему к этой информации не прислушались, не раз уже говорилось в нашей печати. Здесь и дезинформационные мероприятия Германии, и противоречившие этой информации данные разведки военных округов и конечно же уверенность Сталина в собственной прозорливости. Однако вместе с тем очевидно, что одной из причин пренебрежительного отношения к указанным сообщениям разведки было то, что сама разведка к концу 30-х годов была скомпрометирована необоснованными арестами, обвинениями ее сотрудников в измене и шпионаже.

Во время своего пребывания в качестве исполняющего обязанности начальника Иностранного отдела НКВД мой отец смог подробнее узнать структуру и организацию проведения разведывательных операций за рубежом. В рамках НКВД существовали два подразделения, которые этим и занимались. Это Иностранный отдел, которым руководили сначала Трилиссер, потом Артузов, Слуцкий и Пассов. Задача отдела была собирать для Центра разведданные, добытые как по легальным (через наших сотрудников, имевших дипломатическое прикрытие или работавших в торговых представительствах за рубежом), так и по нелегальным каналам. Особо важными были сведения о деятельности правительств и частных корпораций, тайно финансирующих подрывную деятельность русских эмигрантов и белогвардейских офицеров в странах Европы и в Китае, направленную против Советского Союза. Иностранный отдел был разделен на отделения по географическому принципу, а также включал подразделения, занимавшиеся сбором научно-технических и экономических разведданных. Эти отделения обобщали материалы, поступавшие от наших резидентов за границей. При этом приоритет нелегальных каналов был вполне естествен, поскольку за рубежом тогда было не так уж много советских дипломатических и торговых миссий. Вот почему нелегальные каналы для получения интересовавших разведданных были столь важны.

В то же время существовала и другая разведывательная служба — Особая группа при наркоме внутренних дел, непосредственно находящаяся в его подчинении и глубоко законспирированная. В ее задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны. Учитывая характер работы, Особая группа не имела своих сотрудников в дипломатических и торговых миссиях за рубежом. Ее аппарат состоял из двадцати оперработников, отвечавших за координирование деятельности закордонной агентуры. Все остальные сотрудники работали за рубежом в качестве нелегалов. В конце 30-х годов число таких нелегалов составляло около шестидесяти человек. Руководство НКВД могло по своему выбору использовать силы и средства Иностранного отдела и Осо-

бой группы для проведения особо важных операций, в том числе диверсий и ликвидаций противников СССР за рубежом.

После ликвидации Троцкого часть агентуры, завербованной Эйтингоном, и другие привлеченные к его сети лица, действовавшие в Соединенных Штатах и Мексике, присоединились к нелегалам, не задействованным в операции против Троцкого. Эта расширенная сеть агентуры впоследствии сыграла важную роль в выходе на круги ученых, работавших над американской атомной бомбой. Советские нелегалы с фальшивыми документами, не занимавшие никаких официальных должностей, обосновались в США еще в конце 20-х и начале 30-х годов. Их главной задачей было поступить на такую работу, где можно иметь доступ к научно-технической информации и военно-стратегическим перевозкам на случай войны с Японией.

Именно в эти годы Эйтингон и Серебрянский начали активную работу в Соединенных Штатах по вербовке китайских и японских эмигрантов, которые могли пригодиться в военных и диверсионных операциях против Японии. К этому времени японцы успели захватить центральные и северные районы Китая и Маньчжурию, и в СССР опасались предстоящей войны с Японией. Одновременно Эйтингон внедрил двух агентов для длительного оседания — польских евреев, которых ему удалось привезти в США из Франции. Эйтингон также должен был дать оценку потенциальным возможностям американских коммунистов в интересах нашей разведки. По его весьма дельному предложению, не следовало вербовать агентов из членов компартии, а имело смысл сконцентрировать внимание на тех, кто, не будучи в ее рядах, выражал сочувствие коммунистическим идеям.

Эйтингон действовал параллельно с Ахмеровым, который, несмотря на серьезные возражения Эйтингона, все-таки женился на племяннице Эрла Браудера, основателя Американской компартии. Операции в Соединенных Штатах и создание там сети нелегалов не входили в число важнейших целей Кремля, поскольку в то время получение разведывательных данных из Нового Света не влияло на принимаемые Москвой решения. Эйтингон, однако, поручил нескольким своим агентам следить за американской политикой в отношении Китая.

Ему, в частности, удалось найти журналистов из журнала «Амерэйш», которые впоследствии сформировали лобби, влиявшее на американскую линию дипломатии в Азии.

Одним из завербованных Эйтинггоном агентов был весьма известный японский живописец Мияги, позднее вошедший в группу Рихарда Зорге в Японии. Эйтингон, хороший друг моего отца Иван Винаров (советник по разведке при Георгии Димитрове в 40-х годах) вступили в контакт с Зорге в Шанхае в конце 20-х годов. Информация Зорге рассматривалась как довольно ценная на протяжении всех 30-х годов, правда с оговоркой, что и немцы, и японцы считают его двойным агентом.

Советский агент Друг — Генеральный консул Германии в Шанхае (речь о нем несколько подробнее пойдет ниже) — часто встречался с Зорге в 1939—1941 годах. Он отмечал его широкую осведомленность об обстановке на Дальнем Востоке, не догадываясь о работе Зорге на Разведуправление Красной Армии, и подчеркивал прочные, солидные связи Зорге с немецкой военной разведкой.

В 1932 году Эйтингон покинул Калифорнию и возвратился в Советский Союз через Шанхай. Его назначили заместителем Серебрянского, затем Эйтингон перешел на руководящую работу в Иностранный отдел ОГПУ.

В период обострения международной обстановки в канун вступления в войну Америки разведывательную работу по линии НКВД на Восточном побережье США возглавлял Хейфец. Ранее он работал в Коминтерне. Его отец являлся одним из организаторов Американской компартии. Хейфец лично знал многих видных американских коммунистов. Учитывая коминтерновский опыт, его направили в начале 30-х годов на работу в разведку НКВД. Он организовал нелегальные группы в Германии и Италии в середине 30-х годов, выступая в роли индийского студента, обучающегося в Европе. На самом деле Хейфец был евреем, но из-за своей смуглой кожи, даже несмотря на свои голубые глаза, он выглядел как настоящий эмигрант из Азии. В Соединенных Штатах в «левых» кругах он был известен как господин Браун. Находясь до этого в Италии, Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво, тогда студентом,

учившимся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри, выдающимся французским физиком, близким к руководству Компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который к нам поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми.

Хейфецу повезло: в 30-х годах он не был репрессирован. Его отозвали в Москву, и хотя в ноябре 1938 года Ежов дал указание об его аресте, оно не было выполнено. Вскоре Хейфеца направили в Соединенные Штаты, на Западное побережье, для активизации разведывательной работы. Перед ним была поставлена задача установления прочных связей с агентурой «глубокого оседания», созданной в свое время Эйтинггоном. Первоначальный план заключался в том, чтобы создать сеть нелегалов в американских портах по примеру Скандинавии для уничтожения судов со стратегическим сырьем и топливом для Японии. Не зная о японских намерениях атаковать Юго-Восточную Азию или Перл-Харбор, в советском военном руководстве предполагали, что они сначала начнут военные действия против СССР.

Помощнику Хейфеца в консульстве Сан-Франциско Лягину, инженеру, выпускнику Ленинградского судостроительного института, было дано специальное задание получить данные о технологических новинках на предприятиях Западного побережья. Основная задача, поставленная перед ним, — сбор материалов по американским военно-морским судостроительным программам. Так, в одном из его донесений говорилось о большом интересе, который проявлялся американцами к программе строительства авианосцев. Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего советской разведке описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин. Чтобы не вызывать подозрений, Лягин воздерживался от любых контактов с американскими прокоммунистическими кругами. Однако в Сан-Франциско он проработал недолго. Его отозвали в Москву и выдвинули на должность заместителя начальника закордонной разведки НКВД. Ему было всего тридцать два года. Во время немецкой оккупации он был послан в качестве резидента-нелегала на немецкую военно-морскую базу в Николаев на Черном море. Ему удалось провести ряд диверсий на базе. Гестапо в конце

концов захватило его и радиста группы. Лягин отказался бежать из тюрьмы, так как не мог оставить арестованного вместе с ним раненого радиста. Они были расстреляны. В 1945 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Оставшемуся в Сан-Франциско Хейфецу удалось, получив ориентировку от Эйтингона, выйти на внедренных ранее двух агентов «глубокого оседания». Оба они вели обычную, неприметную жизнь рядовых американцев: один — зубного врача, другой — владельца предприятия розничной торговли. Оба они были, как я уже говорил, еврейскими эмигрантами из Польши. Врач-стоматолог, известный лично Серебрянскому, в свое время получил от нашей страны деньги, чтобы окончить медицинский колледж во Франции и стать дипломированным специалистом. Оба этих человека были внедрены на случай, если бы их услуги понадобились советским разведорганами, будь то через год или через десять лет. Потребность в них возникла в 1941—1942 годах, когда эти люди неожиданно оказались близки к коммунистически настроенным членам семьи Роберта Оппенгеймера — главного создателя американской атомной бомбы.

Бытует представление, что агентурно-оперативные группы сети Разведупра Генштаба (тогда так называлось ГРУ) и Иностранного отдела (ИНО) НКВД располагали надежной агентурой, имевшей доступ в высшие эшелоны командования вермахта и политического руководства Германии, и что советское руководство проигнорировало поступающие из этих источников материалы о подготовке и непосредственных планах развязывания Гитлером войны против Советского Союза. Как же обстояло дело в действительности?

Разведуправление Генштаба и ИНО НКВД располагали важными источниками информации, которые имели выход лишь на руководящие круги немецкого военного командования и политического руководства, но не имели доступа к документам верховного командования вермахта. К тому же получаемая информация от кругов, близких к Гитлеру, отражала колебания в германском руководстве по вопросу о принятии окончательного решения о нападении на Советский Союз.

В начале и середине 1930-х годов Разведупру, а также ОГПУ—НКВД удалось создать в Западной Европе и

на Дальнем Востоке — в Китае, Японии — мощный агентурно-диверсионный аппарат, располагавший более чем 300 источниками информации. Особую роль в создании этого аппарата сыграли так называемые специальные агенты-нелегалы: австриец Стефан Дейч (Ланг), привлеченный к сотрудничеству известную «пятерку» К. Филби и других в Англии, Т. Малли (венгр, бывший католический священник), работавший в Англии и во Франции, К. А. Богуславский (поляк, бывший сотрудник разведки генштаба Польши), Ш. Радо, Л. Треппер, Р. Зорге, Э. Волльебер, И. Р. Григулевич (литовец, ставший послом Коста-Рики в Италии, Югославии и в Ватикане).

Массовые репрессии 1937—1938 годов нанесли серьезнейший удар разведслужбам СССР. Однако разведывательная деятельность продолжалась, несмотря на болезненные перерывы в поддержании контактов с агентами, ранее находившимися на связи у оперативных работников, павших жертвами репрессий или отказавшихся вернуться в страну.

Хотя советские разведорганы и потеряли временно связь с рядом ценных агентов, нашим агентурным сетям в Скандинавии, Германии и в странах Бенилюкса повезло. Источники информации в Германии (группа Шульце-Бойзена — штаб ВВС, Харнака — минэкономики, Кукхоффа, Штеббе — в МИДе, Лейман — сотрудник гестапо) были привлечены к сотрудничеству супругами-нелегалами Е. Ю. и В. М. Зарубиными, резидентом Белкиным, агентом Гиршфельдом, которые избежали репрессий. Связь с ними поддерживалась регулярно. Помимо этих источников, в 1940 году к ним добавились сотрудничавшие с советскими органами на основе доверительных отношений и вербовочных обязательств знаменитая актриса Ольга Чехова и князь Януш Радзивилл, имевшие прямой выход на Геринга. Резиденту НКВД Гудимовичу в Варшаве вместе с женой Е. Д. Модржинской удалось создать мощную группу, осуществлявшую тщательное наблюдение за немецкими перевозками войск и техники в Польшу в 1940—1941 годах.

Серьезные агентурные позиции имелись также в Италии. Резиденту Г. И. Рогатневу удалось привлечь к сотрудничеству племянника министра иностранных дел графа Чиано.

И в эмиграции среди бывшего царского офицерства и в ОУН советские агентурные позиции были также прочны. Кроме того, по решению правительства СССР в связи с угрозой нарастания войны руководители белой эмиграции — генералы А. П. Кутепов и Е. К. Миллер — были похищены и ликвидированы. ОУН также была обезглавлена. После гибели ее главаря Евгения Коновальца в Роттердаме между лидерами ОУН Мельником и Бандерой шла ожесточенная борьба за власть, в результате которой без всякого участия НКВД бандеровцы ликвидировали видных членов Провода ОУН Сциборского, Сушко, Барановского, Грибивского и других. Политический авторитет ОУН в глазах немцев был подорван, и вместо планов создания «правительства Карпатской Украины» шеф абвера В. Канарис рекомендовал использовать ее как чисто полицейскую и карательную силу.

Еще в 1937 году нашей разведкой под руководством Шпигельгласа были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера, а позднее вермахта, включавшие войну с Россией. Этим документам суждено было сыграть значительную роль в развитии событий и формировании менталитета нашего руководства в канун германо-советской войны.

Оперативно-стратегические игры, проводившиеся Х. фон Сектом, а позднее В. фон Бломбергом, дожившим завещание Секта Гитлеру, в то время убедили германское руководство в отсутствии реальных возможностей у Германии выиграть войну с Россией, если военные действия затянутся на срок более чем два месяца, если в течение первого месяца войны немцам не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР.

В августе 1938 года мой отец работал в ИНО НКВД, Иностранном отделе ГУГБ, реорганизованном в 1941 году в Первое (Разведывательное) управление НКВД СССР. В круг его обязанностей входило курирование немецкого направления нашей разведки, возглавлявшегося в 1938—1942 годах непосредственно майором госбезопасности П. М. Журавлевым. Руководство всегда придавало немецкому направлению особо важное значение.

В 1940—1941 годах наша резидентура в Берлине хотя и возглавлялась неопытным работником А. Кобуловым, тем не менее работала крайне активно и инициативно. Разведывательные материалы из Берлина, Рима, Токио, как видно из публикуемых ныне архивных документов, регулярно докладывались в правительство. Однако руководство разведки (как Голиков, так и Фитин) не было в курсе того, что И. В. Сталин и В. М. Молотов после ноябрьского (1940 года) визита Молотова в Берлин встали на путь секретных переговоров с Гитлером фактически о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке и в остальных частях мира. Между тем, по воспоминаниям Бережкова (переводчика Сталина), Молотов и Ф. фон Шуленбург (посол Германии в СССР), безусловно с ведома Сталина и Гитлера, в феврале—марте 1941 года вели переговоры об учете интересов России в выходе в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы. Таким образом, очевидная неизбежность военного столкновения с Германией в длительной перспективе вместе с тем совмещалась с вполне серьезным рассмотрением предложений Гитлера о разграничении сфер геополитических интересов Германии, Японии, Италии и СССР.

Лишь теперь стало очевидно, что зондажные беседы о разделе сфер влияния между Молотовым и Шуленбургом в феврале—марте 1941 года отражали не только попытку Гитлера ввести Сталина в заблуждение и заставить его врасплох внезапной атакой, но и колебания немецкой верхушки по вопросу о войне с СССР до победы над Англией. Получаемая ИНО НКВД информация и дезинформация от Латыша, агента гестапо, отражали эти колебания. Именно поэтому даже наши источники, сообщая о решении Гитлера напасть на СССР, вместе с тем, как видно из донесений А. Харнака, Х. Шульце-Бойзена, а также жены видного германского дипломата, близкого к Риббентропу, по кличке Юна, в сентябре 1940 — мае 1941 годов «не ручались за достоверность полученных данных» и со ссылками на Геринга увязывали в той или иной мере предстоящую агрессию Гитлера против СССР с достижением договоренности с англичанами о примирении.

Озабоченное поступающей информацией о подготовке Германии к войне с Советским Союзом, руководство разведки НКВД еще в феврале 1941 года открыло так

называемое литерное дело «Затея», в котором концентрировалась вся информация об угрозе немецкого нападения. Однако это нападение, согласно подавляющему большинству поступавших данных, предсказывалось на конец весны 1941 года. Прогноз не сбился отчасти в силу нападения немцев на Югославию в апреле 1941 года и отчасти в силу просчетов в завершении сроков перевозок войск и техники к границам СССР. Это, однако, породило иллюзии, что войны все же удастся избежать, ибо сведения о нападении немцев весной не нашли подтверждения.

К сожалению, правильный вывод об очевидной подготовке к войне на основе поступавшей информации увязывался в отчетных материалах с гипотетическими результатами якобы предстоящих германо-советских переговоров на высшем уровне по территориальным вопросам. Трудно судить, насколько в действительности Гитлер всерьез думал договориться со Сталиным. Но НКВД располагал данными, что Риббентроп последовательно, вплоть до окончательного решения Гитлера, выступал против войны с Россией, во всяком случае, до момента урегулирования англо-германского военного противостояния.

Чтобы оттянуть войну, было решено создать для Гитлера реальную перспективу Балканского фронта. Разведывательное управление Генштаба (Голиков и Мильштейн) и ИНО НКВД (Зарубин и Алахвердов) организовали государственный переворот в Белграде, где к власти пришло ориентировавшееся на Россию правительство. В организации переворота видную роль сыграл наш агент, посол Югославии в СССР в 1941 году Милан Гаврилович.

К сожалению, наша разведка, как военная, так и политическая, перехватив данные о сроках нападения и правильно определив неизбежность близкой войны, не вскрыла расчеты гитлеровского командования на стратегию «блицкрига» в этой войне. Это была роковая ошибка, ибо ставка на «блицкриг» указывала на то, что немцы планировали свое нападение независимо от завершения войны с Англией.

Крупным недостатком нашей разведывательной работы была и слабая постановка анализа поступавшей агентурным путем информации. Знаменательно, что только

в ходе войны и в Разведупре и в НКВД были созданы в системе разведуправлений отделы по постоянной оценке и обработке разведывательной информации, поступавшей из зарубежных источников.

Нельзя не сказать и еще об одном эпизоде. Речь идет о мнимой причастности немецкой разведки к сталинской расправе над М. Н. Тухачевским и другими видными военачальниками в 1937 году. Несмотря на очевидный ущерб для Красной Армии этой сталинской акции, мой отец со всей ответственностью утверждал, что причастность немецкой разведки к компрометации Тухачевского базируется лишь на слухах и амбициозных претензиях Шелленберга. Отец, как известно, был непосредственным куратором немецкого направления наших разведорганов в 1939—1945 годах, и он знал, что НКВД никакими материалами о подозрительных связях Тухачевского с немецким командованием, за исключением выбитых на следствии показаний, не располагал. Сталину также никто не направлял материалов о Тухачевском по линии зарубежной разведки НКВД. Резидент разведки НКВД в 1937—1938 годах в Праге П. Зубов вместе с послом С. С. Александровским сообщали Сталину, в МИД и в НКВД одобрение Э. Бенешем «ликвидации заговора Тухачевского» уже после его казни. При этом Бенеш выражал сожаление, что не довел вовремя до сведения Сталина поступившие от чешской разведки в Берлине слухи о якобы пронемецких симпатиях Тухачевского, когда тот еще возглавлял штаб Красной Армии в 1925—1928 годах.

В архиве Сталина также обнаружены, но особенно не популяризируются данные о том, что так называемые компрометирующие материалы об амбициях Тухачевского, поступившие из-за рубежа, были не чем иным, как выдержками из материалов зарубежной прессы. Они направлялись в ЦК ВКП(б) советскими посольствами и корреспондентами ТАСС. Миф о причастности немецкой разведки к расправе Сталина над Тухачевским был запущен впервые в 1939 году перебежчиком В. Кривицким, бывшим офицером Разведупра Красной Армии, в книге «Я был агентом Сталина». Кривицкий ссылается при этом на белого генерала Н. В. Скоблина, видного агента ИНО НКВД в среде белой эмиграции. Скоблин, по словам Кривицкого, якобы был двойником, работав-

шим на немецкую разведку. В действительности Скоблин двойником не был. Его агентурное дело полностью опровергает эту версию. Жена Скоблина, известная певица Надежда Плевицкая, помогавшая ему, погибла в тюрьме в Страсбурге, когда Франция уже была оккупирована немцами. Вовсе не немцы помогли исчезновению Скоблина из Франции в 1937 году. Руководитель Русской военной организации в эмиграции Миллер был действительно захвачен на его квартире в Париже и вывезен в СССР в сентябре 1937 года. Скоблин же был вывезен нами самолетом в Барселону, где погиб при немецкой бомбардировке.

Миф, который пустил гулять по миру Кривицкий, ставший в эмиграции психически неустойчивым человеком, позднее использовал Шелленберг в своих мемуарах, приписав себе заслугу в деле Тухачевского, который, однако, стал прежде всего, по глубокому убеждению моего отца, жертвой борьбы за власть в советском военном руководстве. Как говорили отцу в годы войны Л. П. Берия и В. С. Абакумов, Тухачевский «стал врагом» прежде всего потому, что осмелился поставить вопрос о смене военного руководства, а именно К. Е. Ворошилова — члена Политбюро, что свидетельствовало о том, что «он мог создать потенциально независимую от правительства военную силу», могущую стать угрозой для тогдашнего правящего режима.

Репрессии 1937—1938 годов в армии и НКВД приучили высшее советское командование не выступать с инициативами кардинального характера, затрагивавшими политические интересы государства или расстановку сил в руководстве. Задача была предельно простой — только докладывать информацию.

16 июня 1941 года, принимая Меркулова — наркома госбезопасности и Фитина — начальника Разведуправления НКВД, Сталин грубо оборвал их, наложив нецензурную резолюцию на донесении о близкой войне. Однако в тот же день Берия, непосредственный начальник Меркулова, ссылаясь на указания Сталина, отдал моему отцу приказ о формировании Особой группы при наркоме как специального органа разведывательно-диверсионных операций на случай начала войны.

Сталин и советское военное руководство, к сожалению, недооценивали возможности Германии, боевую си-

лу сосредоточенных у границ СССР ударных группировок. Разведчики виноваты в том, что не проанализировали (да и не могли этого сделать без операторов Генштаба) реальное соотношение сил на границах. НКВД и органы военной контрразведки, как мне думается, виноваты еще и в том, что правительство не было информировано о низком уровне боеготовности наших войск в пограничных округах, об отсутствии порядка в установке дежурных огневых средств на аэродромах, базах, складах вооружения, местах дислокации войск, о неготовности танкового парка к боевым действиям и т. п.

В результате, не понимая скоротечного характера боевых операций в начале войны, Сталин и Молотов искренне считали, что достаточно двух часов для приведения армии в боеготовность. Существенна здесь вина военной контрразведки, не доложившей в полной мере об этих упущениях. По мнению моего отца, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков, возглавлявшие армию, не смогли навести должного порядка в округах и частично скрыли от правительства невысокую готовность к войне.

Серьезные ошибки были допущены, как мне думается, и в подготовке наших резидентур к оперативной деятельности в Западной Европе в условиях военных действий и перехода на нелегальное положение. Агентурная сеть Треппера, Гуревича и Радо в Бельгии, Голландии, Франции, Швейцарии слишком сильно была связана с источниками еврейской национальности, что делало ее уязвимой для операций германских спецслужб. Руководство Разведупра, как и ИНО НКВД, пренебрегло надлежащей подготовкой радистов для поддержания связи в условиях войны.

Хотя еще в апреле 1941 года в резидентуры Западной Европы ушло предупреждение о подготовке к работе в условиях близкой войны, советские разведслужбы запоздали с обеспечением радистов надежной аппаратурой и их обучением, а также созданием дублирующих друг друга радиоквартир. Руководство резидентуры НКВД в Берлине (Кобулов и Коротков) не привило должных навыков конспирации группе Шульце-Бойзена, Харнака, Кукхоффа. В нарушение всех правил конспирации ценные источники информации поддерживали линейную связь друг с другом. Гестапо не составило большого труда в 1942 году после краткой разработки арестовать руково-

дителей «Красной капеллы» в Берлине и в других странах Западной Европы. Наша непоследовательная подготовка к действиям в условиях войны была одной из важных причин героической гибели ценной агентуры в 1942 году.

Выше уже отмечалось, что информация о непосильной для немцев длительной войне, полученная Шпигельгласом в 1937 году, была доложена в правительство. В 1940 году к нам поступили данные о том, что В. Кейтель предостерегал Гитлера о недооценке фактора нехватки сырьевых ресурсов для ведения боевых операций на громадном русском военном театре. Наши военно-стратегические игры в январе 1941 года, проведенные Генштабом Красной Армии, как теперь видно, не учитывали всех расчетов Гитлера на «блицкриг».

Разведывательная информация стала одной из причин установки Сталина на защиту наших сырьевых районов на Украине от немецкого вторжения. Правительство сделало неверный вывод, что немцы будут стремиться прежде всего захватить наши богатые экономические районы на Украине для обеспечения себя сырьевыми запасами по ведению войны. Жуков признает эти ошибочные соображения Сталина. К этому можно лишь добавить, что Сталин, вероятно, полагался на наши разведданные о завещании Секта и достоверную информацию о нехватке у Гитлера сырьевых ресурсов для ведения широкомасштабных боевых действий в длительной войне на два фронта.

Поступившая в ИНО НКВД в последние дни (17—20 июня) перед войной информация, исходившая от брата премьер-министра Финляндии Й. Рангеля о нападении немцев, а также из Италии, наряду с данными об активности немецких войск на границе, склонила в конце концов вечером 21 июня руководство страны к принятию директивы для командования армии и флота о предстоящем нападении. Поскольку Фитин находился вне Москвы, запоздалый приказ об использовании нашей зарубежной агентуры в Польше для предотвращения крупной провокации на границе был отдан моему отцу лишь в шесть часов вечера в этот день. Выполнить эту ошибочную директиву ввиду отсутствия времени у НКВД не было реальных возможностей.

Я уже говорил, что в мае 1937 года была арестована группа Тухачевского из восьми человек, составлявших

советскую военную элиту, их обвинили в государственной измене, шпионаже и тайном военном заговоре с целью свержения правительства. Прошло всего две недели, и по приговору закрытого военного суда все они были расстреляны. Так начались массовые репрессии в армии, в результате которых пострадали 35 тысяч командиров. Из публикуемых ныне архивных материалов известно, что обвинения против Тухачевского и других военных руководителей страны были сфабрикованы по указанию Сталина и Ворошилова. В настоящее время существуют три версии, почему Сталин пошел на эту расправу. В соответствии с первой судьбу этих людей решила дезинформация германских и чехословацких спецслужб, убедившая подозрительного Сталина и его наркома обороны Ворошилова, что Тухачевский и ряд других военачальников поддерживали тайные контакты с немецкими военными кругами. Именно эту версию повторил Хрущев в своем выступлении с критикой Сталина на XXII съезде партии в 1961 году.

Но контакты с немцами следует рассматривать на фоне тесного германо-советского военного сотрудничества в 1920—1930 годах. Длительный период военного сотрудничества Германии и Советского Союза был в 1933 году внезапно прерван Сталиным под явно сфабрикованным предлогом, что немцы тайно делятся с французами информацией о своих связях с нами. Между тем группа советских военных деятелей во главе с маршалом Тухачевским отмечала полезность этих контактов с немцами и надеялась использовать их технологические военные новинки у нас. Со стороны Германии также существовал известный интерес к продолжению связи с СССР, хотя и совсем по другим соображениям.

Высокопоставленные военные, выходцы из Восточной Пруссии, были последователями основателя вермахта генерала Ганса фон Секта. После поражения в первой мировой войне генерал фон Сект долгое время занимался воссозданием немецкой военной машины и разработкой новой стратегической доктрины. Именно он выступал перед германским руководством за улучшение отношений с СССР, указывая, что главная цель германской политики в случае войны — не допустить военных действий на двух фронтах.

В соответствии со второй версией жертвами стали те военные, которые по своему интеллектуальному уровню значительно превосходили Ворошилова и имели собственное мнение по вопросам военного строительства. Тухачевский и его группа якобы не сошлись со Сталиным и Ворошиловым по вопросу стратегии военных реформ, а посему Сталин, опасаясь соперников, которые могут претендовать на власть, решил разделаться с ними.

Согласно третьей версии, военных ликвидировали из-за давней вражды между Тухачевским и Сталиным, которые имели разные точки зрения на то, кто несет ответственность за ошибки, допущенные в войне с белополяками в 1920 году. Тухачевский считал, что Красная Армия потерпела поражение на подступах к Варшаве, потому что Сталин и Ворошилов якобы отказались перебросить в помощь Тухачевскому кавалерийские части.

Взгляд на эту трагедию у моего отца, насколько мне известно, отличался от других версий. Он по этому поводу писал в своих воспоминаниях:

«Помню, как в августе 1939 года приятно удивили меня сообщения из Германии, из которых явствовало, что немецкое военное руководство высоко оценивало потенциал Красной Армии. В одном из документов высшего германского командования, перехваченном нами, причиной гибели маршала Тухачевского назывались его непомерные амбиции и разногласия с маршалом Ворошиловым, бесспорно разделявшим все взгляды Сталина.

Утверждая сводку материалов разведки для Сталина, Берия включил туда фразу из этого документа: «Устранение Тухачевского наглядно показывает, что Сталин полностью контролирует положение дел в Красной Армии», — возможно, для того, чтобы польстить вождю, подчеркнув тем самым его дальновидность в своевременном устранении Тухачевского.

Помнится мне также комментарий Берия и Абакумова, в годы войны начальника военной контрразведки СМЕРШ, отвечавшего и за политическую благонадежность Вооруженных Сил. И тот и другой говорили о заносчивости Тухачевского и его окружения, которые смели думать, будто Сталин по их предложению снимет Ворошилова. По словам Берия, уже один этот факт ясно показывал, что военные, грубо нарушив установленный порядок, выдвинули предложения, выходявшие за рамки их компетенции. Разве, говорил он, им не было известно, что только Политбюро, и никто другой, имеет право

ставить вопрос о замене наркома обороны? Тут-то и вспомнили, подчеркивал Абакумов, что Тухачевский и близкие к нему люди позволяли себе вызывать на дачи военные оркестры для частных концертов.

Что «наверху» следует вести себя строго по правилам, я узнал от маршала Шапошникова, сменившего Тухачевского. Шла война, в очень тяжелый период боев под Москвой, учитывая срочность донесений из немецких тылов, я пару раз докладывал материалы непосредственно ему, минуя обычные каналы. И он каждый раз вежливо указывал мне: «Голубчик, важные разведданные вам нужно обязательно отразить в первую очередь в докладах НКВД и политическому руководству страны. Сталин, Берия и одновременно нарком обороны должны быть полностью в курсе нашей совместной работы».

Отец указывал и на еще одно обстоятельство, сыгравшее свою роль в судьбе Тухачевского. Тот был в плохих отношениях с Шапошниковым. В конце 20-х годов Тухачевский, как далее пишет отец, вел интригу против Шапошникова, с тем чтобы занять его пост начальника Генштаба. Кстати, Шапошников был одним из членов специального присутствия Верховного суда, который вынес смертный приговор Тухачевскому. Он, Буденный и председатель суда Ульрих оказались единственными из всего его состава, кто избежал репрессий и умер естественной смертью.

Отец также говорил, что Тухачевский и его группа в борьбе за влияние на Сталина попались на его удочку. Во время частых встреч со Сталиным Тухачевский постоянно находил повод покритиковать Ворошилова. Сталин поощрял эту критику, называя ее «конструктивной», и любил обсуждать варианты новых назначений и смещений. Нравилось ему и рассматривать различные подходы к военным доктринам. Тухачевский позволял себе свободно обсуждать все это не только за закрытыми дверями, но и распространять слухи о якобы предстоящих изменениях и перестановках в руководстве Наркомата обороны. Словом, он и его коллеги зашли, по мнению Сталина, слишком далеко. После того как НКВД доложил правительству о ходивших по столице слухах, это стало беспокоить руководство страны. Даже те из историков, которые горят желанием разоблачить преступления Сталина, не могут не признать, что материалы дела Тухачевского содержат разного рода документальные свиде-

тельства относительно планов перетасовок в военном руководстве страны...

В опубликованных архивах Красной Армии можно, например, прочесть письмо Ворошилову от 5 июня 1937 года за подписью начальника секретариата Наркомата обороны Смородинова. В нем содержится просьба направить в НКВД копии писем Тухачевского в адрес военного руководства. И хотя на документе нет никакой резолюции, ясно, что в ходе «расследования» Тухачевский решительно возражал против обвинений, ссылаясь при этом на документы, подтверждавшие, что по военным вопросам между ним, Ворошиловым и Сталиным не было никаких разногласий. Тухачевский утверждал, что поддерживал контакты с немецкими военными представителями исключительно по заданиям правительства. Он всячески старался доказать, что всегда видел свой долг в беспрекословном выполнении приказов по всем вопросам военного строительства. Словом, миф Вальтера Кривицкого, подхваченный Никитой Хрущевым, так и остается мифом. Документы на сей случай так и не были обнаружены в архивах КГБ или архивах самого Сталина.

Но если восстановить последовательность событий, то, к примеру, можно увидеть, что о Скоблине, как об агенте гестапо, впервые написала газета «Правда» в 1937 году. Статья была согласована с руководством разведки и опубликована, чтобы отвлечь внимание от обвинений в причастности советской разведки к похищению генерала Миллера. Уголовное же дело против Тухачевского целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на конкретные инкриминирующие факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствовали. Если бы такие документы существовали, то отец, как заместитель начальника разведки, курировавший накануне войны и немецкое направление, наверняка видел бы их или знал об их существовании. Единственным упоминанием о «немецком следе» в деле Скоблина является ссылка на его обманный маневр, с помощью которого удалось заманить генерала Миллера на явочную квартиру в Париже. Скоблин говорил Миллеру о «немецких контактах», которые важны для конспиративной работы белой эмиграции. Миллер встретился не с немцами, а с резидентом НКВД в Париже Кисло-

вым (кодовое имя Финн) и Шпигельгласом (кодовое имя Дуглас).

Кстати, вопреки версиям событий в популярных на Западе книгах Кристофера Эндрю и Гордиевского, Джона Джизьяка и Кривицкого, Скоблин не принимал участия в устранении предшественника Миллера генерала Кутепова. Эта операция в 1930 году была проведена разведывательной службой Серебрянского. Кутепов был задержан в центре Парижа тремя нашими агентами, переодетыми в форму сотрудников французской жандармерии. Они остановили Кутепова на улице под предлогом проверки документов и насильно посадили в машину. Кутепов, заподозрив неладное, оказал сопротивление. Во время борьбы с ним случился сердечный приступ, и он умер. Его похоронили в пригороде Парижа, во дворе дома одного из агентов советской разведки.

Итак, в действительности нет никаких данных о несанкционированных контактах Тухачевского с немцами. Зато в архивах много материалов, содержащих обзоры зарубежной прессы и отклики руководителей западных стран о заговоре Тухачевского.

В июле 1937 года советский полпред в Чехословакии Александровский сообщал в Москву о реакции президента Бенеша на казнь Тухачевского. Существуют самые противоречивые интерпретации замечаний Бенеша, который рисуется советскими историками человеком, «искренне и с самыми лучшими намерениями предавшим Тухачевского Сталину, не сознавая, что он передает Советам сфальсифицированные немцами материалы». Документы, однако, говорят совсем о другом. По сообщению Александровского, Бенеш не верил, будто Тухачевский шпион и саботажник. По словам Бенеша, Тухачевский «мог рассчитывать на свержение Сталина, лишь опираясь на Ягоду — наркома внутренних дел СССР». Основываясь на информации чешского посла в Берлине, Бенеш отмечал: Тухачевский просто выступал за продолжение советско-германского сотрудничества, которое было прервано с приходом Гитлера к власти. Ясно, что Бенеш не принимал всерьез обвинения Тухачевского в шпионаже, но чувствовал, что по той или иной причине маршал оказался в опале, и внес свою лепту в дискредитацию Тухачевского, поскольку нуждался в поддержке Сталина. Он, как и Берия, хотел показать свое полное

одобрение решения Москвы ликвидировать Тухачевского. В дневнике Александровского приводится высказывание Бенеша, в котором он отзывается о Тухачевском как об авантюристе и ненадежном человеке. В общем и целом Бенеш поддержал расправу над Тухачевским, но не сыграл никакой роли в его отстранении и аресте.

«Насколько я помню, — писал мой отец, — в литературном деле «Хутор» есть ссылки на то, что Бенеш в апреле 1937 года, накануне снятия Тухачевского, намекнул полпреду Александровскому и нашему резиденту в Праге Петру Зубову, что не исключает возможности военного соглашения между Германией и Советским Союзом, вопреки их нынешним разногласиям, отчасти из-за хороших связей между Красной Армией и вермахтом, установленных Тухачевским в 20-х и 30-х годах. Однако только 4 июля 1937 года, уже после казни Тухачевского, Бенеш рассказал Александровскому о «неких» контактах чешского посла в Берлине с немецкими военными представителями, которые якобы имели место в январе 1937 года. По его словам, Бенеш не сообщил нам о том, что чехи имеют информацию о наличии в Германии влиятельной группы среди военных, выступавших за продолжение тайных германо-советских военных связей, установленных еще в 20-е годы.

От своего посла в Берлине Бенеш получил доклад, содержащий смутные намеки немецких генералов об их конфиденциальных отношениях с руководством Красной Армии. Цель этой немецкой дезинформации заключалась в том, чтобы напугать чехов и заставить их поверить, что им нельзя рассчитывать на поддержку Красной Армии в их конфронтации с Германией по вопросу о судьбе Судет. Это было в июле 1937 года — за год до ультиматума Гитлера Бенешу с требованием, чтобы Судеты с их этническим немецким населением отошли к Германии. В своем дневнике посол записывает, что Бенеш извинился перед ним за то, что не поделился с советским руководством информацией о возможных тайных контактах вертушки вермахта со штабом Красной Армии...»

Из материалов упомянутого выше дела становится ясно подлинная цель июльской встречи между полпредом Александровским, резидентом НКВД Зубовым и Бенешем. Ныне содержание беседы Бенеша с Александровским отрицается. Замалчивается и другое важнейшее обстоятельство: Советский Союз и Чехословакия подписали в 1935 году секретное соглашение о сотрудничестве разведывательных служб. Для решения этого вопроса,

упоминал отец, в Москве тогда побывал начальник чешской разведки полковник Моравец. Сотрудничество советской и чешской разведки, обмен информацией первоначально координировались Разведупром Красной Армии, а с 1937 года — НКВД.

В 1938 году Бенеш обратился к Сталину с просьбой поддержать его действия по свержению правительства Стоядиновича в Белграде, проводившего враждебную чешскому руководству политику. По специальному указанию Сталина для поддержки переворота в Белграде в 1938 году на НКВД возлагалось финансирование сербских боевиков-офицеров — организаторов этого переворота. Наш резидент Зубов, выехав в Белград для передачи денег заговорщикам, убедился, что подобранные чешской разведкой для этой акции люди — авантюристы, не опираются на реальную силу, и не выдал им 200 тысяч долларов. Эта несостоявшаяся операция проливает свет на неизвестные до сих пор связи Бенеша и Сталина. Целью Бенеша было получение полной поддержки чешской политики со стороны Сталина как на Балканах, так и в Европе в целом. Вот почему в отличие от англичан и французов он не выразил своего неодобрения по поводу казни маршала Тухачевского и волн репрессий среди советского военного командования.

Кстати, отец упоминал о том, что когда-то он слышал о существовании особо секретных материалов дела Тухачевского, якобы хранившихся в архивах сталинского секретариата и содержащих информацию, полученную из-за рубежа. Думается, что речь шла о тех самых материалах из иностранной прессы, сообщениях корреспондентов ТАСС, дипломатов, глав торговых представительств, а также резидентур НКВД и ГРУ о том, как расправа с Тухачевским оценивалась за границей.

Это действительно были материалы особой папки закрытой иностранной корреспонденции, в которой собирались отзывы зарубежного общественного мнения и комментарии советских послов и руководителей правительственных делегаций. В этом архиве есть немецкие, французские и английские записи бесед с высокопоставленными советскими представителями, полученные по разведывательным каналам. Они представляли ценность в силу того, что помогали понять мышление людей, с которыми ведутся переговоры.

Трагедия, однако, заключалась в том, что Сталин, а впоследствии Хрушев, Брежнев и Горбачев использовали закрытую иностранную корреспонденцию для компрометации своих соперников в период острой борьбы за власть. В обычное время обзорам иностранной прессы не придавалось сколько-нибудь серьезного значения, но в период массовых репрессий стало правилом прибегать к этим материалам, дававшим оценку советским руководителям, чтобы инкриминировать им разного рода «отклонения» от линии партии. Причем это правило было даже закреплено специальным постановлением Центрального Комитета.

В 1989 году Бориса Ельцина во время его первого визита в Соединенные Штаты обвинили, ссылаясь на зарубежную прессу, в пристрастии к спиртному. В 1990 году эти материалы сыграли свою роль в конфликте между Горбачевым и Шеварднадзе, экс-министром иностранных дел. Использование вырезок из зарубежной прессы было прекращено лишь в ноябре 1991 года — перед самым концом «горбачевской эры». И сделал это Игнатенко, генеральный директор ТАСС, запретив направлять по линии ТАСС в правительство особые обзоры зарубежной прессы, содержавшие компромат на наших руководителей.

«В 30-х годах, — говорил отец, — нам казалось: любой, кто выступает против правительства или партийного руководства, прежде всего против самого Сталина, а также его соратника наркома Ворошилова, — «враг народа». Лишь много позже до меня дошел весь цинизм замечаний Берия и Абакумова по поводу Тухачевского. Высшее руководство прекрасно знало, что все обвинения против него выдуманы. Версию о мнимом заговоре они предпочли потому, что в противном случае им пришлось бы признать, что жертвами репрессий на самом деле становятся соперники в борьбе за власть. Подобное признание нанесло бы вред престижу правящей партии.

То, что в 1937 году считалось серьезным преступлением — я имею в виду обвинение в некомпетентности Ворошилова, которое позволял себе Тухачевский, — через двадцать лет, когда он был посмертно реабилитирован, уже не было таковым. Причем никто не объяснил подлинных причин совершенного преступления. В официальных сообщениях появились лишь весьма туманные ссылки на «имевшие место ошибки» в карательной политике, виновниками были названы лишь Ежов и его подручные».

В апреле 1938 года резидент НКВД в Финляндии Рыбкин был вызван в Кремль, где Сталин и другие члены Политбюро поручили ему совершенно секретное задание... Он получил директиву неофициально предложить финскому правительству тайное соглашение. Финнам гарантировалось экономическое сотрудничество с Советским Союзом с учетом их интересов в Скандинавии и Европе в обмен на подписание пакта о ненападении, экономическом и военном сотрудничестве в случае агрессии третьей стороны. Пакт сулил экономические выгоды для обеих сторон. Предложение Сталина включало также разделение сфер военного и экономического влияния в Балтийском регионе между Финляндией и Советским Союзом. По указанию Сталина Рыбкин также передал 100 тысяч долларов на создание партии мелких хозяев, которая выступала бы за нейтральную Финляндию.

Рыбкин во время беседы в Кремле выразил сомнение, что финны, тогда враждебно относившиеся к восточному соседу, согласятся на подписание такого договора, но Сталин подчеркнул, что это зондаж, поэтому предложения должны быть сделаны устно, без участия в переговорах нашего полпреда, то есть неофициально. Рыбкин поступил, как ему приказали, но предложение было отвергнуто. Однако оно инициировало раскол в финском руководстве, который позднее Кремль использовал, подписав сепаратный мирный договор с Финляндией в 1944 году. Кстати, это удалось сделать при посредничестве шведской семьи Валленберг. Не увенчались тогда успехом и попытки советских разведслужб найти тайные подходы к Маннергейму через его бывшего сослуживца по царской армии — графа Игнатьева, перешедшего на службу в Красную Армию в 1920-е годы.

Моему отцу, судя по всему, не было известно о подобного рода неофициальных предложениях немецкой стороне, однако он полагал, что президент Финляндии маршал Карл Густав Маннергейм проинформировал Гитлера о наших предложениях, так что фюрер, посылая своего министра иностранных дел Иохима фон Риббентропа в Москву в августе 1939 года для переговоров о подписании пакта о ненападении, полагался не только на спонтанную реакцию Молотова и Сталина. Он был

осведомлен о том, что мы готовы принять предложение подобного рода, поскольку сами уже пытались заключить аналогичный договор с соседней Финляндией.

Отказ Финляндии последовал в том же месяце 1938 года. Финнам было куда важнее оставаться союзниками Англии, Швеции и Германии. К тому же они не видели для себя никаких выгод в роли буферной зоны между Востоком и Западом. Позднее, однако, эта роль все же была им навязана. За то, что Финляндия напала на Советский Союз вместе с немцами, она должна была заплатить дорожную цену. В результате финны получили куда менее выгодные для себя условия, чем те, которые первоначально предлагал им Сталин через Рыбкина в 1938 году.

В августе 1939 года объем разведывательной информации резко возрос. НКВД получил достоверное сообщение о том, что французское и британское правительства не горят желанием оказать Советскому Союзу поддержку в случае войны с Германией. Это вполне совпало с данными, полученными советскими разведслужбами тремя или четырьмя годами раньше от кембриджской группы. По этим сведениям, британский кабинет министров, точнее Невилл Чемберлен и сэр Джон Саймон, рассматривал возможность тайного соглашения с Гитлером для оказания ему поддержки в военной конфронтации с Советским Союзом. Особое внимание заслуживала информация трех надежных источников из Германии: руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта.

Полученные директивы обязывали советское руководство быстрее рассмотреть возможные варианты сотрудничества со странами, готовыми подписать соглашения о противодействии развязыванию войны. Речь шла не только об Англии и Франции, с которыми велись консультации с начала 1939 года, но также и о Германии. В Германии за мирное урегулирование отношений с Советским Союзом выступали в среде влиятельных военных лишь выходцы из Восточной Пруссии.

Мой отец вспоминал, что, рассматривая в соответствии с полученными директивами альтернативные варианты (или соглашение с англичанами и французами, или мирное урегулирование с Германией), он тогда не мог даже представить, что экономические перегово-

воры завершаются фактом о сотрудничестве Берлина и Москвы:

«Когда меня информировали о предстоящем прибытии министра иностранных дел Германии в Москву 23 августа 1939 года — всего за несколько часов до того, как это произошло, — я был удивлен. Однако после прибытия Риббентропа и последовавшего через тринадцать часов подписания пакта о ненападении (это событие произошло в Кремле в два часа ночи 24 августа) стало ясно: принятое решение не было внезапным. Стратегической целью советского руководства было избежать любой ценой войны на два фронта — на Дальнем Востоке и в Европе. Такая линия дипломатических отношений, не привязанных к идеологическим соображениям, установилась еще с 20-х годов, когда Советский Союз осуществлял экономическое сотрудничество и поддерживал нормальные отношения с Италией после прихода к власти в 1922 году фашистского режима Бенито Муссолини. Кремлевское руководство было готово к компромиссам с любым режимом при условии, что это гарантировало стабильность Советскому Союзу. Для Сталина и его окружения воплощение в жизнь их геополитических устремлений преобразовать Советский Союз в мощнейшую державу мира всегда было приоритетом».

Действительно, наша страна получила возможность более или менее стабильно развиваться лишь после завершения коллективизации в 1934 году. До этого народу пришлось пережить последовательно Гражданскую войну, голод, разруху. И лишь к середине 30-х годов начала приносить свои плоды индустриализация. Растущая мощь государства была продемонстрирована в успешных военных действиях против Японии в Монголии и Маньчжурии. Хотя страна установила дипломатические отношения со всеми ведущими державами мира, нас тем не менее держали в изоляции, что наглядно проявлялось, когда мировые державы не допускали нас к участию в решении кардинальных мировых вопросов, от которых зависели их интересы. Все соглашения по Европе и Азии принимались западными странами и Японией в ущерб интересам Советского Союза. Англо-германское соглашение 1935 года, признававшее перевооружение немецких военно-морских сил, и последующие соглашения между ведущими державами мира по оснащению современными видами оружия своих флотов даже не упоминали Советский Союз.

Французская и английская делегации, прибывшие в Москву летом 1939 года, чтобы прозондировать почву для создания возможного союза против Гитлера, состояли из второстепенных фигур. Таким образом, политика Сталина по отношению к Гитлеру основывалась на правильном соображении, что враждебность западного мира и Японии к советскому строю сделает изоляцию СССР от международного сообщества постоянным фактором.

Оглядываясь назад, нельзя не прийти к выводу, что все три будущих союзника по антигитлеровской коалиции — СССР, Британия и Франция — виноваты в том, что позволили Гитлеру развязать вторую мировую войну. Взаимные неприязнь и противоречия — вот что помешало достижению компромисса между Англией и Францией с одной стороны и Советским Союзом — с другой. Компромисса, который бы позволил сообща остановить агрессию Гитлера против Польши. Историки второй мировой войны почему-то упускают из виду, что англо-франко-советские переговоры в 1939 году были начаты фактически по инициативе президента США Франклина Д. Рузвельта. Дональд Маклин сообщал, что Рузвельт направил своего представителя британскому премьер-министру Чемберлену с предостережением: господство Германии в Западной Европе было бы губительным для интересов как Америки, так и Британии. Рузвельт побуждал Чемберлена для сдерживания Гитлера вступить в переговоры с европейскими союзниками Великобритании, включая и Советский Союз. Наши источники сообщали, что британское правительство с явной неохотой отнеслось к американской инициативе, так что Рузвельту пришлось оказать на британцев нажим, чтобы заставить их все-таки пойти на переговоры с Советами по выработке военных мер для противостояния Гитлеру.

В записях воспоминаний моего отца его рукой было подчеркнуто: «...тем не менее быстрота, с какой был подписан договор о ненападении с Гитлером, поразила меня: ведь всего за два дня, до того как он был подписан, я получил приказ искать возможные пути для мирного урегулирования наших отношений с Германией. Мы еще продолжали посылать наши стратегические предложения Сталину и Молотову, а договор уже был подписан: Сталин проводил переговоры сам в обстановке строжайшей секретности.

Я ничего не знал о протоколах пакта Молотова—Риббентропа, но вообще такого рода секретные протоколы самая обычная вещь в дипломатических отношениях, затрагивающих особенно сложные вопросы. Накануне войны британское правительство подписало секретные протоколы с Польшей — в них речь шла об оказании военной помощи Польше в случае войны с Германией. В 1993 году, например, один немецкий еженедельник опубликовал секретные протоколы и запись конфиденциальных бесед между Горбачевым и канцлером Гельмутом Коелем, состоявшихся накануне воссоединения Германии. И сейчас, читая секретные протоколы пакта Молотова—Риббентропа, я не нахожу в них ничего тайного. Директивы, основанные на подписанных соглашениях, были весьма четкими и определенными: о них знали не только руководители разведки, но и военное руководство и дипломаты. Фактически знаменитая карта раздела Польши, приложенная к протоколам 28 сентября 1939 года, появилась на страницах «Правды», конечно, без подписей Сталина и Риббентропа, и ее мог видеть весь свет. К тому времени, однако, Польша была оккупирована».

Далее отец писал:

«В октябре 1939 года, вместе с Фитиным, начальником разведки, и Меркуловым, заместителем Берия, я принимал участие в совещании у Молотова в его кремлевском кабинете. Там находились также начальник Оперативного управления Генштаба генерал-майор Василевский (в 50-е годы министр обороны), заместитель наркома иностранных дел Потемкин, зампред Госплана Борисов, начальник штаба ВМФ адмирал Исаков, начальник погранвойск генерал Масленников и начальник военной разведки, кажется, генерал-майор Панфилов.

На повестке дня стоял один вопрос — защита стратегических интересов в Прибалтике. Молотов хотел услышать наши соображения. Советские войска уже находились там в соответствии с договорами, подписанными с правительствами Литвы, Латвии и Эстонии. Открывая совещание, Молотов заявил:

— Мы имеем соглашение с Германией о том, что Прибалтика рассматривается как регион наиболее важных интересов Советского Союза. Ясно, однако, — продолжал Молотов, — что хотя германские власти признают это в принципе, они никогда не согласятся ни на какие «кардинальные социальные преобразования», которые изменили бы статус этих государств, их вхождение в состав Советского Союза. Более того,

советское руководство полагает, что наилучший способ защитить интересы СССР в Прибалтике и создать там надежную границу — это помочь рабочему движению свергнуть марионеточные режимы.

Из этого заявления стало ясно, каким именно образом мы толковали условия соглашения с Гитлером. Однако поздней осенью 1939 года появился новый стимул для активизации наших политических, экономических, военных и разведывательных операций в Прибалтике. От наших резидентур в Швеции и Берлине мы получили проверенную и надежную информацию о том, что немцы планируют направить высокопоставленные экономические делегации в Ригу и Таллин для заключения долгосрочных соглашений. Таким образом, Прибалтика оказалась бы под политическим и экономическим зонтиком Германии. Телеграммы из Берлина и Швеции были отправлены за двумя подписями — посла и резидента, что бывало крайне редко и означало: информация имеет важное политическое значение. Полученные в Москве, они с визами Молотова и Берия препровождались Фитину и мне по линии НКВД с приказом Берия немедленно представить по этому вопросу предложения. Телеграммы такого уровня, за подписью послов и резидентов, обычно направлялись нескольким членам правительства.

Фитин ознакомил с телеграммой Гукасова, начальника отделения по работе с националистическими и эмигрантскими организациями в районах, примыкающих к нашим границам. Кстати, именно Гукасов год назад потребовал от партбюро расследовать мое персональное дело. Сейчас, все еще с подозрением относясь к моей лояльности и, возможно, все еще держа на меня зло, он не передал мне указание Берия и самостоятельно подготовил предложения по противостоянию немецким спецслужбам в Латвии, Литве и Эстонии и в обход меня направил их Фитину. Его план заключался в том, чтобы использовать лишь агентурную сеть в трех республиках Прибалтики, состоявшую из русских и еврейских эмигрантов».

Разразился скандал.

Вызвав Фитина и отца и выслушав сообщение по записке Гукасова, Берия спросил мнение по этому поводу у моего отца. Отец честно ответил, что его у него нет, он не получал никаких указаний и не в курсе германских намерений в Риге, в то время он занимался совершенно другими делами. Берия взорвался от ярости и велел срочно еще раз принести телеграммы. Тут он уви-

дел, что на них нет подписи отца, а тогда существовало обязательное правило визировать любой секретный документ, проходящий через руки того или иного должностного лица в разведке и направленный для проработки. Гукасова тут же вызвали на ковер, и Берия пригрозил снести ему голову за невыполнение его приказа. Гукасов в ответ, понизив голос, в доверительном тоне (он был уроженец Тбилиси) сказал буквально следующее. Он действительно не показал отцу телеграммы, так как получил информацию от начальника следственной части Сергиенко о наличии материалов, в которых говорится о якобы его подозрительных контактах с «врагами народа» — бывшим руководством разведки. Берия резко оборвал Гукасова: надо бросать идиотскую привычку лезть со своими предложениями и раз и навсегда зарубить себе на носу, что приказы должны выполняться беспрекословно и незамедлительно.

«Европа сейчас в огне войны, и задачи разведки в нынешних условиях, — подчеркнул Берия, — стали совершенно иными. — И тут же процитировал Сталина, потребовавшего активного включения оперативных сотрудников разведорганов в политические зондажные операции с использованием любых конфликтов в правящих кругах иностранных государств. — Это, — подытожил Берия, — ключ к успеху в свержении нынешних правительств марионеточных государств, провозгласивших свою так называемую независимость в 1918 году под защитой немецких штыков. — Из этой тирады мы сразу поняли, что он имеет в виду государства Прибалтики. — Нсмшы и раньше и теперь, — продолжал Берия, — рассматривают их как свои провинции, считая колониями Германской империи. Наша же задача состоит в том, чтобы сыграть на противоречиях между Англией и Швецией в данном регионе. — При этих словах он повернулся, — пишет отец, — в мою сторону. — Обдумайте все как следует и немедленно вызовите в Москву Чичасва. Потом доложите ваши соображения с учетом необходимых материальных средств. Срок — три дня.

Самоуверенная, дерзкая постановка вопроса отражала то новое мышление, которое демонстрировали Сталин, Молотов и Берия после подписания пакта, который явно прибавил им веры в собственные возможности. В регионах, уже официально вошедших теперь в сферу наших интересов, мы начинали кардинально новую активную политику, с тем чтобы повлиять на внутренний курс правительств этих государств».

Вызванный срочно в Москву Чичаев, резидент НКВД в Риге, сообщил о резких расхождениях и натянутых отношениях внутри правительства Латвии — прежде всего между президентом Ульманисом и военным министром Балодисом. Этот конфликт подрывал стабильность существовавшего режима, уже находившегося под двойным давлением — нашим и немецким. Немцы опирались там на своих преданных сторонников в экономических управленческих структурах и деловых кругах, в то время мы полагались на влияние среди «левых» групп, связанных как с компартией, так и с профсоюзами. Как бы там ни было, говорил отец, Латвия, как, впрочем, и другие государства Прибалтики, по существу являлась буферной зоной между нами и Германией. План создания широкой коалиции, когда в правительстве должны быть представлены как немецкие, так и советские интересы, также обсуждался на встрече в кремлевском кабинете Молотова. Узнав о таком варианте, президент Латвии Ульманис, естественно, резко выступил против, между тем как министр иностранных дел Вильгельм Мунтерс неожиданно одобрил эту идею. Обстановка в республике накалялась еще и потому, что там ширилось и поддерживаемое нами забастовочное движение. Углублялся и экономический кризис, вызванный начавшейся войной: традиционные торговые связи региона с Британией и Западной Европой оказались оборванными.

«Чичаев и Ветров, советник нашего полпредства в Риге, — пишет отец, — пришли ко мне, и Ветров предложил сыграть на личных амбициях Мунтерса, чья репутация в Берлине была довольно устойчивой из-за его частых встреч с Риббентропом. Что касается Ульманиса, то его правительство не пользовалось особой популярностью в результате ошибок в экономической области, с одной стороны, примиренческой позиции, занятой им по отношению к шовинистически настроенным немецким бизнесменам в Риге — с другой. Эти коммерсанты скупали все наиболее ценное, что было в республике, широко пользуясь теми преимуществами, которые открывались перед ними из-за прекращения торговых связей Латвии с Западной Европой. Кстати, около семидесяти процентов всего латвийского экспорта шло в Германию, по существу, по демпинговым ценам. Я информировал Берия и Молотова, что правительство Латвии опирается не столько на поддержку регулярных воинских формирований, сколько на вспомогательные по-

лицейские части, составленные в основном из сыновей фермеров и мелких торговцев.

По нашему убеждению, министр иностранных дел Мунтерс был идеальной фигурой для того, чтобы возглавить правительство, приемлемое как для немецких, так и для советских интересов. Когда он обязал ведущие латвийские газеты опубликовать фотографию Молотова (в честь его 50-летия), мы восприняли это как знак его готовности установить личные контакты с Молотовым. Наша реакция была незамедлительной: мне тут же выдали дипломатический паспорт на имя Матвеева, а Мунтерса информировали о том, что с ним хотел бы встретиться Матвеев, специальный советник Молотова, для того чтобы латвийский министр мог через него передать все то важное, что у него могло быть помимо протокола. Эти неофициальные послания будут затем вручены советскому руководству.

Был июнь 1940 года — и действовать следовало срочно. Вот почему до Риги я добирался не поездом, а на борту скоростного советского бомбардировщика. В Риге я вместе с Ветровым нанес тайный визит Мунтерсу, выразив во время нашей встречи пожелание советского правительства как можно скорее произвести перестановки в составе кабинета министров республики, с тем чтобы он, Мунтерс, смог возглавить новое коалиционное правительство.

Мой визит был частью комплексной операции по захвату контроля над правительством Латвии. Руководил ею Меркулов, первый заместитель Берия, тайно прилетевший в Ригу еще до меня для координации плана действий на месте. Находясь в Риге под видом советника Молотова, я докладывал обо всем Меркулову, у которого был прямой выход по телефону на Молотова и Берия. Между тем правительству в Риге был предъявлен ультиматум. В результате президент Ульманис вынужден был уйти со своего поста, наши войска оккупировали Латвию и экс-президента арестовали. Обстановка изменила правила игры. Немцы оказались слишком глубоко втянутыми в военные операции на Западе, чтобы интересоваться событиями, происходящими в Латвии. В связи с этим Молотов и Сталин решили поставить во главе Прибалтийских государств не тех, кто устраивал бы обе стороны (как, например, тот же Мунтерс), а надежных людей, близких к компартии. Правда, некоторые из первоначальных условий, предполагавших создание коалиционных правительств, все же сохранялись. Так, скажем, латвийским и эстонским генералам бы-

ли присвоены звания, аналогичные званиям в Красной Армии, а Мунтерса хотя и арестовали, но сделали это не сразу.

Вместе с Ветровым я отправился в резиденцию Мунтерса, где нами были предприняты все меры, чтобы упаковать его имущество и без лишнего шума вывезти всех членов семьи в Москву. Оттуда их перевезли в Воронеж, где Мунтерса определили на должность профессора в Воронежский университет. Немецкую сторону мы официально уведомили, что по-прежнему считаем Мунтерса политически значимой фигурой. Находясь под нашим контролем, он встречался в Москве за обедом с немецкими дипломатическими представителями, но судьба его уже была решена, и ему не удалось стать даже марионеточным главой правительства. В 1941 году, когда началась война с Германией, Мунтерса арестовали и приговорили к длительному сроку тюремного заключения за деятельность, враждебную советскому правительству. По странному стечению обстоятельств я встретился с Мунтерсом во Владимирской тюрьме в конце 1958-го или начале 1959 года. Когда его выпустили, он остался жить во Владимире. Выйдя на пенсию, он публиковал статьи в «Известиях», доказывая неизбежность союза Латвии с СССР».

Судьба Прибалтийских государств, которую первоначально определяли в Кремле и в Берлине, во многом похожа на судьбу восточноевропейских, предрешенную в свое время в Ялте. Сходство тут разительное: и в том и в другом случае предварительным соглашением предусматривалось создание коалиционных правительств, дружественных обеим сторонам. Советскому Союзу нужна была буферная зона, отделявшая нас от сфер влияния других мировых держав, и мы проявляли готовность идти на жесткую конфронтацию в тех районах, где к концу войны находились войска Красной Армии.

Естественно, задачу построения коммунизма Кремль видел главным образом в том, чтобы всемерно укреплять мощь Советского государства. Роль мировой державы мы могли играть лишь в том случае, если государство обладало достаточной военной силой и было в состоянии подчинить своему влиянию страны, находящиеся у наших границ. Идея пропаганды сверху коммунистической революции во всем мире была дымовой завесой идеологического характера, призванной утвердить СССР в роли сверхдержавы, влияющей на все события в мире. Хотя изначально эта концепция и была

идеологической, она постепенно стала реальным политическим курсом.

Такая возможность открылась перед Советским государством впервые после подписания пакта Молотова—Риббентропа. Ведь отныне, как подтверждали секретные протоколы, одна из ведущих держав мира признавала международные интересы Советского Союза и его естественное желание расширять свои границы.

В своих воспоминаниях мой отец описывает, в частности, такой эпизод:

«Еще до того как Латвия была оккупирована нашими войсками, Берия неожиданно вызвал меня к себе и предложил сопровождать его на футбольный матч на стадионе «Динамо». Никаких объяснений он не дал — это был приказ. Играли «Спартак» — команда профсоюзов и «Динамо» — команда НКВД: в те годы каждая встреча этих команд была сама по себе событием.

Поначалу я решил, что Берия хочет, чтобы я присутствовал во время его беседы с агентом в ресторане. Ресторан находился при стадионе и был идеальным местом для встреч с агентами, так как кабинеты там были оборудованы подслушивающими устройствами. Когда мы приехали на стадион и вышли из машины, я следовал за Берия на почтительном расстоянии, поскольку к нему сразу подошли Кобулов, Цанав, Масленников и другие замы, тут же окружившие своего шефа. Обернувшись, он, однако, сделал мне знак подойти ближе и идти рядом — так я очутился в правительственной ложе. Берия представил меня Маленкову и другим партийным и государственным деятелям. Надо сказать, что чувствовал я себя крайне неловко. Все это время я просидел молча, но сам факт моего присутствия на правительственной трибуне дал понять Крутлову, Серову, Цанаве и другим, что пора прекратить распространять слухи о моих подозрительных контактах, связях и о каких-то компрометирующих меня материалах, имевшихся в следственной части. Они должны были убедиться, что отныне я отношусь к разряду доверенных людей в глазах руководства страны.

Мне повезло, что все мои встречи с Берия — и у него на квартире, и на даче — неизменно носили сугубо деловой характер. Это относится даже к тому случаю, когда я вместе с ним присутствовал на свадьбе его протеже Вардо Максима-лишвили, привлекательной грузинки, которая прошла обучение азам разведки под руководством моей жены. Ходили слухи, что она стала любовницей Берия еще в Тбилиси, будучи

студенткой медицинского факультета, а после переезда в столицу он взял ее на работу в свой секретариат, затем устроил так, что она вышла замуж за рядового сотрудника НКВД, тоже грузина.

На свадьбу меня пригласили, чтобы я пригляделся к ней и ее мужу и оценил их манеру поведения (например, не слишком ли много они пьют). Такая необходимость была вызвана тем, что молодоженов собирались направить в Париж для работы в тамошней общине грузинских эмигрантов.

После одного или двух лет работы в Париже Вардо возвратилась в Москву, где до 1952 года прослужила в разведке. В 1952 году ее арестовали, обвинив в том, что, находясь в Париже, она участвовала в заговоре против Советского государства, готовившемся грузинскими эмигрантами, под руководством влиятельной антисоветской мингрельской организации — здесь явно имелся в виду Берия, который был мингрелом. Ее бросили в тюрьму по прямому приказу Сталина, и она оставалась там до его смерти в 1953 году. Ее сразу же освободили по распоряжению Берия, но после его свержения опять арестовали и два года продержали в заключении. Выйдя из тюрьмы, она вернулась к своей прежней профессии медика. К списку обрुшившихся на ее голову бед надо добавить еще одну.

В 1939 или 1940 году Моссовет выдал им с мужем ордер на квартиру, ранее принадлежавшую нашему известному театральному режиссеру Всеволоду Мейерхольду, репрессированному по приказу Сталина. Кстати говоря, квартира эта использовалась НКВД в качестве явочной. Во время новой кампании по децентрализации при Горбачеве на Вардо стали всячески давить, требуя, чтобы она освободила квартиру. Выселить ее в законном порядке Моссовету было весьма затруднительно, поскольку у нее имелись документы, подтверждающие, что Вардо сама является жертвой политических репрессий. После того как по телесвидению, правда без указания фамилии Вардо, был показан сюжет о ситуации с квартирой Мейерхольда, это дело начало приобретать огласку. Тогда КГБ, желая избежать громкого скандала, сумел подобрать для нее и ее семьи равноценную жилплощадь».

Пакт Молотова—Риббентропа имел для нас еще одно последствие — присоединение Западной Украины. После оккупации Польши немецкими войсками наша армия заняла Галицию и Восточную Польшу. Галиция всегда была оплотом украинского националистического движения, которому оказывали поддержку такие лиде-

ры, как Гитлер и Канарис в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Энгельберт Дольфус. Столица Галиции Львов сделалась центром, куда стекались беженцы из Польши, спасавшиеся от немецких оккупационных войск. Польская разведка и контрразведка переправили во Львов всех своих наиболее важных заключенных — тех, кого подозревали в двойной игре во время немецко-польской конфронтации 30-х годов.

О том, что творилось в Галиции, советское руководство узнало лишь в октябре 1939 года, когда Красная Армия заняла Львов. Первый секретарь Компартии Украины Хрущев и его нарком внутренних дел Серов выехали туда, чтобы проводить на месте кампанию советизации Западной Украины. Моя мать Эмма Каганова была направлена во Львов вместе с Павлом Журавлевым, начальником немецкого направления внешней разведки. Ее подразделение занималось немецкими агентами и подпольными организациями украинских националистов. Во Львове атмосфера была очень напряженной и разительно непохожей на положение дел в советской части Украины. Там процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частников, которых вскоре предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская Униатская церковь, местное население оказывало поддержку Организации украинских националистов, возглавлявшейся людьми Бандеры.

По данным советской разведки, ОУН действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того, она обладала богатым опытом подпольной деятельности. Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост: они начинали ее возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и... в сапогах, что выдавало в нем военного: украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой «пустяк», как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили одни военные. Впрочем, откуда им было об этом знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать.

О провале явочных квартир доложили Центру, и моя мама перебралась в гостиницу «Центральная», сначала под видом беженки из Варшавы, а затем стала выдавать себя за журналистку из «Известий». Она широко использовала свой опыт работы с польскими беженцами в Белоруссии в 20-х годах. По-польски она говорила свободно, и вскоре ей удалось установить дружеские отношения с одной семьей польских евреев из Варшавы. Будучи во Львове, мама помогла им выехать в Москву, где их по приезде и встретила вместе с моим отцом. Через некоторое время, снабдив их всем необходимым, мои родители отправили эту семью в США к родственникам. Они тогда договорились, что «дружеские отношения» будут продолжены, а это означало: в случае необходимости советская разведслужба сможет на них рассчитывать. Они не знали, что мои родители, а для них супруги Судоплатовы — благодетели, на самом деле оперативные работники советской разведки, и согласились на дальнейшую связь. Уже позднее, после ареста моего отца, турист из США, один из родственников этой семьи, приехав в Москву в 1960 году, пытался разыскать мою маму в издательстве «Известия», где, как Эмма в свое время говорила, она работает переводчицей. Они встретились весьма сердечно, но для разведывательных целей этого человека не разрабатывали.

Между тем Серов и Хрущев игнорировали предупреждения Журавлева, считавшего, что по отношению к местным украинским лидерам и деятелям культуры следует проявлять максимум терпения. Многие из них были достаточно широко известны в Праге, Вене и Берлине. Так, Серов арестовал Кост-Левицкого, являвшегося одно время главой бывшей независимой Украинской Народной Республики. Хрущев незамедлительно сообщил об этом аресте Сталину, подчеркивая свои заслуги в деле нейтрализации потенциального премьера украинского правительства в изгнании. Кост-Левицкого этапировали из Львова в Москву и заключили в тюрьму. К тому времени ему было уже за восемьдесят, и арест этого старого человека сильно повредил нашему престижу в глазах украинской интеллигенции.

Пакт Молотова—Риббентропа положил конец планам украинских националистов по созданию независимой республики Карпатской Украины, активно поддер-

живаемым в 1938 году Англией и Францией. Эта идея была торпедирована Бенешем, который согласился со Сталиным в том, что Карпатская Украина, включавшая также часть территории, принадлежавшей Чехословакии, будет целиком передана Советскому Союзу.

Коновалец, единственный украинский лидер, имевший доступ к Гитлеру и Герингу, был, как известно, ликвидирован в 1938 году (когда-то он служил полковником в австрийской армии и пользовался в кругах немецких «наци» некоторым уважением). Другие националистические лидеры на Украине не имели столь высоких связей с немцами — в основном это были оперативники из абвера или гестапо, и британские или французские власти не придавали этим людям сколько-нибудь серьезного значения и не делали на них ставки, когда разразилась война.

Поэтому заявления Хрущева о том, что он якобы сорвал западные планы создания украинского временного правительства в изгнании, арестовав Кост-Левицкого, попросту не соответствовали действительности, и когда ему отцу приказали дать оценку того, насколько важно задержание Кост-Левицкого в Москве, он в своем докладе Берия, который затем был послан Молотову, подчеркнул, что это задержание ни с какой точки зрения не оправдано. Напротив, следует предоставить Галиции специальный статус, чтобы нейтрализовать широко распространенную антисоветскую пропаганду, и, естественно, немедленно освободить Кост-Левицкого, извиниться перед ним и отослать обратно живым и невредимым во Львов, дав возможность жить ему там с максимальным комфортом. Конечно, это должно быть сделано при условии, что тот, в свою очередь, поддержит нашу идею направить в Киев и Москву влиятельную и представительную делегацию из Западной Украины для переговоров о специальном статусе для Галиции в составе советской республики Украины. Тем самым было бы оказано должное уважение местным традициям. Молотов согласился. Кост-Левицкий был освобожден и выехал обратно во Львов со всеми удобствами, в спецвагоне.

Это, принятое на правительственном уровне, предложение было, можно сказать, началом открытой конфронтации злопамятного Хрущева и его клеветы Серова с моим отцом.

В соответствии с секретным протоколом между Молотовым и Риббентропом СССР не должен был препятствовать немецким гражданам и лицам немецкой национальности, проживавшим на территориях, входящих в сферу советских интересов, переселяться по их желанию в Германию или на территории, входившие в сферу германских интересов.

Иностранный отдел НКВД решил воспользоваться этими условиями. В Черновцы была направлена группа капитана Адамовича. В ней был только что вновь привлеченный к работе после увольнения в 1938 году за связь с невозвращенцем Орловым Вильям Фишер. Позднее он взял себе имя Рудольф Абель.

Черновцы находятся возле границы — между Буковиной (Галиция) с одной стороны и польской территорией, в то время оккупированной немцами, — с другой. Как вспоминал мой отец, группе предстояло наладить контакты с агентами, завербованными в свое время нашими спецслужбами, из числа этнических немцев, поляков и украинцев. Они должны были обособиться в этих местах как беженцы от коммунистического режима, ищущие защиты на территориях, контролируемых немцами. Капитан Адамович выехал из Москвы в Черновцы, взяв с собой фотографии наших агентов в Польше и Германии, — их он должен был показать четырем агентам, которым надлежало узнать этих людей на предварительно назначенных рандеву в Варшаве, Данциге (Гданьск), Берлине и Кракове. На фотографиях были запечатлены наши сотрудники, действовавшие под прикрытием дипломатических служб, торговых представительств или журналистской деятельности в этих городах. В задачу Фишера (Абеля) входило обучить четырех агентов основам радиосвязи. Однако после того как Адамович был принят Серовым, возможно, в Черновцах, и договорился с ним о материально-технической базе, необходимой для обучения агентов, он неожиданно исчез. Не найдя его, Серов изругал Фишера и доложил об исчезновении Адамовича Хрущеву. Фишер же, хотя и был сотрудником группы, не догадывался о бюрократических интригах и полагал, что если он доложил о двухдневном отсутствии Адамовича начальнику местного НКВД, то ему незачем докладывать также и в Москву.

«Можете себе представить мое состояние, — вспоминал отец, — когда я был вызван в кабинет к Берия, который приказал доложить о том, как проходит операция Адамовича. Он был в ярости, когда я не смог сообщить ничего нового, кроме информации недельной давности. Зазвонил телефон. Это был Хрущев. Он начал возмущенно попрекать Берия тем, что к нему на Украину засылают некомпетентных людей и изменников, вмешивающихся в работу Украинского НКВД. По его словам, местные кадры в состоянии провести сами всю необходимую работу.

— Этот ваш Адамович — негодяй! — прокричал он в трубку. — Он, по нашим данным, сбежал к немцам.

Линия правительственной связи давала возможность и мне слышать его сердитые слова. Берия явно не хотелось в моем присутствии отвечать в той же грубой манере, и он по возможности мягко сказал:

— Никита Сергеевич, тут у меня майор Судоплатов, заместитель начальника нашей разведки. За операцию Адамовича отвечает лично он. На любые ваши вопросы вы сможете получить ответ у него.

Взяв трубку, я начал объяснять, что Адамович компетентный работник, хорошо знает Польшу. Но Хрущев не стал слушать моих объяснений и оборвал меня. Он был убежден, что Адамович у немцев и его следует немедленно найти и выкрасть. Далее он заявил, что сломает мою карьеру, если я буду продолжать упорствовать, покрывая таких бандитов и негодяев, как Кост-Левицкий и Адамович. В сердцах он швырнул трубку, не дожидаясь моего ответа.

Реакция Берия на этот эмоциональный взрыв Никиты Хрущева была сдержанно-официальной.

— Через два дня, — отчеканил он, — Адамович должен быть найден — живой или мертвый. Если он жив, его следует тут же доставить в Москву. В случае невыполнения указания члена Политбюро вы будете нести всю ответственность за последствия с учетом ваших прошлых связей с «врагами народа» в бывшем руководстве разведорганов.

Я вышел из кабинета с тяжелым чувством. Через десять минут мой телефон начал трезвонить не переставая. Контрразведка, погранвойска, начальники райотделов Украинского и Белорусского НКВД... — все требовали фотографии Адамовича. По личному указанию Берия начался всесоюзный розыск. Прошло два дня, но на след Адамовича напасть так и не удалось. Я понимал, что мне грозят крупные неприятности.

В последний момент, однако, я решил позвонить проживавшей в Москве жене Адамовича. По сведениям, которыми я располагал, в ее поведении за последние дни не было замечено ничего подозрительного. Как бы между прочим я осведомился, когда она в последний раз разговаривала со своим мужем. К моему удивлению, она поблагодарила меня за этот звонок и сказала, что ее муж два последних дня находится дома — у него сотрясение мозга и врачи из поликлиники НКВД запретили ему вставать с постели в течение, по крайней мере, нескольких дней. Я тут же позвонил генералу Новикову, начальнику медслужбы НКВД, и он подтвердил, что все так и есть на самом деле.

Надо ли описывать испытанное мной облегчение? Докладывая Берия, как обычно, в конце дня, я сообщил, что Адамович находится в Москве.

— Под арестом? — спросил Берия.

— Нет, — ответил я и начал объяснять ситуацию.

Мы были в кабинете одни. Он грубо оборвал меня, употребляя слова, которых я никак не ожидал от члена Политбюро. Разъяренный, он описывал круги по своему огромному кабинету, выкрикивая ругательства в адрес меня и Адамовича, называя нас болванами, безответственными молокососами, компрометирующими НКВД в глазах партийного руководства.

— Почему вы молчите? — уставился он на меня, неожиданно прервав свою тираду.

Я ответил, что у меня страшная головная боль.

— Тогда немедленно, сейчас же, — бросил Берия, — отправляйтесь домой.

Прежде чем уйти, я заполнил ордер на арест Адамовича и зашел к Меркулову, который должен был его подписать. Однако, когда я объяснил ему, в чем дело, он рассмеялся мне в лицо и порвал бумагу на моих глазах. В этот момент головная боль стала совсем невыносимой, и офицер медслужбы отвез меня домой. На следующее утро позвонил секретарь Берия, он был предельно краток и деловит — нарком приказал оставаться дома три дня и лечиться, добавив, что Хозяин посылает мне лимоны, полученные из Грузии. Расследование показало: Адамович, напившись в ресторане на вокзале в Черновцах, в туалетной комнате ввязался в драку и получил сильный удар по голове, вызвавший сотрясение мозга. В этом состоянии он сумел сесть на московский поезд, забыв проинформировать Фишера (Абеля) о своем отъезде. В ходе драки

фотографии, которые ему нужно было показать четырем нашим агентам, оказались потерянными. Позднее их, правда, обнаружили на вокзале сотрудники Украинского НКВД, полагавшие, что драку специально затеяли агенты абвера, пытаясь похитить Адамовича. Дело кончилось тем, что Адамовича уволили из НКВД и назначили сперва заместителем министра иностранных дел Узбекистана, а затем и министром. Я видел его еще один раз на театральной премьере в Москве в начале 50-х годов, но мы не поздоровались друг с другом.

К несчастью, мой конфликт с Серовым и Хрущевым на этом не закончился. Серов был замешан в любовной истории с известной польской оперной певицей Бандровска-Турска. В Москве он объявил о том, что лично завербовал ее. Все были в восторге — ведь певица пользовалась европейской славой и часто перед войной гастролировала в Москве и в других европейских столицах. Эйфория, однако, скоро прошла: с согласия Серова она выехала в Румынию, где наотрез отказалась встретиться в Бухаресте с нашим резидентом — советником полпредства. И Хрущев, и Берия получили тогда письмо от сотрудников Украинского НКВД, обвинявших Серова в том, что он заводит шашни под видом выполнения своих оперативных обязанностей.

Серова срочно вызвали в Москву. Мне довелось быть в кабинете Берия в тот момент, когда он предложил Серову объяснить свои действия и ответить на обвинения в его адрес. Серов сказал, что на роман с Бандровска-Турска он получил разрешение от самого Хрущева, и это было вызвано оперативными требованиями. Берия разрешил ему позвонить из своего кабинета Хрущеву, но как только тот услышал, откуда Серов звонит, он тут же начал ругаться.

— Ты, сукин сын, — кричал он в трубку, — захотел втянуть меня в свои любовные делишки, чтобы отмазаться?! Передай трубку товарищу Берия!

Мне было слышно, как Хрущев обратился к Берия со словами:

— Лаврентий Павлович! Делайте все, что хотите, с этим желторотым птенцом, только что выпорхнувшим из Военной академии. У него нет никакого опыта в серьезных делах. Если сочтете возможным, оставляйте его на прежней работе. Нет — наказывайте как положено. Только не впутывайте меня в это дело и в ваши игры с украинскими эмигрантами.

Берия начал ругать Серова почем зря, грозясь уволить из органов с позором, называя мелким бабником, всячески ос-

корбляя и унижая. Честно говоря, мне было крайне неловко находиться в кабинете во время этой гневной тирады. Затем Берия неожиданно предложил Серову обсудить со мной, как можно выпутаться из этой неприятной истории. Мы пришли к выводу, что Серову не следует предпринимать попыток связаться с Бандровска-Турска — ни по оперативным, ни по каким-либо иным поводам. Ее отъезд в Румынию являлся весьма прискорбным фактом, поскольку выступления певицы во Львове или в Москве могли бы произвести благоприятное впечатление на общественное мнение в Польше и Западной Европе. В конце 1939-го и начале 1940 года важно было продемонстрировать, что ситуация в Галиции нормальная и обстановка вполне здоровая. В этом плане бегство певицы в Румынию являлось ударом по репутации Хрущева, не перестававшего утверждать, что Москве нечего беспокоиться, поскольку советизация Западной Украины проходит удовлетворительно, о чем свидетельствует, дескать, и та поддержка, которую оказывают этому процессу видные деятели украинской и польской культуры.

Престиж Хрущева пострадал и в результате других инцидентов. Например, в 1939 году из Испании вернулся один из командиров наших партизанских формирований, капитан Прокопюк. Опытный оперативник, он вполне подходил для назначения на пост начальника отделения Украинского НКВД, в задачу которого входила подготовка сотрудников к ведению партизанских операций на случай войны с Польшей или Германией. Услышав о нашем предложении, Хрущев тут же позвонил Берия с решительными возражениями. Берия вызвал к себе своего зама по кадрам Круглова и меня, так как именно я подписал представление на Прокопюка. Возражения Хрущева вызваны были, как выяснилось, тем, что в 1938 году брат Прокопюка, член коллегии Наркомата просвещения Украины, был расстрелян как «польский шпион». Хрущев слышал, как Берия отчитывал Круглова и меня за то, что мы посылаем в Киев человека пусть в профессиональном плане и компетентного, но неприемлемого для местного партийного руководства.

Здесь мне хотелось бы сказать о том, кого Хрущев считал «приемлемым». Это Успенский, которого Хрущев ранее взял с собой на Украину в качестве главы НКВД. В Москве он возглавлял управление НКВД по городу и области и работал непосредственно под началом Хрущева. На Украине Успенский в 1938 году проводил репрессии, в результате которых из

членов старого состава ЦК КПУ — более ста человек — лишь троих не арестовали. Успенский, как только прибыл в Киев, вызвал к себе сотрудников аппарата и заявил, что не допустит либерализма, мягкотелости и длинных рассуждений, как в синагоге. Кто не хочет работать с ним, может подавать заявление. Кстати, некоторые из друзей жены так и сделали, воспользовавшись этим предложением. В присутствии большой аудитории Успенский подписал их заявления о переводе в резерв или назначения с понижением в должности — за пределами Украины. Успенский несет ответственность за массовые пытки и репрессии, а что касается Хрущева, то он был одним из немногих членов Политбюро, кто лично участвовал вместе с Успенским в допросах арестованных».

Во время репрессий 1938 года, когда Ежов потерял доверие Сталина и началась охота за чекистами-«изменниками», Успенский пытался бежать за границу. Он захватил с собой несколько чистых паспортов и скрылся, инсценировав самоубийство, но тело «утопленника» не обнаружили. Хрущев запаниковал и обратился к Сталину и Берия с просьбой объявить розыск Успенского. Поиски велись весьма интенсивно, и вскоре разыскивающие поняли: жена Успенского знает — он не утонул, а где-то скрывается. Она своим поведением не то чтобы прямо выдала его, следя за ней, оперативникам стало ясно, что муж ее скрывается. В конце концов он сам сдался в Сибири после того, как заметил в Омске группу наружного наблюдения.

С тех пор, как только речь заходила об использовании кого-либо из офицеров Украинского НКВД, московское руководство тут же ссылалось на дело Успенского, напоминая слова, сказанные в этой связи Хрущевым:

— Никому из чекистов, кто с ним работал, доверять нельзя.

Между тем во время допроса Успенский показал, что они с Хрущевым были близки, дружили домами, и всячески старался всех убедить, что был всего лишь послушным солдатом партии. Поведение Успенского сыграло роковую роль в судьбе его жены — ее арестовали через три дня после того, как он сдался властям. Приговоренная к расстрелу за помощь мужу в организации побега, она подала прошение о помиловании, и тут вмешался Хрущев: он рекомендовал Президиуму Верховного Совета отклонить ее просьбу о помиловании.

Эта история произвела на моего отца сильное впечатление:

«Круглов, хорошо знакомый с практикой работы Центрального Комитета (до НКВД он работал в аппарате ЦК), подтвердил, что члены Политбюро могли лично вмешиваться в решение судеб людей, особенно членов семей «врагов народа». Я впервые узнал, что вмешательство в этих случаях направлено не на спасение жизни невинных людей, а является способом избавления от нежелательных свидетелей. В архивах в списке жеи видных деятелей партии, Красной Армии и НКВД, приговоренных к расстрелу, я нашел также имя жены Успенского. Ее смертный приговор, как и приговоры другим женам репрессированных руководителей, сначала утверждался высшими партийными инстанциями.

После своего назначения заместителем начальника разведслужбы в марте 1939 года, — вспоминал далее отец, — я напомнил Берия о судьбе Зубова, все еще находившегося в тюрьме за невыполнение приказа о финансировании переворота в Югославии. Этот человек, сказал я Берия, преданный и опытный офицер разведки. Берия, знавший Зубова на протяжении семнадцати лет, сделал вид, что ничего не слышал, хотя именно Зубов сыграл значительную роль в том, что Берия сумел добраться до вершин власти. В 1922 году Зубов возглавлял отделение разведки, следившее за тайными связями грузинских меньшевиков и их агентуры в Турции. Основываясь на зубовской информации, Берия доложил Дзержинскому и Ленину о готовившемся восстании и об успешном подавлении его в самом зародыше. Этот доклад обсуждался на Пленуме ЦК партии и фактически послужил основанием для назначения Берия на должность начальника ГПУ Закавказья. Зубов оставался в дружеских отношениях и с самим Берия и с его заместителем Богданом Кобуловым: приезжая в Москву из Грузии, Кобулов неизменно останавливался у него на квартире».

Осенью 1939 года, после захвата немцами Польши, в руках советских спецслужб оказались полковник Станислав Сосновский, бывший руководитель польской разведки в Берлине, и князь Януш Радзивилл, богатый польский аристократ, имевший немалый политический вес. Оба были доставлены на Лубянку для активной разработки их в качестве агентов советской разведки.

Отец ради спасения своего друга Зубова предложил Берия поместить его в одну камеру с полковником Сосновским. Зубов бегло говорил на французском, немец-

ком и грузинском. Берия согласился, и Зубова перевели из Лефортова, где его безжалостно избивали по приказу того самого Кобулова, который когда-то, приезжая из Грузии, гостил в его доме. Мучителем Зубова был печально знаменитый Родос, пытавшийся выбивать из своих подследственных признания путем нечеловеческих пыток. Зубову дробили колени. В результате он стал инвалидом, но на самооговор он так и не пошел.

Против перевода Зубова из Лефортова на Лубянку возражал начальник следственной части Сергиенко, хотя отец пытался объяснить ему, что его интерес к Зубову вызван чисто оперативными соображениями и согласован с Берия. В ответ на это Сергиенко, отказавшись переводить Зубова, заявил:

— Я буду лично докладывать об этом случае наркомму. Подонок Зубов отказывается признать свою вину, что не выполнил прямого приказа руководства!

«В свою очередь, — пишет в своих воспоминаниях отец, — я доложил Берия, что Сергиенко отказывается выполнять переданное ему распоряжение. Берия тут же взял трубку, вызвал Сергиенко и стал его отчитывать, под конец сказал, что если через пятнадцать минут тот не выполнит его приказание, ему не сносить головы. Сергиенко пытался что-то возразить, но Берия не стал слушать его объяснений.

Берия часто был весьма груб в обращении с высокопоставленными чиновниками, но с рядовыми сотрудниками, как правило, разговаривал вежливо. Позже мне пришлось убедиться, что руководители того времени позволяли себе грубость лишь по отношению к руководящему составу, а с простыми людьми члены Политбюро вели себя подчеркнуто вежливо.

Зубов, находясь с Сосновским в одной камере, содействовал его вербовке. Он убедил его, что сотрудничество с немецкой или польской спецслужбами не сулит ему никакой перспективы на будущее, поэтому имеет прямой смысл сотрудничать с русской разведкой. В 30-х годах Сосновский, будучи в Берлине польским резидентом, руководил весьма эффективной агентурной сетью. Он выступал под видом польского аристократа, содержал конюшню. Своих агентов, в основном это были привлекательные молодые женщины, он, как правило, внедрял в штаб-квартиру нацистской партии и секретариат министерства иностранных дел. В 1935 году гестапо удалось засветить большую часть его агентуры, а самого Сосновского арестовать за шпионаж. Следователям на Лубянке

он показал, что разоблаченных агентов казнили в тюрьме Плетцензее прямо у него на глазах. Поляки обменяли его на руководителя немецкой общины в Польше, обвиненного в шпионаже в пользу Германии».

В 1937 году военный суд в Варшаве осудил Сосновского за растрату выделенных на агентуру средств, и он отбывал срок в Восточной Польше. Двумя годами позже части Красной Армии освободили заключенных из тюрем. Что же касается Сосновского, то из польской тюрьмы его «переселили» в тюрьму НКВД.

От Сосновского советские спецслужбы получили информацию, что двое из его агентов все еще продолжали действовать. Кроме того, он подал идею использовать связи князя Радзивилла и сделать его посредником между нашим руководством и Германом Герингом, одним из заместителей Гитлера. Сосновский пошел на сотрудничество с НКВД, после того как ему представили имеющиеся данные о его агентурной сети в Берлине и когда он понял, что здесь известно все о его прошлом.

О Сосновском мой отец записал следующее:

«Это был человек, который слишком много знал, и было бы просто неразумно позволить ему улизнуть и не заставить работать на нас. Контроль над ним помог нам использовать два его важных источника информации, находившихся в Германии, — онигодились нам в 1940 году и в первые два года войны».

По свидетельству отца драматическая судьба Зубова завершилась так:

«После того как Зубов сумел оценить потенциальные возможности Сосновского для нашей разведки и помог завербовать его, я предложил использовать Зубова в качестве сокамерника князя Радзивилла. Берия согласился с моим предложением. Зубова перевели в камеру Радзивилла, и он находился там в течение месяца. К этому времени условия содержания Зубова изменились: ему позволяли обедать и ужинать у меня в кабинете, причем еду мы заказывали в нашем ресторане. Все еще находясь под стражей, он в сопровождении конвоира ходил в поликлинику НКВД на медицинские процедуры. В конце концов его освободили в 1941 году вскоре после начала войны, и я взял его к себе в аппарат начальником отделения. Он проработал в органах до самого конца войны, но в 1946 году, когда министром госбезопасности стал Абакумов, Зубову пришлось срочно выйти в отставку. В свое время

именно Абакумов был причастен к делу Зубова, как и Кобулов, отдавал приказы жестоко избивать его».

Князем Радзивиллом занимался лично Берия. Он сумел убедить Радзивилла, что тот должен выступить в роли посредника между советским правительством и Герингом для выяснения деликатных вопросов во взаимоотношениях обеих стран. Советская разведка держала в поле зрения Радзивилла начиная с середины 30-х годов и знала, что князь принимал Геринга в своем поместье под Вильнюсом, где тот любил охотиться (позднее эта часть территории отошла к Литве, а в то время принадлежала Польше). Кстати, в своих мемуарах Радзивилл вспоминает о встречах с Берия, который при прощании с ним как-то изрек: «Такие люди, как вы, князь, всегда будут нам нужны».

Об освобождении Радзивилла ходатайствовали перед советским руководством представители знатных аристократических родов Великобритании, Италии и Швеции. В 1940 году, после того как Берия завербовал его в качестве агента влияния, мой отец организовал отъезд Радзивилла в Берлин. Из Берлина НКВД получал сведения о нем от своей резидентуры: его часто видели на дипломатических приемах в обществе Геринга. В том же году отцу было приказано разработать варианты выхода с ним на связь через нашего агента. Было решено в данном случае связываться с князем по открытым каналам, поскольку он являлся заметной в обществе фигурой и мог свободно посещать советское посольство, не вызывая подозрений. Его, в частности, могла интересовать судьба фамильной собственности, оказавшейся на оккупированной территории.

В 1940 году Радзивилла дважды принимал московский резидент в Берлине Амаяк Кобулов, докладывавший об этих встречах Центру. Однако Кобулову не давали никаких инструкций по оперативному использованию польского князя в контактах с немцами. Разведка не слишком верила в искренность Радзивилла и поэтому решила не обращаться к нему, тем более что его политические контакты не сулили никакой немедленной выгоды. Перед тем как Германия развязала против СССР войну, фактически не было таких проблем, где бы можно было его использовать для прощупывания позиции немцев по тому или иному деликатному вопросу, ведь

все это время Молотов и наш посол Деканозов поддерживали конфиденциальные отношения с Риббентропом и послом Германии Шуленбургом.

Было известно, что Радзивилл не имеет выхода на информацию военно-стратегического характера. Решение руководства Иностранного отдела НКВД сводилось к тому, чтобы проявлять максимум терпения и просто ждать, пока Радзивилл поедет в Швейцарию или Швецию, где он будет вне немецкого контроля, и только там войти с ним в контакт. Но, насколько известно, он так туда и не поехал. После нападения Гитлера на СССР Радзивилл как бы ушел в тень, но, по агентурным сведениям, оставался в Германии и, приезжая в Польшу, наслаждался жизнью, насколько это было возможно. В 1942 году на какое-то время его следы затерялись. В НКВД явно переоценили и личные связи Радзивилла, и его влияние на Геринга...

Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была близка к польскому князю Радзивиллу, завербованному советской разведкой в 1940 году, и к Герингу, а через родню в Закавказье связана с Берия. Она поддерживала регулярные контакты с НКВД. Первоначально предполагалось использовать именно ее для связи с Радзивиллом.

В НКВД существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были с помощью своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов, заброшенных в Германию и находившихся в Берлине в подполье, полностью подчинялась боевику Игорю Миклашевскому, прибывшему в Германию в начале 1942 года.

Бывший чемпион по боксу Миклашевский, выступая как советский перебежчик, приобрел в Берлине немалую популярность после своего поединка с чемпионом Германии по боксу Максом Шмелингом в 1942 или 1943 году, из которого он вышел победителем. Миклашевский оставался в Берлине до 1944 года. Дядя Миклашевского бежал из Советского Союза в начале войны и стал одним из активных участников немецкого антибольшевистского комитета за освобождение СССР. Он с гордостью принял своего племянника, оказывая ему всяческую поддержку как политическому противнику со-

ветской власти. В 1942 году Миклашевскому удалось на одном из приемов встретиться с Ольгой Чеховой. Он передал в Москву, что можно будет легко убрать Геринга, но Кремль не проявил к этому особого интереса.

В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза. Подобные страхи не были безосновательными. Мы располагали информацией о том, что летом 1942 года представитель Ватикана в Анкаре по инициативе папы Пия XII беседовал с немецким послом Францем фон Папеном, побуждая его использовать свое влияние для подписания сепаратного мира между Великобританией, Соединенными Штатами и Германией. Помимо этого сообщения от нашего резидента в Анкаре, советская резидентура в Риме сообщала о встрече папы с Майроном Тейлором, посланником Рузвельта в Ватикане, для обсуждения беседы кардинала Ронкалли (позднее он стал папой Иоанном XXIII) с фон Папеном. Подобное сепаратное соглашение ограничило бы и наше влияние в Европе, исключив Советский Союз из будущего европейского альянса. Никто из кремлевских руководителей не хотел, чтобы подобный договор был заключен. Сталин приказал ликвидировать фон Папена, поскольку тот являлся ключевой фигурой, вокруг которой вертелись замыслы американцев и англичан по созданию альтернативного правительства в случае подписания сепаратного мира. Однако, как я уже упоминал ранее, покушение сорвалось, так как болгарский боевик взорвал гранату раньше времени и лишь легко ранил фон Папена.

У нас также имелись сведения, хотя и не особенно подробные, о прямых контактах американцев с фон Папеном в Стамбуле. Миклашевский бежал во Францию в 1944 году после ликвидации своего дяди. Во Франции он оставался на протяжении двух лет уже после окончания войны, выслеживая бежавших на Запад власовцев — остатки армии предателя генерал-лейтенанта Власова. В 1947 году Миклашевский вернулся в Советский Союз, был награжден орденом Красного Знамени и возобновил свою боксерскую карьеру, которой оставался верен до выхода на пенсию.

Глава 14

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Немало страниц написано о том, какими разведывательными данными, свидетельствовавшими о неизбежном нападении Германии на нашу страну, советское руководство располагало перед началом Великой Отечественной войны. Позиция Сталина, спокойно ожидавшего вторжения, вместо того чтобы вовремя поднять войска по тревоге, часто объявляется одной из причин тех поражений и тяжелейших потерь, которые понесла Красная Армия в 1941 году. Теперь очевидно, что руководство страны, наряду с другими причинами, не смогло правильно оценить полученную по разведывательным каналам информацию.

Разведка НКВД сообщала об угрозе войны с ноября 1940 года. К этому времени сотрудники Иностранного отдела НКВД Павел Матвеевич Журавлев и Зоя Иванова Рыбкина (Воскресенская) завели литературное дело под оперативным названием «Затея», где собирались наиболее важные сообщения о немецкой военной угрозе. В этой папке находились весьма тревожные документы, беспокоившие советское руководство, поскольку они ставили под сомнение искренность предложений по разделу мира между Германией, Советским Союзом, Италией и Японией, сделанных Гитлером Молотову в ноябре 1940 года в Берлине. По этим материалам руководству разведорганов было легче отслеживать развитие событий и докладывать в Кремль об основных тенденциях немецкой политики. Материалы из литературного дела «Затея» нередко докладывались Сталину и Молотову, а они пользовались нашей информацией как для сотрудничества с Гитлером, так и для противодействия ему.

Хотя полученные разведданные разоблачали намерения Гитлера напасть на Советский Союз, однако многие сообщения противоречили друг другу. В них отсутствовали оценки немецкого военного потенциала: танковых соединений и авиации, расположенных на наших границах и способных прорвать линию обороны частей Красной Армии. Никто в службе госбезопасности серьезно не изучал реальное соотношение сил на советско-германской границе. Вот почему сила гитлеровского удара

во многом была неожиданной для наших военачальников, включая маршала Жукова, в то время начальника Генштаба. В своих мемуарах он признается, что не представлял себе противника, способного на такого рода крупномасштабные наступательные операции, с танковыми соединениями, действующими одновременно в нескольких направлениях.

В разведданных была упущена качественная оценка немецкой тактики «блицкрига». По немецким военно-стратегическим играм мы знали, что длительная война потребует дополнительных экономических ресурсов, и полагали, что если война все же начнется, то немцы прежде всего попытаются захватить Украину и богатые сырьевыми ресурсами районы для пополнения продовольственных запасов. Это была большая ошибка: военная разведка и НКВД не смогли правильно информировать Генштаб, что цель немецкой армии в Польше и Франции заключалась не в захвате земель, а в том, чтобы сломить и уничтожить боевую мощь противника.

Как только Сталин узнал о том, что немецким генштабом проводятся учения по оперативно-стратегическому и материально-техническому снабжению на случай затяжной войны, он немедленно отдал приказ ознакомить немецкого военного атташе в Москве с индустриально-военной мощью Сибири. В апреле 1941 года ему разрешили поездку по новым военным заводам, выпускавшим танки новейших конструкций и самолеты. Через свою резидентуру в Берлине мы распространяли слухи в министерствах авиации и экономики, что война с Советским Союзом обернется трагедией для гитлеровского руководства, особенно если война окажется длительной и будет вестись на два фронта. В целом, тут не было натяжек. Так в конце концов оно и вышло.

10 января 1941 года Молотов и посол Германии в Москве Фридрих Вернер фон дер Шуленбург подписали секретный протокол об урегулировании территориальных вопросов в Литве. Германия отказывалась от своих интересов в некоторых областях Литвы в обмен на семь с половиной миллионов американских долларов золотом. В то время практически никто не знал о существовании этого протокола. Руководство НКВД было лишь кратко информировано о достижении соглашения с немцами

по территориальным вопросам в Прибалтике и об экономическом сотрудничестве на 1941 год.

Сведения о дате начала войны Германии с Советским Союзом, поступавшие советским разведслужбам, были самыми противоречивыми. Из Великобритании и США поступали сообщения от надежных источников, что вопрос о нападении немцев на СССР зависит от тайной договоренности с британским правительством, поскольку вести войну на два фронта было бы чересчур опасным делом.

От советского полномочного представителя в Вашингтоне Уманского и резидента в Нью-Йорке Овакимяна поступили сообщения, что сотрудник британской разведки Монтгомери Хайд, работавший на Уильяма Стивенсона из Британского координационного центра безопасности в Эмпайр-Стейт-Билдинг, сумел подбросить «утку» в немецкое посольство в Вашингтоне. Дезинформация была отмененной: если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера.

При анализе поступавшей в Советский Союз информации из самых надежных источников военной разведки и НКВД ясно видно, что около половины сообщений — до мая и даже июня 1941 года — подтверждали: да, война неизбежна. Но материалы также показывали, что столкновение с нашей страной зависело от того, урегулирует ли Германия свои отношения с Англией. Так, советский агент Филби сообщал, что британский кабинет министров разрабатывает планы нагнетания напряженности и военных конфликтов между Германией и СССР, с тем чтобы спровоцировать Германию. В литерном деле «Черная Берта» есть ссылка на информацию, полученную от Филби или Кэрнкросса, о том, что британские агенты заняты распространением слухов в Соединенных Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом: ее якобы должны были начать мы, причем превентивный удар собирались нанести в Южной Польше. Советской разведке поступали новые данные о том, как британская сторона нагнетает страх среди немецких высших руководителей в связи с подготовкой Советов к войне. Поступали и данные об усилившихся контактах зондажного характера британских представителей с германскими в поисках мирного разрешения европейского военного конфликта.

Между тем, по словам Берия, Сталин и Молотов решили, по крайней мере, оттянуть военный конфликт и постараться улучшить положение, применив тот план, от которого отказались в 1938 году. План этот предусматривал свержение югославского правительства, подписавшего договор о сотрудничестве с Гитлером. И вот в марте 1941 года военная разведка и НКВД через свои резидентуры активно поддержали заговор против прогерманского правительства в Белграде. Выше я уже говорил о том, как развивались в связи с этим события. Этой акцией Молотов и Сталин надеялись укрепить стратегические позиции СССР на Балканах. Новое антигерманское правительство, по их мнению, могло бы затянуть итальянскую и германскую операции в Греции.

Генерал-майор Мильштейн, заместитель начальника военной разведки, был послан в Белград, чтобы оказать помощь в военном свержении прогерманского правительства. С советской стороны в этой акции участвовал сотрудник ИНО НКВД Алахвердов. К этому моменту, с помощью МИДа, в Москве удалось завербовать югославского посла в Советском Союзе Гавриловича. Его совместно разрабатывали Федотов, начальник контрразведки, и мой отец. Однако сложилось впечатление, что посол вел двойную игру, так как каждую неделю связывался с представителями Великобритании в Москве.

Через неделю после переворота советское руководство подписало пакт о взаимопомощи с новым правительством в Белграде. Реакция Гитлера на этот переворот была быстрой и весьма эффективной. 6 апреля, через день после подписания пакта, Гитлер вторгся в Югославию — и уже через две недели югославская армия оказалась разбитой. Более того, Болгария, через которую прошли немецкие войска, хотя была в зоне советских интересов, поддержала немцев. Гитлер ясно показал, что не считает себя связанным официальными и конфиденциальными соглашениями — ведь секретные протоколы пакта Молотова—Риббентропа предусматривали предварительные консультации, перед тем как принимать те или иные военные шаги. И хотя обе стороны вели активные консультации по разделу сфер влияния с ноября 1940 по март 1941 года, в их отношениях сохранялась атмосфера взаимного недоверия. Гитлер был удивлен событиями в

Белграде, а в Москве, со своей стороны, не менее были удивлены его быстрым вторжением в Югославию.

Мой отец позднее признавал: «Мы не ожидали такого тотального и столь быстрого поражения Югославии. Во время всех этих событий 18 апреля 1941 года я подписал специальную директиву, в которой всем нашим резидентурам в Европе предписывалось всемерно активизировать работу агентурной сети и линий связи, приведя их в соответствие с условиями военного времени».

Аналогичную директиву по своей линии направила и военная разведка. НКВД в связи с этим планировал послать в Швейцарию группу опытных оперативников, включая болгарина Афанасьева. Им надлежало быть связными надежных источников с использованием своего прикрытия в нейтральной Швейцарии. Со Швейцарией у нас не существовало прямой связи, и наши агенты должны были ехать поездом через Германию, с пересадкой в Берлине. Заодно было решено усилить наши резидентуры в Германии и Польше. Некоторых оперативников пришлось срочно перебрасывать в Берлин из Италии и Франции. К этому времени Бельгия была уже оккупирована. Наша разведка не всегда успевала за столь стремительным развитием событий: агентам, работавшим в Германии, не сумели оперативно доставить радиооборудование, батареи, запасные части, и, хуже того, эти люди не были достаточно подготовлены ни с точки зрения основ разведработы, ни с точки зрения владения искусством радиосвязи.

Время и обстановка требовали от нашего руководства круто изменить отношение ко всем аспектам разведывательной работы. Начало уделяться больше внимания политическим беженцам, прибывшим в Москву из оккупированных немцами стран. До своего бегства в Великобританию Бенеш приказал сформировать чешский легион, который был направлен в Польшу под командованием молодого подполковника Свободы.

После предварительных контактов с нашей резидентурой в Варшаве Людвиг Свобода перешел со своей частью в Западную Украину. Фактически после разоружения его легиона, получив статус неофициального посланника, он жил на явочной квартире и на служебной даче моего отца в пригороде Москвы. С ним регулярную связь поддерживал Маклярский. Наше правительство держа-

ло Свободу в резерве. В мае и июне, перед самым началом войны, с ним началось обсуждение плана формирования чешских частей в Советском Союзе, чтобы затем перебросить их в немецкий тыл для ведения партизанских операций в Чехословакии.

От отца знаю, что у него с Людвигом Свободой были прекрасные человеческие отношения. Вот как он отзывался о нем: «Я очень хорошо помню этого человека — неизменно вежливого и неизменно выдержанного, державшегося с большим достоинством».

Между тем Сталин и Молотов распорядились о передислокации крупных армейских соединений из Сибири к границам с Германией. Они прибывали на защиту западных границ в течение апреля, мая и начала июня. В мае отец, все еще исполняя должность руководителя разведки, подписал директиву о подготовке русских и других национальных эмигрантских групп в Европе для участия в разведывательных операциях в условиях войны.

Сегодня нам известно, что тайные консультации Гитлера, Риббентропа и Молотова о возможном соглашении стратегического характера между Германией, Японией и Советским Союзом создали у Сталина и Молотова иллюзорное представление, будто с Гитлером можно договориться. До самого последнего момента они верили, что их авторитет и военная мощь, не раз демонстрировавшаяся немецким экспертам, отодвинут войну, по крайней мере, на год, пока Гитлер пытается мирно уладить свои споры с Великобританией. Сталина и Молотова раздражали иные точки зрения, шедшие вразрез с их стратегическими планами по предотвращению военного конфликта. Это объясняет грубые пометки Сталина на докладе Меркулова от 16 июня 1941 года, в котором говорилось о явных признаках надвигающейся войны.

Тот факт, что Сталин назначил себя главой правительства в мае 1941 года, ясно показывал: он возглавит переговоры с Гитлером и уверен, что сможет убедить того не начинать войну. Известное заявление ТАСС от 14 июня подтверждало: он готов на переговоры и на этот раз будет вести их сам. Хотя в Германии вовсю шли крупномасштабные приготовления к войне, причем уже давно, Сталин и Молотов считали, что Гитлер не принял окончательного решения напасть на нашу страну и что внутри немецкого военного командования существуют серъ-

езные разногласия по этому вопросу. Примечателен тот факт, что заявление ТАСС, как уже говорилось, вышло в тот самый день, когда Гитлер определил окончательную дату вторжения. Следует также упомянуть еще о нескольких малоизвестных моментах, имеющих в записях моего отца.

Первый факт. В мае 1941 года немецкий «Юнкерс-52» вторгся в советское воздушное пространство и, незамеченный, благополучно приземлился на Центральном аэродроме в Москве возле стадиона «Динамо». Это вызвало переполох в Кремле и привело к волне репрессий в среде военного командования: началось с увольнений, затем последовали аресты и расстрел высшего командования ВВС. Это феерическое приземление в центре Москвы показало Гитлеру, насколько слаба противовоздушная оборона да и вся боеготовность советских Вооруженных Сил.

Второй факт. Военное руководство и окружение Сталина питали иллюзию, будто мощь Красной Армии равна мощи сил вермахта, сосредоточенных у наших западных границ. Откуда такой просчет? Во-первых, всеобщая воинская повинность была введена только в 1939 году, и хотя Красная Армия утроила свой численный состав, в ней катастрофически не хватало людей с высшим военным образованием, поскольку более тридцати тысяч кадровых командиров, как мы помним, подверглись в 30-е годы репрессиям. Количество военных училищ и школ, открытых в 1939 году, хотя и впечатляло, но их все равно не хватало. Правда, половину репрессированных высших армейских чинов возвратили из тюрем и лагерей ГУЛАГа в армию, но это не решало проблемы обучения всей массы новобранцев.

Жуков и Сталин переоценили возможности наших танковых соединений, сухопутных и военно-воздушных сил. Они не совсем ясно представляли себе, что такое современная война в плане координации действий всех родов войск — пехоты, авиации, танков и служб связи. Им казалось, что главное — это количество дивизий и они способны будут сдержать любое наступление и воспрепятствовать немецкому продвижению на советскую территорию.

Вопреки точке зрения руководства, командующий ВМС страны Кузнецов, к примеру, не шел на поводу у

вождей. Он трезво оценивал реальные возможности наших военно-морских сил и превосходство немцев на морском театре военных действий. Основываясь на своем опыте в Испании (он был там военно-морским атташе), весной 1941 года Кузнецов разработал и ввел предварительную систему боеготовности: готовность № 3 — в боеготовности находятся дежурные огневые средства; готовность № 2 — принимаются все меры по подготовке отражения возможного нападения противника; готовность № 1 — флот готов немедленно начать военные действия. Вот почему наши ВМС, подвергшиеся неожиданному нападению на Балтике и на Черном море, смогли почти без потерь отразить первый удар врага.

Теперь нет сомнения в том, что спецслужбы НКВД и военная разведка должны нести в полной мере ответственность за недооценку мощного потенциала немецких вооруженных сил. Эти ведомства были слишком заняты получением политической информации и недостаточно занимались изучением тактики вермахта.

«Ясно помню последние предвоенные дни, — вспоминал мой отец. — Только что вернулся из Китая Эйтингон. Вместе с матерью Рамона Меркадера нас троих награждал в Кремле Калинин за акцию против Троцкого в Мексике. Вся атмосфера, казалось, излучала энтузиазм и уверенность. Но 16 июня из Кремля вернулись Фитин и Меркулов, народный комиссар госбезопасности, — оба чем-то встревоженные. Фитин тут же вызвал меня и Мельникова, своего заместителя по Дальнему Востоку, и сказал, что Хозяин (так между собой мы называли Сталина) нашел его доклад противоречивым и приказал подготовить более убедительное заключение по всей разведывательной информации, касавшейся вопроса о возможном начале войны с Германией.

Вопреки тому, что пишут генерал Ивашутин и другие авторы мемуаров, я не помню гневных пометок Берия на докладных записках агента Ястреба: «Это британская дезинформация. Найти, кто является автором этой провокации, и наказать». Я вообще не помню никакого агента с кодовой кличкой Ястреб. Кроме того, в разведке и службе безопасности не было традиции писать на докладных пространные замечания.

Столь же невероятна и приписываемая Берия резолюция отозвать и наказать нашего посла в Берлине Деканозова, бывшего начальника разведки НКВД, за то, что он бомбардировал его «дезинформацией». Те же люди заявляют, что Берия

писал Сталину 21 июня, предлагая отозвать Деканозова, но это вообще было вне его компетенции, поскольку Деканозов перешел на работу в Наркомат иностранных дел и докладывал непосредственно Молотову».

Как было сказано выше, сообщения разведки о возможном начале немецкого вторжения были противоречивы. Так, Зорге сообщал из Токио, что вторжение планируется на 1 июня. В то же время наша резидентура из Берлина сообщала, что вторжение планируется на 15 июня. До этого, 11 марта, военная разведка докладывала, что немецкое вторжение намечено на весну. Картина еще больше запутывалась из-за намерения руководства начать переговоры с немцами.

На коктейле в немецком посольстве в Москве за несколько дней до начала войны Зоя Рыбкина заметила (об этом она писала в своих воспоминаниях), что со стен сняты некоторые украшения и картины. Пытаясь определить новые места для установки подслушивающих устройств, она обнаружила, что посольские работники паковали чемоданы для отъезда. Это сообщение всех крайне обеспокоило.

В отеле «Метрополь» Яковлев и Райхман, координаторы контрразведывательных операций против немцев в Москве, перехватили двух немецких курьеров, перевозивших дипломатическую почту. Одного заперли в кабине лифта, в то время как второго закрыли в ванной комнате номера-«люкс», где они жили. Когда курьер, находившийся в лифте, понял, что заблокирован, он нажал на кнопку вызова лифтера. «Извлекали» его, естественно, работники контрразведки, которые за пять минут, имевшихся в их распоряжении, вызволили его из лифта, открыли второго дипломата в «люксе» и сфотографировали содержимое почтовых сумок. Среди документов находилось письмо посла Шуленбурга Риббентропу, в котором он писал, что может быть посредником в урегулировании советско-германских противоречий. В то же время Шуленбург докладывал, что инструкции по сокращению персонала посольства выполнены и дипломаты уезжают в Германию по намеченному графику. Хотя признаки приближающейся войны были очевидны, этот документ, позиция Шуленберга и его высокая репутация подтверждали, что дверь к мирному урегулированию все еще не закрыта.

«В тот день, когда Фитин вернулся из Кремля, Берия вызвал меня к себе, — вспоминал о тех драматических днях накануне войны мой отец. — Берия отдал приказ об организации Особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении. Она должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача — не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 году, когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии. Немецкие провокаторы вышли в эфир с антигерманскими заявлениями, а затем расстреляли своих же уголовников, переодетых в польскую форму, так что со стороны все выглядело, будто на радиостанцию действительно напало одно из подразделений польской армии...»

О том, что немцы (имеются в виду германские спецслужбы) накануне начала войны с СССР были мастера на любого рода провокации, нашей разведке и контрразведке было хорошо известно. Многие из них даже вовремя пресекались. Естественно, оставалась вероятность того, что начало войны может разворачиваться уже по знакомому «польскому сценарию».

Как рассказывает в своих воспоминаниях отец, он сразу же стал настаивать на том, чтобы Эйтингон был назначен его заместителем. Берия с этим предложением согласился. Так в канун войны они без промедления начали искать людей, способных составить костяк специальной группы, которую можно было бы перебрасывать по воздуху в районы конфликта на наших европейских и дальневосточных границах. Отец признавал за Эйтингоном его значительный военный опыт и поэтому практически полностью полагался на его оценки. Именно он, подчеркивал отец, выступал связующим звеном между нашей группой и военным командованием. Вместе с Эйтингоном отец составлял планы уничтожения складов с горючим, снабжавших немецкие моторизованные танковые части, которые уже начали сосредотачиваться у наших границ.

20 июня 1941 года Эйтингон сказал отцу, что на него произвел неприятное впечатление разговор с генералом

Павловым, командующим Белорусским военным округом. Они с Эйтинггоном знали друг друга по Испании. Эйтинггон попросил дружеского совета у Павлова, на какие пограничные районы, по его мнению, следовало бы обратить особое внимание, где возможны провокации со стороны немцев. В ответ Павлов заявил нечто, по мнению Эйтинггона, невразумительное, он, казалось, совсем ничего не понимал в вопросах координации действий различных служб в современной войне. Павлов считал, что никаких особых проблем не возникнет даже в случае, если врагу удастся в самом начале перехватить инициативу на границе, поскольку у него достаточно сил в резерве, чтобы противостоять любому крупному прорыву. Одним словом, Павлов не видел ни малейшей нужды в подрывных операциях для дезорганизации тыла войск противника.

21 июня отец оставался у себя в кабинете всю ночь, несмотря на то что они с мамой условились поехать вечером на дачу. За год до этого она решила уйти с оперативной работы в Центре и стала преподавать в Высшей школе НКВД как инструктор по оперативной работе с агентурой. Из школы она ушла в субботу 21 июня примерно в три часа дня. Отец знал, что Павел Михайлович Фитин в этот вечер встречался с Гавриловичем, югославским послом, на своей даче. В общем, так случилось, что в ту роковую ночь он был единственным из начальства, кто находился на работе.

«...По нашим правилам, — писал отец, — мы могли уйти с работы только после того, как позвонит секретарь наркома и передаст разрешение шефа идти домой. Начальники отделов обычно уходили в восемь, отправляясь домой или на явочные квартиры для встреч с агентами, а затем возвращались к себе на работу в десять или одиннадцать вечера, чтобы обобщить полученные от агентуры сообщения, которые тут же запирались в сейфы. По субботам, однако, никто, как правило, после восьми на работу не возвращался.

На этот раз я не получал разрешения уйти с работы ни от секретаря Берия, ни от Меркулова и остался у себя в кабинете, только позвонил домой и предупредил, что буду поздно. Жена согласилась ждать меня дома и спокойно уснула. Ожидая звонка от начальства, я стал просматривать документы, но после шести ни почты, ни новых сообщений не поступало. Был только один звонок — от командующего погранич-

ными войсками Масленникова. Он был явно разочарован, когда я сказал, что Особая группа будет готова к действию не раньше чем через десять дней. Я знал, что ни Берия, ни Меркулова нет на месте, но секретариат ожидает их в любую минуту: они были вызваны к Хозяину... Меня одолевали тревожные мысли, но мне и в голову не могло прийти, какая беда вскоре обрушится на всех нас. Конечно, я чувствовал угрозу военной провокации или конфликта, но не в состоянии был представить его масштабы. Я считал, что, невзирая ни на какие трудности, мы способны контролировать события.

В три часа ночи зазвонил телефон — Меркулов потребовал, чтобы я немедленно явился к нему в кабинет. Там я застал начальников всех ведущих управлений и отделов. Меркулов официально объявил нам, что началась война: немецкие войска перешли нашу границу. Он тут же приказал, чтобы весь аппарат был вызван на работу по сигналу тревоги. К девяти утра, заявил он, каждый начальник направления должен предложить конкретные мероприятия в соответствии с планом действий в условиях начавшейся войны.

Около девяти прибыл Фитин. В конференц-зале Разведуправления мы провели официальное собрание сотрудников, где объявили о начале войны. Паники не было, но в ходе собрания замечания сотрудников сделались немногословными, и наши заправские остряки, особенно Эйтингон, воздерживались от своих обычных шуток».

Здесь уместно привести высказывания моего отца, которые стали основой интервью, данного в 1991 году «известинскому» журналисту А. Евсееву. На вопрос корреспондента об отношении высшего советского руководства к донесениям нашей разведки о времени нападения фашистской Германии на Советский Союз отец дал такой ответ:

— ...Да, руководство толковало нам, что слухи о войне немцев против Советского Союза — это ложь, которую распространяют англичане, решившие втянуть нас в конфликт с Германией. Верили ли мы этому? Нет, мы больше верили информации, поступающей от агентуры. У меня в памяти осталось тревожное сообщение полковника Рогатнева (он и сейчас жив-здоров, живет в Москве. В то время находился в Италии), который предупреждал нас о предстоящей войне. Мы верили информации, которую передавали из Польши Гудимович и Морджинская (они — муж и жена) и где речь шла

о приготовлениях немцев к войне против нашей страны. Источники были надежны, сомневаться не приходилось. И мы — имею в виду Павла Михайловича Фитина, начальника Иностранного отдела, ответственного работника того же отдела Леонида Эйтингона, Василия Михайловича Зарубина и многих других сотрудников отдела — хорошо знали немцев и вели в свое время большую работу против них. Мы были профессионалы и просто не могли не верить тому, что нам сообщают такие же профессионалы, как и мы. Конечно, мы знали и о том, что весьма авторитетное восточнопрусское офицерство стремилось убедить Гитлера в губительности войны с Россией. Но нам была известна и недостаточная степень их влияния на решения, принимавшиеся фюрером.

Сам я незадолго до этого вернулся из трехлетней командировки, во время которой находился на территории трех западноевропейских стран, в том числе фашистской Германии и Австрии, и по условиям своего пребывания вращался среди людей, активно работавших в пользу Германии и настроенных враждебно по отношению к Советскому Союзу. Все они мечтали о том, чтобы началась эта война. Больше того: просто жаждали этого. И уже готовились к боевым операциям на территории Советского Союза.

Естественно, понимая все это, мы не могли проявлять легкомыслие и не заниматься подготовкой к предстоящей войне. Мы старались в своей работе учитывать опыт и первой, и второй мировых войн. Помню, что мы тщательно проанализировали осуществленную гитлеровцами провокацию, которая послужила поводом для нападения на Польшу, — имею в виду захват радиостанции в Гляйвице... Мы привыкли относиться к противнику серьезно. И не сомневались, что люди у него — специалисты своего дела, обладавшие огромным опытом захвата чужих территорий, и что мощь его опирается на экономические возможности многих европейских стран.

Ну а потом, сама по себе подготовка к войне с нами была столь большим, столь огромным делом, что спрятать его было практически невозможно. Дым от костра, который разжигали в Берлине, уже валил из других комнат европейского дома. Скажем, мы были в курсе того, что Организации украинских националистов, поддерживавшей контакты с хорватскими усташами в Югославии, было уже известно, что усташи готовятся к началу войны с Советским Союзом.

Так что, поверьте, для нас вовсе не была неожиданностью вся эта информация, и поэтому, несмотря на все офи-

циальные сообщения, мы были убеждены: чуть-чуть — и война начнется!

На вопрос, как же им пришлось действовать в весьма противоречивой ситуации: с одной стороны — интересы страны, интересы дела, с другой — воля начальства, его безусловные указания, которые надлежало исполнять, мой отец дал следующий ответ:

— Конечно, все это было достаточно непросто... Мы не то чтобы действовали наперекор указаниям Сталина и ЦК партии — это было бы слишком резко сказано, вот, дескать, какими они были храбрецами, сами пошли против линии ЦК, нет, мы просто исходили из здравого смысла, это он диктовал нам какие-то необходимые и абсолютно обусловленные шаги, которые мы просто вынуждены были делать. Здравый смысл говорил нам: надо быть готовым к худшему. И меры, которые мы осуществили перед самой войной, никого не задевали — ни Сталина, ни ЦК. В чем они заключались? Мы определили, кто из наших сотрудников мог бы активно участвовать в этом противостоянии противнику — речь шла о диверсионно-разведывательной работе... А вы должны знать, что у нас, в НКВД СССР, до 1938 года существовали два разведывательных центра — один, который возглавлялся Артузовым, затем Слуцким, Деканозовым и Фитиным, другой — разведцентр, который назывался «Группа Яши» и о котором даже сотрудники Иностранного отдела мало что знали, хотя он и вел большую подготовительную работу, связанную с возможным развертыванием диверсий в тылах противника. Этот центр был разгромлен в 38-м году. Естественно, мы посчитали, что его нужно как можно скорее возродить. Тем более что он должен был действовать исключительно на стратегических предприятиях Западной Европы, прежде всего в Германии. Но все его сотрудники, так же как многие и многие чекисты, за исключением руководителя, были расстреляны, а руководитель те дни, о которых мы говорим, находился в камере смертников, ожидая, когда вынесенный ему военным трибуналом приговор будет приведен в исполнение... Можете представить, что это такое — месяцами жить, зная, что сейчас лязгнет замок и тебя поведут на расстрел?

Необъяснимая эта отсрочка, эта прихоть, игра судьбы спасла его — мы будем называть этого человека С. Пришел день, и Сталин — а он знал многих видных разведчиков лично — поинтересовался у Берия, где сейчас С. «Сидит в тюрьме, ждет расстрела», — ответил Берия. «Что за чушь?» — отреагир-

ровал неожиданно Сталин. Этого было достаточно, чтобы мне тут же поручили забрать С. к себе в отдел. Я спустился на несколько этажей вниз, в камеру, где он находился. Конечно, ему стало не по себе — С. решил, что это уже все... Что тут было делать? Я сказал: «Я пришел, чтобы отвести вас к себе в кабинет. Поедете домой...» Четыре месяца С. пробыл в больнице, прежде чем приступил снова к работе, — к тому времени война уже шла вовсю...

Но я, похоже, отошел от темы разговора... Итак, мы «проинвентаризировали» оставшиеся в целости кадры, дабы стало ясно, кем можем располагать. Это был первый шаг. Второй мы сделали, образовав парашютно-десантную группу во главе с Аркадием Михайловичем Фатеевым — заслуженным мастером спорта, опытным парашютистом. Мы понимали: придется забрасывать людей в тыл противника.

Могу в этой связи повторить, что мы были людьми здравомыслящими и, уж конечно, не думали о том, что вся война будет вестись только на территории противника... Но уже то, что мы всерьез занимались парашютной подготовкой и готовили людей не только к приземлению, но и к приводнению, было очень хорошо и говорило о многом.

На вопрос: помнит ли он, как для него началась война? — отец ответил:

— Еще бы. Такое, да не помнить... Я, как обычно, задержался допоздна на работе. Накануне пришло много сообщений от нашей агентуры о возросшей активности белогвардейской и украинской эмиграции. Смысл их был один: война на пороге. В половине пятого звонок. Первый заместитель наркома госбезопасности Меркулов: «Зайдите». Вхожу в кабинет. По лицу вижу — что-то случилось. «Началась война, — говорит Меркулов. — Немцы напали со всех сторон. Есть сообщения от пограничников, о том же передает иностранное радио... Нужно немедленно перестраивать всю работу. Собрать всех сотрудников. Отозвать всех, кто находится в отпуске... Ваша штаб-квартира вне Москвы — в Озерах. Вся территория, все помещения, obsлуга — все в вашем распоряжении. Ставьте туда телефонные аппараты, рацию. Приступайте...» Павел Михайлович Фитин, начальник Разведуправления (я был его заместителем), в это время, как нарочно, находился за пределами Москвы. Разыскал его. «Видите, мы не просчитались, — сказал спокойно Фитин. — Выезжаю».

Город еще спал, дворники поливали улицы, в булочные завозили хлеб, а у нас уже хлопали двери, все сотрудники

спешно собирались в отделе. На лицах один вопрос: в чем дело? Объясняю. Ни удивления, ни потрясения — все ждали именно этого. На лестничной площадке провели митинг... Не удивляйтесь. Да, даже в такой системе, как НКГБ, без этого не обходилось... Но дело есть дело, тут же возникли вопросы, где размещаться, где вести подготовку разведчиков и диверсантов...

Могу ли я назвать сегодня адреса, где мы развернули подготовку людей?.. Могу. В Мытищах, на стрельбище «Динамо». Там проходила боевая подготовка разведчиков и диверсантов. Главное внимание уделяли работе со взрывчаткой, стрельбе... Мы широко использовали и район Озер, о чем я уже упомянул. Там и летом, и зимой наши люди жили в лесу, обогревались костром, в таких же точно условиях, в каких им приходилось потом действовать. Один из наших центров располагался на хорошо знакомом москвичам стадионе «Динамо», под трибунами которого шла запись в войска Особой группы НКВД СССР. Были еще несколько загородных объектов, где шла такая же боевая подготовительная работа. Конечно, была создана специальная группа людей, которые проходили подготовку изолированно ото всех.

Где-то в середине дня вдруг зазвонил телефон — специальный аппарат наркома. «Зайдите», — говорит Берия... (Было бы крайней нелепостью полагать, что Сталин мог доверить этот важнейший пост непрофессионалу. Берия досконально знал, что такое боевая работа в условиях подполья за рубежом.)

Спускаюсь на третий этаж. Берия сидит за столом: «Что успели сделать?» Докладываю о парашютно-десантной службе, о том, что приступили к боевой подготовке в Мытищах и что подбираем кандидатуры агентов-одиночек, которых будем запускать (простите профессиональную терминологию) в тылы противника. «Районы вашего действия?» — «Ближние и дальние тылы противника на Западном направлении». — «А Восток?» Я говорю: «Но у нас войны с Японией нет». — «Мало ли что может произойти. Готовьтесь. Займитесь и Дальним Востоком. Создавайте разведгруппы без трескотни. Нам будут нужны разведчики. Нужны люди с японским языком. Постарайтесь быстрее найти таких».

К этому часу уже было ясно, что войска с трудом сдерживают гитлеровскую армаду. Вопреки всем прогнозам, война уже шла на нашей территории. Под угрозой захвата оказался ряд важнейших центров страны. «Немедленно пошлите лю-

дей, на которых мы можем положиться, на Минское, Одесское, Киевское направления и в Прибалтику», — приказал Берия.

Как свидетельствует мой отец, тут же всем службам наркомата было дано указание всячески оказывать ему содействие. Без промедления началась работа по формированию так называемых войск Особой группы. Для них требовалось огромное количество людей — тысячи и тысячи. Никакие штаты НКГБ не выдержали бы этого. И главное — для всех этих людей, готовых сразу же принять участие в вооруженной борьбе против гитлеровцев, была нужна надежная правовая база. Ведь руководство отчетливо понимало: будут раненые, будут погибшие. И всех их должен был охранять закон, так сказать — принять всех под свою опеку. Так возникла идея необычной воинской части, которая должна была заниматься исключительно разведывательно-диверсионной работой.

Действенную помощь в формировании этого войска оказал ЦК ВЛКСМ. Он мобилизовал на помощь чекистам около тысячи человек из числа комсомольцев. Сюда влилась почти вся спортивная элита Москвы — чемпионы страны, рекордсмены мира. Все это был мужественный народ, имеющий четкое понятие о долге. Воевать рядом с такими людьми для рядовых комсомольцев было огромной честью.

— Выяснилось, — вспоминал отец, — что до моего прихода к Берия звонил Георгий Димитров, руководитель Коминтерна. Речь шла о политэмигрантах, нашедших убежище в Советском Союзе.

Я выехал к Димитрову. «Есть люди, которые хотят воевать, просят направить их на фронт», — сказал он. «Кто именно, сколько?» — «Прежде всего — испанцы, несколько сот человек...» ...Да, мы воевали с Германией, но уже пришли сведения, что Франко просится стать участником войны против СССР и направляет «Голубые дивизии». Но главное, испанцы, о которых говорил Димитров, были очень опытные люди, прошедшие на родине трудную школу гражданской войны и знавшие, что такое стрельба и что такое диверсия и разведка... Нам передали не только испанцев, но большую группу болгар, немцев, прибалтов, англичан, французов, девять вьетнамцев — все потом воевали в составе наших подразделений за линией фронта.

Работа пошла. Из наркомата я уже не уезжал. Про дом можно было забыть... Мы понимали, что самое трудное — это выдержать, устоять. Хотя бы три, четыре месяца. Потом будет легче. К нам был назначен моим заместителем Виктор Александрович Дроздов, сын шахтера, мужественный и опытный чекист, очень интересный человек. Это он занимался подготовкой знаменитого Кузнецова. Впрочем, не только его...

На вопрос корреспондента, сколько же человек было отправлено в тылы противника, отец сказал, что было их более десяти тысяч. А на вопрос, был ли еще кто-нибудь из разведчиков класса Кузнецова, ответил односложно:

— Немало. Был у нас такой выдающийся разведчик — Гейне. Исклочительная наша находка. Был Игорь Миклашевский — боксер. Отправили его в тыл противника не в группе, а в одиночку — это потруднее. Он пробрался туда, куда нам нужно было... В Берлин. Нашел того человека, который нам был нужен. Сделал то, что было нужно. Ушел, был ранен. Но благополучно выкрутился из всех ситуаций... Повторяю: таких людей было немало...

Война учила нас жестоко, а главное, быстро. Думаю, мы противостояли немецкой разведке совсем не худо... Главное было, как теперь говорят, — запустить механизм. Потом он сам набирал обороты. Ненависть к врагу — сильное и безотказное чувство.

...Лубянка работала, хотя и наполовину опустела. Был эвакуирован ряд служб, в том числе архивы, — в Куйбышев и еще дальше. А мы выполняли свои задачи. Нам ведь приказали по-своему встретить врага. Нужно было как следует готовиться. Не исключалась работа в подполье, а это дело архисложное, не то что показывают в кино. Прежде всего нужно было обеспечить себя радиосвязью. В разных районах Москвы было размещено много наших подпольных радиостанций. Одна из них, кстати, располагалась на месте нынешнего театра Образцова — тогда там был какой-то долгострой. В его подвале мы и разместили свою рацию, одну из многих, — она позволяла держать связь с Куйбышевым, передавать сообщения и получать указания о дальнейшей работе. Строительная незавершенка была вообще идеальным прикрытием: траншеи, подвалы — черт ногу сломит, а знающий человек в этих катакомбах как дома. Обычно мы размещали там наши нелегальные резидентуры.

Иосиф Сталин и Георги Димитров на заседании VII конгресса Коминтерна. Москва, 1935 г.

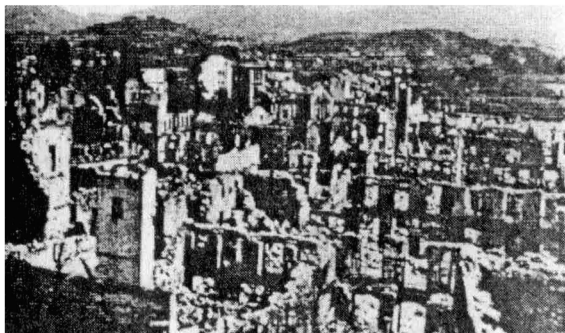
Долорес Ибаррури выступает перед бойцами-интернационалистами на одном из участков фронта близ Мадрида

В боях под Барселоной (горы Сьерра-Гваррамы). Слева в берете — командир разведывательно-диверсионного отряда Л. П. Василевский, комиссар отряда Галарса Перес Перегрин, третий — старший советник 14-го партизанского корпуса Г. С. Сыроежкин с бойцами. Сентябрь 1937 г.

Ян Берзин, старший военный советник

Испанский город Герника — жертва германской варварской бомбардировки

Временное правительство страны басков. Барселона, 1936 г.

Ф. Ларго
Кабальеро

Ф. Монтсени

Х. Гарсиа
Оливер

Х. Негрин

Рабочие на баррикадах Барселоны, май 1937 г. Не имея стойкой революционной партии, восстание было подавлено

Тела расстрелянных активистов ПОУМа и анархистов. 1937 г.

Волонтер Двенадцатой интербригады Семен Чебан (С. Я. Побережник). Испания, июль 1936 г.

В центре руководители военной и политической разведки СССР в Испании В. Горев и А. Орлов (Фельдбин), с работниками резидентуры. Барселона, 1937 г.

А. Нин

Н. Прокопюк (справа). Испания, 1937 г.

М. Рейн

И. Г. Старинов (Подрывник)

Командир Двенадцатой интербригады генерал Лукач (писатель Матэ Залка) и военный советник бригады Пабло Фриц (генерал П. И. Батов). Испания, 1937 г.

Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен после подписания мюнхенского соглашения заявил: «Я привез мир нашему поколению», 1938 г.

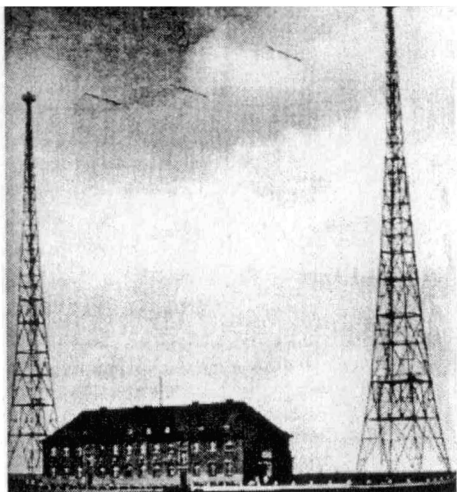

Уинстон Черчилль голосует за мир

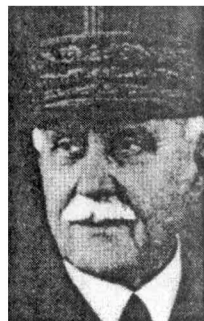
Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов в Берлине встречается с Р. Гессом, заместителем Гитлера по нацистской партии

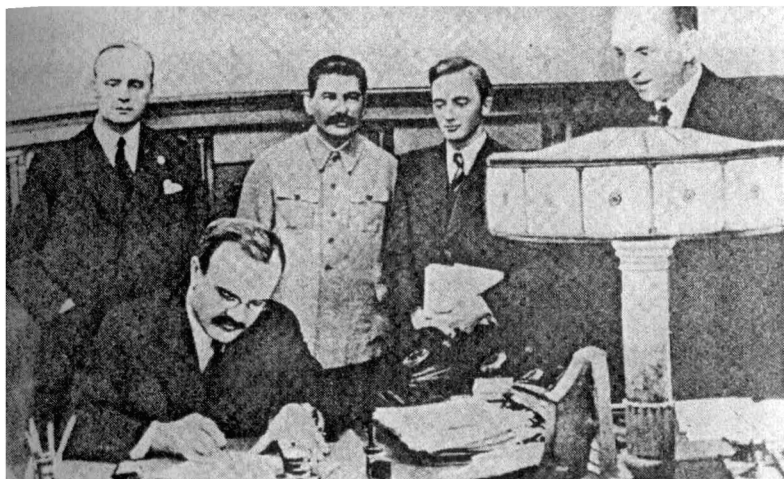

Пьер Лаваль и маршал Франции Филипп Петэн, пошедшие наговор с Гитлером

Радиостанция «Гляйвиц», инсценированный немецкими спецслужбами разгром которой стал «причиной» начала второй мировой войны. 1939 г.

Подписание в Кремле германо-советского договора о дружбе и границе.
На снимке: В. М. Молотов (подписывает договор),
стоят — И. фон Риббентроп, И. В. Сталин, В. Н. Павло, Ф. Гаус

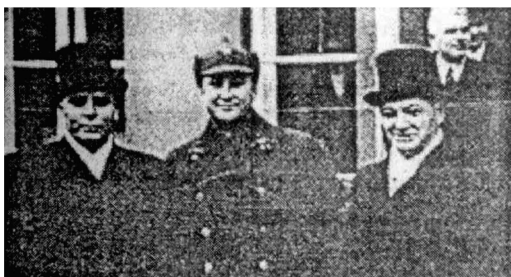

Наркоминдел М. М. Литвинов
дает интервью западным
журналистам. Лондон, 1938 г.

А. Гитлер и
Х. В. Гудернан.

Полковник П. Я. Зубов (слева) среди сотрудни-
ков советского посольства в Праге

Доктор Й. Геббельс

Торжественный марш советских и немецких войск по случаю передачи советскому командованию Брест-Литовской крепости. 22 сентября 1939 г.

Немецкие солдаты в гостях у советских пограничников. Имитация верности пакту

Германские войска перед уходом из Брест-Литовска. Конец сентября 1939 г.

Посещение немецкими военными одной из передовых танковых частей Красной Армии

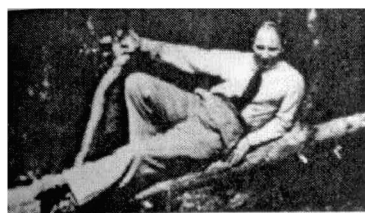

Посол СССР в Швеции Александра Коллонтай и Зоя Рыбкина

Карл Маннергейм, маршал Финляндии

Резидент советской разведки в Финляндии Б. А. Рыбкин

Трудная зимняя война (советско-финляндская 30.11.1939 — 12.03.1940). На снимке: оперативная сводка Ленинградского военного округа о взятии передовыми частями фронта на Карельском перешейке укрепрайона Хотинен с восемью железобетонными артиллерийскими сооружениями. «Правда», 9 февраля 1940 г. На снимке справа: схема направления удара частей Красной Армии по разгрому неприступной «линии Маннергейма»

П. М. Фитин,
начальник
внешней раз-
ведки (слева)

П. А. Судоплатов,
замначальника
внешней разведки

В. Х. Шармазана-
швили, первый на-
чальник ШОНа

Школа особого назначения НКВД в Подмос-
ковье. В этом здании проходили подготовку
будущие нелегальные разведчики.
Конец 30-х гг.

Фашистская Гер-
мания готова к
походу на восток.
На снимке
А. Гитлер на смотре
отборных частей
вермахта. 1940 г.

Риббентроп приветствует
В. М. Молотова в Берлине
Александр Орлов

Теодор Малли

Актриса
Ольга Чехова

Н. М. Белкин

Л. П. Василевский

Сергей Шпигельглас

Всеволод Меркулов

Павел Журавлев

Александр Коротков

Анатолий Горский

Елена Модржинская

Петр Гудимович

Василий Зарубин

Елизавета Зарубина
(Горская, Розенцвейг)

Георгий Мордвинов

Федор Карин

Василий Пудин

Иван Каминский

Дмитрий Быстролетов

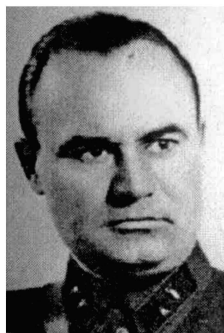

**Борис Базаров
(Шпак)**

Глеб Рогатнев

Василий Роцин

Евгений Кравцов

Михаил Аллахвердов

Вальтер Кривичский
(Вальтер), перебежчик

Игнас Порецкий
(Рейсс, Людвиг),
перебежчик

Гертруда
Шильдбах-
Нойгсбауэр

Рената Штайнер

Борис Афанасьев

Ролан Аббиат (Виктор
Правдин)

В предвоенном Париже сходились нити многих
разведок европейских государств

Йозеф и Эрика
Леппин

Лев Троцкий в изгнании. Мексика, 1940 г.

Рамон Меркадер

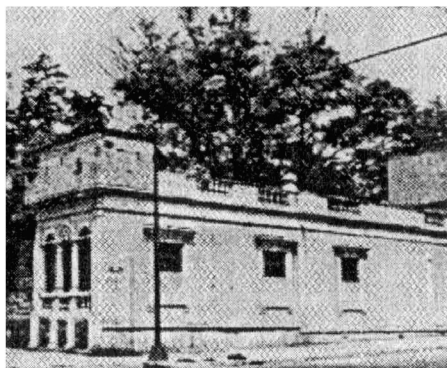
Диего Ривера, живописец, хозяин виллы в Койякане

Давид Сикейрос, мексиканский художник, организатор покушения на Троцкого

Сильвия Агелоф, подруга Рамона, с которой он по заданию НКВД отбыл из Парижа в Америку

Наум Эйтингон, один из организаторов покушения на Троцкого

Вилла в Койякане, где находилась официальная резиденция Л. Д. Троцкого

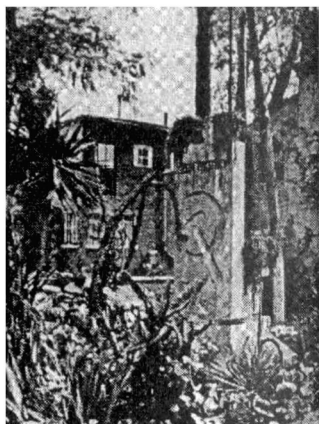
Рамон Меркадер после совершенного им теракта против Л. Д. Троцкого 20 августа 1940 г.

Лев Троцкий на смертном одре

Сотрудники мексиканской полиции демонстрируют журналистам оружие убийства — ледоруб

Рамон Меркадер — узник одиночной камеры мексиканской тюрьмы строгого режима

Надгробная стела на могиле Льва Троцкого в Койякане. Мексика

IDENTIDAD DE:

RAMON MERCADER DEL RIO CON JAUQUES MORHARD

COMANDO EN JEFE DE LA POLICIA

IDENTIFICACION

Nombre: **MONARD VAN DENHESHEE JAMES G**

Apellido: **JACKSON N. FRANK.**

OTIVO Homicidio. At. Pel. y Fort Arm. Prom.

Just. 10/9 6/a C. P. Formal pria. de

BSERVACIONES: dada por el C. Juez 1/a Instad.

de Coynocan 28 de Agosto

1940.

FORM. V-3333 V-2222 322

COMANDO EN JEFE DE LA POLICIA

IDENTIFICACION

Nombre: **MONARD VAN DENHESHEE JAMES G**

Apellido: **JACKSON N. FRANK.**

OTIVO Homicidio. At. Pel. y Fort Arm. Prom.

Just. 10/9 6/a C. P. Formal pria. de

BSERVACIONES: dada por el C. Juez 1/a Instad.

de Coynocan 28 de Agosto

1940.

FORM. V-3333 V-2222 322

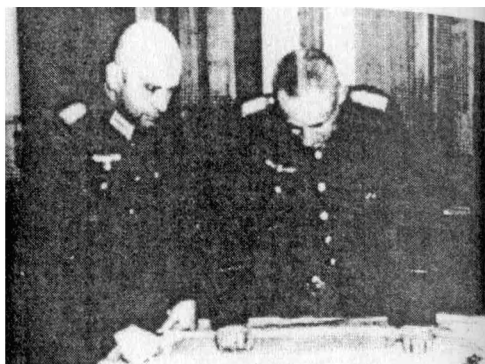
Документы из полицейского досье на Фрэнка Джексона. Под таким именем Рамон Меркадер внедрил в близкое окружение Л. Д. Троцкого для совершения против него теракта

Рамон Меркадер, Герой Советского Союза. Он скончался в 1978 г. и похоронен на Кунцевском кладбище в Москве под именем Рамона Ивановича Лопеса

Ф. И. Голиков

Немецкие офицеры
прорабатывают тайные
планы внезапного
нападения на СССР

Министр иностранных
дел Японии Мацуока
после подписания в
столице третьего рейха
пакта Берлин — Рим —
Токио. 1941 г.

Руководство Украины накануне большой войны. Слева направо — члены Политбюро ЦК КП(б)У: И. А. Серов, нарком внутренних дел УССР, Л. Р. Корниец, предсовнаркома УССР, М. С. Гречуха, Председатель Президиума Верховного Совета УССР, Н. С. Хрушев, первый секретарь ЦК КП(б)У, Д. С. Коротченко, секретарь ЦК КП(б)У, М. А. Бурмистенко, второй секретарь ЦК КП(б)У, К. С. Караваев, член ЦК КП(б)У, зампредсовнаркома УССР, К. З. Литвин, секретарь Сталинского обкома КП(б)У. Киев, февраль 1941 г.

На вопрос: как принималось решение о подготовке Москвы к возможной эвакуации?... кто руководил этой операцией? — отец ответил так:

— По линии НКВД руководили двое: Берия и Кобулов. От Берия же, — сказал отец, — исходил сигнал о подготовке нелегалов для Москвы... Осенью, где-то в сентябре — октябре, он вызвал меня к себе: «Обстановка тяжелая. Не исключено, что какой-то части немцев удастся прорваться в город. Мы хотим создать в Москве нелегальные резидентуры и группы боевиков. Они развернут здесь нелегальную работу».

Центр города заняли боевики, здесь разместились подразделения нашей Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) — она была дислоцирована в Колонном зале Дома союзов и в здании нынешнего ГУМа на Красной площади. Весь этот район — от Охотного ряда вдоль улицы Горького до Белорусского вокзала — был занят подразделениями бригады. На случай прорыва немцев Москва была поделена на районы, контролируемые воинскими частями и группами нелегалов-боевиков, которые должны были вести боевые действия в самой Москве и работать в тылу у немцев. На территории города действовали люди Управления НКВД по Московской области во главе с Михаилом Ивановичем Журавлевым — он принимал самое активное участие в подготовке Москвы к обороне. Был задействован столичный гарнизон, все наличные внутренние войска, курсанты пограншколы. Под ружье поставили все, что нашли.

Помню одно совещание, в нем принимали участие Берия, Маленков, секретарь МК Попов. Разговор шел жесткий. Я понял: дело серьезнее, чем я предполагал. В тот день в мое подчинение передали нескольких инженеров-взрывников. Среди них были Пономарев и Разживин — крупнейшие специалисты взрывного дела, имевшие дело с зарядами не меньше чем в тысячу тонн. Безупречно работали...

...Вопрос о том, чтобы от Москвы ничего не осталось, не стоял и стоять не мог даже в то неимоверно сложное время. Были подготовлены к взрыву лишь определенные объекты, но мне бы не хотелось их называть.

У нас, между прочим, была одна очень интересная боевая группа из четырех человек. Один — артист-свистун (специалист по художественному свисту). Другая — женщина-жонглер. Она жонглировала боевыми гранатами, замаскированными под... небольшие поленья. Представляете? Идет концерт, скажем, в немецком офицерском собрании. На сцене

изящно жонглирует своими «полешками» дама. И вдруг эти «дрова» летят в публику...

Этот номер придумал Маклярский. Тот, который потом написал сценарий фильма «Подвиг разведчика». Он работал очень много и очень результативно. Конечно, как у всякого талантливого человека, у него были и свои недостатки, и скрытые, и, когда мне ставили это на вид, я обычно отвечал: «А результаты его работы? А подготовленная им агентура?» У меня были такие козыри, которые не побьешь: одна из самых ярких наших операций — «Монастырь» — была его детищем... Между прочим, мы начали ее именно осенью сорок первого...

Нами был подготовлен к подпольной работе в Москве и такой известный человек, как композитор Лев Константинович Книппер, автор знаменитой песни «Полюшко-поле». Дело, которым ему предстояло заниматься, могло быть очень перспективным, поскольку его родная сестра Ольга (кстати, племянница знаменитой Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой) жила в Германии с 1922 года — эмигрировала. Осела там крепко... Фамилия «Чехова» у нее от мужа — племянника Антона Павловича. Книпперы — немцы. Старший Книппер — отец будущего композитора — был крупным железнодорожником в Тбилиси, семью эту там хорошо знали. А Ольга Чехова бывала на правительственных приемах в Берлине, где можно было увидеть и Гитлера. Это нас и привлекало, как возможный вариант на перспективу... Сам Лев Константинович — участник Гражданской войны, причем воевал на стороне белых. Потом — эмиграция. Обратнo в Россию его просто вытащила Книппер-Чехова, народная артистка СССР... Она сыграла большую роль в возвращении МХАТа из-за границы. У нас со Львом Константиновичем установились очень хорошие деловые отношения. В случае оккупации Москвы он должен был действовать в одиночку, по индивидуальному плану...

Далее отец рассказал о немецкой агентуре, которую немцы держали в Москве. Ее было достаточно, но в результате оперативных действий много агентов было выведено из «игры».

Это были люди, подготовленные наспех. Может, у немцев такая установка была — брать числом? В Москву они попадали разными способами. У них была явка к одному известному московскому врачу. Шли к нему на прием. А врач направлял их к одному из наших людей, своему родственнику. Там-то и начинался деловой разговор — и насчет раций, и насчет того, кто с каким за-

данием прибыл... «Чужой» расслаблялся. Дальше уже было дело техники... О каждом случае появления диверсантов докладывалось наркомун. Причем отец всегда просил его не торопить с арестами. «Дайте мне возможность два-три дня «поводить» этих людей по Москве: куда они пойдут, к кому обратятся?» — уговаривал отец.

«Голову снимем, если из виду потеряете!» — отвечало начальство. Обошлось. Тогда все остались при головах.

— Прибывая в Москву, — рассказывал отец, — немецкие агенты в первую очередь интересовались, не стягиваются ли к Москве новые воинские части, как обстоят дела на железной дороге, каково положение с продовольствием, какие настроения господствуют в Москве, не появилась ли какая-то слабость в действиях местной советской администрации, которую можно было бы использовать? И что самое примечательное — едва ли не каждый второй агент мечтал убить кого-нибудь из членов Политбюро.

...После войны, когда в руки советских спецслужб попали архивы абвера, удалось установить, что «продуктивность» наших контрразведывательных операций была все-таки высокой.

— Все мы, — говорил отец, — были живые люди и, значит, ни от чего в этой жизни не застрахованы. Все было — и ошибки, и промахи. Но было и главное. Вера в нашу правоту, в нашу победу. Это было сильнее остальных чувств. Заставляло собираться в кулак. Так что обвальная паники, о которой так много теперь говорят, не было. Хотя, может статья, я тут и не все знаю. У меня было конкретное дело. Особо отвлекаться от него я просто не мог.

Конец первой книги

ПРИЛОЖЕНИЯ

В настоящих Приложениях помещены малоизвестные документы (подлинники), изложение материалов отечественной и зарубежной прессы, воспоминания современников П. А. Судоплатова и размышления по поводу тех или иных проблем, которыми в свое время занимался он, будучи оперативным сотрудником ВЧК—ОГПУ—НКВД—МВД.

Ниже помещен материал, рассказывающий о военных организациях, созданных в разные годы за рубежом русскими эмигрантами-военнослужащими бывшей царской армии. Все они жили единой целью — вернуться на родину, даже если для этого будет необходима сила оружия. Но, увы, этим устремлениям не дано было сбыться. В том, что этого не произошло, большая заслуга советской внешней разведки и таких разведчиков, как Павел Анатольевич Судоплатов.

ВОЙНА БЕЗ ПОБЕД

«Русский общевойсковой союз» (РОВС) создан генералом Врангелем в 1924 году из остатков белых армий, объединял около 30 тысяч воинов и был стержнем довоенной политической эмиграции. Верховным главнокомандующим русской армией в зарубежье был великий князь Николай Николаевич; главнокомандующим и фактическим главой РОВСа — генерал Врангель, последний законный правитель на Русской земле. Это делало РОВС в какой-то мере хранителем традиции русской государственности, чему способствовало также соседство с Зарубежной Церковью (поначалу и руководство

РОВСа, и руководство Церкви находились в Сремских Карловцах в Сербии; в 1926 году Врангель переехал в Брюссель; после его смерти с 1929 года генерал Кутепов перевел штаб в Париж). Чтобы подчеркнуть надпартийный и государственный характер армии (и чтобы не нарушать единство РОВСа политическими разногласиями, в том числе внутримонархическими), генерал Врангель с самого начала издал приказ № 82, запрещающий военным вступать в политические организации.

Деятельность РОВСа сначала мыслилась как вынужденный перерыв в военных действиях, в ожидании нового «весеннего похода». В сущности, это была армия, переведенная на гражданское положение, рассеянная по многим странам, но сохранявшая традиции и дисциплину, чтобы «по первому зову» продолжить борьбу. Поэтому воины каждой части старались устраиваться на одно предприятие, работая артелями и живя в казармах-общежитиях. РОВС поддерживали многие правые органы печати, в том числе «Возрождение». Неофициальным органом связи РОВСа стал журнал «Часовой», основанный в 1929 году (В. В. Ореховым, Е. В. Тарусским и С. К. Терещенко) и просуществовавший до 1988 года (с перерывом в годы войны).

В 1930 году имелись следующие отделы РОВСа: 1-й отдел (Франция с колониями, Италия, Польша, Дания, Финляндия, Египет); 2-й (Германия, Венгрия, Австрия, Данциг, Литва, Латвия, Эстония, Англия, Испания, Швеция, Швейцария, Персия); 3-й (Болгария и Турция); 4-й (Югославия, Греция и Румыния); 5-й (Бельгия и Люксембург), 6-й (Чехословакия); отделы на Дальнем Востоке (генерал М. К. Дитерихс), в Северной и Южной Америке, отделение в Австралии.

Однако надежды на «весенний поход» не оправдались, ибо ни одна западная страна не захотела поддержать вооруженную борьбу эмигрантов против СССР. Поэтому генерал А. П. Кутепов уже с начала 1920-х годов настаивал на проникновении в СССР для подпольной революционной работы, тем более что оттуда поступали призывы «возглавить уже идущую борьбу». В этом Кутепов нашел поддержку у великого князя Николая Николаевича, однако Врангель относился скептически к таким методам действий и отошел в сторону от руководства ими.

Опасения Врангеля оправдались, ибо ГПУ в течение нескольких лет водило Кутепова за нос с помощью подставной псевдомонархической организации «Трест», якобы успешно

действовавшей в России и желавшей привлечь к своей борьбе эмиграцию. Этот план внедрения многочисленных агентов в эмигрантские организации был разработан ЧК—ОГПУ еще в 1921—1922 годах и испробован на Савинкове. Параллельно тянулись линии обработки младороссов, евразийцев и др.

«Братство русской правды» было основано в 1921 году генералом герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, публицистом С. А. Соколовым-Кречетовым, генералом Красновым. В разное время представителями БРП были: в Париже — В. Бурцев, в Прибалтике — князь Ливен, на Дальнем Востоке — Д. В. Гондатти, в Югославии — С. Н. Палеолог и С. Н. Трегубов, в Америке — А. А. Вонсяцкий и др. Братство действовало с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения митрополита Антония (Храповицкого). Организация состояла из автономных боевых отрядов, которые вели партизанскую борьбу, в целях безопасности не сообщая конспиративных деталей даже в центр.

«Боевыми кадрами организации являлись остатки белорусских национальных отрядов, так называемых «Дружин зеленого дуба», отряды Булак-Балаховича, организации Савинкова и т. д. За десять лет организация разрослась и развила более или менее успешную партизанскую деятельность в самой России, главным образом в Белоруссии, доставляя большевикам немало хлопот.

Не имея ясной идеологии и отказавшись от целостной программы, «Братство» выдвинуло ряд лозунгов, которые позволяют определить его политический характер: «Всероссийская национальная революция», «Земля крестьянам», «Православная христианская Русь», «Всероссийский земский собор». В статьях журнала «Русская правда», предназначенного для распространения в СССР, открыто заявлялось, что члены братства — монархисты. Эти статьи, написанные псевдонимным языком ростопчинских афиш, носили часто несерьезный характер. Излюбленной тактикой борьбы «Братства» была партизанщина и так называемый «низовой террор». Эта тактика находила себе выражение в лозунге: «Бей змею, да не пропускай и змеенышей». Сама жизнь показала нецелесообразность этой тактики: длительная партизанщина легко соприкасается с простым бандитизмом, низовой террор не достигает своей цели, ибо центральная власть имеет в своем распоряжении все средства для того, чтобы на такой террор ответить террором удесятеренным».

Судя по сообщениям самого БРП, в 1925—1930-х годах его партизанская деятельность (остановка и «проверка» поездов, расстрелы чекистов, взрывы объектов) в западных советских областях приобрела немалый размах; под контролем БРП находились целые районы. Впрочем, в подобных сообщениях БРП приписывало себе и стихийные восстания (трудно предположить, что именно «братское вольное слово» вдохновляло население Кавказа, Туркестана, Сибири...).

Но ГПУ оказалось сильнее, введя в организацию агента Кольберга, разоблачение которого «вызвало тяжелый раскол в верхах «Братства»... Большевики, обладая секретными сведениями о БРП через Латвийскую социал-демократическую партию, вскрыли конспиративную работу БРП в Латвии. В 1933 году БРП подверглось в Латвии разгрому». По Дальневосточному отделу БРП «большевики наносят крупный удар убийством в Харбине (декабрь 1932 г.) одного из руководителей полковника Аргунова... БРП не выдержало кризиса».

«Борьба за Россию» под руководством С. П. Мельгунова, затем М. М. Федорова — группа вокруг одноименного журнала (Париж, 1926—1931, вышло 240 номеров; в редакцию входили также В. Л. Бурцев, А. В. Карташев, Т. И. Полнер, П. Я. Рысс). «В период развития деятельности группы «Б. за Р.» была налажена связь с подъяремной Россией. От группы ездили даже люди на нелегальную работу в СССР. С 1930 года деятельность «Б. за Р.» начинает хиреть. Недостаток средств и недостаточный успех привели к прекращению деятельности группы. Неудачу можно объяснить нечеткостью идеологии (непредрешенчество) и либерально-«интеллигентским» характером журнала». Идеиные симпатии БЗР видны из ее попытки создать коалицию с миллюковским Республиканско-демократическим объединением, правыми эсерами и «Крестьянской Россией».

«Крестьянская Россия» — организация, созданная в 1920 году в Москве и возрожденная в эмиграции в 1921 году правыми эсерами и кадетами, тоже говорила о «необходимости вести активную революционно-политическую борьбу с большевизмом». Издавала одноименные сборники, а с 1925 года газету «Вестник крестьянской России» в Праге (под редакцией А. А. Аргунова, А. Л. Бема и С. С. Маслова; тираж 1500—3000 экз.), переименованную в 1933 году в «Знамя России». После первого съезда в 1927 году называла себя «Трудовой

крестьянской партией» (ТКП). Отделы ТКП имелись также в Польше, Прибалтике, Югославии, на Дальнем Востоке.

Название организации отражает важность крестьянского вопроса в те времена. (В 1920-е годы возникло много групп, ставивших во главу угла эту тему, волновавшую основные массы российского населения: «Родная земля», «Нужды деревни», «Крестьянское дело»; множество материалов об этом появлялось на страницах «Последних новостей», «Воли России» и даже «Современных записок».) «Ее политические установки — парламентарно-демократическая республика, опирающаяся на миллионы крестьян-собственников, организованных в экономические кооперации и политически — в ТКП». Но ее основная работа заключалась в пропаганде среди «дружественных партий в иностранных кругах». «Ее внутрироссийскую деятельность трудно подвергнуть исчерпывающему разбору потому, что единственный источник о ней — партийный орган «Знамя России». Какой бы она ни была, «стремление вести борьбу, опираясь исключительно на крестьянские массы, не оправдано ни тактически, ни политически... город был, есть и будет оплотом всякой революционной деятельности». Московская группа ТКП была разгромлена в 1925 году; эмигрантская организация просуществовала до 1939 года.

* * *

ЗАПИСКА ОГПУ И. СТАЛИНУ¹

№ 40919

18 ноября 1931 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

По полученным нами сведениям, на явочную квартиру к одному из наших агентов в ноябре м-це должно было явиться для установления связи и передачи поручений лицо, направленное английской разведкой на нашу территорию.

12 ноября на явку действительно, с соответствующим паролем, прибыл (по неизвестной нам переправе английской разведки), как вскоре выяснилось, белый офицер — секрет-

¹ Записка написана на бланке ОГПУ при СНК СССР. На записке резолюция: «Членам ПБ. Пешее хождение т. Сталину по Москве надо прекратить. В. Молотов» — и подписи Л. Кагановича, М. Калинина, В. Куйбышева и А. Рыкова.

ный сотрудник английской разведки, работающий по линии РОВС¹ и нефтяной секции Торгпрома (ГУКАСОВ)².

Указанное лицо было взято под тщательное наружное и внутреннее наблюдение.

16 ноября, проходя с нашим агентом в 3 часа 35 мин. дня по Ильинке около д. 5/2 против Старо-Гостиного двора, агент английской разведки случайно встретил Вас и сделал попытку выхватить револьвер.

Как сообщает наш агент, ему удалось схватить за руку указанного англоразведчика и повлечь за собой, воспрепятствовав попытке.

Тотчас же после этого названный агент англоразведки был нами секретно арестован.

О ходе следствия буду Вас своевременно информировать.

Фотокарточку арестованного, назвавшегося ОГАРЕВЫМ, прилагаю.

Приложение: Упомянутое.
Зам. председателя ОГПУ (Акулов)³

(АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 200, л. 147. Подлинник)

* * *

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) т. СТАЛИНУ о БЕРИЯ

В 1936 г.⁴ я был назначен в Закавказье Председателем Зак. ГПУ. Перед отъездом в Тифлис меня вызвал к себе Пред. ОГПУ т. Дзержинский и подробно ознакомил меня с обстановкой в Закавказье. Тут же т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью, т. Берия, при мусаватистах работал в мусаватской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в какой мере не смущает и не насто-

¹ РО В С — «Русский общевоинский союз». Образован в 1924 г. в эмиграции.

² Г у к а с о в П. О. (1858—?) — крупный бакинский промышленник, инженер, с 1916 г. председатель совета Русского торгово-промышленного банка. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию, где в 20-х гг. принимал активное участие в деятельности антисоветской организации «Торгово-промышленный комитет (Торгпром)».

³ А к у л о в И. А. (1888—1939) — в 1930—1931 гг. первый заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР.

⁴ В оригинале описки, правильно: 1926 г. — *Ред.*

раживает против т. Берия, так как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных тт. закавказцев и что об этом знает он, Дзержинский, и т. Серго Орджоникидзе.

По приезде в Тифлис, месяца через два я зашел к т. Серго и передал ему все, что сообщил мне т. Дзержинский о т. Берия.

Т. Серго Орджоникидзе сообщил мне, что действительно т. Берия работал в мусаватской контрразведке, что эту работу он вел по поручению работников партии и что об этом хорошо известно ему, т. Орджоникидзе, т. Кирову, т. Микояну и т. Назаретяну. Поэтому я должен относиться к т. Берия с полным доверием, и что он, Серго Орджоникидзе, полностью т. Берия доверяет.

В течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т. Берия, как растущего работника, что из т. Берия вырабатывается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину.

В течение двух лет моей работы в Закавказье я знал, что т. Серго ценит т. Берия и поддерживает его.

Года два тому назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне, а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытаются использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в мусаватской контрразведке, но из этого у них ничего не выйдет.

Я спросил у т. Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом и он т. Сталину говорил.

Кандидат ЦК ВКП(б)
Павлуновский

25 июня 1937 г.

(АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 788, л. 114—115 об. Подлинник. Рукопись)

* * *

11 июля 1937 г.

Совершенно секретно

Лично начальнику ДТО ГУГБ НКВД СССР
Харьковской Южной ж. д. тов. Леопольд

О ФАШИСТСКО-ПОВСТАНЧЕСКОЙ, ШПИОНСКОЙ, ДИВЕРСИОННОЙ, ПОРАЖЕНЧЕСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В СССР

Рассылаемое вместе с настоящим приказом закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР, а также материалы следствия по делу «ПОВ» вскрывают картину долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза.

Из этих материалов видно, что подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжает проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов.

Даже сейчас работа по ликвидации на местах польских диверсионно-шпионских групп и организации «ПОВ» полностью не развернута. Темп и масштаб следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули даже от оперативного учета (из общей массы перебежчиков из Польши, насчитывающей примерно 15 тыс. человек, учтено по Союзу только 9 тыс. человек). В Западной Сибири из находящихся на ее территории около 5 тыс. перебежчиков учтено не более 1 тыс. ч[еловек]. Такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши. Что касается агентурной работы, то она почти совершенно отсутствует. Больше того, существующая агентура, как правило, двойническая, подставленная самой польской разведкой.

Недостаточно решительная ликвидация кадров польской разведки тем более опасна сейчас, когда разгромлен московский центр «ПОВ» и арестованы многие активнейшие его члены. Польская разведка, предвидя неизбежность дальнейшего своего провала, пытается привести, а в отдельных случаях уже приводит в действие свою диверсионную сеть в народном хозяйстве СССР и, в первую очередь, на его оборонных объектах.

В соответствии с этим основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация не затронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки «ПОВ» и основных людских контингентов польской разведки в СССР.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 20 августа 1937 г. начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций «ПОВ» и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Вся операция должна быть закончена в 3-месячный срок, т. е. к 20 ноября 1937 г.

2. Аресту подлежат:

- а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены «ПОВ» по прилагаемому списку;
- б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;
- в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;
- г) политэмигранты и политобменные из Польши;
- д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;
- е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов.

3. Операцию по арестам провести в две очереди:

- а) в первую очередь подлежат аресту перечисленные выше контингенты, работающие в органах НКВД, в Красной Армии, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах;
- б) во вторую очередь подлежат аресту все остальные, работающие в промышленных предприятиях не оборонного значения, в совхозах, колхозах и учреждениях.

4. Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу. Основной упор следствия сосредоточить на полном разоблачении организаторов и руководителей диверсионных групп, с целью исчерпывающего выявления диверсионной сети.

Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов — немедленно арестовывать.

Для ведения следствия выделить специальную группу оперативных работников.

5. Все арестованные, по мере выявления их виновности в процессе следствия, подлежат разбивке на две категории:

- а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 5 до 10 лет.

6. На отнесенных в процессе следствия к первой и второй категории каждые 10 дней составляются списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, которые направляются на окончательное утверждение в НКВД СССР.

Отнесение к первой или второй категории на основании рассмотрения агентурных и следственных материалов производится народным комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД области или края, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края.

Списки направляются в НКВД СССР за подписью народного комиссара внутренних дел республики, начальника УНКВД и прокурора соответствующих республик, края и области.

После утверждения списков в НКВД СССР и прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т. е. осужденные по первой категории — расстреливаются, а по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря согласно нарядов НКВД СССР.

7. Прекратить освобождение из тюрем и лагерей оканчивающих срок заключения осужденных по признакам польского шпионажа. О каждом из них представить материал для рассмотрения на Особое совещание НКВД СССР.

8. Всю работу по разгрому «ПОВ» и всех остальных контингентов польской разведки умело и обдуманно использовать для приобретения новой агентуры по польской линии.

При отборе агентуры особо тщательное внимание обратить на меры, обеспечивающие органы НКВД от проникновения в сеть двойников-агентов польской разведки.

Списки намеченных к вербовке агентов, с исчерпывающей характеристикой на них, направлять на утверждение начальника ГУГБ НКВД тов. Фриновского.

9. О ходе операции телеграфно доносить каждые 5 дней, т. е. 1, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца.

Народный комиссар внутренних дел СССР
Генеральный комиссар госбезопасности
Н. Ежов

С подлинным верно: оперсекретарь ГУГБ НКВД СССР
комбриг *Ульмер*

Совершенно секретно

**НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗНЫХ
РЕСПУБЛИК, НАЧАЛЬНИКАМ
УПРАВЛЕНИЙ НКВД АВТОНОМНЫХ
РЕСПУБЛИК, ОБЛАСТЕЙ И КРАЕВ**

НКВД Союза вскрыта и ликвидируется крупнейшая и, судя по всем данным, основная диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде так называемой «Польской организации войсковой» («ПОВ»).

Накануне Октябрьской революции и непосредственно после нее Пилсудский создал на советской территории свою крупнейшую политическую агентуру, возглавлявшую ликвидируемую сейчас организацию, а затем из года в год систематически перебрасывал в СССР, под видом политэмигрантов, обмениваемых политзаключенных, перебежчиков, многочисленные кадры шпионов и диверсантов, включавшихся в общую систему организации, действовавшей в СССР и пополнявшейся здесь за счет вербовки среди местного польского населения.

Организация руководилась центром, находившимся в Москве — в составе Уншлихта, Муклевича, Ольского и других, и имела мощные ответвления в Белоруссии и на Украине, главным образом в пограничных районах, и ряде других местностей СССР.

К настоящему времени, когда ликвидирована, в основном, только головка и актив организации, уже определено, что антисоветской работой организации были охвачены — система НКВД, РККА, Разведупр РККА, аппарат Коминтерна — прежде всего польская секция ИККИ, Наркоминдел, оборонная промышленность, транспорт — преимущественно стратегические дороги западного театра войны, сельское хозяйство.

Активная антисоветская работа организации велась по следующим основным направлениям:

1. Подготовка, совместно с левыми эсерами и бухаринцами, свержения советского правительства, срыва Брестского мира, провоцирование войны РСФСР с Германией и сколачивание вооруженных отрядов интервенции (1918 г.).

2. Широкая всесторонняя подрывная работа на Западном и Юго-Западном фронтах во время советско-польской войны, с прямой целью поражения Красной Армии и отрыва УССР и БССР.

3. Массовая фашистско-националистическая работа среди польского населения СССР в целях подготовки базы и местных кадров для диверсионно-шпионских и повстанческих действий.

4. Квалифицированная шпионская работа в области военной, экономической и политической жизни СССР, при наличии крупнейшей стратегической агентуры и широкой средней и низовой шпионской сети.

5. Диверсионно-вредительская работа в основных отраслях оборонной промышленности, в текущем и мобилизационном планировании, на транспорте, в сельском хозяйстве; создание мощной диверсионной сети на военное время как из числа поляков, так и, в значительной степени, за счет различных непольских элементов.

6. Контактирование и объединение диверсионно-шпионских и иных активных антисоветских действий с троцкистским центром и его периферией, с организацией правых предателей, с белорусскими и украинскими националистами на основе совместной подготовки свержения советской власти и расчленения СССР.

7. Прямой контакт и соглашение с руководителем военно-фашистского заговора предателем Тухачевским в целях срыва подготовки Красной Армии к войне и для открытия нашего фронта полякам во время войны.

8. Глубокое внедрение участников организации в Компартию Польши, полный захват в свои руки руководящих органов партии и польской секции ИККИ, провокаторская работа по разложению и деморализации партии, срыв единого и народного фронта в Польше, использование партийных каналов для внедрения шпионов и диверсантов в СССР, работа, направленная на превращение компартии в придаток пилсудчины с целью использования ее влияния для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР.

9. Полный захват и парализация всей нашей разведывательной и контрразведывательной работы против Польши и систематическое использование проникновения членов организации в ВЧК—ОГПУ—НКВД и Разведупр РККА для активной антисоветской работы.

Основной причиной безнаказанной антисоветской деятельности организации в течение почти 20 лет является то обстоя-

тельство, что почти с самого момента возникновения ВЧК на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы — Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК—ОГПУ—НКВД.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДЫ ВНЕДРЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ АГЕНТУРЫ В СССР

«Польская организация войскова» возникла в 1914 г. по инициативе и под личным руководством Пилсудского как националистическая организация активных сторонников борьбы за независимость буржуазной Польши, вышколенных в боевых организациях польской социалистической партии (ППС), на которую, главным образом, опирался Пилсудский, и в специальных военных школах, создававшихся им для подготовки костяка будущей польской армии.

Эти школы создавались Пилсудским в 1910—1914 гг. в Галиции, где они носили полуконспиративный характер и пользовались субсидиями и практическим содействием со стороны разведывательного отдела австро-венгерского генерального штаба. Еще до империалистической войны в распоряжении Пилсудского находился ряд офицеров австро-венгерской разведывательной службы, обучавших пилсудчиков военному делу, а также технике разведки и диверсии, так как кадры, образовавшие несколько позднее «ПОВ», предназначались для действий в союзе с австро-германской армией на тылах русских войск и для комплектования польских легионов в предвидении войны с царской Россией.

Поэтому уже тогда, помимо территории царской Польши, члены «ПОВ» посылались в Россию, вербовались здесь на месте, исходя из принципа создания своих организаций где только можно, преимущественно в крупных городах, для учета и мобилизации своих людей в целях связи и разведки.

Одновременно «ПОВ» являлась орудием для политической мобилизации Пилсудским сил, участвующих под его руководством в борьбе за независимость Польши. В связи с этим «ПОВ» тайно проникла во все польские политические партии — от крайних левых до крайних правых, всюду вербуя активных деятелей этих партий в свои ряды на базе признания непре-

каемости авторитета и личной воли Пилсудского и идеи борьбы за великодержавную Польшу в границах 1772 г.

По этой линии «ПОВ» еще с довоенных лет накапливала богатую практику внутрипартийной и межпартийной провокации, являющейся основным методом пилсудчины в ее борьбе с революционным движением.

Во главе «ПОВ» тогда находился центральный штаб, носивший название «Коменда начальна» (сокращенно — «КН»), который руководил деятельностью местных пилсудчиковских организаций, носивших то же название, с добавлением порядкового номера, например, в Белоруссии — «КН-1», на Украине — «КН-3» и т. д. Каждая из этих местных «коменд» представляла собой областной территориальный округ «ПОВ», делящийся на местные комендатуры «ПОВ», количество которых на данной территории определялось в зависимости от местных условий и задач, преследуемых пилсудчиной в данном районе.

В конце 1918 г. в связи с образованием Польши, возглавленной Пилсудским как единоличным диктатором со званием «начальника государства», главное командование «ПОВ» в полном составе вошло в генеральный штаб Польши и образовало разведывательный отдел штаба.

В период временного отстранения Пилсудского от власти в Польше (1922—1926) главное командование «ПОВ», в целом устранившее тогда эндеками из правительственных органов Польши и только частично сохранившее свое влияние в разведывательном отделе генерального штаба, продолжало свою диверсионно-разведывательную работу на территории СССР независимо от официальных органов польской разведки и подготавливало новый приход к власти Пилсудского.

После так называемого майского переворота 1926 г., снова приведшего Пилсудского к власти, руководящая головка и актив «ПОВ» заполнили собой всю государственную верхушку и фашистский правительственный аппарат Польши; значительная же часть актива «ПОВ» сохранилась в подполье для борьбы с революционным движением в Польше методами провокации и революционной инспирации, а также, главным образом, для нелегального внедрения различными путями в СССР.

Деятельность конспиративной организации Пилсудского на нашей территории значительно активизируется в 1917 г., когда в связи с событиями империалистической войны в различных пунктах нашей страны скопились значительные квалифицированные кадры приближенных Пилсудского из среды

военнопленных легионеров (легионы Пилсудского, сформированные «ПОВ», входили в состав австро-венгерской армии) и беженцев с территории царской Польши, оккупированной тогда немцами.

Таким образом, уже ко времени Октябрьской революции Пилсудский имел в России значительные кадры участников «ПОВ» как из среды местного польского населения, так, главным образом, из среды поляков, эвакуированных из Польши.

Поскольку, однако, основные кадры «ПОВ» времен империалистической войны состояли из людей, более или менее известных своими открытыми польско-патриотическими убеждениями, и учитывая победоносный рост влияния большевистской партии, Пилсудский летом 1917 г. предпринял специальные вербовочные меры для проникновения в РСДРП (большевиков). В этих целях, по личному указанию Пилсудского, его приближенные развернули широкую вербовочную работу среди польских социал-демократов и в ППС-левице, позднее слившихся и образовавших Компартию Польши.

В течение 1917 г. находившиеся тогда в Москве и Петрограде члены центрального руководства «ПОВ» — Пристор (впоследствии польский премьер-министр), Пужак (секретарь ЦК МПС), Маковский (член Московского комитета ППС, впоследствии пом. нач. КРО ОГПУ и резидент ИНО ОГПУ по Польше), Голувко, Юзефовский (волинский воевода), Матушевский (позднее начальник 2-го отдела польского генерального штаба) — вовлекли в «ПОВ» ряд польских социал-демократов и членов ППС-левицы, проникших позднее на видные посты в советский государственный аппарат: Уншлихта (быв. зам. пред. ОГПУ и РВС), Лещинского (секретарь ЦК Компартии Польши), Долецкого (руководитель ТАСС), Бронковского (зам. нач. Разведупра РККА), Муклевича (нач. морских сил РККА, зам. наркома оборонной промышленности), Лонгву (комкор, нач. управления связи РККА) и ряд других, образовавших в 1918 г. московский центр «ПОВ» и возглавивших руководство всей деятельностью «ПОВ» на территории СССР.

Одновременно, в начале 1918 г., Пилсудский дал директиву ряду персонально подобранных членов «ПОВ», состоявших в ППС и находившихся в СССР, внедриться в советский государственный аппарат посредством инсценировки своего разрыва в ППС и перехода на советские позиции. К числу таким способом внедрившихся в советскую систему польских агентов относятся: бывший член Московского комитета ППС

Логановский М. А. (перед арестом зам. наркома пищевой промышленности), Маковский, Войтыга (проникшие в КРО и ИНО ОГПУ—НКВД), Баранский (начальник отделения ИНО ОГПУ—НКВД) и ряд других.

Стремясь захватить в свои руки нашу разведывательную и контрразведывательную работу против Польши, Пилсудский, наряду с внедрением в ВЧК указанных выше членов «ПОВ», предпринимает в течение 1919—1920 гг. и в последующее время ряд мер к внедрению в ВЧК высококвалифицированных кадровых разведчиков — офицеров 2-го отдела польского главного штаба, которые, при содействии Уншлихта, Пиляра, Мессинга, Медведя и других крупных польских агентов, проникли на руководящие должности в советской разведке и контрразведке.

Так, И. И. Сосновский (перед арестом зам. нач. Управления НКВД по Саратовской области), являвшийся в 1919 г. эмиссаром Пилсудского и резидентом 2-го отдела польского главного штаба на территории Советской России, получил тогда директиву начальника 2-го отдела майора Матушевского внедриться в аппарат ВЧК. Используя свой арест особым делом ВЧК летом 1920 г., Сосновский, при содействии Пиляра, инсценировал свой разрыв с польской разведкой и «ПОВ», руководящим деятелем которой он являлся, выдал с разрешения 2-го отдела ПГП ничтожную часть своей сети и внедрился на работу в центральный аппарат ВЧК. Вскоре же Сосновскому удалось внедрить в ВЧК целую группу крупных польских офицеров-разведчиков: подполковника 2-го отдела польгенштаба Витковского (занимавшего должность начальника польского отделения особого отдела ВЧК, перешедшего затем на работу в Наркомтяжпром), Кляковского (нач. англо-романского отделения КРО ВЧК), Роллера (перед арестом — нач. Особого отдела Сталинградского края), Бжезовского (зам. нач. Особого отдела Украины) и др.

Ряд других членов «ПОВ», начиная с Бронковского, проникшего при содействии Уншлихта на должность зам. нач. Разведупра РККА, внедрились во всю систему Разведупра, захватили в свои руки и парализовали всю разведывательную работу против Польши (Будкевич — нач. отдела и граничный резидент), Жбиковский, Шеринский, Фирин, Иодловский, Узданский, Максимов и др.

Одним из видов использования этих крупных польских шпионов на граничной работе ИНО и Разведупра была широкая подставка двойников в состав наших резидентур за границей.

В дальнейшем посредством инсценировок провалов подставленные разведкой двойники перебрасывались в СССР для шпионско-диверсионной работы.

На ответственные руководящие посты в Красной Армии в разное время проникли и работали польские агенты: Уншлихт — зам. пред. РВС, Муклевич — нач. морских сил, Лонгва — нач. Управления связи РККА, Коханский — комкор, Козловский — комиссар ряда частей и многие другие польские агенты, проникшие в самые различные части РККА.

Основной кадр польских агентов, проникших в Наркоминдел, создал работавший в нем в период 1925—1931 гг. Логановский, причем и здесь польская агентура концентрировалась на участке работы НКВД, связанной с Польшей (референтами по Польше были шпионы Морштын, Кониц), и ряде других важнейших направлений (полпред Бродовский, полпред Гайкис, полпред Карский).

Захватив с давних пор руководящие органы Компартии Польши и польскую секцию ИККИ в свои руки, «ПОВ» систематически перебрасывала своих участников — шпионов и диверсантов в СССР под видом политических эмигрантов и обмениваемых политзаключенных, специально инсценируя аресты и осуждения членов «ПОВ», проникших в Компартию.

Независимо от «ПОВ» метод переброски шпионов в СССР под видом политэмигрантов широко использовался польской политической полицией (дефензивой), имеющей в Компартиях Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии значительные по количеству кадры своей провокаторской агентуры из среды польских, белорусских, украинских националистов, проникших в различные революционные организации.

Одновременно различные органы польской разведки (преимущественно местные аппараты 2-го отдела польглавштаба — виленская и львовская экспозитуры, пограничные разведывательные пункты-разведпункты, политическая полиция тыловых и пограничных районов Польши) систематически, в массовом масштабе, перебрасывают в СССР шпионов и диверсантов под видом перебежчиков.

Преступные цели своего прибытия в СССР эти «перебежчики» прикрывали различными мотивами и предложениями (дезертирство с военной службы, бегство от полицейского преследования, от безработицы — в поисках заработка, для совместного проживания с родственниками и т. д.).

Как сейчас выясняется, польские шпионы и диверсанты, перебрасываемые в СССР под видом перебежчиков, несмотря

на наличие у них самостоятельных путей связи с Польшей, в ряде случаев связывались на нашей территории с участниками «ПОВ», действовали под их руководством, а масса перебежчиков в целом являлась для организации источником активных кадров.

Ряд квалифицированных польских шпионов, переброшенных в СССР под видом перебежчиков — солдат, дезертировавших из польской армии, оседали в Саратовской области, где действовали польские агенты Пиляр и Сосновский.

Политэмигранты и перебежчики образуют костяк диверсионной сети поляков в промышленности и на транспорте, комплектующий диверсионные кадры из среды местных националистов-поляков и, что наиболее важно, за счет самых различных непольских, глубоко законспирированных антисоветских элементов.

Организацию «ПОВ» на Украине возглавлял Лазоверт (Госарбитр УССР), под руководством которого находился частично ликвидированный в 1933 г. центр «ПОВ» на Украине (Скарбек, Политур, Вишневецкий), а в Белоруссии — Бенек (наркомзем БССР), который, так же как и Лазоверт, являлся участником московского центра «ПОВ» с 1918 г.

ПОДГОТОВКА АНТИСОВЕТСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

Первый этап активной деятельности «ПОВ» в Советской России включает в себя действия, направленные в начале 1918 г. к срыву Брестского мира и подготовке вместе с бухаринцами и левыми эсерами антисоветского переворота, с целью втянуть Советскую Россию в продолжение войны с Германией, поскольку к тому времени Пилсудский уже переориентировался на Антанту и направлял деятельность своих организаций по директивам французского штаба.

Члены организации — Уншлихт, Лещинский и Далецкий вместе с Бухариным и левыми эсерами разработали план ареста Совнаркома во главе с Лениным. В этих целях Пестковский, по поручению Уншлихта, установил связь с представителем французской разведки в Москве генералом Лявернь и руководством левых эсеров; Бобинский сколачивал вооруженные отряды для участия в левозэсеровском восстании; в польских частях, сохранившихся от времени Керенского, велась работа по подготовке их провокационного военного выступления против немецких войск на демаркационной линии.

Потерпев неудачу в осуществлении плана антисоветского переворота и возобновления войны с Германией, московская организация «ПОВ», действуя по директивам Ляверня и нелегально прибывшего на советскую территорию адъютанта Пилсудского — видного члена «ПОВ» Венявы-Длутошевского, переклочилась на подготовку интервенции против Советской России, создавая под видом формирования польских частей Красной Армии свою вооруженную силу.

Сформировавшаяся в конце 1918 г. так называемая Западная стрелковая дивизия, укомплектованная преимущественно поляками, была в своей командной головке целиком захвачена членами «ПОВ» (комдивы Маковский и Лонгва, комиссары Лазоверт и Славинский, комбриги Маевский и Длуский, комиссары бригад Сцибор, Грузель и Черницкий, командиры полков, — все без изъятия были членами «ПОВ»), создававшими группы «ПОВ» в различных частях дивизии.

ПОРАЖЕНЧЕСКАЯ РАБОТА В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Основным полем деятельности московской организации «ПОВ» с начала 1919 г. становится Западный фронт, где организация, используя пребывание ряда своих участников на руководящих постах в штабе фронта (Уншлихт — член РВС фронта, Муклевич — комиссар штаба фронта, Сташевский — начальник разведывательного отдела штаба фронта, Будкевич — комиссар штаба 16-й армии), в Особом отделе фронта (Медведь, Ольский, Поличкевич, Чацкий), в правительственных органах Белоруссии (Циховский — председатель ЦИКа Литбелреспублики), широко развернула работу, направленную к поражению Красной Армии и облегчению захвата поляками Белоруссии.

Первым, наиболее крупным актом деятельности организации на фронтах была сдача Вильно полякам, совершенная Уншлихтом, захватившим в свои руки руководство обороной Литбелреспублики.

В различных частях Западного фронта организация сконцентрировала значительное количество своих сторонников, собрав их из различных местностей страны, под видом мобилизации поляков-коммунистов на фронт, насадила своих людей в различные советские учреждения фронта и возглавила работу местной организации «ПОВ» в Белоруссии («КН-1»), созданной поляками независимо от московского центра.

В дальнейшем, во время советско-польской войны, организация под руководством Уншлихта не только снабжала польское командование всеми важнейшими сведениями о планах и действиях нашей армии на Западном фронте (Уншлихт передал полякам план наступления на Варшаву), но проводила планомерную работу по влиянию на оперативные планы фронта в нужном для поляков направлении и развернула широкую диверсионно-повстанческую работу на тылах Западного фронта.

В свете установленных сейчас следствием фактов совершенно несомненно, что ликвидируемая организация «ПОВ» во главе с Уншлихтом сыграла крупную роль в деле срыва наступления Красной Армии на Варшаву.

ФАШИСТСКАЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР

В период Гражданской войны, наряду с диверсионно-повстанческой деятельностью, широкую националистическую работу среди местного польского населения вели созданные независимо от московского центра «ПОВ» местные организации «ПОВ» в Белоруссии («КН-1»), на Украине («КН-3»), в Сибири и др. местах.

После окончания советско-польской войны местные организации «ПОВ» перестраиваются в соответствии с условиями мирного времени, и руководство всей их антисоветской деятельностью сосредотачивается в московском центре «ПОВ», который развернул широкую, ведущуюся до сих пор, фашистскую националистическую работу среди польского населения СССР.

Особенно активно с конца 1920 г. начинается широкое внедрение польской агентуры на руководящие посты всей системы партийно-советских учреждений по работе среди польского населения СССР и использование этой системы для проведения работы «ПОВ».

Члены «ПОВ» Гельтман и Нейман проникают на должности секретарей польбюро при ЦК ВКП(б), Вноровский, Вонсовский, Мазепус — в польбюро ЦК КП(б) Белоруссии, Скарбек, Лазоверт и другие — в польбюро ЦК КП(б) Украины, Домбаль — редактором газеты «Трибуна Радзецка» в Москве, Принц и Жарский — редакторами польской газеты в Минске, другие члены «ПОВ» захватывают руководство в редакциях польских газет на Украине, в польсекциях Наркомпросов, поль-

ские издательства, техникумы, школы и клубы в различных местностях СССР.

Пользуясь по своему служебному положению правом распределения кадров, Гельтман и Нейман направляли из Москвы членов «ПОВ», прикрывавшихся партбилетами, на партийную, культурно-просветительную, педагогическую, хозяйственную работу в самые различные районы СССР, где только есть польское население, не только на Украину, в Белоруссию и Ленинград, но и на Урал, в Сибирь, ДВК — где польская разведка ведет активную, не вскрытую до сих пор работу в контакте с японской разведкой.

Свое внедрение в эту систему партийно-советских учреждений организация активно использовала для создания местных низовых групп «ПОВ» и разворачивания широкой шовинистической и полонизаторской работы, продолжающейся до сих пор и имеющей своей целью подготовку прежде всего диверсионно-повстанческих кадров и вооруженных антисоветских выступлений на случай войны.

Эти же цели преследовались созданием под воздействием «ПОВ» польских национальных сельсоветов и районов в пограничной полосе, зачастую в местностях с меньшинством польского населения, что также обеспечивало «ПОВ» одну из возможностей полонизаторской работы среди украинцев и белоруссов — католиков.

Свое проникновение в систему советско-партийных учреждений по работе среди польского населения «ПОВ» широко использовала для проведения всесторонней шпионской работы через свою массовую агентуру в различных местностях страны.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКОЙ ТРОЦКИСТСКОЙ И ИНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В своей практической диверсионной, шпионской, террористической и пораженческой работе на территории СССР польская разведка широко использует прежде всего троцкистских наймитов и правых предателей.

В 1931 г. Уншлихт и Муклевич, связавшись с антисоветским троцкистским центром, в лице Пятакова, а затем и с Каменевым, договорились с ними о совместной вредительской подрывной работе членов «ПОВ» и троцкистов-зиновьевцев в народном хозяйстве страны и, в частности, в военной промышленности.

В сентябре 1932 г. Уншлихт вошел в контакт также с центром правых предателей, получив согласие Бухарина на объединение диверсионно-вредительской работы правых и «ПОВ».

Наконец, в 1933 г. с ведома Пятакова, Уншлихт связывается с изменником Тухачевским, получает от него информацию о его сношениях с германскими фашистами и договаривается с ним о совместных действиях, направленных к ликвидации советской власти и реставрации капитализма в СССР. Уншлихт договорился с Тухачевским о снабжении последним польской разведки важнейшими шпионскими сведениями по РККА и об открытии полякам нашего Западного фронта в случае войны.

Все местные организации «ПОВ» вели антисоветскую работу в теснейшей связи с троцкистами, правыми и различными антисоветскими националистическими организациями на Украине, в Белоруссии и др. местах.

ШПИОНСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В СССР

Независимо от шпионской работы своей низовки, московский центр «ПОВ» осуществлял вплоть до ликвидации систематическое снабжение польской разведки всеми важнейшими сведениями о военном, экономическом и политическом положении СССР, включая оперативно-мобилизационные материалы штаба РККА, к которым Уншлихт, Муклевич, Будкевич, Бронковский, Лонгва и другие участники московского центра имели доступ по своему служебному положению.

Параллельно этому московским центром «ПОВ» и резидентами 2-го отдела ПГШ велась крупная вербовка шпионов из среды непольских элементов. Уншлихт, например, в 1932 г. завербовал для польской разведки начальника Артиллерийского управления РККА Ефимова и получал от него исчерпывающие сведения о состоянии артиллерийского вооружения Красной Армии. Другой участник московского центра «ПОВ» — Пестковский провел ряд вербовок в Коминтерне, научных институтах и других учреждениях, причем вербовал большей частью неполяков непосредственно для польской разведки, как таковой, и только в некоторых случаях прямо в «ПОВ», поскольку варшавский центр санкционировал организацию включать в отдельных случаях в «ПОВ» также и непольские элементы (русских, украинцев). Крупную шпионскую сеть в Наркоминделе создал Логановский.

Особенно большую вербовочную работу провели резидент 2-го отдела ПГШ И. Сосновский и его заместитель по резидентуре подполковник 2-го отдела В. Витковский.

Сосновский завербовал и использовал для польской разведки пом. нач. Разведупра РККА Карина (оказавшегося немецким агентом с 1916 г.), пом. нач. Разведупра РККА Мейера, помощника прокурора СССР Прусса, зам. нач. Дмитревского лагеря НКВД Пузицкого и ряд других лиц, занимавших ответственные должности в РККА, ОГПУ—НКВД и центральных правительственных учреждениях.

В. Витковский, внедренный Сосновским в ВЧК в 1920 г., был позднее переброшен для шпионской работы на транспорте и руководящих органах народного хозяйства, где он ко времени ареста создал крупную диверсионно-шпионскую сеть, состоявшую преимущественно из специалистов.

Серьезным каналом проникновения в Красную Армию польской шпионской агентуры, сохранившейся в ней до сих пор, была существовавшая в Москве с 1920 по 1927 г. так называемая школа Красных коммунаров (именовавшаяся перед расформированием Объединенной военной школой им. Уншлихта). Эта военная школа, особенно в первый период своего существования, комплектовалась за счет поляков, направляющихся в нее, главным образом, польским бюро при центральных и местных партийных органах.

Проникшие в польбюро члены «ПОВ» направляли в школу участников организации, а также кадровых агентов польской разведки, оставшихся в СССР под видом не желающих возвращаться в Польшу военнопленных периода советско-польской войны или прибывших под видом перебежчиков; в самой же школе существовала крепкая группа «ПОВ», проводившая самостоятельную вербовочную работу.

Школа готовила командный состав пехотной, кавалерийской и артиллерийской специальностей, направлявшийся в самые различные части РККА, куда, естественно, попадали и оканчивавшие школу польские шпионы.

Связь с Варшавой осуществлялась организацией регулярно, с применением самых различных и многообразных способов.

В СССР систематически приезжали видные представители варшавского центра «ПОВ» и 2-го отдела польглавштаба, которые связывались здесь с Уншлихтом, Пестковским, Сосновским, Витковским, Бортновским и др.

Эти представители приезжали в СССР под разными официальными предлогами (в качестве дикпурьеров, для ревизий

польских дипучреждений, по коммерческим делам), под личными прикрытиями (в качестве туристов, для свидания с родственниками, транзитом, а также нелегально). Специально для постоянной связи с Сосновским и Ольским в составе польского военного атташата в Москве находились командированные из Варшавы приближенные к Пилсудскому офицеры 2-го отдела ПГШ Ковальский и Кобылянский, встречи с которыми были легализованы путем проведения фиктивных вербовок их Ольским и Сосновским для ОГПУ.

Ряд членов организации имел конспиративную связь с польским военным атташатом в Москве и другими членами посольской резидентуры (Висляк, Будкевич, Домбал, Науискайтис, Кобиц и др.).

Другие участники «ПОВ», пробравшиеся на должности, дававшие им возможность официальных встреч с составом иностранных посольств, пользовались этими встречами для разведывательной связи (Логановский — на официальных приемах, Морштын — по работе в НКВД, Пестковский — в различных польско-советских комиссиях и т. д.).

Члены организации, находившиеся на заграничной советской официальной или негласной работе, связывались там с представителями «ПОВ» и 2-го отдела ПГШ (Логановский, Баранский и др. в Варшаве, Бржозовский Г. — в Финляндии, Чехословакии и Японии, Лещинский — в Копенгагене, Будкевич — во Франции и т. д.).

Наконец, у ряда крупных резидентов (Сосновский, Пестковский) существовали сложные шифры и пароли для связи.

Через все эти каналы связи в Варшаву систематически передавались все добываемые шпионские сведения и информация о деятельности организации, а из главного центра «ПОВ» и 2-го отдела ПГШ получались денежные средства и директивы о направлении активной деятельности организации.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ И ДИВЕРСИОННАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

Сразу же после окончания Гражданской войны польская разведка через московский центр «ПОВ» и по другим параллельным линиям начала вредительскую работу, направленную в первый период к срыву восстановления промышленности СССР.

В 1925 г. приезжавший в Москву представитель варшавского центра «ПОВ» М. Сокольниковский передал Уншлихту директиву об усилении вредительской работы, дополненную вскорее указанием о переходе к диверсионным действиям.

В соответствии с этими директивами московский центр «ПОВ» развернул и осуществлял вплоть до своей ликвидации широкую диверсионно-вредительскую деятельность, направленную к подрыву обороноспособности СССР.

Ряд виднейших членов «ПОВ» был внедрен в руководящие органы РККА и РККФ, а также в гражданские учреждения, ведавшие вопросами обороны страны (штат РККА, Управление военно-морских сил, сектора обороны, транспорта и металлургии Госплана СССР, Главморпром и др.).

В 1925 г. при штабе РККА был сформирован военно-экономический отдел Мобилизационного управления.

На руководящую работу в этот период был внедрен член «ПОВ» Ботнер С., являвшийся одновременно участником действовавшей на военно-научном участке польской шпионско-вредительской группы Горбатюка.

Совместно с последним Ботнер С. О. развернул в Мобупре штаба РККА серьезную вредительскую работу, рассчитанную на подготовку поражения Советского Союза в предстоящей войне.

Так, при разработке мобилизационных проблем группа посредством перенесения центра внимания на вопросы обеспечения тыла вредительски срезала заявки самой армии на военное время как якобы завышенные. Сроки мобилизационного развертывания промышленности удлинялись до года и более, что, по существу, оставляло ряд предприятий неподготовленными к обороне. Разрешение вопросов обеспечения Красной Армии военной техникой и усовершенствования последней — систематически срывалось.

В 1927 г. был создан сектор обороны Госплана СССР, которому принадлежит крупнейшая роль в деле подготовки обороны страны, мобилизации промышленности и транспорта.

Чтобы захватить в свои руки этот важнейший участок, московский центр «ПОВ» внедрил на руководящую работу в сектор обороны Госплана сначала упомянутого выше Ботнера, а затем, при его и Уншлихта содействии, туда проникли члены «ПОВ»: Колесинский В. А., Муклевич Анна, Шеринский Заслав и др., а в 1931 г. и сам Уншлихт, занимавший пост зам. председателя Госплана СССР. Эти лица, в свою очередь, вов-

лекли вновь в организацию ряд ответственных работников сектора обороны.

В своей практической деятельности организация стремилась прежде всего подорвать развитие военной промышленности.

Первоначально члены организации открыто выступали против строительства военных заводов под прикрытием того, что это дорого и непосильно, вредительски рекомендуя военное производство налаживать в гражданской промышленности.

В этой своей деятельности Уншлихт, Колесинский, Ботнер и другие блокировались с антисоветской троцкистской группировкой Смили в ВСНХ.

В дальнейшем от рискованных открытых выступлений против военного строительства организация перешла к более замаскированным методам подрыва советской оборонной базы.

При проработке в секторе обороны Госплана СССР планов капитального строительства военной промышленности члены организации умышленно распыляли средства по многим строительным объектам и не обеспечивали нужными средствами решающие стройки. В результате строительство военных заводов растягивалось на длительные сроки, создавалась некомплектность в мощности отдельных цехов, поощрялась практика беспроектного строительства.

В этом отношении особенно характерен срыв строительства и реконструкции снаряжательных заводов, направленный в сочетании с другими вредительскими действиями к созданию «снарядного голода» на время войны.

В ряде районов, например, на Урале, были построены только снарядные заводы, снаряжательные же отсутствовали. Это приводило и приводит к тому, что производство корпусов снарядов находится на расстоянии нескольких тысяч километров от мест, где они могут получить снаряжение. В тех же случаях, когда строительство снаряжательных заводов все-таки велось, разворот его сознательно тормозился, а обслуживающее снаряжательные заводы хозяйство (вода, пар, энергия, канализация) дезорганизовывалось.

Также намеренно срывалось строительство и реконструкция заводов производства корпусов снарядов. Уншлихт, Колесинский, Ботнер в практическом контакте с троцкистской организацией в промышленности (Пятаков, Смилга, Ерман, Крожевский) намеренно запутывали мощность этих заводов, затягивали их строительство и реконструкцию.

Аналогичное положение имело место и с производством порохов. При проработке в секторе обороны Госплана плана

строительства новых пороховых заводов Уншлихт, Колесинский, Ботнер принимали и проводили в жизнь вредительские установки Ратайчака, в частности расчеты мощностей по устаревшим нормам. Одновременно с этим вредительство шло по линии задержки строительства новых объектов (например, Алексинского порохового комбината Московской области), дезорганизации обслуживающего хозяйства пороховых заводов и срыва реконструкции старых пороховых заводов (Казанского № 40, им. Косякова № 44 и др.).

По линии планирования же организация проводила умышленное занижение планов потребности в металлах для военных заказов, давала ложные, заведомо преуменьшенные сведения о производственных мощностях военной промышленности, доказывая, что планы заказов военведа для военной промышленности невыполнимы, и максимально сокращала мобилизационные заказы военведа и НКПС, в результате чего из года в год росло невыполнение программ оборонного строительства и недобор мобилизационных запасов.

Планы обеспечения мобилизуемой промышленности рабочей силой вовсе не разрабатывались в течение ряда лет.

Несмотря на дефицит в обеспечении военных производств цветными металлами в военное время, мероприятия по замене цветных металлов тормозились так же, как и развитие промышленности редких металлов.

Отдельные участки мобилизационной подготовки в секторе обороны Госплана СССР намеренно оставлялись заброшенными, в частности мобилизационная подготовка в области здравоохранения и в области сельского хозяйства. Лично Уншлихт, при помощи завербованного им для польской разведки троцкиста Елифанова, провел значительную вредительскую работу в транспортном секторе Госплана СССР.

Эти вредительские действия были направлены к дезорганизации завода сырья на заводы, срыву выпуска готовой продукции и осуществлялись путем установления намеренно заниженных норм и показателей. Необходимый ремонт транспорта систематически срывался путем урезки заявок НКПС на металл. Ликвидация узких мест транспорта искусственно тормозилась путем вредительского распределения ассигнований при утверждении титульных списков капитальных работ на транспорте.

План мобилизационных перевозок на железнодорожном транспорте в течение длительного периода времени составлялся так, что с объявлением войны хозяйственные перевоз-

ки должны были почти вовсе прекратиться, что означало срыв мобилизации промышленности и нормальной жизни тыла страны.

Серьезнейшая вредительско-диверсионная работа была проведена в системе военно-морского флота и Главморпрома одним из руководителей «ПОВ» Муклевичем Р. А.

С момента своего назначения начальником морских сил РККФ в 1925 г. Муклевич начал энергично сколачивать анти-советские кадры для использования их в работе «ПОВ».

Муклевич привлек к вредительской работе своего заместителя зиновьевца Куркова П. И., входившего в антисоветскую организацию в морском флоте, и через него использовал эту группировку в интересах «ПОВ».

Вредительская работа Муклевича во флоте началась с тор-можения строительства торпедных катеров, сторожевых кораблей и первой серии подводных лодок. Проектирование этих судов Муклевич поручил Игнатьеву, возглавлявшему группу вредителей в научно-техническом комитете. Утвержденные Реввоенсоветом сроки проектирования и строительства этих судов самовольно нарушались и изменялись. Заложенные на стапелях суда по несколько раз расклепывались и перекладывались заново. Заказы на оборудование размещались несвоевременно и некомплектно.

Перейдя в 1934 г. на должность начальника Главморпрома, Муклевич и там сформировал вредительско-диверсионную организацию, не теряя одновременно контакта с антисоветской организацией в РККФ.

Во вредительскую организацию в системе морского судостроения Муклевич вовлек более 20 руководящих работников судостроительной промышленности из числа троцкистов, зиновьевцев и антисоветски настроенных специалистов. С их помощью Муклевич развернул широкую вредительскую и диверсионную деятельность в Главморпроме и на заводах судостроительной промышленности.

В результате этой деятельности задержаны строительство и сдача военведу ряда судов и подводных лодок. В частности, путем задержки производства дизелей сорвана сдача в текущем году подводных лодок для Дальнего Востока. В подлодке «Малютка» вредительски увеличен габарит, лишаящий возможности перевозить ее по железной дороге. Сорвано строительство серийных эсминцев. На лидерах-эсминцах корпус корабля сделан слишком легким, что мешает использованию кормовой артиллерии. На крейсерах зенитная артиллерия разме-

щена так, что не может быть одновременно введена в бой. Сорвана подготовка стапелей для закладки линкоров на Николаевских заводах.

По договоренности с антисоветской организацией в РККФ испытание уже готовых кораблей систематически тормозилось, и они не вводились в строй.

Наряду с широким вредительством Муклевич подготовлял и диверсионные акты.

Так, в частности, по указанию Муклевича члены организации в промышленности морского судостроения Стрельцов и Бродский должны были организовать вывод из строя больших стапелей Балтийского судостроительного завода. Эту диверсию намечено было осуществить либо путем устройства замыкания электрических проводов, которые в большом количестве имеются на окружающих стапелях лесах, либо путем организации взрыва. Однако осуществить эту диверсию Муклевичу не удалось.

Также готовился вывод из строя ряда крупных военных заводов в Ленинграде, в том числе часть агрегатов Кировского завода, помощник директора которого, Лео Марковский, также являлся членом «ПОВ».

Диверсионные группы на крупнейших авиационных (завод № 22, Пермский авиазавод и др.) и артиллерийских заводах (им. Молотова, «Баррикады», Тульский, киевский «Арсенал»), в химической промышленности были созданы Логановским, Будняком, Артамоновым, Баранским и др.

Крупнейшую базу для диверсионной сети в промышленности составляют перебежчики и эмигранты из Польши, осевшие преимущественно на Урале и в Сибири. Поскольку, однако, за последние годы велась чистка основных оборонных предприятий от этих категорий, польская разведка и «ПОВ» в целях создания особо законспирированной диверсионной сети вербовала различные непольские элементы, работающие в оборонной промышленности и не разоблаченные до сих пор.

Диверсионная работа польской разведки на транспорте концентрировалась преимущественно на железных дорогах западного театра войны и Сибирской магистрали, главным образом на Уральском участке, с целью отрезать Дальний Восток от центральной части Союза. Однако вскрытие польских диверсионных групп на транспорте до сих пор совершенно не развернуто.

В ряде случаев, в целях проверки готовности созданной на военное время диверсионной сети, организация производила в ряде мест диверсионные акты.

Так, участник организации «ПОВ» в Днепропетровской области Вейхт, по директиве украинского центра «ПОВ», произвел диверсионный акт на Каменской электростанции, при котором станция была полностью уничтожена.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ

По директивам из Варшавы Уншлихт, Пестковский, Матовский, Домбаль, Висляк, Матушевский и другие, вместе с троцкистами, вели подготовку центральных террористических актов.

Так, например, Матушевский создал в аппарате московской милиции группу «ПОВ», вовлек в нее вместе с Шипровским (быв. секретарь парткома милиции) большое количество работников милиции (в том числе и не поляков), проводивших свою подрывную деятельность на различных участках милицейской службы (наружная служба, связь, охрана метро, комвуз милиции).

По директивам Домбаля Матушевский и Шипровский готовили центральные террористические акты, используя нахождение участников группы на охране объектов, посещаемых членами правительства.

Завербованный Сосновским в Саратове польский агент Касперский (редактор областной газеты «Коммунист») входил в состав троцкистской организации, был связан с саратовским краевым троцкистским центром и, наряду с участием в его диверсионно-вредительской работе (диверсионная группа на заводе комбайнов, свинцовых аккумуляторов, заводе-195 и др.), включился в подготовку центральных террористических актов.

В деловом контакте с краевым троцкистским центром находились также Сосновский и Пилляр, сам участвовавший в подготовке террористических актов.

Саратовская группа «ПОВ», через того же Касперского, находилась в связи с антисоветской организацией правых в Саратове.

Ликвидируемый сейчас филиал «ПОВ» в Днепропетровской области вел подготовку центральных терактов совместно с троцкистско-эсеровской организацией в Днепродзержинске, с которой контактировал также свою диверсионно-вредительскую работу.

Наряду с террористической работой в настоящее время московский центр «ПОВ» имел директиву подготовить ряд боевых групп для совершения центральных террористических актов в момент военного нападения на СССР.

Работу по созданию таких групп вел член московского центра «ПОВ» Пестковский.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ И КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

После окончания советско-польской войны основной кадр организации возвращается в Москву и, используя пребывание Уншлихта на должностях зампреда ВЧК—ОГПУ, а затем зампреда РВС, разворачивает работу по захвату под свое влияние решающих участков деятельности ВЧК—ОГПУ (Пилляр — нач. КРО ВЧК, Сосновский и его группа в КРО ВЧК, Ольский — пред. ГПУ Белоруссии, Ихновский — нач. ЭКУ ОГПУ, Медведь — председатель МЧК, позднее сменил Мессинга на посту ПП ОГПУ в ЛВО, Логановский, Баранский и ряд других в системе ИНО ВЧК—ОГПУ—НКВД) и Разведупра РККА (Бортновский и др.).

Работа организации в системе ВЧК—ОГПУ—НКВД и Разведупре РККА в течение всех лет направлялась, в основном, по следующим линиям:

1. Полная парализация нашей контрразведывательной работы против Польши, обеспечение безнаказанной успешной работы польской разведки в СССР, облегчение проникновения и легализации польской агентуры на территорию СССР и различных участках народнохозяйственной жизни страны.

Пилляр, Ольский, Сосновский и другие в Москве, Белоруссии, Мессинг, Медведь, Янишевский, Сендзиковский и другие в Ленинграде — систематически срывали мероприятия наших органов против польской разведки, сохраняли от разгрома местные организации «ПОВ», предупреждая группы и отдельных членов «ПОВ» об имеющихся материалах, готовящихся операциях, консервировали и уничтожали посылавшие от честных агентов сведения о деятельности «ПОВ», заполняли агентурно-осведомительную сеть двойниками, работавшими на поляков, не допускали арестов, прекращали дела.

2. Захват и парализация всей разведывательной работы НКВД и Разведупра РККА против Польши, широкое и пла-

номерное дезинформирование нас и использование нашего разведывательного аппарата за границей для снабжения польской разведки нужными ей сведениями о других странах и для антисоветских действий на международной арене.

Так, член «ПОВ» Сташевский, назначенный Уншлихтом на закордонную работу, использовал свое пребывание в Берлине в 1932 г. для поддержки Брандлера в целях срыва и разгрома пролетарского восстания в Германии, действуя при этом по прямым директивам Уншлихта.

Член «ПОВ» Жябковский, направленный Бронковским на закордонную работу Разведупра РККА, вел провокационную работу в целях осложнения взаимоотношений СССР с Англией.

По директивам Уншлихта члены организации Логановский и Баранский использовали свое пребывание по линии ИНО в Варшаве в период отстранения Пилсудского от власти для создания под прикрытием ОГПУ диверсионных пилсудчиковских организаций, действовавших против тогдашнего правительства эндеков в Польше, и готовили от имени резидентуры ИНО провокационное покушение на французского маршала Фоша во время его приезда в Польшу в целях срыва установления нормальных дипломатических отношений между Францией и СССР.

3. Использование положения членов «ПОВ» в ВЧК—ОГПУ—НКВД для глубокой антисоветской работы и вербовки шпионов.

Эмиссар Пилсудского и резидент 2-го отдела ПГШ И. Соновский широко использовал свое положение в органах для установления контакта с различными, преимущественно националистическими, антисоветскими элементами и возглавил их подрывную деятельность в Закавказье, Средней Азии и других местах.

Однако едва ли не самый большой вред нанесла нам теория и практика пассивности в контрразведывательной работе, упорно и систематически проводившаяся польскими шпионами, проникшими в ВЧК—ОГПУ—НКВД.

Пользуясь захватом в свои руки руководящих постов в нашем контрразведывательном аппарате, польские шпионы сводили всю его работу к узко оборонительным мероприятиям на нашей территории, не допускали работы по проникновению нашей контрразведывательной агентуры в центры иностранных разведок и других активно наступательных контрразведывательных действий.

Срывая и не допуская основного метода контрразведывательной работы, заключающегося в перенесении нашей борьбы против иностранных разведок на их собственные территории, польские шпионы в наших органах достигли такого положения, при котором советская контрразведка из органа, которому пролетарским государством поручена борьба против иностранных разведок и их деятельности в целом, была на ряд прошедших лет превращена в беспомощный аппарат, гонящийся за отдельными мелкими шпионами.

В тех же случаях, когда попытки контрразведывательного выхода за кордон делались, они использовались польской разведкой либо для внедрения своей крупной агентуры в СССР (дело Савинкова), либо для установления контакта с деятельностью антисоветских элементов и их активизации (дело Москвича-Боярова, проф. Исиченко и др.).

ПРОВОКАТОРСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В КОМПАРТИИ ПОЛЬШИ

Проникновение крупной польской агентуры в Компартию Польши, польскую секцию ИККИ и в аппарат Коминтерна предопределилось тем обстоятельством, что при образовании в конце 1913 г. Компартии Польши в ее руководство автоматически вошел ряд крупных членов «ПОВ», ранее состоявших в ППС-левице и польской социал-демократии, объединившихся при образовании Компартии.

Независимо от этого, руководящая головка «ПОВ» на протяжении всех последующих лет систематически внедряла свою агентуру в ряды Компартии посредством различных провокационных мероприятий, одновременно вербовала новую агентуру из числа националистически настроенной интеллигенции, примкнувшей к коммунистическому движению, продвигала эту агентуру в руководящие органы партии, в целях ее разложения и использования в своих интересах, и широко использовала политэмиграцию и обмен политзаключенными для массового внедрения своей агентуры в СССР.

Примером крупнейшей политической провокации пилсудчины является созданная «ПОВ» в 1919 г. так называемая оппозиция ППС, руководство которой, во главе с Жарским, Лянде-Витковским, Витольдом Штурм де Штремом, состояло из крупнейших провокаторов-псевдов. Имея первоначально своей задачей не допустить отход революционизирующихся элементов от ППС к Компартии, «оппозиция», не

будучи в состоянии удержать под своим влиянием рабочие массы, отколовшиеся от ППС в 1920 г., влилась вместе с ними в Компартию Польши и захватила там ряд руководящих постов.

Другим, наиболее крупным актом широкой политической провокации уже внутри Компартии Польши со стороны пилсудчиков, проникших в ее руководство, является использование влияния Компартии в массах во время майского переворота Пилсудского в 1926 г., когда эти провокаторы выдвинули и осуществили политику поддержки Компартией пилсудковского переворота.

Предвидя, что та часть членов «ПОВ», проникших в руководство Компартии Польши и прямо работавших над использованием Компартии для содействия пилсудчиковскому перевороту (Барский, Костржева, Краевский, Лянде-Витковский), будет этим скомпрометирована и отстранена от руководства, «ПОВ» держала в резерве другую группу членов «ПОВ» (во главе с Лещинским), которая внешне находилась в стороне от содействия перевороту 1926 г. и предназначалась для захвата руководства КПП после провала группы Барского.

После майского переворота, в целях отвлечения рабочих масс от противодействия установлению Пилсудским нового фашистского режима и для ослабления и разложения Компартии изнутри, «ПОВ» разработала и провела план широкой фракционной борьбы между группой Лещинского (т. н. меньшинство в КПП) и группой Барского — Костржевы (т. н. большинство). Обеим группам «ПОВ» удалось втянуть в фракционную борьбу партийные массы и надолго парализовать работу партии.

В итоге руководство партией удалось захватить группе «ПОВ», возглавляемой членом московского центра «ПОВ» Лещинским, сосредоточившим свою работу над дальнейшим разложением партии и торможением революционного движения в Польше.

В последние годы все усилия варшавского и московского центра «ПОВ» в отношении их работы внутри Компартии Польши были направлены к срыву единого и народного фронта в Польше и, главным образом, к подготовке использования Компартии для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР.

В этом направлении Уншлихтом и Лещинским велась специальная работа по использованию партийных каналов для службы связи польской разведки во время войны, и был раз-

работан план ряда политических провокационных мероприятий (предъявление ультиматумов Коминтерну и ВКП(б) от имени Компартии Польши о неприкосновенности «польской независимости», выпуск антисоветских воззваний к рабочему классу Польши, раскол партии и т. д.).

Начиная с 1920 г., и особенно широко после майского переворота, «ПОВ» использует каналы Компартии и польской секции Коминтерна, в которую проникли такие крупные члены «ПОВ», как Сохацкий-Братковский, Лешинский, Прухняк, Бертинский, Бронковский и ряд других, — для систематической широкой переброски в СССР диверсионно-шпионской агентуры различного масштаба под видом политэмигрантов и политзаключенных. Так, под видом политзаключенных в СССР были переброшены польские шпионы Пиляр, Будзинский, Науискайтис, Высоцкий, Домбаль, Белевский; в качестве политэмигрантов — Висляк, Генрих Ляуэр (руководил сектором металлургии Госплана СССР), Здзярский, Генриховский, Бжозовский и многие десятки и сотни других шпионов, проникших на самые различные участки государственного аппарата, промышленности, транспорта и сельского хозяйства СССР.

Не только одна Компартия Польши использовалась как прикрытие для шпионов и диверсантов. Агентура польской разведки перебрасывалась в СССР также и под прикрытием принадлежности к Компартиям Западной Белоруссии, Западной Украины и других революционных организаций, в самое возникновение которых польская разведка включалась в провокационных целях.

Так, например, существовавшая в свое время т. н. Белорусская громада — массовая крестьянская организация в Западной Белоруссии — была активно использована польской разведкой и фашистской организацией белорусских националистов, существующей в Вильно, для разгрома крестьянского движения в Западной Белоруссии и переброски своей агентуры в СССР.

Такая же массовая организация, как независимая крестьянская партия (незалежна партия хлопска), в коренной Польше была создана крупнейшим провокатором — офицером 2-го отдела ПГШ Воевудским специально для перехвата движения революционизирующегося польского крестьянства и также использования для переброски агентуры в СССР под видом «крестьянских» деятелей, спасающихся от полицейского преследования.

Все материалы следствия по настоящему делу с исчерпывающей несомненностью доказывают, что подавляющее, абсолютное большинство т. н. политэмигрантов из Польши являются либо участниками «ПОВ» (выходцы из коренной Польши, в том числе польские евреи), либо агентами 2-го отдела ПГШ или политической полиции (поляки, украинцы, белорусы и др.).

АНТИСОВЕТСКАЯ РАБОТА ПОЛЬСКОЙ РАЗВЕДКИ В БЕЛОРУССИИ И ДРУГИХ МЕСТНОСТЯХ СССР

Организация «ПОВ» в Белоруссии, возглавлявшаяся в последнее время членом московского центра «ПОВ» Бенekom, членами минского центра «ПОВ» Вонсовским, Клысом, кроме того, по многим каналам руководимая Пилляром, Со-сновским, Гельманом, Домбалем, установила органические связи с организацией белорусских национал-фашистов, троцкистским подпольем и антисоветской организацией правых, в результате чего в Белоруссии существовал единый антисоветский заговор во главе с Червяковым, Гололедом, Бенekom.

Объединенное подполье развернуло в Белоруссии широкую вредительскую и разрушительную работу, увязанную с военными планами польско-немецких генеральных штабов.

Подрывной работой объединенного подполья были поражены все отрасли народного хозяйства Белоруссии: транспорт, планирование, топливно-энергетическое хозяйство, строительство новых предприятий, все отрасли легкой промышленности, сельское хозяйство, строительство совхозов. На протяжении нескольких последних лет объединенное подполье, путем искусственного распространения инфекционных заболеваний (менингит, анемия, чума), провело большую работу по уничтожению поголовья свиней, конского поголовья в Белоруссии, в результате чего только за один 1936 г. было уничтожено по БССР свыше 30 тыс. лошадей.

В процессе своей работы по подготовке захвата БССР поляками объединенное подполье выдвинуло и попыталось осуществить вредительский проект осушения полесских болот, являющихся естественным препятствием против наступательных действий польской армии. В то же время Домбаль, проводивший разработку проектов «Большого Днепра» во

вредительском духе, включил в план работы прорытие в Белоруссии глубоководного канала, предназначенного для открытия доступа военным судам поляков на советскую территорию.

Одновременно с вредительской работой в сельском хозяйстве БССР объединенное подполье вело активную работу по подготовке повстанческих кадров и вооруженного антисоветского восстания, широко практикуя различные методы искусственного возбуждения недовольства населения против советской власти (планомерные «перегибы» при проведении различных хозяйственных кампаний на селе, переобложение, незаконные массовые конфискации за неуплату налогов и т. д.).

Осуществляя связь с Польшей по многим каналам (через московский центр «ПОВ», Минское польское консульство, виленский центр белорусских национал-фашистов со 2-м отделом ПГШ непосредственно), объединенное подполье вело в БССР всестороннюю шпионскую работу, имея ряд своих связей в частях Белорусского военного округа и контакт с военно-фашистской группой изменника Тухачевского, в лице участника этой группы Уборевича.

По прямому поручению Зиновьева троцкист Гессен организовал из участников объединенного подполья террористическую группу, которая готовила покушение против т. Ворошилова во время его пребывания в Минске осенью 1936 г.

Свою работу по ликвидации руководящей головки антисоветского объединенного подполья в Белоруссии НКВД БССР развернул на основе минимальных данных, полученных в начальной стадии следствия в Москве, и передопроса арестованных ранее белорусских национал-фашистов, показав этим умелое оперативное использование небольших исходных данных для разгрома организующих сил врага.

Совершенно неудовлетворительно шла до сих пор работа по ликвидации «ГЮВ» в ДВК, Сибири, Свердловской и Челябинской областях и на Украине. Имея в период 1933—1935 гг. исключительно большие возможности для вскрытия неовяцкого подполья (аресты группы Скарбека, Стасяка-Конечко-го), аппарат НКВД Украины не развернул тогда следствия до необходимого предела полного разоблачения деятельности «ПОВ» на Украине, чем и воспользовался сидевший тогда в Особом отделе центра шпион Сосновский для провокации провала вообще.

Рассылая при этом сборники протоколов допросов Уншлихта и друг. арестованных, предлагаю ознакомить с настоящим письмом всех начальников оперативных отделов ГУГБ и руководящих работников третьих отделов.

П. п. народный комиссар внутренних дел СССР
генеральный комиссар госуд. безопасности

Н. Ежов

Верно:

оперсекретарь ГУГБ НКВД СССР

комбриг *Ульмер*

(Архив Управления МВС Украины Харьковской области. Коллекция документов. Арх.
89 — 136. Машинопис. копия)

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

«ОБ АРЕСТАХ, ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ И ВЕДЕНИИ СЛЕДСТВИЯ»

от 17 ноября 1938 г.

Совершенно секретно

№ П4387

Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам окружных, городских и районных отделений НКВД.

Прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей, окружным, городским и районным прокурорам.

Секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б).

СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что за 1937—38 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР, и в особенности разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проделана большая работа также и по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, переброшенных в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и проч.

Очистка страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовывать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов.

Это тем более необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937—1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры. Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД.

Главнейшими недостатками, выявленными за последнее время в работе органов НКВД и Прокуратуры, являются следующие:

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительскую работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов.

Это привело к тому, что и без того слабая агентурная работа еще более отстала и, что хуже всего, многие наркомвну-

дельцы потеряли вкус к агентурным мероприятиям, играющим в чекистской работе исключительно важную роль.

Это, наконец, привело к тому, что при отсутствии надлежаще поставленной агентурной работы следствию, как правило, не удавалось полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть все их преступные связи.

Такая недооценка значения агентурной работы и недопустимо легкомысленное отношение к арестам тем более нетерпимы, что Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в своих постановлениях от 8 мая 1933 года, 17 июня 1935 года и, наконец, 3 марта 1937 года давали категорические указания о необходимости правильно организовать агентурную работу, ограничить аресты и улучшить следствие.

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следствие ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и проч.).

Часто арестованный не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах арестованных протоколы допроса не всегда ведутся. Нередко имеют место случаи, когда показания арестованного записываются следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время (декада, месяц и даже больше), составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование статьи 138 УПК о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения.

Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения и т. п.

Органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как пра-

вило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконяют эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры — как в центре, так и на местах — враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.

Все эти отмеченные в работе органов НКВД и Прокуратуры совершенно нетерпимые недостатки были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства и тем самым облегчить себе и своим сообщникам возможность продолжения своей антисоветской, подрывной деятельности.

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры — СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

Выселение из погранполосы допускается в каждом отдельном случае с разрешения СНК СССР и ЦК ВКП(б) по специальному представлению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских Управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР.

3. При арестах органам НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года;

б) при истребовании от прокуроров санкций на арест — органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все, обосновывающие необходимость ареста, материалы;

в) органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверять обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов;

г) органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест, наряду с работниками НКВД, несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования Уголовно-процессуальных кодексов.

В частности:

а) заканчивать расследование в сроки, установленные законом;

б) производить допросы арестованных не позже 24-х часов после их ареста; после каждого допроса составлять немедленно протокол в соответствии с требованием статьи 138 УПК с точным указанием времени начала и окончания допроса.

Прокурор при ознакомлении с протоколом допроса обязан на протоколе делать надписи об ознакомлении с обозначением часа, дня, месяца и года;

в) документы, переписку и другие предметы, отбираемые при обыске, опечатывать немедленно на месте обыска, согласно ст. 184 УПК, составляя подробную опись всего опечатанного.

5. Обязать органы Прокуратуры в точности соблюдать требования Уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД.

В соответствии с этим обязать прокуроров систематически проверять выполнение следственными органами всех установленных законом правил ведения следствия и немедленно устранять нарушения этих правил; принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т. п.

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы Прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие — признать необходимым:

а) установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждаются ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и Прокурора Союза ССР;

б) обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в 2-месячный срок проверить и представить на утверждение в ЦК ВКП(б) кандидатуры всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД;

в) обязать Прокурора Союза ССР тов. Вышинского выделить из состава работников центрального аппарата политически проверенных квалифицированных прокуроров для осуществления надзора за следствием, проводимым центральным аппаратом НКВД СССР, и в двухдекадный срок представить их на утверждение ЦК ВКП(б).

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в приказе от 23 октября 1938 г. В частности, одобрить решение НКВД об организации в оперативных отделах специальных следственных частей.

Придавая особое значение правильной организации следственной работы органов НКВД, обязать НКВД СССР обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных политически и зарекомендовавших себя на работе квалифицированных членов партии.

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу Народного Комиссара Внутренних Дел СССР.

8. Обязать НКВД СССР и Прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления.

* * *

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД и Прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и Прокуратуры и на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив Партии и Правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР
В. Молотов
Секретарь Центрального Комитета ВКП(б)
И. Сталин

(РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, л. 1003, л. 85—86. Типографский экземпляр)

* * *

В своем выступлении на февральско-мартовском 1937 года Пленуме ЦК ВКП(б) нарком внутренних дел СССР Н. И. Ежов заявил, что его ведомство располагает «огромным количеством политически проверенных, преданных советской власти людей и квалифицированных людей. В целом аппарат и люди, которые там имеются... представляют огромную ценность...»¹.

РЕПРЕССИИ В ОРГАНАХ НКВД В СЕРЕДИНЕ 30-х ГОДОВ

Через три года, представ перед Военной коллегией Верховного суда, подсудимый Ежов признал: «Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил...»² По предпринятым нами подсчетам только в высшем руководящем составе НКВД, получившем спецзвания в 1935 году (комиссары госбезопасности 1, 2, 3 ранга и старшие майоры ГБ), за 1936—1938 гг. было репрессировано из 7 комиссаров высшего ранга — все семеро; из 13 комиссаров 2 ранга — репрессировано 10 и 1 умер; из 20 ко-

миссаров 3 ранга — 15 репрессировано, трое покончили жизнь самоубийством и один бежал за границу; из 49 старших майоров — 39 репрессировано и один покончил жизнь самоубийством.

Таким образом, около 80% высшего состава НКВД были уничтожены или погибли в период «ежовщины».

Сам ход и характер репрессий внутри НКВД был обусловлен существованием в его структуре «неформальных групп» чекистов, связанных внутренними кланово-клиентальными отношениями и борьбой между ними за главенство и власть, развернувшейся на общем фоне массовых политических репрессий в стране.

Приступив к чистке аппарата НКВД, Ежов черпал верные ему профессиональные кадры из рядов «региональной чекистской элиты», находившейся в определенном противостоянии центральному аппарату ОГПУ—НКВД и кровно заинтересованной в отстранении от власти прежнего руководства. Об этом на суде заявил и сам Ежов: «Кругом меня были враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов. Не чистил их только лишь в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными...»³

Анализ документов центральных и местных архивов ФСБ, МВД, ФПС России подтверждает существование таких «неформальных» чекистских групп, сложившихся в конце 20 — начале 30-х гг. в периферийных (республиканских, краевых) органах ОГПУ—НКВД⁴. Самой многочисленной и сплоченной из них была т. н. «северокавказская группа» Е. Г. Евдокимова — М. П. Фриновского⁵. Ее ядро обозначилось в 1919—1920 годах в среде ближайших сотрудников Евдокимова в Особом отделе Московской ЧК и Особых отделах Южного и Юго-Западного фронтов — М. П. Фриновского, Л. М. Заковского, Э. Я. Грундмана, Ф. Т. Фомина. В бытность Евдокимова полпредом ГПУ по Правобережной Украине, «ядро» пополнилось за счет местных чекистов — Н. Г. Николаева-Журида, В. М. Курского, Я. М. Вейнштока, М. С. Алехина, А. М. Минаева-Цикановского, А. Г. Абуляна.

«Северокавказская группа» окончательно сформировалась в 1923—1933 гг. в период работы Евдокимова полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому округу. Здесь в состав «группы» были рекрутированы вошедшие в «орбиту влияния» Евдокимова И. Я. Дагин, П. Г. Рудь, Я. А. Дейч, С. Н. Миронов-Король, И. П. Попащенко, А. И. Михельсон, М. А. Листенгурт, Р. А. Листенгурт, В. В. Хворостян,

К. А. Павлов, И. Я. Лаврушин, Г. Ф. Горбач, П. Ф. Булах и другие.

В 1929 году после фальсификации Евдокимовым «шахтинского дела» Сталин ввел его в руководство ОГПУ Союза в качестве «противовеса» Ягоде и Менжинскому. Лишь в 1931 году тем удалось удалить Евдокимова в Среднюю Азию, а затем обратно на Северный Кавказ.

В 1934 г. Евдокимов перешел на партийную работу — секретарем Северо-Кавказского (Орджоникидзевского) крайкома, а на XVII съезде партии был избран членом ЦК ВКП(б). Негласное «лидерство» в «северо-кавказской группе» чекистов перешло к его ближайшему соратнику — М. П. Фриновскому, ставшему к тому времени начальником Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД Союза.

Столь же многочисленной была «украинская группа» чекистов, оформившаяся в период 1923—1933 годов в аппарате ГПУ—НКВД Украины вокруг председателя ГПУ УССР и полпреда ОГПУ по Украине (затем наркома НКВД УССР) В. А. Балицкого⁶.

В нее вошли такие видные украинские чекисты, как К. М. Карлсон, С. С. Мазо, И. М. Блат, М. К. Александровский, Б. В. Козельский, Я. В. Письменный, Г. С. Люшков, А. Б. Розанов, В. М. Горожанин и другие.

В 1931 году, после судебного процесса по «делу» «Союза визволения Украины», Балицкий был назначен третьим зампредом ОГПУ Союза, и часть его украинских чекистов попала на работу в центральный аппарат ОГПУ. В 1933 году Ягоде удалось вытеснить Балицкого и его людей обратно на Украину, после чего в «группе» произошел раскол между Балицким и его заместителем Леплевским. «Ренегат» Леплевский и его личные приверженцы (Д. И. Джирин, Э. А. Инсаров-Поляк, В. П. Карелин, З. М. Ушаков-Кшимирский) были удалены из органов ГПУ Украины⁷.

На XVII съезде ВКП(б) Балицкий, пользовавшийся поддержкой 2-го секретаря ЦК КП(б)У П. П. Постышева, был избран членом ЦК ВКП(б).

Во главе так называемой «сибирско-белорусской» (или «ленинградской») «группы» чекистов стоял Л. М. Заковский (Г. Э. Штубис)⁸. Он начинал свою служебную карьеру вместе с Евдокимовым в Москве и на Правобережной Украине, но вместо Северного Кавказа в 1926 году был направлен полпредом ОГПУ по Сибирскому краю. С 1923 года был председателем ГПУ Белоруссии, а в декабре 1934 года стал началь-

ником УНКВД по Ленинградской области. Среди наиболее заметных фигур его аппарата, сформировавшегося в Сибири и Белоруссии, были А. К. Залпегер, Г. А. Лупекин, М. А. Волков-Вайнер, В. Н. Гарин, К. Я. Тенисон, Н. Е. Шапиро-Дайховский. За годы работы Заковского в Ленинграде в круг его доверенных работников-чекистов вошли С. Г. Жупахин, В. Ф. Рогов, П. А. Коркин, П. В. Карамышев, Я. Е. Перельмутр, С. Ф. Монаков, К. Е. Денисов и другие.

«Московская группа» чекистов сложилась относительно поздно, в 1933—1936 годах в руководимом С. Ф. Реденсом УНКВД по Московской области⁹. Начав свою службу в ВЧК личным секретарем Ф. Э. Дзержинского, Реденс в 1924—1928 годах (когда Ягода вел «дележ власти» в ОГПУ) служил в ВСНХ в аппарате Наркомата РКИ. Назначенный полпредом ОГПУ по Закавказью, в 1931 году он был там чужаком, и вскоре его вытеснил кавказец Л. П. Берия.

Несмотря на поддержку, оказанную первым секретарем ЦК КП(б)У С. В. Коссиором, работа Реденса на Украине в 1931—1933 годах не принесла ему особых успехов. Весь чекистский аппарат Украины был уже «ангажирован» Белецким и «ориентировался» только на него. Только став в 1933 году полпредом ОГПУ (с 1934-го — начальником УНКВД) по Московской области, Реденс наконец получил возможность подбора людей в «свой» аппарат. Кроме наиболее близких (знакомых по работе в ГПУ Крыма сотрудников — А. П. Радзивиловского, А. С. Журбенко, А. А. Арнольдова-Кесельмана), в Москве Реденс выдвигает на ответственную работу молодых чекистов: А. И. Успенского, А. А. Наседкина, П. Ш. Симановского, В. Я. Зазулина, Н. С. Зайцева, В. И. Юревича и других.

Осенью 1936 года первым шагом нового наркома Ежова стало увеличение штата своих заместителей (помимо Я. С. Агранова) из числа начальников Главных управлений НКВД, не имевших отношения к собственно чекистскому главному — Главному управлению государственной безопасности (ГУГБ) и бывших «не в ладах» с прежним наркомом Ягодой, — М. Д. Бермана, М. П. Фриновского и Л. Н. Бельского.

На руководство неоперативными подразделениями НКВД были выдвинуты работники Ежова из аппарата КПК и Секретариата ЦК — С. Б. Жуковский (Административно-хозяйственное управление), М. И. Литвин (Отдел кадров), В. Е. Цесарский (особоуполномоченный при нарcome), И. И. Шапиро (Секретариат НКВД).

Уже первые назначения руководства оперативных отделов ГУГБ — Н. Г. Николаев-Журид (Оперод) и В. М. Курской (СПО) — знаменуют основную тенденцию кадровой политики Ежова — «упор» на чекистов-оперативников «северокавказской группы».

Тогда же Особый отдел возглавил «ренегат» «украинской группы» Балицкого И. М. Леплевский. Ему и его украинским чекистам (Ушаков-Ушмирский, Карелин, Агас) была доверена вся «техническая» сторона фабрикация дела «о военном-фашистском заговоре в РККА».

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) Ежов выступил с осуждением «порочных методов» руководства НКВД Ягодой и разоблачением «измены» в ГУГБ — связи чекиста Г. А. Молчанова с «троцкистами» и «группы польских шпионов» с И. И. Сосновским во главе¹⁰. Одновременно Ежов отметил «помощь» в борьбе с безобразиями в НКВД, оказанную ему чекистами С. Ф. Реденсом, А. Р. Строминым-Строевым и другими. Примечательно, что на Пленуме с особо яростными нападками на Ягоду выступили Евдокимов и Заковский, выражавшие объективное стремление чекистов своих «групп» в чистке НКВД от «людей Ягоды»¹¹.

В марте—апреле 1937 года вслед за Ягодой аресты коснулись в основном его личных сторонников (выдвигавшихся им в ОГПУ с 1924 г.) — П. П. Буланова, Г. Е. Прокофьева, М. Я. Гая, И. И. Островского и других. Решающую роль в выдвигании чекистов «северо-кавказской группы» в ликвидации «руководящего ядра антисоветского заговора в системе НКВД» сыграло назначение в апреле 1937 года первым заместителем Ежова и начальником ГУГБ М. П. Фриновского. С этого момента сеть арестов становится значительно шире. В апреле—мае 1937 года были арестованы оставшиеся работники центрального аппарата: К. В. Паукер, А. М. Щанин, Г. И. Бокий, Л. Г. Миронов, А. Х. Артузов, Г. И. Благоврахов.

Одновременно весной—летом 1937 года за «шпионаж» и «участие» в «Польской организации войсковой» были репрессированы чекисты-поляки и сотрудники подразделений, занимавшихся работой по Польше: начальник УНКВД по Саратовской области Р. А. Пилляр, чекисты С. В. Пузицкий, Ф. Д. Медведь, С. Г. Фирин-Пупко, Э. И. Сейкевич, Г. И. Бржозовский, Ю. И. Маковский, С. И. Чацкий, бывшие чекисты — С. А. Формайстер, И. И. Гродис, Я. К. Ольский-Куликовский, С. А. Мессинг.

По аналогичной «национально-политической линии», якобы «за участие в латышских фашистских организациях» и «шпионаже» были проведены аресты латышских чекистов — И. П. Зирниса (Иркутск), В. А. Стырне (Киев), Р. И. Аустрина (Киров), И. А. Залпетера, Г. П. Матсона.

Летом—осенью 1937 года были арестованы и подверглись репрессиям руководители органов НКВД республиканского и областного уровней: Х. Х. Мугдуси (Армения), Ю. Л. Зверев (Туркмения), Я. С. Агранов (Саратов), Т. Д. Дерибас и В. А. Балицкий (Дальний Восток), И. Ф. Решетов (Свердловск), А. Б. Розанов (Воронеж), В. Р. Домбровский (Калинин), Б. А. Бак (Архангельск), Н. М. Райский-Лехтман (Оренбург), И. М. Блат (Челябинск), П. Г. Рудь (Татария), К. И. Лордкипанидзе (Крым) и другие. Особо тяжелому погрому подверглись органы НКВД Украины. Назначенный сюда «ренегат» Леплевский, при поддержке первого секретаря ЦК КП(б)У Косиора, подверг поголовному истреблению партийные кадры Постышева и чекистов «группы Балицкого» (см. выше). Балицкий и его украинские чекисты были обвинены в создании «заговора в НКВД УССР», организационно примыкавшего к «заговору военных»¹².

Интересна расстановка кадров в возглавляемом М. П. Фриновским ГУГБ на декабрь 1937 года, когда все «шпионы и изменники-чекисты, в основном, были арестованы и уничтожены, а их «истребители» награждены и возвышены Ежовым. Четыре (неоперативных) из 12 отделов ГУГБ возглавили бывшие партаппаратчики Ежова — М. И. Литвин, В. Е. Цесарский, И. И. Шапиро и С. Б. Жуковский. Два отдела «получили» чекисты «группы Заковского» из Ленинграда — М. А. Волков-Вайнер и А. К. Залпетер, а комендантом Московского Кремля стал Рогов. Еще четыре отдела сменили руководителей на чекистов из «северокавказской группы» — И. Я. Дагина, А. М. Минаева-Цикановского, Н. Г. Николаева-Журида и Я. М. Вейнштока. Во главе территориальных органов НКВД встали чекисты, не входившие ни в одну из доминирующих групп, но отмеченные лично Ежовым: Б. Д. Берман (Белоруссия), Д. З. Апресян (Узбекистан), Г. С. Люшков (Дальний Восток), Д. М. Дмитриев (Свердловск), А. Р. Стромин-Строев (Саратов).

Кроме Ленинграда (Л. М. Заковский), члены его «группы» взяли под свой контроль часть местных органов НКВД: П. А. Коркин (Воронеж), С. Г. Жупахин (Вологда), Г. А. Лупекин (Иркутск), К. Я. Тенисон (Карелия).

Члены «московской группы» С. Ф. Реденса также возглавили ряд органов НКВД на местах: А. П. Радзивилловский (Иваново), А. И. Успенский (Оренбург), А. А. Наседкин (Смоленск), П. Ш. Симановский (Курск), С. И. Лебедев (Тула) и т. д.

«Львиную долю» подобных назначений получили чекисты «группы» Евдокимова — Фриновского: В. В. Хворостян (Армения), И. Я. Лаврушин (Горький), Я. А. Дейч (Ростов-на-Дону), А. И. Михельсон (Крым), М. Г. Раев-Каминский (Сталинград), Г. Ф. Горбач (Новосибирск) и т. д., всего более 15 областных и краевых управлений.

К концу 1937 г. убыль репрессированных чекистов была столь велика, что Фриновский был вынужден латать «кадровые дыры» за счет своих чекистов-пограничников: Н. Н. Федоров (Одесса), С. Я. Вершинин (Рязань), И. П. Лоцманов (Киргизия), В. А. Ткачев (Бурято-Монголия) и т. д.

В январе 1938 года по окончании торжеств XX-летия ВЧК—НКВД на Ежова было оказано давление сверху с целью ослабить волну массового террора. По докладу Маленкова 14 января на Пленуме ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...», создавшее хоть какое-то ограничение террору. В этих условиях Ежову пришлось пожертвовать наиболее одиозными фигурами из местных «перегибщиков»-чекистов.

В январе наркома Лепелевского отозвали с Украины и назначили начальником второстепенного отдела ГУГБ, а Реденс был удален из Москвы в «почетную ссылку» наркомом НКВД Казахстана. Кроме того, были арестованы два крупных чекиста — и, что знаменательно, оба на Северном Кавказе: начальники УНКВД по Орджоникидзевскому краю и Ростовской области — П. Ф. Булах и Я. А. Дейч. Арест последнего, по-видимому, имел своим последствием смещение первого секретаря Ростовского обкома А. Г. Евдокимова, переведенного в мае на хозяйственную работу.

В апреле 1938 г. в Москве Леплевский был арестован как участник «антисоветской правотроцкистской организации» и руководитель (второго!) «заговора в НКВД Украины». В Москве и Киеве как «соучастники» были схвачены его ближайшие сотрудники — Блюман, Герзон, Карелин, Джирин и Инсаров¹³. Тогда же заместитель Ежова и новый начальник Московского УНКВД Заковский и его чекисты (Залпетер, Гарин, Тенисон) неожиданно были сняты с оперативной рабо-

ты и направлены на руководство строительством в ГУЛАГе, где вскоре были арестованы.

С момента апрельского назначения Ежова наркомом водного транспорта начинается скрытый «размыв» чекистского аппарата образца 1937 г. путем номенклатурного кадрового пасьянса. Так, с работы в НКВД снимаются и направляются в Наркомвод его проверенные чекистские кадры: Я. М. Вейншток, А. И. Михелсон, Р. А. Листенгурт. В мае 1938 г. там оказался и опальный Е. Г. Евдокимов. На работу в НКПС переводятся чекисты Л. Н. Вольский и М. А. Волков-Вайнер, в Наркомтяжпром — А. М. Минаев-Цикановский, в Наркоминдел — С. Н. Миронов-Король.

В мае 1938 г. разразился крупный скандал в связи с самоубийством нового начальника УНКВД по Московской области, «протее» Л. Н. Бельского — В. А. Каруцкого¹⁴. Само столичное управление в это время существовало в атмосфере неуверенности и «чехарды» руководства: за 1938 г. в нем сменилось шесть начальников. Опытный функционер Ежов чувствует, что утрачивает контроль за людьми и аппаратом. В июне 1938 года он затевает реорганизацию структуры НКВД, законченную в сентябре уже Берия. В июне—сентябре 1938 года продолжались отдельные аресты чекистов из числа «перегибщиков» террора и скомпрометированных связями с ними. Так были арестованы Д. М. Дмитриев, А. П. Радзивилловский, Б. Д. Берман, З. М. Ушаков-Кшимирский.

13 июня 1938 года один из «перегибщиков» (в Москве могли припомнить еще его связи с Балицким и Молчановым), начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшков, получив вызов из Москвы, предпочел перейти советско-китайскую границу и сдаться японским оккупационным властям. «Уход» Люшкова за кордон стал сильным ударом по репутации «железного наркома»¹⁵.

В августе 1938 года первым заместителем Ежова был назначен Л. П. Берия. Такой заместитель в звании, единственного в Союзе, комиссара госбезопасности 1 ранга и с партийным статусом члена ЦК становился явным и скорым преемником Ежова. В сентябре Фриновский был уволен из НКВД и назначен наркомом Военно-Морского Флота. С его заменой Берия на посту начальника ГУТБ и приходом закавказских чекистов — Меркулова, Кобулова, Деканозова и других в ноябре 1938 года начинается «эпидемия» арестов оставшихся в центральном аппарате чекистов «северокавказской группы» и партийных выдвиженцев Ежова. Этому предшествовал

какой-то скандал (раздутый, по-видимому, уже самим Берия) в 1-м отделе (отделе охраны) ГУГБ, в центре которого оказался его начальник — И. Я. Дагин¹⁶.

Известную роль «бога из машины» в падении Ежова сыграл начальник УНКВД по Ивановской области В. П. Журавлев. Заявление последнего обсуждалось 19 ноября 1938 года на заседании Политбюро, после которого Ежов был вынужден подать в отставку. Работая в сентябре 1937 — феврале 1938 годов в Куйбышеве, Журавлев посылал «сигналы» в Москву на «опального» П. П. Постышева, назначенного секретарем Куйбышевского обкома. Его «сигналы» попадали к тогдашнему начальнику СПО ГУГБ М. И. Литвину и неизменно им «гасились».

Отсюда последовал вывод, что он, близко знавший Постышева по совместной работе на Дальнем Востоке и Украине, покрывал «врага народа»¹⁷. Вызванный на разбирательство в Москву, Литвин 12 ноября застрелился в своей квартире в Ленинграде. Добавим, что «своевременные» действия Журавлева были по достоинству оценены Берия: в декабре 1938 года он был назначен начальником УНКВД по Московской области.

В последовавшие ноябрьские аресты были арестованы А. М. Минаев-Цикановский, И. Я. Дагин, Н. Н. Федоров, С. Ф. Реденс, И. П. Попашенко, А. С. Журбенко, И. И. Шапирх, В. Е. Цесарский, С. Б. Жуковский и Е. Г. Евдокимов.

14 ноября нарком НКВД УССР А. И. Успенский, имитировав самоубийство, тайно бежал из Киева и оставался на нелегальном положении вплоть до своего задержания на станции Миасс в апреле 1939 года¹⁸.

Тем временем в Москве Берия начал следствие об очередном грандиозном «заговоре в системе НКВД», возглавляемом Ежовым, Фриновским и Евдокимовым. Главным их соучастником стали чекисты «северокавказской группы», «московской группы» Реденса и партийные выдвиженцы Ежова в НКВД.

Аресты в 1939 году М. П. Фриновского, Н. И. Ежова, Л. Н. Бельского, М. А. Волкова-Вайнера, Н. Г. Николаева-Журида и их назначенцев-чекистов на местах были уже «подчищенной» ставших ненужными «чернорабочих» массового террора 1936—1938 годов и знаком перехода к бериевской «либерализации».

Таким образом, на общем фоне массовых политических репрессий в 1936—1938 годы можно выделить следующую

хронологию репрессивных кампаний в самой системе НКВД СССР:

— ноябрь 1936 — апрель 1937 гг. — репрессии Ежова, направленные против чекистов центрального аппарата из личного окружения Ягоды;

— апрель—июнь 1937 г. — полная чистка Ежовым центрального аппарата НКВД от кадрового слоя чекистов Дзержинского—Ягоды;

— июнь—декабрь 1937 г. — репрессии Ежова в органах НКВД союзных и автономных республик, краев и областей; уничтожение чекистов «украинской группы» Балицкого;

— январь—апрель 1938 г. — ограниченные репрессии чекистов-ежовцев за «перегибы» террора на местах; ликвидация чекистов «ленинградской группы» Заковского и группировки Леплевского;

— апрель—сентябрь 1938 г. — репрессии «перегибщиков» террора на местах и связанных с ним работников центрального аппарата НКВД; скрытое ротационное «размывание» чекистских кадров Ежова;

— сентябрь—декабрь 1938 г. — репрессии Берия против ежовских чекистов «северокавказской», «московской» групп и партийных выдвиженцев в НКВД в центре и на местах;

— 1939 г. — окончание Берия чистки НКВД от кадров Ежова.

¹ Вопросы истории. 1994. № 10. С. 20.

² Московские новости. 1994. № 5. 30 января—6 февраля. С. 76.

³ Там же.

⁴ В работе по персоналиям использовались архивные служебные карточки Управления кадров ФСБ РФ, архивные личные дела и служебные карточки региональных управлений ФСБ и МВД РФ (Омск, Москва, Иркутск, С.-Петербург, Самара, Ростов-на-Дону, Хабаровск и т. д.); материалы, предоставленные КНБ Республики Казахстан, МВД Республики Узбекистан и службы безопасности Украины.

⁵ Архив УФСБ по Омской области. Архивное личное дело № 189733 на Евдокимова Е. Г. РЦХИДНИ. Регистрационный бланк М 1872034 образца 1936 г. на члена ВКП(б) Фриновского М. П.

⁶ Наше минуле. Киев, 1993. С. 42—43. Справка по архивно-следственному делу М 612517 по обвинению Балицкого В. А. Управление кадров ФСБ РФ. Архивная служебная карточка на Балицкого В. А.

⁷ Наше минуле. Киев, 1993. С. 53. Жалоба военному прокурору Киевского ВО от Гудзь Г. Г. от 26 января 1956 г.

⁸ Архив УФСБ по Омской области. Архивное личное дело М 305235 (8643) на Заковского Л. М.

⁹ Управление кадров ФСБ РФ. Архивная служебная карточка на Реденса С. Ф.

¹⁰ Вопросы истории. 1994. № 10. С. 25—27.

¹¹ Вопросы истории. 1994. № 12. С. 10—14. 1995. № 2. С. 3—8.

¹² Наше минуле Киев, 1993. С. 42—42. Справка по архивно-следственному делу К 612517 по обвинению Балицкого В. А.

¹³ Наше минуле. Киев, 1993. С. 55—59. Обзорная справка по архивно-следственному делу № 967454 по обвинению Леплевского И. М.

¹⁴ Архив УФСБ по Московской области. Архивная служебная карточка на Каруцкого В. А.

¹⁵ Управление кадров ФСБ РФ. Архивная служебная карточка на Люшкова Г. С.

¹⁶ Исторический архив. 1992. № 1. С. 61—63.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Центральный архив ФСБ РФ. Архивно-следственное дело № 14770 по обвинению Успенского А. И. Т. 1. С. 3—5.

* * *

ДОКЛАД РЕЙХСФЮРЕРУ СС И ШЕФУ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИЦИИ

Разлагающая деятельность Коммунистического Интернационала, проводившаяся вплоть до заключения германо-советского договора о ненападении 23 августа 1939 года по отношению к странам оси, в особенности против национал-социалистской Германии, широко известна.

Надежды на то, что после заключения пакта Советский Союз будет в соответствии со статьями договора проводить лояльную политику и прекратит подрывную работу против рейха, не оправдались. Напротив: идеологическое разложение, диверсии и террор, а также крайне интенсивное развитие деятельности военной, политической и экономической разведок по-прежнему оставались целями советских правителей.

Единственное, что изменилось, это методы, позволяющие русской разведке использовать более совершенные и утонченные формы для выполнения все новых задач.

1. СТРУКТУРА И ЦЕЛИ КОМИНТЕРНА

Коммунистический Интернационал (Коминтерн) является организацией, созданной Советской Россией, с местонахождением в Москве. О ее целях говорит параграф 1-й Устава Коминтерна: «Объединять коммунистические партии всех стран

в единую мировую партию, бороться за привлечение на свою сторону рабочего класса, а также за принципы коммунизма и диктатуры пролетариата». До сих пор членами Президиума Исполнительного комитета Коминтерна являются: Сталин, как первый секретарь Компартии Советского Союза, Молотов, немецкий эмигрант Пик, представляющий германскую секцию Коминтерна, вождь французских коммунистов Торез и известный болгарский террорист Димитров, председатель Президиума ИККИ, известный по Лейпцигскому процессу.

Для административного аппарата СССР Коминтерн является неофициальной инстанцией, которая может быть использована для любой подрывной деятельности в международном масштабе. Наряду со специальными разведывательными службами для выполнения таких специальных заданий за границей используется и Коминтерн, так что в борьбе с этими службами трудно отличить одну от другой.

Подрывная работа Коминтерна усилилась во время войны благодаря использованию больших материальных и людских ресурсов. По всей Европе распространялись воззвания и директивы отдельных национальных секций Коминтерна, преследовавших одну цель — призвать приверженцев коммунистической идеологии к напряженной и длительной подрывной работе против Германии, ведущей «империалистическую войну», причем не последнюю роль при этом играли намерения Советского Союза изменить в свою пользу обстановку, возникшую в результате пакта о ненападении.

2. НОВЫЕ МЕТОДЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПОДРЫВНОЙ РАБОТЫ

а. Против рейха.

В результате беспощадной борьбы с Коммунистической партией начиная с 1933 года, приведшей к ее уничтожению, как следствие бескомпромиссных позиций национал-социализма, за период до заключения пакта о ненападении все усилия Коминтерна, предпринимаемые из-за границы, а также деятельность находящихся под надзором полиции небольших остатков Компартии внутри страны, организованных в так называемые группы АМ и ББ (АМ — военная политика, ББ — промышленный шпионаж), были напрасными.

На усиление борьбы с его агентами Коминтерн начал методично рассылать директивы о ведении более утонченной подрывной работы. Руководствуясь примером «тройского коня»,

Коминтерн усилил свою деятельность после гражданской войны в Испании, представившей классические образцы такого рода деятельности. В результате пакта от 23 августа 1939 года эта деятельность утратила всякое пропагандистское звучание, на что Исполком Коминтерна предпринял новые, более энергичные шаги по возобновлению деятельности своего всеобъемлющего аппарата АМ и ББ. В то время как в оккупированных областях работа Коминтерна была облегчена тем, что там до сих пор имеются сильные разведывательные организации коммунистических партий, все его попытки вести подрывную деятельность против рейха никогда не давали ощутимых результатов.

В результате непрерывной слежки было установлено, что в европейских странах Коминтерн вновь создал сильную сеть своих агентов и расширил свои связи, поставив перед собой единственную цель — усилить подрывную и разведывательную деятельность против Германии.

Главный центр связи находится в Стокгольме, поддерживаемый шведской коммунистической партией. Это один из самых опасных центров деятельности Коминтерна. Представление о методах его работы дает материал, изложенный ниже.

Для работы против рейха в первую очередь использовались бывшие руководящие функционеры Германской компартии, длительное время обучавшиеся в Москве и других городах Европы. Впервые их забросили в рейх в 1939 году. Одному из самых ловких удалось установить связи со своими старыми товарищами по партии в Берлине и благодаря систематической работе вновь создать производственные ячейки КПГ на крупных берлинских предприятиях, выполняющих важные оборонные заказы. Целью этого предприятия было разложение персонала, подстрекательство их к диверсиям и саботажу, а также ведение промышленного шпионажа. С помощью умело оборудованных курьерских вагонов инструкторы Коминтерна переправляли в Берлин из Стокгольма и Копенгагена материал, инструкции и деньги. Ведущую роль в руководстве этой организацией, расширившейся угрожающим образом, играл депутат шведского парламента Линдерот, являющийся представителем европейского бюро Коминтерна в Стокгольме. В особенности он выполнял те поручения Исполкома Коминтерна, которые касались отдельных стран. Из Стокгольма Линдерот направлял деятельность уполномоченных Коминтерна в Копенгагене, оказывая им финансовую поддержку. Перебравшиеся в Германию функционеры КПГ, такие, как Артур Эм-

мерлих, род. 20 сентября 1907 г. в Нойервизе, Вилли Галль, род. 3 октября 1908 г. в Фалькенштейн/Фогтланде, Рудольф Халльмайер, род. 3 февраля 1908 г. в Плауэне, Генрих Шмее-ер, род. 20 марта 1906 г., для защиты от полиции безопасности (СД), под руководством эмиссаров Линдерота ознакомились с методами полицейской борьбы против шпионажа. Обучение проводил прекрасно известный нам Дмитрий Федосеевич Крылов, комиссар ГПУ, которое с 3 февраля 1941 года включено в объединенный народный комиссариат внутренних дел под наименованием «Народный комиссариат государственной безопасности».

Созданная вышеуказанными функционерами организация осуществляла свою деятельность, поддерживая связь с Москвой через Гамбург (где была оборудована надежная явка), Копенгаген и Стокгольм. Ее целью было получение данных о производстве новейших видов оружия в Германии.

Кроме этих задач, организация занималась также изготовлением листовок подрывного характера. Из последнего приказа Коминтерна, полученного в конце мая 1941 года Эмерлихом из Москвы, со всей очевидностью явствует, что в ближайшие два месяца было запланировано подготовить и перебросить большое количество новых инструкторов, назначенных в отдельные гау (области. — *Пер.*) рейха.

Поскольку одной слежки за деятельностью постоянно растущей организации стало недостаточно, чтобы предотвратить нанесение реального ущерба, в конце мая мы своевременно перешли к активным мерам и арестовали всех членов организации.

6. Против областей, занятых Германией.

Методы нелегальной работы, осуществляемой Коминтерном в областях, занятых Германией, аналогичны перечисленным выше.

Следует подчеркнуть следующее:

В протекторате.

Уже перед оккупацией бывшей Чехословакии Коммунистическая партия развернула оживленную деятельность, результаты которой сказались, однако, лишь после создания протектората, с переходом партии на нелегальное положение. За последние годы из этого района в Москву было направлено множество партийных функционеров для изучения теории и практики военного дела и диверсионной войны.

После учреждения протектората эти квалифицированные кадры были брошены на практическую работу. Они незамед-

лительно приступили к воссозданию и расширению нелегальных организаций Компартии Германии. Связь с Коминтерном, контроль и руководство партийной работой поддерживались и осуществлялись через генеральное консульство СССР в Праге. Связным советского генерального консульства был корреспондент ТАСС и пресс-референт советского консульства Курт Беер (еврей!). Он получал от дипломатического представительства русские газеты и коммунистический пропагандистский материал, который он в соответствии с указаниями передавал руководящим работникам КПГ. Кроме того, через него поступали огромные суммы для финансирования нелегальной партийной работы.

Кроме связи через советское консульство, в протекторате существовала еще и прямая радиосвязь агентов Коминтерна с Москвой. Работники партии, которым было поручено возглавлять эту тайную радиостанцию Коминтерна, также проходили подготовку в Москве в радиошколе. (Эта школа находится под контролем Коминтерна и охраняется частями Красной Армии.) Учебная программа этой школы осуществляется на самой широкой основе и носит условное наименование «Омс», то есть Организация международного соединения.

Радиостанция в Праге, действовавшая вплоть до самого недавнего времени, была оборудована мощными принимающими и передающими установками. По радио из Праги передавались сообщения об общем внутривнутриполитическом положении, о подготовке и проведении организованных партией операций, о заседаниях партийного руководства и принятых на них решениях, а также о состоянии, настроениях и деятельности партии, а также принимались приказы и директивы Исполкома Коминтерна из Москвы. Двусторонние радиопереговоры являются исчерпывающим доказательством непримиримости революционных идей Коминтерна, направленных на уничтожение национал-социализма в оккупированной части Франции.

Особое внимание Коминтерн уделяет также Французской коммунистической партии, тем более что, с точки зрения Ленина, Франция должна стать бастионом большевизма в Западной Европе. В условиях раскола и внутренней слабости Франции Коммунистический Интернационал, располагавший до войны многочисленными сторонниками в этой стране, надеется добиться успеха.

И здесь было досконально точно установлено, что коммунисты во Франции получают через дипломатические предста-

вительства Советского Союза всех рангов и видов деньги и пропагандистский материал.

И здесь пакт от 23 августа 1939 года не играл никакой роли, кроме разве той, что с этого дня активность французских коммунистов в их борьбе с Германией возросла. Самым убедительным и в то же время самым объективным доказательством этого является обнаруженный во время обыска в Париже акт «сюрте насъональ» (французской тайной полиции), касающийся французской ежедневной газеты «L'Ordre». Как явствует из аутентичных документов французской полиции, в санации, проводившейся в ноябре 1939 года, вместе с руководителем пресс-службы югославской миссии Вуцевичем и Жаком Эбштейном, любовником леди Стэнли, одной из сестер лорда Дерби, участвовал и чешский еврей Отто Кац, он же Карл Симон, состоящий на службе у Советов. В ноябре 1939 года советский посол в Париже Суриц вместе с бывшим министром испанского республиканского правительства Негрином, а в январе и феврале 1940 года вместе с секретарем посольства Бирюковым посетил главного редактора газеты «Buge» на его вилле в Сен-Клу. Во время этих встреч была достигнута договоренность, что небезызвестный Этевон в качестве официального уполномоченного советского посольства будет работать в редакции «L'Ordre». В конце марта финансовая поддержка, оказываемая в этих целях, составила 800 тыс. франков. Руководителям Французской компартии после ее роспуска был отдан приказ распространить среди своих приверженцев директиву с требованием читать газету «L'Ordre», как заслуживающую доверия и враждебную немцам.

В остальных оккупированных областях.

В Норвегии советская миссия в Осло также является средоточием подрывной пропаганды Коминтерна. Здесь удалось заставить сотрудников посольства с поличным на месте преступления.

В Голландии, Бельгии, бывшей Югославии установлено применение таких же методов подрывной работы против рейха.

Сжатые рамки этого краткого доклада не позволяют во всей полноте привести показания свидетелей и документы о подрывной и шпионской работе Коминтерна.

Остается подчеркнуть тот факт, что отношение Советского Союза к рейху и занятым им областям является неискренним и подрывная работа Коминтерна после 1940 года начала расширяться лихорадочными темпами.

ДИВЕРСИОННАЯ РАБОТА КОМИНТЕРНА

Еще за десятилетие до начала войны Коминтерн начал посылать проверенных коммунистов из всех своих секций в Советскую Россию, где они в специальных школах обучались ведению диверсионной работы и технике подрывного дела. Начиная с 1930 года в Москве вновь были открыты так называемые военно-политические курсы, деятельность которых не прекратилась по сей день. Поскольку Коминтерн, преследуя свои политические цели, постоянно должен был учитывать возможность военного столкновения, он в директивах конгрессов призывал своих приверженцев к совершению актов диверсий и террора, оправдывая эти преступления политической необходимостью.

Тот факт, что на территории рейха силами полиции безопасности (СД) обнаружено множество террористическо-диверсионных групп, созданных по приказу Коминтерна, является показательным для позиции, занимаемой Советским Союзом по отношению к рейху. Подготовка диверсионных актов против объектов, имеющих военное значение, мостов, взрывы важных участков железной дороги, разрушение и установка важных промышленных предприятий и установок являлись целью этих групп, состоявших целиком из коммунистов, не останавливавшихся при выполнении своих задач и перед убийствами. Кроме заданий, связанных с совершением диверсионных актов, члены групп получали и указания о совершении покушений на руководителей рейха.

Хотя можно было ожидать, что серия этих преступлений, совершенных или готовящихся Коминтерном, после подписания пакта о ненападении от 23 августа 1939 года прекратится, однако в результате широких расследований, проводившихся в особенности на оккупированных Германией территориях, были получены доказательства того, что Коминтерн не намерен прекратить свою преступную деятельность против рейха.

Наряду с группами, созданными англичанами и осуществлявшими диверсии на судах, целью которых являлось уничтожение германского флота еще в мирное время, существовала еще более разветвленная террористическая организация под эгидой Коминтерна, задача которой заключалась, главным образом, в уничтожении судов тех государств, которые являются членами антикоминтерновского блока.

По достоверным сведениям известно, что до конца 1940 года эта организация действовала, стремясь проникнуть с тер-

ритории Дании в рейх. Руководителем этой организации был немецкий эмигрант Эрнст Волльвебер, который в 1931 году был членом руководства РГО (Красной профсоюзной оппозиции), а в ноябре 1932 года был избран депутатом рейхстага от КПГ. Эмигрировав в Копенгаген, Волльвебер в 1933 году возглавил руководство ИСХ (Интернационал моряков и портовых рабочих. — *Лер.*), который, являясь международной профессиональной организацией моряков и портовых рабочих, выполняет по поручению Коминтерна диверсионные акты, главным образом, против немецкого торгового флота. Он несет основную ответственность за организацию и деятельность диверсионных групп, созданных по указанию Москвы в Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции и прибалтийских государствах. Волльвебер руководил также приобретением и перевозкой взрывчатых веществ, располагая, кроме того, денежными средствами, щедро предоставляемыми Коминтерном для финансирования организации и платы агентам. После вступления немецких войск в Осло в мае 1940 года Волльвебер бежал в Швецию, где он до сих пор находится в заключении в Стокгольме. Советское правительство обратилось к шведскому правительству с просьбой разрешить Волльвеберу выезд в Советский Союз, предоставив ему за успешную работу в интересах Коминтерна советское гражданство. В результате деятельности этих террористических групп, распространенных по всей Европе, были совершены диверсии против 16 немецких, 3 итальянских, 2 японских судов, два из которых были полностью уничтожены. Сначала диверсанты пытались поджигать суда, но впоследствии изменили тактику, так как пожар не уничтожал их полностью, и стали применять взрывчатку против кораблей, курсирующих в Балтийском и Северном морях. Наиболее крупные опорные пункты диверсантов находятся в портах Гамбурга, Бремена, Данцига, Роттердама, Амстердама, Копенгагена, Осло, Ревеля и Риги.

Коммунистические диверсионные группы, созданные в Голландии, Бельгии и Франции, находились под руководством голландского коммуниста Йозефа Римбертуса Схаапа, который возглавлял интерклуб в Роттердаме и поддерживал теснейшие связи с руководящими работниками всей организации. Ему непосредственно подчинялся бывший руководитель гамбургской организации Красной профсоюзной оппозиции Карл Баргштадт, ведавший технической стороной диверсионных актов. Взрывчатка, необходимая для совершения дивер-

сионных актов, добывалась из рудников на севере Скандинавии и поставлялась коммунистическим диверсионным группам в Голландии, Бельгии и Франции с помощью голландских моряков через норвежский порт Нарвик и шведский порт Лулеа. В Роттердаме удалось арестовать одного из виднейших перевозчиков взрывчатки, голландского коммуниста Виллема ван Вресвийка.

Как голландские, так и бельгийские группы располагали лабораториями, в которых они изготавливали зажигательные и взрывные бомбы. Эти группы произвели диверсии на итальянском пароходе «Боккаччо» и японском пароходе «Касиймару». Диверсии на немецких судах в портах Амстердама и Роттердама удалось своевременно предотвратить.

В ходе дальнейших поисков полиции безопасности (СД) удалось арестовать 24 коммуниста-террориста, среди которых находятся также руководитель голландской диверсионной группы Ахилл Бегвин и руководитель бельгийской диверсионной группы Альфонс Фистельс.

Самого Схаапа датская полиция сумела арестовать 1 августа 1940 года в Копенгагене, где он намеревался возобновить деятельность датской диверсионной организации.

Насколько упорно Коминтерн стремится нанести уничтожающие удары по германскому торговому флоту и в Балтийском море, видно из того факта, что с февраля по апрель 1941 года полиции безопасности (СД) вместе с датской полицией удалось арестовать руководящих работников Коммунистической партии Дании, которые оказывали активную поддержку деятельности коммунистических диверсионных групп. Среди арестованных были, в частности, член Исполнительного комитета Компартии Дании и генеральный секретарь Международного союза моряков и портовых рабочих Рихард Йенсен, редактор датской коммунистической газеты «Арбайтерблатт» в Копенгагене Тегер Тегенсен и член президиума Союза друзей Советского Союза в Дании полуеврей Отто Мельхиор.

Делом рук коммунистических диверсионных групп в Дании являются, в частности, диверсии на немецком пароходе «Саар» в порту Ревеля и на немецком пароходе «Фила» в Кенигсбергском порту, в результате которых на пароходе «Фила» в носовой части борта на уровне ватерлинии возникла пробоина. Химические дистанционные взрыватели были доставлены на борт корабля в Рижском порту.

Взрывчатка и бикфордовы шнуры, применявшиеся датской коммунистической организацией, были доставлены из

Швеции. Их перевез специальный курьер из магазина мужской одежды в Мальме, где они хранились, в Копенгаген.

Важнейшие сведения о деятельности Коминтерна против Германии получены также из показаний других коммунистических террористов в Дании. Например, особое значение Коминтерн придавал вербовке скандинавских моряков и привлечению их к подрывной работе, поскольку в Коминтерне считали, что в будущей войне одни лишь Скандинавские страны останутся нейтральными, в результате чего только граждане этих государств будут иметь возможность совершать террористические акты в германских портах и на немецких судах. Кроме того, Коминтерн усиленно настаивал на том, чтобы скандинавы уничтожали собственные грузы, поджигая или взрывая их, если это послужит интересам Советского Союза. Волльвебер сам отдал отдельным диверсионным группам в прибалтийских государствах и немецких портах Северного моря распоряжение завербовать на всех курсирующих в этом районе судах хотя бы одного надежного человека, который был бы наилучшим образом подготовлен к выполнению в будущем заданий Третьего Интернационала.

По его распоряжению была также совершена попытка организовать диверсионную группу в Данциге.

Руководящие работники Интернационала моряков и портовых рабочих, входившие в состав этих групп, среди которых был и уроженец Осло, норвежский гражданин Артур Самсинг, длительное время проживавший в Советском Союзе, были арестованы и дали подробные показания о террористических и диверсионных актах, совершенных ими против рейха по заданию Волльвебера. По поручению Коминтерна Волльвебер создал опорные пункты на островах Балтийского моря Даго и Эзеле. Завербованные на этих островах сотрудники должны были начать действовать только в том случае, если в ходе войны между Германией и Советским Союзом германские войска или военно-морской флот овладеют островами. В первую очередь планировалось совершать диверсии на базах подводных лодок, аэродромах и складах горючего.

Насколько энергичными были попытки большевиков вернуть свою деятельность на территории самого рейха, явствует из того факта, что с марта 1941 года полиции безопасности (СД) удалось установить в результате расследований в Силезии и генерал-губернаторстве (большей части бывшей Польши. — *Пер.*), что польские диверсионные и террористические организации возглавлялись в большинстве случаев коммуни-

стическими элементами. Здесь также организация совершенных за последнее время преступлений носит характерные черты, типичные для методов коммунистов, изложенных в «военных тезисах» 6-го и 7-го Конгрессов Коминтерна и разосланных всем секциям.

СОВЕТСКИЙ ШПИОНАЖ ПРОТИВ РЕЙХА (ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА)

1. Методы, применяемые ГПУ против переселенцев немецкой национальности.

Когда после подписания русско-германского пограничного договора от 29 сентября 1939 года Россия сумела воспользоваться плодами немецких побед над Польшей, присоединив значительные территории, она использовала установление границы сфер интересов Германии и России для того, чтобы превратить вновь возникшую сухопутную границу с великогерманским рейхом в ворота для бесчисленных шпионов, засылаемых на территорию своего партнера по пакту о ненападении.

Великодушие фюрера, позволившего вернуться на родину немцам, проживающим на русской территории, было самым подлым образом использовано в вышеуказанных целях.

Когда фольксдейчи, следуя зову фюрера, массами стали собираться в дорогу, пресловутое ГПУ — которое с 3 февраля 1941 года стало составной частью объединенного Народного комиссариата внутренних дел, получив название «Народный комиссариат государственной безопасности», — приступило к осуществлению своего плана, заключавшегося в том, чтобы привлечь многих из переселенцев, пользуясь самыми недозволенными средствами, к шпионской деятельности против страны, в которую они возвращались, движимые любовью к родине. Хотя ГПУ практически не добилось в этом успеха, так как большинство завербованных насильно, вернувшись в Германию, сразу же сообщали о полученных заданиях, тем не менее сам по себе этот факт остается позорным свидетельством методов ГПУ и советских правителей.

Переселенцев в Германию вызывали в ГПУ, часами допрашивали, угрожая не выпустить их за границу, если они не согласятся сотрудничать с ГПУ. Широко применялся также следующий метод — переселенцам заявляли, что с остающимися членами их семей будет поступлено самым строгим об-

разом, с ними будут обращаться как с заложниками, если переселенец не выполнит взятых на себя вынужденных обязательств или осмелится сообщить германским властям о своем задании. Им угрожали также, говоря, что длинная рука ГПУ достанет их и в Германии, угроза, которая оказывала на некоторых, слабых духом, переселенцев свое действие. Не только мужчин, но и женщин принуждали таким бесчеловечным образом давать обязательства. Ниже я хотел бы привести несколько примеров того, как обращались с сотнями немцев, возвращавшихся на родину.

а) При переселении бессарабских немцев была обнаружена некая Мария Бауманн из Черновиц, которая сообщила, что русская разведка хотела принудить ее вести разведывательную работу в Германии. Ее неоднократно вызывали в ГПУ, где всяческими способами пытались заставить работать на русскую разведку. Так как у нее пятеро детей, не имеющих достаточного обеспечения (она вдова), ей обещали высокое жалование, сказав, что могут платить ей 10 тыс. рублей и даже больше. Ее направили на шпионскую работу в Прагу. Она везла с собой документы, подтверждавшие, что она прошла специальную подготовку.

б) Элизабет Кройтель, муж которой имел в Черновицах лавку перевязочных материалов, также подверглась давлению ГПУ, куда она явилась для получения паспорта на выезд. Ей поручили вести разведывательную работу в Саксонии. Она также была снабжена материалами, освещавшими деятельность немецкой разведки и дававшими рекомендации по борьбе с ней.

Эти два примера можно было бы дополнить сотнями других, ибо установлено, что ГПУ, даже по осторожным оценкам, пыталось завербовать около 50 процентов всех переселенцев, заставляя их угрозами или посулами соглашаться на сотрудничество.

Но ГПУ не только пыталось сделать этих немцев, используя самые отвратительные методы, предателями своей родины, ему во многих случаях удалось даже ограбить этих людей, украсть у них удостоверения личности, деньги и ценные вещи. В шестнадцати случаях у нас имеются доказательства, что документы похищались с целью передачи их русским агентам. Еще в шести случаях существует сильное подозрение, что ГПУ убивало переселенцев, чтобы воспользоваться их документами для незаметной переброски их агентов в рейх.

2. Советские дипломатические представительства как центры экономического, политического и военного шпионажа против рейха с целью подготовки войны.

После заключения пакта о ненападении русская разведка расширила арсенал своих методов. Не отказываясь от своих обычных жестоких приемов, она стала все более широко использовать русские представительства, аккредитованные в рейхе — руководящая роль здесь принадлежит русскому посольству в Берлине — в разведывательных целях. Отзыв советского посла Шкварцева и назначение на этот пост Деканозова явились сигналом для всемерного усиления шпионской деятельности путем сбора политической, экономической и военной информации. Деканозов, доверенное лицо Сталина, в России руководил отделом информации НКВД (русский Наркомат внутренних дел), в который входит ГПУ на правах специального разведывательного управления. Его задача, сформулированная в Москве, заключалась в том, чтобы через постоянно расширяющуюся сеть доверенных лиц получить доступ к высшим инстанциям рейха и добывать в первую очередь информацию о военной мощи и оперативных планах рейха. Верным помощником Деканозова был сотрудник ГПУ, так называемый «советник посольства» Кобулов, развернувший интенсивную шпионскую деятельность, беззастенчиво пользуясь своей дипломатической неприкосновенностью. Русские шпионы в рейхе стремились к тому, чтобы наряду с чисто политической информацией получать сведения и о политических планах рейха, а также планировали создать по всей Германии сеть тайных радиостанций, которые передавали бы в Россию все важные сведения, зашифрованные сложным шифром. Таким образом, с 1940 года проводилась широкая подготовка к разведывательной работе, на которую были затрачены невообразимые суммы. (Немецкая контрразведка сумела вовремя принять необходимые меры.)

Зная, что русская разведка развернула особенно интенсивную деятельность в восточных германских областях — в первую очередь в генерал-губернаторстве и протекторате (бывших Польше и Чехии. — *Пер.*), — мы были вынуждены уделить повышенное внимание именно этим районам. Было установлено, что сотрудник русского генерального консульства в Праге Леонид Мохов является главой русской шпионской организации, созданной ГПУ в протекторате. Русской разведкой были завербованы бывшие военнослужащие чешского легиона, сражавшиеся во время войны между Германией и Польшей на

польской стороне и в большинстве случаев являвшиеся членами Коммунистической партии Чехословакии, которые после поражения Польши попали в плен к русским. В первую очередь их обучали радиodelу. Этих людей послали в протекторат, снабдив поддельными документами, где они действовали под руководством упомянутого сотрудника русского консульства Леонида Мохова. После вмешательства нашей полиции было арестовано более 60 русских агентов, а десяток подпольных радиопередатчиков конфискован. (Примечание: Эта шпионская организация действовала совершенно независимо от подпольных организаций, работающих в протекторате под руководством Коминтерна.)

В Берлине тем временем советник русского посольства и сотрудник ГПУ Кобулов также не бездействовал. Небезынтересно ознакомиться с высказыванием бывшего югославского дипломата, военного атташе в Берлине, полковника Ваухника, которого трудно заподозрить в симпатиях к немцам; он заявил, что помощник русского военного атташе в Берлине полковник Корняков занимается исключительно разведкой, тратя на это столько денег, сколько ему покажется необходимым. Целью руководства русских шпионов, в которое входил, кроме Кобулова, военный атташе Тупков со своим помощником Сконяковым, было создание в столице и во всех крупных городах великогерманского рейха сети подпольных радиостанций для передачи разведывательных сообщений.

Из всего обширного материала, освещающего деятельность этих господ и их сообщников, представляется возможным привести лишь два примера:

а) Булочник Витольд Пакулат из Мариамполя в Литве, бывший член немецкого культурбунда в Литве, у которого имелись родственники в рейхе — прежде всего в Берлине, — однажды был вызван в Ковно в ГПУ. Здесь ему стали угрожать, обещая отдать его под суд за шпионскую деятельность. Того, что он был членом культурбунда и несколько раз выезжал из Литвы в Германию, чтобы навестить своего брата, проживающего в Мемеле, ГПУ было достаточно, чтобы завести на него дело по обвинению в шпионаже. Запуганного человека пообещали освободить от наказания, если он согласится под видом переселенца пробраться в Берлин и там работать в соответствии с указаниями, получаемыми из России. Оставив жену и ребенка, которых ГПУ задержало как заложников, он отправился в Германию. Его запугивали, говоря, что у ГПУ длинные руки, способные достать и в Берлине, если он пойдет на

предательство. Несмотря на эту угрозу и на то, что его родственники находились во власти ГПУ, этот фольксдейч осознал свой долг и связался по прибытии в Германию с полицией безопасности (СД). Таким образом удалось повести с русскими двойную игру, которую они так и не разгадали, благодаря чему все их планы были спутаны и их деятельность с самого начала находилась под нашим контролем. В Берлине Пакулат получал указания и приказы от связника ГПУ, сотрудника русского посольства. Ему приказали снять в Берлине квартиру, в которой ГПУ оборудовало крупную подпольную радиостанцию. Затем ему велели приобрести небольшую гостиницу с пивной, чтобы использовать эти помещения для проезжающих русских курьеров и агентов. Ему приказали также завязать знакомства с рабочими оборонной промышленности, чтобы добывать разведывательные данные. Русская разведка вела свою работу, учитывая предстоящую войну, в силу чего она, наряду с указанием целей для будущих бомбардировок, устраивала также в общественных местах тайники для хранения разведывательной информации и диверсионного оборудования, чтобы в нужный момент извлечь их оттуда.

Только в этом случае русская разведка затратила около 100 тыс. рейхсмарок. Для устройства подпольной радиостанции русская разведка завербовала через Пакулата немца-радииста из фирмы «Сименс». Его подыскала для этой роли полиция безопасности (СД), одной из задач которой являлась двойная игра с русскими. Русская разведка твердо считала, что Пакулат создал надежную агентурную сеть, завербовав шестьдесят немцев, которые, кроме выполнения шпионских заданий, будут еще вести и подрывную работу. Агентурная сеть, созданная по правилам двойной игры, расширилась до Кенигсберга, где именно в настоящее время должна начаться работа по нанесению на план города предприятий оборонного значения.

б) Другой случай беззастенчивого шантажа немца, гражданина рейха, был обнаружен в Берлине. Этот немец, родившийся в Петербурге, имя которого по вполне понятным причинам не может быть пока названо, после вторичного пребывания в Германии в 1936 году возвратился навсегда в Берлин. В России у него осталась жена. Их брак был оформлен по русским законам. От брака у него была дочь. Поскольку по русским законам его жена продолжала оставаться русской гражданкой, ему не разрешили забрать ее с собой в рейх. Находясь в Берлине, он пытался с помощью Министерства иностранных дел получить необходимые документы, чтобы его русский

брак был признан немецким судом. Так как он страдал тяжелой болезнью легких и в связи с этим придавал очень большое значение скорой встрече со своей семьей, то не видел в сложившейся ситуации иного выхода, как самому еще раз отправиться в Петербург, чтобы там выхлопотать документы и забрать жену и дочь в Германию. Для этого он обратился в русское туристическое бюро «Интурист», запросив бумаги, необходимые для въезда в Россию. Когда руководитель этого бюро, русский по фамилии Шаханов, понял из его рассказов, что этот больной человек крайне обеспокоен судьбой своей семьи, он начал с ним игру, поразительную по своей низости. Шаханов обещал ему устроить поездку в Петербург при условии, что он пойдет на предательство своей родины. Шаханов неотступно оказывал давление на отчаявшегося человека, доведя его до состояния, близкого к самоубийству. Шаханов постоянно играл на его супружеских и отцовских чувствах, намекая, что его жена и дочь находятся в качестве заложников в руках ГПУ. В конце концов немец обо всем сообщил нашей контрразведке. Следуя полученным указаниям, он для виду согласился с предложениями агента ГПУ Шаханова и по его приказу снял большую квартиру, которая также была использована для оборудования подпольной радиостанции.

Объяснить все это можно тем, что между Шахановым и «советником посольства» Кобуловым было достигнуто полнейшее взаимопонимание.

в) В результате непрерывного наблюдения за радистом из русского посольства в Берлине, который время от времени появлялся в Данциге, удалось и здесь — в ходе двойной игры — создать подпольную радиоточку и агентурную сеть, поставляющую политическую и экономическую информацию. И здесь, благодаря своевременным сообщениям жителей Данцига, братьев Формелла, принужденных ГПУ работать на русскую разведку, замыслы русских были сорваны.

Эти примеры могут быть продолжены, поскольку русская разведка действует во всех германских городах, представляющих для нее интерес, одинаковыми методами.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Деятельность Советского Союза, направленная против национал-социалистской Германии, как это доказывают приведенные примеры, свидетельствует о колоссальных масштабах подпольной подрывной работы, диверсий, террора и шпио-

нажа в целях подготовки войны, ведущейся в области политики, экономики и обороны.

После заключения пакта о ненападении 23 августа 1939 года усилия, предпринимаемые противником, не только не ослабли, но осуществляются с еще большей энергией и в еще больших масштабах.

Подпись *Гейдрих*

* * *

Совершенно секретно

7-м отделом ГУТБ НКВД
получено из Нью-Йорка
следующее агентурное сообщение:

На заседании кабинета 29 января 1937 г. Рузвельт сообщил, что его переговоры с Рэнсименом носили предварительный характер; в дальнейшем они могут привести к заключению соглашения. Рэнсимен подчеркнул, что он прибыл в качестве специального представителя английского премьер-министра Болдуина, но не по поручению кабинета, и лишь по его возвращении Болдуин информирует совет министров о его окончательных намерениях. Рузвельт отметил, что в своих переговорах Рэнсимен тем не менее часто ссылался на переговоры в кабинете министров. Содержание главной части переговоров было посвящено вопросу о нейтралитете США, ибо Лондон ждет войны не позднее 1938 года, и если получение военных материалов из США не представляется возможным, то необходимо немедленно начать постройку больших заводов в Англии, Франции и Чехословакии. Англия уже строит два крупных военных завода, но этого мало. Рузвельт заявил Рэнсимену, что Америка прилагает усилия к тому, чтобы как можно дольше сохранять нейтралитет.

Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т. е. территориальных, стремлений, тогда дол-

жны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону.

В азиатской войне Америка останется нейтральной до тех пор, пока не будут задеты непосредственно американские интересы. Захват Японией крупной китайской территории без согласия Китая должен рассматриваться как нарушение американских интересов.

Рэнсимен высказался в том смысле, что в основе каждого нападения фашистов или их вассалов на СССР будут лежать империалистические мотивы. Рэнсимен заявил, что европейская война не может быть проведена без моральной и финансовой помощи со стороны США. Рэнсимен поднял также вопрос о вмешательстве Рузвельта в испанские события, на что последний ответил, что правительство только тогда займет определенную позицию в этом вопросе, если обе стороны в Испании откажутся от интервенции или попросят сотрудничества в третейском суде. Кабинету известно, что он лично хотел бы поддержать сторонников правительства; он никогда не понимал поведения Франции в этом вопросе и полностью признает правильность позиции СССР. В случае войны он будет способствовать вмешательству США. В этом случае он одобрит созыв конференции держав в Америке или где-либо в Европе.

Зам. нач. 7-го отдела ГУГБ НКВД
майор государственной безопасности
(Шпигельглас)

Верно:
Нач. 1-го сектора 7-го отдела ГУГБ
лейтенант государственной безопасности
(Графпен)

ИЗ СООБЩЕНИЯ НКВД СССР В ЦК ВКП(б) И СНК СССР

от 28 августа 1939 г.

Из Парижа сообщают нам следующие данные от 23 августа о переговорах Гитлера с англичанами: «Галифакс и британский посол в Берлине приглашены к Гитлеру для важных переговоров. Они получили инструкцию — согласиться на любые переговоры, кроме якобы уступок за счет Польши.

По данным от 24 августа, французский генеральный штаб настаивает немедленно начать военные действия, считая, что время работает на Германию. В то время как Англия и Франция теряют престиж, Германия получает новые резервы сырья и продовольствия за счет СССР, и новые уступки бесполезны.

По сообщению французского посла в Москве, пакт о не-нападении выражает только желание СССР иметь свободу и независимость от группировок. Наоборот, посол в Берлине Кулондр считает пакт началом экономического и дипломатического сближения Германии с СССР, которое может якобы расширяться на «идеологической базе антикапитализма, самоопределения народов, особенно колониальных, и прочего».

(Центральный архив ФСБ РФ)

* * *

Совершенно секретно

7-м отделом ГУГБ НКВД
получен по телеграфу краткий текст доку-
мента, исходящего из государственного депар-
тамента США.

Додд (посол США в Берлине)— Хэллу (Вашингтон)

ТЕЛЕГРАММА

№ 1639 8 января 1937 г.

На прошлой неделе премьер-министр Польши Бек дал определенное заверение в том, что Польша не имеет соглашения с СССР, позволяющего в случае войны пропустить его войска и самолеты через польскую территорию. Конфиденциальные доклады, которыми располагает командующий сухопутными войсками Германии Фрич, убеждают руководителей рейхсвера, что Германии не грозит опасность со стороны СССР в течение ряда лет и что вооружения СССР предназначены не для наступательных, а для оборонных действий.

По моему мнению, Германия не желает войны в данное время. Лицо, близко стоящее к рейхсверу, заявляет, что в армии растут просоветские настроения. Гитлер и радикалы все еще придерживаются мысли о необходимости экспансии на Восток. Геринг склонен стать на сторону Фрича и Шахта. Фон Хассель предостерегает против слишком большого доверия к Муссолини.

В последней беседе фон Нейрат заявил мне, что американская политика изоляции увеличивает военную опасность: если бы США были арбитром, Берлин нашел бы для себя возможным подчиниться.

Зам. нач. 7-го отдела ГУГБ НКВД
майор государственной безопасности
(Шнигельглас)

НК-8 верно:

Нач. 1-го сектора 7-го отд. ГУГБ
лейтенант государственной безопасности
(Графпен)

Совершенно секретно

7-м отделом ГУГБ НКВД
получен по телеграфу краткий текст доку-
мента, исходящего из государственного депар-
тамента США.

№ 24 27 января 1937 г.

Английский посол в США Линдсей в беседе с государственным секретарем Хэллом заявил, что английское правительство желает использовать каждый случай, чтобы информировать правительство США о событиях в Англии и других частях мира. Возможно, м-р Хэлл интересуется результатами встречи Идена с министром иностранных дел Франции Дельбосом, во время которой они составляли совместный общий план действий для определения в ближайшем будущем внешней политики Англии и Франции. План этот состоит в следующем:

1. Будет сделана новая попытка достигнуть полного соглашения с Берлином. В этом заключалась цель речи Идена, за которой должна была, примерно через неделю, по-

следовать аналогичная речь французского министра иностранных дел.

2. В вопросе об отношениях с Берлином и остальными европейскими странами подчеркивается поддержка Италии. Это положение (поддержка Италии) считается обеспеченным вне зависимости от того, будет или не будет выполнен первый пункт. Вероятно, Геринг при свидании снова содействовал сближению Муссолини с Гитлером, хотя щедрое предложение о займе при существующих в настоящее время в Италии финансовых затруднениях сможет значительно перевесить чашу весов в другом направлении. При этих условиях может быть ассигнован заем в сумме одного или двух миллиардов лир.

3. Это вкратце касается основы сотрудничества с СССР, заключающейся в том, чтобы действовать в полном согласии с Лондоном и Парижем. Москва должна ясно понять, что СССР не должен делать индивидуальных выступлений в области международной политики, мешая этим выполнению планов своих демократических друзей тогда, когда ему это выгодно. Это повторялось слишком часто в связи с испанскими событиями, и напряженное положение, создавшееся вследствие этого, слишком опасно, чтобы позволить его повторение. Лондон и Париж, в свою очередь, согласятся консультироваться с СССР как с равным партнером по всем важным вопросам сохранения европейского мира. Если будет доказана невозможность сотрудничества с Берлином на основе вышеупомянутого положения, тогда германское правительство придется заставить прийти к соглашению путем применения более строгих мероприятий. Если же все другие способы окажутся безуспешными, то Англия рассмотрит предложение о всеобщем и строго контролируемом бойкоте всей германской промышленности. В случае, если бы США присоединились к Франции, Англии, СССР, Чехословакии и одному или нескольким балканским государствам в энергичных действиях, направленных против германской торговли, можно было бы заставить фашистскую Германию отказаться от ее агрессивной политики.

Линдсей согласен с министром иностранных дел, что Гитлер еще не готов к войне. Доклады, поступающие из-за границы в Лондон, указывают на то, что вопрос о недостатке сырья в Германии в действительности гораздо острее, чем это известно. Те же источники сообщают о росте недовольства среди крестьянства и средних классов. По-видимому, нет ни-

какого выхода из этого тупика, в который Гитлер поставил германскую промышленность.

Зам. нач. 7-го отдела ГУГБ НКВД
майор государственной безопасности
(Шпигельглас)

Верно:

Нач. 1-го сектора 7-го отдела ГУГБ
лейтенант государственной безопасности
(Графпен)

Совершенно секретно

7-м отделом ГУГБ НКВД
получены из Берлина следующие агентурные
данные:

Посол США в Париже Буллит на своем обратном пути из Польши провел 2—3 дня в Берлине. Он заявил, что он хотел бы повидать Геринга, несмотря на то что это не соответствует обычной дипломатической процедуре. На такой встрече очень настаивает итальянский посол в Берлине Аттолико, являющийся близким другом Буллита, поэтому он (Буллит) не считает возможным отказаться. Беседа Буллита с Герингом продолжалась несколько часов. О характере этой беседы Буллит ни с кем не поделился. Единственное, о чем он сказал, это что Геринг поставил ему вопрос, выступят ли США, если Германия захватит Чехословакию и Австрию. По словам Буллита, он ответил, что, если Германия начнет военные действия в этих странах, США должны будут рассмотреть вопрос и о своем выступлении. Буллит добавил, что Геринг гораздо больше интересовался вопросом об отношении США к Германии, чем любым другим вопросом. По мнению американских дипломатических кругов в Берлине, Буллит ездил в Польшу с целью убедить Бека присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту». Он упорно и настойчиво обрабатывает консервативные круги во Франции против СССР, ссылаясь на свой длительный опыт, чтобы убедить их.

Нач. сектора 7-го отдела ГУГБ НКВД
капитан госбезопасности
(Рейф)

ИЗ СООБЩЕНИЯ НКГБ СССР
В ЦК ВКП(б),
СНК СССР, НКО СССР и НКВД СССР

от 6 марта 1941 г.

Сообщение из Берлина

По информации, полученной от чиновника Комитета по четырехлетнему плану, несколько работников комитета получили срочное задание составить расчеты запасов сырья и продовольствия, которые Германия может получить в результате оккупации европейской части Советского Союза.

Тот же информатор сообщает, что начальник Генштаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза, и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успешным операциям будет способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог. Тот же Гальдер считает легкой задачей также оккупацию Баку и его нефтяных промыслов, которые немцы якобы смогут быстро восстановить после разрушений от военных действий. Гальдер считает, что Красная Армия не в состоянии будет оказать надлежащего сопротивления молниеносному наступлению немецких войск и русские не успеют даже уничтожить запасы.

Что касается расчетов Комитета по четырехлетнему плану в отношении хозяйственного эффекта такой операции, то эти расчеты якобы дают отрицательный прогноз.

По сведениям, полученным от служащего штаба Верховного командования, задание о составлении подобных же расчетов получил от Генштаба также начальник хозяйственного отдела штаба полковник Беккер.

Расчеты полковника Беккера, наоборот, доказывают высокий хозяйственный эффект, который будет получен в результате военных операций против СССР.

(Центральный архив ФСБ РФ)

ИЗ СООБЩЕНИЯ НКГБ СССР В ЦК ВКП(б) И СНК СССР от 11 марта 1941 г.

6 марта с. г. английский посол Криппс собрал пресс-конференцию, на которой присутствовали английские и американские корреспонденты Чоллертон, Ловелл, Кассиди, Дюранти, Шапиро и Магидов.

Предупредив присутствующих, что его информация носит конфиденциальный характер и не подлежит использованию для печати, Криппс сделал следующее заявление.

Советско-германские отношения определенно ухудшаются, и заявление Вышинского по болгарскому вопросу очень знаменательно в этом отношении. Заявление это очень сильное и является первым открытым выражением недовольства СССР Германией. Советско-германская война неизбежна. Многие надежные дипломатические источники из Берлина сообщают, что Германия планирует нападение на Советский Союз в этом году, вероятно летом. В германском Генеральном штабе имеется группа, отстаивающая немедленное нападение на СССР. До сего времени Гитлер пытается избежать войны на два фронта, но если он убедится, что не сможет совершить успешного вторжения в Англию, то он нападет на СССР, так как в этом случае он будет иметь только один фронт.

С другой стороны, если Гитлер убедится, что он не сумеет победить Англию до того, как Америка сможет оказать ей помощь, он попытается заключить мир с Англией на следующих условиях: восстановление Франции, Бельгии и Голландии и захват СССР.

Эти условия мира имеют хорошие шансы на то, чтобы они были приняты Англией, потому что как в Англии, так и в Америке имеются влиятельные группы, которые хотят видеть СССР уничтоженным, и, если положение Англии ухудшится, они сумеют принудить правительства принять гитлеровские условия мира. В этом случае Гитлер очень быстро совершит нападение на СССР.

Другая причина, по которой советско-германская война должна начаться в этом году, заключается в том, что Красная Армия все время крепнет, тогда как мощь германской армии, если война с Англией затянется, будет ослаблена. Поэтому Гитлеру выгоднее попытаться сломить Красную Армию до того, как будет закончена ее реорганизация.

Отвечая на вопросы, Криппс заявил, что германский Генеральный штаб убежден, что Германия в состоянии захватить Украину и Кавказ, вплоть до Баку, за две-три недели. Такого же мнения придерживается и Дилл, который низко оценивает боеспособность Красной Армии.

По словам Криппса, он заявил Идену и Диллу, что Красная Армия значительно лучше, чем они о ней думают, и с каждым днем становится сильнее.

(Центральный архив ФСБ РФ)

ЦК ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ СНК СССР товарищу МОЛОТОВУ

При этом направляю агентурное сообщение, полученное из Берлина.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
(Л. Берия)

Копия
Сов. секретно

По сведениям, полученным источником от референта Штаба командования германской авиацией, ГЕРИНГ все более и более склоняется к заключению соглашения с Англией и Америкой в силу создавшихся трудностей в войне с Англией и ухудшения дальнейших перспектив войны. Основные трудности заключаются в том, что в связи с затяжкой войны значительно ухудшается экономическое положение Германии.

По сведениям, полученным от надежного источника в Берлине, попытки немцев договориться с американцами выразились в том, что на завтраке, устроенном для американского посольства в Берлине ближайшими помощниками ГЕРИНГА — маршалом МИЛЬХОМ и генерал-полковником УДЕТОМ, последние в беседе с американским военным атташе ПЕЙТОНОМ дали понять ему, что Германия желала бы договориться с Америкой.

По сведениям того же информатора, опровержение ТАСС, касающееся пребывания германских войск в Болгарии, произвело в германском Министерстве авиации впечатление разорвавшейся бомбы. ГЕРИНГ дал распоряжение о переводе «русского реферата» Министерства авиации в так называемую ак-

тивную часть штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции. Штаб авиации дал распоряжение о производстве в широком масштабе разведывательных полетов над территорией СССР с целью рекогносцировки пограничной полосы, в том числе и Ленинграда, путем фотосъемок и составления точных карт. Самолеты, снабженные усовершенствованными фотоаппаратами, будут перелетать советскую границу на большой высоте.

Верно:

Зам. нач. 5-го отд. ГУГБ НКВД СССР
(*Судоплатов*)

**НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА,
ВОЕННОМУ СОВЕТУ ФРОНТА
И НАЧАЛЬНИКУ КОНТРРАЗВЕДКИ**

9 марта с. г. 866 сп 287 сд в д. Вашковцы были захвачены документы штаба батальона 11 СС полицейского полка.

В числе захваченных документов найден приказ, касающийся переговоров украинских националистов с представителями немецко-фашистского командования и достигнутой договоренности о службе украинских националистов на пользу немцев.

Копию этого приказа прилагаю.

Начальник политического управления
1-го Украинского фронта
генерал-майор *С. Шатилов*

* * *

БОЕВАЯ ГРУППА ПРИТЦМАН

Разведывательные отделы

Касательно: Отношения к членам национальной украинской повстанческой армии («УПА»).

Начатые в районе Дерезно переговоры с руководителями национальной Украинской повстанческой армии были успешно проведены также в районе Верба. Достигнута договоренность.

Немецкие части не подвергаются нападению со стороны «УПА». «УПА» засылает лазутчиков, преимущественно девушек, в занятые врагом районы и сообщает результаты Развед. отделу Боевой группы. Пленные Красной Армии, а также советские партизаны препровождаются в развед[ывательные] отдел[ы] для допроса; местные чуждые элементы используются боевой группой на работах.

Чтобы не мешать этому необходимому взаимодействию, Приказываю:

1. Агентам «УПА», которые имеют удостоверения за подписью «капитан Феликс», или тем, кто выдает себя за членов «УПА», разрешать беспрепятственный проход; оружие оставлять при них. По требованию агента предоставлять им быстрый доступ в развед[ывательные] отдел[ы].

2. Члены частей «УПА» при встрече с немецкими частями для опознавания поднимают левую руку с раздвинутыми пальцами к лицу; таковых не задерживать, это означает их взаимопонимание.

3. Со стороны «УПА» имеются жалобы на то, что немецкие полицейские регулярные части производят самовольную реквизицию, особенно домашней птицы. В связи с этим согласно приказу от 2 февраля 1944 г[ода] командиры частей привлекаются за эти дикие реквизиции, чтобы таковые прекратились.

Бреннер,
генерал-майор и бригаденфюрер СС

(ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 79, л. 56—56 об., пер. с нем.)

* * *

НОТА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ от 21 июня 1941 года

МЕМОРАНДУМ

I

Когда правительство рейха, исходя из желания прийти к равновесию интересов Германии и СССР, обратилось летом 1939 года к Советскому правительству, оно отдавало себе от-

чет в том, что взаимопонимание с государством, которое, с одной стороны, представляет свою принадлежность к сообществу национальных государств со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями, а с другой — будучи руководимым партией, которая как секция КОМИНТЕРНА стремится к распространению революции в мировом масштабе, то есть к уничтожению этих национальных государств, вряд ли будет легкой задачей. Подавляя в себе серьезные сомнения, порожденные этим принципиальным различием в политической ориентации Германии и Советской России и острейшим противоречием между диаметрально противоположными мировоззрениями НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА и БОЛЬШЕВИЗМА, Германское правительство все же предприняло такую попытку. При этом оно руководствовалось тем соображением, что обусловленное взаимопонимание между Германией и Россией, исключение вероятности войны и достижимое таким образом удовлетворение новых жизненных потребностей обоих издавна считающихся дружественными народов будет лучшей защитой от дальнейшего распространения коммунистических доктрин международного еврейства в Европе. Эта мысль была подкреплена тем, что определенные события в самой России и некоторые меры русского правительства на международной арене по меньшей мере позволяли считать возможным отход от этих доктрин и от прежних методов разложения народов. Реакция Москвы на это предложение немецкого правительства и готовность СССР заключить дружественный пакт с Германией вполне подтверждали вероятность такого поворота.

Таким образом, 23 августа 1939 г. был подписан Пакт о ненападении, а 28 сентября 1939 г. — Договор о дружбе и границах между обоими государствами.

Суть этих договоров состояла в следующем:

1) в обоюдном обязательстве государств не нападать друг на друга и состоять в отношениях добрососедства;

2) в разграничении сфер «интересов» путем отказа германского рейха от любого влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, в то время как территория бывшего Польского государства до линии Нарев — Буг — Сан по желанию Советской России оставлялась за ней.

Действительно, правительство рейха, заключив с Россией пакт о ненападении, *существенно изменило свою политику по отношению к СССР* и с этого дня заняло дружественную позицию по отношению к Советскому Союзу. Оно строго следо-

вало букве и духу подписанных с Советским Союзом договоров. Более того, усмирило Польшу, а это значит, ценою немецкой крови способствовало достижению Советским Союзом наибольшего внешнеполитического успеха за время его существования. Это стало возможным лишь благодаря доброжелательной политике Германии по отношению к России и блестящим победам вермахта.

Поэтому правительство рейха по праву полагало, что оно может надеяться на соответствующее отношение Советского Союза к рейху, особенно во время переговоров министра иностранных дел рейха фон Риббентропа в Москве. Советское правительство и в других случаях неоднократно отмечало, что эти договоры являются основой для длительного уравнивания двусторонних интересов Германии и Советской России и что оба народа, уважая государственный строй каждой стороны и не вмешиваясь во внутренние дела партнера, придут к длительным отношениям добрососедства. *К сожалению, очень скоро выяснилось, что правительство рейха сильно ошиблось в своих предположениях.*

II

И действительно, сразу после заключения германо-русских договоров Коминтерн активизировал свою деятельность во всех областях.

Это относится не только к одной Германии, но и дружественным ей или нейтральным государствам и территориям Европы, занятым германскими войсками. Чтобы открыто не нарушать договоры, менялись лишь методы и старательней, утонченней проводилась маскировка. Постоянным разоблачением так называемой «империалистической войны Германии» в Москве, очевидно, надеялись компенсировать результаты заключения пакта с национал-социалистской Германией. В результате предпринятых полицией эффективных контрмер Коминтерн вынужден был проводить свою подрывную и разведывательную деятельность против Германии окружными путями через свои центры в соседних с Германией странах. Для этого прибегали к услугам бывших немецких коммунистических деятелей, которые должны были проводить в Германии ПОДРЫВНУЮ РАБОТУ и подготовку саботажных акций. Комиссар ГПУ Крылов постоянно занимался обучением и подготовкой кадров по этому вопросу. Наряду с этим проводилась подрывная деятельность на занятых Германией террито-

риях, особенно в протекторате и в занятой Франции, а также против Норвегии, Голландии, Бельгии и т. д.

Представительства Советской России, особенно генеральное консульство в Праге, оказывали в этом вопросе эффективную помощь. С использованием радиотехнических средств приема и передачи усердно велась разведка, что является неопровержимым доказательством работы Коминтерна, направленной против рейха. О всей прочей подрывной и разведывательной работе Коминтерна имеется обширный документальный материал показаний свидетелей и письменный материал. Кроме этого, создавались диверсионные группы, имевшие собственные лаборатории, в которых производились зажигательные и взрывные устройства для проведения диверсионных акций. Такие диверсии были, к примеру, проведены по меньшей мере против 16 немецких кораблей.

Наряду с этой подрывной диверсионной работой велся *шпионаж*. Так, переселение немцев из Советской России использовалось для того, чтобы самыми грязными средствами склонить этих немецких людей работать на ГПУ. Не только мужчин, но и женщин самым бесстыдным образом принуждали давать согласие на сотрудничество с ГПУ. Даже посольство Советской России в Берлине во главе с советником посольства Козловым не постеснялось бесцеремонно использовать право экстерриториальности для шпионских целей. Затем сотрудник русского консульства в Праге Мохов организовал центр русской шпионской сети, охватившей весь протекторат. Другие случаи, в которых полиции удалось своевременно вмешаться, дают ясную и однозначную картину об обширных происках Советской России. Картина в целом ясно свидетельствует о том, что Советская Россия широко проводила против Германии нелегальную подрывную деятельность, диверсии, террор и направленный на подготовку к войне политический, военный и экономический шпионаж.

Что касается подрывной деятельности Советской России за пределами Германии в Европе, то она распространилась почти на все дружественные Германии или занятые ею государства Европы. Так, к примеру, в *Румынии* с целью создания антигерманского настроения коммунистическая пропаганда в листовках, переправленных из России, обвиняла Германию во всех трудностях. С лета 1940 года то же самое отчетливо проявилось в *Югославии*. Там листовки призывали к протесту против заключения пакта режимом Цветковича с империалистическими правительствами в Берлине и Риме. На собра-

нии деятелей коммунистической партии в Аграме весь юго-восток Европы от Словакии до Болгарии обозначался русским протекторатом в случае, как они надеялись, ослабления Германии в военном отношении. В советской миссии в Белграде германским войскам попало в руки документальное доказательство тому, что эта пропаганда исходила от Советской России. В то время как коммунистическая пропаганда в Югославии использовала националистические лозунги, в Венгрии она действовала прежде всего среди русинского населения, которое она пленила надеждами освобождения Советской Россией. Особенно активной была антигерманская травля в Словакии, где открыто велась агитация за присоединение к Советской России.

В *Финляндии* действовало пресловутое «Объединение за мир и дружбу с Советским Союзом», которое во взаимодействии с радиостанцией «Петроской» стремилось разложить эту страну и работало в крайне враждебном по отношению к Германии духе.

Во *Франции, Бельгии и Голландии* население натравливали на германские оккупационные власти. Такая же травля, только с национальной и панславистской окраской, велась и в *генерал-губернаторстве*. Едва германские и итальянские войска заняли *Грецию*, как пропаганда Советской России и здесь принялась за работу. Общая картина свидетельствует о систематически проводимой во всех странах кампании СССР против попыток Германии установить стабильный порядок в Европе. Наряду с этим против усилий германской политики проводится прямая контрпропаганда, которая пытается выдать эти усилия за антирусские и перетянуть различные страны на сторону Советской России, настроив их против Германии. В *Болгарии* велась агитация против вступления в Тройственный пакт и за гарантийный договор с Россией. В *Румынии* 23 января 1941 года была устроена попытка путча, за которым стояли большевистские агенты Москвы, путем внедрения в Железную гвардию и подстрекательства ее руководства, в частности румына Гроза. У правительства рейха имеются соответствующие неопровержимые доказательства.

Что касается *Югославии*, то правительство рейха располагает документами, свидетельствующими о том, что югославский посланец Георгиевич уже в мае 1940 года после беседы с господином Молотовым пришел к выводу, что там Германию считают «грозным врагом завтрашнего дня». Еще более однозначным было отношение Советской России к изложенным

сербскими военными просьбам о поставке оружия. В ноябре 1940 года начальник Генерального штаба Советской России заявил югославскому военному атташе: «Мы дадим все необходимое, и немедленно». Право установления цен и порядка оплаты предоставлялось белградскому правительству, и ставилось только одно условие: *держат в тайне от Германии*. Позднее, когда правительство Цветковича сблизилось с государствами оси, в Москве начали затягивать поставки оружия: об этом было коротко и ясно заявлено в военном министерстве Советской России югославскому военному атташе. Организация белградского путча 27 марта этого года была кульминационным моментом этой подпольной деятельности сербских заговорщиков и англо-русских агентов против рейха. Сербский организатор этого путча и руководитель «Черной руки» господин Зимич до сих пор находится в Москве и в тесном контакте с органами пропаганды Советской России и сейчас развертывает там активную деятельность против рейха.

Вышеуказанные факты являются лишь небольшой частью неслыханной широкомасштабной пропагандистской деятельности СССР в Европе против Германии. Правительство рейха решило опубликовать имеющиеся в его распоряжении обширные материалы, чтобы представить на суд мировой общественности общую картину деятельности служб Советской России в этом направлении после заключения германо-русских договоров. В целом правительство рейха вынуждено констатировать:

При заключении договоров с Германией Советское правительство неоднократно и недвусмысленно заявляло, что оно не намерено прямо или косвенно вмешиваться в дела Германии. При заключении договора о дружбе оно торжественно заявляло, что будет сотрудничать с Германией, чтобы в соответствии с подлинными интересами всех народов как можно быстрее положить конец войне между Германией с одной и Англией и Францией с другой стороны. В свете вышеуказанных фактов, особенно проявившихся в дальнейшем ходе войны, соглашения и заявления Советской России *оказались умышленным обманом*. Даже все преимущества, достигнутые лишь благодаря дружественной позиции Германии, не смогли побудить Советское правительство к лояльному отношению к Германии.

Более того, правительство рейха пришло к убеждению, что тезис *Ленина*, еще раз четко изложенный в «Директиве

Коммунистической партии Словакии» от октября 1939 года, согласно которому «возможно заключение договоров с другими странами, если они служат интересам Советского правительства и обезвреживанию противника», использовался и при заключении договоров 1939 года. Таким образом, заключение договоров о дружбе было для Советского правительства лишь тактическим маневром. Единственной целью для России было заключение выгодных ей соглашений и одновременно создание предпосылок для дальнейшего усиления влияния Советского Союза. Главной идеей было ослабление небольших государств, с тем чтобы легче было их разложить и в подходящий момент разгромить. Это было с жесткой ясностью отражено в русском документе, найденном после оккупации в советской миссии в Белграде, в котором говорится: «СССР отреагирует лишь в подходящий момент. Государства оси еще больше распылили свои вооруженные силы, и поэтому СССР внезапно нанесет удар по Германии».

III

Если пропагандистская подрывная деятельность Советского Союза в Германии и в Европе вообще не оставляет никакого сомнения в его позиции по отношению к Германии, то *внешнеполитическая и военная деятельность* Советского правительства после заключения германо-русских договоров носит еще ярче выраженный характер. В Москве во время разграничения сфер влияния правительство Советской России заявило министру иностранных дел рейха, что оно не намеревается занимать, большевизировать или аннексировать входящие в сферу его влияния государства, за исключением находящихся в состоянии разложения областей бывшего Польского государства. В действительности же, как показал ход событий, политика Советского Союза направлена исключительно на одно, а именно: *в пространстве от Ледовитого океана до Черного моря, везде, где только возможно, выдвинуть вооруженные силы Москвы на Запад и распространить большевизацию дальше в глубь Европы.*

Развитие этой политики характеризуется следующими этапами:

1. Началом развития этой политики явилось заключение так называемых договоров о взаимопомощи с *Эстонией, Латвией и Литвой* в октябре и ноябре 1939 года и возведение военных баз в этих странах.

2. Следующий ход Советской России был сделан по отношению к *Финляндии*. Когда требования Советской России, принятие которых грозило бы потерей суверенитета свободному Финскому государству, были отклонены финским правительством, Советское правительство распорядилось о создании коммунистического псевдоправительства Куусинена. И когда финский народ отказался от этого правительства, Финляндии был предъявлен ультиматум, и в ноябре 1939 года Красная Армия вошла на территорию Финляндии. В результате заключенного в марте финско-русского мира Финляндия вынуждена была уступить часть своих юго-восточных провинций, которые сразу подверглись большевизации.

3. Спустя несколько месяцев, а именно в июле 1940 года, Советский Союз начал принимать меры против *Прибалтийских государств*. Согласно первому Московскому договору Литва относилась к сфере германских интересов. В интересах сохранения мира, хотя и скрепя сердце, правительство рейха во втором договоре по просьбе Советского Союза отказалось от большей части территории этой страны, оставив часть ее в сфере интересов Германии. После предъявления ультиматума от 15 июня Советский Союз, не уведомив об этом правительство рейха, занял всю Литву, т. е. и находившуюся в сфере влияния Германии часть Литвы, подойдя таким образом непосредственно к границе Восточной Пруссии. Позднее последовало обращение к Германии по этому вопросу, и после трудных переговоров, пойдя еще на одну дружественную уступку, правительство рейха отдало Советскому Союзу и эту часть Литвы. Затем таким же способом, в нарушение заключенных с этими государствами договоров о помощи, были оккупированы Латвия и Эстония. Таким образом, вся Прибалтика вопреки категорическим заверениям Москвы была большевизирована и спустя несколько недель после оккупации сразу аннексирована. Одновременно с аннексией последовало сосредоточение первых крупных сил Красной Армии во всем северном секторе плацдарма Советской России против Европы.

Между прочим, Советское правительство в одностороннем порядке расторгло экономические соглашения Германии с этими государствами, хотя по московским договоренностям этим соглашениям не должен был бы наноситься ущерб.

4. По вопросу о разграничении сфер влияния на территории бывшего Польского государства московскими договорами было ясно согласовано, что о границах сфер влияния не будет вестись никакая политическая агитация, а деятельность

обеих оккупационных властей ограничиться исключительно лишь вопросами мирного строительства на этих территориях. У правительства рейха имеются неопровержимые доказательства того, что, несмотря на эти соглашения, Советский Союз сразу же после занятия этой территории не только разрешил антигерманскую агитацию в польском генерал-губернаторстве, но и одновременно поддержал ее большевистской пропагандой в губернаторстве. Сразу же после оккупации и на эти территории были переброшены крупные русские гарнизоны.

5. В то время как германская армия на Западе вела боевые действия против Франции и Англии, последовал удар Советского Союза на *Балканах*. Тогда как на московских переговорах Советское правительство заявило, что никогда в одностороннем порядке не будет решать бессарабский вопрос, правительство рейха 24 июня 1940 года получило сообщение Советского правительства о том, что оно полно решимости силой решить бессарабский вопрос. Одновременно сообщалось, что советские притязания распространяются и на Буковину, т. е. на территорию, которая была старой австрийской коронной землей, никогда России не принадлежала и о которой в свое время в Москве вообще не говорилось. Германский посол в Москве заявил Советскому правительству, что его решение является для правительства рейха совершенно неожиданным и сильно ущемляет германские экономические интересы в Румынии, а также приведет к нарушению жизни крупной местной немецкой колонии и нанесет ущерб немецкой нации в Буковине. На это господин Молотов ответил, что дело исключительной срочности и что Советский Союз в течение 24 часов ожидает ответ правительства рейха. И на этот раз [правительство Германии] во имя сохранения мира и дружбы с Советским Союзом решило вопрос в его пользу. Оно посоветовало румынскому правительству, обратившемуся за помощью к Германии, пойти на уступку и рекомендовало ему отдать Советской России Бессарабию и Северную Буковину. Наряду с положительным ответом румынского правительства Германия передала Советскому правительству просьбу румынского правительства о предоставлении ему времени для эвакуации населения с этих больших территорий и для обеспечения жизни и сохранности имущества местных жителей. Однако Советское правительство снова предъявило Румынии ультиматум и еще до истечения его срока — 28 июня начало оккупацию части Буковины, а затем и всей Бессарабии до Дуная. И эти территории были тотчас аннексированы Советским Со-

юзом, большевизированы и этим самым фактически разорены.

Оккупация и большевизация Советским правительством территории Восточной Европы и Балкан, переданных Советскому Союзу правительством рейха в Москве в качестве сферы влияния, полностью *противоречат московским договоренностям*. Несмотря на это, правительство рейха даже тогда заняло по отношению к СССР более чем лояльную позицию. Оно проявило полный нейтралитет в финской войне и прибалтийском вопросе, поддержало позицию Советского правительства по отношению к румынскому правительству и смирилось, хотя и скрепя сердце, с реалиями, сложившимися в результате действий Советского правительства. Кроме того, чтобы с самого начала исключить возможность разногласия между обоими государствами, оно предприняло широкую акцию по переселению в Германию всех немцев с занятых СССР территорий. Правительство рейха считает, что вряд ли можно было представить более веское доказательство своего желания к длительному примирению с СССР.

IV

Экспансия России на Балканах вызвала территориальные проблемы в этом районе. Летом 1940 года Румыния и Венгрия обратились к Германии с целью урегулирования их спорных территориальных вопросов, после того как в конце августа из-за этих разногласий, разжигаемых английскими агентами, возник острый кризис. Румыния и Венгрия находились на грани войны между собой. Германия, которую Венгрия и Румыния неоднократно просили о посредничестве в их споре с целью сохранения мира на Балканах, совместно с Италией пригласила оба государства на конференцию в Вену, и по их просьбе 30 августа 1940 года состоялось решение Венского арбитража. В результате этого была установлена новая венгерско-румынская граница, а Германия и Италия, стремясь помочь румынскому правительству разъяснить своему народу причины понесенных им территориальных жертв и исключить в будущем любые столкновения в этом районе, приняли на себя обязательства *гарантов* Румынского государства в теперешних его границах. Так как русские претензии в этом районе были удовлетворены, эти гарантии никак не могли быть направлены против России. Несмотря на это, Советский Союз обжаловал это решение и вопреки своим прежним заявлени-

ям о том, что с присоединением Бессарабии и Северной Буковины его претензии на Балканах удовлетворены, заявил о своих дальнейших интересах на Балканах, не определив их пока конкретно.

С этого момента все четче вырисовывается направленная против Германии политика Советской России. Правительство рейха получает теперь все более конкретные сообщения о том, что переговоры английского посла Криппса в Москве, тянувшиеся уже очень долго, развиваются в благоприятной атмосфере. Одновременно правительство рейха овладело документами, свидетельствующими об интенсивных военных приготовлениях Советского Союза во всех областях. Эти документы подтверждаются и найденным недавно в Белграде отчетом югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 года, в котором, между прочим, дословно говорится: «По данным, полученным из советских кругов, полным ходом идет перевооружение ВВС, танковых войск и артиллерии с учетом опыта современной войны, которое в основном будет закончено *к августу 1941 года. Этот срок, очевидно, является и крайним (временным) пунктом, до которого не следует ожидать ощутимых изменений в советской внешней политике*».

Несмотря на недружественную позицию Советского Союза в балканском вопросе, Германия прилагает новые усилия к улучшению взаимопонимания с СССР, и министр иностранных дел рейха в письме к господину Сталину дает широкое изложение политики правительства рейха после московских переговоров. В письме особенно подчеркивается следующее: при заключении Тройственного пакта Германия, Италия и Япония единодушно исходили из того, что этот пакт никоим образом не направлен против Советского Союза, а дружественные отношения трех государств и их договоры с СССР вообще не должны затрагиваться этим соглашением. В Тройственном пакте, подписанном в Берлине, это зафиксировано и документально. Одновременно в письме выражается желание и надежда государств Тройственного пакта на дальнейшее улучшение дружественных отношений с Советским Союзом и придание им конкретной формы. С целью дальнейшего обсуждения этих вопросов министр иностранных дел рейха приглашает господина Молотова в Берлин.

Во время визита господина Молотова в Берлин правительство рейха вынуждено было установить, что Россия готова к действительно дружественному сотрудничеству с государства-

ми Тройственного пакта, и в особенности с Германией, лишь в том случае, если она готова выполнить поставленные Советским Союзом условия. Эти условия заключаются в дальнейшем проникновении Советского Союза на Север и Юго-Восток Европы. В Берлине и на последующих дипломатических переговорах с германским послом в Москве господин Молотов выдвинул следующие требования:

1. Советский Союз хочет предоставить Болгарии гарантии и в добавление к этому заключить с этим государством договор о взаимопомощи по образцу договоров о взаимопомощи в Прибалтике, т. е. с военными базами, в то время как господин Молотов заявляет, что это не коснется внутреннего режима Болгарии. С этой целью русский комиссар Соболев посетил в это время Софию.

2. Советский Союз требует заключения договора с Турцией с целью создания базы для сухопутных и военно-морских сил на Босфоре и Дарданеллах на основе долгосрочной аренды. В случае, если Турция не согласится с этим, Германия и Италия должны присоединиться к русским дипломатическим мероприятиям по принуждению ее к выполнению этих требований. Эти требования сводятся к господству СССР на Балканах.

3. Советский Союз заявляет, что он вновь ощущает угрозу со стороны Финляндии, и поэтому требует полного отказа Германии от Финляндии, что практически означает оккупацию этого государства и истребление финского народа.

Естественно, Германия не могла принять эти русские требования, выполнение которых Советское правительство считало предварительным условием присоединения к государствам Тройственного пакта. Этим самым усилия государств Тройственного пакта по достижению взаимопонимания с Советским Союзом потерпели фиаско. В результате этой германской позиции Россия усилила уже более открыто направленную против Германии политику, а ее все более тесное сотрудничество с Англией становилось очевидным. В январе 1941 года эта отрицательная русская позиция впервые проявилась и в дипломатической сфере. Когда в этом месяце Германия предприняла в Болгарии определенные контрмеры против высадки британских войск в Греции, русский посол в Берлине в официальном демарше указал на то, что *Советский Союз считает территорию Болгарии и зону обоих проливов зоной безопасности СССР и что он не может равнодушно относиться к событиям в этих районах, угрожающим его безопасно-*

сти. Поэтому Советское правительство предостерегает от появления германских войск на территории Болгарии и в зоне обоих проливов.

В ответ на это правительство рейха дало Советскому правительству исчерпывающие разъяснения причин и целей военных мер Германии на Балканах. Оно указало на то, что Германия всеми силами и средствами будет препятствовать закреплению Англии в Греции, но она не намеревается занимать проливы, а будет уважать суверенитет Турции. Проход германских войск через территорию Болгарии не может считаться ущемлением интересов безопасности Советского Союза, правительство рейха, напротив, полагает, что эти операции служат и советским интересам. После проведения операций на Балканах Германия выведет оттуда свои войска.

Несмотря на это заявление правительства рейха, *Советское правительство в свою очередь сразу же после ввода германских войск опубликовало в адрес Болгарии заявление явно враждебного антигерманского характера*, смысл которого сводился к тому, что присутствие германских войск в Болгарии служит не делу мира на Балканах, а интересам войны. Объяснение этой позиции дали правительству рейха участвовавшие к этому времени сообщения о все более тесном сотрудничестве между Советской Россией и Англией. Несмотря на это, Германия и на этот раз не отреагировала. К этой же категории относится и обещанное в марте 1941 года Советским Союзом Турции прикрытие с тыла в случае, если она вступит в войну на Балканах. Это было, как стало известно правительству рейха, результатом англо-русских переговоров во время визита британского министра иностранных дел в Анкару, усилия которого были направлены на то, чтобы таким путем глубже втянуть Россию в английскую игру.

V

С возникновением Балканского кризиса в начале апреля этого года усиливающаяся с этого времени агрессивная политика Советского правительства по отношению к германскому рейху и до сих пор в некоторой степени завуалированное сотрудничество между Советским Союзом и Англией становятся очевидными всему миру. Сегодня однозначно установлено, что путч, затеянный в Белграде после присоединения Югославии к Тройственному пакту, был устроен Англией с

согласия Советской России. Уже давно, а именно с 14 ноября 1940 года, Россия тайно вооружала Югославию против государств оси. Бесспорным доказательством этому являются документы, попавшие в руки правительства рейха после занятия Белграда, которые раскрывают каждую фазу этих русских поставок оружия Югославии. После удавшегося путча *Россия 5 апреля заключает с незаконным сербским правительством Симоновича дружественный пакт*, который должен был укрепить позиции путчистов и помочь своим весом сплочению совместного англо-югославо-греческого фронта. 6 апреля 1941 года помощник американского госсекретаря господин *Самер Уэлс*, неоднократно встречавшийся до этого с советским послом в Вашингтоне, с явным удовлетворением констатирует в связи с этим: *«При известных условиях русско-югославский пакт может иметь огромное значение, он затрагивает многосторонние интересы, и имеются основания полагать, что он представляет собой нечто большее, чем только лишь пакт о дружбе и ненападении»*.

Итак, в то время, когда германские войска были сосредоточены на территории Румынии и Болгарии против массовой высадки английских войск в Греции, Советский Союз, теперь уже в явном сговоре с Англией, пытается нанести Германии удар в спину, а именно:

1) открыто поддерживает Югославию, политически и тайно оказывает ей военную помощь;

2) заверяя Турцию в поддержке, пытается побудить ее к занятию агрессивной позиции по отношению к Болгарии и Германии и к вводу турецких войск во Фракию в весьма неблагоприятной военной обстановке;

3) сам сконцентрировал крупные военные силы на румынской границе, в Бессарабии и у Молдовы;

4) внезапно в начале апреля заместитель народного комиссара иностранных дел Вышинский в беседах с румынским посланником Гафеску в Москве предпринимает попытку начать политику быстрого сближения с Румынией с целью побудить ее к отходу от Германии. Английская дипломатия при посредничестве американцев в Бухаресте предпринимает усилия в этом же направлении.

Согласно англо-русскому плану по германским войскам в Румынии и Болгарии планировалось нанесение удара с трех сторон, а именно: из Бессарабии, Фракии и Сербии—Греции. Лишь благодаря лояльности генерала Антонеску, реалистической позиции турецкого правительства и прежде всего опера-

тивному вмешательству Германии и решающим победам германской армии этот англо-русский план был сорван. Как стало известно правительству рейха из сообщений, почти 200 югославских самолетов с советскими и английскими агентами, а также с сербскими пугачистами под руководством господина Зимина частично отправлены в Россию, где эти офицеры служат сегодня в русской армии, а частично — в Египте. Уже один этот факт представляет в особом свете тесное сотрудничество Англии и России с Югославией.

Советское правительство напрасно пыталось всячески замаскировать истинные цели своей политики. Советское правительство, поддерживая в последнее время экономические сношения с Германией и предприняв ряд отдельных мер, хотело продемонстрировать всему миру якобы нормальные или даже дружественные отношения с Германией. Сюда следует отнести высылку им несколько недель тому назад норвежского, бельгийского, греческого и югославского посланников, обход молчанием британской прессой германо-русских отношений, организованный британским послом Криппсом по согласованию с Советским правительством, и, наконец, опубликованное недавно опровержение ТАСС, изображавшее отношения между Германией и Советской Россией вполне корректными. Эти отвлекающие маневры, находящиеся в вопиющем противоречии с действительной политикой Советского правительства, не смогли ввести в заблуждение правительство рейха.

Враждебная по отношению к Германии политика Советского правительства в военной области сопровождалась *постоянно усиливающейся концентрацией всех располагаемых Россией вооруженных сил на широком фронте от Балтийского до Черного моря*. Уже в то время, когда Германия основное внимание уделяла французской кампании на Западе и когда на Востоке находилось лишь незначительное количество германских войск, русское верховное командование начало систематическую переброску крупных контингентов войск к восточной границе рейха, причем сосредоточение основных сил было установлено у границ Восточной Пруссии и генерал-губернаторства, а также на границе с Румынией в Бессарабии и Буковине. Постоянно усиливались и русские гарнизоны на границе с Финляндией. Дальнейшими мероприятиями в этом направлении была переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа на территорию европейской части России. После того как Советское правительство в свое

время заявило, что, к примеру, в Прибалтику оно введет лишь небольшое количество войск, только в этом районе после его оккупации оно постоянно увеличивало там концентрацию своих войск, насчитывающих сегодня 22 дивизии. Этим самым складывается впечатление, что русские войска все ближе подходили к германской границе, хотя с германской стороны не предпринимались никакие военные меры, которыми можно было бы мотивировать такие действия русских. И лишь эти действия русских вынудили германские вооруженные силы к принятию контрмер. Кроме этого, отдельные части русских сухопутных сил и ВВС выдвинулись вперед, а на аэродромах вдоль германской границы сконцентрированы крупные части ВВС. Следует также отметить неоднократные нарушения в начале апреля границы и участвовавшие случаи пролета русских самолетов над территорией германского рейха. По сообщениям румынского правительства, такие же случаи имели место и в румынских приграничных районах Буковины, Молдовы и Дуная.

Верховное главнокомандование вермахта с начала года неоднократно указывало внешнеполитическому руководству рейха на возрастающую угрозу территории рейха со стороны русской армии и при этом подчеркивало, что причиной этого стратегического сосредоточения и развертывания войск могут быть только агрессивные планы. Эти сообщения Верховного главнокомандования вермахта со всеми подробностями будут доведены до общественности.

Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то оно было полностью развеяно сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий.

Результаты наблюдения за последние дни свидетельствуют о том, что созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых соединений, позволяет Верховному Главнокомандованию России в любое время начать агрессию на различных участках германской границы. Донесения об усилившейся разведывательной деятельности, а также ежедневные сообщения о происшествиях на границе и стычках между сторожевыми охранениями обеих армий дополняют картину крайне напряженной, взрывоопасной военной обстановки. Поступающая из Англии информация о переговорах английского посла Криппса с целью дальнейшего укрепления

сотрудничества между политическим и военным руководством Англии и Советской России, а также воззвание бывшего всегда врагом Советов лорда Бивербрука о всемерной поддержке России в будущей борьбе и призыв к Соединенным Штатам сделать то же самое неопровержимо свидетельствуют о том, какую судьбу уготовили немецкому народу.

**ОСНОВЫВАЯСЬ НА ИЗЛОЖЕННЫХ ФАКТАХ,
ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕЙХА ВЫНУЖДЕНО ЗАЯВИТЬ:**

Советское правительство вопреки своим обязательствам и в явном противоречии со своими торжественными заявлениями действовало против Германии, а именно:

1. Подрывная работа против Германии и Европы была не просто продолжена, а с началом войны еще и усилена.

2. Внешняя политика становилась все более враждебной по отношению к Германии.

3. Все вооруженные силы на германской границе были сосредоточены и развернуты в готовности к нападению.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕДАЛО И НАРУШИЛО ДОГОВОРЫ И СОГЛАШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ. НЕНАВИСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЫ К НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМУ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗУМА. БОЛЬШЕВИЗМ — СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОСКВА ГОТОВА НАНЕСТИ УДАР В СПИНУ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ, ВЕДУЩЕЙ БОРЬБУ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ НЕ МОЖЕТ БЕЗУЧАСТНО ОТНОСИТЬСЯ К СЕРЬЕЗНОЙ УГРОЗЕ НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ. ПОЭТОМУ ФЮРЕР ОТДАЛ ПРИКАЗ ГЕРМАНСКИМ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ВСЕМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ОТВЕСТИ ЭТУ УГРОЗУ. НЕМЕЦКИЙ НАРОД ОСОЗНАЕТ, ЧТО В ПРЕДСТОЯЩЕЙ БОРЬБЕ ОН ПРИЗВАН НЕ ТОЛЬКО ЗАЩИТИТЬ РОДИНУ, НО И СПАСТИ МИРОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ ОТ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ БОЛЬШЕВИЗМА И РАСЧИСТИТЬ ДОРОГУ К ПОДЛИННОМУ РАСЦВЕТУ В ЕВРОПЕ.

Берлин, 21 июня 1941 года

* * *

КРОВЬ ЗА КРОВЬ И СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ

ПАРТИЗАНСКО-ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НКВД В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В связи с началом войны Московским управлением НКВД было взято под охрану 14 железнодорожных мостов, имеющих стратегическое значение; дополнительно организовано чекистское обеспечение 114 предприятий, перешедших на выпуск оборонной продукции; с целью отвлечения фашистской авиации от важных оборонных объектов возведено 20 ложных сооружений, осуществлены другие необходимые контрразведывательные мероприятия. В процессе радиоигр с разведорганами противника было вызвано на подставные адреса-ловушки и арестовано 18 немецких агентов.

Под руководством и при активном участии МК ВКП(б) Московским управлением НКВД было создано 87 истребительных батальонов общей численностью 41 тысяча человек. В них на командные должности было назначено свыше 600 сотрудников органов госбезопасности. В короткие сроки подготовлено 377 разведывательно-диверсионных групп в составе 7947 человек.

Во вражеских тылах успешно сражался истребительный мотострелковый полк, в котором командное ядро также составляли московские чекисты. Особенно большая работа проводилась по формированию и заброске в тылы врага партизанских отрядов. В Можайском, Волоколамском, Лотошинском районах активно действовал 41 партизанский отряд.

Организацией партизанско-диверсионной деятельности в тылу врага занимался специально созданный 4-й отдел УНКВД Московской области.

* * *

П Р И С Я Г А

**бойцов и командиров спецгрупп Управления НКВД по г. Москве
и Московской области перед отправкой в тыл противника**

Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей советской земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть.

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство коварному фашизму.

Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей.

* * *

УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Сов. секретно

Копия с е к р е т а р ю МК ВКП(б)

т. Щербакову и т. Судоплатову

СПЕЦСООБЩЕНИЕ (Карта 1:100000)

Управлением НКВД по Московской области в сентябре месяце 1942 года были направлены в тыл противника специальные группы: «Борцы» в составе 15 человек и «Быстрые» в составе 9 человек.

В соответствии с полученным заданием группы действовали на коммуникациях противника в районе Западного и Калининского фронтов.

За время с 19 сентября по 22 октября 1942 г. спецгруппами проведен ряд специальных операций на участках: Ярцево — Свищево (железная дорога Вязьма — Ярцево), железнодорожная ветка Вадино — Яковская, железнодорожная ветка Ярцево—Дорогобуж и большак Ярцево—Духовщина. Произведено крушение 4-х воинских эшелонов с техникой, боеприпасами и живой силой противника, взорван железнодорожный мост, сожжена мельница, склады с зерном и сеном и ряд других диверсионных мероприятий.

В результате всех проведенных спецгруппами действий уничтожено:

1. Паровозов — 4.
2. Вагонов и платформ с боеприпасами, средними танками, автомашинами, продовольствием и живой силой — 58.
3. Железнодорожный мост — 1.
4. Танкетка — 1.
5. Грузовиков с фуражом и живой силой — 2.
6. Сожжена мельница и около 3000 пудов зерна.
7. Вырезано до 2000 метров телефонного провода.
8. Сожжено около 40 тонн сена.
9. Убито и ранено до 300 немецких солдат и офицеров.
10. Убито полицейских — 18 чел.
11. Расстреляно провокаторов и пособников — 4 чел.
12. Взят живьем один ст. ефрейтор, передан в Особый партизанский отряд.

Разведкой установлено, что в районах действий групп регулярных войск противника не имеется, а исключительно их ставленники полицейские.

Спецгруппы «Борцы» и «Быстрые» в личном составе потерь не имели.

Начальник управления НКВД г. Москвы и МО
старший майор госу­дарствен. безопасности
(Журавлев)

* * *

ПАМЯТЬЮ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

23 января в Московском государственном университете готовились отмечать 75-летие профессора Евгения Александровича Ануфриева. Но юбиляр просил с торжествами повременить и уехал в Калужскую область, в райцентр Думиничи. Не в родные края, а туда, где он как бы родился во второй раз, чудом уцелев в ожесточенном бою 23 января 1942 года. Поехал он туда, где высится близ деревни Хлуднево обелиск с именами двадцати двух павших бойцов одного из подразделений ОМСБОНа НКВД СССР — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения.

— В два часа ночи нас вывели на лыжах из деревни Которь, и через час примерно мы подошли к Хлудневу, — вспо-

минает Евгений Александрович. — Посовещавшись, командир и комиссар послали меня и еще одного бойца в разведку. На лыжах мы спустились к деревне, обнаружили там посты... А еще повсюду был слышен кашель — потом мы узнали, что здесь располагался батальон дивизии, прибывшей из Франции. Вот они после тамошнего тепла и попростужались... Было очень холодно и ясно, снег был очень глубокий...

Про ОМСБОН и боевые дела бригады в двух словах не расскажешь. «Подразделения 4-го управления и отдельной бригады уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2 045 агентурных групп противника... В истории НКВД это, пожалуй, единственная глава, которой продолжают гордиться его преемники», — писал один из руководителей советской разведки Павел Анатольевич Судоплатов в книге «Разведка и Кремль».

Бойцов бригады готовили как разведчиков и диверсантов — и получали они блестящую подготовку. Однако вести бой попехотному их не учили... Между тем в полосе действий 10-й армии генерал-лейтенанта Ф. Голикова сложилась столь трудная обстановка, что командарм — по согласованию с Москвой — использовал несколько подразделений ОМСБОНа в качестве пехоты... На выполнение задания омсбоновцы отправились хорошо вооруженными и экипированными, с запасом боеприпасов и продовольствия. Документы были сданы, в одежду защиты записки с фамилиями...

— Шли по снегу, очень тяжело, след в след... Команда поступила — подготовить гранаты. У нас их было по четыре: две — танковые, две — такие. Вооружены карабинами, автоматы у немногих. Лазнюк приказал развернуться к бою. Полетели в дома гранаты, на улицу стали выскакивать немцы, началась суматоха, но тут раздалась команда — они мгновенно заняли оборону.

Очень четко работали! Я сейчас думаю, что беда была в том, что нас не поддерживали остатки пехотных подразделений, находившихся рядом, они-то должны были наносить главный удар. Но нет... В конце концов оборону заняли мы.

В отряд старшего лейтенанта Кирилла Лазнюка входило около тридцати человек. Бой, в котором подразделение погибло почти полностью, можно считать одним из сотен, если не тысяч фрагментов Ржевско-Вяземской операции, проведенной войсками Калининского и Западного фронтов с 8 января по 20 апреля 1942 года. Нет сомнения, что были

бои куда более масштабные, значительные и кровопролитные.

Но даже за десятками и сотнями других подвигов не забылся героизм чекистов-лыжников. Конечно, тут свою роль сыграл и уникальный характер бригады, в которую входил отряд. ОМСБОН формировалась не только из чекистов и пограничников, но и из спортсменов, в том числе самых известных, вплоть до чемпионов СССР, из воинов-интернационалистов — граждан Германии и Испании, Польши и Чехословакии... В ней служили коммунисты и комсомольцы — рабочие и колхозники, студенты и недавние школьники. К такому принадлежал и я — Евгений Ануфриев, доброволец, закончивший десятилетку в июне 41-го...

Все же главное, что особое подразделение по-особому и сражалось. О подвиге его бойцов рассказала 14 февраля 1942 года «Правда». Материал «Герои-лыжники» подписал дивизионный комиссар — то есть генерал-майор — А. Лобачев, член Военного совета 16-й армии, той армии, которой командовал генерал К. К. Рокоссовский. Ни слова не было сказано о принадлежности подразделения к НКВД.

И никакой конкретики: «Немцы укрепили деревню N, превратив ее в сильный узел сопротивления на пути продвижения наших частей...» Только в одном месте стоит не N, а X. Не то опечатка, не то намек для посвященных.

Газетное сообщение завершилось патетическими словами, впоследствии оказавшимися пророческими: «Память о героях-лыжниках сохранится навеки. Слава о них будет передаваться из поколения в поколение».

21 июля того же года все погибшие воины-чекисты были награждены орденами Ленина. Впервые высшей награды государства была удостоена такая большая группа героев — по-смертно. Несколько оставшихся в живых награждены орденами Красного Знамени.

— Я оказался на самом правом фланге. Стрелять было трудно — очень мощный огонь был с той стороны, в основном очередями, трассирующими пулями. Потом стали рваться мины... Для меня тогда время очень сжалось, и я не могу сейчас до деталей все вспомнить. И вообще сколько прошло времени — сказать не могу. Помню, как подошел сзади Лазнюк, его лицо было в крови. Он приказал отходить к сараям. Я видел, как ползли ребята, и один из них, раненный, теряя силы, вдруг взорвал себя гранатой. К сараям я подошел практически без патронов...

О Ржевско-Вяземской операции, затененной предыдущими и заслоненной последующими сражениями и батальями, сейчас мало кто может рассказать. Но вот выдержка из книги «Фашизм: путь агрессии и гибели» советского историка Д. Проктора, рассказ о совещании в бункере Гитлера 12 декабря 1942 года:

«— Наша главная ошибка этого года, — заявил Гитлер, — заключалась в том, что мы наступали на Сухиничи. Не Сталинград и Кавказ, не «генеральное наступление» против Советского Союза в целом, а Сухиничи!»

Выходит, даже на фоне Сталинграда и Кавказа не стерлись в сознании Гитлера Сухиничи — те самые Сухиничи, на пути к которым омсбоновцы остановили противника ценой собственной жизни... Вообще в боях на той земле полегло очень много наших воинов — и пехотинцев, и танкистов, и артиллеристов.

— Немцы нас обходили, заходили с тыла. Патроны кончились. Тогда я поднес наган к виску — это не рисовка, в плен попадать нам было невозможно... В это время из-за сарая буквально вывалились раненый Кругляков и с ним совсем уже окровавленный Лазнюк. Кругляков крикнул: «Помоги!» Я спрятал наган, и мы вдвоем стали вытаскивать Лазнюка. По снегу это было очень трудно. Где пробежим немножко, где упадем, ползем... По нам вели огонь очень сильно... Пришлось даже из револьвера отстреливаться — но далеко было, не попал... Наконец мы свалились в овраг, там было какое-то пехотное подразделение, около взвода, которое не рискнуло прийти к нам на помощь...

Солдатские воспоминания. Не очень связные, совсем не героические и тем самым очень достоверные. Даже про свой подвиг — спасти в бою командира всегда считалось одним из высших проявлений солдатской доблести — Евгений Александрович говорит как про нечто обыденное, само собой разумеющееся. В то время как Кругляков и Ануфриев спасали командира, их боевые товарищи, попавшие в окружение, пошли на прорыв. Погибли все — последний из оставшихся в живых, заместитель политрука Лазарь Паперник, — гранатой подорвал себя и окруживших его немцев. Ему, первому из бойцов ОМСБОНа, было присвоено звание Героя Советского Союза.

БРИГАДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Михаил Федорович Орлов в Красной Армии с 1920 года, кремлевский курсант. В 1926 году направлен во внутренние войска НКВД, занимал ряд командных должностей, затем преподавал в военных учебных заведениях, был начальником Себежского военного училища НКВД. Во время войны — командир Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), личный состав которой действовал на фронтах и в тылу врага.

Ниже публикуются фрагменты его рассказа.

Война застала меня в Москве, где я готовился к сдаче государственных экзаменов в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Все мои настойчивые просьбы отправить на фронт оставались без ответа, а 28 июня меня неожиданно вызвали к начальнику Особой группы НКВД.

В кабинете я увидел комиссара госбезопасности с двумя ромбами в петлицах и тремя орденами на груди.

— Павел Анатольевич, — представился комиссар и затем без всяких предисловий объявил: — Из добровольцев создается Особая группа НКВД для выполнения специальных заданий. Начальником штаба войск группы назначен комбриг Богданов. Вы будете его заместителем.

Он кратко ознакомил меня с задачами нового формирования. Создаваемые войска предполагалось использовать для действий в тылу врага и для борьбы с танками.

Комбриг М. П. Богданов на первых порах поручил мне формирование отрядов добровольцев и их подготовку. Добровольцев отбирала специальная комиссия на стадионе «Динамо», а потом они отправлялись к месту формирования — на подмосковные стрельбища «Динамо» и Осоавиахима, где вырос целый палаточный городок. Сюда прибыло уже несколько сотен спортсменов и студентов московских вузов; позднее ЦК ВЛКСМ направил к нам большую группу комсомольцев из различных областей РСФСР. Для комплектования отрядов приезжали преподаватели и слушатели специальных школ, сотрудники органов госбезопасности и командиры войск НКВД. Исполком Коминтерна направил к нам большую группу политических эмигрантов-антифашистов, проживавших на территории СССР. Среди них были австрийцы, венгры, немцы и

представители других национальностей. Основную массу иностранных добровольцев составляли болгары и испанцы.

К концу августа четко определились наши задачи. Мы должны были быстро подготовиться к действиям в тылу противника, где предстояло всемерно помогать развитию партизанского движения, вести разведывательно-диверсионную работу...

Комбриг Богданов в июле получил новое назначение, и обязанности начальника штаба были возложены на меня. Обстановка на фронте торопила нас. В начале октября мы полностью закончили формирование двух полков и различных специальных подразделений, которые вошли в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. ОМСБОН — так теперь стали называться войска Особой группы НКВД. Командиром бригады назначили меня, а комиссаром — Алексея Алексеевича Максимова, в прошлом инженера, недавно пришедшего в органы госбезопасности. Это был умный и обаятельный человек. Живой, энергичный, он стал душой нашей бригады...

Когда враг был уже на подступах к Москве, часть подразделений бригады работала на устройстве минновзрывных заграждений на важнейших направлениях, ведущих к столице. Первые наши отряды проводили минирование в районах Можайска, Волоколамска, Каширы.

В грозные ноябрьские дни по распоряжению Генерального штаба Красной Армии мы выделили сводный оперативно-инженерный отряд для устройства минновзрывных заграждений в полосах действия 16-й и 30-й армий. В отряд вошли батальон капитана М. С. Прудникова, отдельная саперная рота и другие подразделения. Отряд возглавил бригадный инженер майор М. Н. Шперов. Подразделения устанавливали мины и фугасы на Ленинградском, Рогачевском и Дмитровском шоссе, готовили к взрыву шоссе, мосты, трубопроводы. Бойцам приходилось действовать под огнем противника.

Но главной нашей задачей были диверсионно-разведывательные действия в тылу врага. Прежде чем перейти к массовой заброске отрядов и групп ОМСБОНа в тыл врага, нужно было выяснить обстановку на оккупированной территории: как организована у гитлеровцев охрана тыла, какого рода поддержка нужна советским патриотам, ведущим борьбу с захватчиками. Отрывочных сведений, которые приходили из-за линии фронта, было явно недостаточно. Требовалась полная, квалифицированная информация.

Еще в конце июля мы направили в Смоленскую область разведывательную группу в составе Якова Степановича Кумаченко — бывшего доцента МГУ, Зинаиды Алексеевны Пивоваровой — преподавателя института иностранных языков и радиста Николая Гавриловича Абрамкина. Группе быстро удалось устроиться переводчиками в штаб немецкой танковой дивизии и войти в доверие к гитлеровцам. Через отряд старшего лейтенанта госбезопасности Ивана Спиридоновича Зуенко, действовавший в этой области, группа Кумаченко передавала нам очень ценные сведения о противнике.

В августе 1941 года в тыл врага ушел отряд под командованием Алексея Кандиевича Флегонтова, опытного партизана, героя Гражданской войны. Действуя в районе деревень Пожог, Каминская и Селище Смоленской области, отряд вел разведку, устраивал засады и нападал на мелкие группы противника. Такие же оперативные группы под командованием В. И. Пудина, И. П. Голковского и других в конце лета 1941 года были направлены во вражеский тыл на оккупированную территорию Белоруссии и Украины, в Орловскую и Курскую области.

Хочу подробнее рассказать об отряде «Митя», сыгравшем большую роль в развертывании боевых и разведывательных действий ОМСБОНа в тылу врага. «Митя» — это Дмитрий Николаевич Медведев, впоследствии Герой Советского Союза. Читателям хорошо известны его книги «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга». Многим знакомы подвиги и рассказы начальника разведки этого отряда А. А. Лукина и партизанского врача А. В. Цессарского. Но немногие знают, что это был уже второй рейд Медведева в тыл врага. А первый проходил так. В начале войны Дмитрий Николаевич пришел в Особую группу и заявил:

— Пошлите меня воевать в тыл врага. Я мог бы пойти с отрядом на Брянщину, в родные места. Мне там все хорошо знакомо.

Предложение Медведева было принято... Он познакомился с геологом Дмитрием Дмитриевичем Староверовым — опытным полярником, возглавлявшим в мирное время не одну геологическую партию. Медведев предложил ему должность начальника штаба. Комиссаром в отряд Медведева назначили коммуниста Г. Н. Кулакова — молодого инженера, прибывшего к нам по направлению ЦК партии.

Рейд начался в сентябре. Место для перехода линии фронта выбрали на реке Десне у деревни Белоголовь... Теперь как

можно скорее и незаметнее выбраться из прифронтовой полосы, где чуть ли не в каждой деревне стояли фашистские гарнизоны, а по дорогам на машинах, мотоциклах или просто пешком двигались войска противника...

Вначале отряд обосновался в Клетнянских лесах. Все население тепло встретило бойцов. Отряд стал быстро расти, в него вливались местные жители и попавшие в окружение бойцы и командиры Красной Армии. Первые хорошо знали местность, но, как правило, у них не было военного опыта, вторые были уже готовыми бойцами. Они приходили в отряд поодиночке и целыми группами. Так, в медведевский отряд пришли Герой Советского Союза майор М. Сипович, В. Чичканов, А. Творогов, Н. Саркисян, М. Оборотов, И. Грудский, И. Петрушин, И. Белов и многие другие. Лейтенант И. М. Кузин привел с собой группу в шестнадцать человек.

Медведев установил связь с местными партизанскими отрядами — Бежецким, Дятьковским, Людиновским и другими. Часто действовали совместно. Душой и руководителем многих боевых операций был Д. Д. Староверов. Однажды начальник разведки штаба отряда старший лейтенант И. Починикин получил сведения о передислокации 576-го немецкого саперного батальона. Батальон работал на участке Варшавского шоссе — основной магистрали, питавшей южный участок центральной группировки противника. Медведевцы давно хотели разделаться с этим батальоном. И вот случай представился. С группой бойцов отряда Староверов отправился к шоссе.

Впереди батальонной колонны шел вездеход, за ним — две штабные машины, мотоцикл, танкетки и грузовики с солдатами.

— Вездеход пропустить! — тихо приказал Староверов и напомнил: — Сигнал — мой выстрел.

Снайперский выстрел Староверова сразил шофера штабной машины. Она беспомощно остановилась поперек шоссе. На нее наскочила вторая машина. Теперь уже стреляли все. В машины летели гранаты. Танкетки повернули назад. За ними помчались грузовики.

В тот же день радист отряда Анатолий Шмаринов передал в Москву: «...захвачено знамя батальона, штабные документы, оружие, продовольствие, уничтожено много вражеских солдат...»

Гитлеровское командование, встревоженное действиями партизан, бросило против них эсэсовские части.

Наступила осень, осыпались листья, и лес теперь просматривался далеко. Вскоре выпал снег. Мы пытались снабдить медведевцев теплым обмундированием, оружием и продовольствием. Но немцы обнаруживали самолеты, и летчики, боясь выдать карателям место расположения отряда, улетали обратно. 10 октября поступили сведения о том, что недалеко от лагеря медведевцев появился крупный отряд карателей. Староверов решил сам пойти в разведку. Он взял с собой двух человек — капитана И. И. Луковенко и бойца Ивана Шауру — и направился в село Батаево. Там жила учительница, которая не раз помогала партизанам.

Из разведки Староверов не вернулся. Измученный Илья Луковенко притащил на себе раненого Шауру и долго не мог начать рассказ...

Эсэсовцы окружили дом. Староверов с товарищами выскочили во двор и укрылись за земляной крышей ледника. Начался бой. Три пистолета и одна винтовка против целого отряда карателей.

Первым вышел из строя Шаура, сраженный двумя разрывными пулями. Ранен был и Староверов, но продолжал стрелять. После второго ранения Староверов приказал Луковенко с Шаурой отходить. Луковенко потащил Шауру к оврагу. Меткие выстрелы Староверова не позволяли карателям высунуться, и они, видимо, не сразу поняли, что за крышей ледника остался один человек. Луковенко прислушивался к выстрелам. Он несколько раз порывался оставить Шауру и броситься на помощь Староверу, но стоны раненого останавливали его...

Труп начальника штаба медведевцы нашли за ледником. Староверов не сдался живым, последнюю пулю оставил себе. Дмитрия Дмитриевича Староверова похоронили с воинскими почестями. 13 ноября отряду пришлось выдержать бой с карателями. Он длился четыре часа. Немцы пустили в ход минометы и крупнокалиберные пулеметы. Медведевцы потеряли пять человек, шестеро были ранены. Дмитрий Николаевич приказал отходить, но уйти от преследования было трудно. Выручила группа политрука А. Ф. Боголюбова: она прикрыла отход и задержала карателей. Боголюбов погиб в бою. Сам Дмитрий Николаевич был контужен и ранен в ногу.

Медведевцы и местные партизанские отряды покинули Клетнянские леса и ушли в Могилевскую область. Наступил декабрь. Однажды радист Шмаиринов услышал в наушниках радостную весть: наши войска наступают. Ударные группи-

ровки врага, угрожавшие Москве, откатываются на запад. В эти дни активность медведевского отряда возросла. Мы получили из Брянских лесов сведения о концентрации немецких войск в Брянске и Бенице, о расположении вражеских аэродромов, о возведении противником укреплений по берегам Десны и Ботвы. Медведовцы сумели раздобыть и переправить через линию фронта схемы этих укреплений с подробной характеристикой.

В конце декабря была задумана боевая операция с участием Людиновского и Лятковского партизанских отрядов, получившая название «Ночь перед Рождеством». Медведовская разведка установила, что немцы усиленно перебрасывают войска и технику в восточном и северо-восточном направлениях. На железных дорогах Рославль—Киров и Брянск—Сухиничи интенсивность движения возросла настолько, что поезда с войсками и боевой техникой проходили порой через каждые 15—20 минут. Было ясно, что цель этих перебросок — остановить наступление Красной Армии.

Вечером 25 декабря началось осуществление задуманного плана. Первая группа под командованием Д. Н. Медведева взорвала мост южнее станции Зикеево, прервав движение на линии Брянск—Сухиничи. Вторая группа, руководимая комиссаром Г. Н. Кулаковым и новым начальником штаба Героем Советского Союза майором М. И. Сиповичем, подорвала эшелон с войсками на линии Рославль—Киров. Партизаны заложили под полотно железной дороги сразу четыре мины и взорвали их одновременно. Эшелон был разбит почти полностью. Обломки загромождали путь. Взорванный состав (это разведка установила позже) оказался первым эшелоном гитлеровской дивизии, перебрасываемой из Франции на Восточный фронт. Третью группу составили местные партизанские отряды под командованием Смертина, Куклина и Бранта. Она совершила налет на станцию Судимир, где из-за взрыва моста около Зикеева скопились воинские эшелоны. Партизаны обстреляли и забросали гранатами вагоны и помещение вокзала, где гитлеровские офицеры справляли Рождество. На железнодорожных линиях образовались пробки. У станционных семафоров застряли воинские эшелоны. Была еще одна группа, которую возглавлял начальник разведки Починикин. Перед нею поставили задачу проникнуть в Жиздру.

Обезоружить караульных у комендатуры и полицейского управления было не так уж трудно. В управлении нашли список полицейских с их адресами. Город оказался в руках медве-

девцев. Починикин, правда, опасался, не успел ли бургомистр предупредить соседние гарнизоны. Он по телефону вызвал Зикеево.

— Скажите, вы просьбу бургомистра выполнили?

— Какую просьбу?

— А разве он вам не звонил?

— Нет. А какая просьба? — настаивали на другом конце провода.

— Ну тогда он сам вам позвонит.

Починикин положил трубку и оборвал провод — связь была прервана.

Медведевцы освободили из тюрьмы арестованных, захватили оружие, документы. Утром на площади собралось все население города. Жители узнали о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. На глазах у всего населения были казнены предатели — начальник полиции и несколько полицейских. При налете на Жиздру медведевцы захватили сына известного в дореволюционное время князя Львова. Он жил в нашей стране под фамилией Корзухин и выполнял задания гитлеровской разведки. В начале войны был призван в армию, но сразу же дезертировал и вернулся к своим хозяевам. На оккупированной территории Львов служил в гестапо и считался «специалистом» по партизанам. У Львова изъяли адреса явок немецкой агентуры в тылу нашей страны. «Корзухин»-Львов был доставлен в Москву самолетом. Захват изменника и данные им показания позволили обезвредить многих фашистских шпионов и диверсантов, обосновавшихся в различных районах нашей страны.

Четыре месяца пробыли медведевцы в районе Люциново, и через несколько дней мы встретили их в Москве. В сентябре 1941 года в тыл врага ушла небольшая группа — 31 человек, вернулось 272.

Опыт медведевцев стал общим достоянием. Вопросам и расспросам не было конца. Интересовались не только боевыми действиями, но и бытом, жизнью партизан. Для ОМСБОНа рейд медведевцев имел огромное значение. Он показал, что боевые действия наших отрядов в тылу врага не только возможны, но и весьма эффективны.

Подвиг медведевцев был отмечен советским правительством. Тридцать три бойца и командира награждены орденами и медалями. Д. Н. Медведеву и Г. Н. Кулакову вручили ордена Ленина. Посмертно были награждены Д. Д. Старовров и А. Ф. Боголюбов...

Потом были новые рейды, жаркие схватки с фашистами и их прислужниками.

...Бой начался на рассвете. Плотный огонь и минные поля преградили путь лыжникам. Подавить огневые точки было нечем, и пулеметы бесновались в своих кирпичных укрытиях. В снегу разрывались мины. Появились раненые и убитые. С наступлением темноты атака возобновилась. На помощь отряду Горбачева Лазнюк привел часть своего отряда, и лыжники ударили с двух сторон. Под покровом темноты старший сержант В. И. Борисович подобрался к дому, откуда строчил станковый пулемет, и гранатой, брошенной в окно, уничтожил расчет. Отряды ворвались в деревню. Бой шел всю ночь, то утихая, то нарастая с новой силой. Под утро немцы усилили натиск. Командиры решили отступить. Почувствовав, что огонь слабеет (боеприпасы подходили к концу), противник попытался отрезать путь лыжникам. Лазнюк бросился вперед:

— Отходите, я прикрою!

Вместе с командиром добровольно остался старший сержант Николай Худолеев. Лазнюк и Худолеев не переставали стрелять до тех пор, пока все лыжники не покинули деревню. Теперь нужно было уходить самим. А немцы продолжали наступать. И тогда, перекрывая шум боя, Худолеев закричал:

— Первая и вторая рота с флангов, третья рота, за мной! В атаку! Вперед!

Решительный командирский голос привел гитлеровцев на какое-то время в замешательство. Этого было достаточно. Лазнюк и Худолеев выскочили из своего укрытия и выбежали из деревни. Вдогонку засвистели пули. Лазнюк и Худолеев были уже далеко, и опасность, казалось, миновала. Неожиданно сержант упал в снег...

На следующий день Лазнюк уже вел поиск у деревни Хлуднево. Укрыв бойцов в лесу, старший лейтенант послал в разведку отделение Алексея Круглякова. Бойцы вернулись через полтора часа. Сержант доложил, что в деревне более четырехсот немецких солдат. Жители деревни ютятся в землянках, сараях и погребках. На улицах разведчики заметили четыре танка и минометы.

Выслушав доклад Лазнюка, полковник Еремин приказал ему с частью отряда идти в деревню Которь и действовать по указанию командира 1103-го полка. На рассвете после артподготовки отряд Лазнюка должен был ударить на Хлуднево с юга, отвлечь внимание противника, а в это время подразделения полка поведут наступление с другой стороны. Ночью лыж-

ники вышли на исходный рубеж. В деревне было тихо. Ни единого звука не доносилось и с другой стороны Хлуднева, отделенного оврагом. На краю деревни на небольшом холме стоял длинный сарай с высокой полуразрушенной крышей. Там и расположился отряд. В сарае было холодно, но все же теплее, чем в поле. Прижавшись друг к другу, бойцы старались согреться. Едва ночное небо начало сереть, ударили орудия. Десяток снарядов разорвался в деревне, и все смолкло. Немцы приняли это за обычный артоналет и остались в домах.

По команде Лазнюка лыжники выбежали из сарая и устремились к домам и оврагу. Притихшая деревня наполнилась стрельбой. Полуодетые немецкие солдаты выскакивали из домов и попадали под огонь автоматов и карабинов. Опомнившись, фашисты начали отвечать на огонь. Среди лыжников появились раненые. Фельдшер Молчанов перебежал от одного бойца к другому. Ранен был и Лазнюк. Фельдшер перевязал его, и командир снова ринулся в пекло боя. Но вот морозный туман начал рассеиваться, и немцы увидели, что их атакует небольшой отряд красноармейцев. Яростнее заработали пулеметы, чаще стали рваться мины. Между домами, в оврагах и садах замелькали полусогнутые спины солдат в зеленых шинелях: гитлеровцы обходили лыжников с флангов. Сквозь взрывы мин и треск пулеметов Лазнюк старался уловить звуки боя на другом конце деревни. Но там было тихо. Подразделения 1103-го полка атаку не начинали. Между тем у лыжников уже кончались боеприпасы.

— Надо отходить, — решил старший лейтенант.

Он подал сигнал — отходить в сторону большого сарая. В этот момент Лазнюка ранило вторично, он упал. Командование отрядом принял комиссар М. Т. Егорцев. Он приказал вынести Лазнюка с поля боя. Командира понес Алексей Кругляков, тоже имевший ранение. Перебежками и ползком лыжники отступили к большому сараю с сеном. Вместе с другими отходил и сержант Евгений Ануфриев. Слева от себя он заметил бойца, который быстро и ловко полз по снегу. Вдруг около него замелькали дымки трассирующих пуль, и ноги бойца, прошитые пулеметной очередью, безжизненно вытянулись. Но боец был жив. Он вытащил гранату и, когда немцы подбежали к нему, взмахнул рукой. Взрыв разбросал солдат в стороны. Все произошло так быстро, что Ануфриев не успел разглядеть, кто это был. В кустах Евгений заметил Круглякова и подполз к нему. Рядом с Алексеем лежал Лазнюк. Вдво-

ем они подняли командира и повели. Лазнюк тяжело ступал по снегу, часто совсем повисая на руках своих спутников.

То, что произошло в Хлудневе позже, нам стало известно по рассказам местных жителей и двух раненых бойцов, Бориса Перлина и Ивана Королькова, которым удалось выбраться из деревни. Немцы окружили сарай, где собрались остатки отряда. Один за другим выбывали из строя бойцы. Но никто не сдался и не попросил пощады. Боролись до конца. Последним оставался заместитель политрука Лазарь Паперник. В белом окровавленном маскхалате с гранатой и пистолетом в руках поднялся он навстречу врагам. Таким его запомнил Борис Перлин, лежавший раненым на сене в сарае. Паперник тоже заметил Перлина.

— Борис! — крикнул он. — Передай ребятам, что я умер честно.

Он успел сделать несколько выстрелов, прежде чем на него набросились враги. И когда гитлеровцы окружили его, намереваясь захватить живым, раздался глухой взрыв гранаты. Вместе с героем погибло около десятка фашистов. Когда все было кончено, гитлеровцы набросились на трупы. Они срывали валенки, полушубки, ушанки, кололи мертвых штыками, разряжали автоматы в бездыханные тела.

14 февраля 1942 года о подвиге лыжников Лазнюка узнала вся страна. В «Правде» была опубликована статья члена Военного совета 16-й армии дивизионного комиссара А. А. Лобачева «Герои-лыжники». Все двадцать два погибших бойца и командира были навечно зачислены в списки 2-го полка ОМСБОНа. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1942 года Л. Х. Папернику присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Командир отряда К. З. Лазнюк и погибшие в бою комиссар М. Т. Егорцев, младший лейтенант П. Н. Славтский, старшина И. Е. Бойченко, военфельдшер А. П. Молчанов, сержант Г. В. Серяков, красноармейцы В. П. Аверкин, М. А. Аулов, П. И. Бочаров, А. А. Бирман, М. В. Головаха, Е. В. Дешин, В. Я. Захаров, А. И. Кишкель, И. Г. Копытов, Н. Ф. Лебедев, И. И. Лягушев, В. Ф. Москаленко, А. Н. Алесик, М. В. Соловьев, А. П. Храпин, М. М. Ястребов награждены орденом Ленина.

В ту же ночь на 23 января на большаке между деревнями Шваново и Брынь произошел другой бой, короткий, но не менее ожесточенный... Но в этом коротком бою погибли полковник Орлов (как сообщалось в донесении), капитан Горбачев и четырнадцать лыжников.

...В апреле 1942 года я ездил в штаб 16-й армии. Член Военного совета А. А. Лобачев поехал со мной на места недавних боев. Мы побывали в Кишесевке, Хлудневе и Брыни. Политрук Черниченко, который по заданию Лобачева по горячим следам собирал материалы о героях-лыжниках, рассказал нам много подробностей. Побывали мы и на большаке, где погибли Горбачев и его бойцы. Оттуда мы направились в Брынь. На братской могиле стоял столбик с надписью на фанерной дощечке. Среди фамилий я прочитал: полковник Орлов М. Ф. Не каждому представляется возможность побывать на собственной могиле. У меня даже пот выступил на лбу. Оказалось, это мой однофамилец, начальник разведки, в 328-ю дивизию прибыл недавно, и никто не знал его имени и отчества. Видимо, кто-то из наших бойцов решил, что убитый полковник и есть командир ОМСБОНа.

На фронте продолжались ожесточенные бои. Гитлеровцы всеми силами стремились сохранить за собой важные рубежи вблизи Москвы и цепко держались за Ржев, Вязьму, Гжатск, Людиново, Жиздру, Брянск.

Командование ОМСБОНа решило помочь нашим войскам на фронте и сосредоточило свое внимание на районе Смоленска и Брянских лесов. Через Смоленск и Брянск проходили важнейшие коммуникации, питавшие гитлеровские войска под Вязьмой и Ржевом, Кировом и Людиновом. Перед нами стояла задача систематически наносить удары по этим коммуникациям, выводить из строя железнодорожные магистрали, взрывать эшелоны, мосты, уничтожать вражеских солдат и боевую технику...

В феврале и марте 1942 года за линию фронта ушло более двадцати вновь сформированных отрядов под командованием С. А. Ваупшасова, А. И. Воропаева, Ф. Ф. Озмителя, С. А. Каминского, П. Г. Лопатина, М. Г. Хвостова, А. Г. Миронова, М. К. Бажанова, Н. С. Артамонова, Н. А. Балашова, П. Я. Попова, Г. Ф. Шевченко, А. П. Шестакова, П. Г. Шемякина М. С. Прудникова, И. М. Кузина, В. Л. Нeklюдова, Е. И. Мирковского, П. А. Коровина и других... Я пробежал глазами список отряда Васина, поданный мне машинисткой. Попади этот список в руки опытному болельщику, он счел бы, что это состав советской команды на каких-либо международных спортивных соревнованиях. Тут были Николай Шатов — известный штангист, восьмикратный чемпион СССР и рекордсмен мира, Михаил Иванович, который

вместе с братьями Знаменскими ездил в Париж на кроссы «Юманите», гребец Александр Долгушин, дискоболы Леонид Митровольский и Али Исаев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Коржуев, пловец Константин Мадей — всех не перечесать. Многих из бойцов этого отряда уже не было в живых. Погиб младший лейтенант Григорий Пыльнов, известный борец. Недоставало в списке и самого капитана Васина, и комиссара отряда Утяшева. Командир и комиссар погибли, отряд поредел, но боевое задание осталось, и его надо выполнить.

Кого же поставить во главе отряда? Мы остановились на старшем адъютанте 1-го батальона 2-го полка капитане Анатолии Петровиче Шестакове. Он уже отличился в боях под Москвой и был награжден орденом Красного Знамени. Комиссаром отряда назначили политрука В. С. Пегова, начальником разведки В. В. Рыкина.

Отряду дали кодовое название «Славный». В начале февраля Анатолий Петрович Шестаков и его помощники выехали в Козельск, где находился отряд. В штабе 16-й армии Шестакова встретили радушно. Константин Константинович Рокоссовский в короткий срок решил все вопросы, связанные с переходом линии фронта.

— Это те бойцы, которые помогли нам под Москвой, — пояснил он своим офицерам и приказал начальнику разведотдела переправить отряд через линию фронта. Должен сказать, что с этого момента у нас установился постоянный контакт с командованием 16-й армии — К. К. Рокоссовским, А. А. Лобачевым и М. С. Малининым; они помогали нам всегда, когда это было необходимо. Да и сами они смогли оценить возможности нашей работы и не раз обращались в ОМСБОН с просьбой направить спецотряды в глубокие тылы немецко-фашистских войск, действовавших на их фронте.

Через несколько дней Шестаков вышел в эфир. В радиogramме сообщалось, что отряд «Славный» успешно проник в тыл врага. Подробности того, как встречали отряд местные жители, мне уже много позднее рассказал врач отряда Илья Давыдов. В тяжелых условиях перейдя линию фронта, бойцы около трех суток в сильный мороз бродили в заснеженных лесах. Почти во всех селах стояли немецкие гарнизоны, но людям необходим был хотя бы небольшой отдых. Наконец разведчики доложили Шестакову, что в лесной деревушке Думлово фашистов нет и там ждут бойцов. Все население вышло встречать отряд. Женщины, увидев красные звездочки на шап-

ках, плакали от радости: Красная Армия пришла! Староста, оказавшийся честным советским человеком, сделал все возможное, чтобы бойцы согрелись, отдохнули, выпалились. Омсбоновцы рассказали жителям о ноябрьском параде в Москве, и по окрестным деревням распространилась весть о том, что пришли бойцы прямо с Красной площади.

Через несколько дней после ухода отряда в Думлово ворвались немцы и, угрожая старосте расстрелом, потребовали показать лагерь партизан. Староста долго водил карателей по лесу и наконец привел в старый лагерь, построенный еще медведовцами. Увидев заброшенные землянки, фашисты жестоко расправились с патриотом...

ПО ПУТИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Немцы не доверяли славянам командование восточными частями. Однако несколько независимых русских подразделений с русскими командирами все же были сформированы в 1941—1945 годах.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ

Первым из подобных формирований была 1-я Русская национальная армия (РНА) под командованием Б. Хольмстон-Смысловского, бывшего офицера русской армии, дослужившегося в войсках вермахта до майора. Основой РНА стал русский батальон, сформированный в Прибалтике в июле 1941 года. В 1945 году эта часть, названная «Особой дивизией «К», насчитывала уже 20 тысяч человек, сведенных в 12 пехотных батальонов.

В декабре 1943 года германское командование приказало расформировать дивизию, в апреле 1944 года она была восстановлена, но в виде отдельных батальонов и рот, разбросанных по Восточному и Западному фронтам.

В январе 1945 года немцы согласились на создание единой части под командованием Хольмстон-Смысловского, которая на этот раз получила название 1-й Русской национальной армии. Личный состав армии был набран в основном из военнопленных и перебежчиков, однако среди старших офицеров было значительное количество эмигрантов первой волны.

Армия насчитывала 6000 человек, сведенных в два полка. В апреле 1945 года, когда положение Германии было уже без-

надежно, Хольмстон-Смысловский отдал приказ отступить на запад. В начале мая группа Смысловского, сократившаяся к этому времени до 2000 человек, достигла австрийского города Фельдкирха, а затем перешла границу Лихтенштейна, где и была интернирована. Правительство Лихтенштейна отказалось выдать интернированных советским представителям и позволило эмигрировать всем, кто не желал возвращения в Советский Союз. Этой возможностью воспользовалось около 400 человек, в том числе и сам Смысловский. Он выехал в Аргентину, где стал правительственным советником по борьбе с терроризмом.

Русская народная национальная армия (РННА) под командованием сначала полковника Иванова, затем полковника Боярского и, наконец, полковника Рили начала формироваться в феврале 1942 года в поселке Осинторф в Белоруссии. Личный состав ее был набран преимущественно из лагерных военнопленных. Общая численность РННА достигала 4000 человек. В боевых действиях она участия не принимала, не считая нескольких экспедиций против партизан. В феврале 1943 года РННА была включена в состав вермахта как 700-й полк особого назначения, который до конца года находился в районе Минска.

В конце 1941 года инженером К. Воскобойниковым в районе Брянска была создана воинская часть из местных жителей и военнопленных, названная позже Русской освободительной народной армией (РОНА). Ее командиром стал Б. Каминский. К 1942 году РОНА насчитывала около 10 тысяч человек и состояла из 5 пехотных полков, 1 танкового и 1 зенитного батальонов. В местности, контролируемой РОНА (в районе Локтя), было установлено своеобразное русское самоуправление. Немцы в тех местах почти что не появлялись. Солдаты РОНА активно действовали против брянских партизан. В конце 1943 года они были эвакуированы в Белоруссию, в район Полоцка. Летом 1944 года после успешной антипартизанской операции в районе Лепеля—Полоцка бригада Каминского была переподчинена СС и стала именоваться 29-й гренадерской дивизией войск СС. Каминский, удостоившийся аудиенции у рейхсфюрера СС Гиммлера, получил чин бригаденфюрера СС.

Черной страницей в истории дивизии Каминского стало ее участие в подавлении Варшавского восстания. Введенные в город 1700 солдат бригады буквально залили кровью район Охота. 5 августа 1944 года солдаты Каминского устроили страш-

ную и совершенно беспричинную резню (в районах Охота и в соседнем — Воля — практически не было повстанцев), за неполный день перебив более 15 тысяч человек. Среди жертв Каминского оказалось много немцев, в том числе родственников немецких офицеров. 8 августа командующий 9-й немецкой армией, части которой занимали Варшаву, генерал фон Форманн направил ответственному за подавление восстания обергруппенфюреру СС Эриху фон ден Бах-Зелевскому протест против действий солдат 29-й эсэсовской дивизии. Через 20 дней бойцы Каминского были выведены из Варшавы, а сам он был предан военному суду и расстрелян. 29-я дивизия войск СС до середины октября 1944 года находилась в Кампиносском лесу под Варшавой, после чего была разоружена, а ее личный состав был направлен на комплектование 1-й пехотной дивизии РОА.

РУССКИЙ КОРПУС

Российская диаспора в Югославии всегда имела правые политические взгляды, что неудивительно, если учесть, что именно там осело значительное количество офицеров врангелевской армии. Германское вторжение в СССР они расценили как начало «освободительного похода против большевизма». И 12 сентября 1941 года появился приказ, подписанный генералом Скородумовым, о формировании Русского корпуса. Начался набор добровольцев, местом сбора которых стали Топчидерские казармы в Белграде.

Уже 14 сентября первый командир корпуса Скородумов, рассорившийся с немцами, был арестован гестапо, но его дело продолжил генерал Штейфон, бывший начальник штаба армии Кутепова. Ему удалось создать довольно крупное и хорошо обученное формирование. Вступившие в корпус стремились в Россию, чтобы лично принять участие в освобождении родины от коммунистического ига. Но у немцев были на этот счет другие планы. Как мы уже говорили, они опасались отправлять на восток крупное русское формирование, да еще во главе с русскими офицерами. К тому же им нужны были силы для борьбы с нараставшим в Югославии партизанским движением. В итоге Русский корпус (в разное время именовавшийся также Русским охранным корпусом и Русской охранной группой) вплоть до 1945 года сражался в Югославии против партизан, а в конце войны — против Красной Армии и ее новоявленных союзников — болгар.

КРАСНОАРМЕЙЦЫ В НЕМЕЦКИХ МУНДИРАХ

В ходе войны немцы все чаще стали привлекать подразделения, сформированные из советских военнопленных и перебежчиков, для непосредственного участия в боевых действиях. В вермахте появились так называемые восточные войска.

Под восточными войсками нередко понимают все добровольческие части германской армии, набранные из советских граждан, что неверно. Сами немцы использовали этот термин применительно лишь к национальным (туркестанским и кавказским) легионам, славянским и прибалтийским полевым батальонам. Войска СС, полиция, казаки восточными войсками в строгом смысле не являлись.

Как отмечалось выше, в немецких дивизиях целые подразделения были укомплектованы русскими. Пополняясь за счет военнопленных и гражданского населения, они разрастались до размеров батальонов, которые носили номера своих дивизий. Весной 1943 года эти батальоны были выведены из состава дивизий и стали, таким образом, самостоятельными подразделениями под командованием немецких офицеров.

Всего в 1942—1943 годах было создано 54 русских, украинских и белорусских полевых батальона, имевшие следующие номера: 263, 308, 601—626, 627—650, 653, 661—666, 674. Часть этих батальонов использовалась против партизан, а часть воевала на фронте как обычные боевые подразделения.

Формирование национальных батальонов началось несколько раньше — в ноябре—декабре 1941 года. В ноябре были сформированы один эстонский (№ 658) и два латвийских батальона (№ 659—660). Первоначально они действовали в составе немецких, а позже были включены в сформированные эстонские и латвийские части СС.

В декабре 1941 года в ставку Гитлера прибыл с визитом турецкий генерал Эркилет, который, помимо всего прочего, ходатайствовал об освобождении военнопленных — кавказцев и азиатов. Гитлер не только согласился с генералом, но и санкционировал формирование национальных легионов. 30 декабря была подписана соответствующая директива ОКВ. Личный состав создаваемых легионов сосредотачивался в Польше: Туркестанский — в Легионове; Мусульманский Кавказский (позже переименованный в Азербайджанский) и Волго-Татарский легионы — в Ельдне; Северокавказский — в Везоле; Грузинский — в Кружине; Армянский — в Пулавах. В Леги-

онове располагалась также школа для национальных унтер-офицерских и офицерских кадров.

Следует уточнить, что термин «легион» служил лишь для обозначения всех формирований одной национальности. Основной оперативно-тактической единицей восточных войск был батальон. Национальные батальоны формировались с весны 1942 года в несколько этапов, или, по немецкой терминологии, «волн». Первая волна — весна 1942 года, когда были сформированы два туркестанских батальона (№ 450 и 452). Вторая волна приходится на осень 1942 года: туркестанские батальоны № 781—784; грузинские № 795 и 796; северокавказские № 800—802; азербайджанские № 804 и 805; армянские № 808 и 809.

Весной 1943 года были сформированы туркестанские батальоны № 785—789; грузинские № 797—799 и 822; северокавказский № 803; азербайджанские № 806, 807, 817, 818; армянские № 810—813 и волго-татарские № 825—827.

Наконец, последняя волна относится к лету—осени 1943 года. Тогда были созданы туркестанские батальоны № 790—792; армянские № 814—816; азербайджанские № 819 и 820; грузинские № 823 и 824; татарские № 828—831; северокавказские батальоны № 835—837. Всего было создано 108 полевых восточных батальонов, из которых примерно одна треть сражалась на фронте, а остальные были направлены на борьбу с партизанами, а также охраняли немецкие тылы и коммуникации. Каждый батальон состоял примерно из тысячи человек, из которых немцев было не более 40—50 (главным образом офицеров и унтер-офицеров).

Помимо перечисленных батальонов, были сформированы и более крупные подразделения: 1-й восточный запасной полк «Центр», находившийся в Бобруйске; добровольческий полк «Десна» — в Брянске. В Брянских лесах действовал 709-й полк особого назначения; 45-й восточный егерский полк охранял тылы групп армий «Север».

В начале 1944 года воевавшие в Италии англичане и американцы с удивлением обнаружили, что некоторые из плененных ими немецких солдат имеют далеко не арийские раскосые глаза и типично азиатский тип лица. С немалым удивлением они узнали, что против них действует целая дивизия, набранная немцами из жителей советской Средней Азии.

Туркестанская 162-я пехотная дивизия вермахта формировалась с лета 1943 года на полигоне Нейхаммер, в Силезии, из солдат переброшенных на запад национальных легионов. В

октябре формирование дивизии было завершено, и она была отправлена в Италию, где действовала до конца войны.

В августе 1942 года немецкий офицер Отто Долл в сопровождении лишь шофера и радиста отправился на легковом автомобиле в калмыцкие степи, чтобы установить контакты с антисоветски настроенными калмыками. Долл пообещал им «после войны» создание самостоятельной Калмыкии под опекой Германии. Главным итогом поездки Долла стало появление калмыцких формирований в германской армии. Отдельные конные калмыцкие формирования придавались германским дивизиям, действовавшим на южном участке фронта, где использовались для разведки и охранной службы.

В августе 1943 года на базе семи кавалерийских эскадронов был создан Калмыцкий кавалерийский корпус (ККК). Вскоре корпус пополнился значительным числом добровольцев из числа ушедших вместе с отступающими немцами калмыков. Корпус был подчинен тыловым подразделениям вермахта, действовавшим на южном участке фронта (Кавказ, а затем Украина). Затем корпус отступил в Польшу, где впервые участвовал в крупном сражении под Радомом в январе 1945 года и понес большие потери. После этого он был выведен на переформирование в Баварию. В марте 1945 года калмыцкие формирования были включены в 15-й казачий кавалерийский корпус как Отдельный спешенный кавалерийский полк.

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ

«Против нас стоит стовосьмидесятимиллионный народ — смесь рас, имена которых невозможно выговорить и внешность которых такова, что их надо убивать без всякого милосердия и пощады. Это звери... с ними нельзя обращаться, как с порядочными солдатами» — так говорил рейхсфюрер СС Гиммлер о советских людях в своей речи 13 июля 1944 года. Однако намного раньше тот же Гиммлер санкционировал набор в войска СС добровольцев из числа представителей народов СССР. К моменту произнесения упомянутой речи их численность достигла примерно 300 тысяч человек.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Первой восточной эсэсовской частью был эстонский батальон «Нарва», включенный в состав 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Он участвовал в Курской битве, а в 1944 году

почти полностью погиб в Черкасском (Корсунь-Шеменковском) «котле».

28 августа 1942 года Гиммлер подписывает директиву о создании эстонского легиона СС. 13 октября первая группа эстонцев отправляется в Германию, в учебный лагерь Хайде, где начинается формирование 3-й эстонской добровольческой бригады войск СС. Уже 17 ноября 1943 года эстонская бригада прибывает на фронт в районе Невеля, на участок группы армий «Север». В январе 1944 года эстонская бригада была развернута в 20-ю гренадерскую дивизию СС, имевшую неофициальное название «Эстланд». Немецкими властями проводится три призыва в части СС — в декабре 1943 года, в августе 1944 и в январе 1945 годов. Весной—летом 1944 года эстонская дивизия СС сражалась в районе Нарвы. После того как русские войска заняли Нарву, «Эстланд» отступила к Таллину. До 22 сентября она обороняла подступы к таллинской гавани, а затем присоединилась к отходящим частям вермахта.

В упорных летних и осенних боях 1944 года 20-я дивизия СС потеряла до половины личного состава. Германское командование приняло решение вывести обескровленную дивизию в тыл для отдыха и переформирования.

До весны 1945 года бойцы эстонской дивизии находились на отдыхе в Силезии. В конце апреля часть из них смогла пробиться с боями в Западную Чехию, где капитулировала перед американцами. Остальные солдаты и офицеры либо погибли в боях с советскими войсками, либо попали к ним в плен.

Приказ о создании латвийских частей СС был подписан 4 ноября 1942 года, 23 февраля следующего года началась мобилизация латышей призывного возраста, в результате которой в войска СС было набрано 2200 человек. При этом 6000 человек уклонились от призыва. Одновременно началось формирование латвийской добровольческой бригады СС, которая осенью 1943 года была направлена на фронт в район Острова, а также на участок группы армий «Север», где и находилась до февраля 1944 года. Крупных боевых действий латыши там не вели.

Весной 1944 года латвийская эсэсовская бригада была возвращена в 19-ю гренадерскую дивизию. Одновременно формировалась и вторая — 15-я латвийская эсэсовская дивизия.

В июле того же года обе дивизии были включены в состав 6-го добровольческого корпуса СС и отправлены на фронт,

проходивший по линии латвийско-русской границы. По иронии судьбы на том же участке фронта с советской стороны действовал латвийский 13-й стрелковый корпус. В результате там установилось временное перемирие, продолжавшееся до тех пор, пока советское командование не заменило 133-й корпус другими войсками.

К августу 1944 года немецкая оборона была прорвана, и отныне две латвийские дивизии действовали по отдельности, 15-я дивизия войск СС была выведена в Восточную Пруссию, где она была временно разоружена. В январе 1945 года латыши были направлены в Померанию, где вели тяжелые бои против советских войск. В марте того же года 15-я дивизия СС была снова выведена в тыл. В апреле часть ее отступила к устью Эльбы, где была пленена американцами, небольшая группа латышей из 15-й дивизии участвовала в обороне Берлина, а основная масса оказалась в районе Ней-Руппина, где 7 мая 1945 года сдалась в плен Красной Армии.

19-я гренадерская дивизия СС осенью 1944 года отступила в Курляндию. Там она вела непрерывные тяжелые бои с советскими войсками и 10 мая 1945 года капитулировала вместе со всей немецкой группировкой.

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКИХ ПАТРИОТОВ

Набор украинцев в СС начался в апреле 1943 года, на сборные пункты тогда явилось 40 тысяч человек, из которых 30 тысяч были признаны годными к службе. Примерно две третьих украинского контингента были отправлены в учебный лагерь в Нейхаммере, в Силезии, где началось формирование 14-й дивизии войск СС «Галичина» (1-й галицийской). Из оставшихся 10 тысяч были сформированы части «Мертвая голова», предназначенные для охраны концлагерей.

История украинских частей «Мертвая голова» до сих пор почти не известна. Осенью 1943 года украинцы, численностью около полка, охраняли Бухенвальд. Несколько украинских рот несли охрану лагеря в Освенциме. Сведения об этом содержатся в воспоминаниях уцелевших узников этих лагерей.

Но вернемся к истории 14-й дивизии СС. В мае 1944 года она была направлена в Карпаты, где воевала с немногочисленными в тех местах прокоммунистическими партизанскими отрядами. Имели место и столкновения с формированиями украинской повстанческой армии. В 1989 году на Львовщине

был поставлен памятник 29 солдатам УПА, расстрелянным эсэсовцами из дивизии «Галичина».

Вскоре дивизия, переименованная к тому времени из «галицийской» в «украинскую», была включена в состав немецкого 13-го армейского корпуса. 13 июля началось советское наступление в Карпатах, а уже 18-го «Галичина», не успев переправиться через Западный Буг, попала в окружение, из которого она вышла с колоссальными потерями: из 18 тысяч человек в строю осталось всего три тысячи.

В августе 1944 года остатки дивизии были выведены в Словакию. После длительного отдыха и переформирования отдельные части дивизии участвовали в подавлении словацкого национального восстания.

Зимой—весной 1945 года на основе дивизии «Галичина» началось формирование украинской национальной армии под командованием Павло Шандрука. 14-я эсэсовская дивизия стала отныне именоваться 1-й дивизией УНА. До конца войны она действовала в Северной Югославии против партизан Тито и 5 мая капитулировала перед англичанами. Шандрук смог спасти своих солдат от депортации в Советский Союз, заявив англичанам, что все они являются польскими гражданами.

В 1944 году вместе с немецкими войсками отступила и набранная из местных жителей полицейская бригада «Зиглинг», названная так по фамилии командира. Из нее была сформирована 30-я дивизия СС «Вайсрутения». В немецких документах и в литературе она именуется по-разному — либо «1-й белорусской», либо «2-й русской» дивизией. В августе 1944 года «Вайсрутения» была отправлена во Францию, в район Бельфора, где непродолжительное время сражалась с французскими партизанами «маки». В ноябре она была выведена в Германию и расформирована. Ее солдаты были направлены в создаваемые части Русской освободительной армии, а немецкие офицеры и унтер-офицеры — в 25-ю и 38-ю эсэсовские дивизии.

КАЗАКИ

22 июля 1941 года к командующему немецкой группой армий «Центр» фон Шенкендорфу явился парламентар от советского 436-го стрелкового полка 155-й дивизии с предложением о сдаче в плен. Получив от немцев заверения в безопасности, командир полка собрал бойцов и изложил им свои намерения. Закончил он словами: «Желающие идти со мной (пе-

рейти к немцам) пусть станут справа, желающие остаться — слева». Все как один стали справа.

Это был первый массовый переход советских солдат на сторону противника. Командиром 436-го полка был майор Иван Никитич Кононов, впоследствии командовавший 3-й пластунской дивизией 15-го казачьего кавалерийского корпуса вермахта. Именно ему фон Шенкендорф предложил сформировать первую казачью часть в составе вермахта — казачий эскадрон № 102, созданный из военнопленных в районе Могилева. Позже при активном участии Коконова появились еще шесть казачьих эскадронов, главной задачей которых была борьба с партизанами.

16 ноября 1941 года выходит директива главного командования сухопутных войск вермахта о формировании казачьих сотен при каждой из 10 охраняемых дивизий Восточного фронта. Казачьи части создавались и при штабах немецких танковых дивизий. Там их задачей была разведка и охрана. В составе 40-го танкового корпуса сражался 82-й казачий эскадрон под командованием Загородного. Летом 1942 года началось формирование полков «Платов» и «Юнгшультц» — первых казачьих частей, получивших собственную униформу, напоминавшую форму русской императорской армии. Оба полка действовали на южном участке Восточного фронта и постоянно пополнялись добровольцами из числа перебежчиков и военнопленных.

18 июня 1942 года был издан приказ о создании в Славуте (Украина) центра по формированию казачьих частей. Туда свозились все казаки из лагерей военнопленных. В течение года из них были созданы семь казачьих полков. В конце того же года при штабе командующего военнопленными на Украине появляется отдел по формированию казачьих войск во главе с бывшим полковником РККА Саркисяном, усилиями которого набираются еще 15 полков численностью от 800 до 1300 человек. Для подготовки казачьих офицеров были открыты 1-е казачье имени графа Платова юнкерское училище в Славуте и унтер-офицерская школа в Витебске. Преподавателями обоих учебных заведений были, главным образом, немцы, а слушателями — казаки, уже имевшие опыт боевых действий.

Новый этап в создании казачьих частей начинается осенью 1942 года, когда германская армия оккупировала районы Дона, Кубани и Терека. В сентябре был создан штаб войска Донского во главе с атаманом Павловым, а 15 ноября того же года была опубликована декларация войска Донского, где про-

возглашалось восстановление конституции 1918 года и установление на Дону «казачьей власти». Немцы, положение которых на юге России ухудшалось с каждым днем, отнеслись к провозглашенной декларации без видимой враждебности.

21 апреля 1943 года германское командование издает приказ о создании первой казачьей дивизии. Формирование проходило на полигоне в Милау (в настоящее время Млава), куда стягивались казачьи части с Восточного фронта, в том числе и полки «Платов», «Юнгшультц», а также полк Кононова. К осени 1943 года дивизия, командиром которой стал Гельмут фон Паннвиц — «немец с душой казака», насчитывала 18 555 человек, сведенных в шесть полков. Казачья дивизия изначально предназначалась для действий на советско-германском фронте, но резко возросшая активность партизан Тито заставила немцев отправить ее на Балканы. Там она находилась до самого конца войны.

Осенью 1943 года гитлеровская армия начала отступление из Южной России. Вместе с немцами отходили не менее 100 тысяч беженцев — казаков, не желавших оставаться «под советской властью». Значительная их часть переправилась с Таманского полуострова в Крым, откуда их перевели в район Херсона. 10 ноября германское правительство приняло декларацию, в которой казаки провозглашались «союзниками рейха». В ней говорилось, что Германия берет казаков под свою защиту и обязуется предоставить им территорию для временного расселения. В конце 1943 года беженцы-казаки образовали так называемый казачий стан во главе с С. Павловым. Местом для поселения беженцев был определен район Перемышля. Однако быстрое продвижение Красной Армии заставило казаков отступать далее на запад. В конце концов они смогли обосноваться лишь в районе Тольмеццо-Фриули в Северной Италии.

В конце 1944 года казачий стан, командиром которого к тому времени стал Т. Доманов, насчитывал 24 тысячи человек, из которых не менее 16 тысяч составляли старики, женщины и дети. Активных боевых действий подчиненные Доманову казаки не вели, но им постоянно приходилось отражать атаки итальянских партизан. В начале мая 1945 года немецкое командование потребовало от Доманова начать наступление против английских войск, но тот отказался выполнять приказ и отвел своих людей на север, в Австрию.

В феврале 1945 года на основе казачьей дивизии фон Паннвица началось формирование 15-го казачьего кавалерийско-

го корпуса, номинально включенного в войска СС. Корпус состоял из двух конных и одной пешей (пластунской) дивизии. Его численность достигла 25 тысяч человек. До конца войны казачий корпус находился в Югославии, где сражался с местными партизанами и советскими войсками.

В мае 1945 года почти все казачьи формирования вермахта сосредоточились в Австрии, где капитулировали перед англичанами. Последние, пунктуально выполняя условия Ялтинского договора, депортировали всех попавших к ним в руки казаков в СССР. Казачьи генералы и старшие офицеры — Краснов, Доманов, фон Паннвиц, Шкуро и другие — были приговорены советским судом к смертной казни, а большинство рядовых казаков завершили свой жизненный путь в сибирских и заполярных лагерях.

* * *

ГОТОВИЛ ЛИ СТАЛИН СДАЧУ МОСКВЫ?..

Сказать об этом определенно еще и до сих пор нельзя. Однако недавно открылись некоторые неизвестные факты, которые позволяют несколько по-иному взглянуть на события, происходившие в 1941 году в Москве.

Столица, конечно же, без боя сдаваться не хотела. На опасных направлениях из мешков с песком строились баррикады. Близкая канонада вражеских орудий подгоняла москвичей делать эту работу и днем и ночью. Тянувшиеся по дорогам вереницы беженцев доносили слухи о том, что якобы немцы подошли уже к Химкам. И все же никто из москвичей не допускает и мысли, что Москва пойдет на поклон завоевателю.

Бодрые марши по радио лишь утверждают защитников столицы и жителей в своих надеждах. Между тем, как свидетельствуют документы, Сталин не был до конца уверен, что Москву удастся отстоять. Вот что рассказывал на страницах газеты «Комсомольская правда» офицер госбезопасности Михайлов (это его псевдоним) о том, как готовились в Москве к тайной войне, которая должна была развернуться, если немцы войдут в столицу:

«В Москве создавалось подполье. Сотни и сотни добровольцев должны были отрешиться от своего имени, биографии. В то время, когда над городом шли воздушные бои, в кабинетах за затемненными окнами люди разных профессий

получали новые паспорта, пароли, явки. Их вымышленные фамилии были вписаны в домовые книги. Так что ни одна проверка не могла бы найти подделки. Я тоже получил задание остаться в подполье. Квартира в артистическом доме, в которую меня поместили, должна была стать одной из явок для главного резидента в Москве — Федотова. Мне выдали новые документы — я числился сотрудником Наркомата путей сообщения. Помню такой эпизод. В городе Чехове под Москвой в психиатрическую больницу вдруг поступил новый поток «больных». Это были тоже подпольщики. На каждого из них завели «историю болезни», как говорится, не подкопаешься. Пришел тогда в эту больницу и новый заместитель главврача по хозяйственной части — это был офицер Геннадий Николаевич Калинин. Так укрылся в Чехове один из крупных боевых отрядов...

В Москве в октябре 1941 года минировались некоторые здания, заводские цехи, вокзалы. Слишком велика была угроза, нависшая над Москвой... У каждого, кто закладывал мины, душа разрывалась от горя. Однако готовились взрывать здания, если в них разместятся немецкие части, и заводские цехи, в которых немцы могли наладить военное производство. Всего один пример. В те дни офицера В. А. Арапова, инженера-электротехника по образованию, направили на автозавод. Он стал бригадиром в цехе. Между тем Арапов получил задание взорвать цех, как только в нем появятся немцы. Один из наших офицеров В. А. Дроздов стал начальником аптекоуправления столицы. Предполагалось, что он может войти в доверие к немцам, когда они придут за лекарствами. Между тем в его квартире, заставленной книжными полками, был оборудован пульт, к которому тянулись нити проводки от заложенных фугасов. Ему предстояло ждать приказа — когда нажать кнопки...

Если бы москвичи, уходившие на восток, могли заглянуть в те дни в некоторые квартиры в центре Москвы, дело могло обернуться самосудом. После отбоя воздушных тревог в квартирах спешно наводили лоск: чистили люстры, ковры, на полки ставили томики книг на немецком языке.

Среди тех, кто должен был остаться в подполье, были люди, которые могли придать ему вполне respectable прикрытие. Во Владивостоке в 1941 году разыскали и привезли в Москву забытых персонажей нашей истории. Это были бывшие депутаты Народного собрания Дальневосточной республики Врублевский и Мячина. Они тоже дали согласие стать подпольщиками. В московское подполье должны были вой-

ти известные ученые, артисты, священники, члены религиозных сект.

...Положение на фронте под Москвой было слишком серьезным. Однако высшее руководство страны оставалось в Кремле. Как известно, на Центральном аэродроме стоял наготове самолет для Сталина. В то же время в Нижнем Новгороде и Самаре в спешном порядке сооружались запасные помещения для работы Ставки, на тот случай, если бы высшему руководству страны пришлось покинуть Москву. Все знают о параде 7 ноября 1941 года в Москве. Между тем происходили и другие события, оставшиеся в памяти незабвенными. На заснеженных улицах — пустынно, только редкие прохожие. А в Колонном зале идет концерт, в котором участвуют лучшие артисты. Мы верили в победу, однако на войне, как на войне. Готовились и к худшему повороту событий... Словом, Гитлеру в Москве готовилась участь Наполеона? Пожары, взорванные здания? Была разработана специальная операция по физическому устранению Гитлера. Немцы тогда трубили на весь мир о том, что проведут парад на Красной площади. И Гитлер будет приветствовать своих солдат. Среди тех, кто собирался остаться в московском подполье, нашелся человек, который готовился осуществить покушение на Гитлера. Это известный композитор Л. К. Книппер. Он написал замечательную песню «Полюшко-поле», автор симфоний, музыкальных поэм. В те тревожные дни этот талантливый человек вызвался поставить на карту свою жизнь. Он был племянником известной актрисы МХАТа О. Л. Книппер-Чеховой и родственником артистки Ольги Чеховой, которая жила в Берлине. На концертах и приемах она часто появлялась рядом с Гитлером. Лев Константинович Книппер предложил такой план покушения: он может, пользуясь родственными связями, быть представленным Гитлеру в Москве, скажем, во время концерта. И тогда... По существу, готовясь совершить акт возмездия, Л. К. Книппер почти не оставлял себе самому шансов выжить.

...В Москве создавались тайники с оружием. В назначенный день боевые группы должны были по единому сигналу выступить разом в тылу у немцев. В машине «завхоза» из города Чехова Г. Н. Калинина находилась радиостанция. Именно он, получив приказ, должен был оповестить подпольщиков: «Наступило время «Ч». Тысячи людей готовились вести в городе разведку, чтобы потом, взяв оружие из укрытий, напасть на немецкие военные объекты.

Все это конечно же было засекречено. И спустя более полувека об этом почти неизвестно. Но, как говорится, слава Богу, что ничего этого не случилось. В заснеженных окопах под Дубосековым политрук Ключков сказал тогда: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади — Москва!»

* * *

КАК БЫЛ РАССТРЕЛЯН СЫН ХРУЩЕВА (Версия)

Одним из секретов «сталинской эпохи» является трагическая судьба старшего сына Никиты Сергеевича Хрущева Дмитрия (от его первого брака). Но и он наконец стал достоянием прессы. А передал его для прессы старый чекист генерал-майор Вадим Удилов.

Во время войны, — рассказывал В. Удилов, — Дмитрий Хрущев, военнослужащий Красной Армии по мобилизации, оказался в плену у немцев. Конечно, не один, а в составе окруженного подразделения. Он стал вторым отпрыском членов Политбюро ЦК ВКП(б) (первым был сын Сталина Яков Джугашвили — старший лейтенант, командир артиллерийской батареи), попавшим в плен к фашистам.

Противник решил использовать сына Хрущева в пропагандистских целях. Сталин распорядился — во что бы то ни стало выкрасть пленника. Выполнить это нелегкое задание было поручено генерал-лейтенанту Павлу Судоплатову.

«Первый диверсант Страны Советов» блестяще справился с заданием Сталина. Через партизанский аэродром сына Хрущева доставили в Москву. Контрразведка собрала свидетельские показания и документы, «неопровержимо доказывающие предательство сына члена Политбюро Н. С. Хрущева. На основании этих ложных документов военный трибунал Московского военного округа приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу. Никита Сергеевич, до войны первый секретарь ЦК Компартии Украины, во время войны член военного совета ряда фронтов, генерал-лейтенант, обратился в Политбюро ВКП (б) с просьбой пересмотреть решение трибунала. Сталин предложил всем высказаться.

Первым взял слово Александр Щербаков, занимавший высокие посты в годы войны: секретаря ЦК, начальника Глав-

ного политического управления Красной Армии и Военно-Морского Флота, начальника Совинформбюро.

От его мнения зависело многое. Щербаков вспомнил слова Ленина о необходимости единообразного понимания закона для всех. Он предложил оставить приговор в силе. Берия, Каганович, Молотов и Маленков его поддержали. В заключение выступил Сталин. Ему, наверное, было тяжелее всех. Он помнил о Якове. Своим решением как бы заранее подписывал приговор и сыну.

Как известно, согласно архивным документам (абвера — гитлеровской военной разведки), обнаруженным в ФРГ, Яков Джугашвили в плену вел себя достойно, но, понимая всю безысходность своего положения (его содержали в особом офицерском лагере), покончил с собой, бросился на колючие проволоки под высоким напряжением.

«Мы, безусловно, с уважением относимся к нашему товарищу по Политбюро, — сказал Сталин. — Никите Сергеевичу надо крепиться и согласиться с мнениями товарищей. Если то же самое произойдет с моим сыном, я приму этот суровый, но справедливый приговор».

После смерти Сталина и прихода к власти Хрущева в жизни участников описываемых событий произошли коренные изменения.

На второй же день Никита Сергеевич издал распоряжение о переименовании одного из районов Москвы и крупного универмага, носящих имя Щербакова. Камень, заложенный в основание будущего памятника Щербакову, умершему в конце войны, был с корнем выдеран, а место заасфальтировано.

Генерал-лейтенанту П. А. Судоплатову было предъявлено обвинение в том, что он как начальник внешней разведки КГБ якобы принимал участие в бериевском заговоре, имевшем целью уничтожение советского правительства. Генерал был осужден на 15 лет и полностью отбыл наказание во Владимирской тюрьме.

* * *

«ШПИОНКА, КОТОРАЯ ОВЛАДЕЛА ГИТЛЕРОМ, ИЛИ КОРОЛЕВА НАЦИСТСКОГО ОБЩЕСТВА»

В октябре 1945 года в английской газете «Пипл» была опубликована статья под названием «Шпионка, которая овладела Гитлером». События второй мировой войны продолжали волно-

вать народы мира, однако сведения, сообщенные «Пипл», носили прямо-таки сенсационный характер. В статье рассказывалось о судьбе русской актрисы, переехавшей в начале 20-х годов из России в Германию, сумевшей войти в доверие к нацистской верхушке и стать любимицей Гитлера. Автор публикации Вилли Фришауэр называл эту даму «королевой нацистского общества».

Ее имя — Ольга Константиновна Чехова. Английские читатели были знакомы с творчеством великого русского писателя, поэтому фамилия Чехова вызывала дополнительный интерес. Фришауэр высказывал мнение, что Ольга Чехова оказывала гауляйтерам (губернаторам завоеванных территорий), генералам и крупным германским промышленникам содействие при их контактах с Гитлером, а полученные в ходе таких встреч сведения она через своего шофера передавала в Москву.

Спустя полвека к этой истории вернулся один из близких родственников Ольги Чеховой — Владимир Книппер в книге «Пора галлюцинаций». Правда, Владимир Книппер сразу оговорился: «Делая попытку добиться правды, мы с вами угодим в такой запутанный лабиринт, что станет совсем темно». Однако интересно проследить за хитросплетением событий, связанных с Ольгой Чеховой, с этой удивительной и во многом загадочной женской судьбой, поскольку на нее наложил отпечаток ход мировой истории.

Итак, Ольга Константиновна Чехова, в девичестве — Книппер, 1897 года рождения. Ее отец занимал довольно важные посты в чиновничьей иерархии Петербурга. Девушка могла получить любое образование, но рано увлеклась театром и мечтала о карьере актрисы.

Станиславский пригласил Олю в свой театр: на сцене Художественного она играла в таких знаменитых постановках, как «Сверчок на печи» Диккенса, «Вишневый сад» и «Три сестры» Чехова.

В сентябре 1914 года Ольга Книппер обвенчалась с известным актером, племянником Антона Чехова Михаилом Чеховым. С того времени она носила двойную фамилию — Книппер-Чехова. Счастливый супруг писал одному из друзей: «Жена моя красавица!.. Жена моя — не по носу табак... Да, я думаю, не легко тебе представить меня рядом с красавицей женой, семнадцатилетней изумительной женой».

Но счастье это длилось недолго. Ольга познакомилась с бывшим австро-венгерским пленным Фридрихом Яроши. По словам Михаила Чехова, «это был авантюрист... изящный,

красивый, обаятельный и талантливый. Он выдавал себя за писателя и часто увлекательно излагал нам темы своих будущих рассказов». Ольга ушла с ним. Сцена расставания с женой запомнилась Чехову навсегда, кроме того, она выразительно характеризует эту особу: «Помню, как, уходя, уже одетая, она, видя, как тяжело я переживаю разлуку, приласкала меня и сказала: — Какой ты некрасивый. Ну, прощай. Скоро забудешь. — И, поцеловав меня дружески, ушла».

Ольга Книппер-Чехова покинула Москву в 1921 году. Она получила приглашение немецкого режиссера Фридриха Мурнау сняться в фильме «Замок Фогельд». Вслед за удачным кинодебютом последовали другие работы в кино, быстро сделавшие ее знаменитостью. Актрису приглашают к себе такие мастера, как Дуглас Фербенкс, Гарольд Ллойд, Адольф Манжу. Знаменитый режиссер Альфред Хичкок предлагал ей главную роль в одном из своих фильмов — детективе «Мари».

Некоторые из фильмов с участием Чеховой были у нас в прокате после войны. Сегодня увидеть их не просто. Как актриса Книппер-Чехова сейчас практически забыта, однако в начале 30-х годов она действительно была одной из самых популярных актрис Германии. Ее имя было хорошо известно в других странах Европы и в Голливуде.

В 1936 году творческая деятельность Чеховой была отмечена германским правительством: она получила звание «государственной актрисы». Несколько позднее сам фюрер подарил ей свое фото с такой выразительной надписью: «Фрау Ольге Чеховой — откровенно восхищенный и удивленный». А незадолго до войны в Москве передавали слух, будто на одном из приемов в имперской канцелярии в Берлине Гитлер представил фрау Чехову чуть ли не хозяйкой вечера.

Актриса и в самом деле чувствовала себя в рейхстаге, как на собственной вилле, могла позволить себе весьма независимые суждения. Об этом она написала в воспоминаниях под названием «Мои часы идут иначе», изданных в Мюнхене в 1971 году и на русский язык не переводившихся. И если верить им, Ольга Чехова и в отдалении понимала Россию лучше, чем вожди рейха: «В этот момент Геббельс обращается непосредственно ко мне:

— Не думаете ли вы, мадам, что эта война будет окончена еще до зимы и Рождество мы отметим в Москве?

— Нет, — отвечаю я спокойно.

Геббельс холодно:

— А почему нет?

— Наполеон убедился в том, каковы русские пространства.

— Между французами и нами огромная разница, — снисходительно улыбается Геббельс. — Мы пришли в Россию как освободители. Клика большевиков будет свергнута новой революцией!

Пытаюсь успокоить нервы. Это удастся плохо.

— Новая революция не состоится, герр министр, перед опасностью русские будут солидарны как никогда!»

Конечно, этот отрывок может напомнить фильм «Подвиг разведчика», где Павел Кадочников, исполнитель главной роли советского офицера-разведчика, провозглашал тост «За нашу победу!» среди пьяных и ликующих до поры до времени немцев.

Но отношения Ольги Чеховой с руководством третьего рейха и по прошествии многих десятилетий остаются большой загадкой. Даже в своих воспоминаниях она оставалась актрисой и театрализовывала события, для нее вовсе не безопасные. Владимир Книппер, со слов самой Ольги Константиновны, рассказал в книге «Пора галлопинаций» такой эпизод. Уже в самом конце войны, весной 1945 года, над Чеховой нависла угроза ареста. Эту акцию должен был осуществить Гиммлер. С помощью хитрости ей удалось отсрочить арест с вечера предыдущего дня на утро следующего. Когда же эсэсовцы во главе с Гиммлером вошли в дом Чеховой, они увидели, что утренняя кофе она пьет вместе с Гитлером. Арест так и не состоялся.

К слову, причины, по которым Гиммлер хотел — и не единожды — расправиться с актрисой, она не называет. Однако настойчивость главного эсэсовца, пытавшегося вывести кинозвезду из-под опеки фюрера, сама по себе говорит о многом. Тем более что, по рассказам Чеховой, Гитлер сообщал ей о своей благосклонности в таких выражениях: «Я беру, фрау Чехова, над вами шефство, а не то Гиммлер упрячет вас в свои подвалы. Представляю, какое у него досье на вас».

История несостоявшегося ареста, как и многое в судьбе Чеховой, покрыта тайной. Знал ли Гитлер о разведывательной деятельности Чеховой, а если знал, то почему не препятствовал? Или же был самоуверен и не допускал мысли, что его может обманывать эта беззащитная женщина?

Сведения о том, что Чехова была разведчицей, кроме стародавней статьи Вилли Фришауэра в английской газете «Пипл», можно найти у достаточно авторитетных источников. В частности, в 1993 году один из старейших чекистов, «магистр русского шпионажа» Павел Судоплатов, называл Ольгу Книппер-Чехову «одной из самых сверхсекретных агентов Берия и Сталина». Ему вторил Серго Берия, который в книге «Личные агенты отца» называл Чехову опытной советской разведчицей.

По некоторым сведениям, именно Чехова сообщила нашему командованию время танкового удара немцев под Курском. Утверждают также, что вскоре после войны Ольгу Чехову тайно вывозили в Москву. Несколько дней она вела переговоры с людьми Берия, после чего ее вновь переправили в Берлин. О чем были эти переговоры — остается загадкой.

Часы жизни Ольги Константиновны Книппер-Чеховой остановились в 1980 году: в возрасте 83 лет она умерла от рака мозга. Уже после этого была высказана версия, что знаменитая Янтарная комната спрятана в бункере Гитлера в Тюрингии с кодовым названием «Ольга».

* * *

ПРИКАЗ ОСТАВИТЬ ГИТЛЕРА ЖИВЫМ ПРОЗВУЧАЛ ИЗ КРЕМЛЯ

Среди тех, кто готовил покушение на Гитлера в Берлине, был сын одной из возлюбленных Сергея Есенина Августы Миклашевской — Игорь Миклашевский. Известно об этом стало совсем недавно. Имя его впервые прозвучало в книге П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль». Игоря Львовича Миклашевского — знаменитого советского боксера — уже несколько лет нет в живых. Двое ветеранов ОМСБОНа — Юрий Владимирович Калашников и Федор Петрович Солдатов, которые дружили с И. Л. Миклашевским, — поделились своими воспоминаниями. Вот их рассказ:

«Имя Игоря Миклашевского мало известно. Между тем его можно поставить в один ряд с такими разведчиками, как Николай Кузнецов и Лев Маневич. Он не думал, что будет разведчиком. Перед войной он был чемпионом Ленинградского военного округа по боксу. Когда началась война, он стал зенитчиком. Так бы, наверное, и воевал, защищая ленинградское небо, если бы не особый случай.

В 1941 году его дядя, актер Всеволод Блюменталь-Тамарин, под Москвой сдался немцам. Его использовали как провокатора. Под диктовку немцев он через радиоустановку, которые ставились перед нашими окопами, начал призывать красноармейцев сдаваться в плен.

Знакомство Игоря с театральной «богемой», его родство с Блюменталь-Тамариным неожиданно для него самого разворачивают его судьбу.

После войны нам не раз доводилось слышать рассказ Игоря Миклашевского о том, как однажды в Ленинграде его вызвали в штаб ПВО.

«Передо мной, — говорил он, — сидел один из офицеров разведки, прибывший из Москвы. Он подробно расспрашивал меня о семье, службе».

Надо полагать, Игорь произвел на офицера должное впечатление, поскольку тот сказал ему: «Как вы смотрите на то, если мы направим вас в тыл врага?» Вскоре Миклашевский приехал в Москву. Его стали готовить к выполнению сложного задания...

«Ночью в лесу завязалась перестрелка, — как-то рассказывал И. Л. Миклашевский один из эпизодов своей боевой жизни. — В стороне от перекрестного огня из окопа я, как было и задуманно, выскочил с поднятой в руке немецкой листовкой-пропуском. Таких на передовой валялось много. Над моей головой свистели пули, но я их не замечал. Я прыгнул в немецкую траншею...»

Так началась у И. Л. Миклашевского новая жизнь. На допросе у немцев он сказал, что с самого начала войны искал случая сдаться в плен.

К тому времени его родственник Всеволод Блюменталь-Тамарин обосновался в Берлине. Имя его становилось известным. Он вел передачу на русском языке. Кроме того, стал одним из организаторов «русского комитета», собиравшего среди пленных тех, кто готов был воевать против своих.

Весть о том, что Игорь стал перебежчиком, дошла до Блюменталь-Тамарина. Он берется помочь племяннику, оказывает ему всяческую поддержку. Первая часть операции, задуманной нашей разведкой, осуществилась. Миклашевский — в Берлине под опекой «знаменитого» дяди. Прежде всего он вступает в «русский комитет». Впрочем, довольно скоро Игорь разочаровал своего дядю. Больше всего он увлекается спортом, ему не до политической борьбы.

В этой истории в Берлине выплывает еще одно громкое артистическое имя: Ольга Чехова. «Звезда» кино, она в нацистском кругу водит дружбу с бонзами рейха. То ее видят входящей в зрительный зал под руку с Гитлером. То она на приемах дипломатов, военных, промышленников. То она проводит уик-энд в кругу Геринга. Между тем Ольга Чехова передает через верных людей нашей разведке важные сведения.

Но вернемся к Игорю Миклашевскому. Чрезвычайно сложное и опасное задание, с которым Миклашевский добрался до Берлина, было связано как раз с Ольгой Чеховой, с

ее искусством перевоплощения не только на подмостках сцены, но и в жизни.

Трудно сказать, пока это еще не обнародовано, какие именно сведения передавала в Москву Ольга Чехова, какие люди рисковали жизнью, чтобы пронести их через охваченные войной страны.

«Не было, к примеру, ничего удивительного в том, что я, — рассказывал Игорь Миклашевский, — с букетом цветов подходил к машине, на которой Ольга Чехова приезжала в театр. Моя мать была знакома с ней в Москве. Но поговорить о деле долго не удавалось».

Вот тогда Игорь просит «дядю Севу» взять его с собой на один из приемов, где будет Ольга Чехова, чтобы высказать ей восхищение. Во время приема под звуки музыки Миклашевский, подойдя к Ольге Чеховой, произносит ничего не значащую фразу, которая является паролем...

И он становится на шаг ближе к цели, ради которой добирался до Берлина. П. А. Судоплатов сообщает в своей книге «Разведка и Кремль»: «У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл (польский князь) и Ольга Чехова должны были с помощью своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов, заброшенных в Германию и находившихся в Берлине в подполье, полностью подчинялась боевику Игорю Миклашевскому».

Вспоминается и другой рассказ Миклашевского о том, как однажды на улице старик, столкнувшись, наступил ему на ногу и назвал пароль. Но кто был этот человек, он не знал. А это был связник, который хорошо делал свою работу, и ему в тот момент совсем не важно было, знают ли его в лицо...

Словом, пока «курьеры» передают сообщения из Берлина в Москву, Игорь Миклашевский, выступая на ринге, получает неожиданный подарок.

«Игорь показывал нам фотографию, которую подарил ему немецкий боксер, чемпион мира Макс Шмелинг, — рассказывали его боевые друзья. — Вот как это было. Игорь выступал на ринге в паре с французом, тоже военнопленным. Миклашевский победил. И вдруг его подзывают к трибуне. Этот бой понравился Максу Шмелингу. Он дает Игорю свою фотографию с надписью. Макса Шмелинга, любимца фюрера, знала вся Германия».

Между тем пока он добирался в Берлин, затем ждал приказа из Москвы, в дипломатическом мире Европы происходили со-

бытия, которые могли изменить ход войны. На стол руководителей разведки в Москве легли сообщения о тайных переговорах в Анкаре, где обсуждались возможности подписания сепаратного мира между Великобританией, США, Германией.

Группа Миклашевского в Берлине не знает об этом. Готовность к отчаянному шагу и осторожность, потребность возмездия и стратегический интерес в этой истории переплелись в один клубок. Игорь Миклашевский изучает план театра, в котором бывает Гитлер. А в Кремле взвешивают все последствия покушения.

Группа Миклашевского, совершив подвиг самопожертвования, поможет недругам оставить Советский Союз в изоляции? На такой исход дела советское руководство не может пойти.

«В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза», — пишет П. А. Судоплатов.

Игорь Миклашевский неожиданно получает из Москвы приказ: покушения на Гитлера не будет. Впоследствии ему приходится бежать во Францию. Он вместе с подпольщиками устроил взрыв на подземном заводе. Был тяжело ранен в шею. Не мог говорить. В немецкой форме, с чужими документами подпольщики оставили Игоря на дороге, чтобы его забрали в госпиталь. Ему нужна была срочная операция.

В Москву он вернулся в 1947 году израненный, исхудавший, с затаенной печалью в глазах. Он не чувствовал себя героем, и ему было трудно переживать все то, что с ним произошло».

* * *

КАК СТАЛИН И ГИТЛЕР ГОТОВИЛИ ПОКУШЕНИЯ ДРУГ НА ДРУГА

Немецкий журнал «Штерн» провел журналистское расследование с целью установить, действительно ли во время второй мировой войны готовились покушения на Сталина и Гитлера. Были использованы рассекреченные в последнее время материалы архивов НКВД—КГБ, мемуары шефа гитлеровской разведки Шелленберга, беседы с участниками тайных операций. Вот к какому заключению пришли немецкие журналисты.

Осень 1944 года. Уже пал Ахен, Красная Армия стоит в Восточной Пруссии. Адольф Гитлер теряет веру в «историческое провидение» и окончательную победу. Фюрер хочет избавиться от своего советского противника Иосифа Сталина, используя «чудо-оружие». Револьвер, замаскированный под авторучку, должен изменить тяжелое военное положение.

Последний глава нацистской зарубежной разведки Вальтер Шелленберг, скончавшийся в 1952 году, в появившихся после его смерти мемуарах рассказывает, что примерно в ноябре 1944 года министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп во дворце «Фушль» в Зальцкаммергуте посвятил его в «чрезвычайно важное дело». О нем знали только Гитлер, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и Мартин Борман.

Риббентроп разработал абсурдный план. Надо попытаться заполучить Сталина за стол переговоров. «Там его убьют авторучкой, которая в действительности скрывает ствол револьвера и может стрелять точно в цель пулей нормального калибра с расстояния от шести до восьми метров». Глава шпионажа поражен: «План показался мне более чем путаным». Сталин вряд ли стал бы вести переговоры с уже побежденными в принципе нацистами, возражал Шелленберг. От попытки покушения отказались.

Немецкий план был, однако, не единственным планом убийства диктатора. В свою очередь, существовали и советские попытки убить Гитлера. Об этом свидетельствуют высказывания участников и документы из русских архивов, с которыми редакцию журнала «Штерн» ознакомил московский историк Лев Безыменский.

Собственные же киллеры Шелленберга разработали смелый план: проникнувшие в Москву агенты должны подложить бомбу в одну из автомашин, на которых ездил Сталин. «Выполнить задание взялись два военнопленных офицера Красной Армии, которые долгие годы провели в ссылке в Сибири и ненавидели Сталина, — пишет Шелленберг. — Зимой 1944/45 года они с самолета были высажены под Москвой».

Имеющиеся у «Штерна» документы НКВД показывают, как этот замысел должен был осуществляться и что стало с убийцами. Воспоминания Шелленберга о них не отличаются точностью.

5 сентября 1944 года сотрудники советской контрразведки СМЕРШ поблизости от города Ржева арестовали мужчину и женщину в русской военной форме, которые с самолета были высажены в открытом поле вместе с мотоциклом. Они выдавали себя за майора Петра Ивановича Таврина и младшего

лейтенанта Лидию Шилову. Оба заявили, что они офицеры СМЕРШа 1-го Прибалтийского фронта.

Проверка показала, что их документы подделаны. Обоих доставили в Москву. На допросах — протоколы у «Штерна» есть — они признали, что их задание состояло в убийстве.

Таврин, родившийся в 1909 году, по профессии техник геологической партии, в мае 1942 года был командиром пулеметной роты, раненым попал в немецкий плен. Летом 1943 года, как он рассказал в Москве, немецкая разведка его завербовала и обучила для использования за линией фронта. Годом позже от восточного отдела шестого управления главного управления имперской безопасности в Берлине он получил задание, как он показал, «организовать террористический акт против вождя Советского государства И. В. Сталина».

Многомесячную подготовку к нему осуществлял руководитель сектора СД «Норд» в Риге штурмбаннфюрер Отто Краус. Оба агента должны были пробиться в Москву и осуществить террористический акт на улице во время проезда правительственной автомашины. Для покушения они получили основательное вооружение: у них были переносная противотанковая ракета, называвшаяся «панцеркнакке», зажигательные противотанковые гранаты и пистолеты, стреляющие оравленными разрывными пулями.

Операция провалилась сразу после приземления четырехмоторного самолета, который взлетел с аэродрома под Ригой в ночь с 4 на 5 сентября 1944 года. Несмотря на специальное шасси, подняться в воздух машина более не могла.

Агенты и экипаж были захвачены. Признание дало агентам возможность продлить свою жизнь. До апреля 1945 года их использовали в радиоигре для обмана своих хозяев: под контролем советской секретной службы они то и дело сообщают, что пока им не удалось подобраться достаточно близко к вождям, и просят помочь им, прислав еще агентов. Те прибываю и тут же попадают в руки советской контрразведки.

После окончания войны за измену родине они предстают перед судом и 1 февраля 1952 года в Москве приговариваются к смертной казни. Несколько недель спустя приговор приводится в исполнение.

Столь же безуспешными оказались советские попытки убить Гитлера. Через две недели после немецкого нападения на Советский Союз 5 июля 1941 года глава секретной службы Лаврентий Павлович Берия создал Отдел особых задач и назначил его начальником генерала Павла Анатольевича Судоплатова. На слу-

чай захвата Москвы он должен был разработать план убийства в ней Гитлера. Советы были убеждены, что фюрер, как в свое время Наполеон, захочет сам увидеть побежденную столицу.

Но в конце 1941 года вермахт был остановлен в нескольких километрах от Москвы. Судоплатову пришлось искать другие возможности для охоты на Гитлера. Случай представился возле украинского города Винница. Там во второй половине июня 1942 года немцы начали строительство военной ставки под кодовым названием «Вервольф». Ожидалось, что ее посетит Гитлер.

Но когда фюрер действительно прибыл в Винницу, русские были еще не готовы. Лишь позже они получили показания пленного немецкого летчика об условиях в ставке. Между 19 февраля и 13 марта 1943 года Гитлер появляется там еще раз.

Но и это оказалось слишком рано для оперативной группы под командованием Дмитрия Медведева, впоследствии Героя Советского Союза, которая смогла проникнуть в Винницу только осенью 1943 года.

После этого надежды судоплатовского отдела возлагались на Игоря Миклашевского. В декабре 1941 года молодого агента под видом перебежчика переправили к немцам. Его задание состояло в том, чтобы убраться своего дядю — популярного актера Всеволода Блюменталь-Тамарина, который в немецких пропагандистских передачах призывал русских солдат дезертировать.

Теперь он получил новый приказ: попытаться через актрису Ольгу Константиновну Чехову приблизиться к Гитлеру и подорвать его бомбой. Актриса Чехова в 1921 году переселилась из России в Германию, где сделала карьеру в кино. Ее высоко ценил Герман Геринг. По сведениям генерала Судоплатова, она была надежной сотрудницей и важным источником советской секретной службы, ее лично «вел» Берия.

В 1943 году происходит резкий поворот в ситуации. Как рассказал Судоплатов, Сталин неожиданно отказался от идеи покушения на Гитлера. Он вызвал к себе на дачу его и народного комиссара госбезопасности Всеволода Меркулова и неожиданно для обоих объявил: «Этого мы делать не будем». Почему?.. Такой вопрос задать тогда никто из них не решился.

В 1944 году Меркулов и Судоплатов наконец-то все-таки решились задать вопрос о покушении. Сталин пояснил им ход своих мыслей: пока Гитлер жив, не будет никакого сепаратного мира между Германией и западными державами. Но если после насильственной смерти Гитлера власть возьмут Геринг или восн-

ные, то за спиной Советского Союза могло бы быть достигнуто соглашение между немцами и нашими западными союзниками.

Игорь Миклашевский так и не получает приказа о покушении на Гитлера. До конца 1944 года он останется в Германии, следуя первоначальному плану, убивает своего дядю и уходит к борцам Сопротивления в освобожденной Франции. В 1947 году он возвращается в Москву и его награждают орденом Красного Знамени.

* * *

В БОРЬБЕ С УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ

Из описания боевых действий пограничников по ликвидации
банд на территории Украинского округа
28—30 августа 1944 г.

Не ранее 30 августа 1944 г.¹

По данным от 28 августа 1944 года пограничному отряду стало известно, что в Карувском лесу в полосе Карув — Рыпинска Рава Русского района сконцентрировалась банда УПА. Бандгруппа имела цель: нападение и уничтожение органов Советской власти, НКВД, НКГБ и гарнизона погранвойск в г. Рава Русская...

К 13.00 29 августа 1944 г. все поисковые группы втянулись в бой с бандой...

В ходе дневного боя 29 августа и показаниями пленных было установлено, что в Карувском лесу начиная с 25 августа сосредоточилась банда, состоящая из двух куреней — «Эмма» и «Железняк».

В состав куреней входят сотни: 1) в курень «Эмма» — сотня «Перемога» (до 160 человек), сотня «Беркут» (до 170 человек), сотня «Кулеш» (до 150 человек); 2) в курень «Железняк» — сотня «Скола» (до 150 человек), сотня «Громовой» (до 160 человек), сотня «Железняк» (до 140 человек). Кроме указанных куреней, банда имела в своем составе две учебные сотни во главе с «Богдановым». В каждом курене было по одному пулеметному взводу и по группе разведчиков из 20—30 человек. Каждая сотня, входящая в состав куреня, вооружена от 12 до 20 пулеметов, а весь личный состав — автоматами и винтовками, некоторые сотни имели по несколько станковых пулеметов.

За время пребывания в Карувском лесу (с 25 по 29 августа

1944 г.) курени банды и учебные сотни располагались рассредоточенно...

После начала артобстрела Карувского леса куренные «Эммы» и «Железняк» перед личным составом куреней поставили следующую задачу: в случае окружения или столкновения с частями Красной Армии занять оборону и держаться до наступления темноты; с наступлением темноты разбиться на мелкие группы и, не бросая оружия, выходить из окружения для дальнейшего сосредоточения в с. Мосты Малы (Польша).

Однако выполнить бандитами поставленную задачу не удалось. В результате дневного боя 29 августа, а также активных действий малых групп наших частей в ночь на 30 августа и прочески всего Карувского леса 30 августа банда понесла большие потери...

Выводы

Операция проведена успешно. Банда численностью до 1 400 человек в Карувском лесу в основном ликвидирована, из кольца окружения бежали только одиночки и мелкие группы...

Старший помощник начальника отделения
Управления войск НКВД Украинского округа
капитан *Мельников*

* * *

**Из донесения начальника пограничных войск
Украинского округа о действиях пограничников по разгрому банд
с 10 августа по 1 октября 1944 г.**

5 октября 1944 г.

...С выходом частей округа на пограничную линию обстановка в пограничной полосе и прилегающих к ней районах сложилась крайне напряженной: оуновские организации активизировали свою деятельность, вооруженные банды УПА открыто вели борьбу с органами местной власти, стремились срывать правительственные мероприятия и внезапными действиями нападали на тылы и коммуникации действующей армии. Обстановка требовала принятия решительных мер, и пограничные части округа по вашему указанию вели боевые операции по разгрому банд УПА и оуновских организаций...

В результате проведенных операций разгромлены крупные бандеровские банды: курени «Эмма», «Железняк»,

«Днестр», «Богдан», «Кулеш» и остальные сотни — «Беркут», «Роман», «Голубь», «Перемога», «Скола», «Громовой»...

Начальник пограничных войск НКВД Украинского округа
генерал-майор *Бурмак*

* * *

**Справка начальника штаба пограничных войск НКВД
Прикарпатского округа о дислокации и деятельности учебного
центра украинских буржуазных националистических формирований**

Не ранее 15 октября 1944 г.²

...В лесном массиве, 5 км юго-западнее дер. Липа, дислоцируется школа УПА по подготовке роевых³ и четовых⁴ с количеством обучаемых до 220 курсантов-украинцев в возрасте от 18 до 30 лет с образованием не ниже 8 классов. Школа подчинена главному штабу УПА, и возглавляет ее поручик польской армии под псевдонимом «Поль» (фамилия не установлена) в возрасте 34—35 лет, по национальности украинец.

Школа состоит из двух сотен, в каждой сотне по три четы. Курсантами изучаются: тактика, химическое дело, топография, устав караульной службы; проходят огневую подготовку. Особое внимание уделено идеологической обработке бандитов в националистическом духе «самостийная Украина», срок обучения три месяца.

Из вооружения в школе имеются: 6 ротных минометов, 8 ручных пулеметов разных систем, 15 автоматов, винтовки мадьярских, немецких и русских систем, гранаты по три на каждого курсанта, боеприпасы — 300—400 патронов на пулемет и 50—60 патронов на винтовку.

Личный состав школы размещен в шалашах, построенных из хвороста; руководящий состав — в палатках. Охраняется тремя круглосуточными полевыми караулами численностью по 10—12 человек каждый. Местность вокруг лагеря школы заминирована, оставлено только четыре прохода. При школе имеется отряд жандармерии в 50 человек, возглавляемый хорунжим под псевдонимом Шаленый, в задачу которого входят ведение разведки и сбор продуктов для питания личного состава школы...

Начальник штаба пограничных войск НКВД
Прикарпатского округа
полковник *Чугунов*

* * *

Из описания боевых действий 218-го пограничного полка против бандитских формирований

Не ранее 24 декабря 1944 г.⁵

В ур. Видлы и Турница, 12 км северо-западнее Добромиля, долгое время скрывалась банда УПА под руководством сотенного «Хома». Эта банда систематически нападала на мелкие группы военнослужащих Красной Армии и уничтожала их, часто проводила террористические акты против советского и партийного актива.

20 августа 1944 г. силами сводной группы офицерского состава управления, маневренной группы, 1-й и 2-й пограничных комендатур под командой начальника отряда полковника Агеева была проведена операция по розыску и ликвидации этой банды.

В 12.00 после столкновения охранения банды с группой 1-й погранкомендатуры под командой майора Семенова бандиты отошли в глубь леса на заранее подготовленный рубеж для обороны. В 2.00 группа 1-й погранкомендатуры снова наткнулась на окопавшихся бандитов, которые, организовав круговую оборону, вступили в бой. Бандиты, видя превосходство сил пограничников и большие потери со своей стороны, сосредоточивают основное усилие в двух направлениях — в северном и юго-восточном с тем, чтобы прорвать блокированный район, выйти из окружения и, рассредоточившись мелкими группами, уйти из-под удара пограничников в «большой лес». Бандиты, прорвав оцепление в северном направлении, вышли из леса на поляну в подготовленный «мешок»... В результате проведенной операции было убито и взято живыми 49 бандитов. Остальные бандиты юго-восточной группы, воспользовавшись разрывами, образовавшимися между флангами 1-й погранкомендатуры во время движения и резко пересеченной местностью, поросшей густым кустарником, с боем вышли из оцепления и, рассредоточившись, безнаказанно ушли.

Бой с бандитами проходил в очень трудных условиях в течение пяти часов, бандиты оборонялись на заранее подготовленном к обороне рубеже, оборудованном на высотах.

В этом бою особо отличились: сержант Гунин Аким Ильич, командир отделения 3-й заставы, член ВКП(б), огнем из ручного пулемета обеспечил наступление группы пограничников, вынес с поля боя двух тяжелораненых офицеров и ока-

зал им медицинскую помощь, после чего снова вернулся в отделение и вступил в бой, где еще уничтожил нескольких бандитов. За мужество и отвагу в этом бою сержант Гунин правительством награжден орденом Красной Звезды; гвардии ст. сержант Бабурин Павел Трофимович, командир отделения, умело руководил боем своего отделения, будучи раненым, продолжал руководить отделением, установил связь с соседями и передал им важное приказание коменданта участка, обеспечив этим быстрейшую ликвидацию банды. За проявленное мужество и отвагу в бою гвардии ст. сержант Бабурин награжден медалью «За отвагу». В этом бою смертью храбрых пали: парторг 1-й погранкомендатуры лейтенант Гахимьяров, помощник начальника штаба 1-й погранкомендатуры лейтенант Перов и мл. сержант Одинцов...

18 октября 1944 г. в районе с. Ямна-Гурна была установлена банда, вышедшая из Карпат, в составе трех сотен: «Осип», «Крысовой» и «Громенко», сведенных в курень «Евгена». На рассвете 19 октября личный состав 5, 6 и 7-й застав вступил в бой с боевым охранением бандитов, выброшенным вперед обороняющейся сотней. После того как боевое охранение под натиском застав отошло, с флангов были введены в действие маневренные группы. Бандиты, рассредоточившись группами, организовали отход в разных направлениях в глубь территории Польши.

В результате четырехдневного преследования и последовательных боев в районе сел Опушница, Ямна-Гурна и Копыстю 23 октября банда была разгромлена. Среди убитых были обнаружены: главарь банды сотенный «Евген», его заместитель «Байрак» и сотенный «Осип».

В этом бою героической смертью пал командир отделения мл. сержант Ашутков, который своим метким огнем уничтожил 10 бандитов и, истекая кровью, дрался до последней минуты своей жизни.

В районе с. Старо-Почаев Тернопольской области поисковая группа, действуя 30 ноября 1944 г. по ликвидации банды, вступила в бой. 2 стрелка этой группы — ефрейтор Нечаев и ефрейтор Музыка — неожиданно столкнулись с 4 бандитами. Ефрейтор Нечаев в рукопашной схватке одного бандита убил прикладом автомата, в это время на него набросился второй бандит, которого Нечаев не видел. Поединок продолжался около 30 минут, пока Нечаев не очутился сверху бандита. Бандит был сильнее Нечаева и держал его за руки. Тогда Нечаев подтянулся к голове бандита, напряг все силы,

уничтожил бандита. В это время ефрейтор Музыка в рукопашной схватке добивал второго бандита... Оба героя награждены орденом Славы III степени.

Бандиты УПА концентрировались в ур. Исаевцы и контролировали населенные пункты Кобло-Старе, Воля Коблянска, Звур, Воля Блажевска, Блажев и Гурне...

На рассвете 6 декабря 1944 г. силами приданного батальона Красной Армии, взводом сапер, взводом противотанковых ружей был блокирован район нахождения банды. Внутрь блокированного района ввелись оперативные группы 1, 2, 3-й погранкомендатур и мангруппа. Резерв руководства операцией состоял из взвода автоматчиков, взвода 82-мм минометов.

В результате проведенной операции была разгромлена сотня «Байда», взвод сотни «Кармелюк», среди убитых представитель окружного провода ОУН «Кобзарь» и его заместитель «Черный». Захвачено пленных и раненых 146 человек. Среди них сотенный «Медведь» и сотенный врач «Ясень»...

Во второй половине декабря 1944 г. было установлено нахождение в землянках ур. Видлы штаба 6-го украинского округа УПА. Проведенной 23 декабря операцией силами 1-й и 2-й комендатур штаб был полностью разгромлен. Убито 9 важных бандитов, в том числе начальник округа УПА...

Систематически проводимые отрядом мероприятия по очистке пограничных районов, ряд успешно проведенных операций в течение 1944 г. по ликвидации бандформирований привели к изменению тактических действий банд.

В целях сохранения кадров оставшиеся бандиты рассредоточились на мелкие группы и ушли в подполье. Сейчас вся деятельность бандитов заключается в проведении террористических актов, направленных против партийного и советского актива, а также против военнослужащих Красной Армии. Эти бандиты, скрываясь в сخронах по населенным пунктам, проводят контрреволюционную работу среди местного населения, опираясь на родственные и иные связи и поддержку среди кулацкого элемента. Вместе с этим оуновское подполье проводит активную агитацию, направленную на срыв мероприятий партии и правительства, проводимых на селе партийными и советскими органами в западных областях Украины.

В связи с изменившейся тактикой банд УПА и ОУН пограничники усилили борьбу против украинских националистов, не давая им покоя в схронах и различного вида убежищах...

Начальник 2-й резервной заставы лейтенант Набиев, получив данные о наличии в лесу, что южнее Смольница, скро-на бандитов, 10 ноября 1944 г. с тремя пограничниками вышел в засаду. Зная, что в ночное время бандиты ходят в село, определил вероятное направление движения бандитов и, расположив наряд, начал вести наблюдение за лесом и кустарником, подходящим к селу. Примерно в 17.00 из леса вышло 4 бандита. Не обнаруживая засады, бандиты подошли к пограничникам на дистанцию 300 м и, постояв немного, начали было уходить в лес. Тогда Набиев подал команду: «Огонь!» Сначала последовал ответный автоматный и ружейный огонь, а вскоре утих. Стала неясной обстановка, и Набиев решил для выяснения ее выслать двух пограничников.

После того как Набиев дополнительно выслал по одному пограничнику слева и справа местонахождения бандитов, сам пошел вдоль дороги. Как только Набиев вышел из кустарника и начал подходить к лесу, он неожиданно столкнулся с бандитом, который выходил из-за куста на дорогу. Бандит, имея при себе облегченный ручной пулемет, замахнулся им, имея намерение нанести удар Набиеву, но последний ловким движением подставил приклад автомата и набросился на бандита. В рукопашной схватке бандит и Набиев друг другу наносили удары кулаками до тех пор, пока Набиев, находясь под бандитом, выбрав удобный момент, не выхватил имевшийся при нем финский нож и ударом в спину не заколол бандита...

Набиев за проявленные храбрость и отвагу в этой операции награжден орденом Красной Звезды...

24 декабря 1944 г. начальник 2-й резервной заставы лейтенант Набиев, имея данные о наличии в одном из домов в с. Кросценко бандитов, решил уничтожить эту банду.

Лейтенант Набиев вместе с кавалеристом 6-й заставы красноармейцем Ржанухиным (член ВЛКСМ), ворвавшись в дом, внезапно подверглись нападению 4 бандитов. Один из бандитов набросился на лейтенанта Набиева, свалил его на пол и начал душить. Красноармеец Ржанухин не растерялся: разделившись с одним бандитом, напавшим на него, сильным ударом приклада автомата нанес ему удар, а вторым взмахом приклада нанес удар по голове бандиту, вцепившемуся в горло Набиева, чем спас Набиеву жизнь. Остальные 2 бандита также были уничтожены в рукопашной схватке...

* * *

**Из докладной записки Управления пограничных войск
Украинского пограничного округа о деятельности банд
в Станиславской области**

12 мая 1945 г.

...Руководство банд УПА и ОУН в конце 1944 г. и начале 1945 г. развернуло в Станиславской области, и особенно в ее южных районах, широкую работу по формированию и обучению запасных сотен УПА, имея целью подготовить контингент для пополнения разбитых бандформирований в Львовской, Дрогобычской, Тернопольской, Ровенской, Волынской и Станиславской областях Западной Украины.

Для прикрытия формирования и обучения запасных сотен руководством УПА и ОУН сосредоточено в Станиславской области шесть куреней, кроме существовавшей широкой сети местных бандбоек и кущей самообороны, особенно в южных районах (Жабьевском, Косовском, Кутском, Яблуневском, Печенежском и Солотвинском)...

В процессе операции было установлено, что в Болеховском, Долинском, Иорегиньском и Калушском районах оперировали курени «УПА», «Журавли», он же «Снегири», численностью свыше 300 человек каждый, а также отдельная сотня «Довбуш» — до 140 человек. В районе лесного массива Черный лес, в Богородчанском, Солотвинском и Лисецком районах оперировал курень «Прут» (бывший курень «Рзина») общей численностью 250—270 человек. В южных районах области оперировали курени главарей «Недобитый», «Кныш», «Скуба» и «Манив»...

Перечисленные бандформирования действовали на коммуникациях действующей армии и вместе с этим прикрывали в южных, Жабьевском, Косовском, Яблуневском, Кутском, Коломыйском и Печенежском районах формирование и обучение 12 учебно-запасных сотен главарей «Квитко», «Грушко», «Гай», «Верховинец», «Кукол», «Гамалей», «Прутский», «Явир», «Богун», «Друша», «Бояринов» и «Галайда»...

Оружием всех систем, боеприпасами и обмундированием по договоренности руководителей УПА банды были снабжены венгерскими и немецкими войсками, что подтверждается показаниями захваченных сотенных и другими лицами руководящего состава УПА.

В ходе операций также было установлено наличие школы УПА для подготовки командного состава бандформирований.

Наличие школы командного состава и учебно-запасных сотен банд УПА в Станиславской области способствовало живучести оуновского подполья и бандформирований...

Начальник пограничных войск НКВД
Украинского округа
генерал-лейтенант *Бурмак*
Заместитель начальника внутренних
войск НКВД Украинского округа
полковник *Яхимович*

* * *

**Из сводки штаба 92-го пограничного Карпатского
Краснознаменного полка войск по охране тыла
4-го Украинского фронта о выявленных фашистских
разведывательных школах и о задержании пограничниками
группы немецких солдат и офицеров**

10 мая 1945 г. 20 час. 00 мин.

За последнее время немецкие разведывательные органы усиленно начали забрасывать свою агентуру в тыл действующей Красной Армии...

Установлено, что в с. Секуле, что 50 км севернее Братиславы, существовала немецкая разведывательная школа по подготовке разведчиков-диверсантов для шпионско-диверсионных действий в тылу действующей Красной Армии.

Вторая школа разведчиков-диверсантов при оккупации немцами вначале была организована на территории Польши в с. Суль, а позже при отступлении немцев передислоцировалась в г. Люкель Вальде, что 70 км южнее г. Берлина...

Эта же школа готовила руководителей банд УПА и ОУН и перебрасывала их в западные области Украины для борьбы с Советской властью.

Третья школа разведчиков существовала в г. Керхаин (Германия) и готовила агентов-диверсантов и агентов-радиостов для подрывной деятельности в тылу действующей Красной Армии...

В 7 час. 00 мин. 7 мая 1945 г. служебный наряд в составе 7 чел. под командой сержанта Шорникова, действуя по маршруту Френштат—Рожнов, встретил выходящую из леса большую группу вооруженных солдат противника. Сержант Шорников приказал составу наряда залечь, а сам с одним бойцом встретил солдат и предложил сложить оружие. Солдаты выполнили требование служебного наряда и без сопротивления сложили оружие.

В результате было разоружено 102 чел. солдат и офицеров противника. Из них: офицеров — 3, младших командиров — 5, солдат — 94. Отобрано оружия: легких пулеметов — 6, винтовок иностранного образца — 69, пистолетов — 4. Солдаты переданы на пункт военнопленных № 66, а оружие сдано военному коменданту г. Валаш Межиричи.

Командир 92-го пограничного Карпатского
Краснознаменного полка
подполковник *Блюмин*
Начальник штаба полка
подполковник *Смирнов*

¹ Датируется по содержанию.

² Датируется по содержанию опущенной части документа.

³ Р о й — банда УПА в составе нескольких десятков человек.

⁴ Ч е т а — банда УПА в составе нескольких человек.

⁵ Датируется по содержанию.

ОУН — НА ПУТИ ПОЗОРА И ИЗМЕНЫ

Ниже читателю предлагается рассказ про бандеровщину как таковую и организованную ею так называемую «Украинскую повстанческую армию» (УПА). К сожалению, до этого времени практически не опубликовано документов, которые бы разоблачали легенду, что якобы бандеровская ОУН после разгона «правительства» Стецька—Карбовича «разошлась» со своими хозяевами из абвера и, образовав УПА, боролась с гитлеровскими оккупантами.

По нашему мнению, также недостаточно открыта роль гестапо в образовании УПА и в использовании ее для борьбы с партизанским движением, а после изгнания гитлеровских оккупантов за пределы СССР— для шпионской и подрывной деятельности на территории западных областей Советской Украины.

К тому же в опубликованных документах не нашла освещения в достаточной мере и та зловещая роль, которую сыграл в истории образования и деятельности УПА митрополит Шептицкий. Тем временем полученные документы неопровержимо доказывают, что УПА— это провокационное образование гестапо, а митрополит Шептицкий в такой же мере, как и по отношению к мельниковской ОУН, до последне-

го своего дыхания был пастырем и наставником бандеровских убийц.

Итак, слово документу.

После того как гитлеровские хозяева запрестили бандеровцам играть в «украинское правительство», Бандера не разорвал связи с абвер-II. Аккуратно появляясь в назначенные дни на очередную явку к своим шефам и объясняя им, какой вред нанесли сами себе немцы разгоном образованного им «украинского правительства», Бандера подал новый донос фашистам. В нем указывалось, что разгон правительства Стецька значительная часть его сторонников называет «трагичной ошибкой». Поэтому появилось разочарование не только в немцах, но и в самой ОУН. Есть симптомы прямого неподчинения ему, Бандере, а значит, и немецким государственным чиновникам, то есть абверу. Иначе говоря, появилась крамола. Искоренять крамолу взялось гестапо вместе со службой безопасности СД. Прежде всего гестаповцы проверили действительные настроения бандеровской ОУН. Выяснилось, что крамола среди «недисциплинированной части» бандеровцев не только появилась, но и была более угрожающей, чем про то рассказывал их верный агент: среди низовых бандеровцев есть значительная группа обманутой молодежи, которая поверила обещаниям своих предводителей про то, что, вернувшись на Украину, будут строить «свою собственную соборную самостоятельную державу». Столкнувшись с действительностью на оккупированной территории, то есть со страшной ненавистью непокоренных советских людей к немецко-фашистским захватчикам и их пособникам из националистических банд, эта молодежь готовится учинить настоящий бунт против немцев, против самого Бандеры и Стецька.

Крамолу среди бандеровцев гестапо и СД решили истребить так, чтобы ее не осталось даже в зародыше. Гитлеровцы действовали быстро, с присущей им жестокостью и подлостью. Оуновский «вождь» получил от гестапо такой приказ: инсценировать свой переход на нелегальное положение. Возглавивши оппозицию, быть постоянно в курсе ее действий, выявляя при этом всех ее участников. Бандера и на этот раз послушно выполнил установку своих хозяев. Одновременно фабрикуется легенда, якобы Бандера и его «провод» (руководство) порвали с немцами. В подтверждение этого распространяются «подпольные листовки» и другая «нелегальная литература», в которой размещается позволенная гестапо обычная националистическая пропаганда, разбавленная критикой сомнительного сорта по адресу «вероломного союзника». Одновременно провокатор Бандера и

его «провод» в этих же листовках набрасываются не на оккупантов, а на украинских советских патриотов, которые защищают свою родину на фронте и в тылу, на нерушимое братское единство всех народов Советского Союза, льют грязь на символ надежды на победу над фашизмом всех поработенных народов и всего прогрессивного человечества — Москву, указывают «украинскому народу» гитлеровскую орду не трактовать как вражескую и не ставить ей никаких препятствий, призывают идти на Москву, «Москва есть наш враг № 1».

Не последнюю роль играло желание расправиться со своими конкурентами, чтобы получить от немцев наибольшие подачки. В некоторых «нелегальных» листовках Бандера и его «провод», отбрасывая обвинение мельниковцев в агентурной службе бандеровцев в абвере, полностью и очень резко, в свою очередь, перекладывали это обвинение на Мельника и его резидентуру. И снова-таки с позволения гестапо. Бандеровцы компетентно утверждают, что не они, а именно Мельник и его «провод» пребывают на агентурной службе у немецкой разведки. В доказательство приводилось множество фактов. Один из них свидетельствовал о том, что в начале 1942 года гитлеровцы отобрали наиболее надежных мельниковцев для пополнения контрразведывательной службы на Украине.

В свою очередь, отбиваясь от этих обвинений, мельниковцы не оставались в долгу и, называя бандеровцев «немецкими наемниками», разоблачали их деятельность то как агентов немецкой разведки, то как фашистских ландскнехтов. В запале этой междоусобной войны мельниковцы открыли даже содержание последнего задания своих соперников. Мельник, например, официально информировал членов своего «провода», что бандеровцам поручено играть роль провокаторов, а член этого «провода» Мартинец, выступая в Снятине, открыто оповестил про это более широкий круг националистов.

Явный недосмотр в дозволенной гестаповцами полемике только ускорил осуществление заранее запланированной инсценировки ареста оуновского вождя. С помощью этого трюка гестапо собиралось опровергнуть серьезные обвинения в адрес Бандеры, а самое главное, спасти своего агента от полного провала, так как запланированные гестаповцами дальнейшие меры, направленные против оуновских «крамольников», неминуемо привели бы к раскрытию его как провокатора.

Дело в том, что за недолгое время пребывания на якобы нелегальном положении Бандере удалось много сделать в этом направлении. Создав в соответственных пунктах по указаниям

гестапо вспомогательную агентурную сеть, он смог выявить основных оуновских «крамольников». Наиболее много их обнаружилось на Восточной Украине и на «оболшевиченной Приднепровщине». Именно там не один из оуновских молодчиков, столкнувшись с лютой ненавистью украинского народа к немецко-фашистским оккупантам, которые с невиданной жестокостью мучили и уничтожали советских людей, опомнился от ядовитого действия националистической пропаганды.

«Эти изменники нарушили «Декалог националиста» и заслуживают смерти», — вынес им свой приговор Бандера, передавая список гестапо. После уточнения через вспомогательную агентуру гестаповцы выявили почти всех оуновских «крамольников», а также их центральную фигуру — руководителя областного «провода» на Восточной Украине «Дмитра» (он же «Мирон» и «Андрей»).

Выявив всех «небезопасных» оуновцев, гестапо приступило к их ликвидации. Аресты производились одновременно на всей оккупированной территории Украины. Характерно, что Бандера и его сподвижники и тут смогли максимально использовать момент, бросив в сети гестаповцев нежелательных им людей. Гестаповская машина заработала по однообразной схеме. «Крамольников» наскоро допрашивали, податливых вербовали, стойких уничтожали. Правда, сперва руководитель «крамольников» «Дмитро», по выражению Степана Бандеры и Микола Лебеда «очень ловкий конспиратор», избежал гестаповских облав. Гитлеровцы организовали на него настоящую охоту. Этого все время требовали провокаторы Бандера и Стецько.

Несмотря на то что охота на него велась довольно солидно, она продолжительное время была безуспешной. И только 25 июля 1942 года гестаповцам, наконец, удалось напасть на его след в Киеве. Гестапо бросилось было взять руководителя оуновских «крамольников» живым. Но он хорошо знал, с кем ему придется иметь дело, и оказал отчаянное вооруженное сопротивление. В этой стычке «Дмитро-Мирон» был убит. Живым взяли лишь одного из его связников, который действовал под псевдонимом «Зруб». На допросе в гестапо арестованный оуновец заявил, что «Дмитро-Мирон» знал про устроенную на него охоту и имел точные доказательства провокаторской деятельности Бандеры, Стецька и Лебеда. Нет сомнения, что гестапо ознакомило с этими признаниями своих ставленников. Впрочем, они реагировали на это по-провокааторски. По их просьбам гестапо позволило им в «подпольных» бандеровско-оуновских листовках «в интересах дела» напечатать объявление об убийстве «Дмитра-Мирона».

Невероятно, но факт: жертвы провокаторской деятельности Бандеры, Стецька и Лебеда бандеровскими бандитами за рубежом еще и сегодня подаются как свидетельства придуманной борьбы оуновцев против немецких оккупантов.

Среди оуновских «крамольников» особую позицию занял родной брат Степана Бандеры Василь. Гестапо было вынуждено арестовать его за особо злостные призывы к борьбе с вероломными «союзниками немцами». По всему видно, что, завербовав такого ценного агента, как Степан Бандера, и абвер и гестапо не считали необходимым привлекать на службу его брата, тем более что он не представлял собой какой-либо ценности. Но гестаповцы недооценили поповича Василя Бандеру. После разгона марионеточного правительства, а главное, после инсценированного ареста Степана Бандеры его брат Василь просто осатанел. «Как, немцы разогнали правительство? Арестовали вождя? А обещания? К оружию! Надо отплатить обманщикам-немцам!» — вещал попович Василь, даже не подозревая того, что оуновский вождь и самодельный премьер сидят в ожидании своего времени не в тюрьме, а в комфортабельных виллах.

— Дайте мне возможность встретиться с братом, — просил Степан Бандера своих гестаповских шефов. — Я выбью у него из головы эти глупости. — И вскорости поповича Василя Бандеру гестаповцы привезли на виллу к родному брату.

— Что ты там натворил, брат, что тебя засадили в тюрьму? — такими словами встретил его оуновский вождь.

— А вот какая твоя тюрьма, — словно не услышав слов брата, сказал попович Василь, оглядывая его рабочую комнату.

Гестаповцы оставили их наедине. Степан Бандера подробно объяснил брату положение, но тот лишь обалдело слушал и, кажется, ничего не понимал. После долгих упрасиваний и наставлений гестаповский провокатор убедился, что все его усилия напрасны. Тогда он предупредил Василя: «Будешь иметь крупные неприятности. С ними шутить не приходится». И напоследок, уже в конце беседы, попович Василь словно прозрел.

— Знаешь, брат, — обратился он к Степану, — после моей работы в СБ Авеля из меня не выйдет. Но смотри, чтоб ты не стал Каином.

После этого свидания Василь Бандера осатанел еще больше и ни на какие предложения гиммлеровских комбинаторов не соглашался. Гестаповцам пришлось укротить обиженного в своих «наилучших чувствах» поповича Василя Бандеру. Его принудили замолчать — просто убили.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От издательства</i>	3
------------------------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1	
СЫН ВЧК	7
Глава 2	
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ	13
Глава 3	
ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	26
Глава 4	
УЧИТЕЛЯ, НАСТАВНИКИ, ДРУЗЬЯ	32
Глава 5	
ПОХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА МИЛЛЕРА	49
Глава 6	
РЕПРЕССИИ В ОГПУ—НКВД	63
Глава 7	
ПЕРЕБЕЖЧИКИ	124
Глава 8	
УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ	135
Глава 9	
РАЗВЕДЧИК-НЕЛЕГАЛ В ОУН	155
Глава 10	
ПО ЗАДАНИЮ СТАЛИНА	168
Глава 11	
ИСПАНИЯ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	181
Глава 12	
ЛИКВИДАЦИЯ ТРОЦКОГО	204
Глава 13	
СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА	
ПЕРЕД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ	272
Глава 14	
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ	335
<i>Приложения</i>	356

Серия «Досье»

Андрей Судоплатов

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГЕНЕРАЛА СУДОПЛАТОВА

Правда и вымыслы о моем отце

Книга первая

Редактор *А. В. Диенко*

Художественный редактор *В. В. Покатов*

Технический редактор *В. И. Тушева*

Корректоры *Н. М. Кочергина, М. Г. Курносенкова,*
И. И. Попова

Издание подготовлено к печати по автоматизированной
редакционно-издательской технологии на персональных ЭВМ
Оператор *Н. И. Меламед*

ЛР № 010006 от 28.10.96

ЛР № 070099 от 03.09.96

Сдано в набор 04.06.98. Подписано к печати 24.09.98. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 26,88 + вкл. 1,68. Тираж 25 000 экз. Заказ № 3664.

Издательство «Современник»
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

"Мне было тридцать, но я не научился сдерживать свои эмоции. Я был вне себя от радости и едва верил тому, что руководитель страны захотел встретиться с рядовым оперативным работником. После того как Сталин пожал мне руку, я никак не мог собраться, чтобы четко ответить на его вопросы. Улыбнувшись, Сталин заметил:

– Не волнуйтесь, молодой человек. Докладывайте основные факты. В нашем распоряжении только двадцать минут".

Павел Судоплатов

"...Через две недели после немецкого нападения на Советский Союз 5 июля 1941 года глава секретной службы Лаврентий Павлович Берия создал Отдел особых задач и назначил его начальником генерала Павла Анатольевича Судоплатова. На случай захвата Москвы он должен был разработать план убийства в ней Гитлера. Советы были убеждены, что фюрер, как в свое время Наполеон, захочет увидеть побежденную столицу".

Из немецкого журнала "Штерн"

ISBN 5-224-00137-4

9 785224 001378 >